

Поэль Карп

ГОСУДАРСТВО ПРОТИВ ОТЕЧЕСТВА

Книга 4

Новый старый порядок

2007—2010

Петербург
2019

Содержание

Несогласным входа нет. 27.12.07	4
Расстановка. 2.01.08	6
Сепаратист Дмитрий Донской. 19.01.08	10
Капитуляция, как путь к миру. 3.02.08	13
Долой самодержавие! Любое ! 16.02.08	16
Безмолвие, как сопротивление. 9.03.08	20
Лишь бы не горячая! 29.03.08	24
Голодомор в колонии и в метрополии. 14.04.08	28
Знание – сила. 30.04.08	32
Как выбирают мэра. 16.05.08	41
Развитие капитализма в новой России. 1.06.08	46
Певцы коллективной вины. 16.06.08	54
Впрямь ли КПСС лучше КГБ? 7.07.08	58
Глобализм предполагает сепаратизм. 24.07.08	63
Зеркало русской контр-революции. 11.08.08	71
Опять ограниченный контингент. 24.08.08	75
Сердца не чувствуют несчастья. 11.09.08	79
Царская вина. 27.9.08	84
Гайдар сознался. 15.10.08	89
Почва российского кризиса. 3.11.08	92
Власть левых – крайне правая. 20.11.08	97
Антиамериканизмом по русофобии. 15.12.08	104
Все вместе против всех по отдельности. 30.12.08	111
Кто против самозащиты? 16.01.09	121
Номенклатура и кризис. 30.01.09	129
Условия игры. 16.02.09	135
Чеченизация чего? 1.3.09	138
Победа над кем? 15.3.09	142
О праве русских на самоопределение. 31.03.09	148
Упущения общественного сознания. 20.04.9	156
Где жить? 3.05.09	164
Неправовая поляна. 17.05.09	167
Преступление в виде наказания. 31.05.09	171
Перспективы русской демократии. 15.06.09	176
Хотят ли русские войны? 1.07.09	180
Об чем разговор? 15.07.09	184
Зеркало одного убийства. 25.7.09	
189	
Имидж России. 8.08.09	193
Возможность спасения. 18.08.09	198
С богом к учебному году. 1.09.09	202
Кто виноват больше? 19.09.09	206
Свобода слова - не свобода клеветы. 5.10.09	211
Поворот кругом. 23.10.09	214
Что же делать? 7.11.09	218
Не убивай! 21.11.09	227
Стоит ли церемониться? 7.12.09	232

Двоякость русского национализма. 27.12. 09	239
Человек идеи. 15.1.10	246
Ющенко не Ельцин. 31.1.10	253
Обновление без перемен или крепостная свобода. 15.02.10	258
Украинский жребий. 1.03.10	266
Логика Новодворской. 15.03.10	270
Отчего народ безмолвствует? 31.03.10	278
Убийство в метро. 5.04.10	285
Загадка Катыни. 15.04.10	288
В тоске по договору. 30.04.10	293
Кто победил? 9.05.10	298
Обитаемые острова. 20.05.10	304
Превращения абсолютности. 5.06.10	311
По закону беззакония. 20.06.10	316
Не переходя на личности. 7.07.10	323
Мюнхен в Вашингтоне. 5.08.10	331
Да здравствует добровольная Россия! 29.08.10	336
Оппозиция в России. 25.09.10	344
Цыганская жизнь. 18.10.10	350
Украденная революция. 7.11.10	353
По каким понятиям? 27.11.10	357
Не воробей. 19.12.10	363

Несогласным входа нет! 22.12.2007

Итак, ЦИК и Конституционный суд сплотились, чтобы не включать Владимира Буковского в избирательный бюллетень. Он может протестовать, и делать это нужно, но в бюллетень его имя не войдет. Бог знает, был ли шанс на его избрание на президентских выборах, как и думские, заведомо не свободных, не дающих равного доступа на телеэкран. Но на этот пост ни разу не баллотировались люди, подобные Сахарову, или прежнему, еще не принимавшему из рук ГБ премий и орденов, Солженицыну, или Сергею Ковалеву. Буковский стал бы первым, и не исключено, что избиратели, обычно не ходящие на выборы, тут бы и пошли, и за него голосовали. Не будь на это шансов, как сразу внушали Белковский или Орешкин, господин Чуров не марал бы имидж нашей Родины и «суверенной демократии», вопреки Конституции, отказывая даже в регистрации, а напирал бы на любовь к Луговому.

Утверждая, что кандидату в президенты надо десять лет жить в России перед выдвижением, хотя Конституция в статье 81 не говорит «перед выдвижением», господин Чуров отвлекся от того, что Буковский выбыл из России не потому, что эмигрировал или поехал за «длинным долларом», как нынче многие. Даже политический эмигрант, как Ленин, был правомочен добиваться руководства страной, лишь бы на честных выборах. У Буковского на это еще больше прав, чем у Ленина, поскольку он и не уезжал, его насильно вывезли.

Буковский тем и знаменит, что боролся среди прочего за то, чтобы главу государства не ставило Политбюро, а свободно избирали граждане. За это его сажали в психушки и выкинули из страны. При подсчете стажа военнослужащих, месяц на фронте шел за три месяца обычной службы. Так бы считать и борцам за свободу годы в психушках, в лагерях, в изгнании. У Буковского 12 лет тюрем и психушек и уже к 1991 - 15 лет изгнания. Но ему эти годы не прибавляют, а вычитают.

А все потому, что после демонстративного отказа в 1991 от советского порядка, еще до назначения Путина президентом, начался постепенный возврат к иной его форме, без былой идеологии. От прежнего у нас два существенных отличия: страна вдвое меньше, а нефть в десять раз дороже. Будь такие цены при Горбачеве, перестройки бы не было, Буковского не пускали бы в Москву, не то что в президенты. Но теперь его имя в избирательном списке позволило бы выяснить, согласна ли Россия с начавшейся реставрацией.

Господина Чурова это не волнует. Он, видимо, искренне считает, что Буковский не герой, а нежелательный элемент, по давнему стишку - хулиган, даром что приравненный к Луису Корвалану, одному из вождей чилийской революции. Но искренность полезна, даже если признания не радуют, и выясняется, что выборами у нас руководит стойкий советский человек, и страна все та же, другой нет. Недавние выборы в Думу отличались от выборов в Верховный Совет лишь художественным

оформлением. Появилась показная многопартийность, а с ней прямые фальсификации, при советских выборах из одного не нужные. Но само умножение демократической показухи таит в себе признание, что без постоянного выбора, без различия вариантов, а только по указаниям ЦК или по «плану Путина», Россия жить не может.

В Политбюро тоже не все были дураки. Косыгин еще в шестидесятых предложил какую-никакую хозяйственную реформу. Однако, его коллеги сочли, что и легкие отклонения от всеобщей вертикали рискованны. Советская власть не терпела легальной альтернативности, и диссидентство стало единственной. Но в 1991 власть перешла не к диссидентам, а к другому слою номенклатуры во главе с кандидатом в члены Политбюро Ельциным. Его так называемые реформы не изменили суть режима, не отняли у государственной и партийной бюрократии возможность все решать за всех, а для успеха хозяйства и благополучия страны люди и их избранники на местах должны сами решать, как им жить. Без этого Россия опять повисла на чекистском крюке, оформив реставрацию, как передачу Ельциным власти главе ФСБ Путину. И страна опять оказалась в том состоянии, в какое угодила, когда в Будапеште танки давили оттепель, а в Праге - реформу Косыгина. Легальной альтернативы опять нет.

Социал-либеральная партия «Яблоко», поняв, что возврат власти к былому вынуждает смелей возрождать открытое инакомыслие и сопротивление, поддержала Буковского. Другим демократам – «самовыдвиженцам» не дали даже провести собрания инициативных групп. Исключением стал лишь Касьянов, сперва служивший при Путине премьер-министром, а после увольнения склонившийся к демократии.

Буковского остановили, ссылаясь на проживание за рубежом и двойное гражданство, вполне дозволенное 62й статьей Конституции, и слова не говорящей об утрате гражданами каких-то прав при получении второго гражданства. Но Конституционный суд счел ограничение их избирательных прав обоснованным. Суд рассудил: «Подчиненность депутата не только суверенной воле народа РФ, но и народа иностранного государства, не согласуется с конституционными принципами независимости депутатского мандата». Но ни россияне, ни британцы, пока их не избрали в правящие органы страны, не связаны «суверенной волей народа». Как частные лица, мы по Конституции, а британцы по традиции, свободны. Претендуй Буковский быть разом депутатом и британского, и российского парламента, такое заявление еще можно бы понять, но в Британии он – частное лицо, и на посту президента РФ подчиняться суверенной воле британского народа не обязан. Заявление Конституционного суда лишь выдает понимание им того, что российские граждане не свободны и обязаны подчиняться «суверенной воле народа», якобы воплощаемой вертикалью власти. Видимо, господину Зорькину иначе не оправдать отказ Буковскому в регистрации.

Мы не знаем, собрал ли бы он два миллиона подписей, был ли бы и тогда внесен в бюллетень для голосования, не знаем, как бы голосовали, как считали бы голоса. Но власть не дала это выяснить, не допустила выбора между советской вертикалью и реальной демократией. Она вернула нас в

1985 год, когда гонения на диссидентов стали стихать, но Сахаров и другие правозащитники народными депутатами еще не стали. Это говорит о настоящем и будущем России несопоставимо больше, чем то, кто станет новым президентом, Медведев, Зубков, Иванов, кто-то еще, или с полной откровенностью сам Путин. Кто из них – не имеет значения, Можно одного величать либералом, другого – силовиком, но важнее видеть, что все они, по советскому образу и подобию, хотят «морально-политического единства» и твердят, что власть, собравшая (не будем даже здесь выяснять честным ли образом) больше голосов, не только продлевает еще на четыре года свое правление, но обращается в исчерпывающего и неоспоримого выразителя интересов страны и народа. А оппозиция, критики власти, собравшие меньше голосов, тем самым обращаются не просто в политических оппонентов власти, но во внутренних врагов народа и страны. За рубежом уверяют, что недавние речи Путина в Мюнхене или в Лужниках – всего лишь пропаганда, Но отказ избирателям в праве проголосовать за Буковского показывает, что это не пропаганда, а программа. Президент России слов на ветер не бросает. Пора это понять.

Расстановка 2.1.2008

Процедура переоформления Владимира Владимировича Путина, как Верховного Правителя России, именуемая выборами президента, началась. Путин в ней движется бочком, как бы подтверждая, что он не диктатор, не царь, - и в Александровскую слободу отъезжавший демонстративно, но лишь модератор правящей силы.

Выступая в Лужниках, Путин сам дал ее автопортрет, а его старый друг Черкесов красочно назвал ее чекистским крюком. В СССР не сразу бросалось в глаза, но всегда висело в воздухе насилие, поддерживавшее послушание населения партии большевиков. Насилие чинили чекисты, - по слову Ленина, вооруженный отряд партии, с середины двадцатых контролировавший лично ее генеральным секретарем Сталиным. Вопреки позднейшей пропаганде, из под его контроля чекисты никогда не выходили. Ныне власть принадлежит этому отряду, а партия отстранена. Контроль кончился. Чекисты стали самостоятельны.

Воспитанники партии, они тоже убеждены, что вправе строить общественный порядок по своему усмотрению, не озираясь на общество. Нова лишь их бесконтрольность да еще небрежность. За рубежом без промедления раскрыли причины гибели Яндарбиева и Литвиненко. Последнего лишь потому, что вероятность опознания полоня, его убившего, не была заранее взята в расчет. Но причины гибели Холодова, Старовойтовой, Юшенкова, Щечокчихина, Политковской и других наши органы, именуемые правоохранительными, не раскрывают. А прежде, под контролем партии, старались и за рубежом не оставлять следов, и в отечестве убивали в отведенных на то местах, а не в подъездах или на улице.

Мировоззрение не изменилось, но идеология рухнула, и ей на смену поощряют религию да возвращенный еще партией шовинизм. Однако хозяйством, обретшим новые формы, по-прежнему руководит государство,

лишь откровенней и щедрей обогащающее чиновников и управителей промышленности, объявленных свободными предпринимателями. Это главное.

Наш режим часто бранят за криминальный государственно-олигархический капитализм. Все эти слова не точны, даже слово «криминальный», хоть власть, как правило, и впрямь не соотнобразуется с законом. Но советский режим, небось, не звали криминальным, хоть и там царило беззаконие. Великий террор - не нарушение социалистической законности, каковой не было в природе, а проявление сущности тоталитарного порядка, отсутствия там реальной законности. Преступать закон искони значило перечить государству. У нас государство – очаг беззакония, требующий следовать не закону, а любой своей воле. При Путине еще откровенней, чем при Брежнев.

Неверно и называть его капиталистическим, тем паче, государственно-капиталистическим. Капитализму присуща частная собственность на средства производства, которой владелец распоряжается по своему усмотрению, а не, как у нас, по велению государства. Государство там тоже выступает как один из частных собственников, в чем государственный капитализм и состоит. Но, вознесясь над собственниками и самим понятием собственности и руководя всем хозяйством, государство лишает его свойств капиталистического, и, тем самым, лишает себя возможности быть капиталистом.

Не назовешь режим и олигархическим, - не Абрамович и Потанин диктуют Путину, а он расставляет их по местам. Березовскому, пытавшемуся диктовать, пришлось бежать, а Ходорковский, пытавшийся жить не под диктовку, - в местах отдаленных. Не видеть этого можно лишь закрыв глаза.

Этот режим родственно похож на большевистский, главные качества советского государства в нем живы или возрождаются. Но иные все же ушли, возможно, навсегда, как декоративный марксизм с его псевдо-интернационализмом. Пролетариев всех стран уже не зовут соединяться, и держатся покамест российской почвы, что и побуждает видеть в нем нечто вроде национал-большевизма.

Не все другие силы видны, и не все они оппозиционны. К оппозиции часто относят охвостье советского порядка, КПРФ, не признающую, что успехи Путина в его возрождении – максимум ныне возможного, и жаждущую полного реванша. Оставшись без чекистов, без органов прямого насилия, партия изрекает словеса, за которые прежде карала, и сетует, что выборы не свободны, хоть в нынешних выборных спектаклях все же несколько показных кандидатов на место, и, хоть реального выбора по-прежнему нет, но нет и абсурда выборов из одного. Не приходится думать, что воротясь к власти коммунисты станут иными, чем были там прежде. С Путиным они спорят не о принципах, а о том, кому персонально рулить. Разнятся разве что детали. Что же до хвалы Сталину и отказа безоговорочно осудить роль своей партии и верных ей чекистов, так и Путин говорит: «Мало ли что было». Нелепо принимать коммунистов за оппозицию и за них голосовать,

как зовет откровенный национал-большевик Лимонов. Если нет выбора, нечего и выбирать.

Реальную оппозицию можно опознать лишь по отношению к коренным социальным проблемам. В 1917 году главными были аграрная и национальная. Временное правительство, медля с их решением, накликало Октябрь, а Ленин первым делом провел Декрет о земле и Декларацию прав народов России, обеспечившие ему потом победу в гражданской войне, начавшейся после разгона Учредительного Собрания.

Разогнав его без назначения новых выборов, большевики показали, что волюнтаристские планы им важнее воли общества. Принимая первые декреты и проводя свободные выборы они считались левой партией, стремящейся к общественному самоуправлению. Менее, чем через три месяца после Октября они показали, что не собираются выяснять, согласны ли российские граждане, чтобы большевики силой держали власть. В тот миг они навсегда обернулись правой партией силы, отвергающей претензии населения определять, кто и как правит страной. Такое преобразование крайне левых в крайне правых произошло тогда впервые в истории, и они еще не сознавали, что сами растопчут Декрет и Декларацию, давшие им власть, и не ведали что, вообще, впоследствии. Январский государственный переворот 1918 года все еще не вполне осознан, отчего не менее право-консервативную, чем путинский режим, КПРФ все еще называют левой партией.

На деле в России среди сколько-нибудь массовых партий лишь одна - левая, и то не радикальная. Это социал-либеральное «Яблоко». Оно привержено основополагающим понятиям либеральной Европы - экономической свободе и социальным гарантиям. К сожалению, эта партия, понимая реваншистскую природу КПРФ, долго пребывала в плену иллюзии, будто в чекистах реваншизм не столь силен, и надеялась на легальное и честное состязание своих разумных доводов с их демагогией. Лишь характер последних думских выборов побудил ее признать нужду в сопротивлении, и, не выдвинув сама кандидата в президенты, она поддержала Буковского, как раз и звавшего к преодолению советского наследия, как неумолимому условию процветания России.

Союз правых сил - тоже либеральная партия, тоже за свободные выборы и тоже против коммунистов, но числит их левыми, почему и назвал себя правым. Такой расклад он принял не зря. Своей «приватизацией» лидеры Союза сверху строили капитализм для пятидесяти, пусть даже пятисот, «олигархов», не распахнув ворот массовому капитализму, лишь со временем дорастающему до концернов и монополий. И правящей силе они поверили не по глупости, а разделяя с ней упования на государственное руководство «олигархами».

Декорирующие правящую силу «Единая Россия» и «Справедливая Россия» самостоятельного значения не имеют. Иное дело либеральные демократы Жириновского, тоже, еще при Горбачеве, искусственно созданные, о чем говорит уже их наименование, не соответствующее с действиями. Им надлежало перехватить либерально настроенных избирателей. Но более демократических инициатив они не поборили. Зато

вдохновили избирателей, тоскующих по откровенно-правой тоталитарной власти. За отданными им голосами различимы еще более бесстыжие фигуры того же толка, что Жириновский, но скорей зловещие, чем шутовские. Правящая сила до поры не хочет их выхода на широкую партийно-выборную арену, но поощряет, как закулисную угрозу, на фоне которой надеется выглядеть меньшим злом.

Нет в открытом политическом спектре и либеральных коммунистов, каким еще в рамках КПСС отчасти выглядел уже Горбачев, и еще больше А.Яковлев, Шеварднадзе, Бразаускас и другие. На переходе из СССР в Россию в партии возобладали безнадежные реакционеры. Даже Горбачев продвигал на пост главы Верховного Совета России Полозкова, лидера выделенной из КПСС Компартии РСФСР, предварившей КПРФ. Российские коммунисты, в отличие от польских и даже гэдээровских, не отреклись от своего порядка, не оглянулись на социал-демократию, от которой еще до революции отпали, и которую Ленин после скинул, как «грязное белье». Попытка Горбачева стать потом социал-демократом была напрасна оттого, что ушли слишком далеко.

Остро ныне недостает российской политике наследников диссидентства. Они уже в 1991 году не были самостоятельной силой, растворясь в разных партиях и движениях и развеяв свой общий мотив – свержение советского самодержавия со всеми его институтами. Отчасти поэтому за августовской попыткой реванша и последовала не революция, а перехват власти иным слоем номенклатуры, вздернувшей потом Россию на чекистский крюк, никем уже не контролируемый.

Стабильной нынче именуют политическую расстановку, в которой из пяти названных тенденций телевизионная и прочая пропаганда внедрила в массовое сознание «двухпартийного» Путина, Зюганова и Жириновского, за спинами которых набирает силу откровенный тоталитаризм, а какая-то оппозиция – лишь вялое «Яблоко», отчасти «Союз правых сил» и отдельные одиночки, даже без либерального коммунизма и диссидентства. Сказывается общая апатия стократ обманутых и лишенных проверяемых ориентиров людей и, конечно, бешеные цены на нефть и газ. Но так не будет вечно. Мы не знаем, - псевдо-выборы не проясняют, - какая тенденция более притягательна. Никакой не верят вполне, ждут прояснения, и, можно лишь гадать, прозреют ли по мере обнажения режима или ввиду внезапного обвала какой-то из его опор, не обязательно стоимости нефти и газа.

Сегодня смысл политической деятельности в анализе и демонстрации природы действующих в обществе сил и в осознании и соизмерении с текущей политикой социальных потребностей страны и ее проблем, не только потребительских и модернизационных, но оставшихся с 1917 года - от возрождения зажиточного и продуктивного крестьянства, загубленного сталинской коллективизацией, до самоопределения народов России, начиная с русского, чтобы им не править друг другом и не подчиняться друг другу, а, налаживая равноправное сотрудничество, переходить от исключительности одних и русофобии других к взаимности.

Западную веру, христианство, еще тогда не расколовшееся на греческое и латинское, а потом атеистический марксизм, хороши они или худы, Россия перенимала не как модную парижскую шляпку, не затем, чтобы походить на западных див, а по своей нужде. Западной она была и без этого, славянские племена строили на Днестре и Волхове города, сопоставимые с германскими. В чужих миропониманиях и искусствах страна искала, и не вовсе безосновательно, ход к совершенствованию своей жизни, гениально или нескладно преображая их на свой лад. В XVIII и XIX веках она набиралась общего для Европы, а в XX парадоксально обратила заемный марксизм в барьер для других, шедших оттуда же понятий. Нам бы их ныне не имитировать, как выборы, а хотя бы понять. И понятней станет, почему Европа живет лучше нас, хоть мы богаче, - при царях кормили ее хлебом, нынче поим нефтью, а сами бедствуем и презираем ее за то, что печется о благополучии больше, чем о величии. А что бы и нам так? Величие России бессмертно и не сгинет никогда, но ее мужчины смертны и не доживают до пенсии.

Сепаратист Дмитрий Донской 19.1.2008

Министр иностранных дел России Лавров настаивает, что независимость Косова создаст опасный прецедент и поощрит сепаратизм в других регионах. Глухота к стремлению людей отпасть от империи, не считающей их за людей, не удивляет, - империю ныне чтут многие, от Дугина до Чубайса. Удивляет нужда в Косове, как прецеденте. Будто не отпадали Северные провинции Нидерландов или Соединенные Штаты Америки.

А за независимость воевали не только ради смены социального строя. Предтечей косоваров был и Дмитрий Донской на Куликовом поле, и Иван III на Угре, желавшие выйти из монгольской империи. И на другом конце Европы - Реконкиста, отвоевывавшая Испанию у арабов, - десятью годами поздней освобождения Руси отвоевали полностью. Никто не гадал, что сто лет спустя Испания вцепится в Нидерланды. Лавров все это, конечно, знает, но не называть же Дмитрия Донского сепаратистом. Министру не подобает быть анти-патриотом. Но меж сепаратизмом и борьбой за независимость нет разницы.

Косово хочет независимости. Прежде хотело автономии, но после расправ сербской власти, только независимости. Я видел косовских албанцев, которых выгнали из домов и вынудили бежать, уступать «жизненное пространство». Югославия строила социализм по советскому примеру, хоть менее жестоко. Характер ее, начавшегося раньше, выхода из коммунистического тупика предсказывал, что грозит нам. Беловежское соглашение эту угрозу отсрочило. Я спрашивал албанцев: «Давно это все?» А они хвалили Тито, хоть его система потом не помешала лишиться край автономности. Один говорил: «Тито был коммунист, не то что Сталин», а другой - «Он был хорват, а не серб», словно Сталин не был грузин, а милосерден ни к другим народам, ни к грузинам, не был.

С правом наций на самоопределение всё никак не разберутся. А то и слышать о нем не хотят, ссылаясь на то, что им, по своим политическим соображениям, манипулировали и президент США Вильсон, и Ленин. Но оно много старше обоих. И коренится не в природных различиях, а в

неравномерности общественного развития. Повседневный шовинизм сделал понятия «нация» этническим, расовым и государственным. Но в одних государствах столетия общей жизни перемешали людей разного происхождения в единый народ, хоть и разделяемый социальными распрями. А в других, владевших колониями, не отделенными морями, а как бы вобранными в себя, как Сербия или Россия, не только не сложился единый югославский или единый советский народ, но и сербский, и русский, поставленные в ложную позицию «первых среди равных», не совершили самоопределения. Вот в Сербии и хотят удерживать Косово, где 90% жителей – албанцы, а в России вопят: «Россия для русских!» То есть, и Татарстан, и Чечня, и Бурятия, для русских!

Косово хотят видеть прецедентом для легального ухода Абхазии и Южной Осетии из Грузии и Приднестровья из Молдавии. Прецедентов, как видим, и без Косова хоть отбавляй, их обесценивает даже не то, что в Косове живет два миллиона, а в Абхазии и Приднестровье по пятьсот тысяч и в Южной Осетии даже меньше ста. В Европе есть государства еще меньше. Однако в Абхазии из пятисот с лишним тысяч жителей перед приходом Горбачева было всего 83 тысячи абхазов, а грузин, какую перепись ни возьми, всегда в два с половиной раза больше. Сейчас большинство их насильно изгнано из Абхазии, но это не повод для независимости. Найдись в Абхазии район, где абхазы составили бы даже не большинство, а хоть половину населения, он имел бы право отделиться, не оглядываясь на Косово. Но чего нет, того нет, и свобода Косова не уравнивает 16% абхазов с 90% албанцев.

Произвол, чинившийся абхазскими боевиками с помощью друзей из России, в числе которых был и знаменитый Шамиль Басаев, - не юридический довод. Еще отверженный ныне Энгельс как раз о России сказал: «не может быть свободен народ, угнетающий другие народы». Не то, что наши патриоты вовсе лгут, твердя об успехах Российской империи. Успехи были! Они лишь умалчивают, что родившуюся при Иване Грозном империю сразу оплачивали закрепощением русского народа. Их это, как говорится, не колышет. Их патриотизм перерос в русофобию, в презрение к русскому народу, который, якобы, и шагу не может ступить без руководства дворян, партийных секретарей, «элиты» из бюрократов и «олигархов» или чекистского крюка. Опершись на него, Советский Союз стал одной из двух сверхдержав, покорил пол-Европы и многое в Азии. Величия было хоть отбавляй. Однако валовой внутренний продукт на душу населения в нашей сверхдержаве был в разы меньше, чем в другой. Оттого и напряжение ради паритета и превосходства в военной мощи привело к тому, к чему привело. А еще не конец, еще только нефтяная отсрочка.

Югославия такой отсрочки не получила. Она разделилась летом 1991 года. Словения и Македония ушли относительно легко, Хорватия и Босния воевали с Сербией, с ней осталась лишь Черногория, отколовшаяся пятнадцать лет спустя. Косово, не республика, а лишь автономный край, формально не имея права отделиться, активизировалось в конце девяностых, и яростную атаку Милошевича пресекло лишь НАТО, установившее там временный протекторат. Не то что албанцы или

боснийцы не отвечали потом на жестокость жестокостью, но их первых мирных обращений не слышали.

А пора понять, что, отстаивая право владеть Косовом, да и Черногорией, Милошевич со своими имперскими амбициями, от которых не отреклась и нынешняя сербская власть, пренебрегал тем, что только отказ от них и поиск мирных путей югославского разделения способен привести к мирному соединению Сербии с сербскими районами других республик, - республикой Сербской в Боснии и Сербской Крайной в Хорватии. Зловещую роль сыграла подобная нашей ориентация на административные границы автономий, а не реальное расселение народов. Наш министр, защищая сербскую власть над Косовом, тоже не видит, что уступка Косова способствовала бы самоопределению сербов. А мог бы и потребовать согласия на такое решение от Америки.

В наших иностранных делах отдается внутренняя политика, исходящая из советского формального деления республик на союзные и автономные, которые Сталин, чтобы осадить национальные характеры, нарезал, включая туда русские районы, а национальные - в русские области. Россия, прожив почти четыре президентских срока самостоятельно, могла бы уже административно оформить реальное расселение народов, да и преодолеть дробность русских областей, воссоздав исторически складывавшиеся регионы, способные себя кормить, не томясь в ожидании спускаемых по вертикали подачек. Даже административная область обретает свой общий интерес, а с ним и достаток, лишь сообразуясь со своим развитием и его возможностями. В русских степях неизбежно живут иначе, чем на русском Урале, и хотят разного, хоть и там, и тут живут русские. И людям, по своей воле вселяющимся в чужую страну, надо тоже вносить свой вклад в общую жизнь, в нее вращать, что и отличает от них завоеванных и покоренных, право которых жить своей жизнью не меньше права современников Дмитрия Донского.

Оно и питает национальное государство. В ставших буржуазными Нидерландах или Англии его крепил единый рынок, а в Арабских эмиратах соучастие, пусть не равное, в дележе нефтяных богатств. Самостоятельное государство – способ жить лучше и предлагать другим свои достижения. Эквивалентный обмен ими и ведет к глобальности, к тому что весь мир вступает в состязание за то, чтобы производить продуктивней, дешевле и лучше. Еще до мирового масштаба этому способствуют равноправные союзы, и в Европейском выровнялись даже отношения Англии и Ирландии. Глядишь, и независимое Косово поладит с Сербией. Ради равноправия и независимости голландцы и французы отвергли конституцию, обращавшую союз в единое государство, в империю, пагубную для всех, кто бы из равных ни стал в ней первым.

Распад России огорчил бы не только наемных патриотов, а распад Союза людям горек не геополитическими, а личными последствиями. Чувство горечи и заставляет помнить, как рушились надежды на добровольность Федерации и еще Советского Союза, на то, что, как потом в Европейский Союз, туда будут рваться, а силой удерживать никого не будут. Мы не знаем, сколько жизней и денег ушло, чтобы поставить и держать Кадырова. Но Чечня для России все равно, как в толстовском «Хаджи-

Мурате», открытая рана. Если министр Лавров добьется своего, Косово и впредь будет такой для Сербии. А хотелось бы не только албанцам или боснийцам, но и сербам пожелать самоопределения и мира, которым ничто не вредит больше, чем имперские повадки. Ничего опаснее для Сербии нынче нет. И для России тоже.

Капитуляция, как путь к миру 3.2.2008

Британскому Совету, культурно-просветительской организации работающей по всему миру, велели закрыть отделения в Петербурге и Екатеринбурге, и они закрыты. Русских сотрудников вызывали в ФСБ и навещали налоговые инспекторы. Им объясняли, что их ждет, если будут продолжать работу. Российская власть прояснила этим свою позицию. Но глава Британского Совета Дэвидсон и министр иностранных дел Великобритании Мэлибэнд квалифицировать ее позицию не стали.

Господин Мэлибэнд, правда, сказал, что Россия поступила «недостойно великой страны». Но это оценка, а не анализ того, почему великая страна такую позицию заняла и чего теперь ждать. А надо бы разобраться, первична ли тут атака на Британию или на свободу российских граждан, не одних сотрудников Совета, и не только учащихся языковых групп.

Россия и Британия расходятся не по мелочам. Искреннее желание Путина и Блэра дружить не помогло. Мешают коренные расхождения в понятиях о государстве и праве, и, среди прочего, в том, что Британское правительство обязано считаться с решениями независимого суда, а в России разделения властей нет, власть, не верит, что оно бывает, и убеждена, что и Британское правительство может пренебречь решениями суда. А суд не выдал России ни Березовского, бывшего покровителя нашего Президента, ни Закаева, министра иностранных дел непризнанной Ичкерии, поскольку этого не разрешает британский закон.

Другая правовая нестыковка еще глубже. В Лондоне убили Литвиненко, бывшего сотрудника КГБ. На службу в КГБ попадали по-разному, даже по призыву, и служба там никого не красила. Но одни ею гордились и вышли в Генсеки ЦК КПСС и в Президенты России, а другие осознавали ее преступность и отходили. Литвиненко отказался исполнять приказ, который счел преступным, и бежал в Англию. Чтобы другим неповадно было, его отравили полонием, следы которого вели к Луговому и Ковтуну, прежде тоже сотрудникам КГБ. Убийство объясняют по-разному, чуть ли даже не личным приказом президента. Британская полиция обвинила в убийстве лишь Лугового. Неизвестно, есть ли у нее доказательства, что Луговой сам и подсыпал Литвиненко полоний, а не был лишь наводчиком. Но, что убийство – дело российских спецслужб, стало очевидно.

Стало очевидно из-за пренебрежения сотрудников ФСБ тем, что полоний оставляет следы, и, пользуясь им для тайных отравлений, стоит быть осторожной. Схожую небрежность проявили в Катаре, где убийц бывшего президента непризнанной Ичкерии Яндарбиева успели даже схватить. Но наши столкнулись с властями Катара, и убийц отпустили. А британское право, иное, чем в Катаре и России, не допускает в таких случаях сговора правителей, и российские власти, вопреки очевидному, упрямо отрицают

причастность к происшедшему в Лондоне. По сей день они твердят: «Не мы инициировали кризис в отношениях с Великобританией», ожидая, что Британия признает не стоящей внимания мелочью убийство, совершенное на ее территории иностранной спецслужбой, то есть, признает не только за Россией, но и за другими странами, право на такие убийства.

После отказа выдать Лугового Британия выслала четырех наших дипломатов. Российские власти, естественно, выслали четырех британских. Этим бы и ограничиться. Но наши политики не стали дожидаться случая, когда общие интересы двух стран позволят, если не разрешить конфликт, то, как часто делают, снять его с повестки дня. Они, напротив, сами конфликт усердно разжигали, настаивая, что уже требование выдать Лугового равнозначно требованию отменить нашу Конституцию, не допускающую выдачи российских граждан. Между тем, статья 15 Российской Конституции внятно говорит: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Россия заключала с Европейским Союзом договора о выдаче преступников, и надо исходить из того, что сказано там. Назначение Лугового в Государственную Думу стало открытым вызовом. Агрессивностью прикрывают явный прокол спецслужб, а это лишь марает нашу страну, толкая верить, что Литвиненко убили по высочайшему повелению.

Российская власть ведет себя за рубежом, как в России. А гордая Британия робеет четко объяснить, что у нее другие нормы, и соблюдение их - нерушимое условие сотрудничества, в котором обе стороны заинтересованы. Можно как угодно бранить Россию за убийства Яндарбиева и Литвиненко, изгнание Британского Совета и другой ущерб, причиненный иностранным государствам, фирмам и гражданам. Но абсурдно принимать другую страну за резвого шалуна. А господин Мэлибэнд словно не знает, что шалуна своим попустительством избаловали западные державы.

В Британии, чтобы создать организацию, иностранец, равно как местный житель, должен лишь уведомить власть. Там без помех создали и центр пропаганды российской культуры Россика, и организацию выходцев из России при российском посольстве. Дождаться подобного в России Британское правительство не надеялось и даже после принятия новой Конституции, установившей, схожий порядок, заключило в 1994 году специальное соглашение о рамках работы Британского Совета, и Россия при прежнем президенте, и при нынешнем, его соблюдала. Но захотела нового соглашения, когда изменила внутреннюю политику.

Коренные расхождения двух стран обострились из-за того, что Россия возвращается к советским порядкам. Их, понятно, не буквально копируют, но в новых формах возрождают их сущностные свойства. Это и создало казусы Березовского, Закаева и Литвиненко. Во внутренней жизни возврат, быть может, полней всего выражен законом о некоммерческих организациях, деятельность которых ограничили и полностью контролируют. В России опять невозможны независимые организации, да еще субсидируемые из-за рубежа.

Известно, что внешняя агрессивность обычно вызвана внутренней жизнью. Причиной холодной войны были не личные качества Сталина, Хрущева или Брежнева, а советский строй. Он покорял страны, по слабости и отсутствию поддержки, не способные защититься, и устрашал этим остальные. Концом холодной войны сочли надежду, что строй изменится. Однако, ни так называемая приватизация, ни бешеные деньги за нефть и газ, не умили руководящую роль нашего государства в хозяйстве и культуре. Строй, а не личные качества Путина, толкнул Россию к новой холодной войне. Недавнее заявление начальника Генштаба генерала Балуюевского о готовности нанести превентивный ядерный удар по странам, представляющим для России угрозу, зашло достаточно далеко, чтобы считать, что Россия новую холодную войну уже ведет. Во время прежней так не говорили. И Хрущев, и Брежнев, говорили, что никогда не применят ядерное оружие первыми. Можно было им не верить, но было ясно, что они, во всяком случае, сознают, что на ядерный удар надо ждать ответа. Генерал Балуюевский этим пренебрегает, а едва ли он говорил, не спросив у Верховного Главнокомандующего.

За 20 лет мир изменился. Он вряд ли снова разделится на два лагеря во главе с двумя сверх-державами. Многие страны уже сами ядерные, и не будут пассивны. Чтобы не угодить из холодной войны в горячую, придется уточнять свое поведение, и Британии, сочтенной в России вечным врагом, может помочь опыт с Британским Советом.

Какие упреки, кроме формальных, брошены в благодарность за расширение знакомства с английским языком и культурой Британии? Звучали обвинения в том, что некие соотрудники Совета собирали открытую информацию о происходящем в нашей стране. Но ее могут собирать и сотрудники частных британских фирм, - или их тоже вышлют? Ее могут собирать и наверняка собирают сотрудники иностранных посольств, - или Россия станет разрывать дипломатические отношения? И что в сборе открытой информации худого, если Россия не закрытая страна, опять грезящая о стене, вроде берлинской? Ее желание трактовать суверенность, как закрытость, такой же знак холодной войны, как размахивание ядерным оружием.

Бытует мнение, что лучший путь к миру - капитуляция. Российская власть, как прежде советская, хочет ведь вовсе не войны, а капитуляции всех народов без войны. Но страну, где государство распоряжается всем, и ее собственные народы не вправе возражать, удовлетворит лишь полная капитуляция, о чем свидетельствует опыт советских республик и восточно-европейских стран. То есть, от Запада и Востока, не от одной Британии, ждут послушания и отказа от своего образа жизни.

Но есть другая возможность. Опыт тех лет, которые ныне стараются забыть, подсказывает, что устоять перед холодной агрессией можно, если холодно и твердо на нее отвечать. Надо не подражать враждебному тону, звучащему из России, но и не затыкать уши, а привлекать к нему внимание. Кто знал речи Путина после Беслана, в Мюнхене и в Лужниках, не удивился изгнанию Британского Совета. Надо сквозь занавес басен о революции, якобы происшедшей в России в 1991 году, различать строй, пагубный для своей страны и всего мира. Глупо диктовать русской власти,

какой там должен быть строй, но еще глупей закрывать глаза на то, какой она предпочла.

Проблема не в том, как на оружие отвечать оружием, - это забота армий, и, будем надеяться, до нужды в их действиях все же не дойдет. Проблема в том, как отвечать активистам холодной войны, не применяя оружия, но и не просто словами. А отличие российского авторитарного, если не уже опять тоталитарного, государства от британского правового, не дает ответить адекватно. Нелепо на закрытие Британского Совета отвечать запретом русских культурных обществ. Но ведь Россия занята в Британии не только культурой.

Если Лондон лишили служившей всему миру возможности укрывать беженцев из стран, где их преследуют, включая русских, как Александра Герцена или Сергея Степняка-Кравчинского, смешно сводить дело к выдаче одного из убийц очередного беженца. Публичные извинения должны принести российский президент и правительство, но Британия, имея на руках свидетельства причастности России к убийству, про это и сказать не смеет. Значит Россия уже одержала важную победу в новой холодной войне.

Невозможно понять, почему видная персона российской администрации, губернатор Абрамович, ведет в Британии дела, словно ничего не произошло. Да и свобода действий других российских богачей на государственном поводе тоже непонятна. Либо убивать, либо торговать. Да и британские фирмы, прельстясь краткосрочными, но чрезвычайными, прибылями, инвестирующие в российскую промышленность, должны знать, что делают это на свой страх и риск, и Британскому правительству стоит им разъяснить, что ради защиты их денег оно правовую систему ломать не будет.

Британии и всему Западу пора встать с колен и видеть мир открытыми глазами. Мир полон угроз. Это энергетический кризис, террористы, холодная война, и, не приведи господь, горячая. Надо спятить, чтобы, подобно генералу Балуюевскому, грозить упреждающими ядерными ударами. Но и оставлять такие ходы без ответа означает их поощрять. Смолоду помню, как в России у пивного ларька отвечали дебоширу, - или надо сразу смываться, или сразу ему показать, что и в богатстве родного языка не уступаешь, и сдачи дать готов. А усвоив, что и ты не слабак, он обычно приходил в себя, говорил: «Да я что? Я ничего!», и мирно допивал свою кружку.

Долой самодержавие! Любое! 16.2.2008

На сайте «Грани.ру» объявились два автора, Ирина Павлова и Александр Скобов, всерьез анализирующие нынешнюю российскую жизнь.

Согласия меж ними, однако, нет. Павлова, обычно более либеральная, вдруг написала: "Приверженцы демократии не против авторитарного правления для России, учитывая ее размеры и масштаб проблем. Но они за авторитаризм, который направляет страну по пути к правовому государству, свободе и демократии, а не к диктатуре. Они за

авторитаризм, культивирующий западные ценности, а не отказывающийся от них". На что Скобов, даром, что сам еще уповает на поворот коммунистов к демократии, резонно ответил: «Не бывает просвещенного авторитаризма. А в России, которой почти всегда безраздельно владело широкое лицом начальство, тем паче. В России любой авторитаризм всегда будет иметь самодержавно-черносотенную морду (или держиморду). Потому что это природная физиономия российской бюрократии». И он, конечно, прав.

Но, отвергая ложный пассаж Павловой, он клеймит за тягу к авторитаризму не ее одну, а всю «либеральную интеллигенцию, любящую Цветаеву и Париж». Он пишет: «Пришла перестройка и явила миру новых прогрессивных номенклатурщиков, которые заговорили на языке западных ценностей, и оказалось, что они тоже очень любят Париж... И интеллигенция безоглядно бросилась помогать им проводить либеральные реформы, то есть приватизировать в свою пользу богатства страны. Предоставила свои лучшие интеллектуально-теоретические силы, от экономистов до культурологов. Ну как было не помочь этим симпатичным, европейски ориентированным ребятам? И грех было при этом не "кинуть" противного красно-коричневого гегемона. За то, что при союзе не хотел поспособствовать свободному перемещению людей и идей через границы. Но чтобы этот гегемон не загнал опять всех назад в совок, нужен был «просвещенный авторитаризм».

С чего, однако, «новые прогрессивные номенклатурщики... заговорили на языке западных ценностей»? Говорили языком гегемона, и вдруг перестроились. А перестроились не вдруг. Лидеры КПСС получали статистические сводки и докладные записки, вошедшие потом в книгу Гайдара «Гибель империи». Они видели, что кризис Советского Союза грозит бедой не только гражданам, но им самим. Тут даже Андропов вспомнил, что царская Россия была тюрьмой народов, хоть и в школах, и в вузах давно объясняли, что никакой не тюрьмой, а все народы вошли в Россию добровольно.

Горбачев хотел обуздать кризис, чтобы укрепить Советский Союз. Он снимал абсурдные запреты, и интеллигенция радовалась. Но он не «приватизировал богатства страны в пользу номенклатуры». Она и при нем была их коллективным распорядителем и фактическим владельцем. Если в чем его винить, так в том, что не видел непоправимости сталинской государственно-хозяйственной сверх-монополии, которую возглавил. Медля с реформами, он проиграл, их не начав.

Зато Ельцин проявил способность к действиям и даже влез на броневик, то бишь на танк. Он вышел из партии, отверг идеологию и дал Чубайсу провести приватизацию, создавшую олигархов. Но, вопреки Скобову, пишущему: «интеллигенция безоглядно бросилась помогать», ее отношение к Ельцину было менее однозначно, чем к Горбачеву, обещавшему меньше. Буртин назвал ельцинский порядок «номенклатурным капитализмом». Наряду с партией ловкого Чубайса, возникло оппозиционное Ельцину социал-либеральное «Яблоко». Перед выборами 1996 года Ельцин заявлял: «Демократы за меня проголосуют, никуда не денутся!» А голосовали и за Явлинского, и даже за Лебедева.

Валя на либеральную интеллигенцию беды девяностых, Скобов винит ее в готовности «кинуть» противного красно-коричневого гегемона», разумея рабочий класс. Но указав, что гегемон «при совдепии не хотел поспособствовать свободному перемещению людей и идей через границы», Скобов невольно уточнил сказанное, - ведь не рабочий класс отнял свободу передвижения, он сам ее не имел, и за рубеж на заработки не выезжал, хоть выезжали из самых бедных и деспотических стран. В понятие «гегемон» Скобов, как бы украдкой, внес прежнюю власть, отождествив ее с рабочим классом.

До 1917 года большевики впрямь выражали интересы малочисленного рабочего класса, лишённого многих условий труда и прав, уже обретенных западными братьями по классу. Но, после Октября, большевики переродились в правую тоталитарную партию, попиравшую интересы рабочих не деликатней, чем интеллигенции, крестьян и народа в целом. Да еще польская, к примеру, компартия отреклась от былых преступлений, что позволило Квасневскому стать законным президентом и соблюдать демократический порядок, а КПСС и КПРФ не отказались от былых идиологов. Это они, а не рабочий класс, пресекали свободу передвижения и прочие свободы. С Ельциным и с Путиным у коммунистов раздоры оттого, что они хотят побыстрее возродить сверх-монополию.

Ельцин с Чубайсом советскую систему не сломали, а лишь переделали в частную и дали предприятиям автономию, чего не смог Косыгин, но оставили на поводке государства. Путин, отдавая собственность чиновникам и создавая новые госкорпорации, укрепил «номенклатурный капитализм». С ним сообразовали администрирование, отменили выборы губернаторов, свели Думу и Совет Федерации на положение палат Верховного Совета, и сходство с советской жизнью стало зримей, чем при Ельцине, когда декорировали усердней. А по Скобову этот «просвещенный авторитаризм» учредила интеллигенция, чтобы «гегемон не загнал опять всех назад в совок»! Словно туда гнал рабочий класс, а не ЧК.

Но XX век разоблачил фантом рабочего счастья в роли гегемона. И не только тем, что на деле гегемоном оказался вовсе не «рабочий от станка», как сулил Ленин, а «до боли знакомая азиатская рожа душевладельцев, кормленщиков и опричников», как признает Скобов, не объясняя, как защищать от них права и интересы рабочих и других трудящихся классов современного общества, начиная с интеллигенции. Рисую ее врагом рабочих, прячущимся от «гегемона» под крылом авторитаризма, Скобов закрыл глаза на тоталитаризм номенклатуры от имени гегемона, не признав его преодоление главной задачей России.

Тут и задумаешься, так ли уж различны суждения Скобова и Павловой, если оба допускают, что тоталитаризм мог бы быть полезен, кому – былой, кому – нынешний. Павлова стоит на своем. Но уже вера, что России, «учитывая ее размеры и масштаб проблем», нужен авторитаризм, ни с чем не сообразна. Именно размеры нашей страны требуют учета особенностей каждой ее части, заведомо невозможного в самодержавной вертикальной системе со спускающим единые приказы центром. Проблемы множатся именно потому, что, оценив полезность кукурузы,

центр велит выращивать ее в Сибири. На то и гипертрофия власти и гиперболизм национальных задач, ее прикрывающий.

Павлова, вроде больше желает отечеству демократии, понимает, что «оценка Августа 1991 года как демократической революции» неверна, что меня, как автора десятилетней давности статьи «Несостоявшаяся революция» (Нева, 1997, №11), естественно, радует. Но переход от традиционного российского деспотизма к правовому государству она видит все на тех же авторитарных путях. Призвание варягов она сама отвергает, понимая, что не только российский народ их не потерпит, но и никто не захочет отвечать за нас.

Ей милей отечественный «просвещенный авторитаризм», она мечтает о новом Петре и даже провидит его в Буковском, тут же, правда, замечая, что его не предпочли ни демократы, ни народ. А причина не только, как ей кажется, в том, что время упущено. Буковский и сегодня, - о чем я писал в первом же своем комментарии от 22 декабря, - был бы лучшим из возможных претендентов..., но на пост демократического президента, а не авторитарного правителя, на который он бы и сам, думается, не пошел.

Здесь и проступает сходство мышления Павловой, идеализирующей Петра, и Скобова, клеймящего Фридриха II и Екатерину II. У всех трех просвещенных монархов было много больше власти, чем у должностных лиц демократии, оттого они и могли не только ожесточить, как Екатерина и Петр, крепостное право, но и поддержать порой терпимость. А что выходит из надежд на недемократических правителей, якобы строящих демократию, Павлова сама видит. Того ли ждали писавшие в 2000 году «Путин – наше все»? Почему же она верит, что демократию сладят другие выходцы из тех же рядов, тоже не дающие избираться выходцам из других рядов.

Сперва она кажется трезвей Скобова, сохранившего веру в склонность большевиков к демократии. Когда он вменяет либеральной интеллигенции, сводя ее к кучке холуев, тягу к тоталитаризму, он не просто искажает историю российской интеллигенции, упорней других сословий противившейся тоталитаризму большевиков и отдавшей расстрельным спискам и Гулагу большой процент своего общего числа. Он забыл, что интеллигенции для выполнения своей роли в обществе свобода нужна профессионально. Умолчание об этом - помощь режиму, в которой он упрекает Павлову. Но различия любезных им самодержцев не важны, - их стирает нужда России в давнем призыве: «Долой самодержавие!» А что либералы и либерализм чужды интересам народа, режим внушает потому, что и народу нужна свобода, а не авторитарная власть с чекистским крюком в одной руке и пачками нефтяных зелененьких в другой.

Слов нет, воскресшие было с горбачевской гласностью либеральные идеи в сменившие перестройку девяностые годы потерпели поражение. Не потому, что не нашлось нового Петра, а потому, что номенклатура жестко противостояла созданию правового государства «снизу», помянутому, но отвергаемому Павловой. Противостоял не только ГКЧП в 1991, не только Верховный Совет в 1993, но и Ельцин, включивший в новую Конституцию

многочисленные права человека, декларированные, впрочем, и сталинской, но еще и самодержавную власть президента, перечеркивающую все права людей. Делалось все, чтобы помешать людям осознать пагубность советского милитаризованного хозяйства, приведшего страну к катастрофе. Потому массовое сознание и списало ее плоды на мнимый либерализм псевдо-реформ. Ельцин пытался бороться с разрухой, но не с приведшей к ней советской системой, а Павлова объявляет, что ему, как бывшему секретарю обкома, это простительно. Она не задумывается, в какой мере, движение, возглавленное секретарем обкома, можно, вообще, счесть освободительным. А он недаром, вопреки демократическим обычаям, передал власть «преемнику», поспешившему возродить былой гимн.

Нефтяные потоки уберегли какую-то часть наших граждан от безвременных смертей и голода, а иным даже подняли жизненный уровень, но это лишь отсрочило, а не отменило социальный раздрай. Восемь путинских лет не дают повода счесть его самодержавие эффективней сталинского или брежневского. Спасение России в отказе от самодержавной вертикали, все равно, царской, гегемонской или чекистской. Но он возможен лишь «снизу», лишь в ходе защиты прав каждого человека, села, города, «субъекта федерации», от произвола вышестоящих. Россия упустила либерализм потому, что его не ждала, не готовилась за него постоять. Минувшее двадцатилетие - урок, который стоит осмыслить, чтобы не упустить возможности при новом неминуемом кризисе. И власть упорно мешает публичному осмыслению.

Павловой кажется, что «с критикой в России всегда было прекрасно», хоть критика десятилетиями была уголовно наказуема, да и сейчас публично почти запретна. Но сами тексты Павловой и Скобова – искренние раздумья, и поэтому заслуживают критики. В нынешних потоках непринужденной брани и намеренной лжи самого разного толка это редкость.

Безмолвие, как сопротивление 9.3.2008

Удивительно все-таки движется человеческая мысль. Чем лучше различают за рубежом наш нынешний порядок, тем более странные объяснения ему дают.

Американский журналист Чарльз Краутхаммер пишет: «Россия малодушно смирилась с систематическим демонтажем ее нарождающейся демократии». И дальше: «Китай... по-прежнему уступает управление своей рыночной экономикой и развивающимся обществом диктаторскому режиму, устроенному на ленинских принципах».

Краутхаммер, не то, что иные его коллеги, в тактике разбирается. Но как здесь понимать слова Россия и Китай? Если как названия государств, спорить не о чем. Но государство не может малодушно с собой смириться или себе уступить.

Выходит, речь о народах. Но журналист, пишущий о России, забыл, что есть еще державы, где народ безмолвствует. В рукописи «Бориса

Годунова» после слов Мосальского «Что же вы молчите? Кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович» стояло: «Народ: Да здравствует царь Димитрий Иванович!» Но напечатано: «Народ безмолвствует». Пушкин знал: если и крик «Да здравствует...!» - не всегда сочувствие, то безмолвие, неучастие, - форма сопротивления.

К сожалению, нигде нет всеобщего и полного благоденствия. В самых благополучных странах слышны голоса несогласных. Но в не столь благополучных они часто не слышны. То ли что-то помогает выжить. То ли суровы наказания за разговоры. А то и нет надежды, что-то изменить. Особенно после бурных социальных пертурбаций. Российские и, сколько можно судить, китайские безмолвия всем этим и объясняются.

На «малодушие» русских и «уступчивость» китайцев журналист ссылается, чтобы риторически воскликнуть: «сколько десятилетий уйдет у нас на то, чтобы уразуметь, что «аксиома», согласно которой политическая либерализация вытекает из либерализации экономики, возможно, не так уж самоочевидна?» Отсюда он выводит, что надо не навязывать другим развитую демократию, а принимать бытующие на местах формы власти. В Ираке, ради которого «Вашингтон пост» 4.01.08 статью опубликовал, и впрямь пора «позволить провинциальным и племенным автономиям (по крайней мере временно) взять верх над централизованным, иерархически организованным правительством, ведь эти автономии являются наилучшей средой для возникновения эффективных представительных органов». И навязывать демократию там, где для нее нет экономической почвы, тоже дело зряшнее.

Краутхаммер прав в том, что «аксиома» о почве либерализма и впрямь не опора политической тактике. Но стратегия без нее невозможна. А тут Америка не сильна, - она всегда и опиралась на бытовавшие на местах формы власти, - в итоге ее консервативных друзей свергали, и выходило еще хуже. Провал в Ираке, при военных и тактических успехах, - плод стратегической слепоты, охоты непременно удержать единым искусственно сшитое государство, части которого не хотят общей жизни, не хотят компромисса, а без него нет ни демократии, ни либеральной экономики.

Еще в XIII веке английские бароны, во главе с графом де Монфором, создали парламент, где были представлены и простые рыцари и свободные крестьяне. Не все короли с ним считались, но им, и баронам и крестьянам приходилось идти на компромиссы, признавать права друг друга, а признание прав других, - почва и демократии и либеральной экономики, потому в парламентской Англии и расцветших.

А Россия, четыреста лет, а потом еще при коммунистах, бывшая могучей империей, на компромиссы не шла. Боярская дума парламентом не стала. Царь был неограниченным самодержцем и лишь за 12 лет до конца создал Государственную Думу, не умалявшую его власть. Ленин ввел коллективное самодержавие - правил ЦК партии, но Сталин возродил личное. В новой монополярной, еще более централизованной системе все слыло общим, ничто самостоятельным. Идеологию перелицовывали, но

бескомпромиссность была неизменной. И речи не было о взаимности, лишь о верности, - вот и не было демократии.

Чтобы выйти из рокового кризиса, в который коммунисты ввергли свое хозяйство, Горбачев даровал у свободу слова. Никакого малодушия не было, когда, в ответ на попытку вооруженного реванша, на улицы Москвы вышли сотни тысяч безоружных людей, да и в других городах, куда и войск не ввели, люди вышли на улицы. Казалось, идет революция.

Но то, что не завоевано, а получено в дар, легко отобрать. Номенклатура удержалась, власть лишь перешла от одного ее слоя к другому, и революция не состоялась. Союзные республики обособились, а внутри России ни автономии, ни крупные регионы, самостоятельными не стали. Хозяйства стали самостоятельны по форме, но не по сути. Ельцин, хоть не читал Краутхаммера, рассуждал похоже и не сделал экономику впрямь либеральной. Концерны, возникшие бог весть как, он держал на поводке государства. А средние и мелкие предприятия держала областная и местная власть.

Можно, конечно, говорить, что для создания независимого суда или надежной банковской системы, нужно время, и вполне самостоятельные силы не явятся вдруг и не вдруг ощутят нужду в компромиссе и взаимодействии, а, значит, и в законности, как условиях демократии. Пусть даже так, пусть бы освобождение от тоталитаризма шло эволюционно. Можно понять, что Горбачев был либерален, главным образом, даруя гласность и расширяя контакты с миром, а крупных экономических реформ за шесть лет не провел. Да и не отказывался ни от социализма, ни от СССР.

Но и либерализм Ельцина был весьма умерен, а после 1993 его уже сворачивали, и вскоре пошли войной на пожелавшую самостоятельности Чечню, сразу показав, что от империи не отступятся. Да и в первые два года хозяйство менялось не столько реально, сколько демонстративно. В «либерализации цен» по Гайдару нет ничего либерального, она повторила конфискацию, проведенную после войны Сталиным под видом денежной реформы. Гайдар тоже как бы выправил соотношение платежеспособного спроса и предложения. Но, в отличие от Сталина, новые цены административно не закрепил, и они росли, а конкурентов, способных сбить цены, все еще советский порядок не допускал, и шла инфляция.

Не была либеральной и так называемая «приватизация». Гражданам выдали выучеры, но что-нибудь по ним обрести могли далеко не все, и допуск к раздаточной остался тайной. Вот ваучеры, выданные на ограниченный срок, и сбывали по бросовым ценам, едва превышавшим плаченное при получении. Эту аферу именуют «ограбление государства», ненавидят обогатившихся, кличут их «олигархами», и требуют их расстрелять. Гнев на бесстыжую «приватизацию», коренным образом изменивший ход мыслей, вполне понятен.

Но массовое сознание упустило, а пропаганда замолчала, два обстоятельства. «Олигархи», во-первых, не сами брали богатства, им их давали, и пусть они - скупщики краденного, воры - не они, а раздатчики,

правившие тогда страной. Но и те, во-вторых, если суд над ними будет справедлив, докажут, что фактически «олигархам» дали государственное имущество не в собственность, но лишь в условное владение, что и показала расправа с Ходорковским, забывшим, что быть российским Рокфеллером – это «поручение партии».

Они еще скажут, что в пору непроглядного кризиса то была единственная возможность заставить промышленные мощности работать и выполнять задания государства, что «олигархи» и делали, разве только беря на личные расходы в Куршавель побольше, чем советские министры и директора. Такое утверждение, однако, неверно, такая возможность выйти из кризиса не была единственной. Допуск реальной частной собственности вывел бы из него куда успешней. Да и вывело, и еще неизвестно надолго ли, не условное владение, направляемое государством, а золотая цена на нефть и газ. Если, помня все это, взглянуть на поворот российских умов, можно понять, почему сотни тысяч и миллионы, высыпавшие на улицы в августе 1991, ныне безмолвствуют. Неужто из Америки не видать русского отчаяния, но лишь малодушие?

После Октября 1917 года добрая половина людей России доверилась коммунистам оттого, что ни царская власть, ни временная, жизнь не облегчили, а влезли в войну и ее не кончали. Иллюзия, что при большевиках станет легче, не сразу рассеялась, ее хранил и НЭП. Даже после вывоза из деревни в пору коллективизации миллионов людей, а то и бегства, многие, обретая места на новых стройках и заводах, еще надеялись. Но при этом сознавая ход вещей замечали, что язык лучше держать за зубами. Великий террор коммунистов-сталинцев, преступавших мораль и право ради личного преуспеяния и блага, покончил с коммунистами-ленинцами, преступавшими мораль и право ради утопии, иногда даже бескорыстно. Но и «старые большевики» не самые достойные носители революционного духа, убитого в тридцатые годы. Когда с ним покончили, люди замолчали.

Сталинская диктатура, как «левая», сперва противостояла «правой» гитлеровской диктатуре в Германии. Но за договором о ненападении последовал договор о дружбе, по началу вызвавший оторопь. Однако 22 июня вытеснило из массовой памяти недолгую, хоть не случайную дружбу. Жестокость гитлеровцев восстановила смирение народа перед своей властью, защищавшей в войне себя, но ради этого и страну, хоть и беспощадно жертвуя ее людьми, и отправляя после войны в лагеря попавших в плен по ее вине. Память о погубленных властью тоже учила живых молчать.

После смерти Сталина в лагерях были восстания, но массовых протестов вне зоны не было, пока Хрущев не начал оттепель, высшая точка которой – доклад о личных недостатках Сталине на XX съезде в феврале 1956, а финал – вторжение в Венгрию в конце лета. При Брежневе диссидентское движение рождало героев, но было немногочисленно, и с ним справлялись. Перестройку, как не раз справедливо подчеркивал Горбачев, начала сама партия, сама и загнавшая гонкой вооружений страну в тупик. Чувства населения выплеснулись бурно лишь когда перемены попытались пресечь. Надо ли удивляться, что по мере понимания смысла реальных

действий Ельцина росли отчаяние и молчание, и причина тому не его пьянство, а то, что вместо реальных реформ, он начал войну в Чечне, в которой, как уверял Чубайс, якобы возрождалась наша армия. За вычетом возобновления этой войны после успешных взрывов домов в Москве и неудачного в Рязани, либеральные декорации сохранялись и в первые годы Путина.

Но уже его речь после Беслана и переход к назначению губернаторов возобновили публичное молчание на животрепещущие темы, опять ушедшие в частные разговоры. Телевидение огосударствлено, тиражи либеральных изданий ничтожны, шествия разгоняют дубинками, выборы представительных органов и даже президента сведены на нет. И пока нефте-газовые дары дают удержать жизненный уровень от резкого спада, а части населения даже повысить, - в Москве, быть может, более чем трети, - тщетно ждать массовых откликов на одинокие призывы к переменам. К тому же, дело не просто за уличными призывами, но за публичным осмыслением необходимых перемен, а с ним-то и покончено.

Горько, что Россия так и не вышла, из-под пресса, которым ее прижал Иван Грозный, заведя крепостное право. Утешает отчасти разве то, что жизнь в России пропадает не вовсе бесследно. Отставая по статистике производства разных разностей на душу населения, наша страна входит в горстку создававших искусство, влиявшее на весь мир. Власть и народ в России не идентичны, здесь и придворный балет дышал иным, чем двор. Здесь различают возможности людей и невозможности обстоятельств, а обстоятельства берут верх не по малодушию одних, но в силу стойкого бездушия других. Оттого богатейшая страна и остается нищей.

Дело нехитрое, от тоталитарной власти ждали, что, в кризисе она обернется демократией, а она, наобещав с три короба, пользуясь случаем, на время поправила свои дела. Но это не резон винить русский народ в малодушии.

Лишь бы не горячая! 29.3.2008

Эдварду Лукасу, выпустившему в Лондоне книгу «Новая холодная война», приходится оправдываться и объяснять, что он призывает не к разрыву с Россией, а только к тому, чтобы видеть вещи, как они есть. Но это как раз самое трудное, особенно, если перед глазами ушедшее, казалось, навсегда.

Через девятнадцать лет после падения Берлинской стены, завершившего холодную войну, почти забыто, кто ее начал. Забыто даже, что воевавшие стороны не только не разрывали отношений, но Соединенные Штаты, Канада, Австралия, продавали Советскому Союзу хлеб, нехватка которого грозила там голодом, то есть, оказывали прямую помощь противнику в холодной войне. Еще раньше, уже обладая атомным оружием, появившимся в СССР лишь четыре года спустя, они не пользовались преимуществом, даже чтобы шантажировать противника и, тем более, на него напасть. Признание, что началась новая холодная война, - тоже призыв не к разрыву, а к выяснению отношений. Но их не хотят выяснять, а потому и признавать, что они иные, чем считается. Вот и

отводят глаза. А Лукас, как ребенок у Андерсена, говорит, что видит, и помнит, что Путин возобновил холодную войну еще после Беслана, заявив, что детей, убитых его спецназом, погубили враги с Запада. В том же духе он рассуждал в Мюнхене, потом в Лужниках. О кое-каких деталях с Лукасом можно бы поспорить, если бы у него в руках не было козырей – публичных речей Путина.

Новые поколения убеждены, что это капиталисты начали холодную войну против страны советов, и готовили горячую. А они лишь создавали оружие и армию, способные ответить на массированную советскую атаку. Именно их готовность к сопротивлению удержала Сталина, захватившего страны, освобожденные Советской армией от Гитлера, от захвата еще и освобожденных самостоятельно или с помощью Америки. Америка вынудила его отложить горячую войну, и он затеял холодную. Хрущев и Брежнев еще лучше сознавали последствия ответного удара. Иные советские генералы предлагали превентивный удар по Америке, но Политбюро не рискнуло. СССР покорял мир поэтапно, отрывая отдельные страны, внедряя туда своих ставленников.

На растущую советскую тоталитарную угрозу Запад взирал уже не столь самоуверенно, как прежде на нацистскую. Он надеялся победить в экономическом состязании, как оно и вышло, но уже в ходе гонки вооружений. Стать тоже могучей военной державой Соединенные Штаты вынудил Сталин, ввергнув их в холодную войну. Это ее главный результат.

Противостояние с Америкой считалось идейным. Считалось, что мир расколот на два лагеря, и социализм с Гулагом и этническими выселениями куда прогрессивней капитализма, устроившего на Западе общество потребления. Но российские власти и после кризиса не ворошили прошлого, а объявили, что строят капитализм. А нынче, - что построили. Вот многим и кажется, что, если Москва не зовет пролетариев всех стран соединяться и строить социализм, значит отпало противостояние идей, и холодной войны быть не может.

Но уже Сталин вместо идеи мировой революции, вброшенной большевиками в октябре 1917, напирал на идею Родины. И уверял, что ведет холодную войну за Родину, за Россию, защищая ее от коварного Запада. Нынешние пропагандисты договорились уже до того, что Запад напавший на нас в лице Германии, и якобы готовый напасть в лице Америки, это – наш единый вековечный враг, одинаково чуждый и царской, и советской, и нынешней России. Не сегодня, а еще при Сталине и даже раньше Западу стали противопоставлять российские претензии на первородство и превосходство. Новую холодную войну питают прежние идейные доводы, но и тогда и ныне - не коммунистические.

Важно также понимать, что из того, что Соединенные Штаты, в отличие от СССР, вдвоем с которым они решали судьбы мира, сохранили чрезвычайную военную мощь, отнюдь еще не следует, что они способны сделать мир однополярным и стать его владельцем. Скорее напротив, их шансы упали. США и СССР были сильны и привлекательны на ролях покровителей лишь во взаимном противостоянии, и ослабление СССР политически ослабило и США. Уже тем, что искавшим у них защиты от

советских угроз и происков, они в этом качестве стали, как будто, больше не нужны.

После окончания холодной войны на верховенство претендуют вызревшие подспудно китайский коммунизм, исламский тоталитаризм и латино-американский анти-американизм. Конечно, лишь китайские коммунисты владеют положением у себя дома, хоть ни Тайвань, ни Тибет, еще не приведены к общему знаменателю. Исламский тоталитаризм тождественен исламу лишь декларативно, ему противится немало мусульман. Еще меньшего добились Кастро и Чавес. Но и они – действующие лица. Иным стал и Европейский Союз, усердно влекомый к превращению из мудрого союза в чудовищное государство. Все это ощутимо изменило места, роли и ориентиры прежних сверх-держав. А западные политики утешаются тем, что Российская армия слабей Советской. Слыша, что Россия «встает с колен», они всерьез думают, что после 1991 или даже 1985 она стояла на коленях. А тогда, между тем, определялось где Россия будет в новой расстановке сил, станет ли, как была при Ярославе Мудром и стремилась стать при Петре и Екатерине II, органической частью Запада или возродит традиции Чингис-хана. Тут бы и присмотреться, что в России с 1985 происходит. Но до Лукаса никто и не глядел, что в новой России ново, а что прежнее.

Советский Союз раздражала не только готовность Запада сопротивляться, но и умение наладить хозяйство. С годами все острее ощущалось, что тоталитарный режим, помогая собрать силы на нужном участке, мешает развитию других. Это, прежде всего, и противопоставляло Запад и Советский Союз, вечно вынужденный догонять.

Неэффективность социализма беспокоила советских коммунистов. Они не раз и не два брались реформировать свой строй, но изменение форм не спасало, а перейти к другому значило отказаться от власти. Отсюда и особая логика, по которой, если экономически не одолеть, надо действовать силой, вплоть до военной. Но здравый смысл напоминал, что на удар ответят ударом, и свой удар оттягивали, - авось противник, привыкший благоденствовать, не выдержит напряжения гонки. А не выдержал СССР.

Выход Горбачева за пределы прежней практики партийных органов показывал глубину кризиса, вынудившего немалую часть правящего класса радикальней, чем прежде, менять образ жизни страны. Горбачев действовал преимущественно в политической сфере, но и последствия гласности и вывод войск из Афганистана побуждали ждать большего. Победа Ельцина над попыткой прямой реставрации обратила ожидания в надежды, однако, не сбывшиеся.

Конечно, империя сильно уменьшилась, - четырнадцать колоний (республик), стали независимы, - но отнюдь не распалась и Советский Союз продолжает жить под именем Российской Федерации. Его путь не был публично осмыслен на государственном уровне, не определилось «от какого наследства мы отказываемся». Изменения государственного строя в 1991-1993 годы были невняты, порой их называли революцией, хотя революция состоит в смене правящего класса, а править продолжала

номенклатура, и далеко не все советские нормы отпали. Новая Конституция, полная темных и неправовых положений, предоставила Президенту огромную и практически бесконтрольную власть.

Провозгласили право на частную собственность и предпринимательскую деятельность, но без независимых на деле судов эти права обернулись круговой зависимостью предпринимателей от власти, Так называемых «олигархов», от высшей, средних – от областной, мелких – от местной. Свойства современного капитализма – конкурентное производство, частная собственность, свобода наемного труда и социальные гарантии, - в России либо отсутствуют, либо условны. Собственность и производство остались под общим управлением государства, что предопределило экономическое и прочие отношения с другими странами.

Видимость реформ прикрыла их несвершение. Конечно, многое, начиная с союзных республик, обрело некоторую свободу, не все плоды которой уже истреблены, но к экономическому и общему самодвижению страна так и не вышла. Ее по-прежнему двигала и движет руководящая сила, уже не партийная, но государственная. И национальные интересы России понимаются не столько, как интересы ее народа, его благоденствия и развития, сколько, как собственные интересы этой самой «руководящей силы». Об этом говорит уже ее представление о власти, как о вертикали, хотя условиями современного развития, как можно видеть на примерах развитых стран, стали напротив, - децентрализация власти и горизонтальные связи, ведущие к единству страны, опирающемуся на интересы всех сторон, взаимные уступки и компромиссы, в чем, собственно, и состоит демократия.

Особенно она важна многонациональному государству, где вертикальные указания Москвы, вроде запрета татарскому языку вернуться к латинице, которой он уже пользовался после 1917 года, вызывают лишь обратный эффект. «Руководящая сила» всегда ведет такую «холодную войну» против своих граждан. Но этим не довольствуется. Когда Чечня приняла демократические амбиции Ельцина всерьез, и всерьез захотела автономии, ей ответили оружием.

Клинтон от лица Запада поддержал усмирение Чечни, не смутясь признать тем самым наперед право России и на другие насильственные действия, сегодня внутри империи, а завтра, быть может, и вовне. А признав ее единственным правопреемником СССР, не только в Совете Безопасности, что правомерно, но и в имущественных правах, так и не поделенных меж обретшими независимость республиками, Запад фактически вернул ей имперский статус Советского Союза, из которого и выросла холодная война. Нынешняя реставрация вернула не марксистско–ленинскую мифологию, но имперский порядок, давно ушедший от росшей из нее в умах утопии. Реставрацию начал не Путин, тогда лишь вице-мэр в Питере. Но он ее осознанно продолжил, тем более, что взлет цен на нефть и газ избавил от острой нужды в коренных переменах, которых ждали от так и не состоявшейся революции. К тому же, новые цены стали подспорьем и орудием холодной войны. Он ее и развернул.

Большинство фактов, событий, заявлений, рассмотренных Лукасом было известно. Но собрав их и сопоставив, Лукас увидел нынешнюю Россию иной, чем Запад видел до него. Он показал связь и сообразность фактов друг с другом, показал, что имеют место не так случайные промахи, как намеренные плоды работающей системы, движущейся и разрастающейся.

Не упустим его сочувствие российским людям. В отличие от большинства и русских, и зарубежных авторов Лукасу чуждо презрение к безмолвно-покорным массам. Он видит, что социальные рефлексии западного человека свойственны и русскому, но редко проявляются открыто, поскольку им повседневно противостоят профессионалы наведения порядка, воспитанные в чекистских традициях. Он видит порочность передачи власти наследникам КГБ не просто в аморальности, но в самой привычке к силовому руководству.

Любовь к России, увлекшую Запад в горбачевские и первые ельцинские годы, реставрация глушит. Книга Лукаса ее не возрождает, но дает объективное знание о ходе вещей. Она внушает трезвость, ратует за соответствие слов и дел, обнажает театральную природу российской политики. Ее едва ли издадут в России. Но если прочитавшие ее иностранцы объяснят российской власти, что западные концерны, - зарабатывающие на добыче российского сырья и готовые ради сегодняшней прибыли мириться там с любым порядком, - все же не всемогущи, это может пойти на пользу реальной массовой России, не забывшей, как отечество, распалась холодной войной, шло завоевывать Афганистан и Чечню, губя и калеча сотни тысяч тамошних и несметное число русских.

Голодомор в колонии и в метрополии 14.4.2008

Солженицын осудил украинское определение голодомора, как геноцида. Никакой, дескать, этнической направленности тогда не было, от голода, искусственно созданного коммунистами, мерли, дескать, по всей стране, и валить преступления коммунистов на русский народ. несправедливо. Винить русский народ в украинском геноциде, равно как в чеченском, балкарском или крымско-татарском, впрямь несправедливо. Но не потому, что геноцида не было.

Чтобы это понять, надо чуть отойти не только от шовинизма, но от близкого еще времени, и себя спросить, была ли, к примеру, этническая направленность в 1783 году, когда государыня-матушка Екатерина Великая окончательно "прикрепила украинцев к земле", закрепостила. Можно ведь и тут сказать, что этнической направленности не было, поскольку русские люди к той поре уже два века были крепостными. Но украинцы под водительством Богдана Хмельницкого входили в Российскую империю свободными, и получили политическую автономию. Уже Петр не слишком с ней считался, и гетман Мазепа повернул против Петра, но многие русские поныне считают предателем Мазепу, а не нарушителей соглашения об объединении двух народов. А украинцы часто называют предателем Богдана. Тарас Шевченко, выкупленный из крепостной неволи, клеймил его и через сто лет после Екатерины. Но факт закрепощения не опровергается тем, что были украинцы, вольно или

невольно ему способствовавшие, и факт геноцида не опровергается участием украинцев в работе чинивших его советских органов.

Тем более, нелепо винить русский народ, себя не защитивший от закрепощения, в том, что он не защитил от него украинцев. Но ситуация все же не одинакова, русских людей в русском государстве закрепощали русские господа, русские бояре, русские цари. А украинцев, свободных людей, добровольно примкнувших к русскому государству, русская царица, вопреки всем договоренностям об условиях объединения, тоже закрепостила. Вот украинцы и считают, что их обманули. Они так не договаривались. То, что русские цари причинили немало зла своему народу, не давало им права чинить зло другим, добровольно примкнувшим и даже завоеванным. Но не всем его чинили одинаково. Финны, к примеру, были лично свободны и даже получили свой сейм, раньше, чем Россия думу. Поляки тоже имели некоторые вольности, но оставались угнетенными, поскольку судьбы их решались не поляками, и не в Варшаве или Кракове, а в Петербурге. Вот и выходит, что этническая направленность в закрепощении украинцев все-таки была. Не со стороны русского народа, но со стороны русской, российской власти. Нельзя понять взаимоотношения народов, отождествляя народ и власть, надо видеть, что собственные интересы власти отличаются от реальных интересов народа и страны.

На Западе их отождествляют потому, что империи там давно уступили место национальным государствам. Где-то и там остались области компактно заселенные национальными меньшинствами, желающими самоопределения. Если его хочет большинство такого меньшинства, оно теперь, как правило, легко его обретает. Конфликты обостряются там, где отделения хочет лишь меньшинство меньшинства, как в Северной Ирландии или в Стране басков. А у нас после Ивана Грозного не было и нет даже русского национального государства, и тяготение к нему невелико. Россию привыкли видеть империей. А украинское, грузинское, узбекское и прочие независимые национальные государства на территории СССР только еще складываются. Наша страна с XVI века была империей и остается ею поныне. А в любой империи, что в Римской, что в Британской, что в Российской, есть главный народ, как говорится, первый среди равных, и есть подопечные инородцы.

На деле жизнь первого среди равных бывает не слаще, чем у инородцев, половина русских была закрепощена. Правящий класс был по преимуществу русским, хотя и внутри него были этнические меньшинства, в XVIII веке - немало немцев. Но империя, которой они служили, даже от того, что царица Екатерина Вторая была этнической немкой, не стала немецкой а осталась Российской, государственным языком был русский, а государственной религией – православие, которому царица ревностно следовала. После 1917 в правящий класс сперва, пока Сталин не стал его зачищать, вошло немало украинцев, латышей, евреев, грузин, армян, но и они служили русификации СССР, иногда усердней, чем русские. Но это им не помогло, оттеснение и инородцев было, как и многое другое, не личной прихотью Сталина, но неизбежной тенденцией становления тоталитарной империи. Вот украинцы ныне и самоопределяются, не желая больше жить

в ожидании закрепощения или голодомора. Они решают свою судьбу сами, оставляя остальным самим решать свои.

Уверения, что в империи национальных проблем нет и все народы равны, поскольку все угнетены или, - что по сути то же самое, - все участвуют в ее развитии, не имеют ничего общего с реальностью. Все покоренные народы в большей или меньшей степени подвергаются принудительной ассимиляции, начиная с необходимости быть двуязычными вплоть до понуждений переходить в православие. К социальному гнету, которому подвергались все народы, империя прибавляла национальный, даже этнический, для всех, кроме одного. Не валя вину за это на единственный народ, не испытывавший национального гнета, нелепо винить остальные в сепаратизме за жажду хотя бы от этого гнета уйти.

Национальный вопрос, наряду с аграрным, был важнейшей причиной гибели царской России в 1917 году. Ленин вполне это понимал и, силой подавив стремление народов Российской империи, в том числе и украинского, и грузинского, к самоопределению, придал республикам СССР видимость самостоятельных и равноправных. Даже пост главы ЦИКа, коллективного президента, разом занимали представители всех союзных республик. Но даже эту демократическую видимость Сталин упразднил, поставив номинальным главой страны одного, при нем – русского, председателя. При советской власти стремление к самоопределению не умирало, и декабрь 1991 лишь отчасти наверстал несвершенное в 1917.

Национальные проблемы - не особенность Российской империи, другие были не лучше, но колонии Испании, Британии, Нидерландов, Франции, Бельгии, Португалии к середине XX века уже почти все самоопределились, и бывшие империи с этим примирились, стали от насилия переходить к взаимовыгодным экономическим отношениям. Наша исключительность - в нежелании признать не только правомерность нужды других народов в самоопределении, но даже и нужду в самоопределении русского народа, и в СССР и в Российской Федерации разорванного на искусственно нарезанные области, не способные себя прокормить и потому кругом зависимые от центра. А самоопределение, помимо того, что улучшило бы жизнь русского народа, помогло бы ладить с остальными самоопределившимися.

Самоопределение, кстати сказать, не обязательно доходит до отделения, это лишь крайняя его форма, к которой вынуждает упрямая жестокость империи. Пора признать, что чеченцы, принимая демократическую программу Ельцина, для себя хотели не разрыва, но лишь всамделишной автономии, исключающей повторение геноцида 1944 года, который они, в отличие от его творивших, забыть не могут. Мирному исходу мешали не прослужившие жизнь в советской армии генерал Дудаев и полковник Масхадов, а провозгласивший авторитарную Конституцию Ельцин и его преемник, вертикальное сознание которых никакой автономности ни в чем не допускает. Тут они оказались еще упорней и советской и царской власти. В этом их и поддерживает Солженицын.

О восприятии на Западе украинского голодомора, как геноцида, он пишет: «Они в нашу историю никогда и не вникали, им – подай готовую басню, хоть и обезумелую». Примечательно само изображение Запада, как и России, неким единым целым. А еще не так давно в России были одновременно и Брежнев с Сусловым и Сахаров с Солженицыным, и даже сегодня Каспаров не тождественен Путину. На более открытом Западе различимо еще большее разнообразие. Есть трусливые правители, возрождающие довоенные мюнхенские повадки, но есть и люди, которые именно что вникают в нашу историю, даже в те ее сферы, в которые у нас не вникает почти никто. Многие из них видят, что украинский геноцид не басня, а быль, и чеченский геноцид не басня, а тоже быль. Более того, видят, что и история Гулага - быль, и сперва именно на Западе, а не в России, напечатали ее изложение Солженицыным. Или Александр Исаевич уже и это запамятовал? Или подводит не память, а переменчивость души? Сперва КГБ ненавидел, потом полюбил, Андропова обличал, а Путина славит. Такое бывает, говорят, от любви до ненависти - один шаг.

К примеру, Лев Александрович Тихомиров много лет был видным революционером, чайковцем, членом центра «Земли и воли», членом Исполнительного комитета «Народной воли», вместе с П.Л.Лавровым издавал за границей ее «Вестник». А потом передумал и стал монархистом. Правда, в отличие от Солженицына перед тем напечатал брошюру «Почему я перестал быть революционером?» Но все равно его называли ренегатом. Солженицын даже не стал что-то объяснять, к его возвращению многое уже переименовали и даже КГБ назвали ФСБ, а это, конечно, совсем другое дело. Но героическое прошлое не делает его новые суждения убедительней речей Проханова, Дугина, Нарочницкой или Михаила Леонтьева и Максима Шевченко, с которыми он теперь в одном строю.

А право меньшинства на самоопределение, - залог не только демократии, но и добрых взаимоотношений народов. Эту простую правду глушат, как могут. Уверяют, что право на самоопределение и право на территориальную целостность, одинаково признанные ООН и вошедшие в ее устав, якобы, противоречат друг другу. А никакого противоречия нет. Право на территориальную целостность означает, что никакая внешняя сила, была то Германия или, допустим, будет Китай, не вправе посягать на земли других. А то, что большинство жителей той или иной части империи воспользуется правом на самоопределение, территориальную целостность, - то есть неотъемлемое право людей жить на земле, где жили предки и живут они, - не нарушит, если, конечно, жителей не сгонят и территорию не возьмет себе другая имперская внешняя сила. ООН не признала империи нерушимыми и вечными, не то Соединенным Штатам, не говоря об Индии и Южной Африке, пришлось бы вернуться в лоно Британской, а российскому президенту, как Александру Невскому, ехать за ярлыком на правление в Каракорум и на животе ползти к трону монгольского хана. Надеюсь, до этого все же не дойдет. Небось и Солженицын для русских такого не захочет, хоть для других счел подобный порядок подходящим.

Знание – сила 30.4.2008

Состоялось объединенное собрание демократов, на которое уповали верившие, что провал российской демократии - плод раскола ее приверженцев. Создан Координационный комитет, к осени сулят программу, а пока принята резолюция, излагающая новую повестку дня демократического движения. Резолюция обличает авторитарно-полицейский режим и независимость власти от общества. Высказано намерение провести политическую реформу, которая на деле установит свободы и права, либеральные избирательные законы, реальное разделение властей и независимый суд.

Не хватает лишь признания, что на такие посулы мало кто нынче откликается, и не только из-за разногласий демократов и цинизма избирательных кампаний. Нет в резолюции и намека на социальную природу режима, на то, откуда он взялся и почему оказался авторитарно-полицейским. И ни слова о том, что и как можно изменить, его не упразднив.

Между тем, режим не «сложился», как сказано в резолюции, а уложился, отстоялся, в ходе преодоления общего кризиса, который в восьмидесятые годы настиг Советский Союз. Здесь нет места анализировать социалистическую теорию Маркса, ложную, но все же не тоталитарную, и преобразившую ее практику Ленина, Сталина и Брежнева. Но нельзя забыть, что советский авторитарно-полицейский режим, развивая не страну, как целое, но лишь одно за счет другого, по своей внеэкономической природе сбалансировать хозяйство не мог и в год великого перелома, 1929, опять ожесточился. Он смог выстоять, сводя к минимуму уровень жизни, сбывая за рубеж дары природы и наводя страх террором. Но в восьмидесятые годы уровень жизни падал сильней, поскольку за рубежом падали цены на сырье, а усиление террора могло подорвать военное производство. И еще Афганистан! Но номенклатура хотела удержать власть, и, по примеру Ленина и Троцкого, угодивших в кризис еще при первой примерке военного коммунизма, спохватилась. Двадцать три года назад, Горбачев, как генсек, а не диссидент, выполнил требование объединяющихся ныне демократов: объявил и отчасти ввел гласность, а его административные перестановки выглядели реформами. Но свести концы с концами это не помогло.

ГКЧП стал прикидкой реставрации, еще не обеспеченной взлетом цен на нефть. В ответ в Москве, куда ввели войска, на улицы вышли сотни тысяч, а там, куда и войска не вводили, - десятки тысяч. Средняя номенклатура, льстясь быстрой карьерой, противостояла высшей, затеявшей путч. А демократическое движение согласилось с практически монопольным захватом государственной власти этим средним слоем во главе с принятым за демократа Ельциным. Средний слой коммунистической номенклатуры от ключевых решений тоже уклонялся, но споры меж спрятавшими партбилеты и по-прежнему державшими их на виду выглядели торжеством свободы. Однако, и самая кроткая демократическая критика новой власти за прежние привычки не поощрялась. Демократы сплывались вокруг Ельцина и славили якобы происшедшую в августе 1991 мирную революцию, в отличие от обычных,

оставившую у власти прежний правящий класс. А оставшаяся в прежних руках власть осталась наперед прежней.

Сегодня объединяющиеся демократы справедливо говорят, что она «уже в ближайшее время грозит России катастрофическими последствиями». Но тут же говорят: «Мы в силах предотвратить такое развитие событий». Отчего же не предотвратили ни ГКЧП, ни жестокость гайдаровской реформы, спасшей государство, но ограбившей без того обнищавший народ? Отчего не образумили Чубайса, выдавшего частную собственность не разоренным крестьянам, а назначенным властью послушным богачам и чиновникам? Отчего не предотвратили войну в Чечне? Отчего не помешали Ельцину передать власть даже не партии, которой он служил весь век, а прямо КГБ? Винить нынешних демократов нет смысла, они в большинстве уже по возрасту к тем делам не причастны. Но утверждая «мы в силах предотвратить», не поясняя, как именно, они вызывают подозрение в невозможной нынче наивности. Диссиденты, ведя самоотверженную борьбу с режимом, сознавали, что едва ли его изменят, но разоблачали его природу, не вполне понятную даже советским людям, не говоря об иностранцах. А новые демократы сулят улучшить режим.

Поражает уже их вера в единство, как способ укрепить демократию, предполагающую как раз разномыслие и состоящую в компромиссе и взаимной вежливости разномыслящих. А единство, напротив, – орудие тоталитарных режимов. Коммунисты сперва тоже хотели демократии, вынуждающей власть считаться с обществом. Но не общепринятой демократии для пестрого общества, а так называемой социалистической демократии, во имя единства по возможности упраздняющей, «как класс», целые слои населения и целые народы. Эта тоталитарная «демократия» свелась к равной для всех угрозе расстрела или лагерных нар. А при либеральной представительной демократии разные социальные слои голосованием продвигают во власть не то, что идеальных, но предпочтительных им людей. Либеральная демократия – это компромисс, готовность вести полемику с иными взглядами и принимать решения большинством голосов. А сведенная к единой воле социалистическая ставит у власти своих, не выясняя, по душе ли они обществу. Таким был советский строй, таков и нынешний, отбросивший звание социалистического, но тоже авторитарно-полицейский. А объединенные демократы не объясняют, как, при симпатии лишь немногих избирателей, провести честные выборы и побудить с ними считаться. Они верят, что их доступ на телевидение разом все перевернет.

Между тем, известно, что демократы теряли сторонников еще до того, как государство монополизировало телевидение. Если в августе 1991 не было охотников поддерживать ГКЧП даже под защитой танков, а против танков люди шли, то уже в октябре 1993 противостоявший Ельцину Верховный Совет поддержало немало людей, составлявших еще меньшинство, но оно росло. Им двигало недовольство начатой с января 1992 года так называемой либерализацией цен. Большинства не собирала не только партия Гайдара, ее проводившего, но даже партия Явлинского, выступавшая против методов ее проведения. Люди оспаривали не оттенки, они негодовали от ощущения, что их обманули, они сочли, что демократия за богатых и против бедных. А их уверяли, что новая власть –

это демократия. Это перевернуло массовое сознание. Многие не только перестали верить в реформы, но уже не брали в толк, что уровень жизни рухнул от долгой внеэкономичности советского хозяйства, которую Гайдар и Чубайс пытались как раз отвергнуть, но по-советски, бесчеловечной кавалерийской атакой. О той ситуации и перевороте массового сознания нынешние демократы молчат. Они еще уверены, что Россия бедствует лишь оттого, что в 1917 и 1929 революционные «левые» коммунисты перекрыли дорогу буржуазному порядку, и достаточно его восстановить, чтобы все встало на свои места. А частная собственность и предпринимательство под контролем власти вели не к демократии, а к нынешнему авторитарно-полицейскому режиму, создать который Гайдар с Чубайсом и потом еще помогали.

Помогали не по злой воле, а по слабому пониманию взаимодействия экономических и политических структур и того, что экономические отношения, влияющие на всю жизнь общества, испытывают и обратное влияние общественного порядка, квалифицировать который в целом возможно лишь учитывая это. К тому же, важно не довольствоваться синхронным срезом, но видеть диахронное развитие, тоже сказывающееся и на тех и на других структурах, еще менее при этом сводимых к старым кличкам «консервативный», «правый», и «революционный», «левый», в разных обстоятельствах имеющих разное содержание.

Рыхлый, «недоразвитый», английский феодализм, в ходе внутренних компромиссов создавший феодальный парламент, оказался сподручней других для индивидуальной предпринимательской деятельности. Наряду с крестьянской внеэкономической зависимостью там складывались еще и арендные отношения. И то и другое вело к более мирному вращению уцелевшей феодальной собственности в буржуазные формы, и земельной аристократии в консервативный слой буржуазии. Более строгий, классический, французский феодализм создал более полный и строгий абсолютизм, а положение крестьян стесняли трудные внеэкономические поборы, отчего, в конечном счете, французская революция стала жестче и кровавей английской.

А Русь, два с половиной века страдавшая от монгольского ига, потянулась к национальному единству и абсолютизму даже раньше, чем к ним толкнули собственно экономические причины, и русский абсолютизм был еще полней и жестче французского, и русские феодалы больше зависели от князя и царя, и роль государства стала в России больше. Все это, естественно, сказалось на позднейшем развитии. Беспредельность власти монарха и слабость аристократии, беспощадно истреблявшейся еще Иваном Грозным, наложили печать и на позднейшую царскую и на советскую власть.

Обратиться после 1991 к социально-экономическому опыту Запада было естественно. Но многие наши демократы, желая ему следовать, вызывающе провозгласили себя «правыми», воображая, будто противопоставляют себя этим советскому строю и коммунизму. Но не все так просто, и дело не только в том, что движение, защищающее людей от гипертрофии власти, не может не быть по природе «левым», что вовсе не обязательно означает социалистическим.

Первыми «левыми», когда это понятие возникло во Франции, были как раз буржуазные либералы, противившиеся королям, грезившим былым абсолютизмом. Либералы противились ему и в Англии, они и провели там основополагающий «Билль о правах», и защищали предпринимательство и свободу торговли, то есть утверждали капитализм, оттесняя феодализм, в противовес более терпимым тогда к его пережиткам консерваторам. Лишь после Первой Мировой войны, усилившей и капиталистические монополии и рабочее движение разом, место либералов в двухпартийной системе с 1924 года заняли лейбористы. И в Англию, и во Францию, капитализм пришел «слева». А у нас при царе и не было «левой» либеральной партии. Кадеты слабо противились самодержавию, а на выборах в Учредительное собрание взяли 5% голосов. Недовольные шли за эсерами и социал-демократами, в том числе большевиками.

На «левом» фланге, по мере того, как ширилась борьба за политические и социальные права, возникали крестьянские и рабочие социалистические партии. Но в XX веке промышленное состязание со странами северо-запада Европы активно вели уже и страны ее востока и юга, более отягощенные феодальным наследством, и там, не преуспев в борьбе за социальные гарантии трудящимся, самые «левые» социалисты отвергли либерализм и возложили надежды на новый, социалистический, абсолютизм. При всех идеологических различиях, так действовали и в России отошедшие от социал-демократов коммунисты-большевики, и в Италии - отколовшиеся от социалистов фашисты, и в Германии - национал-социалисты. Эпоха Ленина-Сталина-Брежнева - пора социалистического абсолютизма, по инерции числимого «левым», хоть он перенял худшие свойства феодальных абсолютных монархий, а права людей, не только политические, но и социальные, обеспечил куда хуже, чем ведущие либеральные государства. Став, по сути, крайне «правыми», сделав новое «дворянство», номенклатуру, фактическим хозяином страны, коммунисты держались за унаследованный ими бренд «левизны» и держатся поныне.

Казалось бы, первым делом демократов с началом гласности было разоблачение фальшивой «левизны» коммунистов, демонстрация реакционности реального социализма и мракобесия его идеологов, с фактически крайне «правых» позиций противопоставивших социализм всем либеральным тенденциям Возрождения, Реформации и Просвещения, включая утопию Маркса, считавшего условием социализма отмирание государства. Но наши демократы звали «правыми» себя, отвергая коммунистов, как «левых».

На Западе, между тем, особенно после Второй Мировой войны, уже и в самых развитых странах росло стремление к государственному регулированию хозяйства, и лейбористы, придя к власти, национализировали частные производства, становившиеся в результате убыточными. Лишь незадолго до нашей перестройки там возродилось сознание ценностей либерализма в его европейском понимании и связи демократии с конкурентным капитализмом. Только в 1979 году Тэтчер сопрягла это сознание с практикой. Нашим «правым», видимо, казалось, что они противостоят коммунистам, как «правый» консерватор Тэтчер «левым» лейбористам. Не поняв природы сдвига социалистов в России,

Италии, Германии к коммунизму, фашизму, нацизму, они не понимали, что национализацией лейбористы повернули, хоть и «демократично», тоже к «правой» на деле цели. А Тэтчер противостояла общегосударственной монополии как либерал грозящему тоталитаризму, то есть, объективно «слева».

Развитие общества показывает, что общественные позиции ни за кем не закреплены навеки, и всякий раз лишь конкретный анализ выявляет объективный смысл политики. Исторический раскол рабочего движения противопоставил социальные гарантии и социализм, как свойства разных общественных систем. Социальные гарантии стали важной чертой капиталистического мира, а социализм оказался на деле Гулагом, а социализм с человеческим лицом – мифом. Социал-демократы уразумели буржуазный смысл социальных гарантий, страхующих наемный труд от причуд рынка, как уже раньше от них страховался капитал, и это изменило жизнь собственников рабочей силы, нанимаясь на работу, входящих в рыночные отношения. А отколовшиеся тогда коммунисты, разрывая их связь с конкретным работодателем, замыкая на государство, вывели их из рыночных отношений, и этим лишили возможности добиваться перемен. Рынок вытесняли планом не затем, чтобы лучше предвидеть, - открытое движение рынка позволяет считать точней, а затем, чтобы мобилизовать хозяйство. У слаборазвитых стран или пострадавших, как Германия, от войны, других перспектив, казалось, не было, или очень уж отдаленные, и надежды возлагались на мобилизацию, на военный уклад, на ломку конкурентного хозяйства и замену его единым вертикальным командным регулированием, осуществляемым государством.

Порой, как показал пример лейбористов, такой соблазн возникает и в развитых странах. Ленин, прозорливей многих еще в 1915 году описавший пагубность монополий, губящих конкуренцию, а с ней демократию, возглавив Россию, обратил ее в единую хозяйственную монополию со всеми последствиями. Его объективные политические цели выявились лишь на практике. Их не сразу сознают даже те, кто к ним ведет. В Восточной Европе сдвиг коммунистов назад к социал-демократии ныне очевиден. А КПСС, видимо, потому, что менее всего на деле была рабочей, не следовала примеру «братских партий» в «братских странах». Горбачев даже не пытался ее расколоть, что помогло бы перейти к рыночному хозяйству, напоминая, что рынок «расставит все по местам», лишь при социальных гарантиях, а не как вышло.

Российской демократии надлежит ныне бороться не за взятие власти, покамест и невозможное, но за гласность, за непрерывную всенародную общественную дискуссию, в ходе которой каждому легче определиться. К этому подталкивают провалы внеэкономического хозяйничания, нередко уже вызывающие протесты. При монетизации льгот стариков и больных, льготы фактически упразднившей, люди вышли на улицу в непредвосхитимых количествах, и власть тотчас засуетилась, предлагая разного рода компенсации, которых сперва не предполагала. Массовые протесты может вызвать не только роковое падение цен на нефть. Российское хозяйство таит в себе и другие угрозы. Но экономического толчка недостаточно. Кризис восьмидесятых, выведший на улицы миллионы, лишь малой их части принес жизнь лучшую, чем в советские

времена, а большой - даже худшую. Во многом оттого, что в критические минуты люди способны схватиться лишь за то, что уже есть в их умственном обиходе. Сам кризис не подсказывает путей своего преодоления, и возникают лишь временные уступки и ложные надежды.

Власть ведет страну к очередной катастрофе. Но оппозиция не может предотвратить катастрофу, взяв власть, - она и на самых честных выборах еще не соберет большинства. Сперва его надо завоевать умственно, показать на конкретных примерах пагубность политики власти для людей, для России, а в конечном счете для самой власти, надо показать преимущества иного порядка, который официальная информация усердно поносит. Тогда в час катастрофы люди будут действовать осмысленно. Нелепо, не проясняя связь социальной и экономической расстановки сил, восклицать: мы будем бороться за власть!

К тому же, к борьбе за власть ныне допущены лишь разрешенные партии, получающие исключительное право выдвигать кандидатов в представительные органы, которого рядовые граждане наперед лишены, отчего партии, во всяком случае, наново разрешаемые, неизбежно становятся частью нелегитимной системы. Уже это велит демократам призывать не к созданию единой партии, а, прежде всего, широкого движения за осознание происходящего, за политическое просвещение. В сущности, необходимо продолжение в легальных условиях диссидентского движения, прервавшегося при надеждах и свободах, дарованных Горбачевым. Знаменательно, что призыв: не партия, а движение, вбросил виднейший диссидент Буковский. Он, конечно, прав. Новое движение должно стать полем полемики людей, с разных сторон глядящих на жизнь, заменив нынешнее токование политических глухарей, не слышащих оппонентов.

Опыт истории побуждает вдумчиво различать полемику реально «левого» движения с псевдо-«левыми» противниками нынешней власти, коммунистами и сотрудничество с ними против власти, к какому зовет, к примеру, Скобов. Отношение коммунистов к власти двойственно уже потому, что она, их наследница, и тоже за абсолютизм, и тоже за новое «дворянство», хоть дарует его не партийным секретарям, а боевому отряду КПСС, чекистам. Но нынешняя власть - крайне «правая» не только на деле, а и на словах. Она не скрывает своего тоталитаризма, и откровенно опирается на традиции самодержавия, откровенно использует в пропаганде церковь, и сеет шовинистические взгляды не исподтишка, а позволяя безнаказано изъяснять их на публике. Коммунисты, стараясь делать то же самое, в этом не признавались, лицемерили, а нынешняя власть чистосердечна в своей «правизне», и, быть может, отобрала у коммунистов верховенство своей откровенностью. Вот коммунисты и ведут себя двояко, в обиходе власть поддерживают, голосуют за ее бюджеты, а по праздникам, на выборах, - обличают, рядясь оппозицией. Воротясь к власти, наследники РКП-ВКП(б)-КПСС не установят правовой порядок. Но проблема шире отношений с тоталитарной оппозицией тоталитарной власти.

Либеральная, представительная демократия, в отличие от социалистической, стоит за слышимость всех голосов, какие есть в

обществе, и не только потому, что это позволяет в ходе общественной дискуссии обнажить заблуждения оппонентов и порой их переубедить, но и потому, что мнения меняются и конкретные политические сторонники и союзники выявляются лишь в ходе политической жизни, где не одни речи, но и поступки, показывают, кто впрямь за демократию, права человека и социальные гарантии, а кто готов объединиться с либералами в борьбе против нового самодержавия лишь ради тактических выгод, а после общей победы их изгнать или уничтожить, как большевики после Октября. Внимание к реальной позиции тех, с кем идешь вместе, неприменное условие успешной политики, тут Явлинский прав.

Но зря он предполагает, что завтрашнее поведение людей можно исчерпывающе понять по вчерашнему, и даже в дискуссии велит вступать лишь с известными либерализмом «приличными людьми». Увы, на улице говорят и неприличные, на заборах и вовсе бог знает что пишут, и если в открытом споре не показать «неприличность» и пагубность предложений коммунистов, нацистов, фашистов и любой подобной силы, начиная с власти, если не объяснить, как эффективней привести страну и отдельную деревню к процветанию, люди поверят им, поверят, что погубив половину жителей, можно обеспечить благоденствие другой половине. Этот опыт большевики уже провели, но в том и трагедия России, что он не осознан обществом публично. Официально советские формы власти отвергли, а чем они худы не выговорили вслух. И часто люди зовущие сегодня назад, к ним, не помнят, как их отцы или матери два часа ехали до Москвы на электричке, чтобы купить им колбаски. А о выселении народов, лагерях, дискриминациях, колхозной барщине, запрещении читать непопозволенное, уже и не слышат. Но не все таковы, даже среди ослепленных силовой коммунистической догматикой, не все люди потеряли способность думать. Время движется, жизнь меняется и люди тоже. Не только от зомбирования телеэкраном, но и под влиянием реальностей и суждений тех, кто думает об этих реальностях.

Лишь на таких началах и могут строиться отношения демократов с властью, которым объединяющиеся уделяют немало места, возможно потому, что их старшие товарищи помогали Ельцину и Путину взять верх. Но, если власть от общества не зависит, а общество от нее зависит, то есть, страна - уже абсолютная монархия, как бы ее правителей ни именовали, а по Конституции она - республика, стало быть власть узурпирована и, тем самым, не легитимна. Стало быть, говорить с ней возможно лишь, как с фактической властью, лишь в той мере, в какой она того хочет. Смешно при этом гадать, какие темы пристало с царем обсуждать, буде ему угодно. Да любые, лишь бы позиция была собственная и самостоятельная, а обсуждение публично!

Взвешивая, о чем с властью говорить, новые демократы спешат сказать, что «не ищут конфронтации». Но само обличение режима и намерение его реформировать – уже вызов. И, если не верить, как верили в девяностые годы, что правящий класс добровольно отдаст власть, надо бы открыто говорить, что худа не конфронтация, не разногласия разных социальных сил, не «классовая борьба», а применение в ней недостойных средств и, прежде всего, насилия. Конфронтация – естественная форма политической жизни, надо лишь вести ее корректно, не экстремистски, и

оппозиции потому и трудно, что независимая от общества, авторитарная абсолютистская власть сама у нас ведет себя экстремистски.

В двадцатые годы на дискуссии меж так называемыми «формалистами» и коммунистическими литературоведами, среди которых был и Троцкий, в ту пору наркомвоенмор, но еще писавший о литературе, Виктор Шкловский с трибуны ему сказал: «Конечно, вы нас победите. Кто мы такие? Горстка литераторов. А за вами армия и флот». Нелепо закрывать глаза на то, что и после убийства Троцкого, и после смерти его убийцы Сталина, и после крушения прежней формы общественного уклада, положение не изменилась. Провокаторы, выступающие по телевидению, славя авторитарное государство, демагогически заявляют, что, не доверяя люди власти, они вышли бы на улицы с протестами, и молчат, что омоновцы бьют вышедших дубинками по головам. И перестанут бить лишь тогда, когда на каждого омоновца придется по меньшей мере полсотни вышедших, и он смекнет, что усердствовать не безопасно.

В этом вся надежда на реальность демократических преобразований. Их сулит массовость протеста, но в то же время его ненасильственный характер, лишаящий власть ореола защитницы порядка. В том, что Индия, едва ли не единственная среди прежних крупных колоний, после освобождения умела поддерживать демократический строй, важнейшую роль сыграла проповедовавшаяся Ганди и его сторонниками идеология ненасилия. А в стране Льва Толстого, у которого Ганди перенял эту идеологию, большого числа сторонников она не обрела. И кому, как не демократам, чуряющимся экстремизма и насилия, первым делом и от власти требовать отказа от экстремизма и насилия.

Он тем более необходим, что у нас насилие и охраняет ложные хозяйственные отношения, и само – их главное орудие, не только при крепостном праве. Военный коммунизм был вовсе не временной мерой в ходе Гражданской войны, но воплощением идеала, к которому после НЭПа вернулись и поныне не отреклись. Потому советское хозяйство и пребывало вечно в состоянии кризиса, порой губельного, что стояло на принудительном труде, и не только в Гулаге. Монополия, руководившая промышленностью и по государственной, и по партийной линии, а колхозным сельским хозяйством преимущественно по партийной, - лишала трудящихся альтернатив, сводя этим жизненный уровень к минимуму и ниже его. Но и провозгласив в девяностые годы переход к капиталистическим, то есть экономическим, отношениям, и пользуясь их механизмом, российское государство не перестало внеэкономически в них вступать, ломая договоренности и круша самостоятельность субъектов экономики. Оттого, при круговой зависимости всех слоев общества, и растет государственный произвол.

Радикально изменить положение могут лишь свобода и здоровое законодательство, расширяющие пути приложения труда и таланта каждого, то есть, резкое ограничение вмешательства вертикальной исполнительной власти в трудовую деятельность любого назначения. Залог развития - не сама по себе частная собственность, но опирающаяся на нее частная инициатива, а у нас государственные организации притесняют негосударственные, даже некоммерческие. Это и разрушает

социально-экономическую почву демократии, а тем самым и оппозиционного движения. Это, быть может, – наше главное зло, ведущее к остальным. Кому же, как не демократам, звать к отделению хозяйства от государства?

Важно осознать и почему союзные республики отпадали не единообразно. Прибалтика ушла ради самоопределения и демократии, Украина, Азербайджан, Грузия, тоже, но противоречивей, а номенклатура Туркменистана и Узбекистана удержала порядок советского типа, пожертвовав лишь его внешними приметам. Не вглядясь в эти различия, не понять, что происходит с Россией. А она, в своем сознании ни от кого не отделилась, а осталась империей, малым Советским Союзом, то есть, изменила социальную природу меньше, чем даже Туркменистан. Демократия несовместима с империей, там она бывает лишь в отгороженной метрополии, у нас не возникшей. А средний слой номенклатуры от империи не отрекся. И надежды на демократию сорвал на деле не раскол демократов, не споры «Яблока» с СПС, позволявшие стоять рядом там, где они заодно, а имперская война в Чечне. С этого бы демократам и начинать, эту поступь и преодолевать, но резолюция о ней не вспоминает.

Еще до Чечни, в 1993 году, была принята ельцинская Конституция, содержащая еще больше хороших слов, чем сталинская. Но та была чисто декоративной и практического значения не имела, а в этой зафиксирована ставшая на деле и официально краеугольным камнем государства необъятная власть президента, не просто исполнительная, но фактически самодержавная. Конституция на деле не ограничивает его власть, напротив, он объявлен гарантом Конституции, поднят над ней. И хоть преемник не раз ее нарушил, отменив даже избрание населением глав субъектов федерации, без чего субъекты уже не субъекты, а «федерация» - унитарное государство, это и другие нарушения были предопределены необъятностью власти президента. Упразднение такой власти – условие любых перемен. Да она уже и не атрибут государства, но личная принадлежность Путина, берущего ее с собой на новый пост. Государство выглядит собственностью уже не правящего класса, не номенклатуры в целом, как в СССР, а отдельной личности, хоть и на ее месте легко могла быть другая, тоже не только опирающаяся на вертикаль власти, но и творящая ее волю. Разоблачители «культы личности» выгораживают образующих вертикаль. Ясно, нечего было ждать демократии от КПСС и КГБ. Но почему одни не хотели, другие не посмели, а третьи не сумели им противостоять и ее спасти?

Возможно это было? Резолюция не отвечает. А в конце говорит: «За нами миллионы россиян». Но сегодня они не в силах заставить власть считаться с обществом. Силы надо собирать. При внезапном провале власти они соберутся и вдруг, но видимо, все же это задача не одного дня, и главная сила тут – сознание, знание. Прежние демократы упустили демократию потому, что полагались не на сознание граждан, а на доверие Ельцину. Нынче говорят «Время действовать!», не зная, что делать. А время знать! Знание - сила.

Как выбирают мэра? 16.5.2008

На недавних выборах местной власти Англии и Уэльса, включая мэра и городскую ассамблею Лондона, лейбористы с треском провалились, и их политику и перспективы стали наново активно обсуждать. Но российскому наблюдателю не так любопытен этот провал и его причины, как самый характер избирательного процесса, обнажающий характер общества.

Наблюдая его в Лондоне, сперва дивишься, что у каждого избирателя и при выборе мэра и при выборах ассамблеи есть по два голоса, которыми он, однако, распоряжается по-разному. При выборах мэра отдает один голос желанному кандидату. А второй тому, кого готов поддержать, если никто не соберет больше половины первых голосов, как и вышло в данном случае. Это избавляет от нужды проводить второй тур. Двум претендентам, набравшим наибольшее число первых голосов, просто прибавляют поданные за них вторые, и набравшего наибольшую сумму признают победителем.

Кандидатов было десять, но более 80% первых голосов забрали прежний мэр лейборист Кен Ливингстон вместе с консерватором Борисом Джонсоном, который и победил, набрав больше первых голосов и большую сумму. Но те же избиратели, одновременно выбирая депутатов городской ассамблеи, показали, что их симпатии не сосредоточены на двух больших партиях, как можно было ожидать, зная, что в Англии традиционна двухпартийная система.

При выборах в ассамблею у каждого тоже было два голоса, но их тоже подавали по-разному. Один - за желанного кандидата от своего избирательного округа – одного из 14, охвативших по два-три городских района. Другой - за партию или независимого кандидата для пропорционального распределения еще 11 мест от всего города.

По округам избрали восемь консерваторов и шесть лейбористов, - представительство разошлось почти как при выборах мэра. Но голоса за 11 депутатов пропорционально распределились иначе. Избрали трех консерваторов, двух лейбористов, трех либерал-демократов, двух зеленых и одного от британской национальной партии. То есть, две главные партии парламента тут получили не все места, не 80% мест, а меньше половины общего числа. А никто не заставлял избирателей, выбирая 11 депутатов голосовать так, а выбирая мэра иначе. Каждый решал самостоятельно.

«Третья» парламентская партия, либерал-демократы, при пропорциональном голосовании в ассамблею, как и вообще по стране, заняла второе место, а «первая» парламентская, лейбористы, лишь третье. Но кандидат либерал-демократов в мэры остался третьим, и сильно отстал от прежнего лейбористского мэра. Странники либерал-демократов явно выбирали мэра не только по партийным соображениям, были у них и другие, и не у всех одинаковые. Голосуй они все заодно, вместе с лейбористами, Ливингстон обошел бы консерватора и удержался, но они явно разошлись. И, видимо, не только потому, что либерал-демократы, некогда возникшие при объединении либеральных лейбористов со старой партией либералов, еще не одолели

двойственность происхождения. Среди самих лейбористов различимы радикалы и более либеральные, так называемые «новые лейбористы». Победитель Джонсон не без иронии отметил, что с этими «новыми» Ливингстон по началу усердно боролся. Но на сей раз лейбористы дружно его поддержали.

Уже отсюда видно, что разнообразный партийный расклад ассамблеи, куда прошли и радикалы из «Британской национальной партии», и «зеленые», и либеральные социалисты – лейбористы, и, так сказать, общие либералы (либерал-демократы) и либеральные консерваторы, не покрывает все разнообразие лондонских и, вообще, британских избирателей. А еще столько же партий собрало какую-то малость голосов. Так можно ли ожидать, что в нашей стране, куда более противоречивой, чем Соединенное королевство, четыре схожие думские партии, не то, что отстоят, но хоть огласят интересы всех граждан?

Нам, однако, недостает не столько восьмивековой эволюции Британии и ее парламента, сколько понимания условий демократии, при которых она только и возможна. А это не только неперемное равенство голосов граждан и принятие решений большинством. Демократия возможна лишь там, где считаются с разнообразием общества.

Еще в феодальной Англии, более однообразной, чем нынешняя, интересы крупных землевладельцев, рядовых рыцарей и крестьян, как свободных, так и зависимых, не совпадали ни меж собой, ни с интересами короля, что и вынудило еще в XIII веке создать парламент, где все социальные группы, кроме зависимых крестьян, были, - хоть еще и не пропорционально, - представлены. Парламент стал органом компромисса, учета разных интересов разных людей. Смысл современной демократии в создании компромиссного общества. В этом ее отличие от афинской демократии, считавшейся с интересами рожденных в Афинах свободных мужчин, но не женщин, иногородних и рабов.

Демократическое, компромиссное, общество нуждается в демократическом, компромиссном, государстве, уже по своей природе призваном способствовать благосостоянию граждан. Никакой самой прекрасной цели оно не вправе отдалиться целиком, не оглядываясь, как движение к ней сказывается на общем благосостоянии, а наилучшим образом судить об этом могут только сами граждане. Потому им и приходится регулярно решать, поддерживать ли дальше политику государства или, наоборот, ее пресечь. Голосуя за мэра иначе, чем за пропорциональных депутатов в ассамблею, лондонцы не только не разрушают государственные институты, как уверяют проповедники так называемого «сильного государства», то есть, по их понятиям, сплоченного единой целью, но напротив, каждый лондонец по отдельности, поступает как истинный государственный, признающий, что государство - это не одна высшая, но все ступени и отрасли власти, и оно лишь тогда правомочно действовать так, а не иначе, когда всесторонне учтена воля его граждан. И признающий, что задачи исполнительной власти - временные, порой даже срочные, не исчерпывают более широкие стремления разных слоев общества, не поддающиеся полному учету временным большинством и проступившие при выборах

пропорциональной части ассамблеи. И признающий, что у города Лондона есть интересы, не во всем совпадающие с интересами всей Британии, и что интересы районов города тоже не вполне совпадают с интересами города в целом, и жители районов выбирая свои советы, а также депутатов от округов в ассамблею, следуют этим своим интересам. Повседневный учет всего этого разнообразия и ведет к относительному компромиссу «общего» и «отдельного», тогда как «сильное государство», дорожит «общим» и топчет «отдельное».

Реальное значение словосочетания «сильное государство», едва ли не главного для российского правящего класса, звали его дворянством, номенклатурой, или, как нынче, «элитой», не прояснено. Обыденное сознание числит им государство, владеющее военной силой, способной противостоять агрессии. Это правомерная, но в большой мере декоративная, часть понятия. А суть его в неограниченности государственной власти над собственной страной и ее населением, претензии на которую ощутимы в термине «вертикаль власти». Но демократическое государство отнюдь не вертикаль, по которой самодержец спускает обязательные для всех и каждого решения, а лишь «лестница власти», где высшая ступень занята лишь общими решениями, не мешающими принимать по другим вопросам самостоятельные решения на других горизонтальных уровнях, местные и групповые. В демократическом государстве все уровни власти, начиная с высшего, ограничены четкой фиксацией прав всех горизонталей. Мэр Лондона по преимуществу занят борьбой с преступностью и заботой о транспорте, а многое в жизни города больше зависит от решений, с одной стороны, парламента и правительства, а с другой, районных советов, но и те и другие признают и сферы городской власти.

Отсюда и «разнобой» голосований по округам и в целом по городу. У каждого района есть отдельные интересы и в его местном совете большинство получает та партия, которая лучше их представляет, вот и в городскую ассамблею от района и набирает голоса кандидат той партии, которая по мнению местных жителей представит их лучше. Здесь подчас сомнительно лишь объединение районов в округа, чтобы ассамблея не стала чересчур громоздкой, но сам учет местного мнения, при том, что и оно определяется большинством голосов, служит демократии. У нас же большинство непременно исчисляется лишь от «общего», игнорируя «отдельное», и отсюда нелепости вроде горбачевского референдума о сохранении Советского Союза, за что голосовало большинство, составившееся, однако, преимущественно из жителей РСФСР. А некоторые республики голосовали против, предвещая свой позднейший выход из Союза, но на это закрыли глаза, тешась тем, что «общее» большинство – за Союз! Спрашивай Горбачев республики по отдельности, хочет ли каждая остаться в СССР, вопрос пришлось бы уточнить, не говорить про «СССР в измененном виде», а конкретно сказать, как изменятся государственное устройство и права республик. Быть может, обретя эти права, они и не стали бы выходить.

В России отношениями «общего» и «отдельного», и правами «отдельного» пренебрегают, словно «общее» не состоит из «отдельного» и, подавляя его, само в целом не скудеет. Недаром самые разные люди у нас

утверждают, что избирательная система Соединенных Штатов не демократична, поскольку президента избирают не прямо граждане, а выборщики, избранные каждым штатом по отдельности и голосующие так, как хочет большинство граждан данного штата. Порой кандидат, за которого проголосовало больше избирателей, уступает тому, за кого проголосовало больше выборщиков. Число выборщиков от каждого штата сообразно численности его населения, но за числом выборщиков стоит не просто число избирателей, - существующая система сообразует мнение большинства избирателей с мнением большинства штатов, во имя единства и целостности федеративных Соединенных Штатов. А иначе девять штатов, где живет больше половины населения (Калифорния, Техас, Нью-Йорк, Флорида, Иллинойс, Пенсильвания, Огайо, Мичиган и Нью-Джерси) могли бы, объединяясь, навязать своего президента остальным сорока двум. Едва ли это было бы демократично, иные штаты вышли бы из федерации, где с их населением не считаются. Наши политики выдают свое полное непонимание нужды в избирательной системе, поддерживающей согласие меж «субъектами федерации», им привычней на «претензии» этих «субъектов» отвечать оружием, как в Чечне.

Лондонцам было важно, чья конкретная программа, Ливингстона или Джонсона, предпочтительней. Для нас не существенно, ошиблись они восемь лет назад или теперь, или были правы и тогда, и теперь, сочтя, что с проблемами, города Ливингстон тогда справился, а теперь волнуют другие, а в них он не так успешен, и больше надежды на Джонсона. Да пусть решают, как хотят, это их дело. Нам важно видеть, что решение, которое они приняли, правильное оно или неправильное, - решение правовое, отвечающее пониманию вещей большинством жителей Лондона. Именно этого недостает нам. И не то что стало недоставать при Медведеве или еще при Путине, а недостает всей российской жизни.

«Несогласные» остроумно называли нового президента Дмитрия Медведева «Лжедмитрий», говоря, что он не избран, а назначен. Но Путина никто почему-то не называл «Лжевладимир», хоть он был, даже без псевдо-голосования, назначен исполняющим обязанности президента, а, заняв этот пост, у нас уже не трудно себя на него выбрать. Да и назначивший Путина президент Ельцин не был легитимен. Главой РСФСР его избрали еще по советской системе, хоть уже не из одного. Но соперничать с ним могли лишь другие секретари обкомов или советские работники, генерал или агент ГБ. Диссиденты, противники режима, кандидатами стать не могли. А провозгласив демократию, распустив советский Верховный Совет и назначив выборы в Государственную Думу, Ельцин и не подумал, что обязан одновременно провести выборы нового президента, а остался советским президентом новой России!

При большевиках говорить о легитимности власти и вовсе смешно. Не важно, была ли у формального главы государства, какая-то власть, как после устранения Хрущева у Брежнева, или он был декоративной фигурой, как Калинин и Шверник при Сталине или тот же Брежнев при Хрущеве. Последними свободными выборами после революции были выборы в Учредительное Собрание в 1917. Его разгон в январе 1918 перечеркнул в России само понятие легитимности. Правда, и прежде, если

не вспоминать Вече, дело обстояло не сильно лучше. Лишь Первую (работала 10 недель) и Вторую (работала 16 недель) Государственные Думы, при всей неравноправности и многоступенчатости выборов, можно как то счесть представительными, хотя реальной властью, как и Учредительное Собрание, они пользоваться не могли, И ту, и другую, тоже быстро разогнали. Популярный ныне Столыпин резко изменил избирательные нормы, и с конца 1907 года Дума лишь декорировала удержавшееся самодержавие, и сам Столыпин в итоге утратил ее поддержку.

Но реально выборные органы власти, - и две Думы, и Учредительное Собрание, - тяготели к завершению буржуазной революции, начатой освобождением крестьян и другими реформами Александра II. Слово народа, когда он его получал, не подтверждает уверений коммунистов и черносотенцев, что русскому народу капитализм чужд. На деле он у нас поныне не установился лишь потому, что народ никогда не решал, как ему жить. Это решение узурпировало начальство, белое, красное или, как нынче, бесцветное.

Как ни различаются наводимые ими порядки, они совпадают претензией на неограниченность власти, - и над целыми народами, вынужденными беспрекословно подчиняться, и над отдельным человеком, сколько бы таких отдельных людей ни было, хоть все население страны, полторы сотни миллионов. «Сильное государство» превыше всего ценит силу навязать свою волю всем и каждому, начиная с диктовки убеждений по телевизору. Ему не довольно молчаливого сообразования мыслей, интересов и поступков с пожеланиями государства и командующей «элиты». Даже личное имущество для него не чье-то вполне собственное, но лишь пребывает в пользовании владельцев. Понятие о собственности у нас на деле не включает в себя ни ее неприкосновенности, ни права ею распоряжаться по своему усмотрению. Вы не вольны вывезти за пределы страны хоть один экземпляр книжки, изданной более ста лет назад, пусть даже тиражом в несколько тысяч. Что уж говорить о собственности на реальные ценности, о вложениях отечественных и зарубежных фирм или их доходах. И, тем более, о неограниченности власти над свободой и жизнями. Эту неограниченность мы не только наблюдаем на практике, - ограничься она этим, можно бы говорить о преступной деятельности отдельных должностных лиц и разоблачать их культы. Но неограниченность власти предусмотрена Конституцией Российской Федерации, предоставившей Президенту безмерные права, не сильно уступающие правам абсолютного монарха. Такие нормы введены не из личных нужд первого лица и его семьи, но для блага всей правящей «элиты», как раз и живущей за счет неограниченной власти над десятками миллионов. Потому и не может быть серьезных перемен, пока эти десятки миллионов сами не выразят свои интересы, - и общие, и отдельные - национальные, местные, городские, сельские, культурные, социальные, партийные и прочие. А пока выбирать дано лишь меж абстрактными позициями разрешенных виртуальных партий, будь даже выборы честными, голосу народа не пробиться.

Русские не глупее англичан. В Москве и в Питере разобрались бы в избирательных бюллетенях не хуже, чем в Лондоне. Но успех Джонсона

или Ливингстона не зависел от их отношений с премьер-министром, а для Лужкова или Матвиенко это совсем не так. Согласно многим опросам, уже и от новоизбранного президента самостоятельности не ждут. А все потому, что, как жить, как в своей деревне или по всей России жить лучше, решают не избиратели, а дворянство, номенклатура, «элита», с их командными, административными, внеэкономическими привилегиями. У Черномырдина, хотевшего, «как лучше», потому и получалось, «как всегда», что, как лучше, решал сам Виктор Степанович с товарищами, среди которых он был вовсе не хуже других и даже подорей, а все равно выходило, как всегда.

Развитие капитализма в новой России 1.6.2008

Советский кризис растолкал общественную мысль в самых разных направлениях. Главный спор, нередко подспудный, пошел о свободе, недостаток которой в тоталитарном государстве остро ощущался и ощутимо сказался. Иные славят либерализм, чтобы показать свое свободолобие. Но не всегда ясно, в чем их либерализм.

Известная «Либеральная хартия» объявила: «личность и собственность неприкосновенны», но не говорит, как сделать их неприкосновенными. От государства ждут, что оно умерит насилие, но легализованное государственное насилие не только не покончило со стихийным, но в XX веке бесстыже его обскакало. Объявив насилие исключительным правом государства, хартия требует лишь соблюдать при его применении утвержденную процедуру.

Но физическое насилие не выделено, не названо по имени. Не сказано, что оно допустимо лишь в ограниченной мере и лишь в особых случаях. Не оговорено в каких. Не сказано ни о пытках, ни о недопустимости смертной казни, которую большинство наших сограждан отменить не готово. А без обуздания государственного физического насилия, ни неприкосновенность личности и собственности, ни свободное волеизъявление, ни сама легитимность, невозможны.

Не одни либералы хотят свободы. Ее желают все, - кто самодержцу, кто прогрессивной партии. Свобода для немногих, уличенная бессмертным «Ты для себя лишь хочешь воли!», оборачивается произволом для большинства. Либерализм хочет свободы для всех, свобода каждого упирается в свободу других, и тут выявляется роль власти. Суть либерализма в том, чтобы никакая власть нигде и никогда не была неограниченной. Нельзя мириться с терроризмом и другими насильственными преступлениями, но желание их осадить не дает государству вседозволенности, не дает ему права убить сто пятьдесят невиновных ради ликвидации пятидесяти подозрительных. И не потому, что, как учит хартия, нельзя «осуществлять насилие по соображениям общественной пользы». Захват заложников, - из тех случаев, когда оно может стать необходимым, но и тут защита жертв важнее ловли преступников. Либерализм - не декламация о свободе, а практика свободы.

В отвлечении от реальной истории страны, от конкретных ситуаций, от поведения партий и движений (не только «Либеральной хартии»), в отвлечении от дел и документов, действует гипноз самоназваний. Одни считают либерально-демократической партию Жириновского и по ней судят о либерализме и демократии. Другие верят в Чубайса, стоящего за «либеральную империю» и против свободных выборов. Опыт либерализма, - не со страной, так с оппозицией, - стала и Национальная ассамблея 17 мая.

Бытует поверье, что свергнуть нежеланную власть может лишь единение оппозиции, хоть и русский царь, и Временное правительство, и советская власть, пали без него. При либеральном собеседовании разных оппозиционеров склонности к единству ассамблея не проявила, но это не беда. Худо то, что, хоть, сколько можно судить, в одном помещении, с одной трибуны, успешно прозвучали самые разные крайние взгляды, то был лишь обмен декларациями, а не дискуссия о происшедшем за последние полтора или двадцать с небольшим лет. Глухие вели диалог, позволявший каждому пребывать в своем виртуальном пространстве.

А встречи разномыслящих полезны не декламациями как бы равноправных мнений, а их сопоставлением. Оно помогло бы каждому, в ходе взаимной критики, самостоятельно уточнить понимание реальности, и хотя бы признать объективные факты. Уверенно твердящие, что царя свалили на немецкие деньги, а коммунистов на американские, и глубоких экономических и социальных причин, чтобы рухнуть, ни у того, ни у других, не было, могут даже временно не убивать думающих иначе, но к взаимопониманию это не ведет. Клонятся они к либерализму или консерватизму, к социал-демократии или тоталитарному правлению, сотрудничество в лечении, как и спор о нем, осмыслены лишь при сходстве диагноза. Иначе судить о методах лечения – дело пустое. А у нас обсуждают эти методы, но не диагноз.

В дни ассамблеи Проханов по телевидению учил, что Русь искони была империей, и ей не жить по-иному. А она стала империей лишь при Иване Грозном, а четверть своей тысячелетней истории, два с половиной века, сама была колонией монгольской империи. Но Познер, споря с которым, Проханов напирал на имперскую сущность Руси, решительно с ним не соглашаясь, не счел нужным сказать, что Проханов просто говорит неправду. И не подчеркнул, что Россия все еще империя, и тратит силы на удержание непокорных ради земли, на которой они живут. А ведь заведись в Африке Ичкерия, выперли бы туда чеченцев, как евреев рассеяния в Израиль.

Казалось бы, либералу, каким слывет и Познер, надо, очерчивая предметы общественной дискуссии, обозначать расхождения, но у нас либерализм часто лишь декорирует не слишком либеральные позиции. Сосредоточить насилие в руках государства и ограничить его отдельными запретами, которые оно тут же переступает, - недостаточно. Надо внятно определить, чем и как государство обеспечивает свободу. Либерализму, отстаивающему свободу человеческой жизни и деятельности, тесен девиз

хартии «Ненасильственная деятельность свободна», тем более, что, не говоря о другом, и педофилы не всегда добиваются своего насилем.

Опыт XX века наглядно опроверг вековую веру в единство, порой и впрямь полезное отдельным общностям, пока можно из них выходить и создавать другие. Но XX век от религиозного единства средневековья скакнул к светскому единству под крылом государства, и выросшему из него понятию об отщепенцах, о людях, не допускаемых в единство «всех», которых убивают не в боях, а пачками в лагерях – в печах или на морозе. И открылось, что вера в единство, как ее ни крась, - главный враг почти каждого по отдельности, что и показали жившие единством фашизм, нацизм и коммунизм.

Скобов, либерал, призывающий к единству с российскими «левыми», то есть, коммунистами, в политическом развитии видит лишь три вектора: консервативный, либеральный и социалистический, и упустил четвертый, тоталитарный. А это плод сожительства и соперничества консервативного и социалистического. Социалистами оставались вышедшие непосредственно из социал-демократии российские коммунисты и итальянские фашисты, но и возникшие иначе немецкие нацисты, звали свою партию социалистической.

Нацизм с первых шагов совмещал социалистический вектор с консервативным, звавшим к традициям этнического единства. Фашизм склонился к симбиозу социалистических надежд с консервативным национализмом поздней. Еще поздней, уже при Сталине, этот симбиоз возобладал и в российском коммунизме, как бы интернационалистском поначалу. Консерватизм, держащийся национальных и религиозных традиций, кажется порой противостоящим глядящему в будущее социализму. На Ближнем Востоке социалистические и фундаменталистские движения еще противостоят. Но близость их конкретных позиций говорит, что и здесь, по крайней мере в умах, складывается единый тоталитарный консервативный социализм.

Либерализм и противопоставляет всем этим разным насильственным единствам свободное сотрудничество самых разных свободных образований, в том числе и национальных, и религиозных, и социал-демократических, не признавая, однако, за ними права на ущемление тех, кто их сторонится, даже принадлежа к той же нации, той же религии, или тому же стремлению к социальному переустройству. Либерализм считается с объективным разнообразием мира.

Тоталитарные отслоения от консерватизма и социал-демократии вынудили ориентировавшихся на эти векторы заметить пропасть меж собой и тоталитаризмом. Вели к тому уже войны с германскими или советскими захватами, которым противились их страны. Вопреки тоталитарным отпрыскам консерватизма и социал-демократии, росли их либеральные антиподы. Но консервативно-социалистический тоталитаризм жив и рвется править миром. Добровольно он не уходит.

Поэтому, признавая правовое равенство людей, независимо от их пола, этнической принадлежности, веры или неверия, богатства или бедности,

места рождения и жительства, образования, профессии, рода занятий, здоровья, либерализм не признает права государства, даже опирающегося на реальное большинство голосов, ущемлять другие группы и меньшинства, лишая их общих прав, включая право на автономию, выражение и защиту своих интересов.

Первой гарантией либерализма является государственное устройство, предоставляющее самоуправление не только национальным меньшинствам, но всем исторически сложившимся регионам, городам и селам. Антипод либерализма - вертикаль власти, в которой опущенные вниз со слепым энтузиазмом исполняют указы вышестоящих. Чтобы власть не стала неограниченной, ее надлежит рассредоточить. Самоуправление снизу доверху наделяет власть каждой ступени, начиная с высшей, конкретными ограниченными задачами, не позволяя соорудить единый громоздкий аппарат власти, служащий себе, а не стране.

Либерализм сочетает ступенчатое разделение власти со сквозным профильным ее разделением на законотворческую, текущую и судебную, при взаимной их организационной независимости снизу доверху. Возвышение одной власти над всеми сразу делает систему нелиберальной, сколь благие статьи о правах человека не впишут в Конституцию. Все их у нас перевесила одна, наделившая безразмерными правами президента, призванного быть не более, чем главой лишь текущей исполнительной власти. А от нее законодательную и судебную власти надлежит обособить еще строже, чем друг от друга. Там, где она берет верх и подчиняет себе обе другие, настает царство произвола, подпираемого потребительской сменой законов и неправым судом.

Особенно пагубен такой произвол, если государство ведет хозяйство, переставшее от этого быть экономическим и ориентируемое уже не на объективные нужды, не на закон и общественное мнение, но лишь на соображения правителей. При подчинении им хозяйственной деятельности социальный строй становится в полной мере тоталитарным. Его идеальное воплощение - советский от 1929 до 1991 года.

С начала кризиса, выплеснувшегося к 1985 году, прошло более двадцати лет, но ни правящие, ни оппозиционные силы не пошли в квалификации советского строя дальше коллизий плана и рынка, не признали, что СССР был съеден его тоталитарным социалистическим порядком, и толком не обозначили, что за строй его сменил. Одни кличут советский государственным капитализмом, другие нынешний – диким или латино-американским, третьи - и тот, и другой зовут феодализмом, четвертые зовут нынешний авторитарным, не оговаривая социальную природу. Строй уже не объективная форма общества, а устройство, какое власть вольна завести, - что захочет, то и заведет! Объективных следствий былого как бы и нет, живут в синхронном срезе. Славят и бранят вождей, и верят, что не всякому народу всякий строй годен. Русским, дескать, либерализм и демократия чужды! А чужды они империи, китайская она, испанская или русская.

Между тем, картина достаточно ясна. До февраля 1917 в России был феодализм, до февраля 1861 – феодальная реакция. Тогда простились с

главным ее свойством – крепостным правом. При известных различиях России и Запада, и тут, и там, феодализм держался внеэкономическим принуждением. В России конца XIX века, как в Англии конца XVI, сквозь феодальный порядок прорастал капитализм. Но есть важное отличие - В Англии это началось до создания машин, и в XVIII веке капитализм к ним пришел, а Россия сразу свободно покупала машины на мировых рынках, и развивалась несопоставимо быстрее.

Капитализм отличали наемный труд и конкурентное товарное производство. Третье важное свойство, социальные гарантии, он обрел позже. Либерализм, политический аналог капитализма, возник позднее не только консервативных оправданий насилия, но и утопического социализма. Связь капитализма с либерализмом опирается на осознание экономической свободы, как опорной. Маркс справедливо считал, что прежде, чем мыслить, человек должен существовать, но, к сожалению, отвлекся от того, что это требует свободы добывать средства существования. Когда ее нет, человек и в мыслях не свободен, и думает, как велят те, кто ввергли его в подневольный труд и дают средства к существованию, чтобы трудился. Маркс видел, что при этом мысли господствующего класса - это господствующие мысли.

Но капитализм прервал непреложность такой ситуации, отстояв экономическую свободу, то есть свободу открывать предприятия и свободу наниматься на работу, и расширил свободу мыслить, умом оценивать складывающиеся отношения. Понимать и общие интересы предпринимателя с рабочим, и отдельные и даже противоположные, понимать их производственное единство и классовую борьбу. Рабочее движение стояло за сокращение рабочего дня, за пособия при увольнении и безработице, за право на забастовку и на пенсию. В этой борьбе рабочие и предприниматели ощупывали границы взаимной свободы, при нарушении которой рушились их общие интересы. Стремления к социализму в этом не было. И Маркс, и Ленин, признавали, что из рабочего движения оно само собой не вырастает и они его туда внедряли. Социализм – движение, возникшее как антифеодальное, но докапиталистическое, и чужд рабочим, что сразу стало видно по уровню их жизни в СССР.

А в развитых капиталистических странах борьба рабочего класса привела к социальным гарантиям. Противоборствующие классы не только получили равные избирательные права, при том, что рабочих было куда больше, но фактически возникла система общего государственного социального страхования. А сперва лишь предприниматели страховали собственность!

Но дело не просто в гарантиях от колебаний экономики. Капитализм и либерализм, его осмысливший, ощутили преимущества экономического строя не как раз навсегда установленного, а как подвижного, способного меняться. Реальный капитализм – далеко не идеален. Не составит труда указать на неприглядные стороны буржуазных отношений. Но его преимущество перед другими, покамест известными порядками, в том, что это строй экономический, а прочие, включая коммунизм, внеэкономические. При капитализме действуют независимо от любой

отдельной воли объективные экономические начала, и общество способно осознавать и преодолевать неловкие движения и пороки.

Едва ли не самый неприглядный из них - империализм, перенятый у феодальных монархий, и прельщавший капитализм внеэкономическими соблазнами. Но уже и Британии, и Франции, и Голландии и Португалии пришлось отказаться от колоний, а они не только не обеднели, но стали жить лучше, подтвердив крепость и эффективность своего порядка. Самой опасной его болезнью остается тяга к монополизму, то есть, тоже к внеэкономическому хозяйствованию. Но, даже не вспоминая торжествующий монополизм советского государства, эта опасность сознается и, вопреки предсказаниям, ей активно сопротивляются. Есть и другие противоречия, это и споры об интеллектуальной собственности, и справедливые претензии ученых и изобретателей на оплату авторства. Но их решают либеральными средствами, и жизнь продолжается. О неизбежной гибели капитализма говорят с 1848 года, а он, выстояв тягчайшие кризисы и жесточайшие войны, за полтораста минувших лет преобразил возможности человечества. И не последнее то, что при капитализме отдельный человек может за свои права бороться, а при социализме, при тоталитаризме не может. Может только просить, умолять.

Трагедия России в том, что уже ступив было, пусть с опозданием, на такой путь, она свернула на обочину. Под грузом Первой Мировой войны, крестьянского безземелья и ущемления покоренных народов, составлявших более половины населения, в феврале 1917 вспыхнула революция и царь отрекся. Но страна не продвигалась дальше деклараций, пока, восемь месяцев спустя, власть не захватили большевики, радикальное крыло социал-демократии. Они стерли ростки капитализма, установили внеэкономический порядок, жесточе феодального, названный военным коммунизмом, и конфисковали имущество частных лиц. Они победили в Гражданской войне, но хозяйственный кризис разрешить не могли, и в 1921 году пришлось Ленину принять Новую Экономическую Политику, НЭП, и, как потом Дэну в Китае, отступить перед капитализмом, эффективность которого, возродившая за восемь лет хозяйство страны, угрожала всевластию большевиков, и в 1929 они вернулись к внеэкономическому порядку, дотянувшему до 1991.

Сопоставлять советский строй, как внеэкономический, с феодальным правомерно, он особенно схож с последним его периодом, абсолютизмом. Но феодализм был социально осторожней. Там, где феодальная реакция отступила и крепостное право не прижилось, ему пришлось считаться с «обычаями манора», то есть зависимых крестьян, а не только чинить свою волю. К тому же, феодальный абсолютизм даже в России терпел буржуазные отношения. А советский строй ни с кем не считался и ничего не допускал, - то был новый, ожесточенный феодализм, новый абсолютизм. Не был советский строй и государственным капитализмом, ведь государство там - монопольный собственник, монопольный производитель и монопольный работодатель, что никак не сообразно с конкурентностью капитализма. Государственный капитализм возможен лишь при капиталистическом строе, пока есть и другие капиталисты, кроме государства.

Признав социалистический строй внеэкономическим, легко объяснить «перестройку», начатую его руководителями во главе с Горбачевым, слившимися выйти из небывалого кризиса. Затем они и допустили гласность, некоторую свободу слова, печати и собраний, даже избрание представительных органов и президентов республик более чем из одного кандидата. Эти демократические меры могли бы смягчить кризис, и социалистический строй имел шансы еще продержаться, прибавясь к политическим переменам экономические, отпади тотальный запрет на частную хозяйственную деятельность. Это не требовало отказа от государственного имущества. Достаточно было разрешить создание частных предприятий и позволить крестьянам выходить из колхозов с землей и вести собственное хозяйство. У Горбачева было на это шесть лет, но серьезных шагов он не совершил, да его консервативные товарищи их бы, видимо, и не допустили, если внутрипартийную полемику на танках вынесли на московские улицы. В итоге СССР распался, и отдельной Россией правил Ельцин.

А кризис лишь нарастал. Обострилась нужда восстановить денежную систему, которую тоталитарная власть уродовала уже тем, что деньги для нее не всеобщий эквивалент, но лишь форма учета ценностей, а тут еще диспропорция гонки вооружения с остальным хозяйством. Неправоммерно причисленная к реформам «либерализация цен» подправила денежную систему, однако разочаровала население, вторично оплачивавшее убытки прежнего советского хозяйства. Но еще сильней людей разочаровали сами реформы, проведенные Чубайсом, как «приватизация».

Смуту в сознание внесла уже «либерализация цен», не делавшая хозяйство конкурентным, и потому никого не побуждавшая цены снижать, отчего «либерализация» на деле стала лишь их повышением. Такой «либерализм» сбивал людей с толку, и пользоваться этим термином для необходимой, но никак не либеральной, операции было недобросовестно. Еще более недобросовестно было обозначать проведенную реорганизацию хозяйства термином «приватизация». Ее распорядители сознавали, что ожесточение угнетения, новое крепостное право, расширение Гулага, в силу высокой техничности производства, уже не слишком плодотворно, и, как альтернативу, использовали некоторые капиталистические методы, но иначе, чем НЭП.

НЭП дал все, что дали Горбачев и Ельцин, - от права выезжать за рубеж до чтения чего угодно. Но НЭП шел дальше, при всех ограничениях, при сохранении властью «командных высот», он впрямь допускал частное хозяйство со всеми вытекавшими из этого последствиями, и нес не только потребительскую, но и производительную свободу в массовом масштабе. Множество предпринимателей и десятки миллионов крестьян были свободны индивидуально решать важные проблемы своего производства. То, чем они владели, либо принадлежало им прежде и было им оставлено или возвращено, либо как-то приобретено. Предприятия порой сдавали в концессию, но частное хозяйство НЭПа возникло не от даровой раздачи государственного имущества.

А в нынешней «приватизации» массовой была лишь выдача ваучеров, которые тут же скупались подконтрольными государству фондами.

Собственность досталась немногим. Ее не продавали по рыночным ценам, а бесплатно или за бесценок передавали куцому числу лиц, названных потом олигархами. Но на деле она и не стала их собственностью. Когда крупнейший из них возомнил себя российским Рокфеллером и стал самостоятельно решать что-то важное, его тотчас лишили владений в России и посадили. А его собственностью поручили владеть чиновникам, лучше усвоившим, что чьей бы ее номинально не числили, принадлежит она государству.

Заявления о том, что «приватизация», лишь рядившаяся приватизацией, учредила в России капитализм, хоть дикий, хоть латино-американский или другой, - прямая ложь. На деле это прежний социализм лишь частично реформированный в духе так называемой реформы Косыгина, предполагавшей большую самостоятельность предприятий, которую тогда все не решались ему позволить, а, когда приперло, Чубайс ее осуществил, но жестче и грубей. А что строй не стал капиталистическим, видно не только из того, что государство непрерывно внеэкономически вторгается в хозяйство, но уже из того, что меж новыми «капиталистами» нет реальной конкуренции. Капитализм имитируют, точь в точь как Дума, где нет места дискуссиям, имитирует власть парламента.

Собственность государства не только закрепляется переоформлением ее на крупных чиновников. Существенен сам неправовой характер хозяйственной жизни. Коррупции, то есть, оплаты чиновнику незаконных преимуществ, всюду в мире практикуемой, и в России хватает. Но главное зло в том, что чиновнику надо оплачивать и повседневное пользование законными правами. Надо давать взятки не ради нарушения закона, а ради его исполнения. Это у нас тоже зовут коррупцией, а это - круговая зависимость гражданина от чиновника, правомочного, по своему усмотрению, следовать или не следовать закону.

Миф о российском капитализме не только создал удобные условия псевдо-частным, а на деле государственным фирмам на мировом рынке. Этот миф радикально изменил понятие населения о корнях его жизненных тягот. Видевшие в 1991 году зло в тоталитарной социалистической системе, к концу девяностых часто уже видели его в допущении капитализма. Отсюда и симпатии и популярность реставраторов, начиная с Путина. И он не единственный. Иначе не объяснить, что коммунисты во главе с Зюгановым, продолжают собирать на выборах голоса, а партии, числящиеся либеральными, их теряют. Иначе не объяснить, ни популярность прямых черносотенцев, ни успех Дугина, Нарочницкой, Миграняна и прочих консерваторов, Иначе не объяснить и воскрешение надежд на социализм «с человеческим лицом» или социализм «смешанного типа», сторонники которого указывают, что на Западе возникли предприятия целиком принадлежащие трудящимся, призванные стать залогом будущего, забывая, что такие предприятия возникают лишь при капитализме, а ни в одной социалистической стране ничего подобного не было и быть не могло. Это широкое разочарование в капитализме, так наяву у нас и не установленном, - едва ли не главная удача Ельцина и Путина, и служит власти по-иному, но в каком-то смысле не слабей нефтегазовой благодати.

Разоблачение этого мифа – ныне главная нужда российского сознания. Советская власть тратила богатства страны ради господства над миром, манившего сперва, как мировая революция, а потом, как победа социалистической сверх-державы над капиталистической. Эти иллюзорные цели, подпитанные привычкой имперского наследия, мешали стране и народу заняться собой, жить не удержанием республик и накоплением вассалов, а строительством национального государства, которое давно могло бы процветать. Но страна свернула с такого пути, маячившего в феврале 1917, отвергла либерализм и экономическую свободу, и развивалась односторонне, растрачивая не только богатство, но и время, и, преуспев в ядерном оружии, ракетном деле и науках, их обслуживавших, в целом отстала от развитых стран, тешась знаками имперской мощи. А уже пример поверженной Германии, побуждал думать не о покорении мира и величии империи, а о национальных интересах русского народа, об его освобождении от взваленных на него непосильных и не нужных ему задач, и о свободе других народов от имперского гнета. К этому не привели ни 1945, ни 1953 годы, и даже в 1991, когда тоталитаризм уже обличали, его на деле лишь перестраивали. Но нефтегазовые источники не вечны.

Певцы коллективной вины 16.6.2008

Став президентом России, Дмитрий Медведев, за плечами которого не только многолетняя уже практика, но и преподавание таких юридических дисциплин, как римское право, едва ли не сразу посетовал на отечественный правовой нигилизм, и был, конечно, прав. Тем досадней умолчание о том, что нигилизм этот идет не от беспечности нашего народа, а от его многолетнего бесправия.

Правом обычно именуют установленную государством систему обязательных норм поведения, правил, законов, которые всем положено соблюдать. Но правовой нигилизм не сводится к тому, что отдельные граждане и государственные чиновники, - кто ради государства, а кто в своих интересах, - нарушают правила поведения. Предшественник Медведева сулил диктатуру закона, то есть, непреложное исполнение всех правил в любых случаях. Но при нем еще избирательней стало судопроизводство, одних преследовали, ожесточая закон, за то, чего за другими не замечали. Диктатура и закон не уживались не только при Путине, а еще наглядней при советской власти, да и при царях закон не преуспевал в обуздании воли самодержца. Инициаторы «перестройки» на XXVII съезде КПСС призывали сделать СССР правовым государством. Но тоже ничего не вышло.

Худы у нас не просто сами правила поведения, но и правила их установления и применения, и еще хуже правила констатации нарушения правил. Право свели к правилам, а у «права» есть и другая сторона, ее обозначает родственный омоним, - «право», означающий уже не систему правил, а основание для тех или иных человеческих поступков и требований. Хоть правила вводит государство, они станут правовыми лишь если они, их применение и констатация их нарушения, сообразованы с правами тех, кто обязан правила соблюдать. Этого-то в России и недостает. И виновно в этом не только нынешнее государство и его

правители, но давняя зыбкость права, как раз и питающая правовой нигилизм.

Полковник Владимир Квачков, обвинявшийся в покушении на Анатолия Чубайса, руководившего так называемой «приватизацией», сказал: «Уничтожение Чубайса для меня не является преступлением». Свою причастность к попытке уничтожения полковник отрицает, присяжные в большинстве тоже не сочли ее доказанной. Но его суждения поинтересней его реальной роли в инкриминированном деянии.

Законы против экстремизма и терроризма у нас суровы. Но на утверждение интервьюера: «Люди, которые возле дороги открывают стрельбу и взрывают самодельную мину, это люди, которые осуществляют террористические действия», Квачков бесстрашно отвечал: «Нет, это не так. Это зависит от цели». Еще Маркс учил: «Не может быть правой та цель, для которой нужны неправомерные средства». Но люди, считавшие себя его последователями, брали у нас власть, руководясь не теорией, а революционным правосознанием, по которому цель оправдывает средства. Стремясь потом выглядеть респектабельней, советская власть все реже его поминала, но еще на нашей памяти Михаил Шолохов досадовал, что его коллег Андрея Синявского и Юлия Даниэля, печатавших свою прозу за рубежом, не судили по революционному правосознанию, тогда бы приговор вышел жесточе полученных ими семи и пяти лет. Никто уже ту речь не вспоминает, а старая идея все еще жива. По российским законам терроризму нет оправданий, и его защитники – тоже преступники, как сами террористы. Не считая речи Квачкова преступными, суд явно держался другой точки зрения!

Не столь важно, совершил ли покушение на жизнь Чубайса, по мнению большинства присяжных все же имевшее место, именно Квачков. Но, чтобы понять происходящее в стране, знать его суждения полезно. Он считает, что в России сегодня идет война, что страна оккупирована противником, которого он именует «еврейской мафией», и партизанская борьба против оккупантов - не преступление. Чубайса он относит к этой мафии и прямо говорит: «Замысел партизанской операции по ликвидации Чубайса не может рассматриваться как преступление и никакой речи о какой-либо и чьей-либо вине идти не может».

Схожие суждения чеченских партизан о стоящих в Чечне российских солдатах вызвали недвусмысленные оценки государственных лиц, включая Чубайса, и приговоры, но суд над Квачковым обошел его суждения, обошел даже его утверждение, что Россия оккупирована, обошел естественный вопрос, считать ли, что Путин, Медведев и прочие наши граждане начальники – тоже оккупанты из еврейской мафии. Будь оно так, можно бы, хоть и не согласиться, но уразуметь суждения Квачкова и уклонение суда от их квалификации, для которой вердикт присяжных не требуется. Но если в стране конституционный порядок, видимо, и деяния Чубайса, коль скоро в них обнаружена уголовщина, взвешивать и карать должен все же суд, а не самосуд, не партизанщина.

Не скрою, да и не смог бы скрыть, я – решительный противник приватизации Чубайса, вводившей капитализм не снизу, как он рос везде,

а до революции и у нас, а сверху, не дав крестьянам землю и волю, но формируя олигархов, ведомых государством на поводке. Быть может, даже глубже Квачкова, я убежден, что это ошибочная политика, по своей пагубности сопоставимая с военным коммунизмом Ленина и коллективизацией Сталина. Ущерб, нанесенный Чубайсом капитализму и демократии в России, огромен. Но для уголовного обвинения этого мало. Надо установить, клал ли Чубайс деньги в карман себе, или все же в карманы Абрамовича, Потанина, Дерибаски и прочих, которые ему не сваты и не братья. Вроде, себе не брал. И надо уточнить, провел он приватизацию один, без ведома остальной власти, или Ельцин, Черномырдин и другие его начальники знали и разделяли его взгляды и действия. Вроде, ни от кого не таился. А если судить наших бывших начальников за государственную деятельность, ни одного из них, начиная с Ивана Грозного, открытый и справедливый суд не оправдает.

Но и соглашаясь, что при оккупации можно гауляйтеров убивать, ждешь доказательств того, что имеет место оккупация, что не один Чубайс, но и Ельцин, и Путин, и Медведев исполняли и исполняют команды неких вне-российских сил. Надо доказать, что правит ими именно еврейская мафия, для чего наличия нескольких евреев среди олигархов все же недостаточно. А еще хорошо бы объяснить, почему после «захвата России еврейской мафией» простые евреи побежали из России толпами и после 1985 уехал чуть не миллион, то есть примерно столько, сколько по официальным данным их и было до 1985. Рассуждать об оккупации в домашнем кругу или хоть на публичном митинге Квачков вправе, на то и свобода слова. Противозаконно лишь оправдание им терроризма. Но его суждения об оккупации были известны следствию и суду, и то, что суд не вынес о них особого определения, без наказания, все-таки странно.

Велик соблазн списать речи Квачкова на маргинальность консервативной среды, возникновение которой после крушения СССР и причастность к ней теоретика спецназа понятны. Не все поняли, что погубило СССР, тем более, что власти не дают это прояснить. Но, увы, сумятица в умах присуща ныне не одним консерваторам. Либералы не отстают.

У Евгении Альбац, замредактора недурного журнала «Новое время», почему-то выходящего под названием «The New Times», позиция противоположна полковничьей, она рассуждает о вине Коммунистической партии, Советского правительства, особенно Комитета Государственной Безопасности, и преступлениях советского времени.

Но Альбац говорит о всеобщей коллективной вине, а для необходимого персонального осуждения виновных, - быть может, за давностью лет не обязательно влекущего за собой исполнение приговора, - все же необходимо отличать виновных от невиновных, и уголовную вину от моральной. В эти различия она не входит. Сперва ссылается на немецкий пример и утверждает, что в Берлинском музее холокоста дети «берут на себя часть вины за то, что их деды стали соучастниками колоссального преступления». Но нет на немецких детях вины за то, что семьдесят пять лет назад у них на родине пришел к власти преступный режим, ни разу не собравший на свободных выборах абсолютное большинство голосов, лишь относительное, и удержавший власть на двенадцать лет

государственным переворотом с поджогом рейхстага и провозглашением канцлера (премьер-министра) президентом. Людям родившимся после свержения в 1945 году преступного режима, ныне уже по 63 года, и в чем они (а строго говоря и их старшие братья и сестры, родившиеся в 1935 и даже 1933 году, когда режим пришел к власти) виноваты, понять невозможно, и совсем невозможно понять, в чем виноваты их дети и внуки. И сколько еще поколений по мнению госпожи Альбац должно пройти, чтобы из немецкого происхождения перестали выводить вину за преступления гитлеровцев? А вменяя эту вину на вечные времена всем немцам, она размывает вину подлинных преступников. Ни правнуки, ни внуки, ни дети преступников за дедов и отцов не отвечают. Это для вида признавал даже Сталин, убивавший и детей и внуков своих невинных жертв.

К соотечественникам Альбац мягче, вины прадедов навеки не простирает, но все же утверждает, что, раз и наши деды преступники, «все кто родился до 90 года, мы все соучастники преступления». Ничего не знаю о семье госпожи Альбац и не хочу строить догадок, но точно знаю, что ни у меня, ни у моих детей, ни деды, ни прадеды ни в каких преступлениях не участвовали, а были их жертвами. И знаю также, что наша семья не составляет особого исключения. То же самое вправе сказать большинство живущих на территории СССР. То же самое вправе сказать большинство живущих в Германии. Даже при Гитлере не все немцы участвовали в преступлениях, как и не все русские, украинцы, евреи, грузины при Сталине. Вина, вообще, понятие индивидуальное. О групповой, коллективной, вине можно говорить, когда преступление совершено группой, коллективом, по взаимному сговору и согласию, хоть и тогда вина каждого конкретизируется. Порой говорят, что молчание - знак согласия и соучастия в преступлении. Пословица к этому толкает. Но на призыв: «Кричите: Да здравствует царь Димитрий Иванович!» дан ответ «Народ безмолвствует», которым поэт отнюдь не обвиняет русский народ или хотя бы толпу на Красной площади в поддержке самозванца. Он, напротив, ясно дает понять, что народ его не поддерживает.

Вот и нечего выдавать безмолвие замордованного народа при советском (да и при нацистском) государственном терроре за соучастие и вину. В комсомол,- а в Германии в гитлерюгенд, - принимали подростков, и прием носил не слишком индивидуализированный характер, хоть стоит ценить уклонение от общего потока, которое властями фиксировалось и усложняло уклонившимся жизнь. Соучастие и вина, конечно, есть во вступлении в партию, но и тут можно говорить о моральной ответственности, а уголовно преследовать и даже подвергать люстрации рядовых членов партии нелепо. Реальна вина и ответственность номенклатуры, но и номенклатурные лица уголовному суду подлежат по конкретным делам, к которым причастны лично.

Другое дело, следует ли людям с грузом привычек советского руководителя поручать государственную деятельность при демократии. Так и не выяснено, кто из советских деятелей подлежит суду, а кого закон не осуждает, только мораль. Преступники, преуспевавшие в советские годы остались безнаказанными. Покушений на них никакие «агрессивные демократы» не учиняли. Никто не утверждал, что Россию оккупировали

КГБ и спецназ, в котором служил Квачков, и не призывал кого-то убивать из-за угла. Григорий Васильевич Романов, долго отравлявший Ленинград, суда избежал, однако от дел был отстранен и умер, слава богу, своей смертью. Но наш преступный режим установился девяносто один год назад, и числится ушедшим семнадцать лет назад, а страной правят прежние советские начальники, поднявшиеся по служебной лестнице. Отсель все качества.

Нужна не месть, не расстрел сотни номенклатурщиков за расстрел миллиона сограждан (не считая миллионы погибших в лагерях). Расстреливать никого не надо. Но надо разобраться в происходившем, оценить прежнее, осознать его абсурд и несправедливость. От этого нынешняя Россия, в отличие от Германии, удивительным образом ушла.

А нужна для этого лишь любовь к своей стране, чтобы не пользоваться испоганенным ныне иностранным словом «патриотизм». А любовь – это не только гордыня и сладостное вкушение прелести, это и говорение правды тому, кого любишь, и помощь ему, когда он болен, помощь, чтобы вылечить. Не затем немцы возвели в центре Берлина памятник холокоста, как подобие каменного еврейского кладбища, чтобы взвалить на детей вину за гитлеровцев. А затем, чтобы дети знали, что их страна подцепила дурную болезнь, дорого платила за лечение, к счастью, поправилась, но возврат инфекции может стать смертельным. Немецкие дети знают, им в школе говорят, что страны болеют дурными болезнями, и надо остерегаться. Уродливые камни в центре города внушают им не вину, а память, и ответом становится не «Мы виноваты», а «Мы такого не допустим». А мы, видя хозяйственные успехи разгромленной Германии, все не поймем, что там сбылась наша пословица «за битого двух небитых дают». И там были «патриоты» и расисты, кривившиеся при виде черного американского солдата под ручку с белокурой Гретхен. Но немцы проделали тяжкий умственный и душевный труд, чтобы спасти отечество и себя. А мы от такого труда отмахнулись.

Наших начальников бесит, что им указывают на возврат советской практики. А надо, как немцы, начать думать иначе, иначе, чем Квачков и Альбац, вроде стоящие по разные стороны баррикады, но думающие сходным образом, массовой, не видя ни отдельных людей, ни персональной вины или невинности каждого. В их сознании роковым образом смешались свобода суждения и свобода самосуда. Квачков, как мужчина и офицер, последовательней и жаждет решать политические проблемы партизанскими действиями, Альбац, как женщина и либералка, стелет мягче, но о коллективной вине говорит она. Оба они и многие их единомышленники такими речами как раз и поддерживают привычку к правовому нигилизму, на который президент Медведев справедливо сетует, но не рискует ему противопоставить хотя бы юридический анализ суждений Квачкова и Альбац и показать, в чем нигилизм состоит. А с этого бы начинать.

Впрямь ли КПСС лучше КГБ? 7.7.2008

Призывая либералов брататься с коммунистами, тоже недовольными нынешней властью, Александр Скобов пишет: «Победа даже такого

условного левого лидера, как Зюганов, была бы меньшим злом по сравнению с успехом спецоперации «Престолонаследник». Скажи он «не большим злом», спорить бы не о чем. Зюганов не хуже и не лучше Медведева, - при Ельцине и Путине, как депутат, голосовал за бюджеты, да и еще работая в ЦК КПСС не плошал. Медведев по молодости в ответе лишь за дело Путина. Но Скобову милей «оппозиционер» Зюганов.

Проводи наши выборы ООН, оберегай безопасность кандидатов и избирателей нейтральные войска из финнов, индусов и сенегальцев, и победы в итоге Зюганов, - да не то, что Зюганов, а самый оголтелый из русских нацистов, - я со Скобовым соглашусь просто потому, что свободные выборы лучше спецоперации, даром что после них пришлось бы навек расстаться с родиной, если не со свободой. Этот барьер отделяет нас обоих от Чубайса, видящего в нынешней власти «меньшее зло», хоть она становится все большим.

Но и Скобов пренебрегает реальным отношением своего «меньшего зла» к выборам, которые, при всем почтении к ООН, финнам, индусам и сенегальцам, хочется проводить без них, но и без непринужденности господина Чурова. А для Зюганова, как он ни сетует на выборные фальсификации, свободные выборы такая же спецоперация, как для Чурова, Медведева и Путина. Оттого и барьер, разделивший меня со Скобовым, не ниже разделившего с Чубайсом.

Кто, как не коммунисты, завел в России имитационные выборы, оформлявшие партийные назначения? Ни Зюганов, ни его товарищи, от выборов из одного не отrekliсь. А ныне их участие придает этой процедуре вид законной. Зюганову не стыдно стоять в списке кандидатов, откуда изъяли и Буковского, и Каспарова, и даже Касьянова, который почти четыре года будучи премьером, случись что с Путиным, стал бы президентом автоматически, а ныне его не пустили даже в кандидаты. Неужто, «победу» Зюганова Скобов принял бы за итог свободных выборов, не опознал бы спецоперацию?

Россия во власти спецопераций. Таковой была уже смена Ельцина. Слаженный им порядок выдавали за капитализм и демократию, но, по своей советской природе, он не мог вывести страну из кризиса, и правящий класс схватился за «чекистский крюк», к которому путчисты влекли уже в 1991. После дефолта 1998, когда надежды выйти из кризиса не стало, правящей «элите» иначе было не удержаться. Не будем гадать, добровольно ли сдался Ельцин и почему власть обрел не Примаков, глава разведки, не Степашин, директор ФСБ, а его преемник на том посту Путин. Все это не слишком важно. Но сперва сделанный президентом, и лишь потом избранный, Путин был не легитимней Медведева.

Не его заслуга гигантский рост цен на нефтегазовом рынке, переваливший уже за 1000% и спасший страну от всеобщего голода. Уровень жизни немалой части граждан, прежде чуть не нищенствовавших, вырос. Но изменение Конституции ради третьего срока Путина открыло бы глаза на возврат к прежнему типу власти. Потому и профессионального разведчика Иванова не сделали преемником. Он бы тоже не мешал Путину быть первым лицом на формально втором посту. Но, чтобы слыть демократией,

надо блюсти видимость, затем и нынешняя спецоперация, передавшая верховный пост сыну профессора, да еще якобы склонному к оттепели.

Но это не конец истории, и новый кризис, которым ситуация все еще чревата, может вынудить правящий класс к новым рокировкам. Затем и берегут «социально близкую» компартию, замалчивая ее былые доблести и отводя ей на псевдо-выборах места в Думе, которых запросто могли бы лишиться, как лишили «Яблоко» и СПС, правящему классу и для вида уже не нужные. Положение компартии – знак того, нужна ли снова правящему классу репутация «власти трудящихся» или хватит речевки «Россия встает с колен».

Честный либерал Скобов этого не видит, должно быть, оттого, что, как многие, все еще держит коммунистов за выразителей интересов трудящихся, какими иные из них впрямь хотели быть в 1848 и еще в 1917 году. И вроде тоже готов объяснять их преступления во власти не ложностью идеи насильственной благодати, а недостатками и ошибками вождей, и даже Зюганова зовет лишь «условным» левым. А коллизия давно прояснилась. «Левое» движение обнажило свою внутреннюю противоречивость. С одной стороны, экономическая борьба рабочих за полноправие в рыночных отношениях, в которых они участвуют, сдавая на время свою рабочую силу в аренду, дала социальные гарантии всему обществу и поощрила политический прогресс. С другой, политическая борьба за внеэкономический социализм, заменивший экономические отношения административными, привела к тираниям в России, в Китае и в других странах.

Понимание «левого», как во всем прогрессивного, хоть оно все наглядней и чаще демонстрирует свои реакционные выверты и обороты, присуще не одному Скобову. К тому же, телевизор и печать, коммунистическая и шовинистическая пропаганда, мешают понять, что, в сущности, происходит.

Социал-либеральная партия «Яблоко» была дальновидней других. Едва ли не единственная, она разом отвергала и советский порядок, и его чубайсизацию, то есть, строительство капитализма сверху. Считается, что и «Яблоко», и СПС, ориентированы на Запад, но лишь отчасти верно, что партия Чубайса - на консерваторов, а партия Явлинского - на социал-демократов. На деле прямых аналогий нет. Приватизация Чубайса творила олигархов, наперед служащих у государства, а Тэтчер освобождала прежде национализированные предприятия от государства. Явлинский надеялся на социальные гарантии, внедренные в плюралистическую экономику. а лейбористы, напротив, старались передать собственность государству, как в СССР.

Здравая социал-либеральная позиция партии и ее первого лидера вызывала куда больше брани и нападок, чем их слабость. А слабы они были тем, что, положась на парламент, откуда Путин их вскоре выставил, не сумели в наших антидемократических условиях донести до людей, отравленных прежней и продолжающейся пропагандой, преимущества своей позиции. Похвальное стремление выглядеть прилично лишало яблочников смелости. А она нужна не для провокационных вторжений в

министерские офисы, а для безоговорочного разоблачения прежнего порядка и возвращенных им социальных сил, удерживающих власть поныне. А без этого невозможно реальное противостояние якобы новой власти, на деле лишь скинувшей идеологическую личину. Но даже когда в Петербурге «Яблоко» бесстыже сняли с выборов, партия это проглотила.

Путин оперся на модель Чубайса, а тот, со своей стороны, охотно стал государственным чиновником. Явлинский, - по крайней мере, пока был формальным лидером, - от участия в авторитарной власти отказывался, но в готовности служить Путину винили его, а служащего Чубайса выгораживают. Там, где «парламент не место для дискуссий», и лучший парламентский лидер бессилён, как рыба на льду. Добровольная отставка Явлинского – запоздалый конец надежд на плавное преобразование советского режима в демократический. Она рухнула еще четыре года назад, при избрании Путина на второй срок и ожесточении его политики. А в спорах, как жить без надежды, обнажились крайности.

Еще не став лидером, Сергей Митрохин понимал, почему левые радикалы рады сотрудничать с либералами: «Да, власть их притесняет, безусловно. А когда власть притесняет, начинают сразу кричать о нарушении своих прав и блокироваться абсолютно с кем угодно для того, чтобы выжить в это сложное время». Но вывод он сделал неожиданный: «Все это мы знаем еще по большевизму, по В.И.Ленину, который сначала рьяно боролся за Учредительное собрание, а потом его разогнал... Люди, которые считали правильным сотрудничество с большевизмом, но при этом руководствовались какими-то либеральными взглядами, ... считали, что это все правильно, потому что это все направлено против самодержавия, против монархии, и так далее. Известно, что со всеми ними потом стало, и известно, что они послужили потом той ступенью, при помощи которой большевики пришли к власти». И в итоге заявляет: «Недопустимо сотрудничать с представителями человеконенавистнических идеологий только для того, чтобы любой ценой свергнуть существующую власть. Потому что надо думать и о том, что будет после прекращения функционирования этой власти».

Ссылка на Ленина велит спросить нового лидера социал-либералов: в том ли виноваты либералы 1917 года, что не отвергли созыв Собрания, за который были и большевики, или все-таки в том, что затянули выборы, не провели их сами, отдали эту возможность большевикам, не конституировали новое Российское государство, а это мешало бы Ленину взять власть. Ленин-то понимал: когда Собрание соберется, издаст эсеровский Закон о земле, с проекта которого он списал свой Декрет, будет поздно, и сам говорил: «послезавтра поздно».

Конечно, коммунисты с января 1918 топтали избирательное право, а завтра предадут либералов, но это не резон сегодня отвергать избирательное право потому, что и они за него ратуют, пусть лицемерно. Конечно, СПС предал социальные ценности, но это не резон, чтобы не выступить вместе против нынешней власти, если Чубайс и прочие на это пойдут. В политике не соберешь приятную компанию, приходится иметь дело с теми, за кем стоят разные слои населения. Советовать, что политические конкуренты бесчестны, наивно. Важно самим быть

честными, и Явлинский был честен, но там, где нет открытой политической жизни, демонстрирующей честность одних и бесчестность других, важно ежеминутно указывать, что ее нет, и на это яблочников уже не хватило.

Наша ситуация отличается от лета и осени 1917 года. Но опыт велит не забывать, что в 1991 и 1993 нынешняя власть не возникла, а преобразилась из советской и вскоре стала понемногу возвращаться к прежнему. И думать надо не столько о том, «что будет после прекращения функционирования этой власти», сколько о том, до чего она дойдет. Призыв думать, как Россия выживет без Путина, стирает разницу между Митрохиным и Чубайсом. А не стоит «Яблоку», прежде более прозорливому, перенимать взгляды СПС из страха, что Зюганов соберет большинство на впрямь свободных выборах, - шансов у него не больше, чем было у Ленина, политика, что ни говори, более талантливого.

Максим Резник, Илья Яшин и Александр Скобов спорят с Митрохиным вполне обосновано, но они сами заблудились в трех соснах. Митрохин не показал, чем Путин лучше Зюганова, а они, - чем Зюганов лучше Путина. А ситуация зеркальная! В Национальной Ассамблее преобладают сталинисты, шовинисты и национал-большевики. И в Думе преобладают сталинисты, шовинисты и национал-большевики, хоть и не лимоновцы. Разницы меж Ассамблеей и Думой в этом нет, и, значит, нет причин с одними говорить, а с другими не говорить.

Говорить о проблемах страны можно с кем угодно, полемизировать на открытом форуме даже похвально. Не грех и выйти на демонстрацию с одинаковыми требованиями, лишь бы свою позицию в целом выразить публично. Но нельзя «ради единства в главном», ради смены власти, молчать о неприемлемости сталинизма, шовинизма и национал-большевизма, внушая этим, что Зюганов и прочие все же «лучше», либеральней, нынешних, а это неправда. Вот и не гоже вступать с ними в единые организации, поддерживать их на выборах и входить в одно правительство. Если член «Яблока» Артемьев на это идет, исключать его не обязательно, но избирать заместителем председателя партии - стыдно. И союзы Резника и Яшина с темными силами Ассамблеи тоже партию не украшают.

Политикам надо смотреть в обе стороны и видеть вещи, как они есть. Американские либералы, выступая за гражданские права, не знали как быть с тем, что Сталин и Мао вроде тоже хотели гражданских прав в Америке, а у себя дома их душили беспощадно. И часто опасались разоблачать лицемерие «левых», чтобы, не дай бог, не сочли консерваторами.

Митрохин прозорливо ожидает, что Зюганов или Лимонов отнимут у него нынешнюю возможность вносить дельные предложения в Московскую Думу, но закрывает глаза на то, что Путин уже отнял у партии такую возможность в масштабе страны. А у Резника и Яшина выходит, что в этом виноват Явлинский. И они хотят опереться на тех, кому либерализм не милей, чем Путину. Веря в честность Резника и Яшина, это можно списать на недостаток политического опыта, помноженный на честолюбие и нетерпимость молодости. Но упорство Скобова, честность которого, тем

более, вне сомнений, этим не объяснить. В России множество достойных людей верит, что ключ к демократии в единстве оппозиции. А нет ничего более далекого от истины.

Вера в единство - ответ на тоталитарность власти, какой была советская. Но и ей приходилось отступать от края и, как почти всякой, встречать оппозицию с двух сторон. Людовику XVI оппонировали аристократы, вынуждая уволить министра Тюрго, налаживавшего хозяйство Франции, но королю оппонировали и Бриссо, и Кондорсе, и Дантон, и Робеспьер и Жак Ру. Аристократы бежали за рубеж, революционеры казнили короля и друг друга. Но, хоть на трон Бонапарта, кодифицировавшего перемены, свершенные революцией, и погасившего ее пламя, и сел в итоге брат казненного короля, смешно думать, что роялисты и якобинцы могли, сговорясь, заставить Людовика XVI издать кодекс Наполеона. А в России, где все договоренности зыбки, верят, что сговориться можно. Альтернативой сговору у нас видят лишь кровавую революцию, а не свободное народное волеизъявление.

Чекистов, во главе с Путиным, и от выборов, и от революции, спасли не только газ и нефть. Они опираются и на привычную вертикаль насилия, уже Ельциным возрожденную в Чечне. Их поощряет и мюнхенская терпимость Соединенных Штатов и Европы. Развитие России и необходимая развитию демократия – это национальная нужда России. Не добьемся их сами, никто не поможет, как помогли бы при чуме или даже голоде. А добиться как раз и мешают большевики, чекисты они, коммунисты или «национал-большевики». Мешают их претензии на единообразие страны и бескомпромиссность решений. Казалось бы, что-то, а это советский опыт показал. Но если его забыл Александр Скобов, как осуждать Резника и Яшина? Они не первые, кого жажда свободы клонит к большевизму. Сперва и Ленин о терроре народовольцев говорил: «мы пойдем другим путем». А потом он и Сталин не только ожесточили террор, но повернули его от губернаторов и царей на просто несогласных, и ныне власть, лишь бьющую дубинками по головам, кличут либеральной. Она и упразднила место социал-либеральной партии, единственной, за которую не стыдно было голосовать, чужой тоталитаризму, прикрытому управляемым рынком, и защищающей права людей.

Так или иначе, ее преобразование, прошедшее с редкой у нас политической культурой и миролюбием, забавно совпало с пропагандой мифа о новой государственной оттепели. Вот и учат выбирать меж Путиным и Зюгановым. Без вариантов.

Глобализм предполагает сепаратизм 24.7.2008

Еще в первую Чеченскую войну чеченцев часто называли «чехи». Я спросил немолодого интеллигентного майора: «Это что, метафора?» - «Да нет, просто по звучанию. Что тут сравнивать?». Я сказал: «Чехи не сопротивлялись!» Но он не сдался: «Вы думаете, они нас больше любили?» До августа 1968 года чехи Россию как раз любили, возможно, потому и не сопротивлялись. А чеченцы, пережившие депортацию, по опыту знали, чего ждать.

От сравнений не уйти, и не только России. Еще в Средние века Чехия стала частью Священной Римской империи и пробыла в ней до 1918. Мюнхен отдал ее Третьей империи, потом ее удержала советская империя. Тоже чуть не триста лет Россия покоряла Чечню. Примеры, как говорится, можно умножить. Слишком долго слишком многие, не только чехи и чеченцы, не сами решают, как им жить. За них решают другие, не одни завоеватели, но и свои граждане начальники.

Современное сознание проглядело общий процесс дифференциации (самоопределения), различив лишь встречный, тоже объективный, процесс глобализации (открытости всем). Империя выглядит формой глобализации, а глобализация - формой империализма. Но глобализация – дело добровольное, она открывается силе производства, науки, культуры, а империя держится силой оружия, насилием. Ныне империи на борьбу с дифференциацией тратят силы, нужные для другого, и отстают от других, виня в этом скидывающих имперский груз, а не себя, в него вцепившихся. Дифференциация ждет демократических ответов, то есть, национальных и социальных компромиссов. Но империя по своей природе их не терпит. Компромиссы, на которые она идет, ненадежны. Польшу и Финляндию взяли в Российскую империю по типу личной унии, позволявшему сохранить в титуле императора имена национальных государств, но менее жесткое правление там держалось лишь до поры. Украинцев, вольными вошедших в Россию, прикрепили к земле.

В конце 1922 года Советский Союз строили, хотя бы по видимости, как равноправный. На деле он изначально был унитарен, поскольку государственные органы лишь выполняли приказы единой Коммунистической партии, правившей «милостью божьей». И все же сперва его верховный орган, ЦИК (Центральный Исполнительный Комитет), возглавили разом главы Исполнительных Комитетов всех четырех составивших СССР республик, две из которых (Российская и Закавказская) были федеративными. Но уже в 1936 году его возглавил единственный председатель, Социалистический СССР был империей не в меньшей мере, чем православная Российская. Независимость его республик была формальной, и их неприязнь к центральной власти росла.

Интересы национальных автономий, даже метрополии, не во всем совпадают с общими интересами империи. Освободясь от социалистической Чехия или Венгрия отвергли прежний порядок, а Узбекистан или Туркменистан лишь национально его окрасили. Но сами социалистические империи – нацистская сразу, фашистская тоже, а советская погодя, - не только правили колониями, а, хоть не все в этом сознавались, понимали себя национальными государствами, как говорили, «первых среди равных». В СССР это подразумевали молча, а ныне это вырвалось наружу призывом «Россия для русских», хоть половина территории России заселена нерусскими. В этом призыве видят национализм, но национализм - доля угнетенных. А русских ныне зовут не к равноправию с нерусскими жителями покоренных земель, а, наоборот, к «очищению» тех земель от нерусских, то есть, к шовинистическому тоталитаризму, вроде нацистского.

Еще Иван Грозный внес в судьбу русского народа особую трагичность, заложив традицию приносить собственный народ и национальное государство в жертву своей империи, в которой Русь не стала, даже метрополией. Вот поныне и числят Россией не только огромные пространства заселенные русским народом, но и прочие, включенные в империю. А Ирландию, не говоря об Индии, никогда не числили Англией, да и Британией числят только Северную.

Считается, что в старину национальные государства были этническими, но даже это верно лишь отчасти. Германское племя франков создало свое государство, но тамошнюю кельтскую народность, галлов, не истребило и не выселило, и «Галлия» - синонимом официального «Франция». Русь тоже возникла при смешении славянских племен и скандинавского, как раз и звавшегося «русь», да еще финских, живших там до славян и германцев. Этнические подходы к национальным государствам нового времени и вовсе абсурдны.

В их создании часто первенствовали не этнические, а религиозные, идейные мотивы и прямо экономические. Республика Северных провинций, Нидерланды, опираясь на кальвинизм, пришла к независимости от католической империи Филиппа II. Да и в Италии, где к независимости звали этнические лозунги, радели не о чистоте крови. А Бисмарк, объединяя Германию, пользовался поддержкой евреев и сам их поддерживал. Славяне ее востока, хоть отношения не всегда были гладки, тоже вращались в общую жизнь и единую политическую нацию, считавшую, независимо от веры и происхождения, складывавшееся национальное государство своим. Не случайно почти во всех европейских странах слово «национальность» синонимично слову «гражданство», а в России оно обозначает лишь этническую принадлежность.

Уже в древней Руси, как и в других средневековых государствах, да сперва и в Российской империи, этническое сознание, если какую-то роль и играло, то отступало перед религиозным, люди чаще мыслили себя православными христианами (крестьянами), чем русскими. К тому же, почитатели нашей империи странным образом забывают цену ее создания. В отличие от всех других империй, правящий класс нашей тогда же, при Грозном, обратил русский народ в крепостную зависимость. До 1861 года половина, а то и больше русских были крепостными. Вспоминать, что рабы - не, как в древности, чужеземцы, не, как в Америке, люди другой расы, а братья и сестры, было не сподручно, и в крепостной России открытый шовинизм не выиграл.

Зато выиграл после реформы, когда формально все русские обрели права, а их крестьянское большинство осталось без земли и в тисках общины. При отличной судебной реформе, из-за скудости аграрной и отсутствия политической страна не обратилась из феодальной в буржуазную. Власть заботило удержание империи, жители которой, - покоренные народы и не обретшие прав русские, - заведомо не могли образовать единую политическую нацию. В советской империи потом, опершись на социалистическую демагогию, твердили, что советский народ стал «новой исторической общностью людей», то есть, политической нацией, но Александра III и его сына подпирал только шовинизм, практиковавшийся

Министерством Просвещения и росшими как грибы черносотенными организациями. Он не спасал русских от бедности и несправедливости, а колониальные народы отвращал от русского царства.

Советская власть в тот опыт не вникла и после мимолетного интернационализма первых лет вернулась, хоть и на другой лад, к шовинизму прежней. При диктатуре нет места политической нации, и советский народ тоже ею не стал. Она поныне не складывается и в России, провозгласившей себя независимой от прежних колоний, и это едва ли не главная беда начала девяностых. Уход союзных республик не был распадом СССР, поскольку в составе России остались национальные республики, насчитывавшие по миллиону и более этнически идентичного населения: Башкирская, Татарская, Дагестанская, Чечено-Ингушская, Удмуртская, Чувашская, Коми, Якутская и др., не имевшие в 1991 году, даже формально, права на выход из Союза и не обретшие его в Российской Федерации, еще жестче закрепив удержанные колонии, ставшей малым Советским Союзом. Советский Союз не исчез. Он лишь ужался и переименован.

Сама же Российская Федерация осталась федерацией лишь формально. Права и относительная самостоятельность, как 57ми русских ее субъектов, так и 32х национальных, лишь провозглашены, но юридически не закреплены. Конституция не раз поминает разграничение предметов ведения и полномочий субъектов и федеральных властей, но нигде четко не сказано, какие действия федеральных властей (кроме поправок к Конституции) невозможны без согласия всех или хотя бы большинства субъектов федерации и какие права субъектов неотъемлемы и ограничению федеральными властями не подлежат. Четко не оговорен даже порядок формирования субъектной власти, что и позволило Путину отменить практиковавшееся сперва избрание губернаторов.

Самое поразительное, что 57 русских субъектов не образуют внутри Федерации какую-либо государственную русскую общность и даже не сгруппированы в исторически традиционные группы, как Русский север, Черноземье, Дон, Поволжье, Урал, Сибирь и т.п. Разобщенное русское население, не имея легальных средств определения и сопоставления своих интересов и предпочтений, не может их представительно выразить, и интересы разных его социальных слоев часто, вопреки реальности, выдаются за общие интересы русского населения. Сложившийся порядок явно мешает этнически русскому населению образовать политическую нацию, обеспокоенную не так происхождением сограждан, как благодеянием и культурными нуждами.

При формировании политической нации люди иного происхождения, добровольно в нее входя, естественно, ассимилируются, и самые заядлые шовинисты не спешили проверять этнические корни Пушкина, Лермонтова или Гоголя. Если нарастает противоположное, виноват не народ, а национальная политика властей. В Российской империи и Советском Союзе она была парадоксальна. Помимо обильной добровольной, шла и насильственная ассимиляция. И в то же время государство так или иначе ущемляло людей нерусского происхождения, в империи тому служило вероисповедание, в СССР – вопрос любой анкеты об этническом

происхождении, часто не только своим, но и родителей. Ныне его не задают, но действия поддерживаемых властью шовинистических организаций свидетельствуют, что традиция жива.

Она же мешает образовать отдельные политические нации и татарам, и башкирам, и другим. Они были разобщены уже сталинским формированием республик, часто исключавшим из них земли, заселенные дающими республике имя, и включавшим заселенные другими. Но главное - у них нет реального самоуправления. Демагогическое заявление Ельцина: «Берите столько суверенитета, сколько проглотите» не подкрепили законами, обеспечивающими хоть минимум суверенности и возможность избрания населением власти хотя бы в национальных субъектах федерации. Москва правит бывшими колониальными народами так же патерналистски, как раздробленным русским. Корень тут не в одном администрировании Путина, а в извращении путей дифференциации (самоопределения) и глобализации (открытости связям) в России и СССР задолго до него.

Процесс формирования политической нации не только у нас недостаточно осознан. Жители Соединенных Штатов при пестроте их этнического происхождения и религий, да и языковой почвы, явно составляют единую политическую нацию. А Северная Ирландия срастается с трудом, то и дело отступая, хоть единственное зримое различие – религия, к которой, к тому же, многие безразличны. Видимо, важно, что американская нация формировалась в ходе освобождения от британского владычества, от которого половина жителей Северной Ирландии как раз не желает освободиться, а другая, напротив, жаждет, хоть и в той, и в другой, крайние позиции в меньшинстве. Жители Ирака, освободившегося сперва от долгого турецкого владычества, потом от британского, тоже не стали единой политической нацией, и еще при Саддаме положение стоявших за него арабов-суннитов отличалось от положения арабов-шиитов и курдов-суннитов. А Соединенные Штаты, вроде избавив Ирак от тирана, с усердием, достойным лучшего применения, мешают самоопределению его народов, защищают «единство» Ирака.

Идут постоянные конфликты между сторонниками дифференциации и сторонниками глобализации. Империи, хоть их уже немного, все еще давят отдельное, особенное и индивидуальное. Россия – далеко не единственная жертва собственного империализма. Достичь равновесия глобализации и дифференциации, как целостного противоречивого процесса, не легко. Балансированию меж крайностей помогает эволюция, позволяющая ощущать важность обоих начал, - и самостоятельности и открытости. У нас этому мешает политика, опирающаяся на традиции самодержавия и большевизма. Но в демократической Европе тоже происходит схожее, пусть не в столь кровавых формах.

Европейский Союз, как экономическое сообщество, возникал антитезой Советскому Союзу. К шести европейским странам в 1957 году подписавшим Римский договор, за полвека прибавились еще 21, и они вместе совершили скачок в развитии, хоть брюссельская бюрократия его и оременяла. Успех подтвержден очередью все новых соискателей.

Экономическое сближение, естественно, вело и к политическому, но власти не хотят ждать плодов эволюции и ее административно подталкивают. Сперва сочинили Конституцию единого Европейского государства и, по первому разу, вынесли на референдум, согласясь, что, если хоть одна страна ее не утвердит, от нее откажутся. Старейшие члены Союза, сперва Нидерланды, потом Франция, Конституцию отвергли. Но политики составили Лиссабонский договор, с нее списанный, и сочли, что народы спрашивать уже нечего, а договор утверждают парламенты. Лишь в Ирландии пришлось провести референдум, поскольку ее Конституция при важных решениях этого требует. Ирландцы договор тоже провалили и, казалось бы, на этом создание Соединенных Штатов Европы должно остановиться, тем более, что легко догадаться, как голосовали бы другие народы, начиная с голландцев и французов. Но политики ждут, что ирландцы одумаются, и даже обещают их немного подождать.

Господа Саркози, Берлускони, Браун и, увы, даже госпожа Меркель, выросшая в советской ГДР, и лично знающая, что такое тоталитаризм, готовы вновь ввергнуть в него Европу. Чем, собственно, будет отличаться их «Европа» от жившей под Гитлером, если, отвергая демократические нормы, и они с самого начала пренебрегают волей народов, желающих тесного союза, но не централизованного всеевропейского государства? Неужто лишь тем, что волю народов подавляют не танками, а политическими махинациями?

А далеко не все 27 лидеров - социалисты, многие – люди правой ориентации. Но освободясь от социалистического тоталитаризма, не только российские, но и европейские власти не освободились от его волюнтаристского соблазна. Они полагаются на государственную мощь – не только по отношению к внешним противникам, но к собственным гражданам. Открыто не прокламируемая идеология государственничества внедряется в практику менеджерами, аналогичными советской номенклатуре, претендующими руководить всеми социальными силами, вплоть до самой нелепой социальной инженерии, удобной и выгодной бюрократической элите. Новая номенклатура, как и наша прежняя, к тому же, норовит обезличить собственные решения, действуя от лица сверх-силы, сверх-государства, которое рядовых людей, как мы по опыту знаем, не слышит.

Нам в России важно не проглядеть этот трагический оборот прекрасного стремления Европы к объединению, повлекший объединившиеся народы к утрате каждым самостоятельности не так даже по отношению друг к другу, - в Европейском Союзе нет доминирующего народа, даже немцев менее 20%, а в СССР русских было 50%, - как по отношению к сверх-власти сверх-государства. Грубость нашей номенклатуры, ныне переименованной в элиту, как видим, не только дурная традиция или плод личных недостатков начальника. Худо, что Россия не учится у Запада, но еще хуже, что Запад учится у нас далеко не лучшему. Лиссабонский договор, отказ народам в праве решать свою судьбу, знак наступления общей, не только нашей, номенклатурной, менеджеральной реакции.

Причина ее, как и всякого наступления реакции, в жажде части правящих сил удержать удобный и выгодный порядок, по которому пошли трещины.

А они не только и даже не столько от бурных процессов в Третьем мире, хоть и вносящих свой вклад. Куда грозней растущая социальная трансформация, вызванная могучим техническим прогрессом, вторым промышленным переворотом или научно-технической революцией, долго остававшейся в СССР непризнанной.

Старые понятия о социальной структуре общества с его делением на рабов и рабовладельцев, помещиков и крепостных, буржуа и пролетариев, рушатся. Общество не избавилось от противоречий, но становится более дробным, интересы разных его составляющих сознаются хуже. Оттого и растет роль не так даже конкретных управителей, как самого процесса управления, все более отвлеченного от того, чем он управляет, от нового производства, новых его средств и новых товаров, от нужды сообразовывать с их явлением жизнь, образование, индивидуальные и общественные возможности.

Номенклатурная, менеджериальная, реакция - конечно, форма классовой борьбы, но не по схеме «Коммунистического манифеста» – между угнетателями и угнетенными. Она, напротив, похожа на шедшую некогда меж дворянством и буржуазией. Ныне она идет меж двумя частями правящего класса: с одной стороны аппаратчики, менеджеры, лидеры промышленных монополий, а с другой – независимые предприниматели и все, кому дороги свобода и развитие. Спор идет о предпочтении, которое уже до перестройки занимало умы в СССР, - план или рынок? Точнее сказать, воля, пусть выверенная и взвешенная, или состязание, соревнование, конкуренция неведомого, непредвосхитимого?

Наша прогрессивная общественность, признав достоинства рыночного хозяйства, еще не вполне сознавала, что рынок – лишь открытая форма конкурентной борьбы при объективных судьбах, а директивный план – отказ от объективной оценки производства и самих товаров. И политическая свобода и прочие права человека, заклеянные у нас, как буржуазные, потому и возникали в ходе буржуазного развития, утверждая главное в нем - конкуренцию, соревнование. Вожди коммунизма не были изначально серыми и вполне понимали, что конкуренция сделала капитализм двигателем прогресса. Ленин не раз и не два призывал насаждать соревнование. Но не мог его совместить с единством партийного руководства и единомыслием. Где нет свободы, нет и соревнования.

Если Ленину, изменявшему жизнь по утопической схеме, мешала чужая свобода, то его преемники, укрепившие тоталитарный порядок, возненавидели и само соревнование, и стали выбирать из одного. Но конкуренция не радуется монополии и государственную бюрократию и в свободных странах. Там лишь трудней ей противостоять, и скосить ход развития себе в угоду предпочитают втихую.

Нужна большая наивность для веры, что «Запад нам поможет», и надежды, что декоративность происшедшего в России и доброй половине бывших советских республик с 1991 года, задрапировавшую бережливости основы советского порядка, вполне сознают западные монополисты и менеджеры, норовящие сами, - конечно, в изначально пристойных декорациях, - сползти к схожему. Они, пресекая голоса жизни, внедряют

Лиссабонский договор. А от тормозного натиска менеджериальной элиты защищают лишь автономичность, и право на состязание - тоже право человека.

В этой связи стоит подумать, откуда в Европе и в России антиамериканизм? Не оттого ли, что чуждые феодальной традиции американские штаты, провинциальные рядом с великими европейскими государствами, сразу положили в основу своего объединения и самостоятельность, и местное самоуправление, и свободную конкуренцию. Семью считают счастливой, если муж и жена живут вместе не вынужденно, а потому, что сами этого хотели и все еще хотят. Соединенные Штаты Америки уже более двухсот лет держатся вместе потому, что они этого хотят. Джефферсон и другие отцы-основатели, глубоко продумав государственную систему, создали к тому предпосылки. А не только России, но и Соединенным Штатам Европы, при феодальных и имперских традициях, это не дается. В Америке тоже есть желающие абсолютизировать власть центра, но верх им еще не взять.

Лиссабонский шаг Европейского Союза к абсолютизму напомнил, что гарантий нет. Сперва Европейский Союз сулил возможность по его примеру перестроить Советский Союз, а ныне выясняется, что и над Европейским висит угроза унитаризма, которой внутри него надо ежедневно сопротивляться. Вот и нам надо ежедневно и ежечасно отстаивать демократические нормы и, прежде всего, автономность принятия все более важных решений на все более низких ступенях и уровнях с независимым от высшей власти финансированием. И тоже отстаивать право каждого субъекта Федерации, - не одних инонациональных республик, но и 57ми русских субъектов Федерации вместе, равно как их исторически сложившихся общностей или даже отдельных краев, - расстаться с Федерацией, но и встать в очередь, чтобы вновь в нее попасть. Непривлекательная Федерация, в которой удерживают силой, - не федерация. Ельцин и Путин думали, что решают чеченский вопрос, а решали русский. Говорили, что восстанавливают в Чечне, которая за Конституцию не голосовала, конституционный порядок, а на деле упраздняли в России конституционную свободу.

Вот ее и недостает сказочно богатой России для подлинной силы и величия, которыми опять надеются возместить свободу. А без нее они недостижимы.

Зеркало русской контрреволюции 11.8.2008

Слава богу, Солженицын дожил до преклонных лет и успел развеять туманности, окружавшие его имя. Смерть не сделала его ни больше, ни меньше, но, как всякая грань, за которой ничего не поправить, вернула цельность несовместимому. Немыслимо было вообразить, чтобы ненавистник Сталина и КГБ, автор Гулага, стал лауреатом Государственной премии, первоначально Сталинской, и взял ее из рук бывшего опера. Но его нет, и мы сознаем естественность этого. Незаурядный человек в финале своей трагедии прям, как был сначала.

Сначала он явился без имени, а знаменитая повесть без названия, потом придуманного Твардовским. Сосед по Дому творчества дал пачку листов и велел прочесть потому, что не напечатают. Мы сели в ряд: мигом сглатывавший текст В.Г.Адмони, моя жена, я, и жена Адмони, Т.И.Сильман, читавшая еще медленней меня, и передавали друг другу листы. Сосед, казалось, не ошибся, хоть мы тут же стали спорить, согласясь лишь в том, что это написал герой. Картина вдохновенного труда заключенных, строивших себе ограду, геройство не зачеркивала. Раз не кидается на амбразуру, видимо, не на единственный подвиг решился.

Он писал лучше Дудинцева, книга которого «Не хлебом единым» была значительной, хоть на одну полку с недавней, великой литературой Зоценко, Платонова, Булгакова, Бабеля, еще живого Набокова, не замахивалась. Не думалось, что автор рукописи замахнется. Если правда, какую хочешь донести, и так выговаривается, а он ее выговорил, и с большой силой, чего еще? Вопреки ожиданию месяца через три повесть по указанию Хрущева напечатали, и автора стали равнять с Достоевским и даже Толстым.

Казалось, он сам тоже хотел быть учителем жизни. Свои постулаты он обозначил уже в первой публикации. Свое отношение к искусству прояснил насмешками над Цезарем, нашедшим художественные достоинства в «Иване Грозном», в первой серии часто ходульным. Обликом Цезаря Марковича были наперед прочерчены и «Двести лет вместе». Цезарю, не брошенному близкими, автор сочувствовал меньше, чем одинокому, как перст, Ивану Денисовичу.

Когда журнал вышел, пришла немедленная слава. Диссидентство, открывавшееся свету, обрело в нем одну из двух опор, на которых стояло и после его высылки. Там было два начала, при том, что имелись и еще незаурядные люди, и даже более явные герои, как Марченко или Буковский. Но на воле были Сахаров и Солженицын. Оба олицетворяли Россию, не вполне тождественную Советскому Союзу. Но и они олицетворяли не ту же самую страну, хоть оба были русские, не татары, не евреи, не половинки, не четвертинки. За Сахаровым была великая русская Европа, уравнивавшаяся с остальной в науках и искусствах, над ним витал вольный дух революции, задавленной через восемь месяцев после Февраля, чуждый и царизму, и большевикам. А Солженицын был зеркалом русской контрреволюции, честным голосом великой империи, поверженной уже Февралем. Обе эти России, – и оба они персонально, – не только противостояли власти и сотрудничали, но и выясняли разногласия.

Солженицын был цельной натурой. Уже Сталин после 1937 возрождал под советским знаменем империю, на это купились многие эмигранты, особенно в ходе войны. А Солженицын был убежден, что «свержение большевицкой власти логически требовало восстановления государственного законопреемства от 1916 года». Он на этом не настаивал, сознавал, сколь густ клубок затянувшихся проблем, сам бранил царя за неспособность с ними совладать, словно, удерживая полноту власти, тот мог совладать. Но в идеале Солженицыну сперва бы нужна реставрация Александра III, лишь потом перестройки и ремонты. А

послабления, и даже падение Советской власти, сами по себе для него ничего не значили. Он и не думал возвращаться из Америки при Горбачеве, а вернувшись на четвертом году правления Ельцина сразу стал его оппонентом. В числе немногих, он в 1996 понимал, что надо голосовать не только против Зюганова, но и против Ельцина, а сказать это по телевидению уже не мог. Ельцин исключил его из политической жизни директивой, как раньше Хрущев в нее включил.

Мало кто помнит, что и до Солженицына за рубежом появлялись книги о Гулаге, но их там не читали, а в СССР они не проникали. Говорят: Солженицын раскрыл России глаза, а это Хрущев позволил его читать, нуждаясь в опоре для иной точки зрения, бывшей в диковинку. При Ельцине его диссидентству отдали должное, выслушали в Думе, но речей о нынешнем дне не потерпели. С ним не только не соглашались, что понятно, тем паче, что далеко не во всем он был прав, но уже и не спорили, то есть вернулись к нормам советской идейной дискуссии.

Между тем, не один Солженицын, а вся Россия и по сей день не разобралась, кто революционеры, кто контрреволюционеры, почему пал самодержец, почему пало Временное правительство, почему установилось новое самодержавие, и как жить дальше. В катаклизме 1917 года было не две, как обычно, а три стороны, и каждая против двух других. Перспективная, чужая Солженицыну, необходимая России революция, лишь отчасти представленная Милюковым да Керенским, к гражданской войне была неготова. Гражданскую войну вскоре меж собой вели царские офицеры, оказавшиеся на двух других сторонах - по-разному, но контрреволюционных. Победа любой из этих двух была для России роковой, оттого так огромна и стала эмиграция. Естественное развитие, начавшееся было в 1861 году, опять уступило место державным волям. Чтобы жить иначе, надо было в 1991 установить, где мы оказались, и распаковать наследство неразрешенного в 1917 противостояния. Солженицын был, конечно, голосом другой сражавшейся стороны. Но отказ президента «несоветской» России от полемики с крупнейшим диссидентом (Сахарова уже не было в живых.) обнажил не демократическую, а советскую природу новой власти.

Возвращаться к 1916 году не было нужды, но не выяснить, что из уцелевшего от старой России способно плодоносить, а что вросло в советский строй тормозящим грузом и еще висит, но не выяснить, что новое, пусть даже введенное большевиками по нужде, еще плодотворно, а что продолжает убивать, но не выяснить, что должно бы и могло еще до революции перемениться, а какие новации вышли стране боком тогда и не по силам сегодня - уклониться от выяснения, как раз и значило ввести очередное, новейшее самодержавие.

Ельцин его сладил, Путин обустроил. России еще предстоит и с этим разбираться. А Солженицын, хоть не очень весело, Путина поддержал. Даже его службе в КГБ не придавал значения. Или на старости лет отрекся от прежнего? Или, скорей, пожив при Ельцине не в изгнании, как в Вермонте, а в родной стране на отшибе, изменил баланс своей системы ценностей?

Солженицына называют националистом, его поздние анти-украинские заявления общеизвестны, антисемитизм тоже. Но украинцев он хотел удержать в одной стране с русскими, а евреям, ехавшим не в Америку, как некогда он сам, а, как должно сионистам, именно в Израиль, сочувствовал. Судьба населения России его волновала в свете своего состава, где ему желательны были украинцы, но не евреи. Бог весть, верен ли слух, что Гитлер в пору дружбы просил Сталина принять два миллиона немецких евреев. Поскольку до дела врачей оставалось еще время, прими он их, хоть части их было бы лучше, чем в Трешлинке. И, конечно, Солженицына не следует равнять с Эйхманом. Но украинцы на референдуме огромным большинством отвергли общее с Россией государство. А их мнение занимает Солженицына не больше мнения евреев, желающих жить и быть полноправными там, где родились.

Отношения с имперской традицией, единственной им ценимой, были для него не просты, при всей неколебимости ненависти и к коммунизму, и к либерализму. Солженицын вполне понимал, что «имперское сознание деформирует сознание национальное не к пользе для него». Он сознавал, что распад СССР неизбежен, а на формы и плоды распада сетовал по преимуществу справедливо. Особенно, конечно, был он прав, настаивая на праве русских (оно могло быть оформлено как право живших в России и их потомков, независимо от этнической принадлежности) возвращаться в Россию, как немцы в Германию. Но ясное сознание ущерба, нанесенного русскому народу империей Ивана Грозного, и Петра Великого, и Ленина и Сталина, не спасло его самого от имперского мышления, и его не тяготило имперское зло.

Порой он заходил даже дальше Чубайса, болтающего о «либеральной империи», не только твердил, что наша имперская политика была примирительна, но прямо отрицал, что «русские в той Российской империи были властвующей (как, например, англичане) «имперской нацией». Конечно не все русские были властвующими, но ведь и не все англичане. Имперские выгоды всюду достаются правящему слою, бросающему служивым соплеменникам подачки, - и не то чтобы русским в России их не бросали. А из того, что русский народ, якобы, не был властвующим, Солженицын вывел, что он, особенно в советское и нынешнее время, был в империи самым угнетенным.

Не то, что русский народ не был угнетен. Понятно, был! Это вековое угнетение и ввергло Россию в обвал, который Солженицын углядел зорче многих. Но от принципа «жить не по лжи» он отошел, забыв, что русские составляли лишь половину Империи, а другая была угнетена еще и посильней, но иначе понимала свое угнетение. Писатель силился им внушить, как хорошо под русскими и насколько хуже без них, а они в своей безвыходности уже порой переносили ненависть к империи на случайных русских, впадая в русофобию, лишь бы обособиться. Это вызывало у Солженицына ярость. Он настаивал, что русским, в отличие от других народов, ксенофобия не присуща, и ссылался на еврейские погромы конца XIX - начала XX века в Молдавии и на Украине, но не в областях, где жили великороссы. Вот только забывал, что черта оседлости разрешала евреям жить в Молдавии и Украине и запрещала в великорусских областях - въезд

туда евреям был закрыт административно и погромщикам работы там не было.

Видя тупик национальной империи, покорившей множество народов, Солженицын не глядел на ущерб русскому от отсутствия у него национального государства, в отличие от англичан, французов, немцев, испанцев, поляков, не считался с жизненной необходимостью и ему перейти от национальной империи к национальному государству, пусть не разрывая содружества с бывшими колониями. Он пугал: «Русская республика в составе РФ это – толчок к расколу, к развалу». И стоял за механическое преобразование вчерашней империи в одну страну: «Как искать для русских своей государственности – если мы сами и создали вот такую, многонациональную?» Тут он забывал, что «все это создать» могли лишь те, кто властвовали. И не вспоминал, что испанцы или англичане тоже «создали», а потом ушли, оставив Южной Америке говорить по-испански, и даже Индии сперва по-английски.

При этом, он хотел по-прежнему удерживать даже не одни народы РФ, но и славянские Украину и Белоруссию, да и Казахстан, о чем говорил открыто, и другие края, о чем проговаривался. Он требовал «Закона о равенстве наций в России», оговаривающего, что при приеме на любую официальную должность «незнание местного языка не может быть ограничительным условием, достаточно прочного знания общегосударственного языка». И не признавал, что, требуя от всех граждан знать общегосударственный, то есть, русский, язык, унижает миллионы нерусских, его не знающих. Так он, как враг либерализма, понимал равенство. Были и другие идеи. Предложил он к примеру «изрядную сотню тысяч чеченов-мигрантов, рассеянных по России в криминальной коммерции, объявить иностранцами и потребовать либо доказательства пользы их деятельности для России, либо немедленного отъезда». Эту светлую мысль он подавал Ельцину в 1992 году, до чеченской войны, еще не вернувшись в Россию, по телефону из Вермонта. Верно ли считать такое национализмом, заботой о своем народе, или верней счесть уже пренебрежением к другим, явным шовинизмом?

Солженицын знал, что имперская постройка обречена, и лучше бы ей мирно разделиться еще в 1917 году, - отвечая этой потребности большевики и имитировали независимость внутри СССР, укрепляя имитацией равноправия Советскую империю. Удержать ее, и то не навеки, могло лишь прямое насилие КГБ, и то, лишь пока хватало нефтегазовой и прочей сырьевой подкормки. В последние годы Брежнева ее уже не хватало, и вскоре нашему ослабевшему богатырю опять открылись три пути. Демократию, кроме декоративной, быстро пресекли, а коммунисты раскололись: одни «не могли поступиться принципами», то в виде ГКЧП, то Зюганова, а другие, особенно чекисты, схватили власть, переодеваясь, надевая уже не только демократические, но и традиционные имперские наряды. И демонстрируя готовность противостать либеральной оранжевой революции, как и любой другой.

Что мог выбирать искренний наследник имперской контрреволюции, когда кругом, кроме чекистов, – либо либералы, либо откровенные коммунисты? Возможно, Солженицын искренне верил, что «хватается за чекистский

крюк» ради спасения России. Другого объяснения нет. Да и как иначе, если и в любезном ему виде Россию не удержат, иначе как насилием. Искренний реакционер, ненавистник либерализма, неизбежно приходит к сотрудничеству с реакцией. Вот героическое противостояние дьяволу КГБ и пришло к возданию ему божеских почестей и казенным похоронам.

Но былое геройство памятно, и выдающееся публицистическое исследование фундамента советской жизни, «Архипелаг Гулаг», не потеряло смысла. Пора держать в открытом доступе всех школьных и студенческих библиотек трехтомник «Архипелага». Оттуда видно, что Ленин и Сталин сделали со страной. Консерватизм помешал автору признать, что главный их удар бил не по царю, которого свалили без них, не по церкви, и страшней всего даже не по интеллигенции и крестьянству, истерзанном беспощадно, а по свободе, демократии и развитию, по русскому европеизму, который отчасти показал потенцию за полвека после отмены крепостного права. Это еще предстоит сознавать. Но будем благодарны за геройство и немалую долю правды о прошлом, которое власть опять замалчивает.

А когда застынет продолжающая кровоточить острота сюжетов, потомки сами разберутся в художественных масштабах прозаика Солженицына, благо, все напечатано.

Опять ограниченный контингент 24.8.2008

15 февраля 1989 года последние советские части вышли из Афганистана и, казалось, никогда больше наше государство не начнет войну, не прикажет армии в мирное время перейти границу. Прошло девятнадцать с небольшим лет, и каждому снова понятно, что прикажет в любую минуту. Конечно, и в эти годы наше государство, хоть ужалось и сменило имя, давало армии преступные приказы, но Чечня все же прежде входила в РСФСР, как Абхазия и Южная Осетия в Грузинскую ССР. Правда, в Чечне не стояли войска никакой третьей державы, и генерал Лебедь мог договориться с Масхадовым. Ельцин даже подписал с ним договор на пять лет. Вскоре он сам его сорвал, но Шамановы и Будановы бесчинствовали все же в пределах РФ, государственную границу президент России не переступал, в независимые, бывшие союзные, республики не вторгался. И вот переступил и вторгся. Началась новая эпоха.

Уже нет нужды гадать, - по свертыванию свободы печати с убийствами журналистов, по геноциду в Чечне, по убийствам за рубежом, по пламенной речи в Мюнхене, - хочет ли Россия возобновить «холодную войну», якобы завершившуюся с приходом, если не Горбачева, то Ельцина. Россия открыто начала горячую войну, русские танки на чужой земле, а самолеты над ней. И меж возможных последствий «холодная война» еще не самое страшное. В ней планета все же выжила.

Сознают ли Путин и другие руководители, если кроме него они у нас еще есть, чем это обернется для России? Или, как в XX веке не раз бывало, действуют в расчете на то, что нынче противник ответить не в силах, а

завтра забудет? Но опыт Афганистана, не говоря о предшествующих, напоминает, что, хоть и не сразу, за Кабул заплатили распадом СССР.

Политическое сознание нынешних, как и советских, начальников носит технологический характер. Социально-историческое сознание Маркса, сброшенное Лениным «как грязное белье», предполагало, что смену производственных отношений вызывает смена производительных сил, а не монаршья воля. Уже Ленин решил, что отношения можно строить, «как захочем». Разница меж Сталиным, строившим так «социализм», и Ельциным, строившим «капитализм», - не принципиальна. Корень зла - сама эта вера в возможность решать социально-политические проблемы административной командой. Не помогать развитию в желанном направлении, а навести желанные порядки. Мысли о том, как это реально действует на ход развития и к чему ведет, уже не терзают. Ленину еще пугали безграмотность, взяточничество и «комчванство», - желание «решить все проблемы своим коммунистическим декретированием». Но оно вошло в обычай. Его блюдут не одни верные, а и бывшие коммунисты.

И действуют как обычно. К примеру, недовольство России расширением НАТО естественно. Но начальники не признают, что не столько гадкая Америка тянет туда соседей, сколько они спасаются там от повторов того, что с ними проделывали мы. Убедить их, что НАТО им ни к чему, можно лишь меняя свою политику, но Москва опять натягивает поводок, а Катынь и депортации забыла. Чтобы умерить русофобию и смягчить отношения, надо помнить историю и с ней считаться.

Говорят, нынешнее вторжение в Грузию – не прихоть нашего начальника, а ответ на удар грузинского начальника по Цхинвали. Но и тот удар не прихоть, а ответ на множество ударов по грузинским селам в Южной Осетии, на этническую чистку, которую Кокойты едва ли вел на свой страх и риск. Поэтому хоть действия и грузинского, и русского начальников дурны и чрезмерны, но в разной мере, и природа их разная.

Грузинский начальник, говорят, мог сдержаться, а об убитых докладывать в ООН, ОБСЕ, ПАСЕ и НАТО. И не напоминать, что Цхинвали – территория Грузии, как Грозный – территория РФ, а понимать, с кем имеет дело! Велик соблазн его осудить, но президенты США Клинтон и Буш, и английские премьеры, и французские президенты, и германские канцлеры тоже не понимают с кем имеют дело. За их глупость их народам еще придется платить, но грузины страдают сегодня. А не только не валят своего начальника, как у нас надеялись, но сплачиваются вокруг него. Потому, что не только ему трудно сдержаться, видя, что Россия равно враждебна к таким разным грузинам, как Гамсахурдия, Шеварднадзе и Саакашвили. Видать, не в персонах и их позициях дело, а «ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

Русский гражданин начальник, если смотреть не на его политику, а лишь на технологию грузинской кампании, сработал не глупо. Выпустил вперед Кокойты, как борца за независимость, но подготовил и свою атаку, и еще послал войска с абхазской стороны. Но профессиональное сознание оперативного работника, привычка к отдельности каждой операции, его подвели. Вроде впрямь, одно дело убийство Троцкого, другое - Бандеры,

третье - Ендарбиева. Тут нет эволюции, есть только приемы, но они, и в этих «удачных» случаях, как нынче видно, лишь оттягивали решения.

Обвинения предъявленные Путиным Саакашвили в связи с ответным ударом, выглядели бы обоснованными, не будь они еще обоснованней для оценки ударов самого Путина по Чечне. Саакашвили один раз сделал то, что Путин с Ельциным делают четырнадцать лет. Если, как уверяет наш министр Лавров, нечего соблюдать территориальную целостность Грузии, по той же логике уже говорят, что нечего соблюдать и территориальную целостность России. Осетия в такой же мере не территория Грузии, как Чечня – не территория России. И осетины имеют не больше прав на независимость, чем чеченцы. К тому же, в Чечню никто даже турецких, скажем, миротворцев не ввел, а в Южной Осетии и Абхазии открытая сторона конфликта, Россия, претендует слыть миротворцем.

В признании ее миротворцем трудно не увидеть пресмыкательство Америки и Европы, долго помогавших России против Грузии. Но не потому ведь они на это идут, что сами хотят видеть Россию монополю поставяющей постсоветскую нефть в Европу, а Грузия, построив на английские деньги нефтепровод, эту монополию подорвала. Они боятся рассердить монополиста. Все не могут забыть, как полвека ежедневно грозил кризис, подобный кубинскому, и верят, что капитуляция их спасет, не замечая, что Путин для красноречивой речи многозначительно избрал именно Мюнхен. Этот аспект событий актуален. Но есть и другой.

Путин назвал роспуск СССР величайшей геополитической катастрофой века. И был бы прав, имей он в виду не сам роспуск, неотвратимый и неизбежный, а презрение к народам, с которыми СССР распускали, подобное лишь тому, с которым его создавали. Право абхазов и осетин, равно как чеченцев, кабардинцев, черкесов, адыгейцев, балкарцев, карачаевцев и других отделиться от Грузии и России, непреложно. Но оно неосуществимо без носителя права, без самого этого народа. Осетины юга и осетины севера жили в одной стране и не слишком отличаются друг от друга. Осетинский народ един. Почему же его в СССР разделили административно и приписали к разным республикам? Да в силу сталинской национальной политики: разделяй и властвуй, от которой Россия поныне не отказалась.

Кабардинцам тоже дали общую республику не с черкесами и адыгейцами, им родственными, если не идентичными, а с балкарцами, а черкесам с карачаевцами. Вот и осетин разделили, тем паче, что часть их, еще во времена монгольского завоевания спасалась в Грузии и даже в СССР вошла вместе с Грузией. Если жизнь в Грузии им в тягость, шестидесяти тысячам осетин естественней обрести независимость не в карликовом государстве, а вместе с полумиллионом «второй» Осетии, тоже не радующейся учиненному ей Беслану. Свободной Грузии прямой смысл, удержав лишь населенные грузинами юг и восток автономной области, поддержать независимое и от Грузии и от России солидное Осетинское государство. Но такого не предлагают. Россия хочет править не только Северной, но еще и Южной Осетией. Виноваты в этом не Саакашвили, не

Шеварднадзе и даже не Гамсахурдия, а, не говоря о Сталине, Ельцин и Путин, и, конечно, американцы и европейцы, их умиротворяющие.

В Абхазии еще наглядней. Право абхазов на независимость тоже непреложно. Но их в Абхазии 80 тысяч с небольшим, а всего жителей там более полумиллиона. При распаде СССР абхазы не составляли и шестой части населения «своей» республики. Как же так вышло? «Понаехали», что ли, как у нас говорят, в этот благодатный край? Да нет, когда в марте 1921 Абхазская республика возникла, она была куда меньше. Но Сталин ее увеличил, в 1931 году прирезал земли, населенные грузинами, составившими половину населения, зато включил республику в состав Грузии. Теперь абхазы выгнали потомков этих грузин, а требуют независимости для всей территории. Заметим, грузин обратили в меньшинство, не как сербов в Косове, где албанки рожали больше, чем сербиянки, а просто выгнали. Отличился в этом знаменитый террорист Шамиль Басаев, гражданин России. Должна ли Грузия принять его усердие, как должное? Нет, независимая Абхазия правомерна лишь на той почве, на которой абхазы жили в 1921 году, входя в СССР. Но про это забыла не только Абхазия, но и Россия, взяв, тем самым, на себя ответственность за изгнание грузин, за геноцид. Россия виновна в нем и в Южной Осетии, куда Кокойты, не впускает грузин, бежавших от его обстрелов.

Жителей грузинских автономий наделили еще российскими паспортами. Но, переход в другое гражданство, не дает права взять с собой даже и клочок территории прежнего отечества. Давай он такое право, Германия, предоставив гражданство немцам Поволжья, получила бы территорию этой советской республики. Да и миллионы русских, после революции и после перестройки покинувших Родину, оттягали бы у РФ не одну область. То-то и оно, что уехать порой можно, но, как сказал Дантон, «отчизну не унести на подошвах башмаков»!

Взаимоотношения России и Грузии, вообще, не сводятся к отрадным последствиями Георгиевского договора 1783 года о российском протекторате. В марте 1921 года при прямой поддержке Москвы в Тбилиси разогнали грузинское Учредительное Собрание и свергли социал-демократическую власть. 87 лет назад Грузия уже пыталась вернуть себе независимость от России. Тогда ей помешали. За тем и Абхазию отделяли. Нынче мешают опять.

Сколь ни важно нынешней российской власти сохранить монополию в доставке нефти из нефтеносных районов СССР, правопреемником которого Россия себя сочла во всех сферах, не менее важны в нынешнем конфликте имперские цели. Смешно сводить беспардонность российской авантюры к личным качествам бывшего президента, ставшего премьером и оставшегося духовным лидером власти. Она коренится в его слабости и слабости всего его охвостья, так называемой элиты. Люди из КГБ не знают, как управиться с нашей великой страной, если не по образу и подобию тех лет, когда она им кажется великой. Чекисты повторяют слова о модернизации. Но держат при этом в уме технику и отмахиваются от того, что техническая модернизация Запада неотделима от его социальной модернизации, от тех самых прав человека и демократии,

которые они попирают. Они верят в возможность, как при Петре, закупить станки и прочее, и совершенствовать их на демидовских заводах и в шарашках. Но кр Зерепостное право от тех покупок лишь усугубилось, и век с небольшим спустя вышвырнуло Россию из великих держав в отсталые. А с шарашками пришли к тому же еще быстрее, и тоже спешат забыть. Вместо того, чтобы после 1991 до конца освободить Россию от колониального груза и, наконец, создать русское демократическое национальное государство, вцепились в былые колонии и возрождают империю.

Но время идет все быстрее, и новая национальная катастрофа может оказаться пострашней прежней. Русские ныне выступают в Грузии, как убийцы и мародеры, но губят они не только грузинских детей, а Россию. Возможно, Москва этого просто не понимает, не то бы хоть спохватилась. Возможно, впрочем, все отлично понимает, но классовые интересы там дороже национальных, и КГБ милей России.

Сердца не чувствуют несчастья 11.9.2008

После великой победы над национал-социалистической Германией Сталин, удерживая Красную Армию, давно уже так не именуемую, в странах, освобожденных ею от Гитлера, заставил мир бояться социалистической России и крепить оборону. Началась холодная война.

Для следующего поколения, не говоря о последующих, она была уже данностью. Ее духота не забыта, Но ее быт забыт и в России, и за границей. Слышна ее поступь, а люди, потерявшие память, истерически визжат: «Этого не может быть! Ведь больше нет идейного противостояния! В России нет коммунизма, там тоже капитализм!» Как-то даже неловко доказывать, что там иной строй, чем в Англии, Франции и США, вспоминать Гусинского, Березовского, Ходорковского, десятки средних и сотни мелких дельцов, поверивших мифу о российском «капитализме», иначе оформившем командную позицию государства и позволившем управляющим больше брать себе. Опять же, Китай от коммунизма не отрекся, идейное противостояние налицо, а холодной войны с ним нет.

Строя после 1917 года коммунистическую утопию, советское государство, вполне бесчеловечно разорявшее деревню и истреблявшее либеральную часть общества, до конца 30х свои границы не раздвигало. Советский Союз налаживал отношения с Западом, установил их даже с США, которые долго его не признавали. Лишь по ходу великого террора, когда утопический коммунизм на деле перерос в российскую разновидность национал-социализма, в ходе дружбы с Гитлером, а потом после победы над ним, СССР стал расширяться. В войне Сталин спасал отнюдь не коммунистическую утопию, которую сам и доканал. Он нарядился генералиссимусом потому, что из пепла войны вынес Империю. Вот его и чтут коммунисты Зюгановы, не чета каким-то там утопистам Бухариним. Сталинская Империя вела холодную войну, покоря мир по частям, сперва Таллинн и Ригу, потом Варшаву и Прагу, а там, глядишь, и Париж. Но время шло, и вселенская империя оказалась России не по зубам, и отпали не только Прага или Таллин, а даже Ташкент – город хлебный, и

прелестный Тифлис. На государственном телевидении Дугин и Проханов требуют это все воротить, Путин старается, и пахнет новой холодной войной.

Веселого мало. На Западе верующие в магию заклинаний, вопят: «Только не разрывайте отношения с Россией!» Это правильно, рвать отношения нелепо. И не только из страха, что нефти не дадут. Ее-то и при добрых отношениях не дадут, если решат давить. А Запад забыл, - забывал и до войны, - как строить отношения с партнером, который обманув, просит ему верить. Холодная война предполагает не одно отчуждение рядовых людей, а и встречи начальств с заглядываниями в глаза. В ходе сорока с лишним лет «два мира, две системы» поддерживали отношения, Хрущев ездил в Америку, Никсон в СССР, Эйзенхауэр стоял на мавзолее Ленина и шутил с членами Политбюро. Все понимали друг друга. Когда Сталин перекрыл дороги из Берлина на Запад, и пришлось настилать воздушный мост, чтобы спасти стоявшие там западные войска от капитуляции, Джон Фостер Даллес обмолвился: «Я надеюсь, мистер Сталин сознает, что один сбитый над Берлином самолет означает мировую войну». И ни один самолет не был сбит, а почти год поразмыслив под гул моторов, возивших предметы первой необходимости, Сталин молча признал, что прямой захват, успешный во время войны, уже не срабатывает, и снял блокаду, отступил, чего, говорят, Путин с Медведевым не сделают нипочем.

Сталин выглядит безумцем лишь там, где ему не могли ответить, а где могли, он отлично соображал. Он не только начал холодную войну, но и нашел способ сделать ее для Запада холодной, чтобы не на все отвечали. Он, а потом Хрущев и Брежнев, политически и экономически внедрялись в страны, являвшие слабинку, и плакаты поясняли, что треть мира уже с нами, намекая, что победы в мировом масштабе ждать недолго. Можно, конечно, спорить, дальновидно ли было помогать появлению у российских границ могучего Китая, эту «заслугу» Сталина замалчивают. Так или иначе, Запад холодную войну проигрывал. Советская империя стояла уже и в Африке и в Латинской Америке. Даже, когда Брежнев забыл про берлинский опыт и вошел в Афганистан, туда слали уже не самолеты, а стингеры. Но враг пострашней Америки, ошалев от великодержавных амбиций, вооружал империю не по средствам и к началу 80х разорил. Этот внутренний враг России - Коммунистическая партия Ленина-Сталина.

Считается, что с холодной войной покончил Горбачев, но на деле с ней покончило разорение. Горбачев, возможно, сострадавший родине больше, чем его коллеги по старому Политбюро, понял, что если не сдержать гонку, будет еще пагубней, чем оказалось. Получая секретную информацию о состоянии хозяйства, о котором население не могло даже догадываться, он, видимо, задумывался, а не отмахивался. Говорят, холодную войну Запад выиграл, а Россия проиграла. Но она проиграла не Западу, а коммунистической партии, которую, в лице ее передового отряда, чекистов, оставила у власти, чтобы поныне висеть на чекистском крюке.

Горбачев и Ельцин совершали важные политические шаги, начав с установления гласности, но политическое развитие увядает, если не ведет к социально-экономическому. А Горбачев никак не решал главные проблемы страны - экономическую (в частности, аграрную) и

национальную, как раз и вызвавшие 1917 год. А Ельцин решал их уродливо, в интересах прежнего правящего класса, а не демократического порядка, видимость которого создавал. Ради удержания власти он распустил СССР, надеясь, видимо, что теснота хозяйственных связей сделает роспуск лишь формальным, и сразу создал СНГ. Но внутри России он ограничился декларациями, а Путин уже прямо стал назначать Зязиковых и Кадыровых. Но на одного Путина это не свалить. Войной в Чечне Ельцин надолго вперед задал национальным отношениям тон. Запад счел это внутренним делом, хоть влез в те же проблемы в Югославии, в Ираке, и в других местах.

Холодная война, сводя мир к двум лагерям, тормозила и извращала процессы национального самоопределения. Наша империя пренебрегала национальными вопросами, и Россия продолжила эту сталинскую политику. К тому же, социальная жизнь XX века создала иллюзию всеобщей глобализации. Звучал призыв «пролетарии всех стран, соединяйтесь!», и параллельно росли международные корпорации. Но социальные и экономические отношения, как и условия развития, и его ход, не всюду схожи, и тенденция к глобальности неизменно сопровождается тенденцией к сепаратизму, особенно там, где народы бывают унижены и ущемлены. Однако Россия, с грехом пополам признав пагубность советской экономики, пагубность сталинской национальной политики не признала. Отсюда и последствия.

Возрождение СССР многие в России считают естественным. Уход Прибалтики они, скрепя сердце, проглотили, но Грузия и Украина в их умах неотъемлемы. Среди доводов и тот, что Россией тридцать лет правил грузин. В Грузии этот «чудесный грузин» перебил даже больший процент жителей просто потому, что многих смолodu знал по фамилиям, но на это не глядят. А западные державы отпустили колонии не только оттого, что там уже действовали партизаны, - партизаны действовали и в Средней Азии, и в Литве, - но, чтобы с ними сладить, надо было сделать свою страну тоталитарной, а в Англии или Франции это уже не было возможно.

Из-за холодной войны и значения в ней сверхдержав, за пределами их ядерного равновесия международное право свелось к праву сильного. Как известно, «сила соломu ломит». Но есть и другая поговорка: «сила есть, ума не надо», иронически прозревающая плоды ориентации на силу. Ее триумфы, как не раз показала наша история, чреваты тяжкими последствиями, которые страна, чертыхаясь, хлебает, не желая вспоминать, что их вызвало. Отделение союзных республик – попытка преодолеть обреченность СССР и самой России на отставание. Ни в отделившихся республиках, ни, тем более, в России, ее еще не преодолели. Но эту подоплеку происшедшего в нынешнем августе не обсуждают.

Легче установить, кто виноват в войне. В Грузии - русские солдаты, а в России - ни одного грузинского. Грузия, так или иначе, применила оружие для самообороны, и, что еще важнее, в своих границах. а Россия - за границей, то есть, развязала войну, отнюдь не холодную. Начали вроде бы не русские и не грузины, но Кокойты, какой он ни есть, не посмел бы уничтожать грузинские села и публично отказывать беженцам в

возвращении, не имея заручки попечителя. Саакашвили в ответ нанес удар по конторам в Цхинвали, - как и от русского оружия, и, вообще, на всякой войне, пострадали и ни в чем не повинные люди. Путин, казалось бы, уже в Чечне показал, что его это не смущает. Не гоже, вероятно, было Саакашвили уподобляться Путину, который, в силу несопоставимости армий России и Грузии, сразу ему и врезал! Но откуда у Путина там оказалось столько танков, отчего из Цхинвали до начала войны вывозили жителей? Это не объяснить ничем, кроме подготовки к атаке. Или Саакашвили этого не понимал? Или как раз понимал, что столько войск, и не в одну Осетию, но и в Абхазию, не затем стянули, чтобы укрепиться в Цхинвали, где позиции русских и так прочны. Он опасался удара по Грузии и захвата Тбилиси, Чтобы сдержать наступление, он и нанес ответный удар громившему грузинские села Кокойты. А тот громил их ради провокации, на которую Саакашвили попался. Кругом винят его, словно Кокойты ничего не делал. Но движение наших войск к Тбилиси догадку о замысле его захвата подтвердило. Для разгрома грузинской армии брать город не было нужды.

В конкретной ситуации Грузия права, а Россия не права. Но ход мыслей их лидеров слишком схож. Иначе Саакашвили бы сказал: «Я признаю право абхазов на независимость, но не на территории, которую Сталин прирезал Абхазии вместе с грузинским населением, не их право выгонять грузин. Верните грузинских беженцев, выведите из обеих автономий русские войска, которые не миротворцы, а захватчики, замените их нейтральными полицейскими силами и проведите в каждом селе референдум. Желающих жить под властью русских, я удерживать не буду, но желающие жить в союзе с нами, тоже должны иметь на это право». А он так не говорит.

И президент Франции Саркози, выступающий миротворцем, тоже ничего такого не говорит. Никого не занимают единство и противоположность тенденций к глобализму и сепаратизму, никто не ищет способа их гармонизировать. Полагаются на силу. Россия, как малый Советский Союз, в мечтах о былом величии крепостнической империи и ГУЛАГовского СССР, судорожно вцепилась в свою «евразийскую» глобальность. Но и Америка не сознает, почему, успешно устранив диктатора Саддама и проведя свободные выборы, на которые граждане Ирака шли добровольно, она не может увести войска. Да потому, что не уважает сепаратных стремлений жителей этого искусственно склеенного при развале Османской империи государства, и держит там солдат, чтобы успехи курдов, не сердили Турцию, а успехи шиитов, не бодрили Иран.

Поддержав независимость албанского Косова, Запад не поддержал стремление сербской его части остаться в Сербии. Караджича надо судить за убийства, которыми он спешил спасти малую сербскую империю, но ни Запад, ни Россия, не предложили мирного раздела, по которому за Сербией, а не за Боснией, осталась бы часть Республики Сербской, да и часть Сербской Краины, и сербские части Косова. У сербов есть право жить вместе. Преступление Караджича, Младича, Милошевича в том, что они поставили это право сербов выше права боснийцев, хорватов, албанцев жить отдельно от них. Нам внушают, что право народа на

самоопределение, сколь ни насущна тяга к нему, менее важно, чем нерушимость государств, даже искусственно и насильственно созданных.

В 1940 году латыши, литовцы и эстонцы под приглядом советской армии, вступившей в их страны, голосовали за вхождение в СССР. Трудно верить голосованиям в Абхазии и Южной Осетии под приглядом русских «миротворцев», да еще при лишении права голоса сотен тысяч грузин, изгнанных оттуда не без нашей помощи. Россия, отступившая в декабре 1991, окрепнув на нефтяных хлебах, первым делом возобновила захватническую войну. Не о здравоохранении позаботилась, не об образовании, не о продовольствии, доступном людям, а о ней, родимой, чтобы всех запугать, слово страх окружающих выражает твое величие.

Саркози, преемник де Голля, отпустившего Алжир и вернувшего Францию к миру, мог бы поделиться с Путиным, и Медведевым, и Саакашвили, этим французским опытом, от которого Франция стала сильнее и богаче, но не рискнул сопоставить однократную контратаку Грузии с бесчисленными атаками России на Чечню и, вообще, на Северный Кавказ. Он согласовал с Медведевым вывод российских войск из Грузии (где у них нет права находиться и минуту) в течение месяца, с заменой их международными наблюдателями, но не согласовал такую замену в Южной Осетии и Абхазии, где независимые наблюдатели необходимы еще больше. На деле он, хоть не признается, согласен с Медведевым, что это уже не части Грузии. Его заботит лишь возврат от горячей войны к холодной, при которой нефть исправно течет. Но Россия и хочет не горячей войны, а мирной капитуляции окружающих. Ново лишь то, что она холодную войну возобновила, а Запад устраняется, словно его это не касается. Запад о себе еще подумает, и вместо Саркози, подражающего Даладье, а не де Голлю, выберут другого. Но в России выборов нет, Медведев фактически не избран и этим даже опасней назначившего его Путина. Если не очнуться, плоды грузинской кампании будут не слабей, чем афганской потому, что России, да еще по второму разу, уже не выдержать тоталитаризма.

Тягу к тоталитарности, любовь к самодержавию, не справясь, по силам ли они еще стране, у нас называют патриотизмом, а стремление к свободе – пособничеством Западу. А Николай Михайлович Языков, обличавший «ненаших», клеймивший Чаадаева, написав: «Свободы гордой вдохновенье, тебя не слушает народ», все же добавил:

Пред адской силой самовластья,

Покорны вечному ярму,

Сердца не чувствуют несчастья

И ум не верует уму.

Трудно точней определить состояние российских сердец и умов, радующихся ныне расправе с Грузией.

Царская вина 27.9.2008

Поверим, что очередной отказ реабилитировать царя и всех убитых с ним вместе, как и результаты конкурса «Имя России», совпали с девяностолетием убийства чисто случайно. Наша доверчивость лишь подтвердит, что ни за советские годы, ни за 17 лет «демократии», мы так и не взяли в толк, что в России было сперва и потом.

Для Патриарха Московского и всея Руси Алексия II убийство царя – «начало тех злодеяний, последствия которых десятилетиями сказывались на жизни нашего народа». Но разве эти злодеяния не начались уже разгоном Учредительного Собрания, как раз и впихнувшим Россию в Гражданскую войну, в ходе которой и убили царя и его семью? Или до их убийства братоубийственная война не была для святейшего отца злодеянием? Если так рассудила церковь, нечего удивляться, что прочие, за царя они или против, тоже не опускаются до реальности, права и смысла.

Молодое советское государство действовало преступно, не только лишая жизни царицу, четырех царевен, подростка царевича, доктора Боткина и обслугу, - а их убила не банда, а вершивший тогда власть на Урале ревком, да еще с санкции высших коммунистических руководителей, - но уже рисуя их политическими преступниками. Установись в августе 1991 года демократия, одним из первых ее дел стала бы массовая реабилитация безвинно пострадавших, включая семью царя и убитых с ней. За ними нет состава преступления.

Но с самим царем не так все просто. Его убийство тоже было преступным. Его тоже не судил ни суд, ни Дума, что отличает его от Карла I и Людовика XVI, хоть не только Съезд Советов, но и Учредительное Собрание, его бы осудили. Но и Александра II, и Павла I, и Петра III, - уж не будем забираться дальше, - тоже убили без суда и следствия, а их реабилитации не требуют, да и наказали лишь организаторов убийства Александра, а убийцы Петра и Павла благоденствовали. Самодержец – вредная профессия, опасная для жизни.

Правда, у Николая Александровича есть и смягчающие обстоятельства: он трона не домогался, напротив, тяготился необходимостью его занять, а заведя страну в тупик, отрекся от престола, и убили не царя, а бывшего царя, гражданина Романова. Справедливый суд едва ли бы приговорил его к смертной казни. Но и считать его ни в чем неповинным, невинно убиенным, при всем желании, невозможно.

К несчастью для России, многие считают. И радовались, когда в массовом опросе он обошел Сталина, отнял у того первое место в массовом сознании. словно продвижение на это место царя не выдает то же самое массовое сознание. Казалось бы, нет меж ними ничего общего. Один – недоучившийся семинарист, не веривший никому и ни во что, волевой и сметливый, но трусливый, другой - с домашним образованием, верующий, но безвольный, со средними умственными способностями, а не трус. Едва ли не единственная схожая черта – обоих тяготило сотрудничество с

незаурядными людьми. Но оба были всероссийскими самодержцами, обладали неограниченной властью, и оба, при всех различиях, понимали свои действия как воплощение желанного, игнорируя объективные последствия. Оба не замечали, где преступали допустимое, становились преступниками. Да и как было заметить, если этого от них и ждал правящий класс, от одного – для самоутверждения, от другого – для самосохранения.

Нынешнее почтение к Николаю, которого при жизни многие, даже и монархисты, презирали, – отчасти следствие разоблачения «культ личности». Когда, ввергнув страну в катастрофу, Сталин вдруг умер, и сформированный им правящий класс стал от него отодвигаться, пустили в ход выражение «культ личности», все худое валя на личные качества. А советской власти, чтобы устоять, и нужен был на высшем посту человек именно с такими качествами, на все способный беспощадный палач. Какой в итоге окажется коммунистическая партия, уже не оглядывались. Сталин перестрелял ее большинство, но ее волю выполнил, власть устояла и держится, хоть рядится в другие одежды. Не дав людям возможности заговорить не о личности, а о правде и принципах, коммунисты учили и впредь глядеть на личность, а не на ее взгляды и действия. А рядом со Сталиным царь выглядит относительно приличным обывателем.

Но на совести Николая II не только Ходынка и 9 Января, не только погромы и Ленский расстрел. На его совести – революция, и Февральская, и Октябрьская. И то, что в ходе этих революций власть перешла не к демократически избранным органам, а к новому самодержавию. Нынче модно уверять, что Россия к чему-то, и в частности к демократии, не готова. Но именно Николай больше всех и мешал готовиться.

Еще до 1905 года о нужде в реформах молодому царю говорил Витте, но царь отмахнулся, и последовала не только отставка Витте, но и Первая русская революция. Лишь по ходу революции «царь испугался, издал Манифест» и в конце года закон, по которому была избрана Дума, вскоре разогнанная, а через год Вторая, тоже разогнанная, поскольку в обеих было немало сторонников серьезной аграрной реформы. И без того неравноправный избирательный закон ужесточили, и Третья дума большой роли уже не играла и отбыла свой срок.

Оставалось надеяться на аграрную реформу Столыпина. Но, близкая по направлению умеренным дореволюционным предложениям Витте, столыпинская реформа после революции, после разгона двух Дум, к чему и Столыпин причастен, заведомо не могла разрешить глубокий аграрный кризис, ставший едва ли не главной причиной социальной катастрофы в России. Да и странное нежелание царя тщательно расследовать убийство Столыпина, совершенное не простым эсером, а служившим в охранке, говорит, что даже умеренные рациональные шаги преданных монархистов царь допускал лишь в минуты роковой угрозы и отчаяния, а чуть улеглось, видел залог нерушимости трона в нерушимости прежних порядков, хоть на деле было как раз наоборот.

К его времени стихийное развитие российской экономики и культуры, начавшееся после реформ Александра II, обрело невиданный размах, и

Николай II твердо противодействовал сообразной политической эволюции и социальным реформам, При самодержавии, где высший закон - воля царя, на царе повисают не только правонарушения, содеянные лично. Любой авторитарный правитель, возглавляющий вертикальную власть, отвечает за все преступления государственных служб, даже если наперед о них не знал, но потом не наказал виновных. Противодействие эволюции, конечно, в обвинительное заключение не включишь. Но царские способы ей противодействовать, включавшие массовые расстрелы, были явно преступны.

Расправляясь с царем, его убийцы, не озабоченные законностью приговора, конечно, тоже чинили преступление. Преступления убитого не оправдывают убийц. Но и преступное убийство реального преступника этого преступника не оправдывает. А убили не простого обывателя. Девяносто лет спустя нынешние власти могли бы безоговорочно осудить преступность убийства не только семьи и остальных, но и самого царя. Но объяви Верховный суд или Дума царя реабилитированным, вышло бы, что не только политика противодействия эволюции, но и методы и способы, им в ней примененные, преступными не считаются. И повседневная безответственность любой российской власти стала бы открыто признаной нормой. А с этим и так не кругло.

Уже летом 2006 года Дума и Совет Федерации утвердили, а президент Путин подписал, закон, позволивший Вооруженным силам и спецслужбам, - и не в военное время, а в мирное, - убивать за рубежом лиц, так или иначе опасных Российскому государству и его гражданам. Убийства за рубежом совершали всегда и отнюдь не только коммунисты, но то были тайные беззакония. Даже убийцу Троцкого открыто объявили Героем Советского Союза лишь двадцать лет спустя, когда он вышел из тюрьмы, хоть тогда еще ссылались на «революционное правосознание». Для демократического государства взять себе право убивать на территории другой страны означает отказ признавать эту страну суверенной, это объявление ей войны. А поскольку нигде не оговорено, в каких странах дозволено убивать, выходит, что суверенитет России выше суверенитета всех остальных государств, и летом 2006 года мы объявили войну всему миру.

Вполне возможно, что подозрения нашего государства порой верны. Тогда оно не только вправе, но подчас даже обязано, добиваться выдачи обвиняемого или суда над ним в стране пребывания, доказывая его вину. А вместо этого наше государство разрешило своим службам убивать без суда, да еще за рубежом, что несообразно с принятым ею мораторием на смертную казнь по законно вынесенным приговорам. Это уже не то что правовой нигилизм, а какой-то, если можно так выразиться, правовой наплевизм, открытая демонстрация того, что у нас не просто отдельные чиновники не сильны в законном порядке, как верно подметил наш юридически образованный новый президент, но само наше государство, чего он, к сожалению, не углядел, - откровенно неправовое. На этом фоне даже неловко напоминать, что убивая без суда на своей территории, государство тоже вершит преступление. И меж бессудным убийством царя и бессудными убийствами царем различия нет. И те и другие надо осудить, и убийцам, ни тем, ни этим, оправдания нет.

Иван Грозный говорил: «Я в своих холопах волен, хочу казнь, хочу милую». С этим чистосердечным заявлением редко сопрягают расстрел 9 января 1905 года на Дворцовой площади, хоть он - прямое продолжение традиции, обильно продолженной и советским самодержавием. А убийствами в Беслане и на Дубровке нынешняя власть продолжила другую советскую традицию: «лучше убить сто невиновных, даже детей, чем упустить хоть одного виновного, и даже только подозреваемого». Не менее страшную, однако другую, А простить 9 января, значило бы признаться, что и в такой прямоте власть худого не видит и зарока ее избегать не дает.

Ей бы выглядеть не советской, да не царской. Но ее идеологи не сильны. Ленин и Троцкий внушали лживые надежды под покровом правдивых обличений. А Павловскому и Суркову не убедить страну, что царя сгубила лишь хитрость большевиков, а не его долгое консервативное упрямство. Но признать, что здоровый путь лежал меж тем и другим, да робкое Временное правительство его упустило, власть тем более не хочет. Ведь Временное правительство, при всех своих слабостях, все же утверждало какие-то очевидные элементы демократии, хоть и недостаточные, и сметенные потом большевиками.

Считающие царскую власть благой, спрашивают: почему, если Советской власти больше нет, не восстановлен царский порядок. Они хотят внушить, что не было провала старого самодержавия, ввергшего Россию в ужасы XX века. Ельцин пошел им навстречу, похоронив царя в Петропавловском соборе, но Марию Владимировну на трон все же не посадил и сам не сел, лишь протащил авторитарную Конституцию.

Советская власть была прямой. Она противопоставила бесправию, чинимому царями, бесправие, чинимое ею самой, уверяя, что оно лучше, поскольку его чинят свои ребята. По слову Бориса Слуцкого, не то, что царь, но

И бог - усталый древний старик,

Прячущийся в облаках,

Был заменен одним из своих

В хромовых сапогах.

Подобно царю, Советская власть легко обращала оружие против сограждан, в чем новое самодержавие было даже покруче старого. Нынешняя власть оружие не сложила, но ее несет еще и быстро текущая нефть. Нет гарантии, что, когда поток иссякнет, оружие ее удержит. Вот она и колеблется, откладывает казни по суду и казнит без суда, не смеет ни обвинить виновного в массовых расстрелах, ни его оправдать, открыто оправдав этим расстрелы. Где ей реабилитировать семью, но не царя, да еще признав его убийство тоже преступным! Для этого сперва пришлось бы сделать наше государство правовым. А не затем чекисты взяли власть.

Гайдар сознался 15.10.2008

Третьего октября Гайдар вышел из Союза правых сил. Уважая позицию единомышленников, предложивших, как он выразился, «перепозиционирование СПС», он заявил: «Не считаю, что мое участие в этом проекте будет полезным для его успеха». А пятого октября передумал и вместе с реальным вождем СПС Чубайсом и формальным Гозманом объявил: «раз нельзя без взаимодействия с властью – будет взаимодействие. Раз нужно личное участие в этом проекте хотя бы кого-то из нас – значит оно будет». Но, еще в первом заявлении он сказал: «связывать с моим именем надежды тех, кто хочет построить в России реально функционирующую демократию, мне кажется ошибкой».

Сказал чистую правду. Но в начале девяностых миллионы мечтавших о демократии надеялись на гайдаровскую «либерализацию цен». Гайдар и его партия, сперва даже звавшаяся «Демократический выбор России» и лишь потом «Союз правых сил», такую надежду усердно внушали. И вот, почти семнадцать лет спустя, признание, что тяжелые и непопулярные решения были приняты лишь «для того, чтобы выправить катастрофическую ситуацию, связанную с банкротством Советского Союза в начале 90-х годов»!

Катастрофическая ситуация впрямь имела место. Гонка вооружений, затеянная советским государством ради военного превосходства над всем, взятым вместе, остальным миром, довела наше хозяйство до кризиса. Кризис привел к власти Горбачева, шедшего на политические послабления, но медлившего с экономическими реформами, и хозяйственная катастрофа усугублялась. Она, кстати, и была прямой причиной роспуска СССР, предоставившего союзным республикам выкарабкиваться самостоятельно.

Ельцинская Россия, самая из них богатая, но и сильнее всех сбита с толку имперским синдромом, не стала, в отличие от иных, национальным демократическим государством, свободным от нужды удерживать силой подвластные земли. Как ни парадоксально, нелегитимное и не целиком правомерное обособление Нагорного Карабаха от Азербайджана или Абхазии от Грузии, поощряя шовинизм одних азербайджанцев и грузин, вело других к демократическому национальному самосознанию.

Россия к нему не продвинулась, не провела реальных экономических реформ, ни по проекту Шаталина-Явлинского «500 дней», ни по другим, тогда предлагавшимся. Лавине унаследованной катастрофы Ельцин ответил политическим решением – обуздать катастрофу любой ценой, а реформы, буде понадобятся, начать потом. Затем и призвали Гайдара.

В оставшихся советскими параметрах, без реформ, без экономической свободы и частной собственности, он мог действовать лишь по-советски, то есть, в очередной раз ограбить население, обесценив совдензнаки, фактически бывшие не столько деньгами, сколько квитанциями, подтверждающими работу на монопольного работодателя - государство, по которым оно и выдавало предметы потребления. Сталин в начале 1947

года, уменьшив цену таких «денег» в десять раз и подняв цены на предметы потребления примерно в четыре, начал новый счет. Гайдар в начале 1992 делал то же самое иначе: позволил поднимать цены продавцам, не бывшим даже владельцами товаров, и, разогнав инфляцию, обесценил старые деньги и предоставил жить на жалкие суммы новых, которые не удосужился даже изготовить в нужном количестве. И люди разом обнищали, Гайдар сделал катастрофу ощутимой почти для всех.

С тех пор на него возлагают вину в самой катастрофе, до которой страну довел отнюдь не он, а Сталин, Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко и их товарищи. Воображая, что можно повторить сталинский экзерсис в совсем иной политической ситуации, и лишь потом преодолевать пагубность сталинского директивного хозяйствования, Гайдар, я верю, хотел, как лучше. Но и Ленин, и Троцкий, и Бухарин, когда такое хозяйствование заводили, видимо, тоже хотели, как лучше, и не загадывали, что ведут к сталинскому самодержавию. Гайдар усердно внушал, что в советском сверхмонопольном государстве «либерализация цен» это форма либерализма и сеял надежды на реально функционирующую демократию. Но граждане России уже к очередным выборам поняли то, что Гайдар признал только сейчас, поняли, что для демократии он не сделал ничего, а для общего обнищания достаточно много. Тогда и стали в России звать демократию – дерьмократией, и отворачиваться от Гайдара и его партии. Это случилось задолго до Путина. То, что Путин демократию и вовсе упразднил, не резон забывать, что Гайдар и его сторонники потеряли народную поддержку куда раньше. И не из-за одной «либерализации цен».

Члены Союза правых сил именовали себя либералами. Даже Никита Белых в прощальном заявлении повторил, что СПС - единственная либеральная партия России, словно социал-либерального «Яблока» и не было. Но либералы бывают «правее» или «левее» лишь в либеральном кругу, а в общественном спектре они потому и либералы, сторонники свободы, что противятся «правым», врагам свободы, консерваторам, реакционерам и черносотенцам. У нас консерватизм и реакцию олицетворяла коммунистическая партия, КПСС, ныне КПРФ, переродившаяся за советские годы из ультра-левой РСДРП (б), отвергшей и экономические и политические свободы. Надо думать, «Демократический выбор России» отказался от своего прекрасного имени не ради броского девиза «Наше дело правое!», а на практике ощутив свое место в реальном российском обществе. Но правое в политическом смысле дело, да еще при застойной реакции, заведомо неправо. Немцов и Белых вышли, и сам Гайдар рвался выйти из партии, видимо, стыдясь ее растущей близости к авторитарной власти. Но близость пришла оттого, что, вопреки своему «российскому либеральному манифесту», они спешили направо, страшась, что, одолев коммунистический тоталитаризм, страна свернет влево, к свободе, и не понимая, что при этом произойдет.

Между тем, привычное противостояние социализма и капитализма преобразилось. Сталинский социалистический абсолютизм обанкротился, и соперничают капиталистический социализм – в китайской, нашей нынешней и других формах, и социальный капитализм, наглядный в Западной Европе. Положение рабочего класса при капитализме оказалось

благополучней, чем при социализме, и актуальны стали непомерная мощь государственной номенклатуры и выбор модели государства: быть ей вертикальной, как воинская часть, даже контрактная, или горизонтальной, как рынок.

Никто не вещал о рынке громче СПС, и, едва признали, что в прежнем виде советская сверхмонополия уже не работает, Ельцин позвал Чубайса чинить механизм. Тот дал отдельным производствам больше самостоятельности и гибкости, чем было у советских министерств, но, сняв формальности, отнюдь не упразднил зависимость производства от государства. Провозгласили переход к капитализму, чуть не революцию, а «разгосударствление» свели к формальной придаче государственному имуществу видимости частного. «Приватизация» состояла в допуске доверенных лиц за почти номинальную оплату к управлению и части дохода. Новых «капиталистов» не зря прозвали олигархами. Построили, по меткому слову Юрия Буртина, «номенклатурный капитализм», не знающий ни плюрализма и стихийности, изначально капитализму свойственных, ни выработанной им позднее системы социальной защиты.

СПС и стал партией номенклатурного капитализма, то есть, трансформированной советской хозяйственной системы. О ее реформировании в СССР продолжали думать даже и после неудачи так называемой «реформы Косыгина», при всей своей убогости, показавшей, что многие коммунисты сознают пагубность своей практики. И Гайдар, и Чубайс, смолodu, до стремительных карьер, участвовали в обсуждениях возможных перемен, и карьера позволила им воплотить возникшие у них тогда надежды. Если в новой России реакционную суть коммунистического правления отстаивает КПРФ, то зарождавшиеся либеральные тенденции подхватил СПС. Потому-то он и привлек сперва многих избирателей. Но внешняя либерализация государственного хозяйства еще не делает его либеральным и впрямь капиталистическим. Вот СПС и остался на правом фланге. Правей коммунистов возникло «Евразийство» Дугина и ему подобные движения. Левей коммунистов - «Единая Россия», собравшая покладистых выходцев из КПСС, а еще чуть левей и СПС. Политический центр так и не заполнился, левей его расположилось «Яблоко», но на левом фланге – ничего значительного. Перерождение РСДРП, перерождение левого стремления к свободе в удушение свободы самим же «освободительным» движением и его обращение в по сути оголтелое правое, отбило, к сожалению, в России вкус к свободе и хранящим ей верность левым либеральным движениям. А даже буржуазная партия кадетов, способная до революции быть в центре, в отличие от СПС, с которым ее часто равняют, все-таки брала в толк, что без свободных крестьян капитализма нет, и полсотни магнатов ему мало.

СПС, подпирющий олигархов, - даром что те, оставив его на бобах, предпочли «Единую Россию», а то и прямо оперлись на авторитарного правителя, - дружил с властью, даже выступая в роли оппозиции. Все более откровенной власти он все меньше был нужен для декорирования политики, и, как показала нынешняя быстрая смена позиций Гайдара, СПС готов на все, но публично брать желтый билет не каждый рад. Вот и спорят, гоже ли оппозиции иметь дело с властью.

Но на то и оппозиция, чтобы, иметь дело с властью, напоминая, что власть не небесная и не всевластная. Напоминая и в парламенте, и в обществе. В том отчасти и смысл демократии, что возможны такие отношения с властью. И даже если демократии нет, но легальную оппозицию еще не истребляют, как при Сталине и Гитлере, и можно высказаться без страха быть высеченным, ничего зазорного в разговорах с властью нет. Чем тесней ужаты легальные возможности, тем быстрее отношения сменяются протестами, демонстрациями, естественными, если нет иной возможности объяснить власти реальное положение вещей. Это не лучшая форма отношений, но и в ней, и, тем более, в открытом диалоге с властью, не сплошь состоящем из разногласий, нет ничего худого, пока остаешься собой и говоришь, что думаешь.

Но в России, прославившейся созданием, как зловещих образцов авторитаризма и тоталитаризма, так и великих образцов режиссерского театра, отношения общества с властью даже и в полемике часто не обнажаются, а декорируются. Российская политика, не только внешняя, но и внутренняя, полна подмен. Все неправительственное, не утвержденное властью, под подозрением у власти, но и в публичной жизни, слушая не только верноподданных, но и оппозиционеров любой масти, не легко понять, личная это позиция, или вынужденная или оплаченная.

Советский коммунизм дискредитирован, но многие, находившие себе тогда применение, при позднейшем сдвиге утратили ориентиры и держатся за былое, при всей его преступности, и существование КПРФ не удивительно. Но в здравом уме и твердой памяти невозможно верить, что партия господина Богданова, и сам он, как политик, возникли сами собой. Ныне ДВР – СПС, какой ни есть, но возникший естественно, уподобляют партии Богданова. Это «напрягает» Немцова, и Белых, и даже Гайдара. Им стыдно публично терять достоинство. Это к их чести, но сочувствовать им трудно.

Не вызывают сочувствия и обличения позорного конца СПС. Гозмана даже винят в предательстве. А он всего-то хочет поддержать правителя и внушить ему по-дружески, что курс надо менять, то есть, демонстрирует свою политическую ничтожность. Чем обличать предательство, лучше вспомнить корни происходящего. А они, в девяностых, где новосозданная партия не только заняла такую политическую позицию, какую заняла, но даже и эту позицию перед властью не отстаивала.

Перестройку, как известно, затеяла КПСС, точнее сказать, часть ее верхушки, ощутившей себя в тупике и готовой к либерализации. Возглавленная Ельциным, она в открытой схватке, с помощью сторонников демократии, одолев ГКЧП, решились, наконец, менять не только, подобно Горбачеву, политику, но и практику. Не стоит бранить демократов, и Демократический выбор России в частности, за то, что в зыбкой ситуации политической борьбе они не смогли отнять власть у коммунистического, уже отступавшего, охвостья. Шансов было немного, тем паче, что демократы не готовились брать власть, а диссиденты жили правозащитой. К тому же, коммунистическая реакция и после разгрома ГКЧП не исчезла, а у Ельцина за пазухой было достаточно Путиных, и он не колеблясь дал бы им ход в 1992, как дал в 1999.

Гайдаровцы и чубайсовцы поддержали Ельцина, что было бы даже похвально, вступили они с ним в союз, оставаясь самостоятельной силой, защищающей демократические принципы. А они влились в его команду, и уже ни в каких случаях не были демократической оппозицией Ельцину, - не только потому, что их собственная позиция в «либерализации цен» и «приватизации» лишила их популярности, но и потому, что за пределы его авторитарного правления и не глядели. Вот и стали не ответственной политической партией, но лишь ассоциацией поддержки избранного монарха с демократическим обаянием, но авторитарной политикой. А у его преемника другое обаяние. К тому же, он выиграл регату на нефтяной реке, и партии ему теперь нужны не показушно вольные, а послушные. Не в Гозмане тут зло, он плоть от плоти партии, всегда игравшей так, лишь макияж был ловчей.

Ныне Гайдар зовет не связывать с ним надежды построить в России реально функционирующую демократию. Делать это впрямь не стоит. Но признаваться бы надо не 3 октября 2008 года, а 1 января 1992. Больше удивляться нечему.

Почва российского кризиса 3.11.2008

Говорят, с чем – с чем, а с марксизмом-ленинизмом Россия простилась. Ан нет, чуть начался кризис, бывший президент, он же ныне премьер, он же лидер правящей партии и народа возложил вину на империалистов, хотя к его появлению у нас он и сам руку приложил.

Толчок к мировому кризису справедливо видят в жадности американских банкиров, выдававших необеспеченные кредиты, особенно ипотечные. Отсюда неплатежи, нехватка ликвидности, банкротства, и в итоге - падение взаимного доверия, необходимого свободной экономике. Но мы - не стали островком безопасности не только потому, что живя в глобальной экономике, нельзя быть от нее свободным.

Наша власть, конечно, хотела, как лучше. Пока мы в СССР замыкались на военной технике, империалисты, которых мы готовились закопать, не плохая в военной технике, преуспели и в другой, и нам она теперь тоже нужна. Можно ее купить, но наладка сложна, и важен опыт знающих дело практически. Вот и дружим с западными нефтяниками, вроде «Бритиш петролеум», обещая делиться заработанным вместе.

Но дружба дружбой, а не делить же табачок! Какую-то долю кинем, но пусть место свое знают. А то вопят, ссылаются на закон, на договор! Не читали великого писателя, побывавшего вице-губернатором и взявшего с должностных уст вещие слова: «А мы тот закон переменим!». И меняем. Техника останется, а их долой. А наши олигархи помнят, кто в доме хозяин. Не то врача пришлем, как сказал премьер. Наша медицина надежная, особенно психиатрия.

В итоге, хоть прибыль в России большая, и русские, и иностранцы, выводят деньги из страны, пусть прибыль будет меньше, да верней. А уход инвесторов ведет к кризису. Вот иные и винят премьера, первую

спицу в колеснице, и даже винят безответного президента. Дескать, было хорошо, да Путин все испортил. Но не Путин, как и не Сталин, создал этот порядок, они лишь прибавили ему отчетливости.

Наш порядок кличут государственным капитализмом. А государство бывает капиталистом лишь там, где с ним на равных действуют независимые от него «частники». Стоит ему их под себя подмять, буржуазная стихия стихает, и остается не капитализм, а нечто другое, знакомое нам в советских четких, не то что в нынешних размытых формах. Чем они опять четче, тем быстрее «частник» смекает, чего ждать, и голосует ногами. У нас свой кризис, хоть мировой нас тоже задел, и мы пожинаем плоды двух кризисов разом. Но беда не в характерах, не в личностях Путина и Сталина, и даже не в культах их личностей, а в порядке, ими укрепляемом, в их установке на вертикаль. А полтора ста миллионов жителей России понимают, знают и умеют больше, чем один живой бог.

Нынешний мировой кризис, подобно великой депрессии 1929 года, объявляют предвестием краха капитализма. В левых кругах благополучной Америки или, с другой стороны, во властных кругах развивающихся стран, такая риторика объяснима. Но Россия уже провела экспериментальный отказ от капитализма, да и до 1917 года совала ему палки в колеса. К насущным политическим преобразованиям не привели даже великие реформы Александра Второго, а большевики и вовсе повернули вспять, дойдя чуть не до крепостного права. В итоге - голод на рубеже тридцатых, отступление до Волги в 1941-43, и распад СССР. Но враги капитализма гнут свое, хоть видно, что без него благополучие так и останется привилегией начальства.

Черчилль в свое время говорил, что демократия ужасна, но остальные порядки – еще хуже. Капитализм, конечно, тоже ужасен, но лучше других порядков. Потому, что при нем первая мерка хозяйства - ценность. Можно спорить, зависит ценность лишь от вложения физического труда или умственного тоже, обладают ею лишь продукты труда или дары природы тоже, зависит ли она от предложения и спроса, но, как ни считай, капитализм нацелен на умножение ценности. Он умножает их взаимовыгодным обменом. А иные порядки их не выменивают, а отбирают, экспроприируют.

При капитализме, как при всяком горизонтальном устройстве, нет наперед правых, правду выявляет ход жизни, а до того ей приходится уступать и отступать, что бывает ужасно. А вертикальные устройства поддерживают порядок единственно верными религиями и идеологиями, сохраняющими святость, даже преображаясь. Там не бывает кризисов, бывают лишь нарушения вертикальной субординации. Отступников и изменников там ликвидируют запросто. Вот только падает производство ценностей. А капитализм, если неадекватность обмена подрывает продуктивность, испытывает кризис.

Но коллективизацию или тридцатые годы в СССР не называли кризисами. При вертикальных порядках долговые обязательства и деньги обесценивает не кризис, а государство. От ценностных соответствий оно

там зависит лишь в конечном счете. Римская империя рухнула, лишь когда иссякли источники новых рабов. В свете подскока цен на нефть и газ в начале тысячелетия, Советский Союз, десятилетиями ведший несбалансированное хозяйство, выдают за жертву плохой конъюнктуры восьмидесятых. Порочность советского порядка, неизбежное крушение которого могло произойти и по-иному, в России по существу еще не осознана. Жива вера во всемогущество воли правящего класса, готового ее вершить, любой ценой поддерживая покорность, а катастрофические последствия оставляя потомкам. Но до поры преимущество абсолютистских государств в мобилизационном сосредоточении сил и ресурсов в нужном месте в нужное время - неоспоримо.

У капитализма другие преимущества. Он, во-первых, расширил индивидуальные возможности – от труда по избранной профессии до ведения частного крестьянского хозяйства. И, во-вторых, обратил шедший с древности научно-технический прогресс в средство, сверх прочего, умножать ценности и доходы. Своей плюралистической и конкурентной горизонтальной природой капитализм благоприятен развитию техники. Она и стала его экономическим преимуществом, оставив внеэкономическим порядкам мобилизовать сограждан призывом «Догнать и перегнать!» А капиталистическое общество живет надеждой умножить ценности, надеждой на производство и доход, на рост зарплаты. На то и свобода и самоусовершенствование.

Капитализм повседневно зависит от ценностных соответствий. Потому ежедневно и публикуют курсы валют и акций. Он создал не только новые экономические институты, но и отвечающий плюралистическому хозяйству политический строй социального компромисса, позволяющего разрешать повседневные внутренние противоречия и стычки не в гражданских войнах, а парламентским методом. Государству он отвел в хозяйстве скромную роль, - оно при капитализме хозяйством не руководит и даже не вполне его регулирует, зато блюдет объективность работы институтов его саморегуляции, вмешиваясь лишь в чрезвычайных обстоятельствах, а не повседневно, как при волевых порядках.

Это вовсе, однако, не означает, что капитализм уже победил, что возможности ценностных отношений полностью реализованы, а от внеэкономических волевых приемов полностью отказались. Живя в докапиталистическом окружении, капитализм немногих стран эволюционировал, одолевая внеэкономические позы, но не до конца одолел.

Неполнота победы капитализма была видна в представлениях о рабочих, отдающих при обмене ценностями рабочую силу, не как о соучастниках единого социального процесса, но лишь как о подсобных фигурах, ему противостоящих. Переводя гегелевские абстракции на язык реальности, Маркс тоже видел в борьбе рабочих с буржуазией лишь борьбу противоположностей, опуская мысль Гегеля о единстве противоположностей. Но два века спустя рабочие не только обрели представительство в политике, но добились социальной защиты, сообразной ценностям, вносимыми ими в жизнь и даже их превосходящим.

Но адекватней компенсируя ныне ценность физического труда, капитализм не научился компенсировать ценность умственного. Ее не измерить рабочим временем, фиксация авторства идей и усовершенствований сложна, контроль за их использованием тоже, и всеобщее применение авторского права в производственной деятельности затруднено. Вот его и подменяют внеэкономическими решениями. А доходом от умственного труда пополняет компенсацию физического и прибыль предпринимателя. Это искажает обмен, сказываясь на социальных позициях. Искривляет обмен и эксплуатация неравномерности распределения природного сырья. Все эти внеэкономические действия подрывают экономическую систему, создают почву для кризисов.

Страны, отягощенные внеэкономическим наследием, пытаются модернизироваться на старых началах. В XX веке так жили Италия, Германия и долгие годы богатая Россия. Уже реставрация ими реакционных порядков под новыми именами и знаменами отчасти показала, что капитализм, который Россия отвергла, только еще формируется, прошел лишь первые этапы своего развития. Отсюда страх перед конкуренцией, тяга к монополюсности, к помощи государства, командующего хозяйством. Но закрытым институтам и шарашкам не обскать плюралистическое научно-техническое развитие, и в этом надежда сопротивления монополиям при капитализме, которой при социализме, к сожалению, нет и не может быть.

В пору моего детства большинство жителей России составляли крестьяне, потом истребленные «как класс». В пору моей юности большинством становились рабочие, включая заключенных Гулага. Покуда я старел, все больше, особенно у нас в Питере, сокращался рабочий класс и росла научно-техническая интеллигенция. Этот процесс, где быстрее, где медленнее, шел во всем промышленном мире, обнажая требования к социальной структуре. Процесс не замыкался внутри отдельной страны, но и за ее пределами уходил от времен, когда колонии давали развитым странам по преимуществу сырье и дешевые сельхозпродукты. Ныне в развитых странах немалую часть рабочих, число которых при этом сокращается, заменили мигранты. Мало того, само производство массовых товаров мигрирует в развивающиеся страны, вовлекая еще более дешевую рабочую силу.

Но в развитых странах умножаются работники не только сферы обслуживания, а и умственного труда, и они остаются ведущими в изобретательстве и науке, а китайский ширпотреб производят по европейским моделям. Техника и наука при капитализме более эффективны. Даже СССР, с множеством научных работников, обгонял Запад лишь в немногих, преимущественно военных областях. Яркий пример – создание А.Д.Сахаровым водородной бомбы прежде, чем в Америке. Но обычно волевые вертикальные режимы тянутся к мракобесию, и кибернетику, и генетику у нас запрещали не по малограмотности, а в силу унитарной природы режима.

Не то, что в плюралистическом конкурентном обществе мысли заведомо верней и легче усваиваются. Ничего подобного! Но там нет нужды отстаивать, помимо своих убеждений, еще и правомерность иных, чем у

начальства, взглядов. Наука, придя на производство, обрела материальное признание своих ценностей, которые в волевом вертикальном обществе реализуются, лишь если отвечают верховной воле.

Но при всех этих явных преимуществах капитализма, кризисы, смещения, снижения, упущения и утраты ценностей наступают там не только временно, ради ответов хозяйства на запросы жизни, но и в результате непреодоленных внеэкономических порывов, пагубных не только там, где уже экономической свободы нет, и государство самоуправствует.

В Соединенных Штатах, государство, противодействуя кризису, ныне скупает погоревшие банки и предприятия. Буша даже винят в строительстве социализма, и его правительство впрямь действует схоже с нашим. Оно спасает банки, виновные в кризисе, от ответственности и разорения, словно это единственная возможность спасти рынок, на что государству, проморгавшему кризис, как в Америке, или его устроившему, как у нас, всяко придется тратиться.

Различие лишь в том, что доллар, вопреки логике, держится, другие валюты его не съели. Это потому, что и в пору кризиса Штаты сохраняют доверие, как экономически и технически развитая страна. Но это не повод забыть о природе социальной безответственности кредиторов, нарушивших баланс ценностных отношений и вызвавших кризис, и о том, что не только у нас, но и в Америке их опекает государство.

Российский кризис горестен практически, но теоретически банален. Он лишь подтвердил, что 1991 год не был ни революцией, ни началом коренных реформ, призванных избавить страну от абсолютизма. Россия по-прежнему страна внеэкономического правления, вывешивают ли портреты Маркса и Ленина или Путина, Медведева и еще кого-то.

Соединенные Штаты, да и европейские страны, как экономические, смотрятся противоположностью России, и советской, и нынешней. Минувшие полвека они и впрямь были в целом благополучны. А оказалось, что тем временем вызрели могучие банки и концерны, претендующие на такую же свободу внеэкономических действий, как российские или советские начальники, оплачивавшие свои неудачи за счет государства! Стоит приглядеться к происходящему в этих банках и концернах, к возрастанию там доли управляющих, к гигантским бонусам, которые им выплачивают. И то, и другое, неожиданно напоминает о многочисленной советской номенклатуре и особых материальных благах ее верхушки.

Это еще не значит, что Америка или Европа уже тождественны России, но там явно вызрели корпоративные государства в государстве, тяготящиеся соблюдением ценностных соответствий во внутренней жизни, да и вовне падкие на внеэкономические шаги. Владельцы таких мини-государств, у нас прозванные олигархами, противостоят не столько рабочему классу, сколько массовому капитализму и широкой конкуренции. Понятно, что их поддерживает российское государство, - оно само их создало, они входят в его правящий слой. Но странно, что их поддерживает капиталистическое

государство, что оно помогает им выпутаться из кризиса, в который они его завели. А кризис полезен тем, что наказывает виновных, вынуждает их уступить место дальновидным и честным, и государству надлежит помогать не виновным, а страдающим от кризиса без вины. Иначе преимущества капитализма пропадают. Не в этой ли связи развитые страны смирились с тем, что Россия, как СССР, требует особых прав, жаждет превосходства на море и в воздухе, и новая холодная война идет в одни ворота?

Мир ищет выхода из кризиса, порожденного монополиями, теряющими капиталистическую природу и, сливаясь с государственной бюрократией, бросающими вызов массовому капитализму. Не пролетарии всех стран, а номенклатура всех стран ныне соединяется и разрушает капитализм. Право, Соединенным Штатам стоит его защищать не от одних террористов. Но что-то не видать, чтобы это собирался делать президент или хоть один из претендентов.

Власть левых – крайне правая 20.11.2008

Если, кроме историков по профессии, кто-то еще вспоминает Михаила Николаевича Покровского, то, прежде всего, как автора броской формулы «История – это политика, опрокинутая в прошлое».

А Покровский - не бойкий журналист, а солидный ученый, ученик Ключевского, автора популярного поныне курса русской истории, и Виноградова, основателя русской школы английской аграрной истории, высоко оцененной в Англии. Оба просили оставить студента Покровского для подготовки к профессорскому званию. В политику он влез уже тридцати семи лет, примкнув в 1905 к большевикам, что вскоре вынудило к эмиграции, а после революции стал замом наркома просвещения. Но академиком был избран не по должности, а по научным заслугам. Лишь после его смерти, и то не сразу, пошли разоблачать «школу Покровского», критичную к Российской империи, которую Сталин возрождал. Досталось и знаменитой формуле.

Конечно, смысл исторической науки не в сегодняшней политике, а в объективном изучении своего и чужого опыта. Лишь тогда история проясняет современность. Но и «разоблачение» Покровского, и указания Сталина, Кирова и Жданова исторической науке, на словах отвергая пересмотры истории в свете сиюминутной политики, на деле насаждали историю, удобную власти. Вот и ныне реалии былого и смысл истории, как науки о переменах, мало кого занимает.

Прежние фигуры выставляются иными, чем прежде, но по-прежнему, не входя в их сущность. Литературу и искусство с 1917, или с 1929, и, уж во всяком случае, с 1937 числят несуществующими, как жившие под тоталитарной цензурой. Поскольку советская власть сгубила «лишь» треть писателей, остальные сочтены ее слугами, и вспоминать их, как и художников, композиторов, режиссеров той поры, дескать, нечего. Так выворачивают и былую политическую жизнь, на место советской лжи ставят новую или дореволюционную. Для мракобесов, дорожащих не страной, а империей, вроде Дугина, Нарочницкой, Проханова, Леонтьева

или Шевченко, это нормально. С них спросу нет. Но в таком же духе рассуждают люди якобы либеральные.

В герои вышел Колчак, яростный борец с советской властью, «верховный правитель Российского государства» с ноября 1918 по декабрь 1919. Новодворская призывает называть в его честь улицы. Но за что боролся Колчак? В ноябре 1918 он силой отстранил не большевиков, а, напротив, Уфимскую Директорию, которой перед тем передал власть Комитет членов Учредительного Собрания (Комуч), временно действовавший от имени Собрания до избрания нового. И Директория, и Комуч держались позиций близких право-эсеровскому большинству Учредительного Собрания, законно и свободно избранного народом России. Но Колчак не поддержал Собрание, а точь в точь как разогнавший его Ленин, поспешил избавиться от его остатков, предоставив народу выбирать меж старым самодержавием, которому сам служил, и неведомым, но сперва давшим крестьянам землю.

Можно спорить, почему в Гражданской войне взяли верх большевики. Можно сослаться на обман, хотя, принимая в октябре 1917 Декрет о земле, большевики сами еще не знали, что в 1929 землю отнимут, а крестьянство ликвидируют. Можно сетовать на недальновидность белых, отнимавших у крестьян землю в освобождаемых областях. Можно воспеть Троцкого и других создателей Красной Армии, вовлекших туда чуть не половину царских офицеров.

Но решающим стало само сужение выбора. Русский народ веками сопротивлялся феодальной реакции, воплощенной в крепостном праве, в ужесточенных феодальных повинностях, до шестнадцатого века еще сопоставимых с таковыми в остальной феодальной Европе. Крепостное право отменили лишь с 1861 года, да и то, не вернув землю и не учредив народное представительство, даже совещательное. Разные социальные силы в разных формах начали тогда борьбу за землю, за волю, то есть, за гражданские права, и за народное представительство. Возникали не только верноподданные и черносотенные движения. На рубеже XX века уже объединялись либералы, уже действовали социал-демократическая и крестьянские партии. Возникли анархисты, обозначили свой левый волюнтаризм большевики.

Революция 1905 года вынудила царя созвать Государственную Думу, предложившую аграрную реформу, за что ее и разогнали, повторив то же самое с ее преемницей. О Третьей Государственной Думе, избранной уже по новому закону, Столыпин справедливо говорил, что она не вправе и в малости ограничить монаршую волю, а его преемник Коковцев прямо сказал: «Слава богу, парламента у нас нет!» Под царским прессом копошились неразрешавшиеся проблемы. Временное правительство не спешило созвать Учредительное Собрание, - выборы, взяв власть, провели большевики, и, собрав меньше четверти мест, парламент разогнали.

Гражданская война подменила борьбу за смену феодального строя на либеральную борьбой двух, не идентичных, но равно внеэкономических, тенденций к неограниченной власти верховных правителей. В СССР учили

двоичному пониманию истории, противопоставившему все социальные тенденции, как единообразные, единственно верной советской. Но на состоявшихся впервые в ее истории свободных выборах Россия здраво предпочла тех, от кого ждала земли и воли. А в Гражданской войне она раскололась потому, что не одни большевики, но и Колчак, и другие душили либеральные силы, и некого было предпочесть. Не справясь с демократической революцией в целом, генералы душили ее всюду, где она противилась большевикам и могла удержать власть. А либералка Новодворская не заметила, что вовсе не народ отверг тогда либеральный выбор, а возможность такого выбора соединенными силами, не сговариваясь, отобрали Ленин и Колчак.

Величайшей трагедией, если не преступлением, девяностых годов был отказ от прояснения пагубной сути большевизма и реальных причин его финального кризиса, долго оттягивавшегося непосильными жертвами русского и других народов. Доклад Хрущева преимущественно обличал излишнюю жестокость к честным товарищам. Проявлять ответную жестокость к старцам из политбюро не было нужды, но отказ от обуздания власти, от лишения ее возможности распоряжаться всем, чем хочет, отказ от реального перехода к массовым горизонтальным экономическим отношениям, его подмена роскошеством кучки зависимых от государства олигархов, сразу сулили реставрацию, хоть в другом наряде.

В СССР отчуждение человека от продукта собственного труда, было еще наглядней, чем при капитализме. Эта суть большевизма видна в любой малости. К примеру, уже при перестройке художнику не давали вывезти за рубеж свою, лично написанную, картину. Моему покойному товарищу говорили: «За границей вы картину продадите или подарите. А это национальная ценность!» «Тогда, - отвечал он, - купите ее сами, я буду рад, видеть ее в Третьяковке, в Русском или другом музее». Но чиновники отстаивали не картины, а бесправие. Оно и обрекло страну на массовую бедность.

Бесправие человека - неременное условие советской власти. За месяц до разгона Учредительного Собрания она создала Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ЧК), как орган диктатуры пролетариата для защиты государственной безопасности. Органы безопасности есть в любой стране, но у большевиков они изначально чрезвычайные. Потом Чрезвычайную комиссию звали Главным политическим управлением (ГПУ), потом НКВД, КГБ, ФСБ, но их сотрудники горды изначальным именем - чекист. Чекист, то есть, чрезвычайщик, отличается от сотрудника ЦРУ или другой разведки тем, что он, если надо, и разведчик, и полицейский, и прокурор, и судья, и палач, и сами эти чрезвычайные органы у нас занимались и разведкой, и арестами, и обвиняли, и вершили суд, и казнили. Но не только органы безопасности у нас чрезвычайные, - это свойство коммунистической партии, хозяйства и государства.

Чрезвычайщина нужна оттого, что с отчужденными работниками современное техничное хозяйство не очень продуктивно, требуются добавочные стимулы, и главный - принуждение. А чтобы люди ему не противились, им надлежит осознать свое бесправие и пребывать в страхе.

Страх и бесправие в СССР шли не от дурного нрава вождей, просто планы партии иначе было не осуществить. Бессердечность и бессовестность вождей, включая Сталина, не причина советского порядка, а следствие стремления опираться на технический прогресс, не оглядываясь на необходимый ему социальный, имевший место в западных странах, и, напротив, ожесточая насилие. Гулаг был покруче крепостного права.

Но это и обрело советское хозяйство, а с ним и всю жизнь, на общее отставание, лишь с отдельными успехами в военной технике, достигнутыми непомерной ценой. История показала, что подневольный труд все менее плодотворен. Рабы Рима, сработавшие водопровод, едва ли бы совладали с компьютерами. К тому же, современное производство живет не одним обслуживанием давно изобретенного колеса, а развитием и обновлением техники и, значит, индивидуальным мышлением не десятка человек, а миллионов. Вот и нужен другой уровень прав и свобод, а его, даже по сравнению с последними годами царизма, большевики не только не подняли, а еще урезали. Но справедливо браня советскую власть, ее нынешние критики, почти как ее сторонники, не объясняют, почему коммунистическая система становится такой вопреки своим начальным лозунгам.

Ни коммунисты, ни анти-коммунисты, внятно не объяснили, почему Ленин, едва ли не первым в 1915 году прозорливо сказавший о пагубности монополизма, уже летом 1917, еще только готовясь захватить власть, мечтал обратить все хозяйство страны в единую сверхмонополию, в которую вскоре после захвата им власти Россия и обратилась. Легко говорить о повороте Ленина спиной к Марксу, ожидавшему лучшего порядка лишь за хребтом высочайшего развития капитализма, до которого феодальной России было как до небес, легко сослаться на волюнтаризм, как основу большевизма, на другие заблуждения и нелепости. Но почему, видя, что обещанное не получается, большевики продолжали идти все тем же ленинским курсом?

На взгляд сочувственников Колчака в октябре 1917 Россию просто захватила банда разбойников. Такова общая позиция антисоветской части черносотенцев и немалой части нынешних либералов. Черносотенцы приписали банде русофобство, сказали о зловещей роли западных идей и «своих» инородцев, особенно «жидов» и порой «армяшек и полячишек», а либералам стыдно признавать свой народ до того ничтожным, что инородцы вертят им, как хотят, тем более, что и в самом деле это вовсе не так. Но и они не дают себе труда ответить, почему воистину великому европейскому русскому народу, модернизация оказалась столь мучительна. Это ведь не расовая особенность, - проживавший еще до перестройки в США миллион этнических русских в подавляющем большинстве принадлежал к наиболее профессиональной и зажиточной части населения. Чтобы объяснить российскую бедность, надо отказаться от ссылок на банду и различать реальные социальные процессы.

Троцкий, которому, наряду с Лениным, большевики особо обязаны взятием и удержанием власти, ощутив себя после смерти Ленина бессильным во внутривнутрипартийной борьбе, первым заговорил о перерождении партии. Но и он недооценил природу, масштаб и корни

этого перерождения, не заметил, что и он сам, и Ленин, как и вся партия, тоже переродились. А изменила их растерянность перед жизнью, которую принесла победа в Гражданской войне. Коммунизм они строили изначально, – отменяли плату за жилье и за проезд в городском транспорте, Но в замиренной стране ни марксовы, ни ленинские схемы, не помогали сводить концы с концами, и они временно отступили к НЭПу.

Мирная жизнь при НЭПе, вернувшая Россию к довоенному уровню, прояснила из чего придется выбирать. Через десять лет после революции было ясно, что экономическая свобода не очень совмещается с диктатурой. Вот и предстояло выбрать – либо продолжать НЭП, постепенно внедряя правовые нормы по программе «Смены вех», либо следовать марксистской утопии с неясными результатами, либо вернуть военный коммунизм в надежде, что с достигнутым уровнем жизни он будет не столь болезнен.

Первый вариант мог, в конечном счете, привести к демократическим выборам и уходу от власти при их проигрыше. Второй означал, прежде всего, отказ от государства-монополии и рабочее самоуправление предприятиями, числившимися государственными, что и при полусвободной экономике сулило хоть не формальный, но реальный укорот партийного руководства. Вот партия и выбрала третий вариант, крепивший ее власть, и покончила с НЭПом и с крестьянством. Иначе она бы власть не удержала. А советская система пришла к коллективному верховенству партии в распоряжении имуществом страны, дав партийцам ощутимые привилегии, даже если кому-то из них порой, как в фильме «Коммунист», в порядке исключения, случалось проявить самоотверженность. «Перерождение» состояло в преобразении партии, выдвинувшей от имени рабочего класса утопическую программу, в партию сложившейся за нэповские годы номенклатуры с реальной программой своих привилегий и закрепления своей власти навсегда.

Перерождение сводят к Сталину, но на разных этапах НЭПа все виднейшие вожди, даже сам Троцкий, фактически ему способствовали. Моральные порывы против собственного всевластия были в партии крайне слабы. Еще до введения НЭПа разгромили «Рабочую оппозицию», добивавшуюся, как потом польская «Солидарность», передачи производства профсоюзам, то есть, мягкого изъятия его у государства. Но партия берегла созданную из награбленного государственную внеэкономическую монополию, надолго обеспечившую ей власть. Так и сложился «новый класс» о котором двадцать лет спустя вслух сказал Джилас. Русские коммунисты, за вычетом очень немногих, отошедших от партии, как бы не замечали его формирования, в котором активно участвовали.

Большинство их, особенно вступивших в партию до революции, не представляло себе, чем станет правление этого класса и кем станут они. Номенклатурная власть их не отвращала, но бывшим подпольщикам не хватало сноровки в ее наладке, Сталину пришлось беспощадно перебить эти «ненадежные элементы», и весь левый фланг русской общественной жизни, критичный к новому самодержавию и уже Октябрем исключенный из политики. Но убийства бывших революционеров – лишь

малая часть массовых убийств ради поддержания страха и бесправие крестьян, интеллигенции и рабочих. Казни и лагеря, конечно, прежде всего, заслуга Сталина, но «новый класс» создавала и составила вся ленинская партия. Нет причин думать, что Ленин, введивший НЭП «на годик», не свали его через год неизлечимая болезнь, противился бы происшедшему повороту.

Радикально левое до 1917 года движение с утопической программой, столкнувшись с объективной российской реальностью, переродилось в крайне правое. Возвращенный им номенклатурный класс правил в СССР и удержал правление Россией. С этим большевистским по духу правящим нами классом, числят они себя коммунистами или нет, все ясно. О них сказано исчерпывающе: «хотели, как лучше, а вышло, как всегда». Но почему люди, числящиеся либералами, ныне вздыхают о династии Романовых, о Колчаке, Деникине, а не хотя бы о Ковалевском или Струве, не говоря о Федотове, Короленко, Плеханове или Мартове? Да еще порочат, как могут, Герцена или Радищева, людей отнюдь не большевистского толка, предостерегавших от волюнтаризма.

Да потому, что XX век не отличал противостояния красных и белых, левых и правых, от подспудных в них противостояний тоталитарных, полицейских, тенденций - либеральным. Корнем всех трагедий XX века стала недооценка им общественной свободы как производственной необходимости. Кризис 1917 года звал Россию к освобождению, к тому, чтобы войти в ряд европейских либерально-демократических стран с развитым хозяйством и людским благосостоянием. А красные и белые, левые и правые, меж которыми народ России толкали и все еще толкают выбирать, атакуя свободу с двух сторон, объединенными усилиями свели ее в России на нет.

Не то, что меж левыми и правыми нет разницы. Она огромна. Правые – консерваторы, приверженцы традиции, хотят нерушимости порядка, нередко самого жуткого. Левые – революционеры, и мастера говорить о реальной нужде в переменах. По слову поэта, «Те, кто идут, всегда должны Держаться левой стороны». Но выбор стороны еще не все. XX век показал к чему пришли левые волюнтаристские движения, как правило, росшие на почве внеэкономической жизни и не способные признать, что справедливое общество возможно лишь на экономических началах.

В сущности, и Маркс, в отличие от предшествовавших социалистов, утверждая, что коммунизм возможен лишь на почве предельно развитого капитализма, этим признавал, что гибель капитализма, еще продолжающегося развиваться, и возврат к внеэкономической системе, остановят и движение к коммунизму. Чтобы заслонить эту его важнейшую, хоть и подспудную, мысль Ленин и другие воспользовались раза два или три употребленным им выражением «диктатура пролетариата», и трактовали его, как возможность, захватив власть, построить коммунизм независимо от результатов развития. А у Маркса это выражение обозначало лишь власть, избранную пролетарским большинством, какого и в помине не было в России и других странах, провозглашавших диктатуру пролетариата. Сползание «левого», опиравшегося на всеобщие свободные выборы, к «левому», опирающемуся на тоталитаризм,

независимый от выбора каждым человеком из разных, внятных ему тенденций, более предпочтительной, и сделало крайне «левое» крайне «правым».

Отрицание сходства русского или китайского социализма с немецким национал-социализмом и итальянским фашизмом – наглядная черта гонителей либерализма, рядящихся либералами. А схожи не уличные лозунги, хоть и с ними не просто, а устройство общества, видеть которое и ныне не хотят. В СССР мало писали об итальянском фашизме, почти не переводили на русский написанное о нем итальянским коммунистом Грамши, которого, вообще, публиковали малыми тиражами и очень избранно. Наши коммунисты не захотели даже перевести на русский язык само слово «фашизм» и объяснить его политический смысл, чтобы при его употреблении русский читатель и слушатель понимал о чем речь. У нас оно превратилось в бессмысленное ругательство.

А слово «фашизм» произведено от итальянского слова, означающего – пучок, олицетворение единства, и фашизм, если выражаться не столь метафорично, по- русски означает «единизм», его идеал - всеобщее единение, без оглядки на разные части страны, на разные занятия, разные интересы, сперва даже на национальные различия, - в итальянскую фашистскую партию сперва, до союза с Гитлером, принимали даже евреев. Все должны быть заодно, никаких особых нужд и позиций. Как говорил творец и вождь фашизма Муссолини, прежде один из руководителей итальянских социалистов, «все в государстве, ничего вне государства». Еще раньше наш великий поэт в отчаяньи воскликнул: «Где же дальше совнархоза Голубой искать цветков?» Вот еще когда начались гонения на неправительственные организации, а их теперь возводят к личности Путина, словно он первый такое придумал. А единство - главный принцип и немецких национал-социалистов, и китайских коммунистов. Резолюцию о единстве партии внес Ленин. И потребовали его не только от членов партии, как добровольного объединения, но от всех граждан государства, единство которого и не может означать ничего, кроме власти единственного полноправного класса, номенклатуры, не считающейся ни с кем, кроме вышестоящих. Потому правление и отождествили с отдачей распоряжений, и власть, как при царях, стала вертикалью.

Главный довод за возрождение единизма, уже сосредоточившего власть в искусственной партии «Единая Россия» и перекрывшего другим выходы к людям, - угроза распада страны. Но такую угрозу и прежде, и ныне, создает как раз насильное единение. Потому либерал и хочет считаться с разными социальными пластами общества, хочет их прямого представительства во власти и поисков взаимоприемлемых компромиссов. Единство на штыках или фальсифицированных выборах, коммунистическое или антикоммунистическое, притворно марксистское или откровенно колчаковское, неизбежно вызывает сепаратизм, не только территориальный, но делит граждан на тех, кого власть держит за своих, и тех, кого ненавидит, как чужих. Такое сознание и плодит шовинизм: в России ныне убивают из национальной ненависти. Но и внутри одной нации единизм не дает людям разных взглядов объясняться, выяснять отношения, и этим уничтожает ее, как общество.

Россия отнюдь еще не в полной мере вновь отдалась единизму. Еще не все послабления перестроечных времен отняты. Но не случайно нынешняя власть в иных ситуациях выглядит даже более зловещей, чем в последнее время советская. Чечня, Курск, Норд-ост, Беслан, вторжение в Грузию, - проявления единизма. К единизму, сознательно или бессознательно, идут не одни маргинальные группы, а сама власть, ныне к тому же растерявшаяся от финансового кризиса, тоже влекущего ее к единизму, и выдающая за либеральность готовность порой послушать инакомыслящих, но все жестче препятствующая тому, чтобы их самые разные голоса были слышны самым разным людям, без исключений.

Некоторая схожесть Путина и Сталина – не повод их отождествлять. Сталин загнал за решетку бунтующий океан. 1917 год, вопреки печальным итогам, многим прояснил сознание. Трудно было вновь ставить народ в стойло, да еще посуровей былого, не перебив половину, - от прежних консерваторов до вчерашних товарищей-большевиков, от крестьян, осуществивших мечту о своей полосе, до новых деловых людей. Сталин впечатляет потомков не одной чудовищностью злодейства, но его грандиозностью, само злодейство иным даже заслоняющей. У Путина задача поскромней, и срабатывают проверенные методы. Ему поручили все еще советскую страну, хоть и разболтанную, выплескивавшую нетерпение в щели. Но значимые дела еще вершились в номенклатурной среде, пусть сперва при массовой поддержке ельцинской ее части, которой ни ГКЧП, ни Горбачев не имели. Ельцин, однако, не предал правящий класс, и, хоть не вдруг сыскав удобного себе преемника, вынужденно или добровольно сдал КГБ власть над Россией. Его милостью Путин, призванный крепить единизм, баллотировался в президенты, уже эту должность наперед заняв. А будь кандидаты в равном положении, еще бы можно осознать былое и изменить будущее.

Путин упразднил внутреннюю политику, и страна снова живет спущенными по вертикали директивами. Многие с этим смирились, утешаясь тем, что эту власть могла сменить еще худшая. Исключать, что Дугина или Проханова коронуют, конечно, никогда нельзя, но не очень это все же вероятно. А если помнить движение власти от фальшивых выборов 1996 года к нынешнему дню, на котором, как явствует из просьбы подольше продлить президентский срок, она не остановится, ясно, что эта же власть сама и будет еще худшей. Особенно, когда обмелеет нефтегазовый поток. Вот на историю и опрокидывают, по формуле Покровского, проклятия девяностым, - годам упущенных возможностей. Но история – не зеркало политики, а ее плод: что сеяли, то и жнем!

Антиамериканизмом по русофобии 15.12.2008

Пока Америка решала, кого выбирать, Россия решала, кто ей хуже. Сперва поносили прямолинейного Маккейна. Но по мере роста шансов Обамы, и особенно после его избрания, не только Медведев ставил ему виртуальные ультиматумы. Наше государственное сознание, ни внутри страны, поскольку подданные безгласны, ни за рубежом, не исходит из взаимности взаимоотношений. Российским гражданам дома и иностранцам за границей положено себя вести, как хочет наша власть, не оглядываясь на ее собственное поведение.

Америку, с которой Россия никогда не воевала, у нас ненавидят сильнее, чем непокорную Польшу, чем Германию, с которой бились насмерть, чем Францию, захватившую когда-то Москву, чем Китай, то и дело оттяпывающий клочки нашей земли. Говорят, зависть обостряется, если объект зависти, помогает завистнику. Америка нам помогала много и щедро, и до войны, и в войну, и при Ельцине. Но мы не только поэтому ей завидуем. Наш антиамериканизм – ответ тамошним свободам, ненавистным нашей власти, вот она и задирается.

В 1860 Линкольн был избран президентом Соединенных Штатов, и там отменили рабство. В России тогда же отменили крепостное право. К буржуазным отношениям обе страны, при всех различиях, рванулись синхронно. Италия объединилась в 1859-61, Германия - в 1870. Япония тоже в 1867-68 пережила Мэйдзи исин, своего рода буржуазную революцию, в те поры капитализм перестал быть маргинальным, вышел за пределы северо-запада Европы. Россия и Америка, казалось, будут его моторами. Еще в декабре 1913 Александр Блок писал «То над степью пустой загорелась Мне Америки новой звезда!» Америка нас уже сильно обошла, а надежда теплилась.

В Первую Мировую войну мы были на одной стороне. Но Америка прибавила в политическом весе, вступив в войну победоносно. А в России, не снесшей ее тягот и внутренних противоречий, установился, напротив, тоталитарный антибуржуазный режим. Но Америка оставалась нам примером. Плакаты на всех углах звали ее «догнать и перегнать». Вторую Мировую затеяла Германия, через шестнадцать лет после нас тоже ставшая тоталитарной, хоть под другим флагом. Недолгую дружбу с нами она оборвала 22 июня 1941, снова толкнув нас к Америке, славшей «Дугласы», «Студебеккеры» и свиную тушонку. Но после общей победы советский тоталитарный режим сам, захватив половину освобожденной Европы, противостоял вчерашним западным союзникам, и началась холодная война.

Лишь после ее окончания и роспуска СССР проступило главное содержание эпохи, в которой уже не пяток держав, как в шестидесятые годы девятнадцатого века, преобразил социальный характер производства, а преобразился весь мир. Это и назвали глобализацией. Но упустили, что преобразование не единообразно. Не все подпирают новое производство экономической свободой. Многие - тоталитаризмом, как коммунисты и национал-социалисты. В Китае и ныне в России хозяйство изображают свободным предпринимательством. Тамошние порядки кличут государственным капитализмом, прикрывая этой кличкой управляемую властью хозяйственную реальность. Но как такой порядок ни зови, – государственным капитализмом, социализмом или, точнее всего, новым феодализмом, он противоположен либеральному капитализму, где, напротив, власть зависит от хозяйственной практики, что сказывается не только на производстве, но и на международных отношениях.

Ленин откровенно высказал заветное: «Коммунизм – это советская власть плюс электрификация всей страны». Подразумевалась, понятно, не одна электрификация, а, вообще, техническая вооруженность, индустриализация, химизация и будущие новации. Многие верили в

марксистскую утопию, ожидая, что технизированный тоталитаризм резко поднимет производительность труда и уровень жизни. Уже после великого террора эта надежда выветривалась. Ельцин и Путин марксистскую утопию отбросили, но ленинскую веру в независимость развития от общественного порядка сберегли.

И на Западе, и в России, это плохо сознают. Холодная война кончилась, разъятость мира на два лагеря, помогавшая продвигать советское влияние в слаборазвитый третий мир, ослабела. Зато русофобия и антиамериканизм, подспудные в странах, так или иначе вынужденных быть в том или другом лагере, расцвели там пышным цветом. Мир ныне многоглав, многополярен. Но у нас объявлен однополярным, поскольку Советский Союз ужался до Российской Федерации, и как бы формально исчез, а Соединенные Штаты еще сильны. Но и они уже не полюс! Полюс, – электрической ли цепи, магнита, тепла и холода, нищеты и богатства, или чего еще, - это одна из противоположностей, и если нет одного полюса, нет другого. Однополярный мир – все равно, что «сухая вода».

Другое дело, что США остались самой техничной державой. В кризисе, в котором Россия, да и остальной мир, их винит, они, конечно, виновны, но не больше своих обвинителей, еще грубей пренебрегающих социальными обстоятельствами. (Одна из причин кризиса – дорогие энергоносители. Сперва, как их добытчики, мы на этом зарабатывали, теперь будем страдать от поощрявшегося нами кризиса.) А США, вопреки антиамериканизму, пользуются наибольшим доверием в мире, доллар растет, и в России, и в Англии, и в остальной Европе, и в Азии. Верят не Бушу, даже не Обаме, а порядку, благоприятному развитию, хоть и там антикризисные меры порой подрывают основы либерального капитализма. А Россия, требуя изменить хозяйственные отношения, усилить роль государства и прижать частные, неправительственные инициативы, стоит за всеобщее единение в казенном строю.

Хозяйственная роль государства и при либеральном капитализме огромна. Либеральное государство печатает деньги, государственные банки там регулируют финансовую систему, независимые суды, как государственные органы, разрешают хозяйственные конфликты, законодательная власть определяет условия ведения хозяйства. Либеральное государство во многом берет на себя и социальную защиту, пенсионное обеспечение, медицинскую помощь, начальное, а то и высшее образование. А при «государственном капитализме» российская исполнительная власть командует законодательными органами, урезает экономическую свободу и конкуренцию, встревает в хозяйствование частных предприятий, и ориентирует суды, разбирающие их конфликты. Советское государство обходилось с собственностью граждан, как со своей, и этот ошейник с России на деле не снят, лишь удлинен поводок.

Это все еще советская страна, ужавшийся Советский Союз. Она по-прежнему говорит одно, а делает другое. Путин учит Запад «не обеспечивать свою безопасность за счет безопасности других». Но угрозы, с которыми он то и дело выступает, выдают старое стремление держать мир под прицелом, не считаясь с безопасностью других. Если даже американские радары и 10 противоракет в Польше и Чехии будут следить

не за Ираном, а за Россией, это сугубо защитное оружие нам ничем не грозит, разве что помешало бы нашему удару по странам НАТО, если бы мы таковой готовили. Хоть допущение, что Эстония, или Польша или Грузия, могут напасть на Россию, – из области ненаучной фантастики, буде, поверив ему, мы тоже поставим радары вдоль границы, мир подивится бессмысленности затрат, но не обеспокоится. А установка в Калининграде оружия, мигом уничтожающего чужие радары, выдает не одно недоверие, но и замысел превентивного удара. Готовить такой удар и значит обеспечивать свою безопасность за счет других.

Удар не обязательно наносить, он красноречив уже потенцией. К широко вещательной воинственности, развивающей речи Путина в Мюнхене или после Беслана, Медведев прибегает не только для внутреннего употребления, как утешаются на Западе. Он тоже пугает другие страны. А и раньше страшны были не так сами по себе коммунистические мифы, легально звучавшие в европейских парламентах, как конкретный советский режим, созданный под их флагом. А Запад, вспоминает ныне холодную войну, как борьбу с жившим в позапрошлом веке Марксом, забыв, что схожие режимы. обходясь без Маркса, тоже, если не прямо упраздняли частную собственность, то ставили ее в столь же безмерную зависимость от государства, как нынче в России, и упраздняли демократические порядки. Отличие начатой Путиным в Мюнхене холодной войны от затеянной в свое время Сталиным, лишь в том, что Запад снял оборону. Сталину не сдался, а перед Путиным лебезит. Сталина боялся, а Путина не очень, сочтя, что страна ослабела.

Но синхронное мышление неверно просчитывает. Советский Союз тоже был слабей Запада, а сильней лишь в немногих сферах, водородные бомбы там были помощней. Но это не гарантия, что возможную схватку он бы выиграл. И стратегия СССР предполагала прямую схватку лишь на тот случай, если на ползучую советскую агрессию в третий мир, на его захват по частям, Запад ответит не посылкой стингеров защитникам очередного Афганистана, а ударит по России, о чем отличная советская разведка узнает заблаговременно. Россия от этой стратегии не отреклась, лишь начала с борьбы за возврат отпавших союзных республик. Борьба за их возвращение в империю и мыслится возрождением, вставанием с колен.

А Запад утешается пользой сотрудничества с Россией в борьбе с распространением ядерного оружия и терроризмом, словно поставка ядерных реакторов Ирану, а теперь вроде и Венесуэле, такому распространению не служит, а закон о предоставлении российским спецслужбам права убивать за рубежом нежелательных лиц, не легализует терроризм. Примечательно, что в Бомбее террористы, захватывавшие заложников, российских граждан отпускали по предъявлению паспортов. Нелепо рвать из-за этого отношения с Россией, поддерживавшиеся с СССР, в распространении ядерного оружия, впрочем, все же не замечены. Но демократической страной Россия еще не стала, когда станет – неведомо, и сделать ее демократической не во власти Запада.

Демократию невозможно установить извне. Это доступно лишь народному большинству, ощутившему, что она ему надобна, и хотя бы пассивно ей

сочувствующему. Пока оно безучастно, тоталитарная власть пренебрегает внутренними проблемами, прячась за видимость борьбы с часто мифической внешней опасностью. Ее мобилизационные возможности велики, а холодная война их еще множит. Но нерешаемые проблемы плодят последствия, и рано или поздно приходится выяснять отношения с собственным народом. И тут Горбачев, Шеварднадзе, Яковлев и другие, ощущают нужду в переменах, хоть и не зная еще в каких.

А западные советологи даже не ждали такого поворота. Речи Горбачева о перестройке были для них громом среди ясного неба. Зато роспуск СССР они спешили счесть преобразованием России в демократию. Радуюсь уходу коммунистической риторики, Запад не вникал в происходившее, и Россия вошла в демократический мир по льготному билету. А чтобы войти в него всерьез, она нуждалась не только в займах, оборудовании и продовольствии. Ей нужно было овладеть на практике нормами равноправной взаимности, отучиться от привычки быть судьей в собственном деле, и, по старой мудрости, не делать другим того, чего не хочешь, чтобы делали тебе. Но с имперской традицией внеэкономического государственного хозяйствования это несовместимо. И едва доходы от нефти смогли заменить западные займы, традиция возобновилась.

Конфликт с Грузией любопытен, прежде всего, как верность традиции. Конечно, грузинский президент – не ангел, да и трудно ждать ангельской благодати там, где меньшинство отстаивает независимость этническими чистками, изгоняя принадлежащих к национальному большинству, всегда жившему на землях, включенных Сталиным в автономию. К тому же, хоть осетины в своей автономии и составляют две трети жителей, в десять раз больше осетин живет в соседней державе, не имея независимости. А именно она, Россия, не давая независимости своим жителям, отстаивает ее для меньшей автономии в меньшей стране.

Абхазию объявили независимой при том, что абхазы там составляют менее четверти, и тоже с помощью нашей державы. Президент Грузии, поддавшись провокации, пытался силой пресечь антигрузинские акции в Южной Осетии. Путин потом сказал, что Саакашвили возродил сталинский принцип: нет человека – нет проблемы. Но Сталин тут притянут, если не как грузин, то по личной скромности Путина, Саакашвили следовал как раз его жестокому примеру возрождения этого сталинского принципа в Чечне, и не однократно, а, считая Ельцина, четырнадцать лет подряд.

Но никто не вводил войска, ни в чеченскую автономию, ни на собственно российскую территорию. Расправу с Чечней сочли внутренним делом России. А российские войска вошли не только в Юго-Осетинскую область и Абхазскую республику, но и на собственно грузинскую территорию, откуда, хоть обещали, не вполне ушли до сих пор. Если действия Грузии в Южной Осетии - не ее внутреннее дело, то действия России в Чечне, уже по масштабу, - тем более не внутреннее дело. Можно сравнить обращение Грузии и России с автономиями меньшинств, но вопиюще несравнимо их обращение с соседями. Можно обсуждать, кто ведет себя хуже в своих границах, но все видели и знают, кто перешел чужую.

Но Запад соглашается с претензией России быть в осетино-грузинском конфликте миротворцем и посредником. А «миротворец» Саркози не требует от Медведева даже соблюдения личной договоренности и не просто позволяет одной стране не дозволенное другим, но принимает как должное ее претензию диктовать.

Это ключевая проблема современных международных отношений, да и всей жизни. О российской агрессии на Западе, конечно, говорят, обсуждают возможность ее повторения на Украине. Но позиция российской власти, крайним покамест выплеском которой была грузинская война, определяет и ее мирные действия, начиная с односторонних пересмотров договоров с иностранными бизнесменами или с вытеснения западных культурных учреждений, до таких мелочей, как завышенная для иностранцев плата за вход в российские музеи. Все это – выражение агрессивной претензии на особое положение и особенные права российской власти.

С такой же агрессивной претензией она относится и к собственным гражданам. Чтобы задержать террористов, захвативших московский театр, власть пустила в зал смертоносный газ, от которого погибло полторы сотни зрителей, оказавшихся заложниками. На тех же началах жертвовали детьми, атакуя террористов в Беслане. Чтобы захватить преступников, Путин, - и не только в этих случаях, - делает именно то, что призывает других не делать: пренебрегает безопасностью граждан и самими гражданами ради безопасности своей власти. Все это, а примеров не счесть, не частные промахи отдельных лиц, - за ними все та же агрессивная претензия на особенные права, как в своей стране, так и за ее пределами. А Запад числит их случайностями, оплошностями, ищет каждой отдельное объяснение, избегая явного, которое только и помогло бы противодействовать такой политике пока она не стала губительной для всего мира, тем более, что Россия лишь самая опытная и покамест самая сильная из таких стран, но не единственная. Едва ли не самой ложной надеждой из рожденных окончанием холодной войны, оказалась надежда на ненадобность общественного сознания. А не понимая природы опасностей и угроз, с ними не совладать.

Внутренний строй каждой страны не безразличен остальному миру. Мир не властен его изменить, но опасно его не видеть. Техническое и экономическое развитие ощутило обновило политические коллизии, отбросив не только марксизм, но и едва ли не все прежние рецепты продолжения жизни. Нынешний российский строй еще ждет анализа. Но главная его особенность: независимость власти от собственных граждан. Уверения, что хотя бы в пору изобилия нефте-долларов граждане безоговорочно поддерживали эту власть, и русские люди по самой своей природе хотят, чтобы все за них решал один человек, стоящий над всеми царь, генеральный секретарь или как его еще там, и не хотят честно выбирать ни этого человека, ни депутатов, ни сенаторов, ни губернаторов, - наглая русофобская клевета, даром что ее распространяет российское государство, в очередной раз подтверждая, что от граждан оно не зависит.

Другое дело, как люди реагируют на поддельность выборов, как ведут себя в условиях бесправия, перед лицом постоянных угроз всевластной,

еще Лениным заведенной, монополии, разом и экономической и политической. Стране, где власть погубила то ли шестьдесят, то ли сорок, то ли, как сообщал в докладе на съезде КПСС ее Первый секретарь, «всего» семнадцать миллионов человек, про это не легко забыть, даже если новый президент объясняет, что «свобода лучше несвободы», Она-то лучше, но именно ее истребляли, стреляя по рабочим толпам в Новочеркасске или убивая в Катаре бывшего президента Чечни Яндарбиева. Люди не всегда помнят места, где убивали, или имена убитых, но, что могут убить, знают все. А убийство лишь крайнее оружие независимой от граждан власти: есть и лагеря, и тюрьмы, есть куда ссылать, не заказано насильственное изгнание, так или иначе вынуждают и к добровольному. В обыденной жизни власть может сделать с каждым, что угодно. За рубежом плохо понимают, почему на митингах протеста так мало людей, а даже молодые люди слышали о возможных последствиях, пусть не смертельных, но ломающих жизнь. К тому же, минувшие годы – от, казалось, победы над реставраторами советского режима в 1991 до вторжения в Грузию, - внушают, что надежды на перемены быть не может.

История не кончилась, как сулил Фукуяма. Либеральные государства и либеральные порядки не преобладают. Но возвращаться к холодной войне, то есть, нацеливать на Россию ядерные ракеты, пока она сама опять их не наводит на Европу и Америку, - неплодотворно. Однако, еще менее плодотворно мириться с ее агрессивной претензией на особенные права, где бы она ни проявлялась. России не надо диктовать, но нельзя и подчиняться ее диктату. Если бы каждое нарушение Кремлем принятых норм встречало равноценный, не только словесный, отпор, сказывающийся на его хозяйстве, даже и там задумались бы о пределах взятой себе вседозволенности. От нее ведь и балансирование на грани войны, покамест еще, слава богу, не горячее,

И ведь НАТО разрослось не от козней Америки, для которой обязанность защищать Европу – обуза, НАТО росло от страха Восточной Европы, прежде оккупированной СССР или входившей в его состав, перед новой оккупацией. Чтобы ограничить НАТО и даже избавиться от него, России надо на практике отказаться от претензий к прежним колониям. А мы, - не возвращаясь к расправе с Чечней, напомнившей Восточной Европе, чего от нас можно дожидаться без прикрытия НАТО, - то перекрываем газ, то отказываемся признать своими жертвами расстрелянных в Катыни, а то – считаем нерушимыми только свои границы. У нас верят, что страх - знак уважения, а он-то и толкает в НАТО. Гоголя, Лобачевского или Чайковского уважают не со страха. Но наша власть ищет другого уважения. От диктата, от навязывания своих команд, она откажется лишь если нарушения ею правового равенства с другими перестанут послушно глотать ради нефти и газа.

Лишь тогда российская власть, утратившая на последних выборах даже видимость законности, станет считаться со своим народом. Лишась возможности ежедневно ему демонстрировать, что перед ее агрессией трепещет весь мир, российская власть столкнулась бы с социальной реальностью, и рано или поздно ей пришлось бы пойти на компромисс с собственным населением, которое не хочет ни войны, ни полицейского режима. А Запад верит, что и так обойдется, не озираясь на свой

печальный опыт вползания во Вторую Мировую, и лишь оттягивает развязку.

Мюнхенский сговор и предыдущие уступки объясняют надеждой европейских демократий, что двум медведям не выжить в одной берлоге, и схватка национал-социализма и социализма обойдет буржуазный мир стороной. Здравое предвидение схватки, не сразу подтвердившееся, не уберегло, однако, от тактического просчета, не говоря о моральном уроне. Но при нападении Гитлера на Польшу уже сам Чемберлен, в куда более тяжелых обстоятельствах, не капитулировал. Впритык перед вторжением в Польшу Гитлер вступил в союз со Сталиным, надежды на их скорое столкновение отпали, и до самых робких западных политиков дошло, что от уступок агрессор распаляется, и надо защищать Польшу ради себя, не то будет еще хуже. В итоге Польша, как и Чехословакия, пробыла в оккупации, сперва немецкой, потом советской, полвека. Ее уступка СССР уже была неотвратима. Почти целый год, пока Гитлер не напал на Россию, Англия противостояла нацизму один на один. Ни в Англии, ни в России, герои войны не забыты, но забыта слепота политиков, от последствий которой спасли герои. Забыто, что заблаговременный отказ от уступок агрессору - лучший способ предотвращения войны.

Уже не только лидеры Европы, но и президент США Буш простил вторжение в Грузию, оставив ей и Украине страшиться новых атак. Едва ли Обама и госпожа Клинтон, муж которой в бытность президентом выгораживал поход Ельцина в Чечню, это пересмотрят. То есть, американские выборы не изменили международную ситуацию. Запад по-прежнему лишь оттягивает ее прояснение, пока не разразится катастрофа, которую сегодня еще можно предотвратить.

Все вместе против всех по отдельности 30.12.2008

Об устройстве общества или общественном строе, особенно в нашей стране, три четверти века строившей и «построившей» социализм, часто рассуждают веруя, что порядок жизни впрямь кто-то строит, устраивает, обустроивает. На взгляд одних - всевышний, других - великий Ленин, третьих – Путин, четвертых - «мировая закулиса», а хоть строить и норовят, устроить обещанное не удастся, - выходит иное. На деле общественный строй не строится, а складывается, и лишь отчасти так, как хочется строителям. Нынешний – не исключение. Но почему он сложился так, а не иначе, сознаться не хотят.

А он даже и не сложился, хоть выдает себя за новый. Лицо переменялось, но отличий от прежних нравов немного, и они нечетки. Отношения меж людьми, образующими общество, не осознаны. А общественный строй – это строй людских отношений. Прежде всего (тут Маркс прав), в процессе производства, но и в остальных, протекающих меж людьми. СССР был мощным государством, но общества там не было, и в России оно покамест не возникло.

Советское государство было не совсем обычным. Им правил, и не помазанник божий, и не регулярно переизбираемая представительная

власть, а партия, захватившая власть в октябре 1917 года, чтобы уже ни с кем ее не делить. На милость божью она не ссылалась (вера в коммунизм предполагала сперва безбожие), но и свою легитимность ничем иным доказать не могла. Церемонии, где граждане старше 18 лет опускали в урну бюллетени с фамилией единственного кандидата на то или иное место, счесть выборами было трудно, выбора там как раз и не было. Кандидатов и депутатов назначала партия, так обустроившая государство, вершившее ее волю. После Октября партия стала монопольным носителем истины, ввела однопартийный порядок, и общественная жизнь прекратилась.

Слово «партия» идет от латинского «pars», означающего «часть». Выражение типа «однопартийное общество» стилистика именует оксюмороном, то есть, внутренне противоречивым словосочетанием. Другие примеры: «живой труп», «радость страданья». Люди в обществе либо как-то различаются и сбиваются в разные части, либо нет ни частей, ни общества. При сведении к одной части общество подобно воинской части. Говорить «однопартийное общество» стали потому, что в XX веке одна часть часто полностью подчиняла себе все другие. Оксюморон вышел не чисто стилистический, а политический, созданный движениями, не считающимися с наличием в обществе, даже исповедующем единую веру, различий, и требующими всеобщего единения, для начала в своей партии, сперва одной из многих, а после захвата власти - всего населения. Они наперед пели: «Кто не с нами, тот наш враг, тот должен пасть!» На этом стояла коммунистическая партия (большевиков). Для нее не было нейтральных, беспартийных, лишь позднее «блок коммунистов с беспартийными». Не всюду действовали столь откровенно, - в ГДР, где служил Путин, при главной партии, СЕПГ, создали мини-партии, признающие ее руководящую роль. А порой государство, как ныне в России, способно само справиться.

Новые движения XX века с не идентичными идеологиями созидали схожие единства своих стран, а в перспективе единство мира, однополярную систему, которую ныне клеймят. Они побеждали в России, в Италии, в Германии, в иных латино-американских и развивающихся странах, и строили социализм, тоже не везде идентичный. Под социализмом они подразумевали **единизм**, единство верховной воли и единое подчинение ей. Именем единизма они чинили насилие и строили тоталитарные государства, вопреки шедшей при буржуазном развитии социальной дифференциации, противившейся параллельно шедшему укрупнению и монополизации хозяйства, и тяготевшей к либерализму и социальным компромиссам, составляющим сущность демократии. Тоталитарный единизм и либеральная демократия весь XX век противостояли один другой, демонстрируя мобилизационные преимущества первого и креативные, творческие, второй. Не потому, что немцы или русские уступали дарованиями американцам и англичанам. Многие плодотворные идеи как раз родились в Германии и СССР. Но правивший там единизм мешал всестороннему развитию, прежде всего, тем, что, покончив с обществом, не давал ничему выжить отдельно от государства.

Общество умерло у нас не сразу. До 1929 года, года великого перелома, суждения по второстепенным вопросам, не вполне совпадавшие с

партийными, допускались. Но другие партии, даже социалистические, вроде меньшевиков и эсеров, осужденных советским судом, уже запретили. До поры какие-то реальные дискуссии велись в самой коммунистической партии, не сразу разобравшейся, к чему она практически идет. Но великий террор решил споры, и партия, хоть и считалась руководящей силой в целом, стала механизмом, проводящим в жизнь директивы своего верхнего слоя, номенклатуры. Строго говоря, и номенклатура уже лишь условно составляла некое общество, а, прежде всего, выполняла волю высшей партийной власти, – то лично Сталина, то Политбюро, то двух-трех влиятельных его членов. Советский строй не был общественным. Население держали за штатское ополчение, соблюдающее регламент режима, всем известный, хоть и не весь официально обнародованный. За населением, как и за армией, был особый контроль. В армии, помимо командиров, работали комиссары, политруки, ее пронизывали службы КГБ. Гражданская жизнь тоже шла под приглядом КГБ, а на случай завели Внутренние войска, которым нет аналогов в демократиях, но поныне у нас существующие.

В России, знаменитой успехами в режиссерском искусстве, ими блистал и коммунистический единизм. При Сталине казни «вредителей» и «террористов» сопровождалась народными митингами на предприятиях и в учреждениях, требовавшими расстрелять вчерашних руководителей «как бешенных псов». Ныне репрессии еще не вполне стали массовыми, но «государственные преступления» уже демонстративно изъяты из суда присяжных, все же представляющих народ. Те давние митинги изъявляли, пусть подложное, но все же мнение народное. А ныне власть намерена карать «террористов» закрытым порядком, не озираясь на мнения «случайных» присяжных, то есть, народа. Советская власть особую роль отвела лицемерию, завела государственную идеологию из перетолкованных суждений Маркса, указаний Ленина и Сталина и их толкований. Ныне лицемерие не претендует на «научность», теоретическая идеология отброшена, но на единизме власть настаивает. Он, конечно, отличен от советского, как отличались итальянский или немецкий, но типологическая общность нынешнего режима с другими подобными очевидна.

Порой явления нынешней, как и советской, жизни возводят к «пережиткам» царских времен, но это верно лишь отчасти. От феодализма других европейских стран господствовавший на Руси отличали лишь детали, хоть порой существенные. До Ивана Грозного крепостного права не было и у нас. Но и феодальный строй знал кризисы. К тому же, вторгались завоеватели, долго правившие и на Руси, и в Испании. В середине второго тысячелетия феодальная Европа выбирала меж двумя путями. Либо, опираясь на внеэкономическое давление, на насилие, феодальная реакция закрепощала крестьян, как на Руси, становившейся Российской империей. Либо опираясь на новые экономические, буржуазные, отношения, переходили к, так сказать, просвещенному феодализму. Не то, что у одних была лишь одна возможность, русский путь, а у других лишь другая, английский. У всей Европы были обе, и видно, где какие объективные, а порой и субъективные, обстоятельства дали верх той, а не другой.

Крепостное право и феодальная империя, конечно, оставили предпосылки для советского единизма. Закрепощена была почти половина русского населения империи. Но прочее все же состояло из разных социальных групп, а колониальное население испытывало и другие зависимости. Трон установил особые отношения с Польшей и Финляндией, с казачеством, до поры с боярами, да и дворяне, главная его опора, учинили в XVIII веке не один государственный переворот, венчая на царство себе угодных. Всевластия, какое завелось при Ленине или Путине, у царей все же не было. Они угнетали общество, преобладающая часть русской литературы и искусства, отнюдь не только революционная, чем дальше, тем больше обособляясь от самодержавия, его жертвы неисчислимы, но общество, хоть и подавленное, при царях существовало.

Страны феодальной реакции и несвершенных реформ и революций отставали, однако, в промышленном и техническом развитии. Некоторые перенимали достижения развитых, и Россия при Петре, преуспела в овладении чужими новациями. Но передовой техникой Петр защищал феодальную реакцию, и петровская европеизация исконно европейской страны реакцию даже усилила. Александр II, воспротивившись ей и перейдя к просвещенному феодализму, способствовал развитию буржуазных отношений. Возможно, не только из-за поражения в Крыму, но уже как воспитанник великого поэта, он понял, что лишь при личной свободе все его подданные войдут в российское общество, закрытое для большинства при его отце. Но люди, еще скованные крестьянской общиной, не были вольны в своей воле и после освобождения. Царь-Освободитель хотел эволюции, а Россия, чтобы снова стать с Западом наравне, нуждалась в более быстрых реформах, в разделе земли и отмене общины.

Царя убили, а его преемники не хотели либеральных реформ. Первую и Вторую Государственные думы, по царскому манифесту 1905 года избранные почти свободно и настаивавшие на аграрной реформе, способной изменить положение в стране, разогнали. Отвергли даже перемены, на которые замахнулись более зоркие из монархистов Витте и Столыпин. Компромиссный эволюционный путь в очередной раз свели на нет. На исходе непосильной мировой войны одни еще хотели самовластия, а другие - уже демократии. Но в октябре 1917 выиграла третья сила, власть взяли большевики.

Спорят, была то «революция» или «переворот». Спорят, объективные или субъективные факторы мешали сразу после отречения царя создать Учредительное Собрание, только и способное к демократическому преобразению страны. Даже в Собрании, избранном после Октября, большинство составили, хоть весьма радикальные, но вполне вменяемые, правые эсеры. В тот единственный раз, когда Россия после Октября голосовала относительно свободно, она внятно высказалась за демократию. Пройди выборы полгодом раньше, возможно, и либералы еще собрали бы более 5%, собранных в ноябре. Пройди аграрная реформа летом, большевики не смогли бы захватить власть осенью. Затянув выборы, Временное правительство сделало неизбежной Гражданскую войну, в которой народу оставили выбор лишь меж самодержавием царя и единизмом советов. Сторонников демократии ни те, ни другие, на дух не выносили.

Но, в отличие от феодального царизма природу единизма коммунистов тогда, как и теперь, не сознавали. Понятия «коммунистическая партия», «коммунизм», и сторонники, и противники, толкуют, по «Манифесту» провозглашенному Марксом в середине XIX века. Ожидая, что с развитием капитализма производство возрастет, и рабочий класс составит большинство населения, он надеялся на захват рабочими власти во всех развитых странах разом и установление нового строя, коммунизма, дающего каждому по потребностям, и уже на первом этапе, при социализме, не удерживая, - как, он считал, капиталисты, - «прибавочную стоимость», а сполна платя за труд.

Но рабочий класс и полтора столетия спустя не составил большинства и уже сокращается. Оказалось, что диктатура пролетариата, строящая социализм по Марксу, невозможна. Он ведь считал диктатурой пролетариата власть рабочего класса, собирающую большинство голосов на свободных выборах. И даже пояснял, что, пока большинство собирает буржуазия, имеет место диктатура буржуазии. Диктатура пролетариата, верил Маркс, быстро отомрет, и с ней отомрет государство, с которым коммунизм и социализм, по Марксу и даже по Ленину, несовместимы. Производство с тех пор сильно выросло, но едва ли достигло предела, доступного капитализму. К тому же, порядка, производящего больше и дешевле, не видно. Уровень жизни рабочих тоже вырос, а не пришел, как ожидал Маркс, к абсолютному обнищанию.

Во второй половине XIX и в начале XX века, в пору энергичного буржуазного развития и роста рабочего класса, как не переменного участника буржуазных отношений, теория Маркса была популярна. Правда, следовавших ей социал-демократов не так заботило отдаленное установление коммунизма, как политическая борьба за нормализацию условий труда и социальную защиту рабочих, которую и до Маркса в ряде стран начали профессиональные союзы.

Просчеты мыслителя, пренебрегшего ролью умственного труда в создании ценности, целиком отдавшего ее физическому труду, как и утопизм его теории, не были осознаны. Но социал-демократы, ратуя за текущие интересы рабочих, к коммунизму не приближались, и в их среде стали возникать радикальные течения. Пересмотрев марксову утопию, Ленин приложил ее не к развитым странам, вкусившим буржуазного прогресса, а к отсталой крестьянской России, где и рабочих было немного.

Он объявил, что нет нужды ждать особого уровня развития и можно сперва взять власть, а потом наверстать отставание. Он не считал обязательной социалистическую революцию во всех развитых странах разом, и звал поднимать ее там и тогда, где можно. Ленинские открытия противоречили Марксу, исходившему из экономической обусловленности революции, верно или неверно он эту обусловленность понимал. Зиновьев и Каменев потом доказывали Сталину, что Ленин был верен марксизму и хотел лишь начать мировую революцию, а вовсе не построить социализм в одной, отдельно взятой, отсталой стране. Но Сталин остроумно отвечал, что у них выходит, будто Ленин звал строить без надежды построить. И ведь взяв власть, большевики практически сразу внедряли коммунизм, отменили квартплату, упразднили плату за проезд в трамвае и т.п.

Булгаков тонко замечал: «Удивляться надо не тому, что трамваи не ходят, а тому, что они ходят».

Но большевиками двигала не глупость. Они сводили баланс доходов и расходов хозяйства не просто по работам и предприятиям, а в масштабе страны, за счет недоплаты трудящимся и продажи сырья, - не Путин это начал. Декрет о земле они списали у эсеров, восполнив им не состоявшуюся в России буржуазную революцию, приманивая желавших отнюдь не коммунизма крестьян. Но отнимая землю при коллективизации, советская власть открылась уже не отдельными устрашающими картинами, как при военном коммунизме, но во всей своей натуре.

Англия совершила выбор меж капитализмом и феодальной реакцией в середине XVII века, Франция в конце XVIII, перед Россией он еще стоял в начале XX и стоит поныне. Монархии, ни в Англии, ни во Франции, на радикальные перемены не шли, и там прошли революции. В России монархия сдаваться тоже не хотела. Но решающей революционной силой здесь оказались большевики, а они не способствовали, а противодействовали капитализму, даром, что, по Марксу, он своим развитием и готовит коммунизм. Прав Маркс или не прав, срыв развития капитализма в русской деревне, едва ушедшей от феодальных пут, неотвратно вернул Россию к феодализму, пусть в иных формах. Зная страшную судьбу крестьянства и низкий уровень жизни рабочих, надо бы в 1991 году, демонстративно прощаясь с советским режимом, внятно сказать, чем он был. Но средняя номенклатура, схватившая высшую власть, этого не сказала ни тогда, ни потом.

Первые годы, особенно в пору НЭПа, могло казаться, что антикапиталистический настрой большевизма тоже утопичен и пройдет. До поры эта надежда не казалась вздором. Лозунги революций часто перерождаются. Начальный советский демонстративный интернационализм обернулся оголтелым шовинизмом, дошедшим до выселения целых народов, не говоря об антисемитизме и прочих советских атрибутах. Советский режим изменялся. Лишь его антибуржуазность была стойкой, хоть и принятой как бы от Маркса, но совсем иной, чем в его утопии. Маркс исходил из высокого развития капитализма и думал, что инерция роста производства будет плодоносить и дальше. А Ленин и другие исходили из раннего капитализма, наличие коего в России, споря с народниками, сами показывали. Но не дожидаясь, пока он разовьется до желанного Марксу уровня, вырубая его до плодоношения, они бездумно возрождали феодальную реакцию. Ленин едва ли о ней вспоминал. Но Сталин не зря симпатизировал Ивану Грозному. Он и партию сделал опричниной. Новая феодальная реакция стала сутью советского порядка.

Опасность массового капитализма, заложенного в Декрете о земле, для феодальной Советской власти, была ясна и Ленину, и Троцкому и Сталину, растоптававшему, чтобы удержать власть, миллионы конкретных Трифонов и Иванов Твардовских, и возродившему в колхозах крепостное право. Это, а вовсе не распад СССР, было величайшей катастрофой России, и, быть может, всего XX века, из которой нам потому и не вылезть, что мы ее упорно не признаем.

А в ней суть дела. Пока и в промышленности, и в сельском хозяйстве, подневольный труд успешно заменял наемный, петровская Россия могла на время даже обогнать Англию по производству черного металла. Но при машинном вооружении фабричного, а потом и сельско-хозяйственного труда, подневольность стала неэффективна, даже самодержавие ее уже умеряло. Но с трудом перебарывая прежние порядки, делая шаг вперед и два назад, оно не создало политических условий для эффективной альтернативы феодализму.

Страна попала в межеумочное состояние, с одной стороны ее наука и искусство после освобождения крестьян активно расцветали, многие промышленные, и сельско-хозяйственные предприятия преуспевали. Но с другой, шла прежняя жизнь, нищета, ущемленность русского и колониальных народов, цензура и несправедливость. Российская империя была обречена. В стране хватало людей, не причастных к правящей силе, но царизм, а потом война, не дали сложиться сильному реформаторскому демократическому движению.

В этих условиях политические стремления не совпадали с социальными, и общественная структура была пестра. Одни – от Струве до Плеханова, при всех различиях, верили в парламентскую систему, экономическую и другую свободу и гражданские права. Другие – частично эсеры и, в первую голову, большевики надеялись на диктатуру, любой ценой добивающуюся эффекта. В противовес Струве и Плеханову, вполне сознательно, и миллионам русских крестьян, возможно, бессознательно, стремившимся к капитализму, большевики не только отняли у него место в марксистской утопии, но задушили в зародыше, как надлежит феодальным реакционерам. Среди них еще были утописты, которых успешно сгноили в лагерях. А Ленин и Сталин не утописты, и после великого террора в ВКП(б) – КПСС утопистов не стало. Возобладали реалисты. Они крепили феодальную реакцию, обратив ГУЛАГ в производительную силу, трактуя марксизм, как идеологию единизма, в отвлечении от экономики, и объявив свой новый феодализм социализмом. Единизм, как властная вертикаль, пронзил страну единой волей.

Советская система пришла к нему не по ошибке, не по недосмотру Ленина или Сталина, и даже не из-за их явной личной безморальности. Да и Советы не они придумали. Но власть советов тем и отличается от парламентской, что служит не разделению властей, а их единению. Советы решают все, властны над всем, имеют право вмешаться во что угодно. К тому же, права Советов, хоть как-то избравшихся, перешли при Сталине к партийным комитетам, а где и к комитетам госбезопасности, лишь принцип единизма был незыблем. Оттого и сосредоточение непомерной власти в одних руках. Не потому Сталин обладал безмерной властью, что его любил народ, а народ его как бы любил потому, что он обладал безмерной властью. Не было в Советском Союзе никакого культа личности, и его разоблачение потому и выглядело нелепо. Народ так и не узнал, что худого сделал с Россией Сталин и, тем более, Ленин, которого и как личность не разоблачали. Но в стране был культ власти, который надлежало разоблачить, а этого и не сделали, чтобы не умерить власть очередных личностей.

Политика единизма привела к голоду начала тридцатых, к проигрышу войны в сорок первом, а добытая безмерными жертвами, при огромной материальной помощи союзников, победа ускорила отказ от марксистских декораций и рост имперского произвола и шовинизма. Хозяйство развивалось в военных направлениях. и СССР, не довольствуясь захватом стран, освобожденных им от немецкой оккупации, начал прямую агрессию в Афганистане. Итоговый кризис, сопоставим с пережитым империей ста двадцатью годами раньше, в пору Крымской войны. Но новый царь-освободитель Горбачев, хоть и декларировал существенные перемены, начиная с гласности, реально перестроил меньше, чем остановившийся на полпути Александр II.

Псевдо-реформаторы Ельцин, Гайдар, Чубайс, декларативно отвергая советскую идеологию, не противостояли советским феодализму и единизму, а им служили. Провозгласив свободу цен, и впрямь надобную ценностному хозяйству, хоть наше тогда еще даже официально было монопольным, Гайдар лишь расширил произвол ценообразования. Его реформа, подобно послевоенной денежной, тоже обесценила прежние деньги, для оборота которых у производителя-монополиста нехватало товаров. Но Сталин, обесценив наличность, начал новый отсчет с твердыми ценами, пусть вчетверо большими, а Гайдар обесценивал деньги свободой цен, росших без предела. То есть, Сталин, грабя людей, хоть жалкую малость им оставлял, а Гайдар только грабил.

Чубайс, еще откровенней служа феодальным привычкам, под видом приватизации передал многие производства, числившиеся казенными, в управление доверенным лицам. Их числят собственниками, но они - казенные порученцы, и, хоть иные, как Березовский, рвались поучать власть, большинство, как Дерипаска или Абрамович, послушно и готово в любой миг вернуть имущество в казну. Чубайс, ведя приватизацию, высокомерно строил капитализм «для немногих», а основная масса людей и, прежде всего, разоренное советской властью крестьянство, осталось без земли и без воли. В итоге, важнейшие условия преодоления феодализма, приватизация и свобода цен, а с ними демократия, под флагом которой выступали Ельцин, Гайдар и Чубайс, потеряли доверие большинства граждан.

И когда хозяйство настиг дефолт, а надежда на Ельцина прошла, он сдал власть КГБ, при нем лишь сменившему имя, и на время поставил премьером Примакова, в экономике хоть как-то ориентирующегося, потом на миг Степашина, и сразу Путина, отдав ему президентскую власть и наказав укреплять режим. А тот не только воспользовался счастливым взлетом цен на нефть и газ, позволившим несколько поднять жизненный уровень части населения, но провел прямые реставрационные меры. Много было речей о вставании с колен, но промышленное производство в самый успешный год Путина составило лишь две трети от последнего советского года. Конечно, тогда в избытке производили оружейный металлолом, но и не все ныне производимое окупается.

Нынешний строй еще считают иным, чем советский, и вроде впрямь еще возможно многое, о чем тогда не мечтали. Читай, что хочешь, езжай, куда пойдут, даже меняй рубли на валюту. Нельзя сказать, что за 17 лет нет

перемен к лучшему. Но это частные послабления, а природа власти - прежняя, и культ единизма незыблем. Судьбу России все еще определяет узкий круг людей, отождествивших себя с великой страной, где живет почти полтора миллиона. А что думает она, неизвестно. Опросам и выборам верить нельзя, поскольку их проводят в условиях, не предполагающих объективности.

Государство по-прежнему абсолютизировано, управление, как в СССР препятствует самоуправлению, правительство, как в СССР, не дает неправительственным организациям ходу, федеральный на словах центр попирает отдельные вроде области (в СССР попирали даже союзные республики). Возможно, власть сознает, что у подавляющего большинства, если не у всех, субъектов федерации есть объективные стимулы к союзу. Но ей нужен не союз, а полное подчинение, и она не уступает даже в том, что той или иной области или республике насущно важно, а для федерации в целом не столь значимо. Единизм центра толкает к сепаратизму. А ища умиротворения после жестоких кровопролитий, она уступает Кадырову то, чего ни Дудаев, ни Масхадов даже не просили. Уступает по слабости. Выселить, как прежде, всех поголовно уже невозможно, поэтому убивают на месте. А в СССР морили на поселениях. Разница невелика.

Невелика разница и меж советской и нынешней политической системой, меж единоголосным Верховным Советом и Думой с гарантированным большинством, меж Председателем Президиума Калининским, при котором правил Сталин, и Президентом Медведевым, при котором правит Путин. Не велика разница и меж советским и нынешним хозяйствованием, хоть тут на словах все иное. Теперь, говорят, у нас не плановое, а рыночное хозяйство. Но рынок – лишь форма, которой держались и в СССР, хоть сильно ее уродуя, поскольку в едином государственном хозяйстве взаимоотношения и были формальными, и разорялись не отдельные предприятия, а страна в целом. Смысл рынка - в ценностно-эквивалентном обмене производителей, потребителей и государства друг с другом. И если условия обмена определяет не закон, непреложный для всех, а конкретные, то командные, то финансовые, вмешательства государства (даже не высшей власти, а любого чиновника), стоящего выше закона, эквиваленты уже не эквивалентны, и производители, да и потребители, соперничают не качеством и не стоимостью товаров, и не платежеспособным спросом, а умением вертеться при содействии начальства.

Кто только не клеймит российскую коррупцию, - от президента до иностранцев, готовых у нас работать. На деле в России коррупции не то, что нет, но, если точно употреблять это слово, не много. Коррупция - это взятки, подкупы, услуги должностным лицам за содействие в незаконных или неправомочных действиях. Известные американские фирмы, подкупая чиновников, получали от государства выгодные заказы, которые другие фирмы выполнили бы лучше, дешевле и быстрее. Это коррупция. А в России взятки, подкупы и услуги необходимы, чтобы иметь возможность соблюсти закон и совершить правомочные действия. Эквивалентно-ценностный обмен на этом прекращается. Его у нас и нет. Продажа прав, записанных в законе, отменяет состязание хорошего и дешевого с плохим

и дорогим, Закон нарушается не в отдельных, пусть даже многих, случаях, как при реальной коррупции, а отсутствует, хоть утвержден и изложен. В форме рынка у нас выступает государственно-хозяйственная монополия, подобная советской, разве что позволяющая своим чиновникам наглей обогащаться за чужой счет. Чиновникам лучше, чем при советской власти, но стране хуже, чем при либерально-демократической со свободным рынком.

Различие меж союзом и империей определяется тем, следует ли центр решениям, реально согласованным членами союза, или навязывает свои. Советский Союз не был союзом, и Россия не стала федерацией, поскольку они блюли идеологию единизма. И СССР, и Россия, - это империи, держащиеся насилием. Советский Союз искусно лицемерил, щеголяя многонациональностью не только страны, но и власти. А Российская Федерация, имитируя единую страну, попирает не только инонациональные номинальные автономии, вынуждая их мечтать о независимости, но и русские края и области, толкая русское государство к распаду.

Еще при Горбачеве предложенную Литвой экономическую самостоятельность республик не принял ни центр, ни другие республики. А она бы ввела эквивалентно-ценностный обмен хоть меж республиками, не только обнажая состояние каждой, но конкретизируя ведение хозяйства на республиканском уровне и обуздывая центр, не щадящий затрат. Путин назвал распад СССР величайшей геополитической катастрофой XX века, но феодально-абсолютистскую природу его единства, несовместимую с современным производством и жизнью, не только не признал, но оберегает, как может, и отменил даже выборы президентов автономий и губернаторов.

Республики, края и области это терпят оттого, что, как по всей стране, там нет общества. Люди не участвуют в собственной жизни, ее формирует власть. Они больше зависят от цены, по какой власть продаст нефть, и того, что подаст нищим, чем от того, что сделает каждый работоспособный. Это избавляет людей от ответственности за судьбу страны. Лишив права решать за себя, с них сняли ответственность, присущую лишь свободному человеку. Потому и подло винить в происходящем ныне народ, да еще похваливая власть, держащую его в узде. От узды все зло.

Способность народа смести власть - частая тема суждений о России, особенно из-за кризиса. Гадают, станет ли власть в ответ на массовые протесты стрелять, что легко угадать по принятым в последние месяцы законам. Но в середине восьмидесятых не было народных волнений, а генсеком все же стал не Гришин, не Романов, а Горбачев. Власть боится зыбкой ситуации, и тут от нее чего-то добиться можно, но надо знать чего добиваться. Прекраснодушные, видя, как демократия и эквивалентно-ценностный обмен нужны стране, забыли про классовый интерес номенклатуры, и решили, что теперь она тоже либеральная, а Ельцин назначил Путина.

В пору гласности была все же возможность не только выявлять преступления советской власти, тоже, впрочем, так и не выявленные вполне, но показать феодальную сущность советского единизма, объяснить, что дело не за сменой лиц и не за вписыванием в Конституцию статей о правах человека, - они и в Сталинской в избытке, но ни та, ни эта, для судов - не закон прямого действия. В начале девяностых была возможность возродить общество, и во всей Федерации, и в каждом углу. Но коммунисты «не желали поступаться принципами», а псевдо-либералы сочли Ельцина залогом свободы и, выбрав его вторично, упустили возможность жить иначе. А подлинный либерализм не гонится за утопиями забивающими головы, но силится не упустить живые реальности, и нет ничего мудрей терпимости к социальным, экономическим, научным, художественным и прочим усилиям, лишь бы не насильничали и не претендовали на монополию. Зависимость хозяйства от общественной структуры, - не новость. Голоса, напоминавшие о ней, звучали и при Горбачеве и в первые годы Ельцина, но власть их отключила. А не признав эту зависимость, не считаясь с ней, другого не дожидаться, хоть даже брось правящий класс Путина на съедение народу, смени его на Сечина или Чубайса.

Общественный строй жизнеспособен, пока есть общество. Будущее России и русского народа зависит от этого больше, чем от имперского идеала, способности уничтожить остальной мир и возродить СССР. Удержать Чечню и, тем паче, Абхазию, не так все же важно, как не растратить на это Россию. Не то возрождать будет нечего и некого.

Кто против самозащиты? 16.1.2009

Пока Хамас, в ответ на добровольный вывод Израилем из сектора Газы поселений и войск, бил оттуда ракетами по израильским городам, убивая и пугая жителей, прогрессивная мировая общественность не волновалась. Ничего нового не происходило. Евреев издавна принято убивать, и не только в Палестине. Хамас не признает за Израилем права на существование, а за евреями права на жизнь в Израиле, хоть уже грозит убивать их везде и всюду. Перемирие убийствам не препятствовало. В декабре Хамас его разорвал и умножил обстрелы, но мир не обеспокоился. Хамас хочет безоговорочной капитуляции и ликвидации Израиля, и честно объявляет, что пока Израиль существует, он будет евреев убивать.

Но даже у евреев есть предел терпения. Робевшее ответить на первый же удар, правительство Израиля, наконец, ответило. И тут прогрессивная общественность всполошилась. Говорят, из-за невинных жертв! Современное вооружение и впрямь не разбирает, где солдат, а где беспомощный старик или ребенок, и не странно, что гибель ни в чем не повинных вызывает сострадание и содрогание. Странно, что их вызывают невинные жертвы лишь на одной стороне. Достоевский говорил, что даже для счастья всего человечества нельзя замучить одного ребеночка. Общественность вступается лишь за арабского ребеночка. А еврейского отчего не замучить? Чай, не впервой, чего шум-то подымать? Где тут заметить, что Хамас ставит свои «Скады», или как там звать их ракетные

установки, в густонаселенных местах, чтобы, умножив жертвы, вызвать больше возмущения.

И вызывает! Ныне ООН требует от Израиля, дающего сдачи, прекратить огонь, а конкретных мер по прекращению стрельбы Хамасом не требует. Право противиться убийцам, образумить их контрударом, признано за всеми, кроме евреев. Им положено терпеть. Во всех арабо-еврейских войнах атаковали арабы, а Израиль оборонялся, лишь однажды упредил уже развернутую атаку. Но агрессией объявлено само возникновение Израиля, происшедшее по решению ООН. Призывы к прекращению огня прекращают его на пять часов или пять месяцев, а потом какой-нибудь Хамас возобновляет огонь с более выгодных позиций. Не только последнее, разорванное Хамасом, но за шестьдесят лет ни одно из перемирий, включая Соглашение в Осло, увенчанное Нобелевской премией мира, не принесло мира. А только мир избавит палестинских евреев и арабов от страданий.

Пора признать, почему мира нет. Пора преодолеть вранье, что конфликт арабов и евреев извечный и тупиковый. Пора понять его рукотворность, видеть, кто и как его разжег и подбрасывает дровишки. А для начала согласиться, что и евреи, и арабы, издавна жили в Палестине, и ни у тех, ни у других, нет прав на исключительное владение. Ни евреи, ни арабы, там не исконные жители, лишь отчасти, быть может, их потомки, - евреи поселились там в 13 веке до нашей эры, а арабы почти две тысячи лет спустя, в 7 веке нашей, и живут там больше тысячи лет. Ни те, ни другие, не были хозяевами Палестины непрерывно, она попадала под власть Ассирии и Вавилона, персов и греков, Рима и Византии, а уже при арабах - крестоносцев, мамлюков, Османской империи, и, наконец, Британии. Гонения рассеяли евреев по свету, арабы тоже живут не в одной Палестине. У евреев там некогда был центр государственности, арабам там тоже дороги святыни, не государственные, так религиозные.

Вывод донельзя прост, - жить там вправе и те, и другие, а если, по каким-то причинам, им в одной стране не ужиться, значит надо ее делить на две страны, еврейскую и арабскую. Вроде бы именно эта здравая мысль и определила решение ООН о признании Израиля в 1948 году, именно ее с тех пор повторяют политики, но здравый смысл бесплоден, если его истины твердят, не входя в их суть, пусть даже по неведению.

Лет тридцать пять назад мне довелось лежать в военном госпитале в Ленинграде, куда доставили двоих арабов, раненых в боях с израильтянами. Один, более молодой, сразу наставлял на меня, передвигавшегося на костылях, как и на других пациентов и врачей с нерусскими лицами, сложенные в виде пистолета пальцы, и ничего больше о его взглядах я не узнал. С другим мы как-то даже поговорили на общем плохом английском. Он говорил, что ничего не имеет против евреев, но пусть уезжают туда, откуда приехали. «Это наша земля» - сказал он, а на имена царя Соломона и Иисуса из Назарета бросил: «Это давно было». Когда же я сказал, что там, откуда они приехали, они боятся жить, их там убивали и убили шесть миллионов, он отвечал: «Это сионистская пропаганда. Ничего этого не было. Я читал». Десятки миллионов арабов знать не знают о Холокосте и, тем более, о деле

Дрейфуса, о деле Бейлиса, о деле врачей и других делах, а значит и о том, почему евреи едут в Израиль. А если и знают, не они одни считают, что своя рубашка дороже чужой шкуры.

Между тем, не вспоминая, что и при арабах некоторое количество евреев в Палестине оставалось, бегство туда из Европы началось до Герцля и сионизма. Люди искали там спасение, а землю не захватывали, но покупали, хоть Османская империя противилась. В Европе антисемитизм процветал даже там, где уже провозгласили формальное равноправие, а в России еще провели черту оседлости. Но пока он не стал зоологическим, и власть ему лишь попустительствовала, а прямо еще не поощряла, пока он не облокотился на расистские бредни, и евреям грозили не поголовные убийства, а лишь ограничения, многие терпели. Особенно там, где шла часто добровольная ассимиляция в современную окружающую культуру, и не только родной язык, но и круг интересов многих евреев совпадал с другими людьми того же социального круга. Из такой ситуации нет единого для всех исхода. Пока и в традиционализме, и в ассимиляции, и те, и другие, видят не козни, а личную судьбу, - можно с чистой совестью думать не о себе одном, но защищать и право других выбирать иначе, чем выбрал ты.

К тому же, возвращение евреев в Палестину ввел в практику не сионизм, и не израильский закон о возвращении. Еще в 6 веке до нашей эры, при персидском царе Кире, как говорит Ветхий завет, «поднялись главы поколений Иудиных и Вениаминовых, и священники, и левиты, всякий, в ком возбудил Бог дух его, чтобы пойти строить дом Господень, который в Иерусалиме». Пошли тоже не все потомки угнанных в Вавилон, но многие. Возвращения, как и изгнания, повторялись не раз. Но арабы и Ветхий завет знать не обязаны. Потому и неверно сводить к враждебности арабов, не поголовно все же поддерживающих ныне Хамас, тяготы государства, которое, подхватив через полвека призыв Герцля, пришлось строить в Палестине спасшимся от лагерей уничтожения, но прижатым к стене евреям: Гитлер убивал, а демократические страны беженцев не принимали.

Ключ к прекращению нескончаемой войны не у арабов и не у евреев Палестины, а у других арабских стран, великих держав и ООН. В 1917 году декларация Бальфура сулила поддержку «еврейскому очагу в Палестине». Мандат Лиги Наций на управление ею был дан Британии в 1922 году с условием содействовать еврейской иммиграции. Но Британия почти сразу отделила под именем Трансиордании восточный берег Иордана, запретив евреям селиться там, а потом по-разному, включая попустительство погромам, ограничивала иммиграцию и в Святую землю, впускала с 1939 не более 10 тысяч в год, то есть, практически ее остановила. То и другое стало роковым и для еврейского государства, и, возможно, для шести миллионов погибших. Приток немецких евреев в Палестину рос с 1933 и еще усилился в 1935, после принятия Нюрнбергских законов, а за ним уже были снова различимы восточно-европейские евреи, Открытые двери иммиграции могли спасти погибших, и, может быть, даже повернуть средневековое безумие Гитлера от уничтожения к изгнанию, в Средние Века тоже бытовавшему.

А Восточный берег, с присоединением немалой части Западного, мог бы сразу выступить как жизнеспособное арабское государство, соседствуя с еврейским государством на примерно той же, что и сейчас, территории, с несколько уточненной ради безопасности границей и отказом от земель заселенных одними арабами. А нынче рассуждают о третьем государстве меж Израилем и Иорданией, не имеющем производственных возможностей для выживания, и, значит, наперед зависимом от подаяний других арабских стран и великих держав, такой ценой направляющих его население.

То-то и оно, что палестинские арабские движения в эти шестьдесят лет мало заботились о реальных нуждах и интересах палестинских арабов, о земле и рабочих местах, медицинской помощи и образовании, а занимались, главным образом, военной подготовкой к ликвидации Израиля и убийствами евреев. Эта безоглядная ненависть вызвана, однако, вовсе не исламом, как и христианство, выросшим на базе иудаизма, и в Средние века даже более терпимым к евреям. Ее в своих интересах выращивали великие державы, и не одна нацистская Германия, не одна Британия, но, после создания Израиля, более всего Советский Союз.

Поминают активную поддержку им создания Израиля. Но забывают, что ее быстро сменила многолетняя борьба против него. Неожиданное содействие Сталина, как и столь же неожиданное его преобразование в гонителя, объясняют по-разному. Но единый смысл того и другого ясен из самой цепи событий той поры в Палестине и в Советском Союзе. В ноябре 1947 года Генеральная Ассамблея ООН, при поддержке СССР, приняла резолюцию о разделе Палестины на еврейское и арабское государства. В январе 1948 по приказу Сталина убили Михоэlsa, считавшегося лидером советских евреев. В мае Израиль провозгласил независимость. Пять арабских стран кинулись на него, и СССР оказал Израилю военную помощь. В октябре его первый посол в Москве Голда Меир не раз посетила синагогу, где ее восторженно приветствовали. В ноябре Политбюро закрыло издательство литературы на языке идиш «Дер Эмес». В декабре по указанию Сталина арестовали В.Зускина и И.Фефера, а затем П. Маркиша, Д.Бергельсона, Д.Гофштейна, Л.Квитко и других членов Еврейского Антифашистского комитета, позднее расстрелянных. В феврале 1949 Политбюро распустило объединения еврейских писателей и закрыло альманахи на языке идиш. Под именем борьбы с космополитизмом начиналась массовая антисемитская кампания. Неужто столь противоречивые шаги тоталитарной власти соседствуют случайно? А еще не помянуты сообщение в январе 1953 о предстоящем суде над врачами, признание после смерти Сталина этого дела сфабрикованным, и огромная военная помощь СССР теперь уже арабским странам.

Это была циничная и коварная, но цельная политика искусного манипулирования настроениями людей в своих интересах. Отец тогда же рассказывал мне о визитах Голды Меир в синагогу, и я удивлялся, что сотни людей рискнули приветствовать иностранного посла. А отец считал это естественным, поскольку люди привыкли приветствовать политику советского правительства, а появление израильского посла ее тогда и символизировало. Были, видимо, и тогда евреи, надеявшиеся попасть в

Израиль, но и не раввавшие туда радовались, что слабеет антисемитизм, уже в конце двадцатых, как замечал даже далекий от еврейской традиции Троцкий, использовавшийся в борьбе против оппозиции, а в пору войны, года с сорок четвертого, выпущенный на простор.

Узнать, что согласие с властью не гарантия безопасности, отцу пришлось в 1953, когда КГБ обвинило его в изготовлении в 1948 листовки в поддержку сионистского государства. Он объяснял: «У вас есть этот текст, он прямо зовет поддержать политику советского государства. Там нет ни одной мысли, которую бы не высказали наши послы Громыко и Царапкин». А следователь ответил: «Это не ваше дело, что говорят наши государственные деятели». Увы, следователь был прав. Важно не то, что они говорят, а то, какие цели преследует их политика. За эту листовку отец уже после смерти Сталина получил десять лет и был отправлен в Тайшет.

В 1948 Сталин старался развести прежних своих союзников, Англию и США, и поддержал Израиль, как яблоко раздора. Но не только. Он видел в нем и важный инструмент внутренней политики. Ориентация на войну с вчерашними союзниками сосредотачивала хозяйство разоренной страны на военном деле. Она же порождала нужду в наглядной антизападной пропаганде. И на примере соседа-еврея, с возникновением Израиля вдруг ставшего как бы иностранцем, можно было внушать неприязнь к западному образу жизни. Еврея рядили внутренним врагом, и антисемитизм использовали не только, как обычно, для отвлечения людей от поиска виновных в бедах своей жизни, но и как способ подготовки умов к войне с Америкой, изображавшейся логовом евреев.

Но антисемитизм – не просто инструмент, который власть вольна включать и выключать, когда и как захочет, а общественное явление. Советский антисемитизм не сводится к личному сталинскому, хоть Мартов упрекал в нем Сталина еще в 1919 году. Антисемитизм был в Советской России возрожден не самим по себе «культом личности», а общей трансформацией, пережитой советским строем, сперва прокламировавшим свободу, но уже в первые годы обнаружившим свою тоталитарную природу, и в конце двадцатых - середине тридцатых в ней укрепившимся. А тоталитарность, единизм, везде и всюду ведет к шовинизму, особенно острому в отношении к народам рассеянья, каким евреи издавна были и в Германии, и в СССР. Советский Союз, изображенный Солженицыным и сотнями антисемитов до него еврейским царством, сделала антисемитским не прихоть власти или кого-то из вождей, даже не всегда лично бывших антисемитами, а тоталитарная природа этой власти. Власть решала лишь как и где антисемитизмом пользоваться.

Сталин осознанно поддержал еврейское государство, своим возникновением толкавшее к антисемитизму арабов, и, тем самым, весь антиколониальный лагерь, к настроениям которого вчерашние колонизаторы необыкновенно чутки, а сам, уже в ту пору, напрямую душил евреев в СССР, вплоть до запрета языка идиш, заведомо враждебного языку сионизма ивриту. После сложных кульбитов 1948 года сталинская политика прояснила свою последовательность. И хоть Израиль за шестьдесят лет добился огромных успехов в развитии хозяйства и науки,

политические решения все еще висят в воздухе. Израиль оказался, кажется, единственной в истории страной, за которой другие не признают право на самозащиту, едва ли не главный атрибут государства. Это триумф сталинской политики. Отказывая Израилю в праве на самозащиту, эту политику подхватили и неуклонно ей следуют и ООН, и большинство стран Европы и СНГ, и Россия, поддерживающая наилучшие отношения с Хамасом, руководство которого регулярно посещает Москву, и неведомо как российские аппараты для запуска ракет попадают в Палестину и делают свое дело.

Лидеры Хамаса, как и еще недавно лидеры Фатха, явно не будучи крестниками, вполне сознают, что плодом их обстрелов, диверсий, взрывов, даже самых ужасных, может стать лишь ответный удар, а не самоликвидация Израиля. Они понимают, что без новых газовых камер с евреями не покончить. А коль скоро палестинским лидерам это понятно, стало быть у провоцирования ответных ударов совсем другие цели, и стремление угрозой войны в самом нефтеносном районе мира поддержать падающие цены на нефть, не самая невероятная. Арабо-израильское противостояние, обостренное Сталиным и его преемниками, давно стало механизмом воздействия на энергетическую ситуацию, да и на многое другое, и громкие решения квартета великих держав и ООН, охраняющие статус кво, оберегают этот механизм терроризма и военных стычек. Ни ООН, ни великие державы, включая Соединенные Штаты, занявшие примиренческую позицию, не желают это признать и, покончив со сталинским механизмом, добиться мира.

Разумеется, никакое государство – не священная корова. Разные страны между собой воюют. Жители свергают власть и меняют ее устройство. Захваченные земли борются за независимость. Но в таких случаях обычно не идет и не может ныне идти речь о насильственной ликвидации государства. Можно враждовать, не поддерживать отношений, но всякое намерение уничтожить международно признанное, состоящее в ООН, государство, отказать ему в праве на существование, это и есть крайняя форма экстремизма, обычно подкрепляемого терроризмом, против которого мир, начиная с ООН, шумно воюет на словах, а на деле ему способствует, поощряя, в частности, тех, кто отказывает Израилю в праве существовать. А чтобы не было израильских ответов, им бы достаточно прекратить обстрелы и теракты.

Соединенные Штаты боролись за независимость от Британии, а не за ее уничтожение. Украина, Литва и Чечня, боролись за независимость от России, а не за ее упразднение, Черногория и Косово искали независимости от Сербии, а не ее гибели. Во всех этих сложных ситуациях соблюдался основополагающий принцип, предполагающий, если не всегда свободный выбор населением власти, то, во всяком случае, ответственность этой власти перед населением, и, прежде всего, его защиту от внешней агрессии. Отказ стране в праве на самозащиту – это отказ в праве на существование ее жителям, то есть, прямой геноцид, крайняя точка экстремизма, который и олицетворен в Хамасе, готовом ради поголовного уничтожения евреев и арабами жертвовать почти поголовно.

Израильское правительство слишком долго позволяло хамасовским ракетам взрывать дома жителей. Сейчас, перед выборами, оно вспомнило, что Израиль – демократическая страна, и за безответственность придется отвечать на выборах. Можно обсуждать, сколь разумна была политика этого правительства, что оно должно было сделать и не сделало или сделало неверно, для утверждения мира. Но что толку обсуждать, когда к безответственности его толкал внешний мир, великие державы и ООН, требовавшие подставлять левую щеку, когда ударяли по правой. А Хамас ни перед кем ответственности не нес и не несет, и рядится в некий чистый идеализм, на людей и реальности не глядящий.

Поэтому первый шаг к достижению мира не за арабами и евреями, а за ООН и великими державами. Пора установить, что любое государство или негосударственная организация, отвергающие право на существование любого официально признанного государства, автоматически числятся агрессивно-экстремистскими, и контакты государственных лиц с ними рассматриваются как поддержка агрессии и экстремизма.

Это, понятно, ничьих взглядов не изменит, но изменит массовое отношение к ответу на агрессию. Никто, слава богу, не тормозил сопротивление Советской Армии гитлеровским захватчикам, и война окончилась лишь потому, что было достигнуто преобладание над противником, и ему наносили более мощные удары. Так же действовали и Союзные армии. Никому не приходило в голову требовать, чтобы в ответ на пять сброшенных на Москву бомб и на Берлин падало не более пяти. Агрессор должен сознавать, что жертва агрессии ответит полновесно, – это, как правило, сдерживает агрессора. Тогда ему противостояла Советская Армия, сейчас израильская. Но тогда мир понимал, что если не обуздать национал-социализм, гибель ждет всех, а сейчас такой мысли нет, хотя Муххамед Атта, двойник лидеров Хамаса, уже примерил 11 сентября те же принципы к Америке и к миру.

Отсюда отнюдь не следует, что Советский Союз был идеален, и можно забыть, как он поработал, и сперва освобожденные им от Гитлера народы, и свой собственный. Нет идеальных государств. Израиль тоже таковым не является. Можно и должно обсуждать и критиковать его политику, да там, в силу демократии, в отличие от Советского Союза, так и поступают. Но пора признать, что за шестьдесят лет Израиль доказал свою способность и право существовать, и довольно потакать экстремистским силам, требующим его уничтожить, действуют они из идеальных побуждений или как орудие в чужих руках.

Этому помогло бы и создание реального арабского государства в Палестине. Но надо не чертить дорожные карты, и не бросать бешеные деньги лидерам, отлично находящим им место, как покойный Арафат, в собственных карманах. Как показала жизнь, ни Хамас, ни Фатх, не сильны в установлении на заселенных арабами землях нормального правления для блага жителей. Лучше бы всего, при гарантиях безопасности для Израиля, для начала вернуть территории, положенные арабскому государству под опеку соседних арабских стран: Западный берег – Иордании, а полосу Газы – возможно, Египту. Тогда, по мере

нормализации, избрания местных и общих органов власти, и прекращения терроризма, арабское палестинское государство сможет стать реалией мирной жизни, а не декларативной ширмой войны.

Если, выйдя из под власти Израиля, палестинские арабы сами в большинстве захотят отдельное государство, его надо создать. Но захотят ли? Почти двадцать лет, до 1967 года, они были в схожей ситуации, а палестинское государство не создавали, хотя возможность была. Их ориентировали тогда не на мирную жизнь, а на уничтожение Израиля, внушая, что одно без другого невозможно. Хамас поныне стоит на этом, и нынешняя ООН, и «квартет», отказом Израилю в праве на самозащиту на деле поддерживают позицию Хамаса. Коль скоро Иордания и Египет от нее отошли и впрямь хотят мирного сосуществования, от войны, в которую ввергает Хамас, они палестинских арабов удержат, чтобы те сами, внутри себя, а не по команде сидящих в Дамаске вождей, могли мирно решить то, что в состоянии и вправе свободным волеизъявлением решить только они одни, - составляют они особый палестинский народ или единый с жителями той же Иордании или других соседей. Покамест это не очень ясно, различия там не резче, чем меж русскими Пскова, Перми и Дона, но ООН и «квартет» внемлют говорящему от их имени Хамасу или, в лучшем сегодня случае, Фатху, как внемлют российской власти, не слушая голосов народа России.

Разбираться придется и в том, как могут и должны дальше строиться отношения палестинских арабов с Израилем, и в этой связи камнями преткновения снова станут беженцы и поселения. Несколько сот тысяч палестинских арабов по призыву начавших войну арабских стран бежали в 1948 году из мест проживания, надеясь, что евреев, как им сулили, сбросят в море, и они избавятся от нежеланных соседей. Ныне часто уже не они, а их дети, внуки и правнуки, которым в большинстве братских арабских стран не помогали выйти из лагерей и обустроиться, числятся беженцами, и настаивают на возвращении в страну, где никогда не были. Нет причин мешать им перебраться в будущее арабское государство, но, если так определять беженцев, стоит учесть, что евреи – все, в сущности, палестинские беженцы, предков которых угнали, изгнали или вынудили бежать, меж других и арабы. Еврейских палестинских беженцев, кроме уже перебравшихся в Израиль, еще миллионов десять, и их права на возвращение не меньше, чем у арабских, да и живут они не в братских странах.

Трудна и проблема поселений. Шарон, мудро и смело уходя из Газы, зря уводил еврейских поселенцев силой. Готовым остаться, не следовало мешать. Они на практике выяснили бы, возможна ли ныне соседская жизнь евреев и арабов, примеры которой есть в Израиле, под опекой еврейской власти, а хорошо бы и под опекой арабской. Если при переходе власти к арабам на Западном берегу еврейские поселения тоже будут снесены, это неизбежно повлечет выселение арабов из Израиля, что сразу углубит пропасть между народами, которую лучше по-возможности заваливать, отсекая и подавляя экстремистов и террористов на любой стороне. Мужество необходимо и чтобы перестать стрелять друг в друга, и чтобы беспощадно пресечь тех, кто разрывая перемирия, снова стреляет. Не отвечать – значит поощрять.

Немало европейцев и американцев, не мусульман и не арабов, а даже евреев, поощряют. Они хотят чтобы Израиль не отвечал на огонь, чтобы сидели в нем, как в гетто, чтобы учились мирно идти в газовые камеры. Обличение контратак для них, видимо, - искупительное жертвоприношение. Но, веля и на прямое насилие отвечать ненасилием, они жертвуют не собой, а другими, не согласными на пройденный дедами путь к Бабьему Яру и предпочитающими гибель в бою.

Номенклатура и кризис. 30.1.2009

Эдуард Лимонов, внушая, что от нынешних бед спасет лишь новый большевизм, высказался: «неуместно создание либеральной оппозиции в момент краха либеральной системы». Крахом либеральной системы всегда объявляют любой ее кризис, хоть саморегулируемой общественной системе не выжить без массового осознания промахов самодвижения и способов из них вылезать. Кризис - это ее прозрение. Осознав свои причины, он спасает от краха. И всякий новый кризис нуждается в новом самосознании. Опыта былых недостаточно. В свободе сознания, в либерализме, корень живучести капитализма, продуктивнейшего из общественных порядков.

Анатолий Чубайс объясняет: «Суть мирового кризиса, если в двух словах, - потребление, превышающее производство». Что это, собственно, значит? Впрямь ли Россия потребляла больше, чем произвела? Не хочет же он подчеркнуть, что нефть, которой мы живем, произвели не люди России, а ее природа. Тогда бы так и говорил, а он обобщает: «темпы роста российской экономики были избыточны». А не может не знать, что и в лучший из путинских годов ВВП составил лишь две трети ВВП последнего, не лучшего, советского. Уверения, что Россия зажила слишком богато, – лишь способ замаять особенности нашего кризиса, который не вполне сколок мирового, хоть совпадением и отягощен.

В Америке сверх меры давали кредиты, и кредитный кризис перерос в экономический. Всякий кредитор рискует, особенно ставя на долгие выплаты. Если должник неплатежеспособен, кредитор теряет прибыль и даже терпит убыток. Но и в кредит невозможно потреблять не произведенное. Неужто Чубайс еще под гипнозом советской пропаганды, обличавшей «общество потребления», замалчивая, что таковое живет мощным производством, пределы которого, однако, не превышает. В том и кризис, что потребители продуктов производства не могут их оплатить, вернуть кредиты, и производство придется свертывать. Его опять развернут, лишь если вырастет платежеспособный спрос. А кредитование легко переступает пределы потенциального платежеспособного спроса, и его соблазн велик, поскольку, пока не ясно, что должникам нечем платить, сулит выгоду.

От злоупотреблений кредитование не перестает быть жизненно важным свойством современного капитализма, без которого он скукожится, а то и будет невозможен. XXI век и в кредитовании стал иным, чем был XVI. Главными кредиторами выступают банки, дающие в долг не свое, а сбережения клиентов, положенные на хранение. Кредитная деятельность

банка теоретически ограничена доверием вкладчиков, и нужда им дорожить обычно вынуждает к более или менее адекватной кредитной политике.

Но за неким пределом кредитование ломает ценностные отношения и движимо, в сущности, антикапиталистическим волюнтаризмом. Когда его адекватность нарушается, наступает кризис. На природу таких нарушений закрывают глаза. А к ним ведут не просто личная жадность и легкомыслие кредиторов. Жадность и легкомыслие поощряются внедрением в капитализм - экономический строй - внеэкономических методов хозяйства, деформирующих пропорции ценностных вложений в производство и потребление, и, тем самым, ценностные отношения.

Это делает, прежде всего, сама по себе сила, не только заводившая принудительный труд и отбирившая земли, но и ныне монополизирующая целые сферы производства, сводя на нет главное преимущество капитализма – свободу соревнования. Это и подмена людского труда дарами природы. И неадекватная оплата физического труда, и неадекватная оплата умственного. Все такие нарушения ценностных отношений рождают кризисы, необъяснимые без оглядки на внеэкономические вторжения в экономику.

Социальный прогресс изменил капитализм главным образом в отношениях предпринимателя и рабочего. Они обрели вполне капиталистический характер: оплата физической рабочей силы не просто выросла, но фактически возникла система социальных гарантий, защищающая от неожиданностей вплоть до утраты работы. Здесь, конечно, еще нужны и возможны совершенствования, но, так или иначе, отношения стали преимущественно экономическими.

В других сферах хозяйствования шло, в сущности, обратное. Но в центре общественной полемики по-прежнему государственный «коммунизм», прикрывающийся марксистской утопией «коммунизма без государства». А против капитализма давно открыт внеэкономический второй фронт, эксплуатирующий капиталистическую свободу для антикапиталистических действий. Правда, ныне и коммунисты, и китайские, и российские, даже носившие мундиры КГБ, на словах выступают сторонниками рыночных отношений.

Уже оплата работника умственного труда, в развитых странах довольно высокая, не адекватна создаваемой им ценности, поскольку намеренно упускается авторское начало такого труда. Если физический, потраченный на каждый произведенный предмет, оплачивают сообразно ушедшему времени, усилиям, квалификации, спросу и предложению подобного труда, и т.п., то умственный труд чаще компенсируют, платя единой суммой за идею, ценность которой не исчислить рабочим временем и привычными мерками, тем более, что ее приложение к практике не требует присутствия автора. Патентные права упускаются или присваиваются фирмами. А за умственный труд, в той мере в какой он приносит новые идеи или корректирует прежние, - научные, технические, технологические, организационные и т.п. , - надо, как за физический, платить долей от ценности каждого предмета, в создании которого его идеи участвуют.

Общественный смысл авторской оплаты умственного труда не просто в личной справедливости, но в общественной. Подобно рабочему, вкладывающему в капиталистическое производство свою рабочую силу, работнику умственного труда тоже надлежит, сообразно с его вкладом, полноправно участвовать в отношениях на этой почве. Вес общественного слоя растет с ростом его богатства, идущего не только на личные нужды или вклады в бизнес, но и в фонды интеллектуального роста населения, и, прежде всего, образования и культуры. А ограничение влияния образованного слоя на остальное общество, как и само внеэкономическое присвоение идей, эксплуатируемых экономикой, нарушает социальный баланс и затемняет реальные отношения, уже этим толкая к кризису.

Еще наглядней к нему ведет внеэкономическая эксплуатация природы. Ее богатства распределены меж разными странами заведомо неравномерно. А нужда в них столь же неравномерна, и разные неравномерности не совпадают. Земля, в которой находят полезные ископаемые, растет в цене. Страны, где их находят, получают как бы ценностную субсидию от нуждающегося производства за границей. То есть, без трудовых вложений, и частное лицо, и целая страна, обогащаются за счет чужих усилий, в худшем случае тратясь на добычу сырья. Уже этим ценностные отношения деформируются, хоть, пока рынок сырья открыт для всех, они продолжают. Но он открыт не всегда, а его направленное ограничение, если не сразу губит чужое производство, бросает ему ведущие к кризису вызовы.

Внеэкономическая эксплуатация природы особенно пагубна там, где она сращена с силовой, самой пагубной формой разрушения ценностного хозяйствования, идет ли речь о захвате земель богатых полезными ископаемыми или только уводе их с открытого рынка. Невозможность изменить реальность не повод ее не понимать. Труд, как физический, так и умственный, вмешательство силы тоже превращает либо в рабский, крепостной, каторжный в лагере, либо в работу в «шарашке» или ее подобии вне зоны. Обществу не внятна роль силы в капиталистическом развитии, с одной стороны, обязательная, но, с другой, зловеще-губительная. Оно не видит обращения одной в другую. Пагубность силы заметна в социализме и коммунизме, навязывающих тоталитарные порядки, но внеэкономические действия сказываются и на капитализме, ужимая присущую ему свободу.

Его противостояние феодализму дошло до откровенно силовых, революционных действий, при всей жестокости революций, в конечном счете, по мере возобладания экономики над силой, плодотворных. Неизвестно, отпали ли бы силовые препоны развитию без силового противоборства. События XVII – XVIII веков ввели революцию в сознание как крайний, но действенный шаг к развитию. Марксистская вера в неминуемость новой революции, коммунистической и социалистической, списана с опыта буржуазных. Но как бы ненароком из общественного сознания было вытеснено различие меж совершаемой, как правило, после долгого компромисса с феодализмом, буржуазной революцией и упреждающей социалистической. А различие в том, что после первой, сложившийся уже в недрах феодализма капитализм лишь укреплял адекватные себе политические институты, а после второй взявшие власть

еще только приступали к строительству социализма, утверждая свое силовое давление практически навсегда. Пример Советского Союза это обнажил, продемонстрировав внеэкономический, волюнтаристский характер социализма и коммунизма, тормозящий их собственное развитие. Но внутри капитализма силовые позывы хуже опознаются.

Между тем, их проявлением были не только феодальные пережитки, вроде колониальных захватов или эксплуатации завезенных рабов, - и то, и другое, капиталистическое развитие само преодолело. Америка отвергла рабство полтора столетия назад, а Европа колониализм – полвека назад. Рабочее движение привело к плодотворному компромиссу с работодателями. Но внеэкономическое использование природы и умственного труда продолжается. И если после буржуазных революций крестьянство вошло в общество как массовый капиталистический класс, если рабочие развитых стран, отстаивая свое благополучие, не так все же боролись за коммунизм, как за полноправное участие в капиталистических отношениях, то уже в начале XX века в социальной картине проступило нечто новое. Предприятия и фирмы, поглощая друг друга, становились хозяйственными монстрами, монополистами в каком-то, а то и в нескольких производствах. И внутри этих монстров хозяйственные отношения далеко не во всем оставались экономическими. Уже это нередко побуждало их распорядителей пренебрегать буржуазным здравым смыслом.

Ныне американские банки, не удостоверившиеся, что ипотечные ссуды вернутся, или английские банки, безоглядно дававшие за границу кредиты, о которых не знает даже премьер, более десяти лет бывший министром финансов, - примеры безответственности, вызванной концентрацией хозяйства и монополизмом.

Эта безответственность особенно опасна тем, что, если прежде в буржуазном хозяйстве решающими были голоса владельцев, дороживших своим достатком, то минувшие полвека продвинули вверх управляющих, менеджеров. Возник чуть не новый менеджериальный класс, оттерший от руководства хозяйством владельцев, ныне часто расплзшихся вместе с сотнями акций, и оттеснивший специалистов производства. Нынче капиталистическим хозяйством правят специалисты по управлению. А это не столько специальность, сколько социальное положение, не слишком отличное от советской номенклатуры.

Вульгарный капиталист былых времен, традиционный буржуй, владея фабрикой, был чуток, и к деталям своего хозяйства, и к общей хозяйственной ситуации, от которых зависели его доходы, а для управляющего, часто в глаза не видавшего конкретных владельцев того, чем он управляет, личное обогащение и удержание доходного места не столь прямо связаны с успехами фирмы. Такой сдвиг интересов ведет и к общему сдвигу понятий о реальности. Они теряют содержание, десемантизируются, и вместе с ними как бы десемантизируется вся жизнь. Постмодернизм с его представлением о равноценности всего и вся, всех правд и неправд, всех общественных, не говоря о художественных, смыслах, не с неба упал. Он порожден нынешней жизнью с ее менеджериальным правлением. Это идеология менеджеров.

От знакомых нам социализма, национал-социализма, фашизма, нынешнее капиталистическое общество еще защищает важная граница – демократическое государство. Конечно, менеджеров со всеми их свойствами и на государственной службе полно, и все же ее, в отличие от не слишком прозрачных монополий, отчасти спасают регулярность выборов и гласность. Но и демократическое государство - институт внеэкономический, и живо лишь пока оно, сообразное ценностным отношениям, желанно большинству граждан. А когда 37% немцев голосовало за национал-социалистов, и 30% за коммунистов, то есть, на свободных выборах квалифицированное большинство граждан отреклось от демократии, тоталитаризм оказался неизбежен, спорить оставалось о его цветах.

Поэтому сохранение достоинств демократии, искреннее их предпочтение гражданами всем временным привилегиям, какие может дать тоталитарный строй, едва ли не важнейшая задача правительства, желающего быть демократическим. Когда же, наблюдая его политику, массы людей именуют демократию дерьмократией, тоталитаризму открыт путь, и можно обсуждать лишь на кухне, в глупости ли правителей дело или, что бывает чаще, в притворности их демократизма.

Можно уточнить, как и отчего возникли американский и всемирный кризисы, кто кредитовал сверх меры, и кто брал, не зная, чем заплатит. Можно показать, как падали цены, как снижалась ликвидность. Но хозяйство Америки буксует, а не умирает. А наш кризис лишь боком связан с американским. Падение цен на нефть, конечно, вызвано падением спроса на нее вследствие кризиса. Но мировой кризис не объясняет почему нам сокращали кредиты, когда их везде еще широко раздавали. А это – прямое следствие нашей политики. И уж никак не мировой кризис увел зарубежных инвесторов из нашего хозяйства, - мы сами их активно выпихивали.

Заморский кризис - плод вялости государства, отсутствия барьера антикапиталистическим, внеэкономическим затеям корпораций. А наш, напротив, - чрезмерного вмешательства государства в хозяйство, он - плод хозяйственной вертикали, правящей олигархами, как политическая правит остальными гражданами, чтобы подпираться хозяйственную.

Парадокс, однако, в том, что, решась при кризисе на вмешательство, американское государство тоже пошло совсем не туда, где в нем есть нужда. Бывший президент Буш передал немалые суммы на поправку дел погоревших ипотечных банков, выдававших огромные бонусы своим менеджерам. А новый президент Обама, даже не приняв власть, предложил, и Буш поддержал, и они вдвоем провели через конгресс субсидию автомобильным гигантам, опасаясь, что их упадок резко повысит безработицу и тяжело скажется на всей стране. Между тем, лишь 28% из покупаемых американцами автомобилей изготовлены тремя ведущими фирмами, явно не способными выдержать конкуренцию японских и других машин, которые лучше, и дешевле. Дешевле и потому, что японские заводы в США платят поменьше, но субсидий не просят.

Казалось бы, смелое состязание разных производств преодолеет кризис верней всего, и надо поощрять тех, кто в нем побеждает. Неудачникам непременно надо помочь не умереть с голода, не потерять жилье, но зачем поддерживать выпуск продукции, не имеющей спроса, да еще по вздутым ценам, чтобы брали себе побольше? Это нарушение главной нормы капитализма. И подобные нарушения - причина многих рецессий, включая нынешнюю.

А ограничить их нарастание и, прежде всего, концентрацию и монополизацию производства, государство робеет, хоть это можно делать чисто экономически, дифференцируя налоги, поощряя дробление фирм и чисто экономические отношения меж разными и внутри одной. Быть при большей дробности не менее эффективной, промышленности поможет техника. Но обществу, отвергшему в XX веке тоталитарную альтернативу капитализму, пора углядеть за кризисом другой антикапитализм, тоже сулящий унитаризм и единизм.

Трудно сказать, возмется ли Америка за это сразу. Ей еще, видимо, хватит сил и богатств одолеть нынешний кризис. Иное дело, мы. Преодоление кризиса там не сильно изменит наше положение, подскочи даже опять цена на нефть. Кризисы в Америке и в России не сугубо экономические, а социальные, но различна их социальная почва. Там, одолевая нависшую угрозу, еще можно думать о первопричинах не впопыхах, хоть и не очень мешкая. А наша социальная почва, своим бесплодием и вынудившая Горбачева к перестройке, мало изменилась, лишь еще больше выветрилась. Оппозиция бранит текущий порядок, зовет его путинизмом. Бранит не зря, но, вина лишь Путина с Медведевым, словно все зло в их личной злости и личном непонимании, до корней не доходит.

Чубайс, не часто выходящий на публику, не зря вдруг поделился мыслями о кризисе. То, что наше государство по-прежнему правит хозяйством, – его рук дело. Говорят, Ельцин повернул Россию к капитализму. А на деле они с Чубайсом ее у него отбили, увели от массовой приватизации и земельной реформы, способной на новых началах возродить загубленное большевиками крестьянство, как массовую опору буржуазных отношений. Рядясь под Запад, они не вышли на его столбовую дорогу, а создали антикапиталистические, по сути, монополии, выдав их послушным государству и единым с ним Дерипаскам, Потаниным, Абрамовичам. А даже малость перечившего Ходорковского кинули потом в Сибирь, отдав, сперва приписанное ему, имущество видным государственным мужам. Ельцин и Чубайс - отцы путинизма. И не они одни.

В Америке капитализм еще не сдается, и имеет шансы совладать, и с монополиями, и с кризисом. А нам выбирать - меж чубайсо-путинским антикапитализмом, и открыто коммунистическим. Другое не светит. И пока не осознаем, что девяностые годы замотали буржуазную революцию, обманутый и сбитый с толку народ сможет лишь, как в рассказе Николая Жданова, напечатанном после смерти Сталина, спрашивать: «Верно ли с нами сделали?» Но радио и телевидение всецело в руках власти, и в ответ он слышит привычное вранье. Сперва, что мы - тихая гавань, потом, что у нас нет кризиса, потом, что он столь незначителен, что не о чем говорить, или что

дело серьезное, но, конечно, справимся. А реальность беды пробивает заслоны лжи.

Условия игры. 16.2.2009

Приобретение Александром Лебедевым лондонской «Ивнинг стандарт» не прошло незамеченным. Одни недоумевали, другие возмущались, третьи успокаивали. А если Абрамович купил футбольную команду, почему нельзя газету? Лебедев в Лондоне не новичок, служил в посольстве, выполнял спецзадания. Как-никак полковник КГБ. Небось, не зря. Но он этого не скрывает, и читателей, надо думать, известит. Почему же все-таки возник некоторый шум, хоть и ненадолго?

После 1991 года у нас люстрации не было. А после 1917 была, и еще какая. Первый вопрос после революции: «Что Вы делали до 1917 года?» Даже если вы не Великий князь, а священнослужитель, не говоря о чиновнике, офицере или богаче, могли убить. Не подряд, но убивали. Множество людей до декабря 1936, были лишенцами. Лишенными избирательных прав и урезанными в других, потому как «из бывших». Это распространялось и на их детей. Возрождать такое неже. Но интерес общества к прошлому человека не напрасен. За прошлое можно наказывать, лишь если был нарушен Уголовный Кодекс, и то лишь в пределах давности, но знать прошлое стоит. Оно помогает ориентироваться в предстоящем, понимать, чего от кого можно ждать. Желание знать прошлое идет от желания жить в открытом обществе.

Главная странность так называемой революции 1991 года не в том, что после нее не было люстрации, хотя, проявляя милосердие к преступившим Уголовный кодекс, прежде чем прощать, стоило публично обозначить их преступления. Но в том и главная странность, что не возникло желание знать, что человек делал до 1991 года. Можно подумать, что все, что советские граждане делали, делалось под пулями. А это неправда. Многие совершалось добровольно и даже с охотой.

Люди были в разном положении и вели себя по-разному не только в роковых, но и в обыденных ситуациях. Не только крупный ученый, выдающийся композитор или офицер, мог ритуально повторять официальные формулы, боясь потерять возможность заниматься своим делом. Но вряд ли Михаил Суслов, многолетний начальник советской идеологии, и руководители идеологических отделов, газет, радио, телевидения, работники КГБ, тоже лицемерили, а на деле были против советской власти. При всей своей жестокости, она позволяла не вступать ни в партию, ни в комсомол. Кто не вступал, понимал, что себя навсегда ограничивает, и все-таки не все вступали. Лишь особо растленные, будучи противниками идеологии, шли ее пропагандировать. А случалось и власти закрывать глаза на беспартийность.

Она вовлекла Андрея Сахарова в сверхсекретную работу, потом сделала академиком, дала три золотых звезды. А он в партию так и не вступил, не считая возможным. Для защиты родины он сделал больше, чем весь ЦК КПСС. Но вел себя с могучим государством как самостоятельная личность: активно сотрудничал в стремлении уберечь родину от

возможного нападения, но не хотел вслепую одобрять любые действия власти. Он, быть может, наивно хотел открытой жизни, хоть свою проводил в секретных лабораториях. На таком уровне такая позиция была в СССР редкостью, но ее проглядели, оценив лишь его научные достижения и гражданские подвиги. А Сахаров, задолго до того, как стал диссидентом, подал пример поведения честного человека.

Постсоветское сознание пренебрегло нуждой выяснять границы индивидуальной ответственности. Мало кого занимало прошлое отдельного человека, а он в советских условиях строил свою жизнь так, а не иначе, выбирал профессию и многое другое, помня не только о личной ответственности, но и о коллективной, которая на него падет, даже если ничего не делал, просто по принадлежности к той или иной группе. В одни группы вступали по собственному выбору, к другим людей относили по происхождению или месту жительства. Безответственная власть, установившая эти ракурсы ответственности, винила и казнила, как тех, так и других. Возник и встречный крик: «Я отвечаю за все!»

Между тем, право предполагает ответственность лишь за личные действия или за членство в преступно действующем коллективе, независимо от личного соучастия в том или ином его действии. Если узнав о преступных действиях своего коллектива, человек их тут же публично осудил и порвал с коллективом, ответственность с него, понятно, снимается. Но за поступки других граждан той же страны или той же национальности, никак от него не зависящие, человек по правовому сознанию не отвечает. Позиция тоталитарного сознания противоположна, и в ответ на действия Израиля, арабские террористы убивают евреев в других странах, даже противников сионизма и критиков Израиля. Так действовали и Советский Союз и гитлеровская Германия, преследуя, один – ингушей, калмыков, чеченцев, балкарцев, карачаевцев, крымских татар, другая – евреев, цыган. А Советский Союз еще и бывших помещиков, крупных буржуев, мелких буржуев, кулаков, духовенство, интеллигентов. Одних поголовно, других выборочно, одних убивая, других лишь ущемляя в правах и возможностях. Все это - независимо от их личного поведения.

В Германии преступность массовых убийств признана, в центре Берлина установлен памятник уничтоженным евреям подобный еврейскому кладбищу, который, будучи в городе, нельзя не заметить. В Советском Союзе после смерти Сталина выживших изгнанников вернули в родные места, но трагедию замалчивали и, валя лишь на прежних правителей вину за уничтожение народов, не испытывали долга хоть как-то ее загладить, ни в Советском Союзе, ни в России, Верховный Совет которой изгнания единогласно одобрял.

По разному вышло и с политическими организациями и учреждениями, в которые входили и нанимались добровольно. Если немецкую национал-социалистическую рабочую партию Гитлера и Гестапо (аналог советского НКВД-КГБ) трибунал в Нюрнберге провозгласил преступными организациями, то преступления КПСС и КГБ международный суд не разбирает, а внутри страны их преступными не провозгласили. Вот поныне и твердят, что не все служащие КГБ в чем либо виноваты.

Но из того, что не все пытались подследственных, а иные были лишь секретаршами и машинистками, не следует, что девушки безгрешны. В коллективе конторы или банды люди выполняют разные части общего дела, но дело-то общее, и все за него отвечают, хоть и в разной степени. Если человек, работая в КГБ или Гестапо, никого дополнительно не терзал и на смерть не слал, его грех соучастия можно и простить. Но все же только если он сам грех осознал и в нем покался. А у нас отказ от люстрации стал отказом от раскаяния виновных, они и продолжали действовать, как привыкли, продолжали свои карьеры, отчего новый правящий класс и состоит в основном из молодой поросли прежнего, а новая Россия осталась Советским Союзом, лишь немного уменьшившимся, и ныне пытающимся восстановиться полностью.

Выступив против старой номенклатуры, более молодая не брала во внимание, что у советской власти были не только холопы, но и сознательные противники, и было их куда больше, чем отважившихся стать диссидентами. Но молодая номенклатура, при всем своем стремлении выглядеть иной и сперва не выказывавшая пещерных привычек, не на этих людей, впрямь хотевших другой жизни, ориентировалась, а на привычный ей порядок. И Россия ныне расплачивается за цинизм ее целесообразности. Но лишь сознавая все это, можно верно оценить нынешние шаги Александра Лебедева.

Он из молодой поросли, неглупый, образованный, способный. Такие люди в КГБ были. Но Лебедев не из числа тех, кто, поняв куда попали, отрекались от КГБ, уходили, убегали, платили за это своей жизнью. Были ведь и такие. Известная формула: «бывших чекистов не бывает», справедлива для большинства, но бывают и исключения. Лебедев не исключение. Он стал бизнесменом, видимо, весьма успешным. Если его «первоначальное накопление» не свелось к получению от казны изрядной суммы на обзаведение. Ему в заслугу ставят покупку «Новой газеты», служащей уже едва ли не единственным знаком того, что свобода в России еще не до конца уничтожена. Такие витрины свободы временами допускались и в СССР, - к примеру, «Новый мир» с Твардовским. Честные люди и раньше ими пользовались. Но нет оснований сказать, что купив у коллектива издания половину газеты, Лебедев расширил возможности ее свободы. Постоянные читатели видят, что они сократились и продолжают сокращаться.

Свою службу в КГБ Лебедев рисует безгрешной: читал газеты, писал отчеты. И за это получил чин полковника! А все знают его коллегу, который служил в ГДР, поддерживая контакты с агентами в ФРГ, и не одними отчетами пробавляясь, а дальше подполковника не продвинулся. Лебедев не только не раскаялся, но скрывает былые заслуги.

Существенно еще одно. В СССР и речи не могло быть о московском издании, принадлежащем англичанину. Даже британская печать была недоступна. Во время войны дозволили ввозить газету «Британский союзник» на русском языке. Поздней – журнал «Англия». Доставать их было затруднительно. После 1985 на контакты с иностранцами смотрели сквозь пальцы, но демократическая Россия запрет возродила, однако, оформив юридически. Новый закон, если не прикрыл

неправительственные организации, получающие поддержку из-за рубежа, то почти лишил возможности работать. Вздумай богатый англичанин купить московскую «Вечерку» - отказали бы на законном основании. Но Лебедев не счел нужным хоть как-то это различие оговорить. А в Британии российские издания даже в холодную войну не ограничивали и передачи советского нововещания не глушили.

Отступать от великой английской традиции свободы слова было бы безумием. К несчастью, к этому идет. Лондонская полиция непустила в страну гражданина Евросоюза Вилдерса, приглашенного обсудить его пятнадцатиминутный фильм в палате лордов, то есть, силой ограничила парламент в праве разобраться. А нет сомнения, что его подавляющее большинство вполне способно внятно объяснить господину Вилдерсу, что его попытка свести к корану, существующему почти полтора тысячелетия, преступные действия мусульманских организаций, на него ссылающихся, несостоятельна, и на приведенные им цитаты можно там же, в коране, найти противоположные по смыслу. А так, глядишь, многие поверят, что Вилдерс прав и все зло в коране.

Нет причин бояться и русских изданий и голосов. Нынче в Британии работает не одно, и не два русских издания и радиостанции, и никакой беды в их существовании нет, даже если их делают не беглецы, гонимые российской властью, а люди открыто с ней связанные. Беда лишь в том, что эти издания выдают себя за британские, скрывают от чьего имени говорят, чью точку зрения проводят. Скажи Лебедев, даже не раскаявшись в гэбистском прошлом, что он купил газету, чтобы продвигать взгляды российской власти, никаких причин ему мешать бы не было, и ничего худого бы не вышло. Тем более, что лишь малолетки могут подумать, что господин Лебедев купил газету в Лондоне без соизволения высших российских властей. А почти одновременно вечернюю газету в Париже купил другой русский богач - Пугачев. Ведомство российской пропаганды любит, оказывается, вечерние газеты.

Бог весть, что там в Париже, но нынешние объяснения Лебедева в Лондоне побуждают вспоминать его прошлое и сомневаться в его праве издавать английскую газету. Я бы советовал ему подарить приобретенное издание бывшему коллеге, господину Путину, два года назад в Мюнхене блестяще показавшему миру способность быть откровенным. И если эти свои искренние чувства, не заслоненные его недавней речью в Давосе, он внушит назначенной им редакции русского издания на английском языке, оно принесет Британии несомненную пользу, служа, как и сама мюнхенская речь, просветлению умов. А Лебедев, возможно, хороший разведчик, да слаб, как пропагандист. Но, если хочешь убедить людей, имеющих и другие источники информации, не начинай со лжи. Хоть притворись для начала откровенным.

Чеченизация чего? 1.3.2009

Знающих про закон, которым российские власти, вопреки мораторию на смертную казнь, взяли себе право без суда убивать за рубежом иностранных граждан, не говоря о своих, убийство в Вене очередного чеченца не удивляет. Но то, что Кадыров зовет Ахмеда

Закаева в Чечню для участия в ее возрождении, а люди ФСБ в то же время настаивают, чтобы Британия его выдала, - все же странно. И странно, что сотрудник президента-юриста допустил возможность амнистии Закаева, если тот докажет, что невиновен, хотя амнистируют как раз виновных, а невиновных оправдывают. Возражения и оговорки Москвы явно ставят чеченизацию войны под сомнение.

Чеченизацию, но не войны, не вдруг начавшейся, а самой Чечни, затеял генерал Дудаев. Он хотел, в общем, того же, чего бывший секретарь Татарского обкома КПСС Шаймиев, то есть, чтобы местные дела решались на месте. Возможно, ввиду многострадальной истории чеченцев, Дудаев говорил прямо. Но едва ли, прослужив жизнь в Советской Армии, он хотел с ней воевать. Тем более, что и в 1994 году было ясно, что военного решения чеченской проблемы нет, как не было его у прибалтийских, закавказских, среднеазиатских или украинской проблем. Даже союзные республики имели шанс на независимость лишь с согласия РСФСР, тем более автономные. Опытный Шаймиев действовал тонко, да и татары в России - второй по численности народ после русских, и депортации не подвергались (депортировались крымские татары, - это другой народ), а чеченцев – меньше миллиона, они были в РСФСР по численности седьмые, если не девятые, и генерал говорил начистоту.

Ельцин, звавший перед тем брать столько независимости, сколько проглотят, не хотел, чтобы его демократическое слово стало делом, и в конце 1994 по четырехвековой традиции предпочел войну. Генералов у него хватало, от Рохлина до Шаманова, тут и Квашнин, и Казанцев и Куликов. Они убивали «чеченов» почем зря, убили и коллегу - Дудаева, а «элита», от заводилы Шахрая до прослывшего либералом Чубайса, ликовала и уверяла, что в Чечне возрождается наша армия. Но чеченцы оказали сопротивление. Прошла Первая Чеченская, пошла Вторая Чеченская, уже при Путине.

Он, хоть и не сразу, а тоже перебив немало народа, по ходу реставрации советских порядков вспомнил сталинскую национальную политику, и смекнул, что пока чеченцев пасут Шамановы да Будановы, война не кончится, и посадил президентом Ахмата Кадырова, потом Рамзана, и как бы уже не русские воевали с чеченцами, а чеченцы меж собой. Было, конечно, не так, но смотрелось так: Путин утихомирил Чечню, вроде победил. Но ради этого Рамзан Кадыров получил непомерную власть, и вышло не совсем по Сталину. У него соль национальной политики была в том, чтобы чеченцы, латыши, узбеки, где кому положено, впрямь заняли парадные места в республиках, но знали свое место и реальной власти не перечили. А у Рамзана власти больше, и он резвится.

Западная советология, проглядевшая путь СССР к распаду, судила о реальной жизни по идеологическим формулам. Несответствия объясняли ошибками вождей, «культом личности Сталина». Советология не допускала, чтобы Ленин и, тем более, Сталин создавали вовсе не марксистскую утопию, а совсем иной общественный строй, прикрытый имитациями. Верховные и местные советы с выборами из одного имитировали гражданскую власть, автономии – равноправие наций. Но все

хорошо знали, что власть у райкомов, обкомов, ЦК, к формированию которых граждане не причастны. А национальные лица автономий Москва лепила, как национальные по форме, социалистические по содержанию.

В перестройку цели и планы советской власти вылезли наружу. Их выболтали идеологи сменявшей ее нео-советской власти. Популярнейший Жириновский, о котором говорили, что у него на языке то, что у Кремля на уме, потребовал поделить страну на губернии без национальных автономий. Шамановы и Будановы так и понимали дело, за это и сражались, но Путин, видя, что из-за них сопротивление растет, вернулся к «чеченизации». В отличие от дудаевской, всамделишной, она тоже мыслилась, как имитация, с вице-президентом или вторым секретарем Будановым. Но этого Путин то ли не успел, то ли не сумел, чем внес смуту в умы.

Позирование Рамзана в роли национального лидера впечатляет. Иные готовы видеть в нем реинкарнацию Дудаева или Масхадова. В ходу слухи, что Масхадов и сам искал согласия с Москвой и даже в 2004 году, из подполья, непрерывно туда звонил. Бог знает про звонки, но, заключая сперва с Лебедем, а потом с Ельциным, договор, Масхадов впрямь хотел согласия. Ничего не вышло потому, что он хотел соглашения, а Ельцин – подчинения, и снова спустил генералов. Возобновилось и сопротивление. А Путин создал видимость, что чеченцы могут быть в Чечне полноправными, и нужды в сопротивлении нет. Рамзан даже его нынешнего лидера Ахмеда Закаева зовет домой. Но московские требования его выдать и наказать явно портят дело. Почему же они звучат? Не без ведома же Путина.

Общепризнано, что чеченцы ныне расколоты, одни готовы смириться с Кадыровым, другие хотят не имитации, а реально соблюдаемого самоуправления, как Закаев, а третьи тянутся к исламскому знамени, как Умаров, провозгласивший Эмират, в котором Чечня мыслится не национально самостоятельной, а вилайетом обще-мусульманского государства, как прежде «автономией» социалистического. Его ваххабитский дух не очень-то в традициях Чечни, ваххабизм там воспарил в ходе войны и подпитывался из-за рубежа, - кто говорит, из арабских стран, а кто, - при содействии России, которой выгодно выдать национально-освободительное движение за религиозный фанатизм, жаждущий террора, страшщего после 9/11 весь западный мир. А за Кадыровым покамест не то что не выдать Буданова, но он сам осуждает его досрочное освобождение, и этим крепит свой авторитет.

Квислинг был ужасен для Норвегии, но немецкий генерал-губернатор был для Польши еще хуже. Трудно осуждать чеченцев, замученных многолетней войной, за предпочтение Квислинга-Кадырова очередному российскому генералу. Он вроде преуспел, и отчего бы за его спиной уже не стоять российскому руководящему помощнику, которым не обязательно ведь назначать известного Буданова. Есть и другие, которых не обвиняли в изнасиловании. Но вполне овладеть ролью собирателя чеченцев и хранителя национальных традиций, Кадырову явно мешает наличие правительства в изгнании, стоящего за равноправные договоренности с Россией. Самим своим существованием Закаев, как некогда Сикорский и

Миколайчик Польше, напоминает Чечне, пусть даже чисто символически, о реальностях самоуправления. Зовя его вернуться, Кадыров решает важную для себя и для Путина политическую задачу.

Неужто московские офицеры ФСБ со своими репликами этого не понимают? Им-то зачем мешать Путину? И куда он сам смотрит, контролируя ФСБ? В таких ситуациях и видно, что авторитарный режим не сводится к дурной или даже доброй воле правящей личности, Путина, Ельцина, Сталина. Не то что они не при чем, но, возглавляя советский или нео-советский порядок, они исходят не просто из личной злобы или своего доброго сердца, но сообразуют действия с разными слоями правящего класса, поддерживая то один, то другой, то третий, а то и несколько враждебных друг другу разом. В поддержании сговора меж ними, нередко пагубного для страны, и состоит логика авторитарной власти. И никакое «разоблачение культа личности» Сталина или Путина, не меняет командное жизнеустройство. Командиры меняются, порядок остается. А менять надо порядок.

Шестьдесят пять лет назад считалось, что чеченцев и других сгоняют с земли и высылят на смерть за поддержку гитлеровцев. Этому противопостояло тогда в уме, а после смерти Сталина и вслух, сознание, что не все сотрудничали, что не бывает коллективной вины, падающей на грудных младенцев, и если кого-то впрямь надо наказать, нельзя наказывать весь народ. Но советская власть мыслила народами, не снисходя к единицам. Чеченцев и родственников им ингушей, равно как карачаевцев и родственников им балкарцев, или немцев Поволжья, до мест проживания которых немецкая армия не дошла, изгнали. А с другими, среди которых тоже ведь попадались сотрудничавшие с гитлеровцами, власть вела себя иначе, и родственников меж собой кабардинцев, черкесов и адыгейцев, а также осетин, наказывала по персональным обвинениям. Эстонцев, которых не сильно больше, чем чеченцев, или украинцев выслали во множестве, но не весь народ целиком. Генерала Власова и его поделщиков казнили, но не додумались винить весь русский народ в предательстве, хотя Русская Освободительная Армия Власова была, кажется, единственной национальной армией, воевавшей против отечества. Коллективно не наказали ни румын, ни венгров, воевавших на стороне Гитлера, ни даже немцев. Эта избирательность примечательна.

Мы не знаем почему одни народы подвергали наказанию коллективно, а в других наказывали персонально виноватых. Возможно, ход мысли Сталина скрылся в его личном архиве, возможно, его уже и не узнать. Но сама эта избирательность правосудия, повседневно практикуемая российскими судами, обращенная без суда к массам людей, на расистской ли, религиозной ли, классовой ли, или другой почве, - явление угрожающее. Каковы бы ни были конкретные причины, побудившие Сталина и прочих к такой избирательности, практиковать ее в подобных масштабах могла лишь ничем не ограниченная имперская абсолютная власть.

Возможно, народы сгоняли ради заселения их земли другими, как сгоняли в Судане и прочих африканских странах. Или, наоборот, хотели ими заселить неосвоенные земли. Причины, толкавшие убивать одних и оставлять других, темны. Но еще важней, чем выявить исток таких

позывов, понять, что там, где правит авторитарная, тоталитарная, имперская власть, от подобных акций нет никаких гарантий никому. Потому народы и задумываются ныне о своих местах в геополитике, потому и рвутся в НАТО. Расхождения в Чечне – дело обыкновенное, и в России, и в Европе, и в Америке, граждане, сообразно с внутренней жизнью и внешними влияниями, клонятся к разным позициям. Но после 1944 и 1994, от ориентации на ту или иную из трех действующих в Чечне сил зависит сама возможность народа уцелеть, что придает такому выбору остроту не в одной Чечне.

Сегодня Чечня обескровлена, замучена войной, и ей естественно желать покоя. Парадокс, однако в том, что капитуляция противников имперского режима, их отказ от мирного политического сопротивления претензиям России на верховенство, в какой бы форме они ни капитулировали, сотрет смыслы альтернатив даже в умах, и Кадыров, если не погибнет «случайно», притихнет и станет обычным советским бюрократом. Пока Москва не признает нерушимые права других и не будет соблюдать их на деле, пока Чечня или любая «автономия» остается колонией, ее судьбу будет определять российская «элита», имперский правящий класс. Наивно ожидать, что предметом его заботы станет чеченский народ, когда им не является и русский, к которому подавляющее большинство «элиты» принадлежит. Пока эта элита не уйдет, и порядок не изменится, новые кремлевские поколения так и будут думать, что генерал Серов, выполняя приказ выселять, и генерал Шаманов, выполняя приказ убивать, были правы, и напомним опять чеченцы о своих правах, начнут и Третью Чеченскую. А во что обходится колониальная политика русским, генералам не интересно, такая у них работа. Но это уже другой разговор.

Победа над кем? 15.3.2009

Сергей Шойгу предложил ввести уголовное наказание за сомнения в победе Советского Союза над нацистской Германией и сажать уличенных в нем иностранных президентов, не то что российских граждан. И сослался, как на прецедент, на уголовное наказание за отрицание холокоста. Вот только отрицающих факт вступления советской армии в Берлин не видать. И журналисты глумились над Шойгу. Но диссидент Александр Скобов зашел с другой стороны и разъяснил, что запрет на отрицание холокоста нарушает свободу слова, а запрет отрицать сталинский террор приведет к террору против его отрицающих. Словом, как французские студенты в 1968 писали на стенах, «Запрещается запрещать!» Но эта полемика обнажила не наивность Шойгу, а единство наших граждан, стоящих по разные стороны баррикады.

Суля аресты зарубежным государственным гостям, министр, конечно, дал маху. Но его коллеги, которым пришлось бы таковых тащить и не пущать, знают, небось, что прибывший с официальным визитом иностранец – лицо неприкосновенное, и, авось, из-за этого ляпа Россия в войну не вляпается. Но отождествление наказания за отрицание достижения с наказанием за отрицание преступления выдало самую суть понятий Шойгу о праве и нравственности, Так мыслит не он один, - и его противники, и сторонники, разницы тоже не видят.

А к достижению и к преступлению от века относились по-разному. Глупо предъявлять претензии Путину за то, что ему не нравились статьи Политковской, это его характеризует, но он в своем праве. Другое дело учинить отдельный суд над подозреваемыми сообщниками ее убийц (а даже это не было доказано), не поймав ни убийц, ни заказчика. Хоть говорят, что убийцы сами из карательных органов, я вполне допускаю, что просто следствие велось пассивно, как всегда в подобных случаях. Но исполнительная власть (а это и Президент, и Премьер, и Генеральный прокурор) виновна в проведении суда без виновников преступления. Это глумление над правосудием. Слава богу, присяжные и судья власти не подыграли. Достижение, даже подвиг, приветствовать не обязательно. Уважение к павшим на войне не обязывает класть цветы на их могилы. Мы делаем это не по обязанности. Но свидетель преступления обязан дать показания, и скрыть, замолчать, отрицать истину - тоже преступление. А ни Шойгу, ни Скобов, не видят различия между победой и холокостом

Конечно, и после суда, и после отклонения кассационной жалобы, правомерно оспаривать приговор, считать обвинение недоказанным. В нашей стране обвинения, вменявшиеся конкретным лицам и организациям часто были сомнительны. Но деяния преступного государства, да еще запрещавшего, пока держит власть, упоминания о них, не то что обвинения, - дело особое. Сменившее его государство, если оно, наконец, правовое, не только вправе, но обязано запретить сокрытие или отрицание государственных преступлений, законным порядком установленных. Особенно содеянных от имени граждан, о согласии не спрошенных.

Когда немецкое демократическое государство вводило наказание за отрицание холокоста, оно учитывало, что виновность в преступлении, совершенном немцами, служившими преступному гитлеровскому государству, (при том правовом сознании, какое бытовало тогда в большей части Европы и мира) могут легко распространить на весь немецкий народ, отнюдь не поголовно виновный. Эту границу и очертил запрет отрицать имевшие место факты, в которых желающие могли убедиться. Закон обязал граждан Германии считаться с тем, что холокост имел место. Этим признанием объективной реальности немецкий народ как бы дал обет не забыть бывшее и никогда больше не позволять государству чинить преступления от его имени. Можно обсуждать, сажать ли отрицателей в тюрьму. Можно, предпочесть не столь жесткое физически, а более позорное наказание. Но закон правомерен, и столь же правомерен был бы запрет отрицать советский террор в СССР. На основе того закона Канцлер Меркель и высказала Папе Римскому, - в прошлом гражданину Германии, - суждение о возврате им в лоно церкви епископа, отрицающего холокост. А Папа мог епископу напомнить, что Христа, сына еврейки, в Гестапо ждала бы участь всех других детей евреек, и, забыв об этом, епископ предал Христа.

Хотя немецкий закон никакие другие исторические факты, кроме единственно этого государственного преступления, из ряда вон выходящего, отрицать не запретил, Александр Скобов указывает, что «Демократическое правовое государство не дает «правовых оценок» истории». Дескать, отношение к отрицателям холокоста – «дело личной

брезгливости каждого отдельного человека. А не уголовного кодекса. И подобные нормы носят антиправовой характер». Вроде бы, впрямь абсурдно судить людей древности по нынешним нормам. Но ни холокост, ни победа, не ушли еще в историю, живы многие участники и свидетели этих событий, влияющих на нынешний день. Шойгу и Скобов, защищают не историю, а подходы к текущей жизни. И стоит их прояснить.

Едва ли не самое примечательное у Скобова – уравнение запрета на отрицание холокоста с запретом на «отрицание того, что земля круглая» и, вообще, научных истин. Кажется, что он исходит из «научного коммунизма». Но тот с наукой не имел ничего общего, разве что с богословием. Наука, устанавливая неведомый факт, не оглядывается, кому он выгоден, и информирует о характере и методе выявившего его эксперимента, который можно повторить. К тому же, установление факта обычно сопряжено с его объяснением. Так обстоит и с фактом, что земля круглая, а не плоская. Нередко факт общепризнан, но объяснений, кроме того, что обычно бывает так, не имеет. Яблоки падали с деревьев задолго до Ньютона, и его закон всемирного тяготения - не констатация факта, но объяснение. Таковы многие научные истины, установленные Коперником, Галилеем, Дарвиным или Эйнштейном. Отрицающий их объяснения, должен дать тем же фактам более адекватные. В науке приходится правоту доказать и подтвердить. Запрет на полемику науку убивает.

А победа СССР – не предмет научной полемики. Уцелели, не говоря о живых свидетелях, тысячи материальных следов взятия Берлина советскими войсками, и самый его факт никто не оспаривает. Но понятие «победа» - политическое, а не научное. Оно включает в себя осмысление не только вступления советских войск в Германию и захваченные ею страны, но и последствий для всех сторон. Осмысление опять же не научное, а политическое. Признание победы, даже только нашей страны, обозначает соответствие не столько факту (как научная истина круглой форме земли или падению яблока), сколько его последствиям. Если есть на то власть, можно сажать любого, кто, даже радуясь поражению гитлеризма, не радуется покорению половины Европы Советским Союзом, как прежде у нас беспрепятственно сажали и за другие отклонения от «научного коммунизма». Шойгу просто предлагает опять сажать за политику.

А запрет на отрицание холокоста, не только не посягает на научную мысль, но и политики, по существу, не касается. Запрещено лишь отрицание одного, даром, что многократно повторявшегося, факта. Закон не требует его осуждения, не запрещает любые его объяснения, и не предусматривает кары за хвалы ему. Он карает лишь за отрицание того, что определенная категория лиц в нацистской Германии и на захваченных ею территориях подвергалась поголовному уничтожению, достигшему миллионных масштабов. Это было установлено многочисленными расследованиями и юридически подтверждено в судебном порядке. Нет в законе речи и о последствиях, даже о главном последствии холокоста – возникновении государства Израиль. И ведь даже многие арабские деятели, отрицающие право Израиля на существование, холокост не отрицают, лишь числят его сугубо европейским делом, к которому арабы не причастны.

Разумеется, будь обнаружены неведомые прежде обстоятельства, будь установлено, скажем, что вовсе не СС и другие гитлеровские отряды занимались уничтожением евреев и цыган, а, допустим, американские морские пехотинцы и советские десантники, захватив территорию Освенцима и Трешлинки, сгоняли туда на смерть людей со всей оккупированной Гитлером Европы, или, скажем, открылось бы, что там убивали вовсе не евреев, не цыган, а, допустим, школьных учителей, наверняка «по вновь открывшимся обстоятельствам» закон бы пересмотрели, поскольку он касается исключительно эмпирического факта, того, что яблоки падают с деревьев, оставляя политикам и ученым это объяснять. А отрицатели холокоста, бессильные опровергнуть факты, норовят их заглушить утверждениями, что «этого не было, потому что не может быть никогда», то есть, пропагандой, выгораживающей гитлеровцев, а вовсе не исследованиями, как внушает своим сравнением Скобов.

Он несомненно искренне защищает демократические ценности и права, настаивая, что «демократия предполагает, что права человека гарантированы всем, в том числе и тем, кто эти права отрицает, а не только «демократам». Пока речь идет о людях и даже организациях, отступления от этого принципа впрямь сводят демократию на нет. Но он закрывает глаза на проблему, возникающую там, где от организаций и людей он идет к отношениям с государством, и судит о нем.

Даже самый страстный государственник, Гоббс, назвал свою книгу во славу государства именем библейского чудовища «Левифан». Государство необходимо для защиты мира и безопасности. Сложность современной жизни не вынесет анархии. Отрицать нужду в государстве абсурдно. Но столь же абсурдно забыть, что государство это чудовище, в котором живы угрозы, не слабей угроз анархии. Либеральное правовое государство их отчасти, хоть не всегда и не во всем, умеряет. Но таких мало. Советский Союз и нацистская Германия были не только не правовыми, но преступными чудовищами. И стоит спросить, распространяются ли на чудовищ права человека?

Они безусловно распространяются на людей в них живших и даже им служивших, но не на сами государства и их органы. Не личная была затея устроить вселенский погром холокоста! И не просто личными были другие преступления национал-социалистического режима. И советский режим зря валил свои бесчисленные преступления на одного Сталина. Сталин, конечно, был, и преступник, и палач, но ему служили, и советское государство, и коммунистическая партия и НКВД-КГБ. Можно ли создать правовые государства на месте коммунистического и нацистского, если, следуя презумпции невиновности, счесть безгрешными не только людей живших в тех государствах, что, конечно, до суда обязательно, но счесть безгрешными сами эти государства и их институты? Законно ли утаивать, замалчивать, отрицать их преступления? Да еще пугая, что их выявление грозит новым террором! Опыт показал, что в Германии запрет на отрицание холокоста не привел к строительству новых газовых камер для его отрицателей и, тем более, ни для кого другого. И мы вправе сегодня воспринимать Германию, как правовое либеральное государство, не хуже других.

А официальная Россия, провозглашенная не советской, не коммунистической, действуя по Скобову, закрыла глаза на преступления советского государства. Добро бы, дело ограничилось забвением преступлений отдельных лиц, которых, в конце концов, ради мира и согласия в стране, можно и амнистировать. Но не были приняты никакие запреты на отрицание государственных преступлений СССР, тоже совершенных от имени народа. Вот их в нео-советской России уже и оправдывают и даже восхваляют.

И коллективизацию. И великий террор. И то, что увлекшись играми с Гитлером, Сталин, напоказ только и занятый, что обороной страны, встретил агрессора, за здоровье которого незадолго перед тем поднимал бокал, неподготовленным и дал ему дойти до Волги, что при всяком другом режиме справедливо сочли бы изменой родине. И, конечно, массовые выселения целых народов, по образу и подобию холокоста, хоть и без подобной техники. А ныне вдобавок безнаказанные убийства нежелательных лиц, уже не в подвалах Лубянки, а в подъезде или на улице.

Скобов пугает, что, прими Россия запрет на отрицание советских преступлений, «путинские прокуроры, следователи и судьи будут вменять обвиняемым «косвенное оправдание массовых репрессий», и «людей будут сажать «за отрицание преступного характера большевистского режима». Дескать, «в стране с глубоко укоренившейся привычкой к насилию над политическими оппонентами» само осуждение таких «оппонентов», сам запрет на восхваление их преступлений, стали бы «спусковым механизмом» для новых преступлений, противоположной политической направленности. Словно у нас не сажают без закона и вопреки ему. Словно своим примером наш вождь и учитель не показал, что политический преступник всегда найдет спусковой механизм. Но нет запрета на отрицание былых преступлений, и, как видим, былой режим в почете, а Сталин – чуть не первый человек России.

Скобов защищает право отрицать преступления, Шойгу - неприкосновенность преступного государства. Говоря как бы разное, они совпадают, и это не так смешно, как кажется. Министр знает, что люди, отрицающие победу над Германией в нашей стране найдутся разве что в самом младшем поколении, но их, бедных, так учат, и многие из них не знают даже о главной победе России, сделавшей ее полностью независимой, о великом ноябрьском стоянии на Угре в 1480 году. от которого наша независимость уже шестой век непрерывна. Но как винить молодых, если власть, зная, когда хан Ахмет отступил и ушел навсегда, провозгласила днем России не этот день, а годовщину более поздней стычки с поляками, какими ни есть европейцами, предпочтя считать их главными врагами. Не то ведь пришлось бы и русских признать европейцами, как оно на деле и есть. А не хотят.

Хитрость Шойгу в том, что защищая неоспоримый факт победы, он не входит в то, кого и что мы победили, и хочет навязать восприятие Дня победы над Германией, как он официально и именовался в советских календарях, в качестве Дня победы над фашизмом, как даже либеральная партия «Яблоко» его именуется в своих предложениях официально осудить

советские преступления. Скобов эти предложения отверг, а утверждения, что мы победили фашизм, не оспорил. Но СССР не победил фашизм, не мог его победить потому, что и наша страна была фашистской, и правившая партия, тогда ВКП (б), потом КПСС, была фашистской, хоть звалась не так, но и гитлеровская звалась не так, она звалась национал-социалистическая рабочая партия Германии. У нас ее звали и еще зовут фашистской, сперва, чтобы не напоминать, что и она социалистическая и рабочая, а уже после победы, когда и КПСС становилась все более шовинистической, не показать, что и в этом они схожи. Но победа одного фашистского государства над другим – это не победа над фашизмом.

Да и чувства советских граждан в день победы не так просты, чтобы всем радоваться одинаково. Не буду скрывать, я радовался, и не забуду этот день. Я стоял вечером на Манежной площади, еще не изгаженной Лужковым, - во время салюта десятки прожекторов стремили свет вертикально, образуя классическую колонаду под звездным небом, на котором полыхали знамена. А люди вокруг молчали. Уже виделись картины того, что Сталин и партия, ощутив вкус победы, учинят, и вскоре впрямь учинили. Война - особый период советской жизни. Видевший, - хоть в детстве, но оттого было еще страшней, - коллективизацию, слушавший по детекторному приемнику суды над бывшими вождями, не мог не опасаться советского государства-чудища, и только в войну явились чувства, которые с этим государством совпадали, горечь от поражений, радость от побед, и страстное желание победы. День победы был венцом этого совпадения чувств и последним его днем. Но радость была безмерна.

Поздней мне попались написанные тогда стихи Эренбурга

Я ждал ее, как можно ждать любя,

Я знал ее, как можно знать себя,

Я звал ее в крови, в грязи, в печали.

И час настал – закончилась война.

Я шел домой. Навстречу шла она,

И мы друг друга не узнали.

Меня удивило отсутствие в них буйной радости, которая во мне затихала лишь с продвижением вместе с молчаливой толпой от Манежа вверх по Тверской к Ленинградскому шоссе, где я жил. Я понял, что неизбежность, и продолжения поворота, заслоненного внешнему миру войной, Эренбург ощутил, раньше меня, совсем тогда юного. Но поворот, начавшийся уже в 1918 году, в первые месяцы после революции, продолжался. Происходившее в стране и проделываемое преступным советским государством за рубежом не слишком отвечало надеждам на победу.

Если почти через полвека уход нашей оккупационной армии радовал эстонцев или поляков больше, чем уход немецкой, так ведь потому, что

никакая другая им себя вместо нее не навязывала. Вот и не стоит навязывать им праздник, который мы, стоявшие в тот день на Манежной, помним и празднуем, - мы были счастливы остаться при отечественных тиранах, понимая, что оккупанты еще хуже. А потом и у нас победа была не всем очевидна. Независимость страны уцелела, но уцелели и прежние порядки, обрекшие каждого на круговую зависимость, а страну в целом на отставание во всем, кроме самоубийственного оружия, и на нищету при падении спроса на российское сырье, в восьмидесятые надломившем СССР.

Что спрашивать с Сергея Шойгу? Он – член правительства, продолжающего преступления Ленина - Сталина – Брежнева, которые,- не в пример праздникам,- оно замалчивает и отрицает сообразно благословию диссидента Александра Скобова. Но и не с него ведь спрашивать! Так и живем.

О праве русских на самоопределение. 31.3.2009

Спросив, разделяют ли слушатели призыв Движения против иностранных рабочих: «Россия для русских», радиостанция «Эхо Москвы» получила 75% «нет», но почти 25% «да». Это «да», при нынешнем сокращении населения, особенно мужского, сулит нехватку дешевой рабочей силы. Но его триумфальный успех, - 25% на канале, слывшем либеральным и западничским, - не от избытка глупости или нехватки патриотизма. Такой уродливо-агрессивный вид у нас обрело национальное самосознание.

Россия осталась единственной империей в мире, но странное положение в ней русских все еще не осознано. Ряженных либералов не занимают национальные проблемы русских. Ряженым патриотам было мало таджикской девочки, убили и русского адвоката, представлявшего «инородцев». Но стодвадцатимиллионный народ, от имени которого они говорят, это не только псевдо-либералы и псевдо-патриоты.

Империя прежде была не только у России, но и у Британии, Испании, Франции, Голландии, Португалии и других, но там колонии считали владениями, а не частями метрополии. Английская колония в Америке «Новая Англия» была частью не Англии, но Британской империи. Аргентина не была частью Испании, а Сенегал - Франции, но лишь Испанской и Французской империй. А после Ивана III, утвердившего независимость Руси, и его сына Василия III, завершившего объединение русских земель, русское государство вбирало покоренные земли в себя и слыло единой разросшейся страной, а не подчинившей себе другие.

И в Испании, и в Британии, и везде, имело место социальное расслоение, доходы от колоний шли не всем. Но, кажется, только в Российской империи большинство русских, титульного народа, жило не лучше покоренных. Русские господа сложили империю иначе, нежели западные, обратив ради нее титульный народ в рабство. И за крепостническую империю русские отдали национальное самоопределение.

Испанская империя, подобно Российской феодальная, но не крепостническая, распалась уже в начале XIX века. От буржуазной Британской, державшейся дольше, уже в XVIII отпали Соединенные Штаты, а потом и другие. Но детище крепостнической феодальной реакции, Российская, противилась капитализму, будившему национальное сознание и метрополий, и колоний (он родился не глобальным), а продажа русскими господами русских крестьян тоже уводила от национального самоопределения, а не влекла к нему. Его подменяли единством империи, которой русский народ владел номинально, в большинстве будучи «крещеной собственностью» тех же русских господ, что и некрещенные колониальные народы. Крепостное право и право на самоопределение обнаружили несовместимость.

Освобождение крестьян, поощрив развитие капитализма, перевернуло ситуацию. Уже общинный идеал народничества возрождал национальные мотивы. Их жаждал и национальный рынок. При Александре III и Николае II просвещение и культура тянутся к национальным традициям, включавшим и традицию попиранья «инородцев». Но империя дворянской «элиты» становилась страной «широких масс», и, казалось, грядет самоопределение. Капитализм напоминал, что империя - не национальное государство, а широкие массы не только русские. Территории «инородцев», тоже тянулись к самоопределению, но и они его не обрели, и к 1917 году национальные проблемы по остроте догнали социальные.

Временное правительство сняло этнические и религиозные преграды равноправия, и советская власть сперва их не возрождала. Но хозяйством, отвергшим капитализм, правил единый имперский центр, и ни автономные, ни союзные республики, внутри СССР не были экономически самостоятельны. А Русскую республику и вовсе не создали, лишь Российскую федерацию, включавшую наряду с автономиями, разобщенные русские области и края.

Ленин и Сталин, по сути, возобновили времена последних двух царей. Не дав русским формальной государственности в собственной республике, их зато наделили, и внутри РСФСР, и внутри СССР, званием «первых среди равных», числили, как некогда, обще-имперским народом, олицетворявшим СССР в целом, высшим над прочими. Запись в паспорте «русский» давала преимущества уже при поступлении на работу. Анкета нередко хотела русского происхождения обоих родителей, даже дедов и бабок. Этническая принадлежность облегчала путь в правящий класс. За двадцать лет с 1918, за одно поколение после революции, его преобразили. Сперва туда впускали выходцев из всех неполноправных народов, а за двадцать лет даже коммунистов, свершавших в республиках революцию, изъяли. «Инородцев» теперь ставили «для красоты», а фактически руководили русские.

Кувырок коммунизма от идеала «отмирания государства» к всеильной и всепроникающей его диктатуре - еще не самый крутой. Под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» запросто перешли к рассадке по национальному достоинству и выяснению, кто в очереди равных первый, кто последний. Анкетную графу «национальность», всюду в мире идентичную «гражданству», порой с учетом культурной принадлежности, в

наших официальных бумагах часто в скобках поясняли, как «народность», то есть, этническую принадлежность, разумея и расовую. Возникали недоразумения с тем, кого считать русским. Абсурд расовой квалификации большого народа разнообразного происхождения, отнюдь не сводимого к славянскому типу, ощущали издавна, и до революции знаком было принятие православия. Но основатель эмбриологии Карл Бэр и без этого числится великим русским ученым, а с певцом русского пейзажа Исааком Левитаном оставалась двусмысленность. Революция сняла религиозные знаки, и шовинизм постепенно стал откровенней. Целые народы поголовно выселялись. Воскрес государственный антисемитизм, Царило национальное неравенство.

Однако, этот коммунистический русский шовинизм, - лишь одна сторона трагического советского парадокса. Другая возвращает к первым царям, Грозному, Годунову, Романовым, к закреплению русского крестьянства. В 1929-1933 годах «коллективизация» закрепила его наново и не менее жестко, чем встарину. Конечно, закрепощали не одних русских, но, при отсутствии своей национальной республики, руководству которой так или иначе приходится озиаться на образующий ее народ, разорение русских крестьян шло сперва безогляднее, чем остальных, добитых потом. А главное, уничтожение русского крестьянства, как класса, шло параллельно этнической зачистке общего для СССР правящего класса. Русский шовинизм номенклатуры прикрывал ее растущее социальное противостояние колхозно-крепостным русским мужикам. Советский национализм уникален этим открытым пренебрежением тяготами и нуждами собственной нации. Коллективизация тоже была гражданской войной, тем более жестокой, что для подавления и изгнания из родных мест миллионов крестьян номенклатура и оружие применяла. Сталин охотно брал выходцев из крестьян в правящий класс, но им надлежало порвать всякую связь с сосланными родителями, братьями и сестрами. Таких были миллионы, и это не могло не сказаться на сознании и нравственности. Номенклатурщики, чванясь, что они русские, отпихивая лишних, лезших вверх «инородцев», тем злее давили рядовых русских, даже родню.

Коллективизация перечеркнула не только освободительное движение, но и русское национальное самоопределение. Однако, и с марксистской утопией, под флагом которой шла Октябрьская революция, она имела мало общего. Беря власть, большевики сами не вполне еще понимали, что устроят. Обнаружилось, что успех НЭПа грозит лишить их власти. И, вопреки успеху, НЭП прикрыли и установили, по образцу военного коммунизма, еще невиданный режим, в котором для государства ничто уже не было недозволенным, и довели Россию, некогда житницу Европы, до голода.

В отличие от традиционно раздробленного феодализма советский абсолютизм, как жесткая партийно-государственная вертикаль, управлял, и государственными заводами, и якобы самостоятельными колхозами, куда согнали крестьян. Они стали частями всесоюзного хозяйства, уподобленного, по мысли Ленина, единой монопольной корпорации. Еще на Десятом съезде партии, учредившем НЭП, Ленин провел резолюцию о единстве партии, правившей этой корпорацией, никогда не отмененную.

Партия большевиков стала не дискуссионным клубом, а подобием религиозного ордена с земными богами. Идеологию переправляли, но непреложные решения верхов спускали как стандарты единомыслия, оправдывавшие насилие, которым держался советский строй.

Единство было не только идейно-политическим, оно абсолютизировало волюнтаристское, внеэкономическое, ведение хозяйства. В соревновании разных начал и людей партия и государство были высшими судьями, различавшими объективную реальность разве что при оценке нового оружия, и то не всегда. Номинальным единством прикрывалось и разделение русского народа на покорных крепостных колхозников и номенклатуру партии коллективных крепостников. Единство стало синонимом покорности, и вскоре закрепостило не только крестьян, но всех трудящихся.

С тридцатых годов внушая русским, что они при этом принадлежат к более высокой категории, чем прочие, коммунисты переосмыслили главный лозунг марксистской утопии «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», объявив, что соединиться надлежит не вокруг наиболее развитых стран, как считал первоучитель Маркс, а под водительством СССР, пусть менее развитого экономически и технически, но с образцовым социальным порядком. Когда же этот порядок разорился, и союзные республики отпали от РСФСР, девиз имперской легенды «Россия - первая среди равных» зазвучал как «Россия для русских».

Бывшую РСФСР стали изображать национальным русским государством, плодом самоопределения, но ее устройство осталось имперским, и среди ее республик по-прежнему нет русской, объединяющей русские области и края, занимающие, без внутренних ино-национальных округов, лишь 42.21% территории страны, и даже с ними 66.77%. Треть России – это национальные автономные республики. Русских в России уже не едва половина, как в СССР, а 82%, но нерусские большей частью живут не в рассеянии, а в местах исторического обитания. А жители русской части страны по-прежнему не объединены и не строят свои отношения с ее нерусской частью сообща. Многонациональной Россией по-прежнему правит вертикаль, выборы проходят вопреки закону, а власть субъектов так называемой федерации ставят выше. Немалая часть казенных производств передана в якобы частные руки, действующие, однако, по наводкам чиновников. Но русский народ, если не считать тысячных скоплений людей на улицах городов 19-21 августа 1991 года, когда в Москву ввели танки, в ответ на пертурбации власти безмолвствует.

Открытая полемика, в той мере в какой она, вообще, имеет место, обходит реальные причины безмолвия, по-разному клоня к тому, что, дескать, русский народ безразличен к политике в силу национальных особенностей. Но голоса этого пестрого хора искажают истину. В культуре и образе жизни русского народа с его тысячелетней историей, равно как польского, итальянского, английского, немецкого, испанского, французского и других, есть, конечно, отличия от остальных. Но это не причина отвлекаться от куда большего, чем отличия, сходства и общности европейских и христианских народов. Схожи и хозяйственные задачи, перед ними стоявшие. Нелепо приписывать русскому и любому народу

неспособность к тому или иному типу хозяйства или культуры, и выдавать эту способность за добродетель.

Восторженному унижению русский народ подвергали и прежде, силясь примирить с крепостничеством собственную душу. Один из величайших наших поэтов Тютчев тоже писал:

Не поймет и не заметит

Гордый взор иноплеменный,

Что сквозит и тайно светит

В наготе твоей смиренной.

И внушал себе, что смирение перед рабством оттого, что

Удрученный ношей крестной,

Всю тебя, земля родная,

В рабском виде царь небесный

Исходил благославляя.

А и сам Иисус из Назарета рабом никогда и нигде не был, и христианство стало в античном мире антитезой рабства и залогом его преодоления, чем, увы, не стало на Руси.

Эти два политических четверостишья охотно цитируют поныне, но реже вспоминают гениальное первое:

Эти бедные селенья,

Эта скудная природа –

Край родной долготерпенья,

Край ты русского народа!,

вперед открывшее суть того, чему поэт не назвал реального объяснения. Краем родным долготерпенья, то есть, родиной долготерпенья, стал край русского народа, которому выпало особенно тяжело терпеть, терпеть дольше, да и больше, чем другим европейским. Отчего же так? Конечно, скудная природа, хоть стихи писаны не под Питером, а в бытность поэта в черноземной Орловской губернии. Уж бедные селенья тут не природой вызваны, а крепостным правом, которое вскоре отменит уже полгода как севший на трон Александр II. Стихи написаны перед падением Севастополя, и поэт знает, к чему привело смирение перед рабством, которое уже в 1859 надо отменять. А хвалы смирению и рабству звучат поныне.

Уверяют, что русский народ не ищет политических перемен, не глядит на Запад, огулом обозначающий у нас разные европейские культуры, отличные одна от другой не меньше, чем от русской, но все приведшие

свое устройство, и экономическое, и политическое, в соответствии с нуждой в развитии страны и благоденствии граждан. А русский народ учат и дальше не поддаваться их примеру. Не берут в толк, что тянут отечество к новым поражениям, страшной Крымского. И не оттого, что президент, премьер-министр и все державные люди – «изменники родины», как они кличут несогласных. Они верят в силу, полагая, что она держится лишь качеством оружия, не помня неудач Финской войны в 1940 и Афганской в 1980, забыв, отчего мы в Отечественных войнах, и в 1812-15, и в 1941-45, сперва проиграли, а победили лишь потом.

Наша история – это история побед, не так над врагами, - редко нападавшими, чаще оборонявшимися, - как над своим народом. Она и учила долготерпению, из-за нее и такая «особенность» русского народа, как живая сметка, ум, развитый в полтысячелетнем долготерпении. За битого двух небитых дают. Чем сетовать на пассивность народа, лучше вспомнить август 1991. И сразу вспомнить, чем четыре месяца спустя Ельцин ответил на поддержку и доверие.

Народ не может верить власти, которая легко лжет и занята лишь собой. Вот и русский народ не видит смысла ходить на демонстрации, которые разгоняют, где бьют дубинками и готовы стрелять, как в Новочеркасске. Не видит смысла говорить, когда не возражают, а дудят в свою дуду. Не видит смысла слушать, когда дудят в свою дуду, а возразить нельзя. Не видит смысла выдвигать кандидатов на выборы, когда их запросто вычеркивают из списков. Не видит смысла голосовать, когда фальсифицируют подсчет голосов. Вот многие этого и не делают. Это вовсе не означает согласия с властью. Люди не жертвуют собой и не готовы идти на риск, зная, что жертвы заведомо напрасны. Нелепо их за это осуждать. В старом фильме «Чапаев» отряд белых шел в атаку, как на парад, но красный пулемет стрелял, и, хоть перекрашен, еще стреляет. И пока стреляет, ответ на вечное «что делать?» не придет разом во все головы, - стрельба мешает публично сопоставить мнения и формировать их в спорах, рождающих истину. Монополия вертикальной власти упраздняет глас народа. Он звучит, когда она трещит. Что же он скажет? Или опять доверится ей же, как в 1991?

Сперва Советский Союз обустроили по образу и подобию Российской империи. Потом Российскую Федерацию по образу и подобию Советского Союза. Внутренняя политика царей споткнулась на аграрном и национальном вопросах, и СССР тоже наткнулся на них, и они его развалили. Неравенство даже формальных прав, данных в СССР даже равным по численности народам, как татары и казахи, или башкиры и латыши, или мордвины и эстонцы, позволило в 1991 решить национальный, точнее сказать, колониальный, вопрос, - лишь для союзных республик, да и то отчасти, не везде и во всем адекватно. Но общий хозяйственный вопрос, выросший из бывшего аграрного, трудней, и Россия так его и не решила.

Для колониальных народов он изначально был частью национального, а в СССР стал отчасти национальным и для наново закрепощенных русских. Если эстонцы или туркмены, видя, что принципы хозяйства навязаны Москвой, впадали в русофобию, русские мыслили более социально.

Светлая мысль, что вожди, от Хрущева и Брежнева до Ельцина, - тайные евреи, владела немногими. Но, составляя половину населения Союза и большинство в его руководстве, русские, за вычетом Москвы и Ленинграда, жили порой хуже народов иных колоний. И несли порой большие жертвы. Положение могли изменить лишь социальные реформы, лишь отказ от колхозного крепостничества и экономическая свобода. Но поскольку советская идеология и власть такого не допускали, немало русских и до роспуска СССР пыталось понять неувязку своей нищеты с русским шовинизмом начальства.

Неверно, что всякие раздумья в национальных категориях непременно заключали в себе призыв «Советский Союз для русских», и, вообще, национальное как бы синоним национал-социалистического. Пример СССР показал, что тоталитаризм, даже и начавшись, как сугубо социальный, все равно потом захватывает и национальную сферу. Но это не значит, что в национальной сфере живут лишь тоталитарные, расистские, сугубо этнические тенденции. Борьба за самоопределение как раз переступает через них, их обостряет имперский уклад. Поэт Исаковский, написав «Не нужен мне берег турецкий, И Африка мне не нужна» (в заключение прямо : «Чужая земля не нужна»), подвергся за это партийной критике. В Слове о полку Игоревом русской землей звали ту, «которая за холмом», ту, где живут русские. Потом так стали звать и землю, включенную в Российскую империю, не оглядываясь, кто населяет сельскую местность. Запросто говорят, что в Чечне чеченской земли нет, и вся она русская, не думая, деды каких нынешних жителей владели ею прежде. Но Исаковский думал, как автор Слова, а не как партийный секретарь.

Призыв «Советский Союз для русских» вслух не звучал. Советская власть не позволяла себе такой откровенности, хоть охотно к такому вела, имея в виду русских начальников! Она рада бы видеть всех начальников русскими, но вовсе не всех русских начальниками. Сталин внес в идеологию партии шовинизм, сдвинув ее высшую ценность, сделав ею не мировую революцию, а родину. На практике это значило, что, став социалистической, более развитая Чехословакия отдалась на волю Москвы, и введение войск в Прагу вконец обесценило маску «мировой революции», надетую Российской империей при Ленине. Уже при нем марксистское утопическое сознание переросло в тоталитарное, а «мысли господствующего класса это господствующие мысли». Шовинизм русского начальства был ответом не только на русофобию колоний, но и на беды русских беспартийных нена начальников, их так утешали, внушая, что обладание империей – это высшее торжество народа, и утрата своих империй западными державами – знак их упадка, сулящего нам победу, хоть известно, что, отпустив империи, там стали жить лучше.

Национальное самоопределение – это стремление народа самому править собой, а не отхватывать плохо лежащее или чужое для себя. В нынешних границах России 18% населения составляют нерусские, живущие преимущественно все еще не вполне разреженными массивами, и призыв «Россия для русских» практически значит: «Башкортостан для русских», «Татарстан для русских», «Якутия для русских». Предлог «для» означает, что одни люди, их труд, их имущество, существуют для блага

других, меж тем как самоопределение предполагает самостоятельность, работу на себя и свою свободу. От этого «для» страдает не только покоренный, но и покоритель, вынужденный печься не столько о своей свободе, сколько о кротости рабов. Давно сказано, и как раз о русских: «Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы». Принимая как должное национальное ущемление других, он способствует своему социальному угнетению. Люди, твердящие свое «для» и вторящие им, вовсе не русские националисты, пекущиеся о русском народе, какими хотят казаться, а империалисты, пекущиеся о русских начальниках.

Старая формула патриотизма учила «Бей жидов, спасай Россию». Нынешняя формула больше напирает на «лиц кавказской национальности». Имперская идеология стояла и стоит на том, что для спасения родины нужна империя, и надо покорять других. Самоопределение учит понять, что себе и своей стране покорение других выходит боком. Примеры наглядны. Покорив Казань и Астрахань, Иван Грозный не облегчил участь крестьян, не сделал этого и Сталин после победы над Германией. Самоопределение нужно тем, для кого спасение своей страны важнее покорения чужих.

Чтобы русскому народу самоопределиться, ему нужно, как при Иване III, ощутить себя отдельно от империи, преодолеть вранье, что без империи он мертв. Это вранье начальства лишает народ благоденствия и свободы. Национальное русское государство от Владивостока до Смоленска, от Норильска до Иркутска, было бы огромно и без нынешних автономий. Но русские могли бы в нем без оглядки говорить с начальством, и оно не могло бы ответить, что жестокость к русским позволяет держать для них империю, которую оно на деле держит для себя, грабя одной рукой ее, а другой русских.

Империя и крепостничество родились близнецами при Иване Грозном, империя и колхозный строй подпирала друг друга при большевиках, империя и бюрократия, сросшаяся с олигархией, подпирают друг друга ныне. Отделяя русское национальное государство, важно сразу строить его как либеральное, помнить о несовместности рабства других и своей свободы, империи и демократии. Начальство противопоставляет любовь к родине и любовь к свободе, патриотизм и либерализм, а либерализм - это высшая степень патриотизма, лишь бы был подлинный, а не маска. Надежды августа 1991 рухнули, когда Ельцин велел атаковать Грозный, а Чубайс объявил, что в Чечне «возрождается наша армия». Путин тут не первый, он лишь «зачистил» и вернул в стойло заглядевшуюся было на демократию империю.

Независимость либерального русского государства от своих автономий, от бывших союзных республик и стран Варшавского договора, означала бы не разрыв, но лишь отказ командовать, отчего отношения улучшаются. Дружбу крепит не власть, внушающая ненависть, а взаимная выгода. Но русские имперские начальники хотят не дружбы, а особого положения и особых прав, и не только в России или СССР, а во всемирном обществе. Беды России - плоды претензий ее начальства. Оно еще, быть может, числит равными себе Соединенные Штаты или Китай, но наравне с Грузией, или Украиной, или даже Англией, быть не хочет. Этот опыт, опять

подтверждаясь, рождает страх перед Россией, недоверие и подозрительность, опасные стране, народу и каждому из нас. Наша власть умудрилась их возродить даже в редкую пору, когда никто нам не опасен, кроме тех, кого сами вооружаем против других. А за особыми претензиями грядет гонка вооружений, как раз и добившая Советский Союз.

Россию вели к переменам не так массовые протесты, как катастрофы, учиненные безответственной властью. Именно они вынудили отменить крепостное право и распустить Советский Союз. При нынешнем мировом кризисе катастрофа опять не исключена. Но спасут не временные меры, а отказ от источника катастроф - имперского наследства. Противостоять нынешнему шовинизму надо не пороча в ответ великий русский народ, но четко отличая его интересы от интересов номенклатурно-имперского русского начальства. Эти понятия спутаны, ни Россия, ни мир, их не различают, а интерес силящихся усидеть во власти противоположен интересу народа, который поработают. Ключ к благоденствию русского народа, замученного царской, советской и нынешней властями, в самоопределении России, как европейской страны, даром что простершейся за Урал. Чтобы в момент катастрофы не растеряться, надо твердо держать в уме национальную нужду в русском либеральном государстве и отказе от империи. Иначе любой поворот недолговечен.

Упущения общественного сознания. 20.4.2009

Уже последствия Первой Мировой войны, предрекшие трагичность Второй и промежуточных событий, не сразу были осознаны. А войну Германия затевала лишь затем, чтобы обойти конкурентов силой оружия, коль скоро качеством и дешевизной товара не выходило. Оружием тоже не вышло. Но экономическое и внеэкономическое путали не только немцы. Не они одни уверовали в вооруженный до зубов внеэкономический порядок.

XIX век учил, что конкурентному предпринимательству, то есть, капитализму, нужна свобода, то есть, либерализм, нужен социальный компромисс, то есть, демократия, и нужно всех граждан страны признать равными в правах, начиная с права соперничать без ограничений и привилегий. Конкуренция, соперничество, соревнование, ведет к максимальной реализации творческих, производительных, организационных и других созидательных возможностей общества. К этому идеалу буржуазные революции открыли дорогу не везде в одинаковой и нигде в полной мере, но все же, утверждая плюрализм экономических и других действий, вели к техническим и общественным успехам. Государство шагнуло к праву, конституционными стали даже иные феодальные страны, но большая часть планеты оставалась колониальной и зависимой. Надеялись на либерализм и демократию. А потом, верили, будет еще лучше!

Но после Первой Мировой Германия, Россия, Италия, завели иные порядки, способные, как там казалось, одолеть отставание и даже совершить скачок, какого ни увядавший феодализм, ни знакомый капитализм, не сулили. Надо лишь собрать страну в кулак. Это делал Ленин, вводя в России после Октября «военный коммунизм». Схожим

путем повела Италию фашистская партия Муссолини. Туда же привела Германию национал-социалистическая партия Гитлера. Социализм они толковали по-разному, у них были разные идейные опоры и разные цели, но их социальные и моральные идеалы были схожи. Словами, заимствованными у социалистической утопии, сулившей общественное развитие, они прикрывали наготу своей экономической и социальной отсталости. Общую сущность их социализма объяснил Муссолини: «Все в государстве, ничего вне государства».

Вторую Мировую национал-социалистическая Германия и фашистская Италия проиграли. Но на политическую сцену вышли десятки новых независимых стран, в борьбе за место под солнцем перенявших, кто советский порядок, кто нацистский, кто фашистский. Мобилизуясь, собирая силы, чтобы, как Россия и Германия, «догнать и перегнать», они перенимали тамошний монолитный мобилизационный строй.

Его зовут, то «коммунизм», то «фашизм», но эти имена дышат конкретными ароматами. Точное его название тоталитаризм, противопоставленное либерализму, сразу зазвучало обличительно. Термин мобилизационизм громоздок. Хочется называть такой строй единизм, как наводящий единство и единообразие, в отличие от капитализма, признающего плюрализм и отдельность каждого. Все эти наименования несовершенны, но по частям проясняют общее явление, и придется ими пользоваться.

Государство мобилизационного строя - это вертикальная система власти, не зависящей от низов, с единой идеологией и едиными карательными органами. Оно само распоряжается хозяйством. Порой детально, как в СССР, порой, допуская даже частную собственность, в надежде, что «собственник» помнит: «все в государстве, ничего вне государства», а не в меру инициативных лишают «собственности». Вариантов мобилизации немало, но их волюнтаристская природа едина, и правящий класс, у нас названный номенклатурой, схож.

Хоть уже в двадцатые заметили сходство фашистской Италии и советской России, а в тридцатые - социализма в СССР и национал-социализма в Германии, их общим чертам не придавали значения, не выясняли, почему, обличая друг друга, они схожи. Лишь в 1951 году вышло «Происхождение тоталитаризма» Ханны Арендт, обнажившей их коренную общность, а в 1956 «Тоталитарная диктатура и автократия». К.Фридриха и З.Бжезинского. Но в годы холодной войны их воспринимали, как идеологические обличения СССР.

А СССР лишь одна из многих, хоть и главная в XX веке, страна мобилизационизма. Их объединяет иной, нежели капиталистический, «способ производства», хозяйство иного типа. Капитализм - это частная собственность, наемный труд и свободная конкуренция. Ее часто зовут рыночной. Но в СССР рынок, как форма распределения товаров, был, а конкуренции не было. А без свободы конкуренции, экономической по природе, не выявить ценность, создаваемого производством.

Внеэкономическому хозяйству, свободному от конкуренции, не учесть свои реальные доходы и убытки. Капиталист, чтобы заработать, насыщает платежеспособный спрос, а там живут заведомой, спущенной сверху целью, на которую «дирекция не щадит затрат». Капиталиста убытки разорят, а там выручат добавочные ресурсы, где дары природы в недрах земли, где дары опекуна, - им нередко бывают США, но бывал и СССР.

В этих двух типах хозяйства, экономическом, либеральном, капиталистическом, и внеэкономическом, тоталитарном, мобилизационном, соответственно действуют: в первом – множество конкурирующих предпринимателей, нуждающихся в демократии и законности, а во втором – государственная унитарно-монопольная сверхкорпорация, вершащая свою волю. Они соперничали с середины XX века, надеясь, первый - на конкуренцию, второй - на силу оружия. Но, сравнив средства массового уничтожения, их не могли применить, кроме как для общего самоубийства. Третью Мировую войну заменила Холодная, и опять соперничали хозяйства, - понятно, либеральное тут обгоняло, а тоталитарное, ощущая масштаб затрат, отдавалось избранным сферам, преимущественно военной, и шло к разорению. Бывшим колониям, чтобы хозяйствовать успешно, тоже нехватало средств и знаний, и там рос советский волюнтаристский соблазн, влияние СССР ширилось, и либеральный Запад отступал.

Однако, к концу семидесятых советское хозяйство дрогнуло. Но ни происходившее с ним, слабеющим, а не сдававшимся, ни суть полувекового соперничества, не сознавали. А, сверх прочего, с ним увядала царившая с XIX века вера в технико-общественный прогресс, из которой шла и коммунистическая утопия Маркса. Впрочем, марксистский смысл прогресса стерли уже большевики, устами Ленина объявив, что строить желанный строй можно и в отсталой стране, не дожидаясь вершин развития. Было бы желание! Марксистов-ленинцев влекла-возможно, бессознательно- уже не прежняя утопия.

Холодная война обнажила не только предел возможностей Советской империи, но иллюзорность технико-общественного прогресса. Прояснилось, во-первых, что техника, да еще заемная, хоть и позволяет изменить социальную структуру, но перемены отнюдь не неизбежны, как надеялся не один Маркс, а, во-вторых, что в тоталитарной империи, идущей к кризису, отнюдь не рождаются общественные силы, способные ее преобразить. После войны демократия победила в Германии, Италии, Японии, в силу присутствия союзнических войск. А в девяностые в России, ни перед кем не капитулировавшей, не вставшей на колени, устоял прежний правящий класс, лишь временно ретушируя свои позиции. Недовольное былым порядком большинство, сперва поверив ретуши, тем большей разочаровалось в номенклатурных реформах, прошедших за его счет, и от борьбы с обновленной номенклатурой отошло.

Социальные отношения в мобилизационном обществе таковы, что, в отличие от капиталистического, возможности легальных перемен там наперед урезают силой. Капитализм - это всеобщая конкуренция, межклассовая и внутриклассовая, он и есть «единство и борьба противоположностей» Гегеля, а единство допускает сотрудничество и

компромиссы, чем Маркс пренебрегал в своей утопии, Ленин – до НЭПа на практике, а Сталин, ликвидируя НЭП. Демократия – это и есть компромисс. А в мобилизационном обществе «шаг вправо, шаг влево, – это побег», их терпит лишь слабеющий режим, но и он не отвык стрелять. И ослабляют его не так классовые противоречия, – их он душит, как прямой упадок хозяйства, зримо осевшего в СССР в восьмидесятые, толкнув к горбачевской перестройке и дальнейшим событиям.

Но состязание укладов не сводится к отношениям с Россией. На внеэкономических началах жил не только СССР, а на экономических не только западные страны. Созревал и так называемый Третий мир. Состязание не утихло, а сознание тускнело. О мобилизационном укладе капиталистический судит не по реальности, а по его подвижным самоназваниям. Оба бытуют не в чистых формах, идеал мобилизационного вполне воплотил разве что Сталин, да и он отступал. Но и более открытый капитализм не одни пережитки феодализма одолевал не чисто экономически, а и свои проблемы.

Лишь отношения предпринимателя и работника физического труда упорядочили, фактически признав работника участником конкурентного ценностного производства и предоставив ему вытекающие отсюда гарантии. Пока оплату рабочей силы определяли лишь спрос и предложение, рабочий порой не мог прожить на заработок, к тому же, не сообразовывавшийся с его ценностным вкладом в производство. А мобилизационный уклад как бы верит предложению и спросу, но их соотношение силой регулирует монопольный производитель, государство.

Но уже противоречие предпринимателя с работником умственного труда плохо сознают и в капиталистическом обществе, не только в мобилизационном. Он получает текущую зарплату, а кое-кто еще и выплаты по патентам на изобретения. Ни тут, ни там, в обиход производства не вошло авторское право, предполагающее выплату доли за каждый экземпляр машины, изготовленный по авторскому проекту. А это бы в сумме компенсировало ценностный вклад работников умственного труда в производство и укрепило их положение в обществе, более уязвимое, чем у работников физического труда. В обоих укладах созданные ими ценности, не оплатив, присваивает, государственный или частный предприниматель. А им бы стать опорой образования и науки, залога развития!

Схожи в обоих укладах и плоды различий в запасах сырья. Скачки его цен тоже создают незаработанные богатства и диспропорции. Еще наглядней к ним ведут концентрация и монополизация производства внутри экономической системы. И сотрудничество экономических начал с внеэкономическими, не добавляет гармонии глобальной системе.

С XIX века, когда капитализм еще только становился на ноги, ему предрекали гибель, указуя на пороки, с годами во многом преодоленные. Но нынешние трудности и кризисы вызваны, напротив, забвением (за пределами прямого предпринимательства, торговли и отношений с работниками физического труда) принципов и сильных сторон капитализма, его недостаточным, если угодно, развитием. Политика

капиталистических стран, на деле антикапиталистическая, часто ведет не к развитию конкуренции, а к сосредоточению и монополизации хозяйственных и прочих решений, нередко их переходу в руки государства. Капиталистические страны берут пример с мобилизационных, а, тем временем, те перенимают приемы капитализма. Идет как бы конвергенция, тут кризис и становится взаимозависимым. Входя в обычай, такая конвергенция подрывает и плюрализм, и конкуренцию и всесторонность развития.

Американские автомобильные гиганты наглядно проиграли японским компаниям в Америке. Не в последнюю очередь потому, что на японских заводах американским рабочим платят поменьше. Но президент Обама спешил подкинуть денег американским гигантам. А им бы улучшить и удешевить свои модели в сравнении с японскими, а не, преступая нормы конкуренции, богатеть за счет государства. Ведь унять кризис капиталистического хозяйства сможет лишь конкуренция, лишь максимальные усилия каждого удержаться на плаву.

Она зависит не от одного личного усердия, но от многих условий и, в частности, от кредитования. Кредит позволил умножить производство, и этим изменил мир. Феодалный порядок, и христианский, и исламский, отвергал ссудный процент ради стабильности, а капитализм предпочел кредит ради развития. Конечно, рискованно и строить в кредит конкурентное производство, и кредитовать покупателей, чтобы обойти конкурентов. Первотолчок американского кризиса - превышения риска в жилищном строительстве. А кризис еще усложняет положение. Кредитование производства вроде умножает рабочие места, а с ними и платежеспособный спрос, но не обязательно и спрос на товары, обязанные новому кредиту. Зато прямая помощь покупателям, как продление пособий по безработице, активизирует спрос без рискованных затрат. А мобилизационное государство при кризисе вовсе не поддерживало покупателя, ни в ходе сталинской денежной реформы в сороковые годы, ни гайдаровской в девяностые.

По началу главный порок капитализма состоял в тяжелой участи проигравших в жестком соревновании, но само развитие и классовая борьба рабочих привели к социальным гарантиям. Потерявшим работу – выдается пособие, при банкротстве банка - гарантирована сохранность некоего минимума. Проигравшим и впрямь надо помогать выжить, но выигравшие вправе получать преимущества лишь при собственных затратах. А теперь нередко помогают сильным, и помогают не спастись от гибели, а ухватить кусок пожирней, как автомобильные гиганты. Еще странней «помощь» банкам, дававшим невозвратные кредиты, и дарившим сотрудникам, это делавшим, миллионные бонусы. Различие меж капитализмом и мобилизационизмом тут почти пропадает.

Капиталистическими корпорациями ныне руководят не столько владельцы, сколько специалисты по руководству, менеджеры. Если владелец, пусть и теща свои прихоти, на первом плане все же держал состояние дел, то менеджеры лишь отчасти заинтересованы в успехе компании, а думают зачастую о другом. Менеджерский слой схож с советской номенклатурой, в нынешней России переименованной в элиту.

Менеджеры монополий, а с ними руководители государства, сочли себя неуязвимыми перед конкурентами, которых либо уже нет, либо с ними возможен сговор. Сникшая конкуренция еще не побудила осознать природу мобилизационного строя, к которому капитализм сползает. Такое происходит не только под знаменем марксизма-ленинизма. Важен результат.

Поскольку результат Советского Союза не осознан, Россия опять вошла в ту же реку, вызвав у себя кризис, сперва независимый от западного. А Советский Союз сгорел на возможности произвольно тратить награбленное у граждан на благоденствие номенклатуры и на вооружение, в котором не было реальной нужды. Затраты не возвращались в хозяйство, и когда импортные товары вздорожали, но подешевела нефть и прочее сырье, дававшее добавочные ресурсы, страна обанкротилась. А кроме внешнеторговых, у нее не было реальных экономических отношений. Ничто больше не поддавалось ценностному учету. И советские руководители, исправно получая донесения о развале хозяйства, но, не признавая мобилизационный строй его первопричиной, продолжали пилить сук, на котором сидели.

А свалившись, потому и потянулись к так называемому рыночному хозяйству, что надеялись при непосредственных отношениях отдельных фирм с глобальным рынком ощутить и обрести реальную ценность производимого ими. Но, хоть фирмам придали видимость частных, руководит ими по-прежнему государство, и, при разрешительных обычаях жизни и хозяйства с повседневными взятками за соблюдение законов, это мешало создать в стране конкурентную основу экономических отношений, а иностранных инвесторов вытесняли по внеэкономическим мотивам, тем паче, что, как в СССР, судебные решения диктует исполнительная власть.

К тому же, потоки денег не вкладывали в производства, способные окупиться. При сказочных ценах на нефть, власть устояла в мобилизационном виде и потянулась к прежней системе правления, - к мнимым выборам, к назначению губернаторов, к всевластию силовых органов и опустошению СМИ. Смешно сводить это к проискам одного «злодея». Это классовая победа номенклатуры, победа менеджеров. Но, едва кризис Запада обрушил цены на нефть, как в очередной раз подтвердилось, что мобилизационный строй, и в СССР, и в России, и в Китае, и в других частях мира, живет не только бесчеловечной эксплуатацией своих народов, но и попустительством развитых капиталистических стран.

Хозяйственные отношения двух укладов - главная проблема продолжения жизни человечества. Мобилизационисты хотят, загнав весь мир в свой стан, упразднить, к примеру, доллар как мировую валюту. А его мировой валютой не назначали, но хозяйство Америки и обращение ее властей с деньгами внушили к нему доверие. Внушай хозяйства России, Китая, Евросоюза, больше доверия, чем американское, рубль, или юань, или евро, сперва без всяких соглашений, стали бы мировыми валютами. Но если доллар и американское хозяйство сильны, чтобы заменить доллар, надо их сначала обрушить, а кто попробует, увидит, что выходит себе дороже.

Заниматься надо не волюнтаристской фантастикой, а реальным анализом, не боясь видеть, что он показывает. Пути решения любых проблем стоит обсуждать, лишь глядя открытыми глазами на условия, в которых проблемы возникли и обременяют. А ныне социальной мыслью по преимуществу движут интересы господствующих и претендующих на господство групп. Они волюнтаристски игнорирует очевидное.

Невозможно отрицать, что в XX веке хозяйство, а вместе с ним социальная и политическая жизнь, хорошо это или плохо, стали глобальными. Но отсюда не следует, что автономные и сепаратные отношения окончились. Люди, народы и страны, не во власти глобуса, - как раньше двух сверхдержав, - но они соотносят с ним свои интересы, и их изъясняют. Играет свою роль и противостояние не просто двух сверхдержав, но уже проникших повсюду мобилизационного и капиталистического укладов, сочтенное ушедшим в прошлое.

В Холодную войну мобилизационные нормы возобладали, мир раскололи на два лагеря. С роспуском СССР его место сверхдержавы опустело, но и США, сохранив силу, перестали ею быть, поскольку многие союзники времен Холодной войны уже не ищут у них защиты. Россия выдвинула идею мира, разделенного не на два лагеря, а на четыре-пять, среди которых мечтала удержать за собой хотя бы так называемое «ближнее зарубежье». Стали бы полюсами, и Евросоюз, вобравший почти всю Центральную Европу, и Китай. Но мир не прибил к полюсам.

Более того, развивая глобальность, но, освободясь от советского и американского давления, он явно потянулся и к автономизму, люди и страны стремятся решать свои конкретные дела самостоятельно. Можно обсуждать, насколько удачны и корректны были те или иные частные решения, но сама тенденция к ним говорит о повороте к конкурентности, зажатой Холодной войной с ее тенденцией к мобилизации. События не ограничились высвобождением из тяготивших союзов. Внутри многих стран оживилась борьба их насильно удерживаемых частей за независимость. Ее обрели республики СССР и Югославии, разделились Чехия и Словакия, Сербия и Черногория. В разных странах усилилось самоуправление национальных областей. Увы, не всегда это происходило мирно, но шло освобождение от былой насильственной зависимости. Независимость ведет к новым контактам, новым союзам и глобальным связям. Там опять возникают попытки урезать автономность, и опять им противятся. Лиссабонский договор, обращающий Евросоюз в подобие Советского Союза, недаром не доверили утверждать всенародному референдуму, а только парламентам. Но хоть изоляционизм и глобальность еще сражаются, миру надобна не победа кого-то из них, а равновесие общего и отдельного.

Не только в России, но и на Западе, не оценили значимость движения к конкурентному, впрямь плюралистическому, а не дву- или пяти-полярному, миру. Движения за независимость объявляют националистическими. Россия не только показала в Чечне, что ни перед чем не остановится, чтобы удержать колонии, но вновь претендует на положение «старшего брата» бывших союзных республик, и в 2008 году ввела в Грузию войска. Но и Соединенные Штаты, в пору Холодной войны сочувствовавшие

народам, потерявшим независимость, с ее окончанием не всегда вступались за поработанных. Они вошли в Ирак, чтобы убрать диктатора Саддама, плевавшего на многочисленные осуждения ООН его агрессии. Явившись на выборы новой власти, население их поддержало. Но США пренебрегли правом на развод трех разных частей Ирака, сшитых еще в Османской империи, и застряли там, чтобы, предотвращая их стычки, удерживать Ирак единым.

Географический плюрализм - первый шаг к конкурентному хозяйствованию в глобальном мире. Но не менее важна защита плюралистического хозяйства внутри каждой страны. Нынешний российский строй порой зовут государственным капитализмом. Это было бы верно, действуй государственные предприятия среди реально частных. Но в России всякое частное предприятие зависит от государства. Какой же это капитализм, если государство открыто или тайно правит каждым? Где нет конкуренции, нет капитализма. Чем меньше конкуренции, тем меньше капитализма, - и это видно уже не по одной России, не по одним мобилизационным странам, рядящимися капиталистическими, но и по Евросоюзу и США.

Ничем не ограниченное вмешательство государства в хозяйство переносит страну из одного уклада в другой. Эта очевидность, а с ней и предел, нарушение которого влечет за собой катастрофы и революции, выпали из современного сознания. Конечно, экономическая стихия вращает свои турбины в утвержденных государством условиях. Но порой, государство, распоясавшись, идет за пределы объективных экономических норм. И тогда невозможно даже узнать наперед о близящемся кризисе, как мы узнаем о циклоне.

Задачи экономического хозяйства не чисто технологические, как в СССР, и конкуренция плодотворна лишь при равенстве ее условий, которое диспропорции слишком часто нарушают. Это условия не только труда, а всех уровней и сторон производства и продажи товара. В древнем Риме покупка рабов была выгодней найма свободных. Но ныне конкуренция товаров, изготовленных заключенными, и сработанных свободными, даже не касаясь морали, перечит нормам, предполагающим равноправное состязание на всех уровнях. Такие товары на глобальном рынке дают преимущества мобилизационному строю. У него их теперь полно. Не только от сотрудничества со свободными странами, но и в самих свободных странах, там их создают монополизация и вторжение государства в хозяйство.

К кризисам ведут отступления экономического общества от своей природы. Парадокс новой истории в том, что с рождения капитализма с ним силились покончить во имя небывалого прогресса, а приходили к небывалому мракобесию, включая техническое отставание мобилизационных порядков. Чтобы надежды буржуазных революций сбылись, капитализму надо остерегаться мракобесия, реакции, бессодержательных бессмыслиц, и блюсти свои основополагающие принципы: учет ценностного вклада каждого, свободу конкуренции и все другие права и свободы, включая помощь проигравшему.

Наивно думать, что кризисы, подобные нынешнему, - плоды ошибок банкиров и политиков. Они – плоды проколов общества, преуспевающего в одних возможностях капитализма, но упустившего другие, не видя в нем развивающееся целое. Говорят, капитализм должен уйти или меняться. Меняться надо, но возрождая упущенные возможности, а не обращаясь в мобилизационный строй. Он лишь продлит кризис, закрепит за людьми, если не сразу лагерные пайки, то нищету. Россия пренебрегла этим своим опытом, но помнить его стоит всем.

Где жить? 3.5.2009

Публичная переписка Д.Быкова и В.Шендеровича обнажила нынешнее состояние России еще полней самиздатской Н.Эйдельмана и В.Астафьева, хоть ни Эйдельман, ни Астафьев не лукавили. Ныне видно, что на повестке суть, а тогда могло казаться, что, хоть и важные, но подробности. Считается, что протекшие годы пробили тупики советских лет, а они заперли их еще крепче.

Соседство нравственной свободы Быкова и нравственной твердости Шендеровича показывает, что «морально-политическое единство советского народа» кончилось, асфальт прохудился. И хоть по всем статьям прав Шендерович, Быкову довольно, что ему, к счастью, есть где жить. И плевать он хотел, как с этим у других. А весь сыр-бор из-за этого.

Быков уверяет, что евреи двинулись на Средиземное море оттого, что им нравится «быть правыми по одному факту своего рождения, по причине национальной и религиозной принадлежности. Вместо изгнания они выбрали имманентность, данность крови и почвы, то есть сделали шаг назад, к более традиционной и низкой организации общества. К архаике, Кому-то эта архаика в самом деле ближе, им нравятся непримиримость, воинственный дух, культ родной земли и собственного этноса».

Быков не хочет, чтобы такие люди к нему приставали, цепляясь за библейские имена его дедов. И дело впрямь не в дедах. Даже чистокровный, - хоть не знаю, кого таким считать, - верующий еврей не обязан любить Израиль и туда ехать. Но прежде, чем о нем рассуждать, стоит все-таки узнать элементарные факты. А то ведь может показаться, что писатель почему-то намеренно лжет.

Идея создать Израиль родилась более ста лет назад у венского журналиста, освещавшего для своей газеты известный антисемитский процесс Дрейфуса, шедший в центре цивилизованной Европы. Пораженный виденным Теодор Герцль призвал возродить еврейское государство. В 1897 году состоялся первый конгресс сионистского движения, возникшего именно и только с этой целью. Но государство возникло лишь полвека спустя. Его создал не сионизм, но антисемитизм, дошедший до упора.

Быков не может объяснить, почему непримиримые и воинственные люди, желавшие быть правыми в силу национальной и религиозной принадлежности, сразу не отозвались на зов Герцля, а и дальше терпели ежедневные унижения черты оседлости, погромы и запреты на

образование. Иные ехали в Америку, но лишь горстки идеалистов на землю предков. Большинство осталось жить, где жило, пока, при всех тяготах им, как нынче Быкову, было, где жить.

Но было, да сплыло. Сложились новые порядки. В Германии, а потом и на завоеванных ею землях, их лишили права на жизнь. Не всюду это делали столь полно и откровенно. Но корабли с еврейскими беженцами не подпускались даже к Соединенным Штатам, сойти на берег не давали. А Быков твердит, что это они «вместо изгнания выбрали почву». Вот ведь как! Писатель запямятовал, а изгнание – это давний образ жизни евреев: изгоняли из Испании, из Франции, из других стран, и они шли дальше, куда и оттуда не изгоняли. Но XX век сменил изгнание на уничтожение, уже мало кто имел возможность предпочесть изгнание. А то бы и предпочли, хотя бы потому, что Израиль – это трудное спасение, но многим стало негде жить.

Наши сограждане вспомнили про Израиль уже при борьбе с «космополитами», и, тем паче, при «деле врачей», боясь, что и в СССР не станет, где жить. (Не гадали, что без врачей Сталин вскоре умрет и прямая угроза отодвинется.) Сегодня России не до евреев, есть дела погорячей, И проблема, где жить, не только для Быкова вроде отошла, надеюсь навсегда. Но кто может это гарантировать пред ликами отечественных скинхедов и их покровителей? Да и неловко требовать, чтобы еврейских девочек защищали от убийц лучше, чем таджикских, чтобы евреев не выселяли, как грузин, и не убивали, как чеченцев.

Быков утверждает, что израильтяне «сделали шаг назад, к более традиционной и низкой организации общества». В этой бы связи и разобраться, с чего тут вдруг всплыла так называемая иудео-христианская культура, от которой Быков спешит откреститься, правда, лишь от иудейской ее части. Она, конечно, иудео-христианская лишь по происхождению, Евросоюз не объявил себя христианским. Но от обеих религий удержалось немало, – зря что ли половину русских зовут по-еврейски – Иван да Марья. А сколько усвоено из поучений Ветхого и Нового завета! Но та культура была секуляризована, она ушла из под крыла религии, это уже культура не одних Моисея и Иисуса, но и Галилея, и Ньютона, и Моцарта, и Дарвина, и Льва Толстого, и Эйнштейна, и Пикассо, и Винера. И множества других.

Мусульманская вера не хуже иудейской, которую брал в пример Магомет, и не хуже христианской, но ислам, как и буддизм и другие религии, не был секуляризован, культура не вышла из под крыла веры, и это отличает ее от так называемой иудео-христианской. Верить Магомету ничем не хуже, чем Иисусу, но опасно верить, что исламские страны смогут «догнать и перегнать» Европу и Америку без секуляризации, с чадрой на женщинах. А эта надежда и питает непримиримость арабских стран и Ирана, жаждущих не взаимных, но односторонних уступок и уничтожения Израиля. Это не война двух народов, как Франции и Германии. Это священная вера-идеология, не всегда религиозная, но позволяющая жить лишь верующим товарищам, воюет против заурядной демократии, оставляющей каждому место, где жить.

Воевать за демократию Быкова не звали. Встревать в политику он тоже не обязан. Если России сегодня и грозят священные атаки извне, то лишь от ее повадок в Афганистане или Чечне, а внутреннюю войну притормозил кризис, вынудивший доказывать, что новый президент мягче прежнего. Правит лишь год, а уже проявил милосердие к женщине, больше срока, нужного для досрочного освобождения, проведенной за решеткой, там забеременевшей и рожавшей, и всем этим грузом вынужденной ради ребенка признать вину. Ребенку уже пять месяцев, и выпустили, слава богу. При такой оттепели Быкову бы и дальше резвиться. Но он встал за священную веру.

Понятно, выставляя себя нейтральным. Ну, не видит он архаики в организации жизни арабов, а в Израиле, меж недавних земляков, ему трудно дышать. Надоели евреи! Но их любить, как и русских или немцев, не обязательно. Любовь – не обязанность. Быть сионистом тоже не священный долг, я и сам не сионист. Но есть минимум, который не хотят признать сторонники священной войны. Евреев с 1939 по 1945 убили шесть миллионов, а поляков даже семь, но о евреях, о Холокосте, больше говорят не потому, что поляков меньше жаль, а потому, что их убивали все же выборочно, а евреев поголовно. Ни на что большее, чем избавление от такой избранности, нетерпимости, непримиримости, евреи не претендуют. Но их-то, - и не один Быков – за это и винят в непримиримости.

А в Израиле шестьдесят лет нет мира не из-за воинственного духа евреев, а оттого, что их соседи не хотят с ними мирно сосуществовать, и убеждены в своем праве убивать евреев, и в обязанности тех не отвечать, а подставлять другую щеку. Само наличие еврейского государства объявлено агрессией.

Между тем, никто не знает, какая часть палестинских, да и других арабов, хочет убивать. Конечно, есть активисты Хамаса, есть плясавшие 11 сентября, но трудно судить, что думают люди, живущие под прессом священной веры, не имеющие возможности свободного индивидуального волеизъявления, как раз и надобного, чтобы придти к согласию и миру. Лишь демократия способна заменить войну реальным компромиссом. С ней его и достигли беспощадно воевавшие Германия и Франция.

Не в том беда, что соседи Израиля - мусульмане, в иудаизме и христианстве тоже хватало жестокости. Но протестантство и просвещение, да и просто жизнь, вынудили понять, что нельзя навязывать другим свою веру. Даже в убеждении, что она лучше и священнее. Пока можно рисовать карикатуры на Иисуса и Моисея, на Рузвельта и Черчилля, но нельзя на Магомета, Сталина и Гитлера, пока правит священная вера, требующая, в отличие от либеральных взглядов, особой власти над иноверцами и неверующими, мир будет расколот на два лагеря. Тут советские вожди не лгали, даром что лгали, отождествляя силу страны и общественного строя с весом боеголовки.

Советская вера наглядней гитлеровской, даже без военного поражения, показала свою тщету. Правда, чужой опыт не учит. Но Быкову лишь сорок два, и пока он доживет до моих лет, пройдет еще сорок с лишним. На моей памяти прошли коллективизация, великий террор, дружба и война с

Гитлером, вторжения в Венгрию и Чехословакию. Он этого не видел, зато увидит многое, чего не увидать нам, - авось, что-то, ему прояснится. Надеюсь, людям Израиля, Иордании, России, Европы, Америки, и всем на свете, тогда будет, где жить, и Быкову тоже. Не то ведь придется ему вспомнить, что Шендерович предупреждал.

Неправовая поляна. 17.5.2009

Во избежание недоразумений сразу скажу, что ни на грош не верю, что М. Б. Ходорковский совершал какие-либо неположенные деяния, каких не совершали Потанин, Дерипаска, Абрамович, Прохоров и другие лица, свободно перемещающиеся по Москве и другим дивным местам. Нет сомнений, что суды над Ходорковским, и первый, и второй, – чисто политические мероприятия.

Мне любопытно другое. Судя по успехам, Михаил Борисович – неглупый человек. К тому же, в Менделеевском институте, где учился, был Секретарем Комитета, то ли комсомола, то ли даже партии, работавшего на правах Райкома. То есть, к природному уму смолоду приплюсовал знание партийно-государственной машины. Мог ли человек с таким умом и опытом не понимать природу чубайсовской приватизации и всерьез счесть, что у нас настал капитализм? И поверить, что «олигархи», в ряды которых он вступал, - это, как на Западе, просто крупные предприниматели, богатые бизнесмены?

Или все-таки он сознавал, что наш капитализм – не капитализм, что институтов, гарантирующих возможность основательно заниматься частным бизнесом, в стране нет и, главное, нет независимого суда? Не мог он не знать, что начало капитализму в России положила судебная реформа Александра II, проведенная, кстати, куда лучше отмены крепостного права, без которой, понятно, дело тоже бы не пошло. А при Ельцине ничего подобного не было, ни право, ни закон, ни органы правопорядка, так и не возникли. Законом по-прежнему кличут перечасные друг другу установления, которыми сама навязывающая их власть легко пренебрегает, а правоохранительными органами зовут карательные. Как же Ходорковский рискнул? Да и другие как?

Видимо, власть давала им личные гарантии. «Олигарх» в нео-советском режиме - это должность. Не зря их помещали и на другие государственные должности: то Потанина первым замом Премьер-министра, то Березовского – замом Секретаря Совета безопасности, то Абрамовича - губернатором. Держать такую фирму, как ЮКОС можно было лишь при содействии, если не прямо Ельцина и Путина, то их видных помощников. Новой власти очень уж понадобились эти псевдо-капиталисты. Такой она завела государственный порядок. При советской власти тоже бывали работы, законом не оговоренные, но их оплачивала казна, а тут позволили брать себе часть дохода.

Не скрою, мне не симпатично, что Михаил Борисович и другие «олигархи» служили так и не ставшему правовым государству, но советским начальникам я симпатизировал не больше. Такая шла жизнь, и люди не упускали возможностей. Выгораживать преуспевавших при общем

бесправии, включая Ходорковского, как и специально их преследовать, если не чинили особого зла, нет причин. Сперва бы судить заводил и практиков массовых казней и депортаций, преступавших человеческие законы, но их как раз не судят, а судят Ходорковского, ни в чем таком не замешанного.

Это проясняет природу судопроизводства в России, как раньше в СССР. Полемизируют, совершал ли Ходорковский вменяемые ему деяния и противозаконны ли они. От этого не уйти Ю.Шмидту, К.Москаленко и другим адвокатам в их благородной защите страдающего без вины. Но стороннему наблюдателю важнее углядеть, что на деле власть считает виной нарушение не закона, достаточно зыбкого, а сговора с ней. Власть сделала Ходорковского номенклатурным капиталистом, а он возомнил себя всамделишным. И попался.

Возомнил, в частности, что, подобно какому-нибудь Соросу, может заняться благотворительностью и открыть детский дом-лицей, куда потом будут принимать детей, перенесших Беслан. В открытии лицея его не винят, дело давнее, но за благотворительность положен налог с ее получателей, в частности, и с бесланских детей, точнее, с их родителей. Возникает и светлая мысль, не закрыть ли лицей вообще. И сразу видно, что быть благотворителем у нас вправе только государство, и никаких частных инициатив. А Михаил Борисович предполагал, что будет как при капитализме.

Трудно объявить преступлением излишнюю доверчивость к власти и провозглашенному ею порядку. И правдоподобия ради пустили слух, что Ходорковский метил в президенты, отчего и пришлось его сажать. А полуверея, пожелавшего стать всевластным президентом России, легко бы осадил наша избирательная система. Но Ходорковский хотел быть не президентом, а капиталистом, и тут его унять могли только силой, а унять было необходимо, не то ведь и другие захотят.

В этом суть дела. В демократической стране жизнь зависит от отношений народа и власти. От Общественного договора, устанавливающего, что можно и чего нельзя. А у нас правит не договор, а руководящая и направляющая сила, которая сильна вовсе не тем, что общество ее на это уполномочило. Она правила сперва как бы по воле божьей. Царь числился помазанником божьим. Потом стала править партия, знавшая наперед будущее и принуждавшая его строить. Нынешняя сила не от бога и не от ученых книг, - но она бесспорно сила. Ею власть держалась прежде, теперь она правит сама.

На толпу, которой она считает общество, оглядываться ей нет нужды, для толпы есть ОМОН. Она ничем не ограничена и договаривается с теми, кого выбирает сама. Прежде это называлось подбором кадров. А коль Общественного договора нет, и Конституция - не закон прямого действия, не включена в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, то и правящая сила свободна от единственного, хоть на бумаге, сдерживающего ее закона. Поэтому для торжества справедливости мало оправдать и выпустить Ходорковского, надо сперва признать, что, если правонарушения, ему вменяемые, имели место, он не мог их совершить

без государственных сообщников на самом верху. Стало быть впереди него и других на скамье подсудимых должны бы сидеть руководители государства, сделавшие сговор нормой, - еще здравствовавший в начале процесса, Ельцин, и Чубайс, и Путин и все прочие. Признай власть свое соучастие, суд можно бы и не проводить. Суть не в казни, а в разоблачении.

Да и не Ельцин с Путиным это начали, и впереди них должны бы сесть руководители СССР, положившие беззаконие в основу судопроизводства, Ленин (тоже юрист по образованию), Троцкий, Сталин и другие товарищи, внедрявшие правила пожестче, но тоже не для всех одинаковые. Их преступления изредка еще поминают, но помалкивают о главном деле всей их жизни, об учреждении произвольной власти по принципу «что хочу, то и ворочу». Впрочем, и они, хоть широко развернулись, тоже не первопроходцы, а шли вослед русским царям.

Не слишком углубляясь в прошлое, вспомним, как ныне Мария Владимировна, глава Российского императорского дома, боролась за реабилитацию царского семейства, а потом - великих князей. Члены царского семейства, не говоря об убитой с ними обслуге, почти все ни в чем не повинны, равно как в большинстве и великие князья. Едва ли, правда, тут уместен советский термин «реабилитация», практикуемый для расстрелянных и узников ГУЛАГа, все же в какой-то форме обвиненных, хоть и в мнимых преступлениях. А с царским семейством и великими князьями обошлись без этого, просто убивали за то, что они были теми, кем были. Это одно из самых откровенных беззаконий советской власти.

Примечательно, однако, что Мария Владимировна, хоть и хочет противоположного, рассуждает точь в точь, как их убийцы, не глядит на убитых персонально, не требует признать злодейством убийство каждого по отдельности. Она ратует за царское семейство в целом, за великих князей, как таковых, мыслит их скопом. А правовое сознание четко и внятно признало бы царевича Алексея, четырех царевен и даже их мать, царицу, невинными жертвами, но замешкалось бы, дойдя до Николая II. Его бессудное убийство, конечно, тоже было противоправным, но в списке его собственных деяний - преступные в избытке. И хоть на смертную казнь они не тянут, как и у Людовика XVI или Карла I, да и совершены были во многом в силу непонимания жизни страны, которой он стал управлять, хоть этим и тяготился, записать Николая II в ни в чем не повинные не позволяет даже противоправность и чрезмерность расправы. Хотя бы уже потому, что тем, что в 1905 и 1917 Россию взрывали революции, она обязана ему лично, - отпустив было вожжи между 1905 и 1907, и пойдя на избрание Думы, он дважды ее разгонял и перелопачивал, чтобы не вышло ничего всерьез, и не сбавил очевидное для всех давление в котле, а гнал зайца дальше.

То же и с великими князьями. С Михаилом Александровичем, тут же отрекшимся от переданного ему царственным братом трона, расправились вопреки не только закону, но и логике. Едва ли даже великого князя Константина Константиновича, незаурядного поэта, умершего в 1915 году, доживи он до революции, ждала бы другая участь. Убили бы, конечно, и великого князя Владимира Александровича, прямого прапрадеда Марии

Владимировны, которому в 1917 стукнуло бы лишь семьдесят. Но его в невинные жертвы не записать. Он, командовал в Питере войсками, и 9 января 1905 года на Дворцовой площади в безоружных стреляли с его именно разрешения. Он умер в 1909 году, и предавать его суду поздно, но стоит помнить, что и великие князья не одинаковы, и каждый отвечает за себя. Эта мысль, при всех переменах, у нас не приживается. А без нее невозможно правосудие.

Российское государство, а с ним и общественное мнение, не связывает себя оценками конкретных людей, ни героев, ни преступников. Сулим Ямадаев, служа государству, совершил немало разнообразных поступков. Не помяная Чеченские войны, совсем недавно атаковал в Южной Осетии грузин. Государство сочло его поступки подвигами, и присвоило ему высокое звание Героя России. И вот он неизвестно кем убит, а государство не то что не воздает ему официальные почести, а даже формальной скорби не выразило. И возникший слух, что он уцелел и жив, тоже не побуждает ему помочь. Выходит, само государство не уважает свои почетные знаки и звания, которыми отличает тех, кто ему служит. Так стоит ли служить?

Ну, допустим, с опозданием поняли, что поступки Ямадаева, как и Кадырова, были преступными. Не заказано признать вслух, что награда была ошибкой. Но то-то и оно, что наша власть не может признать, что ошибилась, ошибались лишь ее предшественники. И главе императорского дома тоже не признать, что не все великие князья безгрешны, и российскому суду не признать, что он судит избирательно, того, на кого укажут. Признать - значило бы сделать общество открытым.

Неверно, что в открытом обществе власть не делает ошибок и не ведет себя дурно. Еще как! Но, как правило, ее поступки там видны или разоблачаются независимо, и можно о них судить. И очередные выборы там могут лишиться власти. Если бы в демократической стране для ликвидации банды террористов, захвативших столичный театр, туда пустили газ и сгубили чуть не двести зрителей, собственных граждан, глава государства, это санкционировавший, не говоря о главах силовых ведомств, тотчас подал бы в отставку или был низложен, а у нас - стал национальным лидером.

Задним числом такое возвышение одного человека над всеми, провозглашение его безупречным, безошибочным спасителем, вождем, именуют «культом личности» и разоблачают таковой, на деле снимая с остальной компании ответственность за отнюдь не красящие поступки. Задним числом на него свалют все, что было дурного и, как выяснится, пагубного,- свалют вину правящего класса, вину руководящей силы, продолжающей свое под другим именем.

Вот и смешно сводить наш нынешний кризис к падению цен на нефть. Он - продолжает пережитый Советским Союзом в конце семидесятых – начале восьмидесятых, а до того еще при Сталине. Это кризис не так финансовый, как социальный, и пока общество не изменится, сидеть Ходорковскому и сидеть, по старому делу или по новому. Если выпустят, да не по УДО, а оправдав, это покажет, что правящий класс начал смекать,

что губит не только Россию, но и себя, драгоценного. На новой волне кризиса, исключать это нельзя, но шансов мало, а до того, даже не симпатизируя Михаилу Борисовичу, мы будем ему сочувствовать, как явной жертве беззакония, символизирующей нынешнее российское государство.

Преступление в виде наказания. 31.5.2009

«Преступление и наказание» долго еще будет в числе немногих книг, не читая которые, трудно ощущать себя цивилизованным человеком, да и вообще человеком. А сюжет нехитрый - «студент старушку кокнул». Не как в криминальном чтиве, а бескорыстно: старуха скверная, убил по совести, чтобы сделать жизнь лучше. А мучился потом не только от того, что заодно пришлось убить и ее добрую сестру, а от мысли, можно ли убить «по совести». В «Бесах», мысль, что доброе дело несовместимо с убийством, смолоду терзавшая Достоевского, участника подпольного революционного движения, выплеснется сполна. Другой великий наш писатель, не подпольщик, а военный человек и граф, считал, что не то что убийство, но и вообще насилие – только мешает одолеть зло, против которого звал бороться всеми средствами, кроме насилия. Нигде в мире так не популярны мысли о насилии и убийстве из лучших намерений, как у нас.

Достоевский, бывший зек, сумел прояснить насущные вопросы, - что считать преступлением и кто преступник. Дела вроде чисто практические, но их практика и суждения о ней обнажают жизнь и природу общества. Преступлением числят серьезное нарушение установлений, не только убийство. Государство, к примеру, держит какие-то сведения в тайне, открывает их немногим, давая им специальное разрешение, допуск, а разглашение считает преступным. Можно спорить, какие сведения подлежат засекречиванию, а какие должны всегда оставаться общедоступными. В СССР мания секретности вышла за здравые рамки, кризис восьмидесятых вынудил расширять гласность. Но нигде не оспаривают право государства на секретность в некоторых сферах и везде считают ее нарушение преступным.

Своеобразие России в том, кого объявляют преступником. И не одни так называемые правоохранительные органы или суды, вплоть до Верховного, Практика осуждения невинных и потворства виновным в разглашении государственных тайн уже обрела своих певцов. Журналистка Латынина, к примеру, уверяет, что научного сотрудника Сулягина, не имевшего допуска ни к какой секретной информации, за разглашение такой информации, вполне справедливо приговорили к 15 годам лишения свободы, хоть информацию он извлекал из открытой печати, где ее публиковали. И делился ею с неизвестными гражданами, оказавшимися иностранцами, Само обвинение в разглашении того, что вы не обещали, как принято при получении допуска, хранить в тайне, абсурдно. Не менее абсурдно и обвинение в передаче информации иностранцам, поскольку открытая печать им доступна и без Сулягина. Но Латынина утверждает, что Сулягин должен был сообщать и, как патриот, не водиться с иностранцами.

Трудно допустить, что известная журналистка несет такое просто по глупости. Очень уж эта «глупость» полезна власти, - как и сам суд над Сутягиным, она уводит от передавших секретные сведения в открытую печать. Именно их, обещавших хранить тайну, закон велит наказать, а Сутягину в худшем случае могли вынести, как прежде говорилось, общественное порицание. Но упорство, с каким не только суды, но и журналистка, валят вину на Сутягина, показало, что они не просто выгораживают промашку каких-то важных лиц, а защищают главный принцип, как советского, так и нынешнего российского государства: власть и ее функционеры ни за что не отвечают, а граждане отвечают перед властью за любые не угодные ей поступки, даже не запрещенные законом.

Такова идейная установка, при которой не суть, что было на деле, какова истина. Российские суды и пропаганда, и госпожа Латынина лично, исходят из этой установки. Достоевский, как социальный мыслитель, тоже, возможно, к ней клонился, хотел перевеса идеала, идеи, над фактом, над истиной, но художественное дарование останавливало. Еще в 1854 году, до возвращения в Петербург, он писал доброй знакомой: ««...если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной». Но он не был уверен, что Христос не сообразовывался с истиной, и любой человек волен с ней не считаться. Почти двадцать лет спустя слова из старого письма он в «Бесах» передал Ставрогину, которому Шатов напоминал: «Не вы ли говорили мне, что если бы математически доказали вам, что истина вне Христа, то вы бы согласились лучше остаться со Христом, нежели с истиной?»»

Сокровенную надежду на спасительную веру вне истины писатель отдал персонажу местами автобиографическому, но, в конечном счете, своему антиподу. Достоевский, как выдающийся, великий художник, без истины не мог, и она вторгается в его романы, как бы противоречиво ни трактовалась. Суворин рассказывает, как Достоевский наперед терзался, что услышав беседу террористов, готовых взорвать Зимний дворец, не пойдет в полицию. Он жестоко себя за это корил, и все равно сознавал, что не пойдет. Он понимал, что истина не сводится к осуждению терроризма, и, как убежденный его противник, считал нужным искать пути его предотвращения. А участие еще в одной казни, в убийстве еще одной скверной старухи, - еще не полная истина. Ныне Достоевского чтут больше всех русских классиков, больше Толстого и Гоголя. Давно миновало время, когда его не включали в школьную программу. Но чтут его скорей, как религиозного пророка, чем художника с неодолимым влечением к истине. Она нынче не нужна.

Еще почище Латыниной это демонстрировал Радзиховский, обсуждавший на той же радиостанции российскую милицию, и оправдывавший применение пыток, как неизбежность. Он начисто отвлекался от того, помогает ли пытка установить истину или только вынуждает обвиняемого признаться. Оно, конечно, само пребывание в нашей тюрьме, постоянное общество других заключенных, сон при свете, пища и другое, даже без побоев и специальных методов, - в некотором роде пытка, побуждающая арестанта уступить. Но, если признание преступника еще может дать следствию какие-то факты, хоть для уверенности, что это не оговор,

оснований, как правило, нет, то ни в чем не повинный человек, - а они у нас временами составляли 99, 99% обвиняемых, - признает не истину, а навязанное обвинение. Поэтому пытка, как метод, противоположна поиску истины. И пользуются ею потому, что вовсе не истина – цель нашего судопроизводства. Его цель – защита интересов правящего класса, а интересов России лишь в меру понимания России ее нынешней властью.

Истину, как высшую ценность государственной, хозяйственной, научной и художественной деятельности, социальной и личной жизни, всюду в мире порой подменяют в интересах тех или иных социальных групп, но у нас особенно. Советская история, да и вся российская, нещадно фальсифицирована. Достаточно вспомнить, что роль Л.Д.Троцкого – одного из двух лидеров большевистской революции, читателям даже справочных и научных советских изданий, не говоря о прочих, была неизвестна. Его поминали лишь как врага народа с начала революции и даже до нее, но не как ее лидера. Особо фальсифицировали историю коммунистической партии и Отечественной войны. После смерти Сталина и потом, после роспуска СССР, некоторые истины были восстановлены, но общедоступная история страны все еще от истины далека.

Между тем, как надлежит истину устанавливать и восстанавливать, известно. В общественной жизни этому служат гласность и свобода слова, позволяющие всем доводам свободно звучать, а гражданам свободно судить об их убедительности. В условиях свободы берут верх версии более близкие к истине. Зачем же, спросят, в Германии объявлено обязательным признание Холокоста, массового уничтожения гитлеровским режимом людей по этнической принадлежности, и за его отрицание наказывают?

Там, однако, оберегают от забвения конкретный факт, установленный, к тому же, союзными армиями и, прежде всего, советской, вступившими в Германию, и Нюрнбергским международным трибуналом, и немецкое государство настаивает на признании каждым своим гражданином преступления национал-социалистических правителей, как на профилактике от возвращения к подобному. Столь же обосновано российское государство могло бы объявить преступным отрицание факта насильственной коллективизации крестьянства или ответственности И.В.Сталина и его соратников за неподготовленность Красной армии к войне и уничтожение почти всего ее командного состава, вынудившие отступать до Волги. У нас, к сожалению, горькие и стыдные страницы нашей истории вытравляют из памяти, а немецкое государство чрезвычайным способом защищает память о стыдной странице истории Германии. Помнить славные страницы своей истории, которые и там есть, оно не обязывает. А наша власть, замалчивая стыдное, обязывает помнить о славе, что, даже не разбираясь, где она реальна, а где легендарна, не дает права ссылаться на требование помнить о своем позоре.

Никто из психически нормальных людей не отрицает, что Советская Армия вошла в Берлин и возрузила знамя победы на рейхстаг. Однако, страны, покоренные гитлеровцами, а потом освобожденные Советской армией, но удержанные под коммунистической властью, и лишь после роспуска СССР

на деле освободившиеся, видят результаты 1945 года иначе, чем Россия, не считающая бедой утрату ими самостоятельности. Мы-то сами не хотели бы поступиться суверенитетом России в пользу, скажем, Китая, что может грозить довольно скоро, но у других такое чувство осуждаем. И рассматривая судьбы этих стран и действия их граждан лишь в свете ущерба или выгоды для России, президент Медведев и люди, которых он собрал в свою комиссию, сами наносят ущерб интересам России, демонстрируя миру, что она не хочет равноправных отношений, а ведь именно это и было главной причиной распада СССР. К тому же, отождествляя интересы России с репутацией коммунистического СССР, президент Медведев забыл о разрыве независимой России с коммунистической идеологией, что тоже наносит ущерб репутации России.

Такие страсти подрывают хорошие отношения с соседями, тут нужно серьезное и всестороннее научное рассмотрение исторического процесса. Ни провозглашение гитлеровцев защитниками независимости Прибалтики или Украины, ни забвение полувековой советской оккупации, не соответствуют исторической истине. Нежелание видеть прошлое во всей его полноте, жажда оправдать любые шаги любой власти своей страны, вредит и стране и ее соседям. Что было, то было. Выйти из порочного круга помогает не новая пропаганда, а научная история, которую исследуют ученые, а не президенты, министры и другие чиновники. У науки, математика это, биология или история, есть признанные методы установления истины, которую ученые, способные вести исследования, выверяют в дискуссиях, а не по соображениям политиков о том, что сегодня выгодней. Историк нуждается в свободном доступе к архивам и, опять же, свободе слова и печати, и в этом отношении зависит от власти. Но она должна понимать, что администраторам, при всех их достоинствах, не под силу решать научные проблемы.

В СССР, при немалом числе выдающихся исследователей отечественной и всеобщей истории, возможности исследования, особенно явлений близких по времени, были сведены к минимуму. В почете была не научная истина, а пропагандистские догмы. Историческую науку ограничивали и извращали больше других. Замечания Сталина, Кирова, Жданова на конспекты учебников истории и Постановление ЦК ВКП(б) и СНК от 16 мая 1934 года «О преподавании гражданской истории» были роковыми. Вмешиваясь в историческую науку и другие гуманитарные (социологию, психологию, даже языкознание), власть не считалась с нормами науки и требовала ее подчинения администрации. Такое обхождение с гуманитарным знанием неизбежно распространилось и на естественные науки, власть дискредитировала важные научные направления и упраздняла целые науки, как генетику и кибернетику, с пагубными последствиями для военного дела и хозяйства.

Социальные события восьмидесятых-девяностых годов внушали надежду, что при всех материальных трудностях, административное установление истины, присущее тоталитарному советскому режиму, ушло в прошлое. Даже с приходом Путина идейный диктат овладел лишь средствами массовой информации, освещающими текущие политические события. Создавая при себе новую комиссию по, как сказано, «противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России»,

Президент Медведев повернул страну к откровенно тоталитарному режиму. Установить научную истину комиссия из служащих ФСБ, Внешней разведки, политиков и администраторов, заведомо не способна. Разве что следить за наукой и ею командовать. Единственное достоинство президентского указа - его откровенность.

Между тем, и Латынина, и Радзиховский, да и Медведев, позиционируют себя, как люди грамотные и либеральные. Это вам не Нарочницкая или Шевченко, от которых другого ждать нечего. Для тех истина неотделима от интереса, понятно, не России, себя таким указом лишь марающей, а правящей «элиты», к которой они принадлежат и которую обслуживают. А и Латынина, и Радзиховский, да и Медведев, то и дело дают понять, что они не такие, а совсем другие. Нам внушают, что ныне президент – либерал, и сулят что-то вроде оттепели.

Однако, новый президент бесцветными фразами, как бы оттеняющими грубость и полупристойность Путина, впрямь сглаживает впечатление от манер предшественника, но не только не смягчает режим, а еще ужесточает. Он не только создал наднаучную комиссию, но уже провел продление президентского срока и проявил инициативу в отмене выборности председателя Конституционного суда, и, даже не вспоминая Грузию, другие инициативы. Для административной карьеры бесцветность – лучшая маска, и не стоит ей доверяться. Троцкий считал Сталина посредственностью, Зиновьев и Каменев, в союзе с которыми Сталин низвергал Троцкого, тоже надеялись потом удержать Иосифа Виссарионовича в рамках «ленинских норм», за что все и поплатились головами. Медведев, понятно, не Сталин, Путина из России не выселит, и в Мексике не убьет. Но Путину и всему клану сподручней управлять из-за его спины в ожесточенных условиях, за которые отвечают уже не они. И не затем ли дана Медведеву власть, чтобы, с либеральным выражением лица, он ее ожесточил? Делай это и дальше сам подполковник КГБ, плодилось бы вранье, будто Россией правит КГБ. Совсем другой вид, когда этим занят сын профессора, сам - университетский преподаватель.

Тут не до истины. От нее власти был бы прок, желай она и впрямь развязать узлы, которыми цари и генсеки в своих интересах крепили власть над Россией, ее калеча. Ныне зайца гонят дальше, опираясь на насилие и нефть, и пока они работают, ничего не боятся. Мучительная раздвоенность, как раз и выплеснутая диалогическим сознанием Достоевского, открытым Бахтиным, нашу власть, - ни царскую, ни советскую, ни нынешний тандем, не обременила. Какая уж тут истина, когда есть нужды поважней, и требовать истины от власти, от Ельцина, Путина или Медведева, - уже смешно.

Но Латынина, дочь литературоведов и сама писательница, и тем более, Радзиховский, психолог по профессии, Достоевского читали и Бахтина, скорее всего, тоже. И, конечно, помнят, что Порфирий Петрович, изблещив Раскольникова, его не посадил, а дал возможность подумать и самому повиниться. Достоевский верил, что это откроет Родиону Романовичу дорогу к другой жизни. Об этом нет смысла спорить, возможно и так. Но в любом случае, Порфирий Петрович видел, что арест и

расправа не повернут туда преступника, что на это нужно его собственное решение.

Указ Медведева, вернувший страну к директивам Сталина, Кирова, Жданова, стал возможен потому, что не только Латынина и Радзиховский, но и другие ряженые либералы, отказывают людям в праве на собственные решения, даже не нарушающие законов, и доверяют государству с ними поступать, как соблаговолит. А либерализм начинается с уважения собственных решений других людей, во всяком случае, в рамках закона. Либерал никогда не согласится, что прочитанное в открытой печати нельзя сообщить кому угодно, не заявит, хихикая, что милиция и ФСБ вправе пытаться, поскольку иначе покамест не обойтись. При таких «либералах» естественен и президент-«либерал», гимназии еще не пожегший, но науку, как предсказал другой великий русский писатель, уже упраздняющий.

Перспективы русской демократии. 15.6.2009

В предвидении визита Обамы в Москву Л.Гудков, И.Клямкин, Г.Сатаров и Л.Шевцова в газете «Вашингтон пост», и одновременно А.Пионтковский в газете «Москоу таймс», предостерегли его от советников, зовущих принимать Россию такой, какая есть, то есть, вернуться к так называемому «политическому реализму» и примириться с ее отказом от обещанной при выходе из СССР демократии, И тотчас были контр-атакованы А.Ливеном в вашингтонском журнале «Нэшэнэл интерес». Спор, однако, вышел не так о политике США, как о судьбе России. Российские авторы утверждают, что «две трети россиян выступают за установление в стране демократии и верховенства закона», и в том, что ни того, ни другого, нет, винят лишь нынешнюю российскую власть, а Ливен пугает, что «практически по всей России либералы просто не имеют никаких шансов на избрание в ближайшем поколении, а то и дольше». Но не так все просто.

Что говорить, иллюзии августа 1991, если не тогдашнее слабое понимание происходившего, ушли, но не Америка их создала и не она рассеяла. Если Обама сочтет, что Россия живет так, как хотят ее жители, ничего хорошего это нам не сулит. Но наивно думать, что обозначив российскую ситуацию, он спасет нашу страну. Спасти мы можем только сами. Никому не сформировать демократию в другой стране, если та не оккупирована, да и так, как подтвердил Ирак, это зависит от местных жителей. Обаме полезно видеть, что, интересы России не идентичны интересам ее нынешнего режима. Но ему еще полезней видеть, что интересы Соединенных Штатов тоже не идентичны нынешним советам Киссинджера и комиссии Харта-Хейгла. И отнюдь не потому, что их советы реалистичны.

Можно понять американцев, разочарованных несбывшимся преобразованием России, понимающих, что она осталась лишь ужавшимся Советским Союзом, помнящих, что требовать от Брежнева или Андропова демократии было смешно, но и тогда, и теперь, хотящих не военной конфронтации, а сообразия с реальным положением вещей. Но то-то и оно, что Киссинджер и другие советники Обамы влекут вспять от реализма

и на подобную брежневской, даже более жесткую, политику Путина зовут отвечать совсем иначе, чем отвечал Брежневу Киссинджер. Вообразив, что Россия слаба, они готовы нынче легкомысленно ей уступить Абхазию, завтра Крым, потом Эстонию, а там, глядишь, и Польшу, лишь бы Россию ублажить и успокоить, забыв, что аппетит приходит во время еды. Они готовы даже именовать российский режим, возвращающий к иначе декорированному тоталитаризму, - демократическим.

А когда-то третий Киссинджер реалистично играл на всех клавишах. Ракеты с ядерными зарядами стояли друга против друга. А в Афганистан, когда мы туда влезли, Америка посылала стингеры, предопределившие исход войны. Америка содержала радио «Свобода», доносившее до нас события в нашей стране, скрывааемые советской псевдо-информацией. И в то же время Америка поставляла Советскому Союзу хлеб и многое другое, жизненно ему необходимое, и подписывала соглашение в Хельсинки, декларируя, как повсеместные и общие, демократические нормы и права, но не претендуя сама их в СССР установить. Холодная война, никак не радовавшая, все же спасла от горячей, не будем неблагодарны. То как раз и был реализм, но Киссинджер с ним расстался и предлагает «новый реализм», а разницу меж тем и другим авторы «Вашингтон пост» упустили. Если бы Обама ее ощутил, он бы, - не ради нас, а ради Америки, - не признавал бы за Россией особые права на воспитание соседей, использованные в Грузии, и вместо басен о возможности вместе с Россией укротить иранскую бомбу, помнил бы, кто помогает Ирану ее создать, словом, вел бы себя с Путиным, как Никсон и Киссинджер с Брежневым. Если он этого не поймет, - значит и его интересы не идентичны интересам США. Но нам с этим ничего не поделать, хоть русской демократии это во вред.

Оплот реализма в политике – взаимность. Рейген помягчел к Горбачеву, внятно сделавшему еще только политические шаги к нормализации жизни в СССР. А Клинтон не углядел в пришедшем потом Ельцине реставратора былого порядка, сшившего ему наряд, как бы сообразный либеральным стремлениям народов СССР, но пренебрегшего их содержанием, и быстро утратившего массовые симпатии. Не вспоминая все его правление, не забудем, что он и навязал России президента Путина, и не просто по личной приязни, а предпочтя из претендентов, подбиравшихся им тоже лишь из спецслужб.

Трудно не согласиться с Ливеном, что стремление большинства россиян к демократии «совершенно точно не означает одобрение «демократии» в том виде, в котором она практиковалась администрацией Ельцина». Отождествляя авторитаризм с Путиным авторы «Вашингтон пост», к сожалению, не вспомнили, что он прописан уже в Конституции 1993 года. Не вспомнили, что хозяйственные реформы Ельцина-Чубайса подменили переход к свободной экономике, обрядив советские монополии собственностью Потанина, Абрамовича, Дерibasки, и прочих. Вместе с псевдо-либерализмом был заведен псевдо-капитализм, который бесстыже именуют государственным, хоть государство впрямь бывает капиталистом лишь будучи равноправным с частными конкурентами, а когда оно ими, как у нас, управляет, никакого капитализма нет и быть не может.

При такой системе на реальный либерализм шансов мало, хоть Обама на голову встань. Но пророчество Ливена, что либералы не будут избраны во власть «в ближайшем поколении, а то и дальше», хоть большинство россиян, как сам Ливен признает «хотят, чтобы в России было больше определенных элементов демократии», не безусловно. Так будет лишь, если, во-первых, нынешнее хозяйствование за два поколения не развалит страну, а во-вторых, если Путин, Медведев и другие члены их кооператива сумеют и дальше держаться на фальшивых выборах, не допуская сильных оппонентов, и даже тех, кого допустят к выборам, не допуская к средствам массовой информации. А это в большой мере зависит от готовности Америки и Европы принимать все это за демократию.

Конечно, широкая неприязнь к тем, кто под именем либералов и демократов семнадцать лет назад начал шить советской системе псевдо-капиталистический наряд, умрет не скоро, тем более, что кумир псевдо-либералов Чубайс все эти годы занимает во власти видное место и славит Чеченскую войну. Но прошло достаточно времени, чтобы разобраться, была ли гайдаровская «либерализация цен» в государстве, остававшемся монопольным владельцем производства, впрямь либеральной, и в какой мере либеральными можно счесть реформы Чубайса, начавшего «строить капитализм» с мощных монополий, всюду бывших вершиной, а не исходной точкой буржуазного развития, начатого миллионами крестьян, освободившихся от феодальных пут.

То-то и оно, что все это время, уже с 1993 года, было трудно публично обсуждать, что со страной проделали, да и самому существованию впрямь либеральной оппозиции якобы «либеральной» власти, усердно мешали, а при Путине оно стало невозможно. Противившаяся ельцинским реформам социал-либеральная партия «Яблоко», при всей робости и слабости ее критики чубайсовского «либерализма», не имела ни своей газеты, ни повседневного доступа на телевидение, и шельмовалась, как враг единства либералов. Власть взяла монополию на либерализм, и донести до людей коренные различия реальных и ряженных либералов было немисливо. Многие принимали за либералов не защитников свободы и самостоятельности людей, а защитников свободы государства командовать, быть авторитарным и даже опять тоталитарным. Об этом не вспомнили ни авторы «Вашингтон пост», ни Ливен, а здесь-то и зарыта собака. Уже при Ельцине критиков власти убивали из-за угла, и свободу печати ужимали. А при Путине пошли и открытые преследования инакомыслящих, запреты собираться, дубинки ОМОНа, и много чего еще. Нашей власти хватает терпимости лишь к антилиберальным движениям, к коммунистам и явным фашистам. А подлинные либералы – для нее экстремисты.

И если, - как Ливен не без основания предрекает, - после Путина и Медведева будет еще хуже, или, скорей, они сами станут еще хуже, то в этом они сами, прежде всего, и виновны тем, что не дали развиваться свободной дискуссии о том, как стране жить. В отличие от Ливена, авторы «Вашингтон пост» это сознают, и это важно. Россия обрела нынешний порядок не по свободному выбору населения. Как сказано, «Народ безмолвствует». Недобросовестно выдавать его отстранение от «демократии» Ельцина, Гайдара и Чубайса за любовь к авторитаризму

Путина и Медведева. По традиции у нас ходят на избирательные участки не затем, чтобы выбирать. Лишь свободные обсуждения по всей стране, подобные хотя бы происходившим в последние годы власти Горбачева, при свободных и неподдельных голосованиях, каких в России так почти и не было, выявят новых, еще неведомых, подлинных либералов и демократов, как выявляются они в той же Украине, где, при всех нескладницах, есть политическая жизнь, которой в России нет.

А Ливен внушает, что и без нее страну, уже более двадцати лет тщетно пытающуюся стряхнуть большевизм, президент Медведев приведет к демократии, пользуясь советами Игоря Юргенса. (Как Обама, пользуясь советами Киссинджера). Не исключено, что Юргенс впрямь хочет, как лучше. Советником Путина долго был Андрей Илларионов, о котором мы в Питере слышали много хорошего, и это Путина украшало, но о власти судили не по советам, которые Путин получал, а по его поступкам. Вот и ныне приходится судить по поступкам Медведева, а он в противодействии демократии уже и Путина обошел, продлил президентский срок, заменил выборы Председателя Конституционного суда его назначением, создал комиссию по извращению истории в интересах России, и т.д. Поэтому Юргенс с его институтом воспринимается как ведущий актер перформанса, устраиваемого, чтобы придать Медведеву либеральный облик, в чем, как видим, и Ливен принимает участие. Илларионов, в конце концов, этой роли не выдержал, и ушел в отставку. Чем бы ни кончил Юргенс, всерьез ждать от Медведева реальной «перестройки» или хоть «оттепели», оснований покамест нет, рассорится он с Путиным или будет и дальше его маской.

Ждать перемен к лучшему сегодня трудно. Ведь и перестройку Горбачева, вздыбившую страну, вызвала не сама по себе его добрая воля, а катастрофа, до которой хозяйство дошло под руководством КПСС, отлично, кстати, изложенная Гайдаром в книге «Гибель империи». Горбачев понял, что жестокие меры, свойственные его партии, для страны и населения уже будут губительны, и хотел их избежать. Но после него руководящие места остались у коммунистов, лишь спрятавших партбилеты. Вот при всех, немалых, вроде, обновлениях, и жив прежний советский дух. Нас уверяют, что на глубокие перемены нужны десятилетия, а после замены продрозверстки продроголом страну вскоре было не узнать, а в «год великого перелома», 1929, она опять мгновенно переменялась, да и голод начался. Но нынче твердят: «Надо погодить!» Лучший способ выдвижения новых идей и людей - свобода, у нас опять отвергнут. Конечно, углубление кризиса, с которым Путин, хоть и хорохорится, справляется плохо, способно вызвать оползень, а они - дальнейшие повороты, временно отсроченные подскоком цен на нефть, но, как ни относиться к Путину, родной стране оползень не пожелаешь.

В рассуждениях Ливена ключевое место заняли отличия происходившего в России от перемен в зависимых странах и союзных республиках, хоть не все они обрели демократию. Отмечая, что в их освобождении от советской империи немалую роль сыграл национализм, он пишет, что «для россиян антироссийский национализм не может стать двигателем реформы», с чем не поспоришь. Но из этого он выводит, что, если национализм и сыграет в России какую-то роль, то связанную «с восстановлением позиции России в

роли великой державы». Между тем, Россия более всего изнемогает от имперского груза. И ее спасение как раз в отказе от великодержавности, в том, чтобы национализм перестал быть шовинистическим, биологическим, расистским.

Гарибальди был националистом, но не империалистом и не шовинистом. Становление Европы во многом совершенно национальными движениями, отнюдь не направленными против инородцев. Вспоминается и Бисмарк, отмечавший важный вклад немецких евреев в объединение Германии. Но возникновению здорового русского национализма издавна мешало то, что русский народ, наполовину закрепощенный, и думать не мог о национальном самоопределении, а мог лишь под командованием правящего класса расширять империю, в которой крепостной мог быть господином лишь номинально. Русский демократический национализм, в отличие от имперского, вопреки Ливену, побудил бы не удерживать чужие земли и другие народы, а, напротив, предоставить желающим отделиться полную свободу, а желающим остаться в России равные права. По последовательности в этом его и можно будет опознать. Каспаров, конечно, заблуждается, надеясь в союзе с недемократическими группировками привести страну к демократии. Но, посмеиваясь над ним, Ливен выгораживает правящую великодержавность, словно хрен слаще редьки.

Лишь национальное самоопределение уберезит Россию от великодержавного шовинизма, процветавшего в СССР, и ныне питающего не только власть, но и те неофашистские группы, которые Ливен вроде осуждает. Чтобы этого не видеть, нужно закрыть глаза. Демократический русский национализм, зовущий русский народ отказаться от двойной роли – полутюремщика-полукрепостного царской или советской империи, – едва ли не единственная реальная надежда страны. А советчикам Обамы, велящим ему потворствовать российским властям, как, к сожалению, и их критикам в «Вашингтон пост», и, еще более, обличающему этих критиков Ливену, как раз реализма и недостает. Но, не воспринимая реальность, невозможно вести реалистическую политику.

Хотят ли русские войны? 1.7.2009

На вопрос приходится отвечать вопросом: какие русские? Если жители России или еще Советского Союза с вечным присловьем «Лишь бы не было войны», то они войны впрямь никогда не хотели и в массе не хотят. Если русская власть, то времена меняются, и она вместе с ними. Сталин в 1939 вводил войска в Польшу, а Брежнев в 1979 в Афганистан, вполне понимая, что это война. Сталин потом отхватил еще пол-Европы, но его преемники, хоть и твердили за ним «два мира, две системы», напарываясь на сопротивление, как при установке ракет на Кубе, войны остерегались, хотели покорить мир без войны. И до Афганистана покоряли. Перед роспуском СССР и Варшавского пакта треть мира была подвластна СССР, а другая треть – толком его не знала и ему симпатизировала.

Будь хозяйство коммунистов иным, их «окончательная победа», возможно, и впрямь была бы неотвратима. Но то-то и оно, что жажда покорить мир

шла от особенностей их хозяйства. Диахронная мифология марксизма прикрывала прагматичный ленинский, а потом сталинский, синхронный волюнтаризм, преобразавший смысл марксистских формул. Уже для армии Тухачевского в 1920 «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» звучало как «Даешь Варшаву!», «Даешь Берлин!». Мифология мировой революции стала ширмой для утоления нужд советского хозяйства на много лет вперед.

Унитарная государственная монополия, болтая о соцсоревновании упразднила внутреннюю конкуренцию и не могла развиваться всесторонне. Обнаружилось, что бывшей кормилице Европы и хлеба недостает, и лекарств, и технику надо покупать, а чтобы платить, в отличие от Китая, потом завалившего мир техническим и прочим ширпотребом, у Советского Союза было лишь оружие да сырье, цены на которое всегда скакали. И чтобы удержать власть в СССР, номенклатуре приходилось пугать и покорять мир.

Отказаться от ленинского «единого синдиката» означало позволить самодеятельные силы, а это лишило бы партию заведомо командного положения. Стань крестьяне не колхозниками, а фермерами, не ожидай рабочие снижения цен на спички и прочих сталинских поблажек, а борись за свои права с независимыми предпринимателями, которых бы тоже не ликвидировали, пришлось бы допустить представительную власть и политическую жизнь. Поняв это еще в 1927, коммунисты в 1929 взломали возродившееся было хозяйство и сделали страну жертвой армии и военной промышленности. И хоть Красную армию тоже потом подвергли экзекуции, в ходе войны артиллерия и танки, в отличие от самолетов и грузовиков, по преимуществу заморских, были по преимуществу свои. На эту часть победы страна, наряду с коллективизацией и Гулагом, тоже отозвалась деформацией социальной структуры. Хотели жить за железным занавесом, но вести за ним всесторонне развитое хозяйство невозможно, и росла потребность в завоеваниях и колониях. Лишенная внутренней политики страна, жила только внешней.

После войны вооруженные силы полуголодной страны росли, и бог весть до чего бы дошло, кабы атомный пат не оборачивал военную агрессию против сопоставимого противника в самоубийство. Оставались периферийные захваты, которые СССР вел, опираясь на местные силы, но их возможности не беспредельны, и прямое вторжение в Афганистан - отнюдь не групповое безумство Брежнева, Устинова, Громыко и Андропова. Эти четыре смекалистых человека перешли от мирного захвата к военному, поняв, что отказ от захватов вынудит искать внутренние опоры, то есть, умерить номенклатурное царство, начать «перестройку», которой уже отчасти была зажата «косыгинская реформа». Военное поражение выдвинуло Горбачева, он вывел войска, а при Ельцине империя лишилась доброй половины владений.

Политика сперва менялась, но внутренний строй меняли по преимуществу на словах: либерализованный социализм объявили капитализмом, но конкуренция не возникла, якобы частные предприятия не стали независимы от государства, и правящий класс не мог держаться без насилия, обмана и страха. Отсюда и любовь к образу «осажденной

крепости», и жажда, как говорят, «встать с колен», то есть, снова ставить на колени других. Но если СССР в периферийной войне на большой риск пошел все же лишь в Афганистане, а доверить неконвенциональное оружие местным порученцам и тогда опасался, то после 1991 года картина стала меняться.

Содружество американских, германских (бежавших от Гитлера) и других европейских ученых, опиравшееся на технологическую мощь США, в конце войны создало ядерное оружие. Отдельной стране, не столь сильной и богатой, завести его, казалось, немыслимо. Уже СССР, как известно, использовал агентурные данные, но наличие крупных ученых и военно-промышленная сила позволили догнать Америку, а с водородным оружием даже чуть обогнать и потом превзойти в запасах. Англия и Франция тоже создали бомбу. Изобилие китайских ученых в Америке, а в Китае - ученых советской школы, объясняют китайскую бомбу. Можно понять ее обретение Индией, даже Израилем, хоть не доказано, что там она есть. Но дальше возникают вопросы.

Появление бомбы в Пакистане необъяснимо, в Северной Корее и Иране тоже. Не рассматривая Пакистан, в двух последних случаях прямых данных о российской причастности - нет, но едва ли у кого еще достанет смелости так рисковать. Ведь нет гарантий, что полученное оружие не направят против страны-поставщика. Китай, не желающий, конечно, объединения корейских государств, в делах, его прямо касающихся, возможную инициативу никому не уступает и его заподозрить трудно. Обилие корейцев в российских атомных институтах, в той же Дубне, известно. А Ирану мы давно строим ядерную электростанцию, и вряд ли позваны туда лишь как умелые строители, без мысли о подготовке ядерных зарядов.

Но даже если отвлечься от происхождения корейских бомб и ракет, стоит взвесить, отвечает ли наличие ядерного оружия у малых тоталитарных стран, расширяющее круг возможных инициаторов мировой войны, интересам России или только ее правящего класса. Прежде ее начать были способны лишь две сверхдержавы. Обе могли нанести сокрушительный ядерный удар, но обе, думается, сделали бы это лишь в ответ на ультиматум другой стороны. Американцы, побеждавшие в экономике, этого явно не хотели. Но и в Кремле, побеждавшем в политике, сидели не безумцы, и хоть маршалы обсуждали «упреждающий удар», гражданам СССР мешало спокойно спать совсем не это. Кем ни считать советских руководителей, они сознавали риск применения ядерного оружия даже в тактических интересах. Малые тоталитарные государства, вроде Кореи или Ирана, такого уровня сознания не демонстрируют.

Ким Чен Ир у власти тоже дороже страны. Но, хоть он знает, что лишась страны лишится и власти, ему нечего продавать, чтобы покупать хлеб и лекарства. И ничего ему не захватить. Вот он и шантажирует отчаянней. Поддавшийся Клинтон кормил Корею, помогая наращивать военную угрозу для будущего шантажа. Он оставлял проблеме тлеть, лишь бы потоп был после него. Если Обама и миссис Клинтон продлят путь ее мужа, шантаж, а с ним и риск, лишь вырастут.

А российская позиция отличается от былой советской не к лучшему. Не осудить корейские взрывы Россия не может, но их остановить, применить радикальные экономические санкции, явно не хочет, и решительная по тону резолюция ООН из-за ее противодействия вышла неэффективной. Ким Чен Ир не обеспокоился. А как его мирно умирить? Вынудить США помогать вооружению нашего старого союзника - лихой дипломатический ход. Да только издержки выплеснутся у наших границ. И радушно приветствуя Ахмадинежада, мы помогаем вызреть по-соседству еще большей опасности.

Не то что Путин и Медведев этого не понимают. Но еще лучше они понимают, что в мирной обстановке империю не вернуть, что тенденция к глобальному хозяйству идет бок о бок с тенденцией к сепаратизму, строго говоря, это двуединый процесс. Лишь смута, лишь военная угроза, лишь новый тоталитаризм, могут внушать надежду на имперскую вертикаль. Иначе ее не возродить. Отсюда и отчаянные шаги в Чечне, в Грузии, и чуть ли не уже в Украине. Конечно, сегодня Россия не может, как мог СССР, противостоять миру в одиночку. Да и государств, и блоков, жаждущих строить империи и править миром, не счесть. Даже если не Россия помогла Северной Корее и Ирану с бомбами и ракетами, попустительство им выдает симпатии российских начальников тоталитаризму любого толка. Из этой любви и выросла главная мысль Кремля: западные порядки (то есть, представительная власть, независимый суд, местная автономия, права человека и т.д.) - не всеобщая норма и не всем обязательны. Вот Россия и сплачивает мир для противодействия Западу, якобы навязывающему свой уклад.

Абстрактно рассуждая, западная демократия впрямь ни для кого не обязательна. Лишь для тех, кто хочет развития и благоденствия своей страны и ее граждан. Дворянству, номенклатуре, элите и любому насильем правящему классу она, как правило, создает препоны. Всякий вправе предпочесть ей монархию, однопартийность, теократию или вертикаль группы товарищей, взявших власть, чтобы не отдавать. Не надо только пенять на последствия и валить их на «культ личности», словно рецепт хорош, да повар оплошал.

XX век являл вождей, открыто внушавших согражданам надежды на блага за чужой счет, и затевавших войны. Так или иначе, они сгнули. Но советский порядок держался не только тем, что КаГЭБэ был больше, активней и ловчей, чем ГеСтаПо. У Советского Союза была еще великая советская ложь. Но величие поблекло не оттого, что КГБ увяло, а ложь раскусили. Его подточило техническое усложнение и удорожание гонки вооружений, обнажившее изнанку величия, опять вынудив к выбору меж тоталитаризмом и демократией.

Пред схожим выбором Россия стояла еще при Иване Грозном, при Алексее и Петре, при Александре II. А с 1917 пришлось об этом думать наново. В 1921 году коммунисты еще пытались сообразоваться с объективной реальностью, но Ленин нервничал: «Мы год отступали! Достаточно!» После его смерти отступление продолжалось. Но в 1929 его остановили, и, чтобы удержать тоталитарный строй, - а вовсе не только личную власть, - товарищу Сталину пришлось почти поголовно

перестрелять коммунистов, бравших власть в 1917, а каждый десятый, если не больше, из беспартийных был так или иначе репрессирован. Смерть Сталина позволяла власти осмотреться. Альтернативность свободной экономики и тоталитарной номенклатуры наиболее серьезно и вполне мирно, проступила в 1968 году. Отстаивая прежний выбор, танки, вошедшие в Прагу, утомили Москву.

Но они же, въехав в Афганистан, к 1985 году довели СССР до кризиса, который было не осилить прежними мерами. Явись в 1968 советский Дубчек, он, возможно, спас бы СССР и даже Варшавский договор, хоть и в преобразенном виде. Но номенклатура умеет быть и принципиальной. Назначив Путина, Ельцин передал номенклатурный строй в надежные руки, сберегающие его суть под другим именем. До советских масштабов еще, конечно, далеко, зато Путин и Медведев куда откровенней Сталина. И больше уверены в своей безнаказанности. И куда меньше боятся. В Грузии они показали, пусть не военную выучку, но политическую решимость, и Запад ее проглотил, поощряя двигаться дальше.

То, что тандем не боится позволить малым тоталитарным режимам самостоятельно вбрасывать в игру мяч, то бишь ядерную бомбу, - новое слово в российской политике. Но ведь и поставки сырья Брежнев по политическим мотивам не останавливал, а Путин – запросто. Ким Чен Ир, Ахмадинежад или глава Хамаса, Машаль, смелы потому, что прикрыты щитом все еще могучей ядерной державы, за которым они - свои: хоть поjureт за прямооту, но не сдадут. В Кремле ничего не боятся. Как ни опасен был Советский Союз, он свои игровые позиции контролировал, и ни Насер, ни Кастро, не могли без спросу сделать шаг к мировой войне. Кастро очень серчал, когда Хрущев лишил его возможности, какую Путин и Медведев дают Ким Чен Иру с Ахмадинежадом. А президент США, - уже не Кеннеди, осадивший Хрущева, а сперва Буш, теперь Обама, - все уверяет, что рука об руку с Россией образумит Иран и утихомирит Северную Корею.

Об чем разговор? 15.7.2009

Понятно, что Обама спешил в Москву: номинированному мировотворцу ее не миновать. Понятно, что принять его там были не прочь. Мы по привычке числим себя Америке ровней, а не все так считают. Визит позволял поставить ее в лице Обамы на место. И показать миру, что мы с Америкой на вась-вась, - пьем вместе чай из самовара и едим черную икру с оладьями и сметаной.

Нам это важно потому, что равны-то мы только по ядерным зарядам и средствам доставки, а они устаревают и требуют замены, которую Америке провести легче, чем ужатому до нынешней России Советскому Союзу. Согласно «Общему пониманию», хоть это еще не договор, их число сократят, заменять придется меньше и выйдет дешевле. Если выйдет, это хорошо. Непонятно лишь, как новый договор соотнобруется с заверениями сторон, что холодная война кончилась.

Договор СНВ был договором о равновесии взаимного уничтожения. Другого смысла в нем не было. Каждая сторона вправе была держать

ракеты и бомбы, готовые уничтожить другую раз тридцать. В мире, разделенном на два лагеря, без равновесия было не обойтись. Оно удерживало от срыва в самоубийственную атаку при неудачном исходе любой из непрерывных стычек. Благодаря ему большая война оставалась холодной, а горячие - местными. Если через двадцать лет после ломки берлинской стены тот договор продлевают, значит холодная война не кончилась. Во всяком случае, возобновилась. Значит, лондонский журналист Эдвард Лукас это не придумал! Договор готовы подписать президент США и президент России. И ничего хорошего в этом нет.

Мы с Америкой никогда не воевали, а на одной стороне воевали не только во Второй, но еще и в Первой Мировой. Да уже и до нее Александр Блок в стихах о Родине писал: «То над степью пустой загорелась Мне Америки новой звезда!» Это, понятно, не гимн Соединенным Штатам, но мечта о преобразении Родины по их подобию, желанном не только великому поэту. Лишь после победы, когда Сталин, отказом вывести свои войска из освобожденных нами от Гитлера стран, как вывели свои американцы, развязал холодную войну, Америку, наконец, записали нашим врагом, - сразу главным, как главную силу на другой стороне. Сама по себе она ничего худого России не делала, и хоть антиамериканизм усердно насаждали, ненависти в народе не вызывала, не то что сейчас. Почему же почти через двадцать лет после шумно декларированного отказа России от коммунизма наши страны все еще пребывают в состоянии холодной войны и нуждаются в равновесии взаимного уничтожения?

Мы ни от Ельцина, ни от Путина, ни от Медведева, не слышали, зачем нам отношения с Америкой, только ли затем, чтобы избежать войны да что-то прикупить и продать? Обама тоже публично не сказал, что у нас по большому счету общего, и кроме «Общего понимания» увез лишь соглашение о пропуске американских самолетов через наше воздушное пространство в Афганистан. Его ничьей победой не сочтешь, - остановить талибов нам даже нужней, не то – прощай, Средняя Азия! Но это все сделки. А политика предполагает понимание и общих интересов и развилки, их разводящих. Обе стороны не оглашают свое реальное понимание вещей.

Обама очень способен к риторике, это ясно не только по прежним блестящим речам, а даже по доходящим московским. Но их информационный вес невелик. Сперва Обама как бы принял всерьез российскую полуофициальную политическую легенду о Медведеве, как предвестнике новой оттепели, знающем, что свобода лучше несвободы, и лягнул Путина, «одной ногой стоящего в прошлом». Едва ли то была оплошность, а не выяснение по их реакции, кто в доме хозяин. Но нужда это выяснять, показала, что в российской реальности Обама не силен.

То же впечатление от «встречи с оппозицией». Не говоря о бесплодности такой встречи в стране, где политический строй не предусматривает учета мнения оппозиции и даже его публичного звучания, стоит взглянуть на оппозиционных собеседников Обамы. Двое из девяти (Зюганов и Лукьянова) – представляли компартию, двое (Мизулина и Илья Пономарев, приметный, как однофамилец видного правозащитника) – «Справедливую Россию», слаженную властью имитацию левой оппозиции,

а Гозман - «Правое дело», опять же слаженную властью имитацию оппозиции демократической. Партия монопольно правившая в СССР и показательные оппозиционеры составили большинство. То есть, Обаме хватало показухи, а тем, кто как-то все же причастен к более или менее демократической оппозиции, он внушал, что, хоть реальных шагов к демократии власть и не делает, надо радоваться хорошим словам нового президента Медведева.

Голос демократической оппозиции режиму перекрыт, ей нет хода к рядовым гражданам, но опустить железный занавес и закрыть ей выход за рубеж власть еще считает невыгодным. Ведь ее проникновение туда как раз и создает иллюзию нашей свободы. Встреча с Каспаровым, Немцовым, Рыжковым и Митрохиным русской демократии ничего не прибавит, а их суждения и суждения других реальных оппозиционеров президенту США при желании доступны. Поддерживать демократию ему бы надо не встречей с ними, а иначе строя отношения с нашим авторитарным начальством.

Турцию, как известно, не берут в Европейский союз за куда меньшие, чем в России, отклонения от демократии. А прекрасно зная о многочисленных отклонениях России, Соединенные Штаты ведут себя с ней, словно ничего такого нет. Обама, к примеру, обещал отменить поправку Джексона-Вэника, принятую, когда СССР препятствовал эмиграции евреев, искавших спасения от советского антисемитизма. Выезду Россия вроде пока не мешает, но то и дело возобновляет другие антидемократические действия. А Обама, спеша отменить, возможно впрямь устаревшую, поправку, не думает, как сдержать нынешнее беззаконие.

Произвол российских судов общеизвестен. Не один западный инвестор потерял там не только предусмотренные контрактами выгоды, но и вложенные средства. Перенимают оборудование и опыт, а их выставляют. А сограждан вовсе судят, как бог на душу положит, хоть во главе страны даже два дипломированных юриста. Но указывающие им на беззакония, слышат в ответ, что не гоже вмешиваться в дела независимой судебной власти. Не вмешиваются даже там, где имеют право. Медведев сетует, что нельзя помиловать Ходорковского, который не признает себя виновным, а в российских законах не сказано, что признание вины – условие помилования, и право миловать дано не судьям, а президенту.

Да и с новым процессом Ходорковского-Лебедева, который даже Обама помянул, некругло. Отвечают, что, дескать, суд разберется. Но уже разобрались прокуроры, они и передали дело в суд. А прокуратура - отнюдь не независимая власть, уволить генерального прокурора президент вправе, когда вздумает. Прокуратура – орган административной власти, и за ее действия, в отличие от судебных решений, президент несет прямую ответственность. Не то, что Медведев забыл закон или не знает. Прекрасно знает, он – отличник, но говорит иное и действует не по закону. Обаме бы рассказать сверстнику, что в Америке генеральный прокурор – даже член правительства. Но не похоже, что он эту тему задевал.

Разумеется, нам не сообщили, о чем говорили, не только ведь пили чай. Разумеется, результаты встреч не в бумагах, а в том, что изменится на деле, и не через неделю, а, может, за полгода. Но похоже Киссинджер убедил Обаму свести отношения к сделкам, хоть сам Киссинджер шел на сделки в совсем иных условиях. Обама не слишком глобально мыслит. Он произносит слова о том, что Россия – великая страна с великой историей, но в историю не вдумывается.

Если не замыкаться на взаимном уничтожении, понятно, что Россия у Америки не на первом месте, есть более непосредственные дела. Неуважения в этом нет. Но стоит помнить, что Россия, хоть не вторая на глобусе, а входит не только в двадцатку, не только в восьмерку. Ее вес не в размерах и боеголовках, а в потенции. А потенция, как известно, чувствительна и к партнерам, и к обстоятельствам, и не в любое время в любом месте срабатывает. История России не равна, но не раз была значима для судеб мира. Обама прекрасно сказал: «Будущее не принадлежит тем, кто выводит армии на поля сражений или прячет ракеты под землю, – будущее принадлежит образованным молодым людям, наделенным воображением и способностью творить». Но он не вполне сознает, что России для нарисованного им будущего нужна свобода от руководящей и направляющей силы, решающей, кому быть президентом, что производить и как жить. Не в том дело, как эту силу зовут, – император всероссийский, коммунистическая партия, КГБ или кооператив «Озеро», а в том, что рядовых граждан она не слышит, да и не слушает. Обама стоит поразмыслить, почему накопления от нефти, не ушедшие на кризис, Россия тратит на покупку европейских и американских фирм, а не вкладывает в свое хозяйство, в модернизацию своих социальных отношений.

После трехсот лет самодержавного крепостничества, после шестидесяти лет советских лагерей, после уже почти двадцати лет авторитарного режима, легко попрекать народ безмолвием. Но стоит помнить, что от того, какой будет Россия, на чем она будет стоять, зависит весь мир, и не только тем зависит, что боеголовки взрываются. Путин, как некогда Сталин, а еще раньше Петр, дал стране две задачи – кормить номенклатуру, то бишь элиту, и ковать оружие. Такая идеология держала империю Петра до Крымской войны более ста двадцати лет. Империя Сталина продержалась до 1991 около шестидесяти. Если Путин замахивается хоть на половину сталинского срока, значит он в глубине души решил: «После меня, хоть потоп!» Это определяется не его натурой. Но производство изменилось, и, – хоть по Марксу, хоть по Веберу, – всестороннее развитие уже несовместимо с авторитарной и тоталитарной властью. В этом правда слов Обамы о будущем. Осуществляясь, путинский замысел развалит Россию, как брежневский развалил СССР, даже без военных действий. А беда Обамы, и наша тоже, в том, что в ходе визита он не соотносил свою картину будущего с договором о продлении холодной войны и прочими сделками. Мы еще раз увидели, что за граница не поможет. Надеяться можно лишь на то, что наша страна, исконно европейская, порушит авторитарный замысел и без Путина и Медведева, повернув к либерализму и демократии, еще выявит, как бывало не раз, свои могучие потенции, и ее развитие, как было не раз, возобладает над безвременьем.

Реальным интересам России не противоречат реальные интересы никакой другой страны, в том числе Америки. Им противоречат интересы самозванной российской элиты. Им противоречит жажда этой элиты удерживать власть над другими. И еще больше ее привычка перекидывать внимание своего народа с внутренней жизни на внешнюю политику. Словно наладить жизнь русской деревни не так важно, как убрать Саакашвили, словно судьба города с убыточным заводом - ничто в сравнении с ценой на газ для Тимошенко и Лукашенко. Обама в публичной речи внятно проговорил, что суверенитет каждой страны – основа всеобщего порядка. Но и это правильное суждение к практике не приложил. А чтобы оно на ней сказалось, надо не речи о суверенитете говорить, не войска в Грузию вводить, для ее защиты, а за чашкой чая спросить собеседника, какая разница в стремлениях Абхазии и Чечни к независимости, и как бы он реагировал на гипотетический ввод грузинской армии в Чечню. Все разговоры о местной специфике означают, что для России есть лишь право силы, но не сила права. А ежели так, президент США должен бы в своих речах сказать российскому народу, какие экономические и политические потери его ждут, начни начальство новую войну, а не списывать эту войну наперед, как уже списали недавнюю. Элита на жертвы за чужой счет готова, но народ платить не готов. Моральные увещевания тут бесплодны, но наглядно напоминать, кто заказывает музыку, а кому за нее платить, всегда полезно.

Обама совершил в Москву ритуальную поездку. Нелепое слово «перезагрузка» породило представление, что не только взаимоотношения, но сама Россия начнется с чистого листа, как думалось иным после 1985 или 1991. А многое, между тем, выяснилось. Наше начальство явно предполагает свою долгую несменяемость. Тандем во главе с Путиным продлится до 2012 года, а там Путин снова изберет себя на два, теперь уже шестилетних, президентских срока, что в общей сложности составит 24 с половиной года у власти. Ровно столько, сколько Сталин с 1929 и сильно больше, чем Брежнев. Не получиться может лишь при чрезвычайных обстоятельствах. А внутренняя жизнь предполагается в стиле нынешней, становясь при хозяйственных сбоях жестче.

Не вполне определились как раз внешние ориентиры. Тянет к Китаю, но он заглотает половину России. Вероятен союз с радикальным исламом, но беспокойный. Возможно сближение с Европой, если она уподобится Берлускони и Шредеру, но там свои раздоры. Вот отношения с Америкой, и манят, и колются. Она бесит богатством, но, и при насаждении завистливой неприязни, даже сейчас многих в России влечет. Немало есть деловых молодых людей, не любящих Америку, но Россию хотящих видеть не Евразией, а новой Америкой, как старый романтический поэт. Это и есть высшее признание, поскольку не от поклонников.

Не зря, в ходе официального визита важно было унижить Обаму лично. Американцы, не столь чуткие к церемониям, могли это не ощутить, но русские привыкли к тщательному восприятию ритуала и вычитывают смыслы из оттенков. А президента Соединенных Штатов встречал не президент России, не премьер-министр, даже не министр иностранных дел, что уже знак не особого уважения, но заместитель министра. А визит к Путину и вовсе беспрецедентен. Встреча приезжего президента

премьером – дело обычное, президент может его пригласить в резиденцию посла, благо в Москве она недурна, может в посольство, можно позвать президента в Совет министров, что уже на ступеньку ниже. Но Обаму не удостоили и этого, а завезли к премьеру на дачу. А простясь с гостем, Путин укатил в город на встречу с мотоциклистами, которым поведал, как врезался на мотоцикле в автомобиль. Если Обама, ощущал унижение, но проявлял выдержку, он сможет понять, не Россию, конечно, но порядок ею правящий, это поможет ему созреть, как политику. Но он мог не заметить, а советники недооценить. Не в этом же дело, об чем разговор.

Зеркало одного убийства. 25.7.2009

Убийство Натальи Эстемировой, далеко не первое в пост-советской России, проясняет состояние страны яснее прежних. Даже Старовойтовой, даже Юшенкова, даже Политковской, даже Литвиненко, даже Маркелова. Там можно было искать частные объяснения, выяснять кого и чем каждый задел, предполагать кто конкретно хотел их устранить. Беззаконие и произвол рассматривались, как исключение из правила. Как исключение еще пытаются рассматривать и убийство Эстемировой, но оно уже неопровержимо показывает, что таковы теперь правила.

Я видел ее только раз, слушал выступление и потом подошел послушать ответы на вопросы обступивших ее людей. Вопреки фамилии она не казалась чеченкой. Мне объяснили, что ее мать – русская, так она и выглядела. Из тех, что «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Но раздирающие душу факты она излагала без малейшего пафоса. Спокойно ведя свой рассказ, не упускала из вида реакции слушателей. Ее трудно было принять за противницу порядка. Но, в отличие от сторонников его силового наведения в Чечне, она ясно сознавала ущерб, который порядку наносят беззаконие и произвол. Не просто ущерб образу страны в чужих глазах, а именно порядку в России, и в Чечне особенно.

Предположения о причинах и заказчиках убийства множатся. Но многое ускользает. Понятно, что свидетели захвата ему не противились, - опасно! Но почему сразу не известили все мыслимые органы власти? Возможно, тоже со страху. Но, возможно, потому, что считали их причастными к захвату, знающими о нем. Странно и то, что повезли ее в Ингушетию, чуть не за сто километров. Прошел слух о предполагаемом приезде в Назрань главного следователя Бастрыкина и возможной встрече. А еще следствие спешит предположить, что захватчики убивать не хотели, но увидав впереди милицейские машины, сочли их за облаву, свернули с дороги и убили. Увоза в Ингушетию это не объясняет, зато бездоказательно внушает, что убила не власть, а повстанцы. И в чем тогда смысл захвата? Или увозили, сохраняя Чечне замиренный облик, - дескать, нынче убивают в Ингушетии? Или увоз замыслили, надеясь захватить без свидетелей, но Эстемирова со своей быстрой реакцией, успела закричать, привлечь внимание, а исполнители не сообразили, что при явности захвата в Грозном обнаружение тела близ Назрани внесет неясность. Да и почему его обнаружили так быстро?

Заказчиком и организатором многие называют Кадырова и правдиво говорят о его нападках на Эстемирову. Одному из обвинителей он сам неожиданно позвонил на мобильник и, среди прочего, сказал, что милиция и, вообще, МВД Чеченской республики ему не подчиняется, поэтому он не может нести ответственность за то, что творят силовики на территории Чечни. Прокуратура ему тоже не подчиняется. При этом он согласился, что в принципе, как президент, несет ответственность за все, что творится в Чечне.

Трудно верить, что у Кадырова нет своих отрядов, но о подчинении силовых органов он, видимо, сказал правду. Иначе правы те, кто твердит, что под властью Кадырова Чечня обрела фактическую независимость. А этого никто не доказал. И пока не докажут, можно на равных основаниях счесть исполнителями убийства, как подчиненных Кадырова, так и подчиненных не ему. Но вряд ли он - инициатор. Вертикаль власти он знает, и пределы своей самостоятельности тоже.

Порой говорят: «Путин (или Путин и Медведев) дали карт-бланш». Формулой «дали карт-бланш» хотят выгородить высокое начальство, дескать, не само прямо приказало. Оно и само спешит отвести обвинения. Медведев сказал о пользе, которую Эстемирова приносила стране, «порой жесткой», но важной работой. Канцелярия Путина тоже что-то из себя выжала. Могли ли Путин и Медведев не попустительствовать убийству, не дать, если не прямой приказ, то карт-бланш? Могли ли они и прежде поступать иначе? Печать, особенно западная, с восторгом отмечает, насколько деликатней Медведев сказал об Эстемировой, чем Путин о Политковской. Но и не сомневаясь в ответственности Путина и Медведева, невозможно свести убийство Эстемировой к личной злобе.

Не только в России люди готовы верить, что злодей в одиночку перебил десятки миллионов человек. Сделай это Сталин впрямь в одиночку, пришлось бы признать его, хоть и ужасающей, но все же незаурядной личностью. А он не был одиночкой, его призвала в вожди Коммунистическая партия большевиков. Наивные европейцы сопоставили «сталинизм», личный отблеск Сталина, с нацизмом, как политическим движением, словно свой отблеск Сталин излучал сам по себе, а не придал большевизму, тоже политическому движению, успешно пользуясь его принципами для своих преступлений.

Провозглашая прогрессивные, «левые», цели, большевики считали себя вправе применять для их достижения любые, самые реакционные, «правые» средства. В итоге реакция взяла верх над прогрессом и во всем остальном. Сталин, завершивший начатое Лениным преобразование мифологии в жестокую реальность, конечно, наложил свою печать и на Россию, и на международное левое движение, и не только Договор о дружбе позволяет сопоставлять его с Гитлером, тоже под знаменем социализма, но открыто и сразу утверждавшим реакционный порядок. Но, чтобы понять смысл происшедшего, надо сопоставлять большевизм и нацизм, как политические движения в целом, тем более, что подобные, начав возникать после Первой Мировой войны, возникают поныне и не чураются прежнего опыта.

Вот и Путин - не одиночка, хоть не партия его призвала, и в классики идеологии он не лезет. Вбрасывая словечко «путинизм», его деятельность тоже норовят свести к личным качествам, заслоняя политическую реальность. А чтобы ее осознать, надо признать, что перемены 1985-1993 годов не были капризом, - ни Горбачева, ни Янаева с Крючковым и Варенниковым, ни Ельцина, надо обозначить, что стряслось, а этого не хочет ни пропутинская «элита», ни реваншистская коммунистическая номенклатура, ни большинство искренне считающих себя демократами, противниками тех и других.

Страна, в которой мы жили, и строй, который в ней был, исчерпали себя и миновали. Без кровавого катаклизма ту страну и строй не возродить, как бы ни хотелось. В России девяностых годов самоопределение и демократия не взяли верх не потому, что ей не нужны, а потому, что правящий класс шел на все, чтобы, вопреки ослаблению государства и распаду строя, удержать власть. А взлета цен на нефть еще не предполагали, и пришлось столкнуться с объективными обстоятельствами, с тем, что несостоятельность экономики и война в Афганистане уже к началу восьмидесятых привели советский строй и с ним СССР к катастрофе.

Ельцин пожертвовал советской идеологией и частью советской империи, чтобы удержать авторитарный порядок и господство номенклатуры, при нем ощутимо расширившейся. Но жертвами дело не ограничилось. Поскольку свобода не наступила, пришлось строить политические, хозяйственные и социальные механизмы, позволяющие удержать насильственное господство одних над другими. Строй по типу остался таким же, как советский, но, облачась в иные формы, изменил облик всех аспектов жизни.

Советское хозяйство под волевым руководством единого центра, форсировавшего военную промышленность, шло к диспропорциям, подрывавшим его в целом. Новое государство, дозволив обряженному капиталистическому хозяйству формальный автономизм, продолжило его внеэкономически направлять. Но взлет цен на нефть и газ смягчал плоды управления и уберег Россию от распада.

Изменилось и государственное устройство. Прежде монополю правила Коммунистическая партия, высший слой которой, номенклатура, и составлял правящий класс. Теперь создали имитацию многопартийной системы, в которой партии, как и вообще неправительственные организации, дозволяются лишь на старых условиях «блока коммунистов с беспартийными». Представительная власть, и судебная, тоже наделенные показными правами, по-прежнему кругом зависят от исполнительной власти.

Повседневно преступая даже авторитарную Конституцию, новая власть не меньше советской нуждается в защите своей несменяемости. Но, хоть и показная, множественность жизни и хозяйства, без обязательной идеологии, уклонения от которой легко обозначать, без цензуры, без запретов на стили и течения искусства, да еще при облегчившихся

поездках за границу, сделала прежние методы поддержания «морально-политического единства» невозможными.

Нынешняя власть вынуждена признать, что в своей самозащите Сталин допускал «излишества». Но не признано, что он мог их допустить, прежде всего, потому, что его поддерживала новая поросль большевистской партии, готовая на все, уже не ради одной марксистской мифологии, но ради вполне конкретных освобождающихся должностных постов, зарплата и пайки на которых уже не ограничивали «парт-максимумом», не случайно отмененным как раз в 1934 году, при переходе к массовому уничтожению прежних кадров. В своем историческом докладе о «культе личности» Хрущев об этой его почве и не вспомнил. А не только Сталин, но и Брежнев, сажавший и убивавший меньше, стоял на том же. Кризис СССР эту почву размывал, Ельцин, а за ним Путин, намыли ее наново. Номенклатура, объявленная элитой, это оценила. Но в новых условиях ей уже мало было, а главное, нет гарантий прочности, веры, что народ, покамест безмолвствующий, будет послушен при любом повороте.

Вот и приходится власти прятать лицо. На оперативной работе ее представители надевают маски. А и при Сталине и Брежневе, приходившие за вами из КГБ предъявляли документы с фотографиями, вы видели их лица и фамилии, часто реальные, и уводя вашего отца или мужа, они оставляли протокол с подписью. Чиня беззаконие, они держались, как воплощение закона, и потом еще совершали псевдо-правосудие в зале суда. После Сталина не стало «троек», церемонию законности старались соблюдать. Из-за угла убивали редко. Из моих знакомых так погиб лишь Константин Богатырев, а забрали и осудили не один десяток.

Власть, твердящая ныне, что особой идеологии у нее нет и от демократических стран она не слишком, в сущности, отличается, вынуждена в борьбе с инакомыслием надевать маски и убивать из-за угла. А президент, сам своего рода маска, не догадывается, что сотрудника силовых органов, прячущегося при исполнении обязанностей под маской, боящегося открыто выступать от имени государства, надо, как минимум, уволить, лишив чинов и правительственных наград. Или знает, что прячутся не силовики, а само государство? Увы, ни президент, ни премьер, – у нас не государственные люди, и не знают, что есть вещи, которых государство ни при каких обстоятельствах не может себе позволять.

А Наталья Эстемирова была государственным человеком. Она – не Старовойтова, радевшая о русской демократии, не Литвиненко, взявшийся защищать государственную безопасность и отшатнувшийся, увидав, как это делается. Эстемирова помогала людям выжить, а не решать коренные проблемы. Ее не так занимали права чеченского народа, как права чеченских граждан. Строго говоря, Эстемирова, а не Кадыров, была человеком, на которого Москве надо бы опираться, желая иметь союзную с Россией Чечню. Кадыров не в состоянии поддерживать текущую жизнь чеченцев уже потому, что ему не подчинены ни милиция, ни МВД республики, ни прокуратура. А он, наперед понимая, что не один Путин может, его не спросив, выдать карт-бланш на убийство любого чеченца, все равно готов быть президентом.

Ткнуть пальцем в Кадырова, как главного виновника, легко, но нелепо обличать его, как и Путина, и Медведева, просто как распорядителей конкретных убийств, а не как лидеров «элиты», готовой ею быть, не смущаясь убийствами, продлевающими ее благополучие. Наталья Эстемирова мешала считать, что все, в общем, в порядке, даже в Чечне порядок, и можно жить. Эстемирова буднично и регулярно такое представление опровергала. В этом и был ее тихий, но великий, подвиг. Отсюда и нужда не просто того или иного злодея, а всей «элиты», ее убить, кто бы лично это ни приказал в расчете на то, что прекратится информация, и пройдут сомнения, что жить с этим можно. Удивляет лишь встречное решение «Мемориала» прекратить в Чечне сбор информации, словно Эстемирова погибла, выполняя поручение, а не проявляя личное мужество. Но пока там не перебьют всех готовых рисковать жизнью, информация так или иначе будет утекать. Доходила же информация о сталинских лагерях, - другое дело, кто был готов ее слушать.

А если там жить нельзя, если пятнадцать лет не кончается война, значит неверна политика, а ее ведут не только в Чечне, она неверна по всей России, не в одних автономиях, но и в русских регионах. Значит надо было не Путину убивать Масхадова, а еще Ельцину держаться договоренности с ним. Значит, пока не поздно, надо менять политику, а этого не сделать, не сменив политиков, - и не одного-двух, и не на отрекшихся и, как в 1991, спрятавших партбилеты. Неужто же им уходить, а не избавиться от Эстемировой? Кто бы ни приказал, кто бы ни передал приказание, кто бы ни исполнил, ее гибель доказала, что наше государство, - не только Путин, Медведев и Кадыров, но все, кто приемлют нынешний порядок, - хочет не мира и не союза, а хочет, чтобы не было в стране и вокруг ничего неправительственного, независимого, но только подчинение, покорность. Уже сегодня не одной Чечни и других автономий, но и бывших союзных республик. На подходе страны бывшего Варшавского пакта, да и Западная Европа уже ощутила газовый кнут.

Есть лишь два варианта отношений меж людьми, детьми и родителями, соседями, сослуживцами, народами и странами, меж населением и властью: либо подчинение, войны и убийства, либо взаимность, мир и договоренности. Трагедия России в том, что ее имперское начальство, царское, советское, нынешнее, всегда хочет подчинения, сочтя, что мы и вообще-то первее и лучше всех, а уж начальство наше и элита – лучшие из лучших. Потому оно и требует, чтобы его слушались Америка и Китай, Европа и остальной мир, и само собой, всякие там "чурки", и, в первую голову, русский крепостной народ. Ему, дескать, самому так лучше! И пока такой образ мыслей будет преобладать, не придется ждать, что Наталья Эстемирова останется его последней жертвой.

Имидж России. 8.8.2009

Имидж России - среди первых забот русской власти. Так и говорят «имидж», забыв русское слово «образ». Но по- английски image, сверх прочего, означает «репутация», она-то и беспокоит власть. Образ России прекрасен. Она среди самых сильных двигателей европейской культуры и мирового развития. В этом качестве Россия в новое время выступает наряду с Италией, германскими

государствами, Францией, Англией. Ее образ создали Ломоносов, Гоголь, Лобачевский, Достоевский, Мусоргский, Лев Толстой, Менделеев, Чайковский, Станиславский, Анна Павлова и другие. Но образ страны – совсем не то, что репутация ее власти.

Вот и ладят конторы для улучшения имиджа. Россия тут еще усердней Советского Союза. Ему служила общая псевдолевая, коммунистическая пропаганда, а российская власть контролирует, захватывает и создает почти все, что на Западе ныне говорится о России. На голосах из-за бугра и прежде были советские агенты, но занятые, прежде всего, слезкой за каналами поступления информации из СССР, а ныне хотят, чтобы само вещание из-за бугра работало на имидж России. Захватили известные западные русские газеты и журналы. Создали собственные российские вещательные станции и издания. Тратят на это, при нынешнем-то кризисе, несметные деньги. А имидж не улучшается, хоть кол на голове теши.

Не то, что великая традиция Потемкина пропала, и, строя деревни, не на него равняются. Но, поскольку страна не закрыта, репутацию портит реальность. Мы ее ощущаем своей шкурой. Но с пониманием своих ощущений не просто. И не только от нехватки свободы слова или, как думают псевдолибералы, упадка образования. Понемногу постигается многое, и по Писанию мы «по плодам их» узнаем их. Но о текущей политике судить приходится вперед, гадать о плодах по рассаде. Тут действуют былые представления и, конечно, пропаганда. К тому же, сильна иллюзия, что всякая власть считается с интересами страны, не то самой не сдобровать.

Но слова «страна» и «интересы» расплывчаты. Принимать ли за Россию лишь Москву да Питер, да дюжину городов-миллионников, или деревню тоже? Одни русские области или чувашскую да калмыцкую республики тоже? Лишь стоящих у станка или врачей тоже? Какие наши интересы, кроме независимости страны, можно счесть общими? Единого понимания нет, и приемлемого для всех имиджа тоже. Тем более, путаются иностранцы, то преуменьшают различия меж нынешней Россией и СССР, то преувеличивают.

Советская идеология была внятной. Все знали, что «партия – наш рулевой», что ее учение «всесильно потому, что верно». Нынче в ходу самодельные фиговые листки, режиссура оскудела без драматургии всепобеждающего учения. Ельцин выбросил идеологию, обещая, что коммунизм не вернется, но сохранил строй того же мобилизационного типа. Детали отличаются, но типология цела, хоть строй не во всем идентичен советскому. Производство и общество уже к концу жизни Маркса развивались иначе, чем он ожидал в 1848 году. Но вброшенное им ощущение связи экономических начал и социальной жизни крепило веру в коммунистический миф, разоблаченный лишь практикой стран победившего социализма. Рождались и другие мифы схожего типа, не столь наукообразные, не восходившие к Марксу, а перечившие ему, но сходство проступало. Ныне Бжезинский сопоставляет Путина, крепящего былую вертикаль власти без марксизма, с Муссолини, былым редактором социалистической газеты.

Нынешней вертикальной власти стоило обновить мифы, но Павловскому и Суркову это не по силам. Вот ее репутация и держится стечениями обстоятельств. Безразмерный взлет цен на нефть, позволивший стране чуть вздохнуть - после восьмидесятых, когда нефть стоила 8-10 долларов, после «либерализации цен», вмиг ограбившей большинство, после дефолта девяностых, - не зависел от Путина. Но вздох зачтен ему. Русская мифология сводит события к персоне правителя. И правитель не теряется.

За этим, как и за прежними куклами личности, не хотят видеть волюнтаризм, - не просто своеволие правителей, а веру в возможность осуществить любую фантазию. Недаром пели: «Кто ищет, тот всегда найдет». Да и «всесильно потому, что верно» оттуда же: ведь даже самые верные суждения Эвклида, Галилея или Эйнштейна сильны лишь в конкретных аспектах. Вот и объявив всесильным марксизм, не заметили, что Ленин кругом ему противоречит, где уж было вникать в чем прав все-таки Маркс, и, тем паче, в чем неправы оба.

Волюнтаристский миф кладет в основу репутации добрую волю начальника. Она и питает имидж. Хорош тот, кто хочет как лучше, а что выйдет, - дело десятое. Русская история полна таких властных доброжелателей, - это и Ленин, и Столыпин, и сам Петр Алексеевич. Миф о благих намерениях – важнейшая часть желанного нынешней власти имиджа, словно большевики хотели испортить всем жизнь, чего, впрочем, прямо не говорят. А те тоже хотели, как лучше, и пели: «Весь мир насилья мы разрушим, До основанья, а затем Мы наш, мы новый мир построим». Их бранят за разрушение прежнего мира до основанья, но не сомневаются, что можно создать новый мир на развалинах.

А если старый мир не понят, его не изменишь. Для этого надо помнить не только имидж, в который он рядился, но и его разлады с реальностью. Пели: «о каждом из нас Заботится Сталин в Кремле», а ныне, выгораживая Сталина, поминают не заботу о каждом, а победу в войне. Между тем, обещая «ни одного вершка своей земли не отдадим», он отдал захватчикам половину густонаселенной части страны, предоставив миллионам «каждых» выживать при нацистах, как могут. А потом вписал в анкеты вопрос: «были ли на оккупированной территории», словно люди сами туда бежали, а не Сталин своей заботой о каждом их там бросил.

Речи о демократии не соотносились с выборами из одного. Хвалы подлинным свободолюбцам, от Радищева и Герцена, не связывали с закрепощением колхозников, реальностью ГУЛАГа и всем прочим. Иные потом говорили, что ничего не знали, а на деле не хотели знать, довольствуясь казенным имиджем, спущенным в газеты и в телевизор. Но правду текущей жизни, судьбы родни, друзей, знакомых, соседей, от жителей страны целиком было не утаить.

Не то, что люди хотели лжи, но молчание о государственной лжи было условием выживания. Потом бывшее отчасти проступило. Проза Шаламова, Солженицына, Гинзбург и других обнажила жестокость и лживость власти. Но не было осознано, зачем эта жестокость понадобилась, Сталина порой даже объявляли психически больным, хоть главное свойство безумца –

наносить ущерб себе самому, за ним не замечено, разве что в «деле врачей». А великий террор был нужен не ради самой по себе расправы с людьми, часто даже не знавшими, кто такой Троцкий, - чтобы его обессилить, хватило бы посадки (даже не казни) ста человек. А сгубили десятки миллионов, и держали Гулаг после Сталина, прежде всего, потому, что страх поддерживают, как огонь, кидая в костер все новые ветки. Бесчеловечность коммунизма многие ныне признают, а социальную почву, его взрастившую, созавать не хотят и выращивают рассаду в прежней земле.

Инерция страха не ушла, потому люди и не спешат выяснять отношения с властью, тем паче, что надежды августа 1991 подорвал январь 1992, показавший, что и власть, сулящая западную свободу, не хуже прежней может обмануть, облапошить, отобрать, и чтобы выжить, надо самому не плошать. Отсюда и массовый отход от призывов жить, как на Западе. Парадокс однако в том, что Россия изначально, с Киева и Новгорода, - западная страна, хоть и побывавшая монгольской колонией. И если не с закладки Петербурга, то уж с Екатерины и, в любом случае, с 1861 она тянулась к западным нормам, без которых бы погибла. Не только культурную, как раз и слепившую ее могучий образ, но и бытовую «западность» России, мало кто отвергает на практике, жить хотят, как на Западе. Прежде - за счет крепостных, сейчас - за счет нефти и газа. Но добавочные ресурсы не вечны. Живя ими, Россия, как Саудовская Аравия, лишь сильнее зависит от Запада, отчего и жаждет ему противостоять, мифологически «встать с колен».

Но передовую технику уже нельзя, как при Петре, перенять на век вперед, а перенимать ежегодно - дорого, и делает вечно отстающим. Единственная возможность остаться западной страной - это стать ею, стать активным участником развития, а это не выходит без социальных норм, принятых развитыми странами. Без смены вертикали на горизонтальные отношения. Без независимых судов. Без автономности не только национальных республик, но и русских исторических областей. Без реальных выборов всякой власти, обеспечивающих ее подотчетность. Без конкуренции в хозяйстве и политике. Без реальных социальных гарантий. А российская власть, и царская, и ленинско-путинская, считает права человека предметом роскоши, побряжкой, хоть это - неременное условие эффективного хозяйства.

Многие из этих прав вписаны в конституционный имидж, но на деле их нет потому, что признание их за людьми лишает власть гарантий несменяемости, именуемой «стабильностью». На Западе уходящим в отставку чиновникам, не замешаным в прямых нарушениях закона, обеспечена достойная жизнь. Но вертикаль власти, как род произвола, невозможна без нарушений закона, бессильного перед верховной волей. Демократическое устройство, по природе компромисное, несовместимо с тоталитарным хозяйством. Ленин, заводя единый общегосударственный синдикат, воображал, что это для блага всех трудящихся, а вышло, что для хорошей жизни группы товарищей. Под каким бы флагом, искренне или лживо, население не отлучали от принятия существенных для него решений, полагаясь на «элиту» или ее высший слой, общество, переставшее быть либеральным, отстает в производительных

возможностях. Указующие на Китай, еще живущий иначе, умалчивают о его нерастрченных людских ресурсах, съеденных у нас уже коллективизацией.

Не забудем, как, сетуя на «утечку мозгов», то бишь отъезд за рубеж ученых, ущемлявшихся по политическим и другим мотивам, советская власть установила для социально и национально подозреваемых ограничения в праве на образование и научную работу, активно выталкивая или не допуская к ней множество одаренных людей, предпочтя пустую растрату мозгов их утечке. Ущерб, нанесенный этим стране и общему развитию производства и науки измерить трудно. Тут ярче всего проступила система ценностей, присущая власти, которая держалась не успешно конкурируя с инакомыслящими, а их уничтожая и продвигая «своих», что и привело к крушению советского хозяйства и СССР.

Той же системой ценностей дышит и нынешняя «элита». И никакой Запад за нас положение не изменит, поскольку оно пагубно, прежде всего, для нашей страны. Демократические государства, закрывая глаза, не прочь извлекать прибыль из нашего нынешнего порядка. Хозяйственное взаимодействие с тоталитарными странами им не в диковинку. Но, когда у партнера регулярно избивают людей на улицах, демократы там все же протестуют, там недовольны и систематическими решениями наших судов не в пользу приезжих инвесторов. Вот власть и хочет приукрасить имидж. Не русскому народу – у него с имиджем все в порядке, – а себе несменяемой.

Россию именуют пост-советской, а она лишь нео-советская. Упирают на обновленность. Иные советские установки впрямь отброшены, правящий класс освобожден от нужды платить дань догматической идеологии. Признавая авторитарный российский порядок еще не вполне демократическим, твердят, что он уже и не советский. А он, хоть чуть иной, того же типа.

В отличие от тоталитарного порядка, авторитарный, как менее жесткий, обычно терпит неправительственные независимые организации и учреждения. При нем, к примеру, нередко функционируют не только государственная церковь или четыре, признанных в России, традиционными, а любые религиозные организации. Светским объединениям там тоже достаточно уведомить власть о себе и указать адрес, а у нас надобно разрешение в виде регистрации и фактическое государственное утверждение избранного руководства. Административно захватывая Союз кинематографистов, одаренный актер Михалков не только себя опозорил, но показал, что в России все еще тоталитарный режим, и государство не знает предела своей власти. И таких примеров, пусть не столь шумных, немало.

Выборам придают более демократическую видимость, чем в СССР, вместо одного «своего» вписывают в бюллетень несколько «своих», зато тут требуется ловкость, чтобы не допустить независимых кандидатов, от нужды в которой всеобщий страх прежде почти избавлял. А грубые помехи предвыборной пропаганде нежеланных кандидатов оставляют пятна на

имидже. Доходит до смешного. На последних выборах из списка кандидатов в президенты был изъят Михаил Касьянов, в течение трех лет занимавший пост премьер-министра. Потеряй тогда президент возможность работать, Касьянов автоматически стал бы временным президентом, а потом мог бы баллотироваться на этот пост без каких-либо дополнительных условий. А теперь его отказались даже включить в список кандидатов для всенародного голосования, которое как раз и позволило бы выяснить, кому граждане сочувствовали при расхождении премьера Касьянова с президентом Путиным. Власть думает, что ущемила Касьянова, а на деле показала пренебрежение к народному мнению о своей политике. Тоже не красит имидж.

Его портит уже лозунг «вертикаль власти», синонимичный тоталитарному режиму и КГБ, то бишь ФСБ, какие бы жесты ни совершал новый президент. В первые советские годы их тоже хватало, но положения это не меняло, и последствий не предотвратило. Имидж такой власти неубедителен уже тем, что из него выпадает реальная, помимо власти, Россия, созвучная вертикали лишь в частностях или временами, когда вторгается захватчик или взлетают цены на нефть. Она не вся на одно лицо и перечит в разных ракурсах. Ее голоса, как жизнь, пестры. То это голоса дворянства, то купечества, то меньшевиков, то эсеров, то ликвидируемого, как класс, крестьянства, то старых большевиков, то солдат, по вине Сталина попавших в плен, то космополитов, сионистов и врачей, то венгерских и чехословацких «сепаратистов». Голоса глушат, пестроту стирают, но и на излете советской власти говорили Сахаров в Горьком и Солженицын в Америке.

При Горбачеве Сахаров вскоре умер, а вернувшийся при Ельцине Солженицын слился в экстазе с Путиным. Но Россия не исчерпалась, ее неровное дыхание портит имидж власти, и напоминает, что Россия – одно, а российская власть – другое. Старая формула: «всякий народ достоин своего правителя» у нас не всегда и не вполне работает. Стоит считаться с тем, сколько правители стреляли в народ, и какое у них для этого прекрасное оружие, какие славные дружины. Да и внутренних войск больше ведь нет нигде на свете. Они ныне и заслоняют имидж России, Путин, Шаманов и Буданов заслоняют Льва Толстого с «Хаджи-Муратом». Но это еще не конец истории.

Возможность спасения 18.8.2009

Трудно судить, в какой мере наша власть сознает сущность лондонской встречи Дуквахи Абдурахманова, представлявшего нынешнюю власть над Чечней, с Ахмедом Закаевым, лидером чеченского сопротивления, считающего законным правительство Аслана Масхадова. После отказа Ельцина Масхадову во встрече в пору ставшего поводом к новой войне похода Басаева в Дагестан, политические контакты сторон были немыслимы. Первую встречу в Осло приняли за капитуляцию Закаева, и любопытствовались, когда же он поедет в Чечню. От всечеченского конгресса, который в Лондоне совместно призвали созвать, возможно, тоже ждут общей капитуляции. Но во многом пресс-конференция прояснила позиции сторон.

Было четко выговорено, что переговоры с Закаевым ведет не сам по себе Кадыров. Абдурахманов внятно произнес имена Медведева и Путина, с одобрения которых он действует. То есть, Россия вступила в переговоры с чеченским сопротивлением, отошла от прежней непримиримости Ельцина и самого Путина. И Абдурахманова тотчас спросили: «Что вас побуждает вести переговоры с тем, кого вы год назад объявляли преступником?» Он и на это ответил недвусмысленно: «Времена меняются. Мы понимаем, что во имя единства чеченского народа в двадцать первом веке нужно говорить со всеми его частями». Стоит лишь добавить, что это нужно не только во имя его единства, но во имя самого его существования.

Оговорка нужна потому, что абстрактный призыв к единению народа сам порой ведет к зачисткам, к его прореживанию, чуть не уничтожению. Народ у нас уподобляют партии, и не согласных с верхним социальным слоем числят отщепенцами, если не сразу экстремистами. Между тем, о единстве народа можно говорить, лишь оберегая его многообразную полноту. Русский народ представляли и Лев Толстой, и Победоносцев, и Милюков, и Шульгин, и Федотов, и Плеханов, и Короленко, и Керенский, и Ленин. Разные люди скажут о них разное, но лишь все вместе они олицетворяют русский народ перед революцией.

Уже до Первой чеченской войны Секретарь Обкома Завгаев или Председатель Верховного Совета РФ Хасбулатов думали не так, как генерал Дудаев и полковник Масхадов. Но пока рядовые чеченцы сами смекали, кто из них в чем прав, без вмешательства Москвы и массового применения оружия, то был естественный процесс осознания своей судьбы в свете грандиозных событий в СССР и в России. Пятнадцать лет спустя - люди иные и расстановка иная. Но чеченский народ по-прежнему многообразен, и восстановить его единство означает восстановить его возможности мирно осознавать и преодолевать свою трагедию, помня, как Чечня пришла к нынешнему принудительному единству.

Даже не возвращаясь к послевоенному геноциду чеченцев, названному в советском Демографическом словаре «неблагоприятной демографически ситуацией в связи с войной 1941-45 годов и ее последствиями», трудно отвлечься от того, что из 865 000 чеченцев, живших в СССР в 1985 году, начиная с декабря 1994, года около двухсот пятидесяти тысяч погибло, а около двухсот тысяч оказалось за пределами Российской Федерации. Назвать эту ситуацию «демографически благоприятной» тоже трудно. И хотя, в отличие от сталинских времен, едва ли Москва с девяностых годов сознательно стремилась поголовно уничтожить чеченский народ, элементарная объективность не велит называть эти события иначе как геноцидом. Чеченец любых взглядов не может это не сознавать, как любой еврей не мог не сознавать итог Третьей мировой войны.

Не признавая происшедшее плодом злого умысла российских властей, нельзя не признать, что, видимо, они не вполне сознавали, что делали, и, отвечая оружием на стремление чеченцев к независимости, отвлекались от общего смысла своих деяний, роковых, однако, не только для чеченцев, но для всего Кавказа, всей России и даже всего бывшего СССР и остального мира. Трудно, конечно, утверждать, что этот смысл они, наконец, схватили. Даже ехидный вопрос английского журналиста

Абдурахманову излишне оптимистичен. На деле, человека с которым Абдурахманова послали говорить, не только год назад считали преступником, но числят таковым поныне. Уже после встречи в Осло объявлялось, что Закаев сможет свободно жить в Чечне только, если в суде докажет свою невиновность по всем предъявленным обвинениям. И все же сознание как-то зашевелилось.

Отсутствие гражданского мира, – а сказать, что там, где меньше, чем через месяц после Эстемировой, убили Садулаеву, достигнут мир, невозможно, - преуказано волей российских властей, начиная с Ельцина. По его переговорам с Масхадовым было ясно, что Чечня, стремится к независимости, а вовсе не к разрыву с Россией. Уже тогда было ясно, что и отказ от советского порядка, провозглашавшийся Ельциным, реален лишь при коренном изменении отношений собственно России, тоже обретшей возможность самоопределения, с другими национальными образованиями в ее составе и за его пределами. Желая благополучия русскому народу, а не только его номенклатурной «элите», надлежало отказаться от колониальных нравов, доходивших до выселения народов, и признать право народов на самоопределение. В условиях свободы собственный интерес толкал бы их к союзу с Россией, к развитию отношений на других началах, как развивали после войны отношения с Францией ее освободившиеся колонии в Африке.

Но российской правящей номенклатуре, возвращенной на идеалах царского и советского самодержавия, чуждо понимание взаимности, взаимовыгодности и, вообще, союзничества. Как непроизводительный, хищнический класс, она все свои идеалы свела к власти, соучастием в которой кормится. Номенклатурная «элита», либо стоит на коленях, либо ставит на колени других. Середины она не знает. И, «встав с колен» требует особых прав.

Ельцин, номенклатурный герой высшего ранга, не считался с непреложными интересами России и уже поэтому с Чечней не совладал. Путин, наделенный божественной благодатью нефти и газа, применил старое советское правило: «национальная по форме, социалистическая (то есть, - своя) по содержанию», и поставил Кадыровых. Прежде, при сатрапах «коренной национальности» в республиках всегда сидел Второй, русский, секретарь, а центральные силовые органы, включая КГБ, работали независимо от сатрапа, даже не всегда его уведомляя. Путин знал и это. И в Чечне ныне действуют не только люди Кадырова, но и самые разные силы, без его ведома. И нет у Кадырова полновластия, даже в положенной президенту мере.

Но одни могучим хором вопят, что при Рамзана Чечня обрела свободу, о какой Дудаев и не мечтал. А другие валят на него вину за все преступления, там совершаемые. В пропагандистский хор вступил уже и президент Медведев резким тоном публично требуя от Кадырова расследовать убийство Эстемировой, а теперь и Садулаевой. А уж кому-кому, а президенту известно, кто, кроме Кадырова, там действует. Злой сатрап не просто злодействует, он еще и прикрывает злодеяния других сил. Держать вместо Кадырова, и впрямь виновного во многом, хоть не во всем, более умеренного и считающегося с законом начальника Москва не

может, что уже показала в Ингушетии, меняя здорового Аушева на Зязикова.

Определить, кто же, кроме Кадырова, там убивает сторонников права, не просто. Пускают даже слухи, что это делают враги Кадырова и Москвы, чтобы компрометировать власть. Сей популярный сюжет уже навеки запечатлел гений Гоголя, выведя унтер-офицерскую вдову, которая якобы сама себя высекла. Начальники, то и дело твердящие, что сами либералы и убивают либералов, Гоголя, видимо, давно не читали. А расследований не ведут затем, чтобы не обнаружить противоречащего тому, что говорит Москва. Только Москва - это не один Путин.

Путин – вовсе не национальный лидер России, но лишь модератор правящего класса, выделенный им, отнюдь не как сознающий нужды страны политик, а как смысленный человек, способный, отставив общие нужды своего класса, держать равновесие меж составляющих его группировок. А они, в свою очередь, на него и его окружение, как повелось, воздействуют в групповых интересах. Где уговорами, где силовыми ходами. Убийства правозащитников и журналистов - эффективный у нас метод пресекать либеральное движение и поощрять желание тащить и не пущать.

О Путине, как и о Кадырове, не всегда можно достоверно сказать, где он замешан лично, где замешаны его люди, и что он знал наперед. Да и не очень интересно, - знал или не знал, сам приказал, или принял инициативу товарища. В любом случае, имеющий власть, - и Медведев, и Путин, и Кадыров, отвечает за все. Даже если всего лишь не расследует преступление, боясь подвести товарища, как не расследовали появление в рязанском доме взрывчатки, объявленной потом учебным пособием. Эта система умолчаний и сваливания преступлений на неизвестных лиц и придает режиму Кадырова видимость порядка, и позволяет Путину делать вид, что, не в пример Ельцину, он хоть с Чечней совладал.

Ощущая, видимо, что оно не так, Абдурахманов горько воскликнул: «Почему, когда преступления совершают в других странах, осуждают преступников, а у нас осуждают власть?» Но, помимо того, что наша власть не очень-то расследует преступления, убийства в Чечне, да и вообще в России, носят политический характер. А в политических преступлениях власть виновата тем, что не ищет мирных решений, и проблемы, став неразрешимыми, ведут к преступлениям. Власть виновата тем, что квалифицирует преступления не по составу действий, а по их целям, о правомерности которых судит сама.

Чеченский народ выступил, как единый, выразив свою волю на свободных выборах. Президентом бесспорным большинством голосов был избран Аслан Масхадов. Однако, российская власть не захотела союза с ним, а предпочла его свергнуть, а потом убить. В этом корень всех последующих преступлений. Договоренность с Масхадовым, и раньше с Дудаевым, конечно, умирала бы нынешнюю свободу российских силовых групп в Чечне, иным там был бы внутренний порядок, зато и в военном, и в экономическом, да и в культурном отношении, Чечня была бы верной

союзницей России. Даже в большей мере, чем кадыровская, которую не зря держат под круговым силовым контролем.

Возможно ли десять лет спустя, вернуться к здравому смыслу? На то нужна воля Москвы, как подчеркивал на пресс-конференции Закаев. Ей это трудно уже потому, что у власти там по-прежнему класс, правивший Советском Союзом и Россией, виновный и в послевоенном, и в послеперестроечном геноциде чеченцев. Но иначе силы русского народа так и уйдут на ублажение этой бесплодной номенклатурной «элиты», а наша страна отстанет безнадежно. Нужны перемены, не свершившиеся в августе 1991. Возможно, первая - это созыв свободного конгресса чеченского народа. Бог знает, как пойдет дальше. Не исключено, что и нынешняя встреча окажется иллюзией, уловкой, повлечет за собой нечто ужасное. Но будет ясно, что Москва это делает уже не по советской инерции, а осознанно полагаясь только на силу. И если всех не перестрелять, к целям нынешней встречи придется вернуться, пусть даже еще десять лет спустя. Иначе не спастись не только Чечне, но и России.

С богом к учебному году 1.9.2009

Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, как почти все первые советские декреты, начиная с Декрета о мире, предвавшего войну, - не только Гражданскую, но одновременно колониальную, в которой Польша и Финляндия независимость удержали, а Грузия и Украина потеряли, - тоже перечил сам себе. Приняв, наконец, демократическую норму, признав религию частным делом верующих, он не дал свободы в этом частном деле, чего Ленин, сказавший «чем больше священников мы расстреляем, тем лучше», и не скрывал.

Ленин ссылался на утверждение Маркса «религия – опиум народа», как на «краеугольный камень всего миросозерцания марксизма в вопросе о религии». А Маркс писал: «религия – опиум народа, она - вздох угнетенной твари, дух бездушного мира». «Опиум» в этом контексте означает не дурман, как внушает Ленин, а болеутолитель, утешение, как, собственно, считает и христианская церковь. Конечно, Маркс отвергал религиозное утешение, считая его несостоятельным, но несостоятельным вышел и миф о коммунизме, обращенный Лениным и Сталиным в реальность Гулага. И две мифологии не вели духовной борьбы, - одна вытесняла другую силой.

Но большевизм не просто бога «низринул, Извел, пережег на уголь, А после из бездны вынул И дал ему стол и угол». Его конфликт с религией обнажил, что вести духовные споры он может лишь аргументами Лубянки. Абстрактно религии противопоставили атеизм, по-русски, безбожие. На практике – светскую идеологию, «марксизм-ленинизм». Но и то, и другое, - подобия, а не антиподы религии. Ее противоположность – свободомыслие. Учат, что вере противостоит знание. А на деле - сомнение. Зрелая религия право на него признает, и в Ветхом завете мы читаем: «Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных сходит ли вниз, в землю?» Обычно неверующий не силится доказать, что бога нет, но, не обнаруживая убедительных доказательств, что бог есть, сомневается в его

существовании. Смолоду мне казалось, что даже Иисус из Назарета, не то что как бог, но и как человек, - лишь герой прекрасного мифа. Очень он напоминал Озириса, Диониса и других умирающих и воскресающих богов. Но в Кумранских рукописях объявился Учитель справедливости, и видно, как отчаявшиеся люди искали в моральной стойкости надежду остаться людьми, пусть и не после смерти, так и не обеспеченную, но при жизни.

Люди, обходящиеся без религии, - не столько безбожники, сколько агностики, они не верят слепо. А в то, что можно доказать, нет нужды верить, это уже не предмет религии. Умный Тертуллиан говорил: «верю потому, что нелепо», потому, что умом не постичь. Нынче в России большинство верящих в сверхъестественную силу верит даже не по канонам конкретной религии, которых часто и не знает. Да и верующим по канону бесполезно объяснять, что нельзя, к примеру, быть единым, существуя разом в трех ипостасях, как утверждал как раз Тертуллиан. Люди часто отвергают рациональные доводы, которые в итоге оборачиваются против их понятий о надлежащей жизни, а не только о боге. Отвергая религию, надо понимать почему верят бессмыслицам, понимать их реальный смысл.

В большой мере он как раз в поиске утешения, даже подспорья, чтобы выдержать непосильную жизнь. Религия сильна противостоянием обыденной беззащитности. В том и была мощь христианства, что оно противостояло империи, - и не в минуту ее упадка, когда революция готова валить власть и строить «правильное» государство, а при могучем Тиберии. Иисус сказал: «отдавайте кесарево кесарю, а божие богу», то есть, не иное государство надо строить, как потом ислам, и в XX веке Ленин и другие, а обособясь от государства, хранить праведность и право независимо от его установок следовать богу, как опоре морали. История любой религии, не исключая христианскую – это и есть история становления и утраты своей отдельности, самостоятельности. В России с ней покончил Петр, передавший управление церковью, Синоду, возглавляемому государственным чиновником, вместо патриарха, претендовавшего при его отце быть равным царю.

Теоретически Декрет об отделении церкви от государства как бы возвращал религии отдельность, но практически еще больше подчинял ее государству и в еще более убогой роли. Вне свободомыслия, в СССР запретного, невозможно строить отношения с богом по частному чувству и личному разумению. А упразднив такую возможность, власть уже не считается с чувствами ни верующих, ни неверующих. Большевики, как до них правящие церкви, жестко охраняя свою светскую религию, ни с чьими чувствами не считались. И отношения с религиями свели к отношениям с церквями, земными организациями, которыми тоже правит не бог, а реальные люди, внешне не так Христу, как кесарю и генсеку. Их заботила не религия, не вера в жизнь вечную, а трактовка церковью, лишенной отдельности, земной праведности. Сталин, по образованию - православный священник, хоть и недоучка, эту разницу знал.

Нынче Россия как бы возвращает религии былую роль. Чекисты-номенклатурщики, вынужденные признать советскую идеологию несостоятельной, надеются на религию. Им нужно не просто дать богу

стол и угол, как в тяжкий миг войны, а опереться на него всерьез и надолго. И декрет 1918 года они фактически отменяют, вводят в школах обучение религии и кличут в армию духовенство. Духовный диктат государства должен по замыслу от этого не слабеть, но нарастать.

Для затравки бранят советскую власть за отказ знакомить детей с религией, на проявления которой те натываются в жизни. Бранят не без основания. Советская школа, обучая истории, рассказывала о забастовках и вооруженных восстаниях, но не о протестах и переменах в сознании, шедших часто как раз в религиозных формах. А детям надо объяснять пестроту этих форм, показать, к примеру, что христианство не извечно, но возникло в противостоянии Риму, и по мере его распада там возобладало и преобразилось. Недостаточно сказать детям, что раздел и вражда восточной и западной церквей вызваны тем, что в конце шестого века, на соборе в Толедо, решили, что святой дух исходит не от одного бога-отца, как установили первые вселенские соборы, но и от сына, богочеловека Иисуса. Византийское христианство, отвергшее это решение западного, осталось как бы ортодоксальным, что в переводе на русский язык и значит православным. Важно объяснить различие, возникшее оттого, что православные отрицают, что и от Иисуса исходит святой дух. А это различие меж тяготением православия к величию Византийской империи, где оно сложилось, и тяготением западного христианства к первохристианским общинам, обострившееся в протестантизме. Важно знать и об исламе, об иудаизме, как источнике христианства и ислама, о месте, которое церковь занимала в практической жизни, и о причинах, толкавших разные народы ограничивать ее место и влияние, ей противостоять. Такой подход позволяет понять религию, не впадая ни в набожность, ни в безбожие, и не отождествляя ни то, ни другое, с добром или злом. Он, к тому же, не мешает детям по воле родителей или по собственной приобщаться к конкретной религии вне государственной гражданской школы, в религиозных школах или храмах. Но и не толкает к этому.

А «знакомство» с религией в рамках общеобязательного предмета, «духовно-нравственного воспитания» или «религиоведения», точь в точь, как в советской школе «обществоведения», как раз и толкает, навязывает детям признание «направляющей» роли идеологии, религиозной или светской. Оправдываются тем, что якобы не навязывают конкретную веру, тем, что «религиоведение» познакомит не с одним православием, но и с основами ислама, хоть едва ли католичества и кальвинизма, нелюбимых Московской патриархией. А суть не в том, что дети выберут, - диамат или субъективный идеализм, православие или баптизм, светскую идеологию или религиозную, - но в самом навязывании мировоззрения, вольном или невольном. А человек свободен лишь формируя его по собственному разумению, он не обязан принимать идейные предпочтения власти. Он вправе сам о них судить по их роли в текущей жизни, а не следовать им, как предустановленным задачам, как их ни формулируй. Наша Конституция в статье 13 говорит «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». А в статье 14 «Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» и там же оговаривается, что «религиозные организации отделены от государства и равны перед законом». Это не просто запрет

государству провозглашать какую-то из религий и идеологий первой среди равных, но выражение права каждого гражданина быть свободным от любой. А выделение идеологии или религии как особого школьного предмета этой свободе перечит.

Не случайно, власть, на деле норовящая обратить религию из частного дела верующих опять в государственное, особый статус «традиционных» религий даровала четырем: православию, исламу, иудаизму и буддизму, унизив все другие, не менее традиционные. Православие и ислам, в России широко распространены, но число даже их приверженцев определяют не по реальным посещениям храмов, хотя бы в праздники, а по национальности: всех русских числят православными, а всех татар - мусульманами. А у иудаизма, при всей важности его исторической роли, или буддизма, при всей значимости его, как первой мировой религии, в России несопоставимо меньше последователей, чем у таких ветвей христианства, как католичество и протестантизм, властью презрительно обойденных. Протестантов с легкой руки православной церкви высокомерно именуют сектантами, отвлекаясь от того, что и само христианство исторически - безмерно разросшаяся секта иудаизма, да и нынешнее никонианское православие тоже не традиционное, а как раз расправившееся с традиционным по воле царя Алексея Михайловича. Да и ненависть к католичеству, догматические различия с которым не столь велики, - не божественная истина. При всех упреках папству его обособленное существование все же давало католикам хотя бы виртуальную опору для противостояния неправедным светским правителям. Воинствующая враждебность православной церкви другим христианам - дело верующих. Но то, что такой же позиции держится российское государство, - дело всех российских граждан, и ему оправдания нет. Кроме, разве, того, что своими политическими противниками оно числит, прежде всего, инославных христиан, а православием в роли идейной опоры старается заменить провалившийся марксизм-ленинизм.

Но так не выйти из порочного круга, где одни сжигали на кострах или иначе терзали неверующих и «неверно» верующих, а другие расстреливали и ущемляли в правах верующих. Жить в нем и дальше России не по силам. Российское сознание склонно к общим понятиям, оно пренебрегает отдельным, а особенного и знать не хочет. Главную партию новой России недаром назвали «Единая Россия», выражая имперское желание удержать многообразие в одной руке, а не, скажем, «Союзная Россия», выражая стремление к объединению разнообразных жителей страны, хранящих свои особенности и права. Ориентация на имперскую команду, а не союзные договоренности, как раз и подорвала на трудном повороте Советский Союз, бывший союзом лишь номинально. Но не всех учит собственный опыт.

А путь сосуществования даже там, где повсеместная терпимость к отличному от своего не складывается, давно найден. Он в признании за каждым обязанности соблюдать нормы места, где находишься. Чувства верующих оскорбляет не только гонимый в церковь табун, но сам диктат власти в сугубо религиозных вещах. И чувства неверующих оскорбляет не только вторжение в музей толпы верующих, срывающих со стен

«безбожные» картины и выгораживаемых потом властью, но само единение школы с церковью. И чувства тех и других разом оскорбляет президент страны, стоящий в церкви со свечкой в правой руке.

Недопустимо требовать, чтобы везде соблюдали нормы всякой системы взглядов. Соблюдать надлежит Конституцию, Уголовный и Гражданский кодексы, не более того. А у нас, то верующих вынуждают к кощунственным для веры поступкам, то неверующих – к соблюдению предписаний веры. Но то и другое правомерно лишь в специально отведенных местах. В церкви каждый обязан снять шапку, а в синагоге ее надеть, иначе молящиеся оскорблены - одним тут, другим там. Но на улице всякий волен обходиться с шапкой, как хочет.

На Западе, доведя до абсурда необходимую политическую корректность, многие готовы согласиться, что светские власти обязаны поддерживать возражения мусульманских священнослужителей против карикатур на пророка. Что же в таком случае делать нам с «Гаврилиадой» Пушкина и многими текстами Льва Толстого? Цензурировать? Или все же признать, что религия, как и светские взгляды, - частное дело каждого, признать, что, написавший кощунственную поэму, а перед смертью принявший причастие поэт не был апостолом, ни атеизма, ни религии, но был свободным человеком.

Ориентация государственной школы на религию придает ей государственный статус, урезая свободу не только великого поэта, но всякого человека с самого детства. Недостатки декрета 1918 года обернулись другим боком, а достоинства испарились, как, впрочем, и другие надежды на свободу, декларировавшуюся тогда новоабсолютистской советской властью, и попраные уже ею самой. И вот уже новая власть, обещавшая освободить страну от советской, тоже попирает свободу.

Кто виноват больше? 19.9.2009

Завершая статью в польской «Газете выборчей» Путин призвал «Перевернуть страницу и начать писать новую». Он не вторил вздору, последнее время заполнявшему российскую печать и телевидение. И намек не было на то, что Польша сама развязала войну, отказавшись от разумных инициатив Гитлера, как изрекло издание нашего Министерства обороны. И хоть расстрел в Катыни он приравнял к судьбе красноармейцев, попавших в плен при попытке в 1920 захватить Польшу, и там умерших от эпидемии, все же и Катынь назвал преступлением. И договор Молотова с Риббентропом – аморальным. Словом, все одним миром мазаны, но давайте жить дружно.

Прежде могло казаться, что Путин не знает, что Польша такие речи слыхала и плохо им верит. Признав за своей страной долю вины в европейском катаклизме он напомнил, что умней, чем можно решить по его поступкам, и совершает их не потому, что не понимает последствий, а потому, что иначе не велят. Он не столько диктатор, каким выглядит, сколько исполнитель воли правящего класса или, если угодно, клана. Эту волю выражают абсурды пропаганды, Своей стране ее можно навязать.

Но за рубежом после 1985 ее забыли, а наново не привыкли, и Путин силится удержать баланс меж ней и здравым смыслом. Но средней линии меж миром и войной нет.

Если даже все страны виноваты, вины не одинаковы, одни тянут на пожизненное заключение (временно заменяющее у нас расстрел), другие - лишь на общественное порицание. Не один Путин стирает их различие, выгораживая главных виновников и, что еще хуже, затуманивая причины войны. Послушаешь да считаешь, - гибели чуть не ста миллионов нет иного объяснения, кроме интригантства и заговоров. Ожесточенно спорят, кто интриган, против кого заговор, чей ход был роковым. Но почему цивилизованная Европа, пережив немыслимую Мировую войну, еще при жизни ее уцелевших солдат затеяла новую, понятней не становится.

А никакой тайны нет. Почти одновременно в некоторых европейских странах с разной историей, живших по-разному, даже воевавших друг с другом в Первой Мировой, возникли новые социальные движения, опиравшиеся на перечисленные одна другой социальные теории, хоть все и выступавшие за социализм, но понимая его по-разному. Общей, в сущности, была лишь сама надежда, овладев государственной властью, изменить социальные отношения, но тоже по-разному. Такие движения возникли в России, Италии, Германии, отставших от более развитых европейских стран в экономике и социальном развитии. Надежды улучшить свое положение мировой войной не сбылись. Русский царь отрекся от престола, Германия признала поражение, Италия, вступившая в войну позднее, хоть и на стороне победителей, свое положение тоже не улучшила. Глубокий кризис помог в Октябре 1917 года большевикам во главе с Лениным захватить власть в России, в октябре 1922 - фашистам во главе с Муссолини в Италии. В Германии попытка Гитлера и Людендорфа в ноябре 1923 захватить власть в Баварии провалилась. Но всемирный экономический кризис в начале 1933 помог национал-социалистам во главе с Гитлером прийти к власти в Германии.

Эти движения провозглашали разные лозунги и по-разному объясняли стремление воплотить их не только у себя в стране (одни - революционной солидарностью, другие - превосходством своей расы), но, при всех различиях, делали неизбежными столкновения с другими странами и меж собой. Не сразу, да и не вполне, они осознали свое сходство и углядели его корни. Они так и не стали единым политическим движением. Но явилась новая социальная типология. Государство по ней было выше граждан, уделом которых было ему служить, а государством руководила партия особого типа, навсегда закрепившая свое положение, слившись с государством. Ее верхний слой и составил правящий класс. Покорность населения обеспечивали силовым путем - от ограничений до террора, утверждавшего тоталитарный порядок. Поскольку силовое сознание нового правящего класса не смущали государственные границы, почти сразу запахло новыми войнами, сперва «революционными», а потом без оправданий. Но к Второй Мировой эти мобилизационные общественные движения вели не только потому, что их лидеры были безнравственными фанатиками. Миллионы нищавших людей в отстававших странах надеялись на силовые средства, пресекающие экономическую свободу, без которой развитием ведает волюнтаризм, сперва фанатиков, а потом

карьеристов и шкурников. Эти миллионы, верующих в силу, образуют социальную почву, поныне рождающую в разных странах мобилизационные движения под разными флагами.

Отмечая семидесятилетие начала войны, о тоталитарных мобилизационных порядках в разных странах, как главных ее пружинах, почти не говорили. Зато – не удержался и Путин – осуждали Версальский договор за жесткое обхождение с Германией, якобы породившее национал-социализм, как ответную реакцию, словно после Второй Мировой с Германией не обошлись еще жестче, не сократили ее на треть, не разрезали оставленное, и треть его не держали пятьдесят лет отрезанной. А Версаль, в отличие от Ялты и Потсдама, нанес принципиальный удар по трем империям, помог национальным государствам на Балканах и на Востоке Европы выжить. Их-то и норавлили тоталитарные государства опять захватить.

Признание тоталитарных стран главными виновниками войны, отнюдь не оправдывает либеральные, трусливо перед ними лебезившие. Вступление немецких войск в Польшу считают началом войны потому, что лишь тут Англия и Франция спохватились, поняв, к чему ведет их «невмешательство», позволившее Италии захватить Абиссинию, а Германии войти в Саарскую область, заглотать Австрию и потом Чехословакию, у которой с Францией был даже договор о взаимопомощи. В Мюнхене Чемберлен и Даладье струсили. Все что можно сказать худого об их капитуляции, сказано, она официально осуждена и Англией и Францией. Но как ни отвратительна трусость, вооруженная ликвидация независимой страны, в которой СССР участвовал с 17 сентября 1939 года, с большой выгодой для себя, куда подлей. Польшу, которая не моложе России, и христианство приняла на 22 года раньше, у нас объявили «искусственным образованием». Осенью 1939 года Сталин в интервью опубликованном в «Правде», уверял, что не Германия напала на Англию и Францию, но они на Германию, а она предлагает мир, в чем СССР ее поддерживает, но Англия с Францией отказываются. То есть, он как раз предлагал продолжить Мюнхен, предлагал им проглотить еще и раздел и ликвидацию Польши. Неужто Путин допускал, что в Польше это забыли?

Семьдесят лет спустя можно бы все-таки называть вещи их именами. Открытого договора о ненападении даже с Гитлером можно бы и не стыдиться. Время было сложное, либеральные страны и СССР друг другу не верили, а такой договор как бы давал какую-то отсрочку. Но наш-то договор о ненападении сопровождался секретным протоколом об оплате Советскому Союзу натурой его услуг национал-социализму, да еще сразу после раздела Польши перерос в Договор о дружбе. Эта дружба с гитлеровцами подтверждается не только известным признанием Риббентропа, что в Москве он чувствовал себя среди товарищей. Советские газеты и журналы этих двух позорных лет то и дело оправдывали национал-социализм, и объясняли, что хоть у нашего социализма есть отличия от немецкого, тот все же прогрессивней господства плутократов в Англии и Франции. В этой дружбе неожиданно проявилась еще не подозревавшаяся близость мобилизационных тоталитарных режимов, что и шокировало многих коммунистов за рубежом. Эта дружба не только сбивала с толку советских людей,

привыкших думать, что коммунизм и национал-социализм – две вещи несовместные. Вольное или невольное обнажение Сталиным их близости, способности к дружбе и общим трапезам – вместе съели целую страну, не прошло бесследно. Нынешние русские поклонники Гитлера помнят, как советские руководители с ним дружили, досадуя, что дружба разладилась. Не случайно, победив вчерашнего друга, Сталин перенял его опыт, затеял государственный антисемитизм, борьбу с «космополитами» и «дело врачей».

Путин надеется бездоказательно убедить поляков и остальной мир, что наша страна переменилась не в деталях, а по существу, и ей можно верить на слово. Но опыт минувших лет научил невольно побывавших в советском лагере опасаться мобилизационного строя соседей. Прежней наивности, ныне воскресшей на западе Европы и даже в Америке, на востоке Европы почти нет. Чемберлен поздно понял, что, отдав Гитлеру чужие страны поодиночке, он вел к тому, что Англии пришлось противостоять ему в одиночестве. Но Сталин, отхватив пол- Европы и утвердись на месте разбитой Германии, научил Запад не слишком полагаться на Мюнхен, а создавать НАТО. НАТО у нас числят ловушкой, куда Америка обманом влечет ставшие самостоятельными страны, включая бывшие советские республики. А на деле наоборот, это они рвутся к НАТО, как к единственной защите от агрессии. Ради России Путину следовало подчеркнуть нашу вину перед Польшей не только в 1939, но и после победы. Глядишь, и поверили бы, что не надо нас больше бояться. А так, при всей вежливости, былые страхи не пройдут.

Чтобы верили, надо говорить правду. Если Катынь - преступление, надо рассекретить документы, пойти навстречу родственникам. Иначе кажется, да еще при иной лексике отечественной печати, что слово «преступление» премьер произнес для поляков. Если наша страна при Сталине была тоталитарной, как Путин в своей статье признал, почему же в России подчиненное ему государственное телевидение пропагандирует Сталина и его величие? На войне мы отдали противнику половину европейской части СССР, черноземную Россию и Украину, обороняться пришлось на Волге, и то, что в конце концов, вместе с Англией и Америкой, присылавшей дуэлянты и студбекеры, да и тушенку и яичный порошок, Гитлера разбили, не снимает с тогдашнего руководства нашей страны, начиная со Сталина, ответственности за погибших, пострадавших на оккупированных землях, в плену и в наших лагерях, куда отправляли освобождаемых из немецкого плена.

Преобладающая часть нынешней элиты хочет видеть Путина новым Сталиным, и он уже пошел ей навстречу, А поведением в Польше побуждал думать, что это еще не решено. Но тогда преступления предшественников придется признать, и каяться за них не только своему духовнику.

Преступления национал-социализма не слабей советских, но Германия, - возможно, оттого, что проиграла и сразу от него освободилась, - свое всего двенадцатилетнее ужасное прошлое не спешит забывать, понимая, что однократное покаяние, даже искреннее, не удержит от рецидива. Удержит лишь память о том, что то была не чужая беда, что она губила и

уродовала твою страну. В Германии остались, быть может, единицы, причастные к преступлениям. Нынешние немцы за них не отвечают, как нынешние русские не отвечают за ликвидацию Польши. Но немцы, любящие Германию, в отличие нас, сознают, что приход нового Гитлера означал бы, что национал-социализм не минутное затмение, и такого не хотят. А у нас возродить большевизм легко, ведь пагубность его не осознана, и беды от него списаны на других.

Холокост, поголовное истребление людей по этническому признаку, - самое известное преступление национал-социализма. Не зря тайные и открытые национал-социалисты ныне твердят, что его не было. Но немцы рассудили иначе. Музей холокоста в Берлине добросовестно рассказывает и показывает, как и сколько нацисты убили людей. Но музей необычен своим расположением под землей, а над ним, - в городе, интенсивно застраиваемом после войны и разделения, - оставлено свободное пространство. На земле над музеем лежат невысокие каменные прямоугольники. Не сразу и понять, откуда они и зачем. И вдруг опознаешь, - да это ведь метафорическое еврейское кладбище. Кто их видел, вдруг обнаружив его посреди Берлина, постигает, что люди, лишенные печами Освенцима даже погребения, обрели его здесь, в центре немецкой столицы. Каждый берлинец, каждый немец, приехавший туда, да и любой иностранец, опознает безымянные надгробья невинно убиенных. И убеждается не только в том, что был холокост, но что немецкий народ о нем помнит. Вот и верится, что в Германии подобного не будет никогда. Залог тому – дань убиенным.

А в Москве нет памятника даже русским крестьянам, погибшим при коллективизации. Нет памятника погибшим при депортациях народов. Нет достойного памятника миллионам сынов и дочерей страны, погибшим в сталинских застенках. Слова Путина о преступлениях советской власти, даже если искренни, не убеждают потому, что детей учат, что, невзирая на все чудовищное, дела шли отлично. У нас празднуют взятие Берлина, не вспоминая где завоевателя остановили. А не оттого разве все наши катастрофы, и довоенные, и военная, и позднейшие, что ход жизни был гибельным, даром, что по дороге случались удачи и даже достижения. Ныне нефть дала чуть передохнуть, но навеки нефти не хватит. Пора менять ход, чтобы сберечь Россию и свои души.

Покаяние Германии – не моральная абстракция. Оно изменило там жизнь. Нравственная твердость восстановила растоптанное национал-социализмом. Германия больше не чванится, но среди равных в Европейском союзе она - первая не только по числу жителей, но и по развитию экономики. Сотрудничества с ней ищут страны, две трети века назад искавшие от нее спасения. Преодолей Россия свой заносчивый мобилизационный пафос, конечно, и она стала бы самой богатой среди окружающих, и для соседей - центром притяжения, а не угрозой. Но для этого надо, подобно Германии, впрямь перестать быть угрозой, всеобщим наставником и надзирателем. В Польше Путин показал, что вполне сознает стоящий перед ним выбор: либо благополучие России, либо блаженство элиты, то бишь номенклатуры. Она уже требует даже больше, чем ухватила, но ни статья в «Газете выборчей», ни речь в Гданьске, не сулят, что хоть что-то у нас изменится к лучшему, покуда нефть в цене.

Свобода слова - не свобода клеветы 5.10.2009

Свою статью на оппозиционных «Гранях» священник Яков Кротов назвал «Свободу антисемитам!». Конечно, в шутку. Во всякой шутке, говорят, есть доля шутки. Здесь она в том, что автора призыва ни по каким его публичным выступлениям винить в антисемитизме покамест не было повода. Но в гипотетическом гонении на антисемитизм ему мерещится нарушение свободы слова. Со свободой слова, печати и информации у нас впрямь неладно. Но уверять, что от свободы антисемитизма станет лучше, – шутка неудачная уже потому, что антисемитизм и до Треблинки брал не словом.

Да и слово бывает разным. Сводись оно к брани, можно бы пренебречь. Брань на восточном входе не виснет. Но не сводится, байки об употреблении евреями в пищу крови христианских младенцев у нас свободно продают в печатном виде и это не брань, а клевета. Выходит, свобода слова включает в себя свободу заведомой клеветы, а не только нетривиальных или оппозиционных суждений, верных или неверных. Конечно, советский суд объявлял клеветой всякое правдивое слово о власти. Но это не резон включить право на клевету в число незабываемых прав человека. В странах, где не наказуема правда, суд способен клевету опознать. Во всяком случае здесь есть проблема, от которой батюшка отмахнулся. А заодно отмахнулся и от перетекания слов в действия.

Когда юдофобы с криком «Бей жида!» избивают еврея, наши правоохранители, даже заводя дело об избиении, придают значение не словам, но «хулиганским побуждениям». Ими объясняют избиения и убийства не одних евреев. Свобода вопить: «Бей хача!» и «Бей черных!» уже священна. Милиционер мыслит, как священник: Драться нельзя, а говорите, что хотите! А эксперты, выбираемые властью, прямо отрицают шовинистическое содержание выкриков при побоях.

Но избиение – хотя бы однократный акт. А государственной дискриминации евреев не было конца. Как многое другое, ныне и она приватизирована и зависит не от ЦК КПСС, а от личных взглядов гражданина начальника, вчерашнего чекиста или партийного секретаря. Эти люди лишнего не говорят. Ни Брежнев, ни даже Хрущев, ни даже сам Сталин, публично к антисемитизму не призывали. Просто выпихивали людей в виртуальный мир, вынуждая там искать историческую родину. А юдофобские книги тогда продавались не так свободно, как сейчас. Ну, чем-то можно было разжиться в киоске Союза Писателей РСФСР. Но антисемитизм справлялся без свободы слова. С чего же он вдруг ей понадобился?

Между тем, чтобы уберечь свободу слова от обвинений в клевете, достаточно не клеветать. Яков Кротов, конечно, прав, говоря, что свобода слова должна быть неограниченной. Он только забыл, что публичное слово – это поступок, а за свои поступки надо отвечать. Знаменитое «Я готов отдать жизнь, чтобы вы могли выражать свои убеждения, с которыми я не согласен», не означает, что проповедник не отвечает за свою проповедь. Но от злоупотреблений свободой слова защищает не

предварительная цензура. И, вообще, от злоупотребления свободой оберегает не преобразование страны в тюрьму, где каждый гражданин на каждый поступок должен испрашивать разрешение, а внятные законы и справедливые суды.

Никто не обязан любить евреев, равно как не обязан любить грузин, чеченцев, украинцев, немцев или русских. Но никто не вправе оскорблять тех, кого не любит, клеветать на них, подвергать их дискриминации и преследованиям, устраивать погромы и отправлять постылых в газовые камеры. Особенно, если, как у нас, законы страны этого не позволяют. Если законы, наказывающие за проявления национальной и расовой ненависти, вам не по душе, вы вправе открыто добиваться их отмены. Яков Кротов на это не замахивается, но требует не «использовать дубинку государства на благое дело». А дело не в разгоне слова дубинкой, даже не в том, чтобы за брань непременно тащить антисемита в суд, а в общественной репутации, которую он обретает.

Перед революцией в одних слоях общества было стыдно слыть антисемитом, в других, – напротив, это украшало. При даже относительной свободе слова каждый выбирал себе позицию. Но если антисемитизм поощряется сверху, и даже для пассивного неучастия в антисемитских, как и в других, поощряемых наверху акциях, надобно мужество, если всякий чих власти наперед объявлен воплощением морали, а свободы суждений о ней, свободы слова, не остается, репутация теряет значение. Мы живем в таком обществе.

Тут и зарыта собака! Свобода слова – слишком серьезное дело, чтобы защищать ее частями. Священник Яков Кротов верит, что, обрети ее юдофобы, она расцветет. Но другие считают, что ее надо дать русофобам, выражающим мнение немалой части нерусского населения России, а раньше и Советского Союза. Русофобов батюшка, слава богу, не защищает, но его доводы годятся и для их защиты. А хрен редьки не слаще. Ради свободы слова надо разбираться не с юдофобами и не с русофобами, а с государством.

Оба предрассудка сеет прямая и косвенная пропаганда, чаще государственная, случается и антигосударственная. Есть у них и социальные корни. Ни то, ни другое, – не оправдание. Но в любом случае нет повода опасаться что наше государство станет своей дубинкой их преодолевать. Оно от этого бежит, как от огня. И как раз ограничивая свободу слова, мешает одолевать их по-иному, не дает их показать во всей красе, не только как «пережитки прошлого», в котором и юдофобство, – читайте «Дневник писателя» Достоевского, и русофобство, – читайте «Хаджи-Мурата» Льва Толстого, имели место. Один великий русский писатель поддерживал ненависть к иному народу, другой понимал причины ненависти к своему.

Нынешняя власть официально и публично так и не определила свое отношение к тому, что большевики, через неделю после революции опубликовав Декларацию прав народов России, провозгласившую всеобщее равенство, и обеспечив себе этим поддержку и поляков, и евреев, и латышей, и азербайджанцев, и армян, и грузин и других, уже к

концу НЭПа на деле отступились от Декларации и после победы над Германией завершили полный поворот. Наше новое государство не прояснило «национальный вопрос». А возрождение имперской позиции предопределило отношение не только к «жидам» и «хачам», но и к русским, которых опять отождествляют с властью, ущемляющей другие народы. На эти темы наша верхушка высказывается выборочно. Объявляет, что входившие в РСФСР около миллиона чеченцев, составлявшие три четверти населения Чечни, права на самоопределение не имеют, а входившие в Грузинскую ССР 83 тысячи абхазов - около пятой части населения Абхазии, имеют. И ни слова о том, что в национальной политике власти русский народ так же мало виноват, как в ее социальной и экономической политике, поскольку его не спрашивают. Какой смысл от такого государства что-то требовать? Зачем? Но не так все просто.

Еще в советские годы, с началом брежневского поворота к тихому сталинизму, Александр Есенин –Вольпин провозгласил лозунг, предопределивший характер диссидентского движения: «Соблюдайте вашу Конституцию!» Никакая другая форма протеста не допускалась заведомо, но практика показала, что невозможна и эта, а тем самым стало очевидно и неопровержимо, что, соблюдая собственные декоративные законы, советской власти не усидеть. Чисто логическим путем было доказано, что это власть беззакония. При всех отходах от советского порядка, в этом отношении ничего не изменилось. В России нет закона, есть воля власти, Потому и можно Ходорковского посадить, а Абрамовича сделать губернатором и бог знает кем. Пороча Ходорковского, пропаганда не упускает случая напомнить, что он полуеврей, а Абрамовичу напоминают реже. Как тут не вспомнить, что Герман Геринг, когда от него требовали «сдать» близкого друга, полуеврея, спасшего ему жизнь на войне, отвечал: «Авиацией команду я, и я решаю, кто здесь еврей!»

Не будем преувеличивать роль диссидентства в крушении советской власти, она пала под грузом своей волюнтаристской экономической и социальной политики, но в ее развенчании, в превращении этого священного быка Аписа в простые быки, роль диссидентства велика. Оно показало в каком мире мы живем. Это не всегда видно, особенно там, где обыденная жизнь прикрыта лицемерной идеологией, не признающей ни в юдофобстве, ни в других своих достоинствах. Каждый шаг, раздирающий священный покров над беззаконием, - благо. Казалось бы, требования к беззаконному государству напрасны, и сидеть за эти требования в тюрьме, отдавать жизнь, нелепо. А по Кротову даже вредно. Но лишь если мы согласимся, что вредно знать, в каком государстве мы живем.

Не все, конечно, решается обнажением натуры, но, хоть требование справедливости к тому же Ходорковскому, требования расследовать убийства Холодова, Старовойтовой, Юшенкова, Политковской, Литвиненко, Эстемировой, расследовать Беслан, Норд-ост, взрывы домов, быть может, безнадежны, они не бессмысленны. Знание, что у власти, не отзывающейся на эти требования, рыльце в пуху, еще ничего не меняет. Но, как сказано: «И это все в меня запало, И лишь потом во мне очнулось». Лишь бы запало, потом очнется.

Но без свободы слова нечему западать, Иные верят, что если еще можно заработать, а на Тверской продают блины с икрой, – жизнь прекрасна, и нечего гадать о завтрашнем дне. Авось! Но только сегодняшний день был завтрашним вчера, когда от нас еще что-то зависело, и мы его упустили. Упустили потому, что внемля речам о свободе, вдыхая ее, забыли, что она затем и нужна, чтобы понимать, что к чему, и доверились новым речам прежних граждан начальников. А все потому, что в прежнем не разобрались. Просто его от себя отпихнули.

Свою философию Яков Кротов применил для защиты Константина Душенова, о котором рассказывает, что обличения «жидов», как врагов православия, он публиковал «от имени митрополита Иоанна», словно сам митрополит не при чем. А митрополит имел в Ленинграде репутацию зоологического юдофоба. Мои православные знакомые, когда всплывало его имя, сходу меня убеждали, что его позиция чужда сущности православия, с чем я наперед соглашался, но никто из них не мог мне объяснить, каким все-таки образом такой человек занял такое место. А это могло бы прояснить, почему, оппозиционируя Московской патриархии, и не будучи антисемитом, Яков Кротов хочет свободы антисемитизма.

В Америке, ни Душенову, ни митрополиту Иоанну, конечно, тоже ничего бы не было, лишь оскудела бы паства. Ни юдофобство, ни русофобство, ни наше американофобство, как идеологии, в Америке тоже не наказуемы, но попробуйте кому-то при свидетелях сказать «Жидовская морда!» или «Русская свинья!», да еще стукнуть, - вряд ли это сойдет с рук. Во всяком случае, там ныне в судебном порядке преследуют расистские выпады против афроамериканцев. А идейная борьба с расизмом, разумеется, идет по-иному.

У нас ни судебной, ни идейной борьбы с шовинизмом нет. Не потому, что, как учит Кротов, «борьба с антисемитизмом – это не политика, не государственное дело», а именно потому, что антисемитизм (и всякий шовинизм) - это политика, политическая стратегия. Государство ею владеет и умело меняет тактику. Батюшка учит, что государственное зло можно пресечь только если либералы сольются воедино, а нынче каждый говорит свое. Но всякое единство у нас обращается единомыслием, то есть прямой противоположностью либерализму. Даже совладай этокое «либеральное» единение с нынешним государством, нет надежды, что оно останется либеральным. Либерализм устанавливается, когда признано, что без терпимости к разномыслию, без реальной свободы слова, как и без права, без независимого суда и соблюдения законов, включая законы против клеветы, развитие страны ужимается. Признать это на деле Медведеву и Путину мешает нефть. Но что мешает священнику Якову Кротову?

Поворот кругом 23.10.2009

Отечественные хунвейбины, «наши» (в отличие от китайских), затеяв травлю Александра Подрабиника, вовлекли в дискуссию самых разных людей, Среди них и отсидевшие свое правозащитники, и Элла Панфилова, и руководство «Единой России», и канцелярия Президента, и премьер-министр. А все из-за двух страничек в

интернетном «Ежедневном журнале». Страницы яростные, не содержащие даже оговорок, полезных, чтобы вернее быть понятым всяким читателем, а не только хорошо знакомым с предметом. Но дискуссия предмета не касалась, не выясняла корни ярости.

Александр Подрабинек известен книгой «Карательная медицина», в конце семидесятых обнажившей миру одну из самых чудовищных, уже послесталинских чекистских новаций. Если для Сталина любой, неугодный «нашей партии», был врагом народа, то при Брежневе выступавших против «лучшего на свете советского строя» объявляли безумцами, психами, и слали их не в лагеря, а в психушки. Кроме сталинской жестокости для этого требовалась еще и некоторая изощренность ума, и глава КГБ Андропов, равно как спец по судебной психиатрии академик Снежневский, ее проявили. Подрабинек об этом неопровержимо рассказал, за что был объявлен антисоветчиком и противозаконно получил срок. Он выступал как идейный противник самодержавия Брежнева, Андропова, Долгих и всей группы товарищей.

Но они и сами работали против себя. Режим, который господствовал в стране, привел хозяйство к краху, вызвавшему не только роспуск Советского Союза и Варшавского пакта, но и крушение этого режима в замученных им странах. Где режим и впрямь изменился, где изменилась видимость, но, во всяком случае, основатель нового порядка в России, первый ее президент Ельцин и его преемники, Путин и Медведев, многократно объясняли миру, что строй в России уже никак не советский, что у нас демократия, суверенная или какая там еще, но не советская. Владимир Владимирович не раз уверял западных лидеров, что подозрения, которые были у них в отношении СССР, строившего коммунизм, и навязывавшего его другим, должны отпасть, поскольку идейно нас ничто уже не разделяет. Если ему верить, в новой России можно быть «антисоветчиком».

И вот выяснилось, что нельзя. По письму товарища Долгих, выступившего от лица ветеранов войны, префект Митволь, потребовал, чтобы шашлычная под вывеской «Антисоветская» сменила название. Если бы у нас, действительно, изменился режим, такая акция местной администрации вызвала бы непременно протест президента, главы Конституционного суда, премьера и прочих высоких лиц. Но они промолчали. В защиту перемен, которые они декларировали 18 лет, выступил лишь Подрабинек. Тут его и стали травить.

Прежде, чем выяснять смысл травли, стоит вспомнить, что к понятию «советский», вроде потерявшему абсолютность правоты, все эти годы проявлялась максимальная терпимость. За советскость никого не травят, даже не осуждают. Коммунистическая партия, ее насаждавшая, действует легально. Видного ее лидера в СССР Долгих за долгую вредоносную деятельность не наказали. Он получил хорошую пенсию и благоденствует, как и другие ответственные в прошлом товарищи. Понятие «советский» не изъяли из обихода, оно уцелело даже в названиях улиц, не то что шашлычных. В Москве параллельно Сиреневому бульвару идет Советская улица. А от театра Армии к Суцневскому валу идет улица Советской Армии. Ничего страшного в этом нет. Как говорится, такова наша история.

На установках Советской власти она покамест не застыла, и еще всплывают затерянные страницы. Вот перенесли в Москву прах Антона Ивановича Деникина, который, - а вовсе не Троцкий, как нас учили с малолетства, - и был главным антисоветчиком, командовал основным фронтом войны против Советов. И в переносе его праха ничего страшного тоже нет. Много таких частных, вроде мелких по отдельности, перемен произошло за 18 лет в России, на словах вышедшей из нормативной системы ценностей, по которой ее жителей прежде делили на «настоящих советских людей» и «отщепенцев-антисоветчиков». Видимость свободы и толкнула владельца шашлычной назвать ее «Антисоветская». Не хуже и не лучше, чем улица «Советская».

На этот счет есть, впрочем, разные мнения. В этом тоже нет ничего страшного, куда за мнения не карают. Одним неприятна могила Деникина, другим мавзолей Ленина. Иное дело, когда одни начинают преследовать других и даже норовят вытолкнуть их из страны. Из России выталкивают не одного Подрабиника, власть не сочла экстремистским призыв «Россия для русских», и многие уезжают. Однако, в числе 10 миллионов уехавших, хоть, возможно, и был миллион евреев, но остальные-то в большинстве русские, Вот и подумай, для кого Россия? Назад едут немногие, жить под диктовку единомышленников товарища Долгих не хотят. Испытывают те же чувства, что и Подрабинек от смены названия шашлычной, хоть и не считают, что любовь к Родине предполагает постоянное в ней пребывание. Есть разные мнения и о том, кто был большим патриотом, Герцен или государь император Николай Павлович.

Суть в том, что атаку на название шашлычной повели от имени ветеранов войны, якобы оскорбившихся за Советскую власть. Отождествление защиты отечества с защитой Советской власти, ставшее краеугольным камнем коммунистической пропаганды, по лживости не уступало ее утверждению, что она - власть трудящихся. Победу над Германией, вероломно прервавшей дружбу Сталина с Гитлером, закрепленную официальным Договором о дружбе, а не только о ненападении, как объясняют ныне, объявили доводом в пользу Советской власти. Ею прикрыли великое поражение, которое перед тем потерпела наша страна, позволив агрессору дойти до Волги. Это как раз и было поражением Советской власти, которого не хотели вспоминать, пока она стояла, но не хотят помнить и теперь.

Дано множество по отдельности верных, но частных объяснений тому, что положение изменилось, и почти проиграв войну, мы ее все же выиграли. Тут и нехватность нашей территории, подчас вынуждавшая гитлеровцев останавливаться даже там, где перед ними не было противника, тут и щедрая помощь Америки присылавшей и самолеты, и грузовики, и яичный порошок, и свиную тушенку, тут и выдвигание множества способных военных, отчасти восполнивших утраты понесенные не так от гитлеровских атак, как от сталинских чисток, тут и мужество и неприхотливость наших солдат. Но главной причиной победы, редко поминаемой, было все же осознание, что на кону не просто Советская власть, а существование отечества.

Выбирать пришлось меж советским тоталитарным режимом, сгубившим и покалечившим чуть не треть населения, и чужим тоталитарным режимом, очень схожим с нашим, даже сохранившим на захваченной территории колхозы, однако чужим, обращавшим отечество в колонию. Сперва не все угрозу ощутили, иным казалось, что худо будет лишь евреям. Но по мере продвижения гитлеровцев прояснялось, как оно есть, и совершался невидимый и не слишком оразившийся в литературе поворот в умах. Люди совершали трагический для своей страны, но правильный, во всяком случае, для человечества, для Германии, и, в конечном счете, для России, выбор. Наша пропаганда не любила объяснять, что идет война с национал-социализмом, с тоталитаризмом. Даже великий День Победы, ставший праздником, назвали Днем победы над Германией. И все же нацизм на большей части немецкой земли был повержен, а, чтобы дух свободы не завлек нас, потом возвели берлинскую стену.

А в дни войны и советские пропагандисты отложили в сторону призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и напирала на безидейную сыновью любовь к родной земле. В лозунге «За Родину! За Сталина!» слово Родина поставили первым, понимая, что большинству Родина безмерно дороже, чем Сталин. Но уже после Прохоровки власть опять требовала нерушимости советской веры. Победой, одержать которую он нередко мешал, Сталин успешно заслонил коллективизацию и все прочие преступления, им совершенные.

Слов нет, среди воевавших были и люди, любившие Советскую власть, как политрук Долгих, с годами взлетевший на ее вершины, были возможно, и другие будущие сторонники переименования шашлычной. Им Подрабинек справедливо сказал «верно, вы и были вертухаями в тех лагерях и тюрьмах, комиссарами в заградотрядах, палачами на расстрельных полигонах». Но Долгих не вправе говорить, словно нет других ветеранов, названием шашлычной не озабоченных, - а это ветераны, защищавшие не Советскую власть, но отечество, и таких куда больше. Еще в дни войны вполне советский писатель Леонид Леонов в пьесе «Нашествие» изобразил «отщепенца», жертвующего собой за отечество. И совсем уже странно нынешней власти об этом забывать и говорить о советском единомыслии ветеранов. Конечно, воевавшие защитили не только отечество, а, тем самым, поневоле и Советскую власть, но другого выхода не было. Воевать разом против двух тоталитарных чудищ было невозможно. Сторонники независимости Украины, пытаясь разом противостать и советской и нацистской оккупации, ничего не добились. Нынешнее отождествление защиты отечества с защитой Советской власти как раз и выдает стремление ее возродить в максимально возможной мере.

Минувшие восемнадцать лет, конечно, были годами возрождения многих ее манер и обычаев, не только государственного гимна. Да и чего было ждать, если новую Россию возглавил коллега Долгих по Политбюро, тоже кандидат и тоже Секретарь ЦК, передавший власть надежному человеку из КГБ. Но и у Ельцина, и у Путина, и даже у Медведева, вроде хватало ума на то, чтобы рядиться иными. Шашлычная «Антисоветская» в их наряде, быть может, последний бантик, нелепый, крохотный, смешной, да красноречивый, когда его срезают. Но вместо того, чтобы уволить Митволя

за самоуправство и противодействие официальному курсу, вместо того, чтобы свалить эту неловкость на него, даже если он выполнял указание, предпочли заткнуть рот Подрабинеку, поручив это «нашим». Элла Панфилова, не касаясь предмета спора, лишь призвала соблюдать правопорядок, но «Единая Россия», партия Путина, потребовала ее уволить. В администрации Президента сочли, что ничего не нарушено, идет, мол, дискуссия, - и Панфилову не выдают, и «Единую Россию» с «нашими» не осуждают.

Лишь Путин, соображающий быстрее набранных им помощников, хоть непонятно, зачем таких помощников набирать, смекнул, что вышло некругло. Он сказал писателям, что ему не нравится происходящее «вокруг Подрабинека», и даже осудил идеологов «наших», но тут же заявил, что Подрабинека «нахамил ветеранам». И, главное, не вступился за право называть шашлычную, как вздумает, за право осуждать в нынешней России Советскую власть и «ее пережитки». Выходит, не сам по себе Митволь преобразует советскую реставрацию из подспудной в откровенную. А это и вызвало ярость Подрабинека, которую трудно не разделить. На двух страничках он задал два существенных вопроса - считает ли власть, что люди воевали не за Родину, а за Советский строй, и намерена ли она восстановить тот строй полностью. Но ни Путин, ни даже Элла Панфилова, ответить не рискнули, лишь посетовали, что «наши» нарушают приличия. «Наши» правильно поняли, что хоть не по форме, но по содержанию, власть с ними, и 21 октября провели у дома Подрабинека очередное сборище. То ли еще будет!

Что же делать? 7.11.2009

Весной стукнет двадцать пять, как Кремль, ощутив масштаб катастрофы, до которой довел страну, смекнул, что гнать зайца дальше опасно, надо действовать иначе, и выбрал генеральным секретарем ЦК КПСС Горбачева, едва ли не единственного в Политбюро, способного действовать не только силой. Политбюро надеялось как в 1921 перестроиться, и как в 1929, сведя концы с концами, вернуться к прежнему, Но надежды, что Советская власть изменится, как сулил Горбачев, рухнули 19 августа 1991. А что ей пришел конец, как объявил Ельцин, рассеялись уже в октябре 1993 и окончательно в декабре 1994. СССР ужался в границы РСФСР, детали обновились, но типология порядка прежняя. Если ничто не помешает, Путин будет «законно» править до 2024 года. А Медведев сулит выборы губернаторов через сто лет. Номенклатура перестроилась, сохранила власть и вернулась к тысячелетнему царству и «особенному пути России».

Он начался не в 1991 и даже не в 1917. До поры Россия развивалась в едином русле с прочей Европой. Устройство жизни везде имело особенности, но основы были общими. Крестьянская зависимость обнажала внеэкономичность социальных отношений. Христианство еще до разделения было принято всей Европой, включая Россию. Феодалное общество медленно развивалось. Относительное единообразие сломал технический скачок новорожденного капитализма. Он выделил Нидерланды, Англию, Францию. Другие не очень сдвигались к

экономическим отношениям, не видели связей технического развития с характером общества. Там еще казалось достаточным ожесточить зависимость, поднажать, укрепить, как говорится, трудовую дисциплину, - и догоним, и перегоним, вышедших вперед. Былая крестьянская зависимость переросла у нас в крепостное право. Чуть помягче оно было в Польше и на востоке Германии. Опираясь на него, на феодальную реакцию, насаждали прогресс.

Начиная с Петра Россия была в этом особенно усердна и добилась многого, прежде всего, в военном деле. Ее армия была из сильнейших в Европе, побеждала и Фридриха II, и Наполеона. И вдруг в середине XIX века – разгром в Крыму! В России поняли, что причина поражения – крепостное право. Не потому, что русские солдаты плохо воевали, - воевали они героически, но крепостническая держава не помогла им устоять.

Пришлось крепостное право отменить. Ни земли, ни свободы от общины, крестьянам не дали, представительную систему, хотя бы ограниченную, не создали. И все же феодальная реакция отступила, феодализм пошел на компромисс, доверился эволюции, и та впрямь началась. Крестьянскому большинству населения она была трудна, а преемники царя-освободителя с новыми реформами не спешили. В ответ на расстрел 9 января мирной демонстрации в столице, в 1905 вспыхнула революция. Пришлось создать Государственную думу, где были, хоть и неравноправно, представлены разные социальные слои. Столыпин сломал общину и начал отселять крестьян на хутора и в дальние губернии. Но его скупая реформа не слишком помогла людям, хоть раздражила правящий класс, и сошла на нет. А вскоре Россия вступила в мировую войну, и компромиссный путь Александра II так и не свершился, не совладал с наследством крепостничества.

В феврале 1917 царь был сметен стихийными возмущениями в столице. Но перенявшие власть не спешили созвать Учредительное собрание. А страна воевала, и положение обострялось. В октябре власть захватили большевики, радикальная часть социал-демократов, во главе с Лениным. Они провели выборы в Учредительное собрание, но, оказавшись там в меньшинстве, его разогнали. Они говорили о свободе и демократии. Но еще меньше царя хотели свободных экономических отношений. Цари, скрепя сердце, капитализм допускали, Ленин со страстью упразднял зародыше. Хозяйству страны по его мысли надлежало стать единым концерном, руководимым государством. Кризис вынудил большевиков от этого идеала временно отступить. Нехотя они в 1921 ввели Новую Экономическую Политику, но оборвали ее в 1929. Загнав крестьян в колхозы, из которых не отпускали даже без земли, Сталин фактически восстановил крепостное право, хотя стремился к техническому развитию.

И возродилась ситуация, бывшая при Петре, не случайно вышедшем в любимые герои. Помимо массовых репрессий, сам уровень жизни в СССР был ниже, а условия труда трудней, чем в буржуазных странах. А главное, принуждение, способное в начале восемнадцатого века послужить развитию немногих направлений, не отвечало нужде двадцатого во всестороннем развитии. Но советские руководители этим пренебрегали и, строя мобилизационно-тоталитарное общество, названное

социалистическим, ждали, что их волюнтаризм сработает эффективней петровского.

Безоглядному насилию порой удается на время притормозить последствия разлада общественных отношений с производственными, но в конечном счете оно не спасает. В семидесятые-восьмидесятые вожди уже знали, что хозяйство рушится. К тому же Афганская война, явно неудачная, оставляла ощущение отчасти подобное Крымской. Этим и руководствовался пленум ЦК КПСС, выбирая Горбачева на роль царя-освободителя.

Он умно провел ряд немислимых до того политических преобразований, Но обратить хозяйственные отношения в экономические не сумел. Правда, даже самодержцу Александру II это удалось лишь отчасти, что потом и подорвало начатое им компромиссное смещение к реальной экономике. А советская система до поры держалась именно бескомпромиссностью односторонних решений, которая и мешала всестороннему развитию. Иной подход к вещам, готовность к компромиссу, к «новому мышлению», как говорил Горбачев, была чужда правящей номенклатуре. И люди, в марте 1985 избравшие Горбачева, в августе 1991 выступили против него, создав ГКЧП, и этим, вольно или невольно, предопределили дальнейшее.

Советский правящий класс, единый в стремлении усидеть, был не вполне однороден. Там были искренние мракобесы, понимавшие, что кроме повседневного насилия у ленинско-сталинской социальной системы нет опоры, и без насилия номенклатура утратит власть, а с ней свое положение, как после 1917 - дворянство. Некоторые там однако сознавали, что внеэкономическое хозяйствование непродуктивно, что научно-техническая революция требует социальных реформ, хоть и не очень ясно видели, каких именно. Но были там и люди понявшие, что идеология так называемого «марксизма-ленинизма», по которой строили жизнь и вели хозяйство, далека не только от утопии Коммунистического манифеста, давно не манившей правителей СССР, но и от советской реальности, и не помогает вести хозяйство, а часто и мешает. Их тяготила не преступность строя, не его мобилизационно-тоталитарный характер, а догматизм и недоверие высшего слоя начальства к среднему, к которому они принадлежали.

ГКЧП, да еще провалившись, обессилил Горбачева, за которым ничего не оказалось, и оставил власть этим людям второго эшелона номенклатуры во главе с Ельциным, перед тем попавшим в опалу, сделавшую его популярным и уже в первом туре победившим на выборах Президента РСФСР. Он как бы шел на компромисс с реальностью. Как бы отверг советский строй и его идеологию. Отпустил союзные республики в свободное плавание. Провозгласил свободу предпринимательства и нерушимость частной собственности. И объявилось полсотни крупных капиталистов, размером имущества, не уступавших прежним хозяйственным министерствам. Объявили, что теперь у нас капитализм.

Выступившая как новая, власть мирволила былой советской. Не запретила коммунистическую партию. Не привлекла ее к ответу за прежние преступления. Не провела даже люстрацию. А пострадавшим предложили

индивидуально просить о реабилитации. Нет, чтобы хоть политические статьи прежнего Уголовного Кодекса признать незаконными и самим реабилитировать невиновных! На первый взгляд в роли царя-освободителя Ельцин успешнее не то что Горбачева, а самого Александра II. Но реформы царя, при всей их ограниченности, были реальны, а реформы Ельцина – декоративны, да еще имитационны.

«Отказ от советского строя» совершился без выяснения его порочной природы. Говорили правду о злодеяниях Сталина, но не о реакционности большевистского волюнтаризма, не выявили природу мобилизационно-тоталитарного социализма, не показали, чем он держался, ничего не сделали, чтобы не возобновился. Приватизация не дала своим чекам статуса ценных бумаг, срок их действия ограничила, открыв скупщикам чеков доступ к произвольной раздаче имущества, о бескорыстии которой можно лишь гадать. Но и новорожденные капиталисты, «олигархи», стали лишь условными владельцами «своего» имущества, которое, как явил пример Ходорковского, государству легко отобрать, и сама угроза этого лишает номинального собственника свободы распоряжения «своей» собственностью. А основную массу населения приватизация на деле вообще обошла, людей отсекали от реальных буржуазных отношений, а в ходе революций на Западе и после них именно массы людей, прежде всего, крестьян, «ежедневно и ежечасно рождали капитализм». Российский капитализм, созданный сверху, - не подлинный, показной, укрывший власть номенклатуры.

Такова же и российская демократия. В выборах вроде уже участвует не одна партия, как в СССР, а, как в ГДР, где Путин служил, несколько номинально разных, и надо выбирать уже не из одного, а нормально из нескольких кандидатов, но лишь из угодных власти. К тому же выросло умение считать голоса, не взирая на поданные избирателями. Трудно при всем этом думать, что представительные органы и сам президент представляют население. Президент легально обладает царской властью, не меньшей, чем нелегально обладал Генеральный секретарь ЦК. У нас автократическая, а не демократическая Конституция. Гарантий разделения властей там нет. Главное, нет гарантий независимости суда, без которой предпринимательство невозможно.

В новую Конституцию вписано больше прав человека, чем в сталинскую или брежневскую. Но по-прежнему нет гарантий пользования этими правами, - суды не считают Конституцию законом прямого действия, равносильным Уголовному кодексу. Она никого ни к чему не обязывает и как в СССР - лишь орудие пропаганды. Декоративная компромиссность ельцинских перемен никак не урезала государственное всевластие, все же ограниченное созданной Александром II эффективной судебной системой, позволявшей российскому капитализму развиваться относительно независимо.

За неограниченным царским самодержавием следовал период компромиссных отношений самовольной власти и общества, и в стране зрели новые общественные понятия и политические партии, отражающие интересы разных классов и групп. А наша номенклатура, даже силясь выбраться из тупика еще более безоглядного советского самодержавия,

на компромисс с обществом так и не пошла. Власть делала лишь временные уступки и легко их отбирала. Известную роль, конечно, сыграл взлет цен на нефть и газ, но причины отказа от демократии к нему не сводятся. Огромные доходы не изменили характер хозяйства потому, что номенклатурное дворянство защищало удобный ему былой порядок упорней, чем прежде. Эти люди, назвавшие себя элитой, знают: причастность к власти надежней гарантирует у нас личное благополучие, чем предпринимательская, производственная, торговая, научная и любая другая работа, и власть из рук не выпускают. Вот и не идут необратимые социальные перемены. И не осознано, зачем и какие нужны.

На деле строй в России все еще прежнего, мобилизационно-тоталитарного типа, хоть в иных отношениях еще не ставший столь жестким, как советский. Но отдельные отличия не столь жесткого итальянского фашизма от вполне бесчеловечного немецкого нацизма не побуждают противопоставлять их друг другу, как общества разного типа. Нет причин и нынешнюю Россию противопоставлять ее советскому прошлому. Говорят, зло нынче в том, что партийных аппаратчиков заменили оперработники КГБ. Но они и прежде, не любя друг друга, «работали» рука об руку. НКВД-КГБ опекал лично Сталин. Аппаратчики более склонны к лицемерию, а оперы к цинизму, но если сдвиг среди власть имущих чуток и обновил колорит, это не резон счесть страну иной, она все та же. И, к тому же, все еще империя, колониальные народы составляют уже не половину, а около двадцати процентов населения, но населяют значительную часть территории. Мало того, Россия опять претендует на земли соседей, о чем говорит не только политика, но прямой агрессивный их захват, как в Грузии.

Все это, начиная с невыносимо тяжелой жизни миллионов российских граждан, высокой смертности мужчин, явного отставания в науке и производстве, побуждает думать о причинах горестного для страны положения и возможностях его преодолеть. Неверно, как делают многие, сводить эти причины к персоне Путина, поставленного в президенты тем самым Ельциным, которого ему усердно противопоставляют, а на деле как раз и учредившим нынешний строй. Наивно ждать, что ситуацию изменят упования на президента Медведева, поставленного Путиным и ни разу ему не перечившего, ни в чем на практике от его курса не отошедшего.

Думая о переменах, стоит помнить, что уже президентские выборы 1996 покончили с возможностью, при отсутствии катаклизмов, легально преобразить мобилизационно-тоталитарный строй в хотя бы ограниченно демократический, позволяющий разным общественным силам в законных формах отстаивать свои интересы, служащие и общему развитию страны. Пока реальную оппозицию лишь не допускали к массовым средствам информации, но не мешали ей выдвигать своих кандидатов и достаточно честно считали результаты, на выборы стоило ходить. Но, когда допуск в избирательные бюллетени закрыли, а считают, как хотят, пропадает смысл выбирать. Тем более, что оппозицией именуют фактически единомышленников правящей «ассоциации помощи трону», а демократической как бы и нет.

Что же остается? Пикет или марш горстки людей лишь демонстрирует слабость реальной оппозиции, на деле отнюдь не малой, но сознающей, что она имеет дело с властью, которая готова продолжать путь, начатый 9 января 1905 года в царском Петербурге и возрожденный в советском Новочеркасске. Власть отступает, и то не всегда, лишь перед всеобщим протестом, как в Киеве на Майдане, а это выплеск стихийной социальной революции, к которой Россия еще не близка. Террористические действия против власти, как и ее захват большевистского типа, сперва даже поддержанный не утихавшей с февраля революционной стихией, бесплодны. Смена одной самовольно правящей группы на другую меняет лишь детали. Потому и пусты надежды на заговоры для насильственной смены власти. Сменить ее можно, но новая, как мы видели, бывает подобна прежней, а то и хуже. Власть на деле меняется тогда, когда жить по-прежнему «верхи не могут, а низы не хотят», как не раз повторял Ленин, знавший, что это и показали Нидерландская, Английская, Французская, и наша Февральская, революции, хоть такие невозможность и нежелание не всюду столь линейны, как он думал и хотел.

Избрание Горбачева, а не, скажем, Романова, показало, что советские верхи править по-прежнему уже не могут. Не хотели жить по-прежнему и «низы». Но люди, выросшие под многолетним патернализмом, не знали, как жить иначе, а Ельцин и его команда дальше общих слов не шли, поскольку не хотели реально разоблачать строй, которому всю жизнь служили, надеясь, - и не напрасно, - его возродить, пусть под другим именем. Идеалом русского народа они сочли не самоопределение, а империю. Не самоуправление на всех уровнях, а диктатуру, «вертикаль власти», с высот которой людей не слышно. Не самостоятельность своего, а зависимость других народов. Но всем народам, - и русский не исключение, - для развития нужны самостоятельность, самоуправление и самоопределение. И гражданские права. Они важны тем, что разом дают условия развития отдельному человеку и всей стране. А отказ от этих условий ради других целей власти неизбежно влечет страну к общему отставанию.

Власть твердит, что демократия мешает модернизовать производство, хоть Путин, не оставивший от демократии и следа, имея большие деньги, модернизацией не занимался. Сталин, конечно, провел индустриализацию наперекор демократии, и его преемники так ее и продолжали, и завели в СССР немало крупных заводов. Но такая индустриализация и разорила страну, прежде всего, деревню. Ей мы и обязаны несбалансированностью российского хозяйства, приведшей его к краху. Техническая модернизация, без параллельной политической, к нему ведет неотвратимо.

Зомбирующие население слухи внушали, что великий террор - лишь борьба за власть, до которой простым людям нет дела. Но ни Каменев, ни Бухарин, ни Постышев, ни другие, за вычетом, может быть, одного Троцкого, не жаждали возглавить партию и страну. Они-то Сталина и поддерживали против Троцкого. А в частных вопросах у них бывали свои мнения, и они их высказывали, но это и было несовместимо с недемократической, командной индустриализацией и, тем более, коллективизацией и всей работой единого советского государственного концерна, предуказанного Лениным. Всеобщее обязательное

единомыслие, охраняемое государством, и стало главной причиной краха, поскольку всеведущий ум вождя, за которым последнее слово, не всегда бывает одинаково прозорлив, а вопреки ему, независимые усилия не допускаются.

Порой говорят, что споры о Сталине и сама российская тяга к прошлому, к юбилеям, – смертный знак, а думать надо о завтрашнем дне. Но Россия еще не осознала, что светлое будущее по методике Петра, Ленина и Сталина в новом технологическом тысячелетии уже невозможно. А менять поступь, когда государство не выполняет первого своего долга, не дает правовой опоры иной жизни, люди в массе не могут. Вот и гадают, не даст ли возврат к Сталину или хоть к Брежневу, если не счастье, то хоть привычное зло. Сбросив царскую власть, наша страна стала не демократической, а тоталитарной. Отрекшись от советской, она оставила частного человека бессильным перед чиновником, действующим от лица государства в личных видах. И этот заколдованный круг не разорвать, пока его пагубность не осознана.

Возможно ли это, когда десятки миллионов бедствуют и мысль о хлебе насущном, о сегодняшнем, заслоняет мысль о завтрашнем? Да и с кого брать пример? О былом становлении демократии в Англии, Франции, Америке и других странах, даже о самом свежем, в Германии после Гитлера, у нас не знают. А ныне сами западные демократии путаются в элементарных вещах и тянутся к так называемой «реальной политике», к реальности коротких дистанций, забыв, чем за это потом приходится платить. Если некогда политическая корректность была условием общественных дискуссий, сегодня она стала способом уходить от дискуссий по животрепещущим проблемам, даже от обозначения проблем. Если двести лет назад «левые» выдвигали демократические идеалы, сегодня они создают и поддерживают тоталитарные режимы, и на деле «правее» «правых».

Они -то и перевернули отношение к государству, шедшее с феодальных времен, когда свобода состояла в отвержении непомерных претензий государственной власти, и стали уверять, что государство, которое возглавят они, лучше самого человека понимает, что ему надобно, и долг каждого беспрекословно повиноваться управляющим. И социализмы всех цветов – и красные, и коричневые – практиковали для еще желавших свободы казни, лагеря уничтожения, тюрьмы и прочие репрессивные меры в невиданных раньше масштабах. И почти не стало человеку защиты от всевластия государства. Даже в Соединенных Штатах, где такой защитой остается суд, либералом считается политик, полагающийся на государство. Отчасти поэтому пример Запада еще не стал для России школой сознательной свободы.

После Отечественной войны Сталин начал холодную, но Запад, готовясь к обороне, не порвал тогда отношения, не воспользовался своей четырехлетней монополией на ядерное оружие, а неустанно добивался договоренностей, пусть ограниченных, но соблюдавшихся. И не боялся открыто выражать свое понимание происходящего у нас. Опыт конфликтов с тоталитарными режимами, не только советским, побуждал западную демократию и в лучшие дни помнить русскую пословицу «Доверяй, но

проверяй». А падение берлинской стены и железного занавеса отвлекло от российских реальностей. Ныне, справедливо признавая, что «Россия – глубоко европейская страна», бывший британский посол в России Тони Brenton, уверяет, что уже поэтому «свободы, пришедшие в Восточную Европу, рано или поздно восторжествуют и в России».

Вера Brenton питается тем, что «глядя на свои границы Россия понимает, что наименьшая угроза для нее исходит с Запада». Конечно, российская власть понимает, что внешней военной угрозы с Запада нет. Но ее страшит не внешняя угроза, надолго, к тому же, обесмысленная нашим могучим ядерным оружием, а пример западного либерального порядка. Он, и не желая того, является внутренней угрозой, - не России, конечно, но ее нынешнему строю и удержавшей его власти, потому неустанно и ведущей антизападную пропаганду и сочиняющей «суверенную» демократию.

Мюнхенская речь Путина провозгласила новую холодную войну. Россия законодательно заявила, что считает себя вправе убивать на чужой территории, кого сочтет нужным. Она законодательно присвоила себе право по своему усмотрению вводить войска в другие страны. Не то что раньше советско-российский след не проступал за исчезновением и гибелью многих российских людей за границей, - от Кутепова и Троцкого до Яндарбиева. Но такое совершаюсь втайне, как беззаконие, а теперь объявлено законным. И Запад молча глотает, не смея встать с колен.

Разумеется, ему нелепо, рвать отношения с Россией, достаточно на деле показать, что сотрудничество держится равноправием, и никакие действия, выходящие за рамки принятых норм, не пройдут без адекватного ответа. Дело Запада решать, опасаться России или ждать, что, помогая Ирану создать ядерное оружие, она одновременно будет его сдерживать. Россия опасна не силой оружия, может, нынче и впрямь чуть меньшей, чем в СССР, а готовностью его применить, нынче, как показала жизнь, большей, чем прежде. Отвлекаясь от этого, Запад потакает ее уцелевшей от СССР склонности к особым нормам, к особенному пути. И правящая элита (номенклатура), сочтя себя выше любых законов и радуясь, что ее крючки заглатываются странами, способными ответить, нагнет и попирает свой народ, которому отвечать нечем. Едва ли не единственным стимулом противостоять империи, и для начальников, и для рядовых, и в Варшавском пакте, и в СССР, оказалась тяга к национальной самостоятельности. Ее слабо ощутил лишь русский народ, и так числившийся первым среди равных, и власть ищет в нем опору, чтобы подавить желающие независимости автономии.

А стимул к борьбе за удовлетворение социальных нужд вытеснен привычкой к подаяниям патернализма. Уже в советские времена социальные нужды у нас понимались, как обеспечение некоего уровня зарплат, цен, медицинской помощи и жилья, весьма, впрочем, низкого. А их подлинное удовлетворение неотрывно от социального строя и природы хозяйственной системы. Организация работ при уцелевшем в России мобилизационно-тоталитарном порядке, с лагерями принудительного труда, моногородами, закрытыми заводами и особыми правилами на многих открытых, да еще в условиях не способствующих мобильности

рабочей силы, снижает на нее цену и исключает трудящихся из рыночного обмена, отлучает от капитализма, и, пока у власти есть, что подкинуть, социальные проблемы решаются подачками. А они-то и требуют смены социального строя, не свершившейся в 1991.

Лишь строй экономической, и с ней политической, свободы отделит хозяйство от государства, отвергнет вертикаль диктатуры и прочие перлы советского порядка. Он умерит мощь исполнительной власти президента, премьера и губернаторов, и повысит воздействие законодательной и, особенно, судебной власти на текущую жизнь. Демократия, ему свойственная, оградит сферы решений местных и региональных властей от вмешательства вышестоящих. Власти любого уровня, включая губернаторов, смогут избираться непосредственно населением. Восстановится представительство граждан в Совете федерации, то есть, прямое избрание его членов населением соответствующих субъектов федерации. Партии будут обязаны выдвигать на выборах не списки, а конкретных кандидатов по каждому округу, где на равных смогут выдвигаться и беспартийные, а подсчет голосов будет публичным. При создании в рамках закона производственных, общественных и других организаций не потребуется разрешение власти, достаточно будет ее уведомить. Все действия власти обретут открытый характер, а существенные распоряжения должностных лиц - письменную фиксацию, позволяющую определять ответственность за последствия. Понадобятся новые силовые органы, работающие на правовых началах и готовые к общественному контролю. Реорганизация армии переориентирует ее на защиту отечества от возможных сильных противников, исключив агрессивные вылазки против слабых соседей и подавление собственных граждан.

Особое место в преобразовании строя займет административное оздоровление нашего нескладного государства, ныне именуемого Российской федерацией, состоящей по Конституции из 89 субъектов, лишь 15 из которых могут прокормить себя и подкармливать других. Большинство субъектов самостоятельно существовать не может, что ставит их жителей в круговую зависимость от верховной власти, обрекая на фактическое бесправие. Внутри нынешней Российской федерации должна самоопределиться Русская федерация, состоящая не из нынешних 57 по-преимуществу несамообеспечивающихся краев и областей, а из объединивших их 15-17 способных к самообеспечению исторически сложившихся субъектов. Эта Русская федерация и станет опорой объединения с желающими того нынешними автономиями в единое, тоже федеративное, а возможно, конфедеративное, государство, разумеется, с уточнением границ каждой сообразно реальному расселению, которым сознательно пренебрегали при их создании. Русская федерация стала бы, наконец, в отличие от империи, национальным государством русского народа. Не «Россией для русских», но Россией для всех в ней живущих и желающих дальше жить, работая на ее благо и дыша ее культурой. Не монорасовым, не монорелигиозным, не моноидеологическим, а обыкновенным национальным государством, подобным, скажем, нынешней Германии, тоже, кстати, федеративной.

Эти, как и другие возможные, предложения преобразить страну, конечно, ни правящий тандем, ни другая элитная (номенклатурная) группировка, готовая его заменить, не примут. Но раздумья о путях преображения страны нужны гражданам, Волонтеризм заводит жизнь в такие тупики, что ее взрывает не выход миллионов на улицы, как ожидают, а еще до того сам разлад хозяйства, как в начале восьмидесятых. В такие времена ситуация быстро меняется, надо в ней разбираться, и, пренебрегая священным ореолом власти, различать необратимое и обратимое. В девяностые годы, когда советский режим затрещал, готовности и знания, чего хотеть и как себя вести, к сожалению, явно не хватало.

Поэтому первой заботой России остается просвещение. От элементарной грамотешки до прояснения реального политического смысла мифов, забивших людям головы, - от марксистско-ленинских до шовинистических, мистических, уголовных и прочих, все еще практикуемых властью, преодолевшей недолгую гласность. Уже при Ельцине свобода слова, существуя для его коммунистических и других тоталитарных критиков, демократической критике «демократического» президента места не оставляла. При Путине не стало и самих открытых политических дискуссий. Уже не только средства массовой информации, но малотиражные издания с демократической репутацией, допускаемые для престижа, робеют обличать коренные пороки власти. Сведены на нет и голоса из-за бугра, прежде аналитичные, а ныне обращенные в чисто информативные, да и не о том, как некогда, что за бортом внутрироссийской информации. Взяты под контроль или закрыты и почти все зарубежные русскоязычные издания. Ширится пропаганда сладкого «имиджа» нынешней России. А рядовому человеку, не имеющему доступа к микротиражным книгам, еще меньше чем в СССР открыт опыт политического сознания. Он обречен формировать его в одиночку, и не странно, что в таких условиях дорогу пробивает мракобесие. Это прямой результат «идеологической работы» властей.

Элита (номенклатура) уже не строит коммунизм для всех, и слава богу. Но для себя она его еще при Сталине построила, и знает, как время провести. А время определяет свои ценности. Отбросив идеологию КПСС, Ельцин, по опыту первого секретаря Обкома, всё сетовал, что нет другой идеологии. Но напрасно беспокоился. Любая политическая система идеологию себе сладит, пусть не в привычных формах. Взгляните на «наших», на Москву, изменившую при Лужкове облик, послушайте Суркова с Павловским, да и Медведева, да и самого Путина, зовущего «мочить в сортире», - и вы ощутите мир их ценностей. И вопросы отпадут.

Не убивай! 21.11.2009

Российская элита обсуждает надобность в смертной казни. Вспоминает, что в Писании сказано: Не убивай! Реже вспоминает повседневные убийства – от Холодова до Маркелова, от взрывов жилых московских домов до отравления газом в Дубровке, от незатихающей Чечни до пламенеющей Ингушетии. Те убийства неизвестно, кто совершил, и можно лишь предполагать, кто заказал. Дела не расследуются. А смертную казнь совершают от лица государства. Она понятна. Но нынче власть не хочет и к ней слыть

причастной. Против смертной казни выступили представители, и Государственной Думы, и Совета Федерации, и Правительства, и Президента. Любопытно лишь, почему при таком настрое, они ее давно сами не отменили. Это не сложнее, чем продлить сроки думских и президентских полномочий. А они внушали Конституционному суду, что надо продлевать мораторий.

Смертной казни у нас нет. Точнее, по Конституции есть, но не практикуется. Когда в 1996 Россию впускали в европейский дом, принимали в Совет Европы, одним из условий была отмена смертной казни, - все другие там ее отменили. Мы тоже подписали шестой протокол к Европейской конвенции, оговаривающий отказ от казней. Ожидалось, что вскоре его и ратифицируем. Но наши верхи не хотели себя связывать, и вместо отказа ввели мораторий, то есть отсрочку. Не отменили, как другие, а временно перестали казнить. И пока не казнят. Радужным европейцам этого хватило. Отсрочку объясняли тем, что по Конституции смертный приговор вправе выносить лишь суд присяжных, а его во многих областях еще нет. И смертную казнь не отменяли, но ждали, пока он не появится везде. Словом, улита едет.

За тринадцать лет доехала. С нового года даже в Чечне будет суд присяжных, и отсрочка Конституционного суда утратит юридическую почву. Тут бы и ратифицировать протокол и покончить со смертной казнью. Ан нет, власть не спешила, и Верховный суд, обеспокоенный, не завалят ли его кассациями на смертные приговоры, запросил Конституционный, смогут ли их выносить. А ответить Конституционному, по существу, нечего. Смертная казнь, впредь до ее отмены, как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления, записана в Конституции. Отменить эту запись, как и другие статьи Конституции, Конституционный суд не может, он вправе их лишь толковать. То есть, он может судить лишь о моратории, признать его истекшим или найти другие доводы в его пользу.

Господин Зорькин, Председатель Конституционного суда - человек умный и ловкий, и в суть дела входивший не стал. Конституционный суд объявил, что «Введение суда присяжных ... не создает возможность назначения смертной казни». На первый взгляд это сущий вздор, как же «не создает», если его отсутствие делало ее назначение невозможным и обосновало мораторий, самим же Конституционным судом введенный? Нынешнее решение явно противоречит прежнему. Но господин Зорькин продемонстрировал невиданный меж наших начальственных персон профессионализм. Учел, что по Венской конвенции 1969 года, принятой еще Советским Союзом, государство, ежели намеревается вступить в какое международное соглашение, обязуется не делать шагов, этому соглашению противоречащих. Ежели мы подписали шестой протокол и даже не ратифицировали, но обсуждаем такую возможность, еще ее не отвергли, мы не можем назначать смертную казнь. Нам и раньше, чтобы ее пресечь, никакой мораторий не был нужен. Венской конвенции хватало. Но тогда умный господин Зорькин о ней не вспомнил, принял мораторий, и тогда, конечно, вполне понимая, что даже повсеместные суды присяжных, не создадут возможность назначать смертную казнь, пока высшая власть так или иначе не отвергнет подписанный ею шестой протокол.

Но, что ссылки на международные обязательства власти не понравятся, он тоже вполне понимал. Литвиненко еще служил в Москве, не в чем было обвинять Лугового, но международные договора о выдаче террористов, подозреваемых в убийствах, мы уже подписывали, оговаривая, что они выше внутренних законов. Заметим, что и ныне Лугового всерьез защищает от выдачи не Конституция, которую в таких случаях договора обязывают преступить, а статус депутата Государственной Думы, без ее согласия не подлежащего выдаче даже отечественному суду.

Отложить смертную казнь власть предпочла, не вмешивая Думу, бывшую тогда иной, - там еще и Старовойтова сидела, и Юшенков, способные добиться если не положительного, то хоть внятного решения. А до повсеместных судов присяжных было как до греческих календ. Нынче-то Дума - не место для дискуссий, и решение Конституционного суда ей не указ, оно не заставит, ни ратифицировать протокол, отказавшись от казни, ни от протокола отказаться. Думе спешить некуда. И все пойдет своим чередом. Казнить не станут, убивать из-за угла не перестанут. Так все и останется. Печально лишь, что общество опять себе не уяснит, зачем такие хитрости, почему столь многие страны во второй половине XX века смертную казнь отменили, а мы лишь откладываем ее применение неведомо до каких пор. Да и с чего откладывать?

Отказ от смертной казни – дело новое. Сколько люди жили, столько и казнили. Говорили, что преступники портят жизнь другим и всему обществу, и от них, недостойных жить, надо очищаться. Многие так думают поныне, и верующие не милосердной свободомыслящих. Церковь порой лишь больше лицемерила, и, сжигая инакомыслящих, гордилась, что казнит без пролития крови. Известная из Ветхого завета по главе 20 книги Исход шестая заповедь «Не убивай», на русский возвышенно переведенная «Не убий», смертную казнь, как знает всякий, читавший Писание, не запрещает. Божьи заповеди обращены к частным лицам, к отдельным людям. А за главой 20 следуют 21 и 22, перечисляющие, кого «должно предать смерти». К примеру, того, «кто злословит отца своего или свою мать». То есть, сам никого не убивает.

Согласно Новому завету распинаемый Иисус отказался спасти не только себя, - что понятно, поскольку себя он приносил в жертву ради всеобщего спасения, - но не продлил в этом мире и дни казнимых рядом разбойников, позволил их распять. Видные деятели христианства, в том числе патриарх Московский Кирилл, еще в бытность митрополитом, говорил, что Иисус не был противником смертной казни. Большинство населения, не только нашей страны, считает ее правомерной. И нельзя сказать, что не бывает людей, которые вполне ее заслужили. Вот и стоит понять, почему даже их казнить ни в коем случае нельзя, понять, что это вредная привычка.

Говорят, нельзя казнить потому, что жизнь стала гуманнее, зреют плоды просвещения, нравы смягчаются и отвращают от убийств, даже заслуженных, даже в законных формах. Такие надежды были в XIX веке, но тогда смертную казнь назначали везде. А отменять ее стали как раз в XX, когда, напротив, нравы ожесточились. Просвещение росло, но невежество активизировалось. Какая уж гуманность, когда трудно сыскать человека, так или иначе не испытавшего произвола.

Говорят, смертная казнь отступает перед логикой. Человеку свойственно ошибаться, а судьи тоже люди, и допускают ошибки. Несправедливость ошибочных наказаний многим пострадавшим можно потом как-то, хоть отчасти, компенсировать. Но смертная казнь необратима, ошибочно казненного не воскресишь. Прежде чем изловили Чекатило, часто поминаемого в доказательство нужды в смертной казни, в его преступлениях по ошибке обвинили и казнили другого, невиновного человека. Для него казнь реального Чекатило ничего изменить уже не могла. И естественно спросить, не лучше ли заменять смертную казнь пожизненным заключением без права помилования, чем иногда убивать невиновных? Конечно, среди множества невиновных убитых нашим государством вполне сознательно, убитые по ошибке составляют меньшинство. Но это не резон их убивать.

Возможность судебной ошибки - неопровержимый довод против смертной казни. Но и признавая роковой характер такой ошибки, множество людей ее равняет с другими случайностями, губительными для невиновных, и, скажем, напирают на то, что в дорожных происшествиях таких случайностей больше, чем в судах, а уличное движение не запрещают. Но на дороге они и впрямь случайны, а судебная ошибка, строго говоря, – не ошибка, а плод несовершенства и недостаточности расследования, и досудебного, и судебного. И все же смертную казнь стали отменять не из опасения ошибок. Но о главной причине иного отношения к ней во второй половине XX века наша элита помалкивает.

А причина на поверхности. Изменилось отношение не к тем кого казнят, не к преступникам, действительным или мнимым, - в России им ныне сострадают даже меньше, чем в позапрошлом веке, - а к тому, кто казнит, к государству. Если прежде, особенно в XIX веке, демократизировавшееся государство, и даже монархия, казались оплотом закона и порядка, защищавшим жизнь, производство и культуру, то XX век это представление, если не вовсе развеял, то оглядел критически. Вынудили к тому возникавшие в разных концах земли, в разных обстоятельствах, под разными флагами, государства нового, мобилизационно-тоталитарного типа, взявшие себе столь непомерную власть над страной и гражданами, какой не было и у египетских фараонов.

Советское, фашистское, нацистское государства не считались не только с мнениями и волей граждан, но и с ними самими, и по своему усмотрению давали или не давали им жить привычной жизнью, в привычном месте, и, вообще, жить. Массовые убийства как раз и стали выражением претензий, которые в XX веке предъявило государство. Обнаружилось, что многие традиционные институты, пусть не особо уважаемые, но прежде более сдержанные, в руках мобилизационно-тоталитарного государства становятся роковыми орудиями против людей. И, прежде всего, это необратимое право государства казнить, убивать.

Оттого-то после крушения фашистской и нацистской власти в Западной Европе и советской в Восточной, освободившиеся и как бы заново созданные государства сами себя наперед ограничили в некоторых традиционных функциях. Это, конечно, стимулировалось и осознанием того, что мобилизационно-тоталитарное развитие, пережитое большей

частью Европы, в сравнении с демократическим, оказалось не только односторонним, не только отягощающим жизнь миллионов, но в целом и не столь успешным. Свобода обнаружила себя как производственная необходимость, особенно там, где разнообразием производства становилась наука. Но и само социальное сознание по-новому оценило значимость свободы, поняло, что, ужимая ее для граждан, государство расширяет ее для себя, обращает в произвол.

Отсюда и новая оценка роли государства и его отношений с обществом, с его разнообразными слоями и с отдельным человеком. Тоталитарное государство отождествляет себя с обществом, и подчиняет, и поглощает, если не уничтожает, все общественные и индивидуальные стремления и действия. А новое сознание хочет не анархизма, оборачивающегося в итоге тем же тоталитаризмом, но оговоренного законом присутствия даже и свободно избранной власти лишь в определенных, признанных обществом нуждающимися в этом сферах, и разделения и конкретизации ее ответственности. Практика показала, что иные государственные функции предпочтительней вообще упразднить, чем сохранять угрозу злоупотребления ими. Смертная казнь – первая из них.

Разумеется, общество, особенно с усложнением всех сторон жизни и производства, нуждается в повседневном регулировании многих, хоть далеко не всех, взаимоотношений и поддержании сообразного равновесия. На то, вроде, и государство. Но именно оно сплошь и рядом норовит это общественное равновесие нарушать. Прежде всего там, где напрямую управляет целыми пластами жизни, выступая как собственник производства или духовный вождь. Не забывая о мобилизационно-тоталитарных режимах, уже по своей природе чудовищно превышавших власть, опасно закрывать глаза на то, что соблазн превышения власти порой прельщает и демократические государства.

После провала конституции Европейского Союза на референдумах в Нидерландах и Франции, руководство составляющих его стран, за вычетом единственно Ирландии, отказалось от референдумов и решениями органов власти утвердило отвергнутую конституцию, перелицованную в Лиссабонский договор. Это превращение Европейского Союза в единое супер-государство, на манер СССР, а там и в империю, подсекает значимость его попытки свободно уравновесить тенденции к глобализму и сепаратизму, ныне параллельно охватившие мир. Можно опасаться, что новое государство еще превзойдет те, тоже не всегда разумные, регламенты, какие рассылал Брюссель. Слава богу, в Евросоюзе хоть смертной казни покамест нет, и это сохраняет надежду на его возвращение к демократии.

Отвергающие важность отказа от смертной казни в борьбе против тоталитаризма ссылаются на Соединенные Штаты, - не только явную демократию, но и самого сильного ее защитника, где смертная казнь, однако, есть. Но там она существует далеко не во всех штатах и по их отдельным законам. Даже если какой склонится к тоталитаризму, у федеральной власти хватит средств его отрезвить. Американцы не всегда задумываются об опасности завышения прав государства по отношению к гражданам, как раз потому, что там они ограничены более, чем где либо.

Но еще и потому, что для США, подающих пример ограничения и разделения властей, тоталитаризм – внешнее явление, которому они твердо противостояли за рубежом, принимая за чистую монету ироническое название знаменитого довоенного романа «У нас это невозможно». А тоталитарная опасность возможна всюду, где ущемляют узаконенную свободу, а такие инициативы в разных обличьях подчас возникают и в Америке. Да и судебные ошибки возможны везде, и сами требуют отказа от смертной казни. Не случайно в США между смертным приговором и его исполнением часто проходят годы. Эта медлительность выдает пробивающееся ощущение угрозы злоупотребления государственной властью.

А наш опыт декларативных Конституций и номинальных законов, не гарантирующих ничего и менее всего свободу, причудливо сплел тягу власти (из политических соображений) к обществу отвергших смертную казнь с жаждой сохранить возможность вернуться к ней в любой миг. Кроме нежелания от нее отказаться, нет объяснения тому, что в 1996 ввели мораторий. То был ведь год, когда демократическая смена власти на выборах еще не была исключена. И ныне, тоже не по оплошности, а наперед зная, что мораторий истекает, власть не просила Думу ратифицировать шестой протокол, чем и толкнула Верховный суд в Конституционный, свалив на тот ответственность за важное решение, которое надлежит принять Думе. Мораторий фактически продлен, – подпольный тоталитарный порядок еще в силах рядиться авторитарным, который, как нас учат, меньшее зло. Смертная казнь не разрешена, положение не ухудшилось, что по нынешним временам уже хорошо. Но она и не отменена, поскольку тут Конституционный суд не властен.

Чтобы изменить положение в принципе, Государственной Думе надлежит безотлагательно ратифицировать шестой протокол. Но ее председатель уже заявил, что в ближайшее время она этот вопрос не рассмотрит. А представитель Президента в Конституционном суде особо объяснил, что переход России к европейским ценностям требует куда больше времени, чем годы прожитые без смертной казни. То есть, власть хочет и дальше удерживать возможность, если очень понадобится или очень захочется, «расстреливать, как бешеных собак», не отрывая время на изменения законов и Конституции. Достаточно будет, идя навстречу пожеланиям трудящихся, отвергнуть шестой протокол. О чем бишь он?

Стоит ли церемониться? 7.12.2009

Нет у нас, к сожалению, исторических словарей политической лексики. Они бы прояснили ее изменения и плывущие значения слов. Им часто придают новый смысл, а люди понимают по-старому, и наоборот. И политические понятия затуманиваются. В одной из программных речей президент Медведев особо указал, что «нечего церемониться» с террористами, Но у нас ни с кем вообще не церемонятся. А Дмитрий Анатольевич (в прошлом преподаватель римского права) знает, что установить, кто террорист, удастся лишь в ходе сложных следственно-судебных церемоний. Оплот законности - церемонии, процедуры. Где не церемонятся, там не ищут

доказательств и в итоге карают невиновных, а преступления оставляют безнаказанными.

Согласно общему толковому словарю, террор - «физическое насилие по отношению к политическим врагам». Это отличает его от правосудия, наказующего не политические действия, а незаконные деяния. Желябов, Перовская и их товарищи, убившие царя Александра II, как политического врага, - террористы. Их судили и казнили за убийство. Но царство и само чинило террор, на его счету не только расстрел 9 января 1905 на Дворцовой. И Великого князя Владимира, разрешившего тогда стрелять, в отличие от Софьи Перовской, не судили.

Советское государство сделало террор нормой. Не считая расстрелянных, не помяная Новочеркасск и другие массовые расправы, уже посадки и ссылки политических врагов, не говоря о невинных людях, - акты террора. Осуждавшие террор до Октября большевики, взяв власть, стали государственными террористами и расправлялись физически с кем угодно – от Троцкого и Бухарина, вчерашних товарищей, до Мандельштама и Вавилова. Угроза террора висела над каждым, страна была терроризирована, и помнить это важнее, чем даже установить точное число лично пострадавших, - было их шестьдесят миллионов, как говорят одни, тридцать, как говорят другие, или «всего» семнадцать, как официально признал Хрущев на XX съезде КПСС. Главное – понять, что советское государство - не политическое, а террористическое, и Сталин - самый эффективный из менеджеров террора.

Российская Федерация при рождении противилась террору, но вскоре сама к нему приступила. В октябре 1993 отряды Верховного Совета захватили московскую мэрию и атаковали телецентр, а президент ответил обстрелом Верховного Совета. В конце 1994 он сам начал террор против Чечни, искавшей независимости. На этом фоне нынешние избиения демонстрантов числят малостью, словно это не физическое насилие над политическими врагами. Президент не считает террористические действия своих подчиненных терроризмом.

Объявив себя иной, чем СССР, Россия удержала его понятие о государственности. Советская власть была всевластна - она воплощала волю навеки руководящей монополярной партии. Государство делало, что хотело, управляло и хозяйством, и сознанием. Понимать, что оно служит не стране и народу, не рабочим и крестьянам, а верхушке партии, номенклатуре, считалось преступлением. Понявшие, как «враги народа», подлежали физическому насилию. Ныне приемы хозяйствования и некоторые шаблоны сознания обновили, но претензии на всевластие - прежние.

Ни в августе 1991, ни потом, Россия от старого понятия о государственности не отошла. Всевластие и прерогативы должностных лиц поныне безусловны и подведомственны лишь вышестоящим по вертикали. Если не изменить государство, не умерить его претензии, само по себе допущение частной собственности, отмена цензуры, и другие благие шаги, мало что меняют. Государство умудряется иначе распоряжаться частной

собственностью и по-иному пресекать распространение нежелательных идей.

Порой сетуют на непонятность того, что «У НИХ (к западу от нашей границы) свобода и сытость сочетаются», а у нас «как кусок мяса суют – так сразу «Мы – Третий Рим, а вы пошли на ...!!!». Но сетующие не выясняют, зачем суют кусок, и почему, когда мяса нет, порой (но, не всегда, когда его нет) терпят вольности. А зло-то не в личностях Путина, Медведева или даже Сечина, а в содержании их должностей, не схожем с синонимичными должностями У НИХ, Но даже весьма смысленный Леонид Радзиховский спрашивая себя: «Как это все могло произойти?», признается «И НИ ЧЕРТА НЕ ПОНИМАЮ», а потом: «И, знаете, спросить НЕКОГО – никто ни хрена не понимает». Это, конечно, метафора: тысячи и десятки тысяч отдельных лиц вполне понимают, но если считать на десятки миллионов, кажется, что впрямь НИКТО.

Почему же апологеты Третьего Рима терпели и порой еще терпят вольности? Почему, уже и заполнив танками Москву, не рискнули дать команду: «Огонь!»? Или Крючков, наново-орденоносный Язов и другие, за вычетом, разве, упрямца Варенникова, сознавали чем, – при любом исходе, тоже вперед не ясном, - каждому из них лично могла обойтись стрельба, - не в Тбилиси, не в Вильнюсе, а в Москве? Через два года это упустили и Руцкой с Хасбулатовым, и Ельцин. А в августе 1991 отступление ГКЧП сулило изменение природы нашей государственности, - еще неизвестно было, союзной или российской. Вот мы и радовались.

Оно, конечно, могло обернуться по-разному. Осуществил ли бы Горбачев свой Союзный договор, обещавший союзным республикам реальные права, а автономным (Чечне, Абхазии, и другим) права союзных? Стал бы Советский Союз союзом? Свершилось ли бы национальное самоопределение русского народа и его освобождение от функций имперского? Распался ли бы СССР и стала ли бы Российская Федерация, впрямь федеративной? Какие сбылись бы экономические перемены? Сегодня можно лишь гадать. Средний слой номенклатуры во главе с Ельциным присвоил плоды победы над высшим, достигнутой под лозунгами диссидентов, не допущенных, однако, к власти. И даже не гадая, что могло быть, видевшие тогда, что происходит, видели, что победу украли. Природа государственности осталась прежней, и у власти прежний правящий класс, не так поредевший, как пополнившийся.

В ту пору мало кто видел нужду в демократической оппозиции Ельцину. Он был объявлен синонимом демократии, хоть, при несомненном обаянии, демократом никогда не был. Но слова были вроде сперва недурны, и, ожидая результатов, не думали о том, как он к ним идет. Вот и пришли к тому, что, обоснованно распустив Верховный Совет, Ельцин не рискнул сам наново выйти к избирателям. А потом, назначая Путина, ушел с должности раньше срока, нежданностью решения дав Путину козырь перед другими кандидатами. С ними, как и с избирателями, не успевавшими уразуметь, что происходит, он не церемонился. Такая продолжалась государственность!

Между тем, лишь демократические церемонии принятия решений, учитывающие разные мнения общества, да еще при таком его многообразии как у нас, способны поддерживать устойчивость государства. Силловые способы поддержания устойчивости, чекисты и внутренние войска, обрекают на тоталитаризм, на то, чтобы уже ни с кем не «церемониться», а в результате висеть на волоске. Не церемонятся то с одними, то с другими, вчера с евреями, сегодня с кавказцами, завтра – еще неясно с кем, но это детали. Суть в том, что не церемонятся, делают, что хотят. Валерия Новодворская порочит народ, это позволяющий. А народ безмолвствует потому, что каждый в него входящий знает, что церемониться не станут персонально с ним. И пока власть не поймет, что надо, ради себя и своих детей, сдерживаться, так и будет. Пока не доведут до катаклизма. На Западе свобода совпадает с сытостью не потому, что там правят бескорыстие и мораль. И там полно хищников, карьеристов и ничтожеств. Но им приходится церемониться. А мы не вдумываемся, почему.

Прежде всего, от более широкого, чем у нас осознания, что нарушение норм политического общежития ведет к роковым для страны последствиям. Конечно, и там были Муссолини, Гитлер, Франко, Салазар, Перон, Пиночет и другие. Но опыт показавший, что те режимы, даже заглушив на миг вчерашние проблемы, сами создали новые и вели к отставанию, или к зависимости от соседей, или к военным поражениям, там усвоен лучше, чем у нас. Всего двенадцать лет, шесть из которых шла война, продержался немецкий нацизм, самый подлый и бесстыжий из западных тоталитарных режимов. Иные заблаговременно отходили от крайностей, проявляли сдержанность, готовили переход к более демократичному порядку, как Франко, оставивший Испанию королю Хуану-Карлосу или Пиночет, организовавший честные выборы, которые, еще стоя у власти, проиграл и отдал президентский пост победившему либералу. Советский режим без коренных послаблений, - если не считать таковым НЭП, принципы не менявший, - продержался семьдесят четыре года благодаря большей, чем у других, беспощадности к собственному населению, и, конечно, большим природным богатствам. Но его опыт не был осознан, потому и его пороки не преодолены.

Не только верхи коммунистической партии не поняли, что потеряли власть не от массового разочарования в мифологии коммунизма, не от «козней» Горбачева или измены Ельцина, а людям надоела их привычка не церемониться. Но и граждане, даже отвергшие коммунистов, не отвергли веру в возможности всемогущей власти, и хотели, хоть и другой, но тоже волевой политики. Черномырдин был прав: «У нас какую партию ни создавай, получается КПСС». Беда не в том, что кто-то еще верит в Сталина, обратившего страну в единую сверхмонополию, на которую все трудоспособные обязаны гнуть спины, а в том, что и многие сменившие веру еще думают, что сталинскими методами можно построить не только Гулаг, но и свободный рынок. Поэтому номенклатуре с неповрежденным КГБ и удалось пресечь политическую жизнь. Ее финалом стали президентские выборы 1996 года, гласность, которой она началась, стала ужиматься еще раньше, но еще какое-то время держалась. А потом назначенный кандидат в президенты Путин открыто объявил, что не видит нужды в публичных дискуссиях с другими претендентами.

Это и было восстановление советского порядка, тем и отличавшегося, что правящей партии не было нужды церемониться, доказывать свою правоту в спорах, которые рождают истину. Было наперед ясно, чего от Путина ждать, но СМИ твердили, что за него большинство. Вот тогда бы себя и спросить: «Как это все могло произойти?» Второй раз - понятно: там его несла река дорожавшей нефти. Но с чего первая победа? Или это не победа, а просто не оставили выбора? Не оставили никакой практической альтернативы, кроме коммунистов, которые «ничему не научились и ничего не забыли». Голосовавшие против тех и других делали это для очистки совести. Но за четыре года Ельцин упразднил шансы, какие в 1996 еще были. Уже тогда, в 1996, еще не влюбившемуся в Путина Солженицыну, хотевшему призвать избирателей голосовать и против Ельцина, и против Зюганова, и выйти из номенклатурного кольца, телевидение побоялось дать хоть десять минут. Тем более, выход перекрыли в 2000. Потому и нельзя согласиться, что Путина выбрал народ.

В бюллетене стояли разные имена, поскольку меж ними не было споров, за ними не проступали лица. Да и пока споры на телевидении и в массовой печати еще шли, они обходили ключевые проблемы страны и строя, их даже не обозначали, не глядели на связи одной с другой. Выбора не было и потому, что ни одна из соперничающих групп, кто по неспособности, кто не имея возможности говорить вслух, не объяснила людям, что народ огромной России, естественно, не во всем един, и не только потому, что многонационален. Чтобы при этом без насилия удержать страну единой, нужен социальный компромисс разных частей народа и признание за каждой права на участие в решении судьбы общей страны, сообразно поддержке гражданами тех или иных вариантов и автономных путей. Такой компромисс и есть демократия.

А у нас единство страны сторожит партия «Единая Россия» во главе с Путиным, стоящая на том, что «парламент – не место для дискуссий», и, подобно КПСС, живущая приказами, пусть в чем-то иными. Но смысл выборов президента и депутатов не просто в замещении должностей. Излагая в избирательной кампании свои взгляды и публично споря, кандидаты, среди прочего, выявляют реальное соотношение симпатий народа и разные стремления его частей. Это и позволяет их как-то сообразовать. А ныне программы и лозунги партий не сопрягаются с тем, за что они практически стоят. На Жириновском бренд либерал-демократа, хоть его партия от правящей ничем, кроме еще более откровенного шовинизма, не отличается. Даже социал-либеральное «Яблоко», едва ли не единственная у нас партия с серьезной программой, не вывело из своей теоретической правоты практические подходы к преодолению советского наследства.

Волюнтаристское мировоззрение не одолеть, сводя его к «Коммунистическому манифесту» и забыв о российском самодержавии, ни с кем не церемонившемся. Большевики утвердили свой порядок в ходе четырехлетней гражданской войны, когда власть на другой стороне от сторонников Учредительного Собрания переходила к царским генералам и адмиралам. И тоже сводили на нет значение народного представительства. Они - пусть не все члены партии, но ее функционеры -

образовали особый, правивший класс, именовавшийся потом «номенклатурой» и коллективно распоряжавшийся всем достоянием страны и людей. Они командовали страной и пользовались ее достатком сообразно месту каждого на лестнице власти - верхи благоденствовали, но немало перепадало и нижестоящей номенклатуре. По давней традиции русского феодализма его правящий слой куда сильнее, чем более самостоятельные вассалы на Западе, зависел от исполнительной власти своего уровня, и часто от нее кормился. Большевики возродили эту традицию.

Сложившаяся монополярная и подневольная социальная структура вела к общему отставанию СССР в развитии, к низкой урожайности и низкой производительности труда, но она позволяла мобилизовать безмерные силы на отдельных направлениях, в особых зонах. Отсюда порой выдающиеся успехи. Ядерные исследования в Америке побудили Сталина поручить Берии, Ванникову и Курчатову, «догнать и перегнать», не считаясь с другими установками, даже его собственными, и вопреки советским кадровым нормам в эту работу вовлекли еврея Харитона и беспартийного Сахарова, и они вооружили СССР. А кибернетику вождь недооценил, ее объявили лженаукой, то есть, наш провал в электронике и развитии компьютеров, вызван той же тоталитарной механикой суждений, что и ядерный успех.

Ныне власть тоже алчет оксюморонной «консервативной модернизации» и нанотехнологий, а ее критики тоже скорбят об упущенной возможности перестроить заводы, пока нефть была в цене. Но ни те, ни другие внятно не признали, что кризис семидесятых-восемидесятых, как раз и приведший к перестройке, к ГКЧП и к распаду СССР, был, прежде всего, вызван советским чисто технологическим пониманием развития, как возможного в избранных зонах, вопреки общему состоянию страны. Нынешние рассуждения о нанотехнологиях показывают, что понимание развития не изменилось. Оно-то и отличает Россию от Запада, где к достижениям ведут не решения власти, а конкурирующие частные инициативы. Капитализм не идеален, но его решающий перевес, убитый у нас монополярной однопартийностью - конкурентная природа.

Горбачев не мог предложить переход к конкурентному капитализму. Для него, коммуниста с молодых ногтей, возглавившего тоталитарный социальный строй, уже провозглашение гласности было подвигом. Для миллиона москвичей выход на улицы, заставленные танками, был подвигом. Но если подвиг ничего по сути не изменил, а принес выгоды проходимцам, нелепо попрекать народ тем, что теперь он безмолвствует. Люди рискуют, когда есть хоть какая-то надежда чего-то добиться или нет иной надежды уцелеть. Это не значит, что им не жаль Маркелова или Политковскую, что они забыли про гексоген в рязанском доме, и простили Путину отравление более ста неповинных москвичей ради того, чтобы не упустить кого-то из террористов, никого, меж тем, не убивших. Но пока нефть стоит 70 долларов, криком «Братцы, помилосердствуйте!» власть не урезонишь.

Говорят о двух возможностях улучшить положение. Одна – кнут, полный возврат к советской безоглядности, чего и хотят многие. Но другие

сознают, что прока не будет: пробовали – не получается. Иная возможность – дать свободу, авось, вывезет. Но, говорят, и это пробовали, - тоже не получается. Ссылаются на легенду, будто в 1991 России дали свободу. А на деле не дали. Свободу слова и печати дал еще Горбачев, а после 1993, при Ельцине, они лишь ужимались. Горбачева ругали вслух и ортодоксальные коммунисты, и, с другой стороны, демократы, а свободно критиковать Ельцина могли лишь коммунисты. Демократическую критику свели на нет. Не церемонились. И экономическая свобода так и не наступила.

Не то бы, как некогда по всей Европе, возникло множество малых частных производителей, вольных крестьян. Но фермерство часто подрывали, пускали даже красного петуха. Малый и средний бизнес поныне не имеет успеха. А крупные капиталисты, «олигархи», родились не на рынке, в свободной конкуренции, а в начальственных кабинетах. Нет внятного объяснения тому, что Березовский, Потанин, Аликперов, Прохоров, Абрамович, Ходорковский и другие, вдруг разбогатели. Говорят, наворовали, Но это неправда уже потому, что посажен лишь один, и то его вину не могут доказать. А за столь беспрецедентную кражу казенного добра пришлось бы в условиях свободы отвечать не только вора, но и проглядевшим воровство органам правопорядка, начиная с ФСБ. Но там спокойно. Ни Ельцину с Чубайсом, за страну, ни Путину за Ленинград, обвинений тоже не предъявляли. Вот, никого из них или из олигархов не выгораживая, и приходится думать, что они не обокрали государство, а провели номенклатурную реорганизацию зашедшего в тупик советского хозяйства, - конечно, с выгодой для себя, только свобода тут не при чем. Номенклатурное государство Ельцина-Путин сверх свободы слова да выезда за рубеж, данных еще Горбачевым, экономической свободы не дало, - оно боится людей с иными дарованиями, чем у нашей «элиты», которая, взыграв на нефтяной игле, ныне лжет, что народ, получив свободу, не оправдал доверия.

А Гайдар, освободив «либерализацией цен» цены не частных продавцов, которых не было, а государства-монополиста, дал свободу не людям, а власти в ее отношении к людям. Сталин после войны провел подобную реформу, на время приведшую платежеспособный спрос в какое-то соответствие с ценами внутреннего оборота советской монополии. Реформа Гайдара, тоже прошедшая при монополии государственной собственности, тоже могла, подняв цены, на какое-то время продлить жизнь советскому хозяйству. Но капитализм она не приближала, тем паче, что многих ограбила, а совдензнаки стать настоящими деньгами без свободного рынка все равно не могли.

Власть поныне командует парадом и строит капитализм, как прежде коммунизм. За бесценок вручив госпредприятия как бы частным фирмам, монопольным и подконтрольным, она налепила поверху политический строй, имитирующий буржуазную демократию, но насквозь управляемый. Высоким бюрократам проще с малым числом «олигархов», чем с ордой «частников», в числе которых были бы и самостоятельные крестьяне, и торговцы, и владельцы мастерских или малых научных объединений. Вот вместо массового капитализма и остались монополии, опора тоталитаризма, еще выдаваемого за авторитаризм. Номенклатурный

социальный строй устоял потому, что в нашем хозяйстве, на словах капиталистическом, нет главного в капитализме – свободной конкуренции. Тем паче, нет ее в политической жизни, и нет, собственно, самой политической жизни. У власти все схвачено.

Ельцин умер, а Путин с Медведевым знают что к чему, помнят, что номенклатуру, приведшую их к власти, положение устраивает. Скандальное убийство Магнитского вызвано тем, что команда «Не церемониться!» вошла в обычай. И суды, потакая обвинению, позволяют для удобства следствия год держать подозреваемого в предварительном заключении. Это не инициатива тюремщиков, Они виновны лишь в том, что следуют преступной установке, а в России это никогда не каралось. Тем и держится вертикаль власти, почему и невозможно придать ей приличный вид. Сколько Медведев, которому это поручено, ни объясняй, что свобода лучше несвободы, не только из Бутырок наружу вылазят красноречивые плоды свободы не церемониться.

Свобода, конечно, лучше, да не все у нас свободны. Это выпало из поля зрения президента. Говорит он складно, но на практике принял советский идеал: власть свободна, а граждане, да еще с ней несогласные - не свободны. Но неограниченная в своей свободе власть - это тоталитаризм, по-старому – самодержавие. А свобода граждан начинается с ограничения свободы власти, которую не ограничили ни царский манифест в октябре 1905, ни ленинские декреты в октябре 1917, ни сталинская Конституция в декабре 1936, ни ельцинская в декабре 1993. Ничем не обеспечены ни разделение властей, ни автономные права, на которые власть не смела бы посягать. И свобода одних несет несвободу другим, и не всегда сытную. А «элита», как ныне кличут номенклатуру, к открытой конкуренции в реальной сфере неспособная и уплетающая государственную манну небесную, и не хочет свободы от кормящей ее власти. Разве что захочет, когда, как в 1985, небеса оскудеют. Но и тогда, едва власть возобновила ей кормежку до отвала, она опять доверилась всевластию. Так и живем.

Двоякость русского национализма 27.12.2009

Нельзя исключить, что причина трагической участи пассажиров «Невского экспресса» вовсе не плохое состояние полотна, и не запущенность подвижного состава, и не слабое крепление кресел, а впрямь теракт. Сомневаться толкают всплывающие детали катастрофы, особенно второго взрыва, ухнувшего не сразу за первым, а по приезде главы Следственного комитета Бастрыкина, согласно быстрому официальному сообщению, к счастью, не пострадавшего, поскольку взрывчатка, видимо, отсырела, но, увы, как объявили на следующий день, получившего сотрясение мозга и черепно-мозговую травму, поначалу странным образом не замеченную.

Сперва в теракте нежданно обвинили русский национализм. Потом, конечно, вернулись на чеченский след. Доку Умаров сознался, в чем даже Кадыров, зная, что тому по силам, усомнился. Но первым о подрыве поезда русской группой Combat 18, слывающей крайне националистической, сообщил пользователь «Живого журнала» headshotboy. Ему вторили СМИ,

и, хоть, как по команде, стихли, националисты всплыли тут едва ли случайно. О них говорили уже раньше. Бастрыкин или сам Бортников доложил, что Маркелова и Бабурину убил Никита Тихонов из националистической группы «Русский образ». Тихонова задержали. Но суду предъявили с мешком на голове, закрывшим лицо. Под таким же мешком привели на суд его, говорят, сестру с фамилией Хасис. Непонятно, кто на деле представлял перед судом, и как могли не заметить черепно-мозговую травму Бастрыкина. Да и не ясно, что Бастрыкин и прочие именуют русским национализмом, являемым суду тоже как бы в мешке. А он не засекречен.

XX век сперва жил социальным, классовым сознанием. Его возводили к текущему месту человека в производстве и обмене. Но недостаточность классовых характеристик, обернула к национальным. Родились теории этногенеза, напиравшие на биологическую природу национальных различий, на деле проявившуюся лишь в третьестепенных признаках, вроде цвета кожи или третьего века. Отвергли не только мечту о слиянии всех народов в единый - впрямь легковесную, но и предполагаемое единство происхождения людей, как никак составляющих единый биологический вид. То ли господь втайне создал других первых людей, кроме Адама и Евы, то ли всемогущая природа на разном генетическом материале выводила независимые этносы, совместимые биологически, но портящие скрещиваниями породу. Политические этнологи, чураясь нежеланного родства, вопили: «Мы разные!» Ну, конечно, разные, только и здесь разница не так естественная, как общественная.

Общественное – это не только место на производстве, но и совместная жизнь, ее общее пространство, и общее хозяйство, язык, религия, обычаи, даже обиходные, вместе формирующие национальную общность, как социальную и более устойчивую, чем обычно классовая. На наших глазах добрая половина русских крестьян перешла в рабочий класс, но потом доля рабочих в обществе стала падать и доля научных работников расти. А перебравшись в другую страну, получив там другую работу, даже зная другой язык и получив другое гражданство, человек не всегда в состоянии целиком вписаться в другую нацию. Но его детям, родившимся на новом месте и, тем более, внукам это легко дается.

Впрочем, лишь если государство не становится поперек. Советская власть, болтая об интернационализме и прочих равноправиях, не по оплошности вписывала в паспорта людей, ассимилированных в третьем и даже четвертом поколении, этническую принадлежность прадедов. Это сказывался тоталитарный режим, дающий монопольные преимущества разным социальным группам, в том числе этническим. В XX веке национальная принадлежность обрела политический смысл. Никто не ставит под сомнение, что Пушкин, на три четверти русский, и впрямь русский, хотя его дед, Осип Абрамович, был по отцу, Абраму Петровичу Ганнибалу, эфиопом, а по матери, Христине-Регине фон Шеберх, – шведом. А недавно скончавшегося Егора Гайдара, еще бесспорней на три четверти русского (один дед - Голиков, другой – Бажов), по бабушке с отцовской стороны, еврейке Соломянской, объявляли не русским, а евреем. Такая практика весьма распространена. Тоталитаризм, внедрявший ее не только у нас или в Германии, но по всему миру,

ощутимо извратил национальное сознание. Нередко национальные движения уничтожают, подчиняют и унижают другие общности и выходцев из них, чем знаменит XX век. Нелепо закрывать на это глаза. Но часто национальные движения возникают лишь ради самозащиты.

Национальные различия не определяют характер социального развития, но оно, охватывая не разом всю планету, но отдельные ее клочки, нередко на них опирается. Экономические субъекты общества, - и предприниматели, и наемные рабочие, - чтобы сменить произвол на законы и право, без чего капитализм бесплоден, противопоставили феодализму в Западной Европе XVII-XVIII веков, а позднее советскому тоталитаризму в Восточной, национальную общность, понимаемую, как социальная. Союзные республики СССР и страны Варшавского пакта впадали в национализм в поисках демократического единства, честных выборов, свободы слова и печати, и свободы конкуренции, - и экономической, и политической. Временами экономические обстоятельства сковывали развитие, но свобода помогала устоять. А Россия мешала национальному самоопределению своих народов и, более всего, русского, и почти сразу после 1991-1993 отдалась реставрации, все ускоряющейся.

Отказ от самоопределения, а тем самым и от интенсивного развития, Россия совершила не впервые. Она отказалась от него еще в XVI веке, став империей. Русский народ, сложившийся в Киевской и Новгородской Руси, до своей империи узнал четвертьтысячелетнее иго монгольской, но с ней совладал. Куликовская битва, даром что после нее монголы еще почти век взымали дань, не зря остается удостоверением личности русского народа, как битва в Тевтобургском лесу – немецкого. Окончательно освободясь в 1480 году, при Иване III, от монгольского ига, Русь уже никогда - хоть в начале XVII века Москву занимали поляки, а в начале XIX французы, - не теряла независимости, и до середины XVI века оставалась русским государством.

Но, вопреки мифам о единых древних установках русского народа, его тенденции вовсе не были тогда единообразны. Византия, на них влиявшая, на Флорентийском соборе 1439 года в поисках помощи Запада против атаковавших турок, примирила свое православие с католичеством. Василий II Темный, тяготясь претензиями и византийских патриархов, власть папы не признал, и московского митрополита грека Исидора, подавшего голос за унию, по возвращении сместили. Русская церковь уже тогда на деле стала независима, и при Иване III в стране возникали очень разные фигуры. Среди них игумен Волоколамского монастыря Иосиф Волоцкий и его последователи, иосифляне, защитники монастырских владений. И противники церковного богатства - нестяжатели во главе с Нилом Сорским. И поставленные Иваном III на высшие посты в главных храмах лидеры новгородско-московской ереси. И Аристотель Фьораванти, итальянец, соорудивший в Кремле главный московский собор - Успенский. И сам Великий князь Иван III колебался, в Новгороде конфисковал монастырские земли, а в Москве - нет, сперва назначил своим наследником Дмитрия, внука от первого брака, а потом Василия, сына от второго..

В этот хаос иосифлянин Филофей вбросил известный лозунг «Москва – третий Рим». Но лозунг, порочивший и первый Рим, и второй (Константинополь), в Кремле тогда не подхватили. Иван III был женат на выросшей в Риме племяннице последнего константинопольского императора, и их сын Василий III не отрекся от греческих корней русского православия. Для правки переводов божественных текстов с греческого на русский в 1518 году пригласили образованного богослова Максима Грека, уже поздней посаженного в тюрьму.

Русь являла не меньшее многообразие, чем современная ей Англия, завершавшая войну Роз, или Франция Людовика XI. Но с середины следующего века все на Руси переменялось. Иван Грозный простер власть далеко за пределы обитания русских, В отличие от Испании, утратившей американские колонии, Россия закрепила чужие земли за собой, а, главное, русских подданных уже при Грозном обратила в крепостное состояние, дошедшее потом до изображенного Гоголем в «Мертвых душах» и Тургеневым в «Записках охотника», Беда не в том, что поблек, как ныне сетуют, образ России за рубежом, а в том, что внутри страны изменились место, роль и права ее жителей. Социальное разобщение, имеющее место везде, в России доросло до пропасти меж крепостными и свободными, и национальные понятия сместились. Внеэкономическая имперская власть держала не только деревню. После Петра и промышленность была крепостнической и направлялась государством. Русские составляли около половины населения империи, но половина русских до 1861 года оставалась в крепостном состоянии.

Это уже была русская империя, а не русское государство, - его не уберегли даже как метрополию. Империя звалась Российской, но была русской, и власть русской, и дворянство русским, и активная наука уже с XVIII века русской, и литература и искусство, начавшиеся еще раньше, русскими, пусть в общем развитии, как всюду, участвовали и приезжие (немцы, французы), и покоренные (поляки, татары, евреи, армяне и другие). Но и крестьяне были русскими, а не знали снисхождения. Крепостничество резко разобщило жизнь и культуру единого, казалось, народа, обратило закрепощенную половину чуть не в другой, даром что родственной, народ.

Если английскому или французскому рабочему, при всех тяготах жизни, как свободному гражданину метрополии, из поступавшего от империи тоже что-то перепадало, то русский крепостной лишь гнул спину ради империи и благоденствия ее господ. Но и самый яркий ум русского освободительного движения, самый западный из западников Герцен, а за ним и другие, уповал на «национально самобытную» крестьянскую общину, сохраненную для своего удобства правившими феодалами даже при отмене крепостного права, что, в конечном счете, и помешало возникнуть широкому слою зажиточных крестьян, и повело к катаклизмам XX века. Русские западники, почитая Петра, закрывали глаза на то, что заимствованная им техника не умеряла, а ужесточала крепостничество, то есть, не вполне были западниками. Всерьез преодолеть внутри-национальный разлом, могло лишь национальное самоопределение русского народа. А крепостническая имперская власть не хотела заимствовать правовые институты, надеялась обойтись одной техникой.

Преимущество Запада было вовсе не в том, что люди при капитализме там сразу так уж роскошно зажили. Но житель самой «западной» и технически развитой страны, Англии, тяготясь невыносимой, полуголодной жизнью, навсегда уезжал в другое место, чтобы по западным принципам, провозглашенным, но медленно утверждавшимся на родине, строить новую жизнь. В одном лишь XIX веке, после наполеоновских войн, Англию покинуло 13 миллионов человек. В начале века жителей там было 11 миллионов, а к концу – 37, то есть число уехавших равно трети оставшихся. А уезжали с XVI века и образовывали новые народы, и в США. и в Канаде, и в Австралии, бросавшие вызов старой Англии. Этногенез продолжался без вмешательства биологии.

В ходе строительства империи и у нас бежали от тягла. Казачество образовали беглые крестьяне, оседавшие с XV века у границ государства, потом искавшего с ними союза ради защиты этих границ. Они сохранили связь с отечеством, откуда бежали, куда больше, чем американцы. Жизнь казаков была явно иной, чем у крепостных. Они пользовались известной автономией, и даже обратив их, в конце концов, в военное сословие, царь не смог совсем задушить казацкую вольницу. Это удалось лишь советской власти. Вот и не возникла независимая казачья Сибирь или хотя бы независимая Область войска Донского. Казаки остались русскими, но не вполне тождественными крепостному большинству, со своим особым национализмом. И так обособились не одни казаки.

Но единого русского национализма нет не потому, что казаки или поморы обособились. В том и парадокс, что самый многочисленный из европейских, русский народ, сколь ни огромна обитаемая им территория, разобщен социально больше, чем территориально. Самый особенный среди русских национализмов – не казачий, и не поморский, а властный, государственный, имперский. Власть везде выдает свои интересы за интересы населения. Но убедительность ее национализма у нас подорвана внутренним разломом народа. Крепостной крестьянин и его продавец заведомо не образуют единый народ, даже если говорят на одном языке.

После освобождения крестьян, с развитием капитализма в России, уже при Александре III русские национальные сюжеты стали модны и в архитектуре, и в музыке, и в живописи. Власть и высший слой, возможно, искренне обращались к национальным мотивам, надеясь на успехи России на новом, капиталистическом пути. При изобилии псевдоискусства и дешевой пропаганды, в последней трети XIX – начале XX века явились выдающиеся творения и серьезные размышления о судьбе народа. Парадокс, однако, продолжался тем, что новых капиталистических успехов ждала все еще феодальная империя, сама их тормозившая. Вот эти положительные национальные усилия и не имели реального воздействия на миллионы русских людей, уже не крепостных, но скованных грузом нищеты и ограничений на выход к тем самым капиталистическим отношениям, который реформа открыла лишь отчасти, а власть не расширяла. Вот и выходило, что национализм верхов, не только дворцовых, церковных и чиновных, вольно или невольно оправдывал существовавший порядок, звал к примирению с ним, внушал надежды на эволюцию, а под ногами уже горела земля.

И в ответ рос другой русский национализм, народническое движение, связавшее благоденствие народа с сельской общиной, независимой от барина. Росший из крепостничества русский парадокс вопреки мировому, а потом и российскому, опыту, обращал крестьянское движение в антибуржуазное. Тут мало оговорки, что множество крестьян не мытьем, так катаньем из общины уходило, шло на заводы и фабрики, а то и батрачить в барских сельско-хозяйственных экономиях или, что удавалось немногим, завести свое хозяйство. Надо осознать глубину несвободы освобожденного крестьянина, чтобы понять трагичность его связи с общиной, подчас единственной опорой выживания. Царь-Освободитель дал крестьянству лишь волю, хотя бы относительную, но не землю, и это дезориентировало волю.

Но и Александр III не дал Витте, первому об этом заговорившему, упразднить общину, а Николай II Столыпину дал лишь после революции 1905 года, и не очень-то позволял с опозданием восполнить «недоработки» освобождения крестьян. Витте и Столыпин, бесспорно крупнейшие государственные деятели пореформенной России, лучше других понимали, что община опасна империи и в условиях свободы не обогатит крестьянство. Но даже им, хоть и они националисты, в головы не шло, что отказ от общинной взаимопомощи, не приведет к катастрофе лишь если дать крестьянам другие, правовые, гарантии, то есть, отказаться от имперского феодального произвола, а в нем - суть самодержавия. Эволюционный переход к капитализму не удался во многом оттого, что два национализма, крестьянский и имперский, мешали друг другу, у них не было общего языка, чтобы говорить о русском национальном государстве.

Деревня, оставшись в кризисе, пошла за преемниками народников, эсэрами, после Столыпина и роспуска общины, полней ощутившими реальные интересы крестьянства. Их триумфальная победа на выборах в Учредительное Собрание, единственных, видимо, свободных за всю историю страны, была социальной победой крестьянства и, тем самым, русского крестьянского национализма. Открывалась дорога национальному самоопределению русского народа, его становлению как самостоятельного субъекта истории, не просто опорной силы империи, веками державшей его в рабстве. Большевики, выступавшие от имени рабочих и обрекавшие крестьянство, при всех оговорках, на подсобное, униженное положение, те единственные выборы проиграли. А они жаждали удержать и расширить империю, хоть и под абсурдным лозунгом мировой революции, даром что о растущей неравномерности развития мира Ленин знал и сам писал. Удержать власть при абсолютном большинстве эсеров в Учредительном Собрании большевики не могли, даже переманив их левое крыло, и они разогнали Собрание.

Сами они не выглядели националистами. Лозунги были интернациональные, да и фамилии лидеров не все русские, а и польские, и еврейские, и армянские, и латышские, и грузинские, а мифологичность социальных проектов и вовсе вселенская. Но покончено с крестьянским национализмом было в 1929 году при массовой коллективизации, и насильном возрождении общины на крепостнических началах и с коммунистами в ролях господ. Выйти из колхоза, было нельзя.

Одновременно СССР, вопреки декларациям, стал унитарным государством, а большевики - ярыми националистами, но имперскими. Открытый шовинизм партийной пропаганды, выселения народов, антисемитизм, и прочие подобные добродетели, сперва за ними не числимые, в партии Ленина-Сталина возобладали. Ее тоталитарно-мобилизационной природе имперский национализм оказался нужней и ближе даже марксистской мифологии, служившей поначалу.

Вместо мифической диктатуры пролетариата в наши дни установилась откровенная диктатура консервативной имперской номенклатуры, и ее главная идеологическая опора - имперский национализм. Государство его насаждает, противопоставив себя Западу и, прежде всего, Америке. Россию изображают встающей с колен, на которых она, если не считать кризис тоталитарной власти за национальное унижение, никогда не стояла. Душат Чечню. Атакуют Грузию. Вручают Президенту право, никого не спрашивая, посылать войска за рубеж, и откровенно грозить миру «превентивными» ядерными ударами, чего и советский режим робел. Сталина имперский национализм отождествляет с победой, списывая с него ответственность за катастрофическое поражение нашей армии в первые полтора года, оттеснившее нас к Волге. Национал-социалистическая и фашистская пропаганда звучит ныне в России на всех углах. Пока советский тоталитаризм рядился под Маркса, он владел запасом неверных, а в его устах и лицемерных, но хотя бы выглядевших гуманными декламаций, и, повторяя их, отвергал свое сходство с другими тоталитарными режимами. Ныне марксистская фразеология отброшена и существенных отличий нет. Имперский национализм располагает широкой свободой, а либерализму выданы микротиражные площадки. Места для дискуссий нет, и уже это побуждает всерьез опасаться открытого нацизма или фашизма. А государство, их поощряющее, выдает себя за альтернативу таким крайностям. Но, как и на предыдущем переломе века, в умах зреет иной национализм, и имперский уже ощутил его противостояние.

Самый одаренный из пророков имперской идеологии Александр Проханов сказал о катастрофе «Невского экспресса»: «этот теракт провоцирует, усиливает... те ужасные, страшные настроения какой-то части российской элиты, которая предлагает отказаться от Кавказа, как источника террористической опасности, вечной смуты, зон, откуда идут все напасти. Об этом открыто никто не говорит. Но об этом говорят в закрытых кругах. Об этом говорят русские националисты, которые призывают сократить российскую территорию, выкинув из нее всех инородцев, создать республику Русь, как крайний вариант». Слова «выкинуть инородцев», видимо, означают еще не личное выселение нерусских из России, а отделение их автономий.

Виднейший имперский националист чутко ощутил дух враждебного ему русского национализма, а либералы их противостояния не видят, хоть оно возрождает коллизию столетней давности, когда тяжелое положение русских людей, свело социальный протест с национальным и создало предпосылки для национального самоопределения русских. Его сорвали разгон Учредительного Собрания и Гражданская война. Но большевики

победили царских генералов и адмиралов, сея надежды на социальные перемены, а на деле привели к колхозному крепостному праву.

Катастрофа поезда обнажила суть противостояния. Национальный интерес русских людей, в частности, в том, чтобы без опаски ехать из Москвы в Питер и по другим дорогам, чтобы полотно было в порядке, подвижной состав исправен, а немецкие кресла крепили по инструкции, - в Германии они и при катастрофах не отрываются все разом. А национальный интерес имперской власти, по вертикали руководящей железными дорогами и прочим, но не способной – не от недостатка дарований, а по заведенному порядку, - обеспечить полотно и подвижной состав, - совсем другой. Он в том, чтобы власти быть несменяемой. Замена Путина Медведевым и Медведева Путиным не в счет. Вот и надобно размежевание национализма ненависти и национализма самозащиты. Они не одним миром мазаны. Имперскому дают, конечно, перевес цены на нефть и газ. Но и то что русские националисты не освоились с тем, что их враг – не Чечня, что у них с Чечней общий враг – империя, и надо от нее избавляться. Иначе, как показал опыт, русскому народу из крепостной зависимости того или иного рода не выйти. Но и Российской империи, отнюдь не опережающей остальной мир научно-технически, как некогда Англия и сегодня Америка, без закабаленного русского народа не жить. Отличие других империй от нашей в том, что они обращали в рабов чужие народы, ныне освободившиеся, а наша, - и предварительно, и параллельно покорению чужих, - свой, и чужим народам от нее, как мы видели, еще иногда удается освободиться, а своему - никак. Оттого и нет ему ни мира, ни свободы.

Человек идеи 15.1.2010

Все ломаю голову, отчего жаль Гайдара. Вот уж кого не любил. Даже к зловещему Чубайсу был равнодушной, тем паче, к Зюганову, - от них нечего было и ждать. А Гайдар, одаренный, грамотный, приличный, умный человек из хорошей, хоть и насквозь советской, семьи, с наивной обаятельной улыбкой, не сопрягался со своей гордыней и жесткостью действий. Когда он помог власти справиться несдержимую нужду, и она его отшвырнула, как грязную бумажку, его не было жалко. А теперь жалко. В отличие от большинства в нашей власти и при ней, он был не вор, не шкурник, а человек идеи, что у нас большая редкость.

О нем много наврано. Врали враги, внушавшие, что реформы он проводит по указке из-за океана, врали друзья, внушавшие, что он спас отечество от гражданской войны и голода. Но с враньем не разобраться, забыв, какие идеи у него были, на какой почве выросли и к какой прилагались.

Один его дед, Голиков, участник и певец революции, как раз и взявший псевдоним Гайдар, другой, сказочник Бажов, член партии с 1918. Уже по рождению Егор Гайдар - дитя Октября. А экономический идеал Октября по Ленину - единый концерн, вобравший все хозяйство страны, как и было при Сталине. Название «военный коммунизм» на время НЭПа сняли и не вернули, а оно точнее других выразило ленинский внеэкономический идеал. Он победил по всему фронту. Помещиков и капиталистов

уничтожили. Кулаков, как класс, ликвидировали. Своих двойников, немецких наци, победили. Выселили, если не перебили, неблагонадежные народы. Покорили пол Европы и немалую часть Азии, Африки и Южной Америки. Завели ракеты и водородную бомбу. Одна была слабина, - нечего есть, нет жилья, нечего надеть, не достать лекарств, - тут ленинско-сталинское хозяйство буксовало. Хрущев и Брежнев, спасибо им, покупали хлеб за рубежом, вводили совнархозы, Косыгин строил планы. Не помогало. Вооружение улучшалось и множилось, хозяйство скудело.

Юношу Гайдара это не смутило. В 1980 он вступил в КПСС, как деды, не для карьеры, хоть для присущих юному Голикову и даже сорокалетнему Бажову иллюзий уже не было почвы. Наследственная принадлежность к советской элите делала партийность почти произвольной, да еще для того, кто шел вверх куда легче, чем Горбачев, Ельцин, Зюганов, Чубайс, Явлинский или Путин. Он остался меж них белой вороной, советским принцем. И был искренний коммунист, настоящий ленинец, большее, чем культ Сталина, не сокрушавший.

После университета он попал в институт системных исследований, возглавляемый зятем Косыгина Джерменом Гвишиани, где хозяйственный идеал ленинизма уже не был неприкасаем, и обсуждались поправки. В пору перестройки их обсуждали в ленинградском Финансово-экономическом Чубайс и Илларионов. Гайдар и туда наезжал обсуждать, как наладить, вывести из тупика социализм. Это определило всю его жизнь. Ради этого он и пошел потом работать в журнал ЦК КПСС «Коммунист» и газету ЦК КПСС «Правда».

Он смолоду приобщился к главной проблеме века. Буржуазия отвергала всякий социализм. Социал-демократы - ленинский. Но, пока строили социализм, «первую фазу» коммунизма, у иных коммунистов тоже рождались сомнения, пусть не в социальных целях, но в хозяйственном механизме. Сталин, конечно, считал их тоже врагами и расстреливал. Но после войны, пока социализм победно разбухал, Джилас, один из четырех вождей партизанской Югославии, вслух сказал, что и социальные перемены идут враскорячку, и не бесклассовое общество завели, а новый правящий класс. Джиласа не расстреляли, но посадили. Коммунисты других стран и после смерти Сталина посягали не так на политику, как на хозяйственный механизм. Но Венгрию, начавшую его менять, наши танки раздавили в 1956. Чехословакию – в 1968. А катастрофа катила на СССР, и в 1985 вынудила Горбачева от бесплодных попыток исправить хозяйственный механизм перейти к гласности. Эта волна и вынесла Гайдара.

Обнажилась палитра мнений, - от веры, что Ленин доказал негодность для России западных понятий о праве и свободе, до понимания, что хозяйственный механизм можно изменить лишь вместе с общественным строем. Но что и как менять, решало не общество, а верхи партии. В 1990 они обсуждали «Основные направления» Абалкина-Рыжкова и «Пятьсот дней» Явлинского-Шаталина. Ельцин, сознавая, что на РСФСР висят несоразмерно большие расходы по СССР, хотел перемен и назначил Явлинского Первым заместителем председателя Совета министров РСФСР. Но Горбачев хотел совместить два несовместимых проекта, и

Явлинский подал в отставку. Дискуссии продолжались, хотя 19 августа танки вошли уже не в Будапешт или Прагу, а в Москву.

15 августа, за четыре дня до путча, Ельцин назначил министром экономики Сабурова, предложившего свой проект реформ и работавшего до начала ноября. Еще предлагал Явлинскому стать премьером и провести реформы в одной лишь РСФСР, но тот отказался и отстаивал свои условия. Без тщательного анализа нелепо думать, что Абалкин, Сабуров, Явлинский или кто другой, провел бы реформы легче и лучше. Но, ставя задачу, они ставили условия, без которых, не брались ее решить. Тут и привели к Ельцину Гайдара, готового на его условия, включая законы, принятые уже Верховным Советом, которые Ельцин не хотел отменять.

Главная ложь о Гайдаре в том, пожалуй, и состоит, что его рисуют политическим вождем реформ, словно Ельцин не играл главной роли. Поздней Гайдар говорил, что понимает Явлинского, который ради реформ хотел власти. Но добавлял, что тому было ясно, что власти не дадут, и он предпочел не делать ничего, а мы предпочли сделать хоть что-то. Делая «хоть что-то» в заданных условиях, Гайдар, выступал не как политик, - да на политику его таланты и не простирались, - а как «спец» при политике Ельцине. А Явлинский - как политик, и именно как политик, - тоже не сильный, - он проиграл, а с ним сверху ушло и социальное осознание происходящего.

Гайдар, ощутив положение «спеца», потом утверждал, что моральный политик не бывает эффективен. Но история говорит, что политики, изменявшие обществу, как раз в политических стремлениях были обычно нравственны. Мы можем отвергать политику или личное поведение Кромвеля, но его политические взгляды и политические действия сообразны друг с другом. Коммунисты-большевики после революции думали одно, говорили другое, а делали третье. Многие буржуазные политики вели себя не лучше. Но исключениями были и Черчилль, и де Голль, и Аденауэр, и Брандт, и Кеннеди, и Тэтчер и другие. У них нравственное чувство - личное, а наша классовая мораль - коллективная. У многих певцов величия России, гибель русских мальчишек (не говоря об иных) в Чечне или Афганистане, - на втором и даже третьем плане. Гайдар вносил свое «что-то» в общее дело номенклатуры, от него мало зависившее. А Явлинский, тоже член партии, противился редакции реформы начальством.

Явлинский, исходящий из связи экономических и социальных отношений, открытой старым марксизмом и лишь на словах жившей в советском, был в традиционном смысле «левым», социал-либералом, но для капитализма, к которому надеялся увести страну от советского порядка. Иное дело Гайдар. Он тоже отверг ленинский идеал дедов, но не его оценку. И деды, и Ленин, казались ему по-прежнему «левыми», и тоже стремясь к капитализму, он себя и свою партию звал «правыми». Искренность и честность дедов мешали ему видеть, что их идеал практически и был махрово-правым, и не случайно выказал все свойства правых режимов: диктат, насилие над народом, цензуру и торможение экономики. Вот и Зюганова он считал левым. А Сталин видел себя

«правей» либеральных критиков его власти, и объясняя это Симонову, советовал пропаганде массовой «Литгазеты» быть «левей», чем власть.

В утопии Маркса при диктатуре составившего большинство пролетариата возникают предприятия, управляемые самими рабочими, а потом и желанный им безгосударственный порядок. А реальное коммунистическое движение создало ленинский единый, руководимый государством, концерн и установило диктатуру не рабочих, но выступающей от их имени партии, а на деле - ее вождей и даже одного Великого Вождя. Отвергая этот коммунизм, Гайдар одной ногой шагнул к частной собственности, но другой зацепился за ленинский концерн и государственную мощь. Иное могло быть под силу вступавшему в партию в двадцатом, но не в восьмидесятом.

Понять Гайдара можно. Кому не хочется сделать хоть что-то, хоть какое-то благо, родной стране, замученной сатрапами, даже их вины еще не различая. Проблема, однако, в том, впрямь ли твой вклад, твое «что-то», используют страна и люди, а не сатрапы. Жизнь Гайдара ярче других озарила эту проблему. Но в итоге, а не в замысле, который порочат целиком. Это второе вранье о Гайдаре. Твердят, что подскок цен под именем их «либерализации» он провел по указке заокеанских хозяев. Новое поколение, не помнящее пустых прилавков, может этому верить, но мы-то помним, как долго государство платило за труд, производивший что-то, что никто не мог купить. Покуда нефть и прочее сырье, не без нашей политической поддержки, были в цене, на приносимые ими доллары закупали за рубежом уже не только хлеб, но и ширпотреб и лекарства. Когда цены на нефть упали, цены на импорт должны бы у нас подняться, но это дело серьезное, его откладывали, а страну заполняли деньгами, на которые нечего было купить. Так было не впервые. После войны Сталин дал за десятку один новый рубль. Из хранимого в сберкассах отдал крохи. Ельцин с Гайдаром равнялись на Сталина, а не на заокеанских банкиров.

Сталину было легче. Его отчасти оправдывала минувшая война. К тому же, обесценивая деньги, он не менял систему. Снизив стоимость имевшейся на руках наличности в десять раз, и одновременно подняв цены в четыре, он и новые цены делал твердыми, и мог потом ежегодно снижать их на соль и спички. Начальство, как прежде, жило в достатке, а граждане скудно, но избыток платежеспособного спроса на время перестал опустошать прилавки. Ельцин с Гайдаром тоже хотели упразднить такой «избыток», - можно было сделать это мягче, но обойтись без погашения хотя бы части денег было уже нельзя - от сталинской реформы (за десять лет до рождения Гайдара) сорок пять лет до гайдаровской шла инфляция, опять создавшая спрос, превышавший предложение. Не Гайдар был в этом виноват.

Гайдар и его друзья утверждают, что и Явлинский, и другие тоже понимали необходимость ликвидировать избыток платежеспособного спроса, обесценив наличность, находившуюся на руках, но не брались за это, чтобы не вызвать на себя огонь народной ненависти, как Гайдар, который рискнул и «всех спас». Говорить такое не очень-то честно. Серьезные люди не разрабатывают проекты реформ лишь затем, чтобы покараться. Но так вытравили из массового сознания, что все они

ставили условия именно затем, чтобы смягчить удар от неизбежного, а то и свести его к минимуму, а Гайдар защитных мер наперед и не готовил.

А хотел не просто, как Сталин, увеличить цены в сорок раз, но сделать их подвижными, сообразно предложению и спросу на рынке. Это было бы разумно, будь хоть кому-то в стране, кроме самого государства, разрешены производство и ввоз товаров. Но отношения меж советским государством, монополюльно владевшим всем производством и внешней торговлей, и подчиненными ему организациями и людьми, от министерств до наемных рабочих, ни в малейшей степени не были и не могли быть рыночными. Как неограниченный хозяин всего и вся, государство требовало, а не покупало. Это была вертикаль власти. А Гайдар, позволив каждому цеху и каждому ларьку единого советского концерна произвольно назначать цены, ее взломал, но несообразно с вкладами в производство. И не мог проверить, шел ли доход в казну или в личные карманы чиновников и продавцов, вздувших цены.

Либеральные, подвижные, цены, конечно, обязательны для рыночного хозяйства, но в тоталитарном они означают лишь свободу монополиста грабить население совсем уже нагло. Твердые цены, там до поры поддерживают веру, что кризиса нет, хоть все меньше удается купить, пока очередная денежная реформа не начнет новый отсчет. Избежать обесценивания денег, выброшенных коммунистами, было невозможно. Иное дело - «либерализация цен» до появления конкурирующих производителей, в ней нуждающихся. Она без нужды усугубила тяжесть реформы, и многих побудила думать, что и, вообще, без реформы цен могли обойтись, дав первый толчок к разочарованию населения в либерализме.

Потом Гайдар участвовал в ваучерной приватизации. Раздать гражданам, если не все, то хотя бы часть казенного имущества, в 1917 объявленного общим, а на деле бывшего в коллективном владении номенклатуры, по идее тоже было бы разумно. В виде ваучера, персонального чека, каковой обещали брать в оплату за акции приватизируемых предприятий, его выдали каждому. Ваучер был ценной бумагой, на семью их перепало несколько, и в результате все российские граждане должны бы ощутимо разбогатеть. Им осталось бы лишь решить, куда вложить нежданное богатство. Но от этой заботы их избавили. Установили срок реализации ваучеров, по истечении которого не сданные в объявившиеся вдруг фонды, обесценили. Тем самым ваучер перестал быть ценной бумагой, способной расти в цене, надо было успеть его срочно сбить, чтобы вернуть плаченное при получении. Это ограбление было еще наглядней, и, явно обогащало тех, для кого по дешевке скупали ваучеры, - то ли прямо казну, то ли ее доверенных лиц. Гайдар нигде не сказал, почему ввели крайний срок и обесценили ценные бумаги. Недавно, после публичной лекции, его спросили, и он предложил спросить своего друга Чубайса. А ведь и сам был не стороннее лицо.

Конечно, в двух ограблениях, в которых многие в России винят Гайдара, он участвовал не с целью ограбления. Он ничего не взял, ни себе, ни детям, явно был бескорыстен. Да он и вообще не был революционером, хоть и движим верой, что знает, как сделать людям лучше. Но не через мятежи, а

по благоволению президента Бориса Николаевича. Ведь Екатерина заставляла крестьян сажать картошку не без насилия, а какое это оказалось благо, сколько раз спасало всех нас от голода. Но и Хрущев заставлял сеять кукурузу чуть не за полярным кругом, а вышло сильно хуже. Единый концерт Ленина привел лишь к сталинскому счастью. Гайдар, сделав «хоть что-то» с концерном, силовые опоры которого удержал Ельцин, привел лишь к путинскому счастью.

По практике Путина и надо судить о Гайдаре. Хотел ли он этого? Едва ли, Но взявшись изменить общественный строй, он упустил, что строй - не набор свойств, а их работающая система. Можно провозгласить частную собственность священной и неприкосновенной, но если одновременно не возник впрямь независимый суд, способный ее защитить, переход к капитализму не состоялся. Можно болтать, что в стране рыночное хозяйство, но если состав продавцов и покупателей, да и цены, определяет государство, рыночного хозяйства нет. Если меняя строй, аннулируют избыточные деньги и перестраивают финансы, но не обеспечивают каждому производству самостоятельность и свободу в рамках закона, а указывают, что и как делать, денежные реформы не изменяют положение, даже инфляцию останавливают не надолго. Вот реформы Гайдара и звали «шок без терапии».

Советское производство было убыточным, и в стране не было охотников покупать по предложенным ценам ни целые заводы, ни их продукцию. Тут бы и разобраться, какие заводы способны работать на спрос (и помочь им), а какие обречены. Люди после реформы не разбогатели и охотно бы покупали дешевые отечественные товары, будь они мало-мальски пристойны. Но с хозяйством ничего всерьез не делали, а жили сырьем. Вот и дошли до Примакова, Степашина, Путина.

Едва ли Гайдару, еще при Ельцине отстраненному от власти, нравилось шедшее без него, едва ли, подобно своему другу Чубайсу, он радовался, что «в Чечне возрождается наша армия», едва ли ликовал, что на Дубровке спецчасти убили не всех, кого могли, – террористов ловили, чего оглядываться! Едва ли и многое другое не вызывало у него содрогания, хоть он уже ни за что не отвечал. Совсем еще молодой он стал в массовом сознании человеком прошлого.

Его значимость, как исторической фигуры, расширяли, при жизни приписывая ему чужое. От гражданской войны СССР на деле спас Горбачев, провозгласив гласность, позволившую открыто говорить с властью вместо того, чтобы убивать ее носителей. От голода Гайдар спас так же мало, как Сталин в 1947, повышение цен не увеличило количество хлеба, лишь упростило покупку имеющим деньги. Население России, особенно мужское, не от переедания сокращалось после Гайдара. Ни при нем, ни потом, ни теперь, гражданской войной, сверх сопротивления Чечни и других покоренных народов, не пахло. Народ безмолвствовал до нефтедолларов и после их сокращения. Гайдар спас лишь советский режим, чуть облегченный, но мало похожий на капиталистический и рыночный, каким он его называл. Став частным лицом, он все равно старался сделать «хоть что-то». Предостерегал новую власть от оплошных шагов, возможно втайне кому-то и возражал, но неизменно

помогал тем, кто реставрировал бывшее до него. Знаменитую формулу: «хороша она или дурна, но это моя страна», он, видимо, понимал как «хороша или дурна власть в моей стране, это моя власть», - вроде патриотично, но беспощадно к родине и ее жителям.

В провале русской демократии винят Путина, но он пришел на готовенькое, Ельцин с Гайдаром проложили ему дорогу, изменили «что-то», чтобы удержать в руках государства безмерную власть, которой Путин и пользуется. Не он это придумал, безмерность власти - главная беда России. Можно понять, что Ельцин, многолетний Первый Секретарь Обкома, мыслил власть, как абсолютную. Понятно, что такой ее видит Путин из КГБ. Но и Гайдар, как ни удивительно, верил, что абсолютная власть, при которой он состоял, наладит, а не подорвет, иную жизнь, переступая не то что через Гайдара, а и через Ельцина. А еще в 1928 году Борис Пастернак писал: «Так как сейчас государство равно обществу, то оно более, чем какое бы то ни было, нуждается в честной сопротивляемости своих частей...»

С 1929 года наше государство уничтожало не то что сопротивляемость, но самую отдельность каждого и всех в государстве и в обществе, воскресавшем на миги. Эта разница в восприятии народа, - отдельные люди или слитная масса, - существеннее различий общественного строя (хотя капитализм без отдельности каждого не жизнеспособен), она важнее различия исповеданий, философий и даже вкусов. Уже коллективизация, не говоря об однопартийной системе, уничтожила отдельность. Апрель 1985 года возбудил и август 1991 умножил надежду на восстановление общества и его частей, на самостоятельность частей государства, его законодательной, исполнительной, судебной, центральных, региональных и местных властей.

Ельцин эту надежду не подкрепил, а после 1993 открыто упразднил. А Гайдар верил, что экономическое «хоть что-то» может сосуществовать с централизованно-слитным порядком, хоть и не выговаривал это с такой прямотой, как Чубайс, ныне объясняющий, что модернизация России возможна и без демократии, поскольку создаст новую техническую интеллигенцию, которая и составит средний класс, оплот демократии. Забыл, бедняга, какая блестящая была в СССР техническая и научная интеллигенция, нынче не зря профессионально преуспевшая на Западе, но никак не изменившая наш политический порядок, ни при Сталине, ни при Брежневле, да и попадавшая в те поры чаще в Гулаг, чем на Запад. Без социальной модернизации, технологическая по Чубайсу, - кроме как в отдельных военных областях, ценой общей архаизации, как у Петра и Сталина, - невозможна.

Бог весть, сознавал ли это Гайдар. Но он поддерживал Путина, хоть тот был откровенен и не обманывал. Путин вытолкнул гласность, пресек путь самостоятельной мысли к всероссийским ТВ, оставив лишь полузакрытые площадки. Он уничтожил неправительственные организации, перекрыл возникновение и деятельность реальных партий, удержал в зависимости «олигархов» и ввел в их ряды своих чиновников. Он упразднил честные выборы, назначением губернаторов ликвидировал самоуправление областей, к проформе свел Думу и в орудие исполнительной власти

обратил суд. И все же, чтобы внушить Западу, что Путин в душе демократ, никто не сделал больше, чем Гайдар, уже тем, что имел с ним дело. И даже его предсмертные, предостерегающие речи и статьи не велят думать, что он отказался от самоотжествления с властью и перестал прибавлять ей свое «хоть что-то».

Почему же его жаль? Потому, что он следовал убеждениям, а у нас это подвиг. Сопоставляя его с настоящим героем, как, скажем, Петр Нестеров, первым в истории протаранивший вражеский самолет, ловишь себя на том, что восхищение Нестеровым смягчает горечь того, что он погиб, не дожив до тридцати. Гайдар восхищения не вызывает. Но он не вовсе убил в себе самосознание и чувство чести. Когда его партия пошла на прямое услужение, он из нее вышел, и лишь чтобы не обидеть товарищей, написал, что на него не надо оглядываться. Но через неделю вместе с Чубайсом и Гозманом призвал поддержать партию, из которой вышел. Легко ли сердцу выносить такие обороты? Нынче пишут «ишемическая болезнь» или «инфаркт», а прежде по-русски говорили: разрыв сердца. Оно и впрямь разорвалось. Значит, ощутил, к чему привел, что натворил. Вот его и жалко.

Ющенко - не Ельцин 31.1.2010

Не дожидаясь второго тура, в Москве подвели итоги выборов президента Украины. СМИ – и московские, и киевские – еще выверяли шансы Януковича и Тимошенко, а Медведев 19 января вызвал Зурабова, полгода как назначенного послом, и велел ехать в Киев. Отсрочка его приезда понималась как отзыв посла, охлаждение отношений. Не с Украиной, а с ее президентом. Как прямое давление на предстоящие выборы нового. Но уже первый тур позволил не ждать, вежливости ради, конкретизации его имени. Главное для Москвы, что это не Виктор Андреевич Ющенко.

Едва ли не впервые персонификация российской политики так сильно наложила на межгосударственные отношения со страной отнюдь не монархической. Россия, правда, любит персонифицировать общественные явления. Проще сказать Ленин, Сталин, троцкизм, ежовщина, Хрущев, Горбачев, чем определить социальное содержание. Различие Горбачева и Ельцина сводят чуть не к разнице нравов и темпераментов. Мне не случалось читать даже о лежащем на поверхности различии их реакции на кризис советского порядка, хоть один возрождал социалистический миф, а другой – отрекался от всяких марксизмов. Но оба хотели удержать систему, хоть и не в схожем виде. То были, конечно, мысленные ориентиры каждого, на практике сказавшиеся лишь частично. Но не учтя их, эту практику невозможно понять. Останется одна мифология.

Преодолением советского наследства на Украине Ющенко, хоть с опозданием, занимался реально, а в России оно во многом мифологично. Не только тем, что Горбачева, мечтавшего, уравнив республиканскую номенклатуру с московской, сохранить СССР, винят в его распаде наравне с Ельциным. Еще досадней забвение двойственности самого Союза, с одной стороны, уравнившего всех в тоталитарном советском хозяйстве, а с другой, стоявшего вертикальной империей, единой и неделимой.

Союзные республики меж тем и другим пробирались по-разному. Прибалтика встала спиной к советскости, чем напрягла связь с империей. Белоруссия на советскость не посягала, и, противясь командам Москвы, за нее держится. Ельцин уже войной в Чечне дав знать, что для России превыше всего империя, не упустил и государственную власть над хозяйством, хоть частично изменил его форму.

Уже Леонид Кравчук оказал сопротивление империи, провозгласив суверенитет Украины до Беловежской встречи. Ельцин шел на роспуск СССР, прежде всего, чтобы сбросить власть Горбачева. Толкай его к тому понимание пагубности для России имперского бытия, он отпустил бы Чечню так же легко, как Молдавию и Эстонию. Но у Кравчука, едва ли не первого руководителя советской Украины, с рождения говорившего по-украински и очень недурно, явно были и другие стимулы. В сущности, он хотел, как показала практика, лишь реальной автономии, предполагавшейся уже Союзным договором 1922 года, но на бумаге. Его преемник Кучма, сильнее тяготевший к Москве, от автономии, однако, не отрекся. Он и произнес вроде бы азбучное, но доселе не признанное «Украина – не Россия». Ющенко, пришедший, когда Москва опять демонстрировала, что «Чечня – это Россия» и даже «Грузия – это Россия», уже тут пошел дальше.

При пестроте Украины, сложности ее истории, в которой разные ее края веками пребывали в разных государствах, и еще спорят, не считать ли жителей Луганска русскими, а казаков Кубани украинцами, представление о национальной идентичности, надобное государственной самостоятельности, вырабатывают не просто. Ющенко более, чем другие, хотел его обозначить стремлением к независимости, - от Киевской Руси до Степана Бандеры. Это шло не гладко уже оттого, что накладывалось на вековые противоборства.

В памятниках Киевской Руси, сохранившихся в Украине, виден исток памятников Владимирской и Московской Руси, их первичность, хоть в Украине могут с горечью или завистью думать, что русские, великороссы, на северо-востоке в конце концов от монголов освободились, а независимый Киев потерялся, попал в литовское, а потом польское государство, утратил самостоятельность. Еще горше украинцам, что и обнадеживавший союз с русскими, и Переяславская Рада, привели совсем не к тому, что грезились. Великий Тарас последними словами поносил Богдана Хмельницкого. Но и Богдан, прикрепляя в XVII веке Украину к России, не гадал, что в XVIII матушка-царица прикрепит украинцев к земле, сделает крепостными. Он так не договаривался! Как это объяснить отрицающим голодомор доводом, что при Сталине и в России было не легче? Они убеждены, что, коль русские были крепостными, не грех и украинцев закрепить, и сердятся, что украинцы так не считают. А императрицу Екатерину в отличие от Сталина Киевский суд даже не судил.

Чтобы разобраться, надо знать многое, чего в России знать не хотят. Борьба за независимость не тускнеет от того, что ее часто ведут люди, которых не приходится идеализировать, но и вычеркнуть невозможно. Бандеру в этой борьбе, конем не объедешь, он сидел в немецкой тюрьме и убит агентом КГБ. Я не думаю, что это надо было оформлять, даруя ему

звание Героя Украины. Посмертные награды, вообще, понятны лишь тотчас после гибели. Полвека спустя они - как перетаскивание покойников на более почтенные кладбища. Бандера, что ни говори, воевал за независимость Украины и с коммунистами, и с нацистами, по ходу войны разошедшимися на разные стороны фронта, но сперва душившими Украину вместе. У нас хотят, чтобы украинцы из восточной Польши забыли, что коммунисты их подчинили при прямом содействии нацистов. Но из того, что вклад Советского Союза в разгром нацистской Германии огромен, не следует, что сам он был царством милосердия и терпимости, а не жестокости и ненависти.

Бандеру винят в сотрудничестве с нацистами, забыв, что его прямой предшественник в этом - Сталин, до 1941 года оказавший Гитлеру безмерно большую помощь, чем мог бы Бандера, ожидавший, что, победив СССР, Германия согласится признать Украину. Но уже в июле немцы разогнали Украинское правительство во Львове, а Бандеру посадили.

Его клеймят как палача евреев и поляков, но суды в Америке не подтвердили этих обвинений, не установили, что он лично давал такие указания. Конечно, немало украинских националистов, служило в нацистских спецчастях и вершило преступные дела. Забывать это отнюдь не следует. Но не все там служили! Надо определять конкретную вину каждого, а не распространять ее на всех «западенцев» и всех украинцев, как и другие вины на всех русских, всех евреев, всех поляков, всех немцев. К евреям и полякам и красные партизаны не всегда были милосердны. Но их, и Сталина и КГБ, чьи вины в массовом уничтожении людей, антисемитизме, расправах с поляками, преступлениях против человечности, стократ доказаны, выгораживают на государственном уровне, как в целом явление положительное, отвергая заслуги Бандеры пред Украиной за небезупречность, словно наши безупречны.

Близорукий расчет Бандеры в 1941 его не украшает, но стократ гаже расчеты и практика Сталина в 1939-1941 и тех, кто его так или иначе оправдывает сегодня. Ющенко вызвал у них ненависть напоминанием о том, как было на самом деле, и о тех, кто в безнадежных условиях боролся против коммунизма и нацизма одновременно. Лишь 22 июня 1941 года борьба Советского Союза с нацистской Германией по слову Сталина «слилась с борьбой народов Европы за демократию». На советской стороне многие искренне сражались за демократию, против тоталитаризма. Это не отнять. Но не отнять и то, что Сталин перед тем помогал Гитлеру, а после победы советский режим и его армия усердно душили демократию и крепили тоталитаризм, и в СССР, включая Украину, и в новых странах.

Бандеру бранят, и равняя с генералом Власовым, а это фигуры противоположные. Власов подумал об освобождении России от большевиков, лишь попав в плен, а до того делал советскую карьеру. За его «освободительной борьбой» нет личной воли, он - предатель, готовый служить противнику. А Бандера, как ни толковать национальную независимость, - противник обоих тоталитарных режимов.

Но Ющенко в Москве ненавидят не только за волю к самостоятельности, к уходу из империи. Быть может, еще сильнее раздражает его отказ от тоталитарной советскости. Не декоративно-идеологический, как у Ельцина, сохранившего все ее прихваты, а практический, поскольку он человек из практики. Есть парадокс в том, что сугубо практический человек, бухгалтер по-профессии, в Украине оказался идеалистом, романтиком. Больше всего это, на деле, говорит об идеализме, хоть совсем иного толка, его противников. Ющенко рос не по партийно-политической линии, а по специальности, в 1993, при Кравчуке возглавил Национальный банк, и при Кучме, но не сразу, а в 1999, при экономических трудностях, как опытный финансист - правительство.

Экономический опыт и продвигал его сознание дальше Кравчука и Кучмы к независимости, как опоре отказа от советскости, в чем потом видели сепаратизм и национализм. А он к ним тяготел по опыту хозяйственной работы. Зная внеэкономический советский уклад, видел, что экономический возможен лишь при выходе из беспредельности и богатств, и доходов и растрат. Украина для него – общность конкретных Донбасса и Львовщины, Новороссии и Винницы, а не источник кормления Киева, в отличие от России, а до того СССР, обращенных в источник кормления Москвы и армии.

Советское мышление не умерло, поскольку советское общество не переродилось, но лишь административно перестроилось. А у Ющенко слово «национальное» неотделимо от слова «европейское». Украинское национальное государство он видит подобным французскому национальному государству и другим, составляющим Европейский союз, в котором легкость пересечения государственных границ их не упраздняет, сохраняя в каждом отдельное и особенное, не растворяющееся под пятой общего и главного, как в СССР. Вот Ющенко и ушел, не попытавшись взять себе право решать за народ. Он не хуже, чем Ельцин в 1996, понимал, что не будет переизбран. Но в отличие от Ельцина не собрал команду ловких Чубайсов, чтобы побороть утрату популярности. Понимал, что для демократии свободный выбор пусть даже неподходящего кандидата, плодотворней обманного проталкивания более подходящего.

Ельцин поступил как раз наоборот, он персонифицировал демократию в себе, возможно искренне, но от этого не легче. К тому же, от его соперников в 1996 – и от генерала Лебеда и от экономиста Явлинского, в несопоставимо большей мере, чем от соперников Ющенко – Януковича и Тимошенко, можно было ждать понимания нужд страны и людей. А назначение Ельциным преемника открыто подтвердило, что его понятия о демократии не шли дальше отождествления ее с разумным начальником, и эта уверенность страшней даже того, что в своем избраннике он ошибся, что у того хватило разума лишь в пределах везения, бешеных денег за нефть, а реальных проблем, оставленных советским хозяйством, он не заметил.

Ющенко не назвал преемника, и возможно, будет еще сам баллотироваться в парламент, но если и совсем уйдет, его след не пропадет, даже если день его ухода станет траурным в украинском календаре. Его усилия и уход важны не только последствиями для

Украины, но и параллельностью нашей судьбе. Оно, конечно «Украина – не Россия», но стоит понять, чем она так уж от нас отличается, при вековом единстве общественных порядков и родстве языков и литератур.

Едва ли не главное - Россия, чуть обрела независимость при Иване III, уже при его внуке, Иване IV стала империей, а Украина империей никогда не была. До вхождения при Алексее Михайловиче в Российскую запорожские казаки защищали себя от русских и от польских соседей, и воевали с турецким султаном, и, кстати сказать, с Крымским ханом - их отношения с Крымом начались не с Хрущева, как нам внушают. Уже поэтому пестрой Украине легче ощущать себя единой, и нет нужды удерживать силой покоренных. Никто в Киеве не боится отделения Одессы, без Украины она не проживет, даже Луганску в России лучше не будет. Вот там и не жаждут насильственного, советского, ведения хозяйства.

Отстаивая независимость своей страны, Ющенко не обошелся без упущений и тактических ошибок, отчего и проиграл по-разному пренебрегающим независимостью Януковичу и Тимошенко. Но российским президентам с их преступлениями в Чечне или Грузии в нем ненавистна не тактика, а стратегия независимости не только страны, но и каждого хозяйства в ней, от государственной монополии.

Российская Академия Наук по поручению Медведева изучает научно-технические идеи Максима Калашникова, литератора, заявившего себя фашистом и сталинистом, и уверждающего, что для инноваций полезна тоталитарная диктатура. Эта мысль пленила президента России, и он пренебрег отсутствием у Калашникова научно-технического образования и велел академикам рассмотреть его идеи. Тут бы повеселиться, но тремя неделями раньше нас уже уверяли, что для инноваций демократический порядок отнюдь не обязателен. Уверял числящийся либералом Анатолий Чубайс. В Академии говорят, что политическими взглядами Калашникова не интересуются, исследуют технические проекты, и некоторые, перенятые им в Америке, недурны. Нет, чтобы заметить президенту, что Америка и без Калашникова открыта. Да рассказать ему, что до Гитлера именно в Германии были совершены самые могучие в XX веке прорывы в физике, но и такой фундамент не помог тоталитарной гитлеровской Германии, отдельные технические достижения, конечно, имевшей, всех обойти. Ее обошла провинциальная до того Америка, приютившая беженцев. Да и мы обошли, поскольку Сталин не посмел навести в физике тоталитарный порядок, который навел в генетике и кибернетике.

Куда же нас дружно зовут фашист Калашников, псевдо-либерал Чубайс, и Медведев, на которого велят возлагать прогрессивные надежды? Куда эта лихая тройка, а если считать коренного начальника Путина, квадрига, завезет Россию? В какую опять нищету и кровь? Это не тайна, можно просчитать. Стоит последовать примеру бухгалтера Ющенко. Не затем, чтобы все копировать, но взять в толк, что он хочет своей стране другого, России еще более нужного. Свободы.

Обновление без перемен или крепостная свобода
15.2.2010

С недавних пор начальство объявило модернизацию. Медведев сказал, что «свобода лучше, чем несвобода», Иные тут искали размолвку с Путиным, но у тандема общее желание – чуть обновить лицо. Обновление и есть модернизация. Но толковый словарь так именуется еще и придание чему-то современного облика. Вещи разные, но власти нынче нужно и то, и это. После падения цен на нефть ее опять влечет технологическая модернизация, отсюда шум о нанотехнологиях. То ли хотят производить то, что стало не купить. То ли продавать не одни дары природы. А ни большевики, ни Ельцин с Путиным, не объяснили, почему наше производство, в отличие от западного, само не модернизируется изнутри, а власть, понося Запад, перенимает его инновации.

Но у всякой реальности есть виртуальная сторона, и модернизация от имени Медведева выступает новой государственной идеологией, сулящей со временем, пусть не «каждому по потребности», как марксизм-ленинизм, но хоть соблюдение выборных процедур.

За идейной суетой смута в умах. Строй, названный социалистическим, рухнул у нас не от внешнего удара, как в Германии, а даже без внутренних протестов, просто перестал выполнять жизненные функции. В девяностые внушали, что его сменил капитализм. В нулевые сокращение лежавшего на СССР бремени, отказ от идеологии и нефте-газовая пруха позволили, уверяя, что авторитаризм – не тоталитаризм, возрождать былые нравы. И хоть выборы обращены в фарс, хоть власть командует массовой информацией, а обязанность уведомлять опять обращена в нужду получать разрешение, читать книги еще дозволено и ездить за рубеж тоже. В этой четверть-свободе есть даже оппозиция. И «системная», из единомышленников-коммунистов, хулящих авторитарный строй за отходы от тоталитарного идеала. И «внесистемная»: из радикалов разного толка, демократов и либералов, выходящих на площадь, зная, что дубинками бьют по головам. Это, однако, не политическая жизнь. Она невозможна без прояснения социальных отношений, более всего у нас задавленных. Лишь их осознание, привело бы к компромиссу и смене призыва «Все заодно!» на признание прав каждого.

Площадной оппозиции вменяют отсутствие новых идей. Их, впрямь, нет. Но у власти их нет начисто, ее идеи задал даже не Ленин, а Иван Грозный. Обличая Гайдара, Попов и Лужков негодуют, что «выходом из социализма» не дали руководить консервативным номенклатурным лидерам КПСС, что «их насильно отогнали от руля, отправив – пусть временно – в «Матросскую Тишину». А они туда попали, введя в Москву танки, чтобы «насильно отогнать» от обсуждения проблем страны новую власть и население России. С покойным Гайдаром можно спорить и считать, что Явлинский или Сабуров вышли бы из социализма лучше, но лидеры ГКЧП выходить из него не собирались, тут спорить не о чем. А Попов и Лужков, твердя, что «выход» можно было доверить им, не просто бесстыже лгут, а обнажают инерцию своего образа мыслей. И не только своего.

Марксистская утопия, где верно, где неверно, все же чуяла зависимость общества от обстоятельств, часто стихийных, и нужду считаться с

объективной стихией. Ленин, впрягая Маркса в иной воз, пренебрег объективной необходимостью ради волюнтаризма, давно сковывавшего народное сознание, склонное к нему и при царях. Не зря конспиративные теории у нас в ходу, и люди ищут корни своих бед в чужих злодействах. Вредители, изменники, троцкисты, американцы, «мировая закулиса», избавляют от нужды думать, какова жизнь и что мы с ней делаем, видеть, что и отчего не так. Советской власти ни к чему были хозяйственные, социальные, политические механизмы. Ей хватало административных. Жизнь шла по воле и приказу партии. Новый мир копировал феодальный абсолютизм, вверяясь не почве под ногами, а вышестоящим, без которых, как разъяснили Попов и Лужков, не гоже менять порядок. Модернизация Ленина и Сталина состояла в гонке техники за передовыми странами. Даже державой, ставшей второй, если не первой, по военной мощи, большевики правили на прежний лад и модернизировали ее, как Петр отсталую страну.

Политический строй зависит от экономического, а тот от технологического, но хочется перескакивать зависимости, и Петр - блестящий пример. Воздать ему должное - значит помнить, что ему мы обязаны великим городом на Неве и автором «Медного всадника», но ему же – пугачевщиной и падением Севастополя. Все не разберутся, где он крупней, волоча к прогрессу или ожесточая феодальную реакцию. Его образ мыслей с этим разнобоем не совладал. Но дело давнее, опыта не было. Славянофилы к нему строги сверх меры. Но опыта уже полно, а образ мыслей - прежний. Уже и Ленина нет почти девяносто лет, уже и Сталина нет почти шестьдесят, а дело живет. И не то, что плохи цели, ради которых строили партию большевики, но образ мыслей упускал их утопичность, приносил фантомам жертвенные гекатомбы, и приносит ныне.

Терроризм – общая угроза. Можно бы радоваться, что наша власть это сознает, кабы не ее образ мыслей. Путин выразил его откровенно: «Поймаем в сортире, - в сортире будем мочить!» Страшны тут не слова, и не то, что казнь предполагается в отхожем месте. Даже не то, что Россия к тому времени уже наложила мораторий на смертную казнь. Но дипломированный юрист забыл, что в промежутке меж поимкой подозреваемого и казнью, проводят расследование и суд. Его образ мыслей позволяет казнить без них. А лишь они позволяют установить истину и наказать виновного, а не просто кого-нибудь, чтобы боялись. Модернизация, даже петровская, без уяснения истины невозможна. Тогда модернизировать зовут Лысенко, не зря взлетевшего при великом терроре.

Ленин, не меньше Путина ценивший волю, еще ощущал тупики своего волюнтаризма. Он хотел в социалистическом хозяйстве заменить буржуазную конкуренцию соревнованием. Но закрытый общегосударственный хозяйственный концерн не может объективно судить о происходящем внутри него. Если в плюралистическом мире конкуренция в снижении цены и повышении качества товара, сказываясь на спросе, кому-то дает больше дохода и, кстати, возможности больше платить рабочим, то советская власть выявляла победителей соревнования «в кругу своих братишек». Да и цены в хозяйстве,

отвергшем ценностные категории, назначала власть, а не коллизия спроса и предложения. И новые технологии внедрялись не снизу, ради роста дохода, а сверху, по замыслам партийно-административного руководства.

Не только исходная ориентация на «мировую революцию», но и стремления многих частей советской империи к свободе, сделали военно-промышленный комплекс первой заботой властей. Но его особое положение вызывалось и тем, что он, больше других частей советского хозяйства, был вовлечен в реальную конкуренцию. Прежде всего, конечно, по качеству вооружения, первостепенному для потенциальных боевых действий. Но и на мировом рынке, где СССР конкурировал с другими продавцами, качество оружия, хоть цены и занижали, играло важную роль. В советском ВВП военная продукция занимала более 80%. Такое было возможно лишь потому, что другими общественными потребностями номенклатура могла пренебречь и распределять расходы по своей воле, чем и довела хозяйство до кризиса, вызвавшего в середине восьмидесятых «перестройку» и позднейшие события. Чтобы уйти от крушения, надо было урезать военное производство, а еще лучше, отказаться от партийно-административного хозяйства, вспомнить, что экономическая свобода лучше, чем несвобода. Ни того, ни другого, правящий класс не хотел.

В 1991 он, однако, удержал власть и допустил лишь видимость экономической свободы для небольшого числа послушных государству крупных концернов, вышедших на зарубежные рынки, но на российском меж собой всерьез не конкурировавших. Среднее и мелкое предпринимательство, в отличие от крупного, не поощрялось, крестьянство не стало, как некогда в Европе, массовым участником экономических отношений, а рабочие - свободными продавцами рабочей силы. Новый государственный псевдо-капитализм отличается от прежнего государственного социализма лишь тем, что ныне явные дельцы умножили связи прежде тайных - с чиновниками, и сами чиновники вышли в дельцы. Хозяйство осталась, по сути, прежним, и технологию модернизирует на петровско-ленинский лад. И грамотная часть состоящих при власти вполне различает в происшедшей реставрации новую угрозу.

Институт современного развития (ИНСОР), известный как «мозговой центр» Медведева, в докладе «Образ желаемого завтра» уведомляет Россию, что «полноценная модернизация постиндустриальной эпохи в условиях несвободы в принципе не реализуется», что несомненная правда. И как бы следуя Медведеву, признавшему, что свобода лучше несвободы, доклад признает, что общество, живущее дарами природы, и в частности недрами земли, иное, чем живущее творчеством и трудом людей. И государство там иное, и спрос с него иной, и источники богатства, и ценности. В противовес нашим дням авторы рисуют Россию в среднесрочном будущем. Она похожа на развитые западные страны. Политическая система выглядит иначе, чем наша нынешняя, губернаторов и сенаторов избирает население, половина депутатов Думы – от индивидуальных округов, срок их деятельности, как и президента, сокращен. Доклад полон здравых общих идей. Перестройка МВД и ФСБ сведена порой к переименованиям, в частности, уцелевшие Внутренние войска хотят назвать Национальной Гвардией, но есть и разумные

предложения. Эта легенда о русском чуде занимает больше половины текста. Будь у авторов золотая рыбка или зеркальце, по первому слову исполняющие их желания, можно бы ликовать.

К сожалению, доклад не входит в реальное положение. Беда не в том, что Путин с Медведевым не станут золотыми рыбками, а в том, что авторы не задались вопросом, почему схожие порядки девяностых так легко растаяли в нулевые. И ни слова о том, что помешает новому президенту, даже если будет не Путин, вернуть нынешний порядок. Авторы признают, что преобразование советского режима, ускоренное провалом ГКЧП, было сорвано мятежом Верховного Совета и ответным авторитарным рывком Ельцина, но полагают, что двадцать лет спустя, в иных обстоятельствах, без прежних движущих сил и стимулов, можно запросто продолжить несостоявшуюся революцию, словно дело за доброй волей. На шестидесяти пяти страницах ни слова о том, чем был ленинско-сталинско-брежневский режим, что из него сохранил ельцинско-путинский, чем держался прежний, чем нынешний, и ничего о том, почему ему, модернизация не только технологий, даже не только экономики, нужна куда больше, чем прежнему.

Не то худо, что абстрактно здравые идеи и проекты не новы, а что авторы не сопрягают их с российскими реалиями, ни историческими, ни современными. А общественная мысль, закрывшая глаза на реальность, скудеет. Даже возвращенной на ней идеологии удастся потом сбивать с толку осмысление жизненных проблем лишь в меру ухваченного прежде в реальности. При стагнации власть может заявить: «В Ленинграде смертности нет», но до поры она сама говорит о насущных проблемах, но навязывая ложные, выгодные ей решения. Советская власть начав с обличения пороков и упущений царской, претендовала быть единственной, кто их одолеет. Правда о прежнем помогла иллюзорной идеологии до тридцатых годов владеть многими умами. Даже разрывая с реальностью при коллективизации и великом терроре, власть удержала в людях ту веру не только страхом. Даже после Сталина многие верили, что зло в ошибках, если не тех, то иных, вождей, а не в самом коммунистическом проекте. Да и ныне многие пострадавшие при кризисе советской системы и неудачных попытках Ельцина из него выйти, склонны верить той идеологии. А нынешняя идеология модернизации уходит от реальности с самого начала. Субъективно это, возможно, прекраснодушие, но объективно оно тоже сеет несбыточные надежды. Дескать, нет причин бунтовать, все само сделается.

Почему, однако, не сделалось? Равноправное присутствие России в западном мире, к которому страна Ломоносова, Лобачевского, Менделеева и многих еще других причастна исторически, прежде тормозилось феодальной реакцией. После избавления от нее в 1861 году полвека с лишним шла гражданская битва с монархией, не желавшей компромисса с крестьянским большинством населения и либеральной демократией. Противясь политической модернизации, монархия, особенно после убийства радикалами царя-освободителя, бездумно проложила путь революции, большевикам и мобилизационно-тоталитарному порядку, во многом ее, тоже бессознательно, копировавшему. Этот новофеодальный порядок ныне освежен. Но мы, пока строили коммунизм, отстали, а мир

развивался, и технологической модернизации уже мало, чтобы стоять вровень с другими не только в готовности друг друга уничтожить.

Суть нашей социальной реальности в том, что постройка бесклассового общества обанкротилась. Искренность веры Ленина и других, что безграничным насилием его можно сладить, привела лишь к смене устаревшей классовой структуры царских времен на новую, в которой верхи единственной партии составили номенклатуру, правящий класс. В государстве, руководящем хозяйством, она стала, пусть не собственником, но коллективным владельцем номинально государственного хозяйства и его доходов. И население это опознало по материальным благам, пайкам, хорошему жилью, лучшим врачам, лучшим местам отдыха, далеко превысившим партмаксимум, установленный сперва для руководящих работников. А после 1991 еще возникла возможность получать от коллективного владения пополнять частной собственностью и доходами от нее.

В 1991 году кризис вынудил номенклатуру поступиться монополией на многое. В закрытой прежде стране возникла свобода разговаривать на политические и социальные темы, читать разные книги, ездить за рубеж. Но за номенклатурой, переименованной в элиту, менее формализованной и оттого разросшейся, сохранилась монополия использования влияния и власти государства в личных интересах, возникшая уже в СССР, но после его роспуска расширившаяся. Говорят о росте коррупции, но взяток за нарушение чиновником закона в угоду взяткодателю в России не намного больше, чем в других странах. Зато огромен размах взяточничества за соблюдение закона, за согласие властей на законные действия, и вряд ли это стоит называть коррупцией. Это реализация правящим классом господствующего положения. В ней смысл строя.

Такая система и такой правящий класс отчасти впрямь предопределены жизнью страны за счет даров природы. Но сверх того, действует и воля правящего класса удержать привилегированное положение. Потому номенклатура, по мере выхода из кризиса, и берет былые уступки назад. Понимает, что на свободных выборах, где успех определяют личные качества, а не поддержка власти, можно потерять доходное место. Вот реформы и не идут, если перечат ее воле. Потому и сошли на нет реформы, которыми сперва Хрущев, потом Косыгин, хотели смягчить пороки советского порядка. А дело за тем, чтобы хозяйство, как церковь, отделить от государства. Но уже и церковь к нему все крепче прилепляется. Положение в стране не изменить, если не различать, где интересы страны входят в противоречие с интересами номенклатуры, и ей не противостоять. Но авторов доклада социальные конфликты не занимают.

Признавая, что свобода лучше несвободы, «мозговой центр» Медведева, видимо, не очень вошел в смысл этих понятий. Они, конечно, многозначны. Человек не свободен от ответственности за поступки, от долга тем, кому обязан, от жизненных необходимостей, включая нужду есть, пить, спать, иметь одежду и крышу над головой. Вопреки известным лозунгам, человек и рождается не свободным, а зависимым от материнского молока. Но в общественной жизни понятие «несвобода»,

прежде всего, синоним понятия «принуждение». И общественная свобода – это свобода от принуждения. Общественная и политическая жизнь существуют не в подполье лишь в той мере, в какой снято принуждение.

Капитализм не надо идеализировать, люди там, особенно поначалу, бывали бедней и труд их тяжелей, чем до того при феодализме, от которого им пришлось спасаться. Ужас жизни английских рабочих XVIII века в промышленных городах без элементарной санитарии, водопровода и прочего - не тайна. Но они были свободными людьми, вольны были сменить работу, уехать в другой город или за океан. А главное, именно в обществе свободных людей возникали не только прозрения блестящих умов, но массовая практика внедрения открытий в виде машин и новых методов работы. Там утверждалось понятие о правах всех и каждого. Там, не имея особых природных даров, изменили уровень достатка рядовых людей и условия жизни далеко обошли феодальные.

России этот наглядный пример модернизации при царе был не указ, и тем паче при советской власти. Не берут в толк, что реальная модернизация это не просто обретение паровой машины, двигателя внутреннего сгорания, электромотора, телевизора или компьютера. Модернизация - это переход от внеэкономического принуждения к экономической свободе, нуждающейся в политической. Такой переход и совершает буржуазная революция, в России не раз начинавшаяся, но не победившая. Пушкин и Блок не зря пели тайную свободу. Нам свобода преставала, как произвол отдельных лиц, особенно царей и генеральных секретарей, а общество нуждается в полноте свободы каждого действовать не в ущерб другим и действенной защите такой свободы.

А пока царит принуждение, как ни рассади депутатов, все равно проголосуют по указке партийного вождя, потому, что прошли в Думу в партийном списке за его спиной, а не по личному доверию избирателей. Где царит принуждение, никакой срок не мешает авторитарному правителю пересест в кресло премьер-министром или еще какое. А в государственных процедурах важна их подлинность, то есть свобода. На семидесятом году Советская власть вроде признала, что выборы при ней и без фальсификаций, уже тем, что в избирательном бюллетене один кандидат, и надо выбирать из одного, были принудительными. Этот оксюморон ныне загладили, вписывая в избирательный бюллетень несколько имен, но лишь угодных власти. И суть остается прежней, а выборы - принудительными. Недаром упразднен пункт «против всех», даже не выдвигающий альтернативных кандидатов, чисто протестный. Его отменой власть принуждает население глотать угодные ей фигуры.

Принудительные выборы - лишь следствие всеобщего принуждения. Оно не сводится к личности Путина, как большевизм не сводился к личности Сталина. Лозунг «Россия без Путина» имеет смысл только если фамилия в нем означает не всем известного Владимира Владимировича, а должность «путин всея Руси», которую может занять Сечин, Зюганов, Чубайс, Квачков, Лимонов, Медведев и кто угодно. Дело не в лицах, а в поныне правящем, хоть и смягченном в сравнении с советским, мобилизационно-тоталитарном порядке с всевластной номенклатурой, то бишь элитой. Чтобы его смести, мало сменить лица и рассаду, надо

упразднить опоры всеобщего принуждения. Неверно, что оно лишь от злобы силовиков, взыскующих откровенной диктатуры и сеющих, как бы от противного, любовь к Путину, внушая, что может быть и хуже. Ни псевдолибералы, ни Ельцин, ни, тем более, коммунисты или национал-большевики не посягали изъять избыточное принуждение из структуры государства.

Оно у нас – насквозь принудительное. В подчинении Москве удерживают национальные республики на колонизированных Российской империей землях. При этом их территории уже не отвечают ни нынешнему, ни историческому, проживанию их народов, они порезаны, поделены, части их перемешаны, в иные включены земли, заселенные русскими, а другие, заселенные жителями республик, взяты в русские области. Сами русские области и края нарезаны нелепо, для удобства вертикального правления центра, вопреки истории и здравому смыслу. В итоге лишь 15 из 89 конституционных субъектов Федерации могут себя прокормить, а остальные - жить лишь даяниями центра. Полноправным субъектом федерации быть при этом нельзя. Войны в Чечне – лишь предвестье того, что ждет, если Москва не откажется от принуждения. А она не только не склонна, но норовит схватить ушедшие части СССР.

Чтобы предотвратить кровавый распад четырехсотлетней империи, которую большевики так и не заменили реальным союзом живших в ней народов, надо прекратить принуждение к сожительству и пытаться создать на добровольных началах конфедерацию выправивших границы и самоуправляемых национальных республик с Русской федерацией, объединяющей русские края, укрупненные, согласно исторической традиции и нуждам самообеспечения, и тоже самоуправляющиеся. Для успеха нужна налоговая реформа, поступление налогов с добываемого и производимого на местах не в центральный бюджет, а в местные, из которых края и республики часть отдавали бы центру. Без насилия, на словах чинимого ради единства, а на деле – в пользу московской бюрократии, страна станет полицентричной, и уже это продвинет к политической, социальной, экономической и, тем самым, технологической модернизации.

Не меньше тормозит модернизацию России несообразное применения государством силы. А оно оправдано лишь в трех случаях. Во-первых, при нападении на страну извне - кто с мечом войдет, от меча и погибнет. Во-вторых, внутри страны, против нарушителей закона, применяющих силу. И в-третьих, оно возможно, при уклонении обвиняемого от явки в суд, рассматривающий нарушение им Уголовного кодекса, и угрозе такого уклонения при особо тяжких преступлениях. В остальных случаях применение силы против зарубежных стран или собственных граждан преступно и, как минимум, должно вести к отстранению отдавших приказ от государственной службы. «Силовик» - это не просто практик злоупотребления силой, вроде майора Евсюкова, а идеолог государственного принуждения и произвола. Мало передать места грубиянов в мундирах штатским краснобаям. Государство не господин общества, а его инструмент. Авторы доклада это понимают, но отвлекаются от противоправности системы, названной правоохранительной. А ее влияние на общество огромно. Гулаг, возможно,

и сокращен, поскольку страна вдвое меньше, но не упразднен, и живет в умах, как образ принуждения. Пагубен уже тамошний принудительный труд, не только массовое уничтожение людей. Гулаг в нем преуспел и после Сталина и остается легальной системой принуждения к труду силой. И его простирают не только на труд, но на все сферы жизни. А принудительный труд должен быть запрещен даже в местах заключения. Он ведь тоже оттягивает модернизацию, даже технологическую.

Можно указать и на другие сферы противоправного принуждения: почти полное пресечение негосударственных организаций, даже и некоммерческих, неправовые регламенты для партий, претензия государства внимать, как оппонентам, лишь тем, кто ему угоден, бесчинства властей в ограничении демонстраций и митингов, хоть право не требует большего, чем ставить власть в известность. За двадцать лет не отвели места в центре города, где люди могли бы, как в лондонском Гайд-парке, собираться без предварительного уведомления! А для этого весьма удобны, лежащие в стороне от потоков транспорта, Красная площадь в Москве и Дворцовая в Питере.

Как новая идеологическая декламация, доклад любопытен тем, что выдает беспокойство о возможных с развитием кризиса гражданских волнениях, круче, чем в восьмидесятые и начале девяностых. Тогда Горбачев шесть лет талантливо выпускал пар идеологического обновления, к сожалению, не используя это время для существенных экономических перемен. Исключить апельсиновый, яблочный или еще какой подъем, способный подхватить оборванное Ельциным преобразование страны, как ни мало он вероятен, конечно, нельзя. Но у Путина нет тормоза, мешающего кинуть на митингующих внутренние войска и десантников. Революция не удалась, и наивно без катаклизмов ждать ее быстрого, свободного и успешного продолжения оттого, что такая возможность изложена «мозговым центром» президента. Да и чего ради изложена?

Это не причина терять надежду. Но не на волшебство чистой перемены декораций. Многие формы модернизации, в докладе названы. Но мало знать подходящие формы, надо соображать, что выйдет на практике. Путин, и другие позицию обозначили: они за капитализм, но против ценностей Запада. А ценности капитализма, в отличие от коммунистических, не так философские, как правовые. Независимый суд – там и практика, и духовная ценность разом. Чего на практике нет, в идеологию там не впишешь. А и наши, и тамошние власти робеют признать, что, хоть Пол Маккартни пел на Красной площади, идейная пропасть осталась.

Вроде признано, что по принципу «до основанья, а затем....» хорошего не выстроишь. Общественное развитие – это цепь смещающихся социальных компромиссов. Но, кроме царя-освободителя, не было у нас начальника, понявшего, что надо уступить и не пытаться потом взять назад сданное в трудную минуту. В России компромисс слывет капитуляцией и взаимности в уступках нет. Не приходится ждать крупных, описанных в докладе, но частные не исключены. Если даже Путин не даст России выбирать губернаторов, но Калининград добьется таких выборов для себя, и такой обычай удержит, это будет шаг к переменам. Частная свобода, впустив к

себе модернизацию, на практике покажет, что лучше несвободы, и ободрит людей. А доклад обещает общие меры, уводя от повседневной борьбы за сепаратную, маленькую свободу.

Путин с Медведевым таких общих мер не предпримут. Режим не так крепок, чтобы далеко заходить даже в показной демократии, почему Путину и хочется, чтобы модернизация была консервативной. На что ему доклад, где объясняют: «Нет ничего опаснее иллюзий, будто в консервативном обществе возможны подлинные инновационные прорывы». Но идеология – не программа действий, ее назначение – не реальные свершения, достанет и виртуальных, лишь бы удержали надежды, когда отчаянье пережестывает. Ради этого доклад вполне могут одобрить, не собираясь исполнять. Потому и занятно, поверит ли кто, что президент и премьер последуют красивым советам. И много ли таких будет?

Украинский жребий 1.3.2010

Как уроженец Киева, хоть и увезенный четырехлетним на жительство в Россию, я мог бы, видимо, получить украинское гражданство, для чего не надо отказываться от российского. Но, имея избирательное право, во втором туре голосовал бы, подобно 4.36% голосовавших, против обоих, против Виктора Януковича и Юлии Тимошенко. Она лучше лишь тем, что почти наверняка не замотала бы следующие выборы, просунув преемника. Ее избиратели такого не дадут, а избиратели Януковича могут.

Эти 4.36% «против обоих» недооценены. А они не то, что вздыхали о другом, - о Тигипко, Яценюке или даже Ющенко, а дружно выступили против главных претендентов. Прибавив их к голосовавшим за того или другого, тоже часто не из доверия к избраннику, а из недоверия к его сопернику, видишь, что Януковичу не доверяет больше половины избирателей, и Тимошенко тоже больше половины. Украина расколота. Так было и на предшествующих выборах. Но раскол углубился. Ющенко тогда собрал больше половины, и обошел соперника не на три процента, как сейчас Янукович, а на шесть, И не было такого множества «против обоих». Люди надеялись и были в основном «за», а сейчас в основном «против».

Тимошенко и ее сторонники вправе думать, что небольшой перевес Януковича, - плод фальсификаций. Это невозможно опровергнуть, даром что экзит-полы дали перевес Януковичу. Перевес небольшой, но если даже он фальшив, восстановив истину, другая сторона едва ли бы его перевесила. Голоса «против обоих» тут куда весомей фальсификации, если даже она была. С ними Украине придется жить дальше. Смешно спорить, что будет, кто возьмет верх, забывая, что выборы разрезали Украину, и отрезали не одни западно-украинские земли. Разрез идет по живому, по советской Украине. На этом фоне и придется жить. А наши волнуются за Украину на фоне своего имперского синдрома, будет она под Россией - словно мало нам Чечни- или с Западом.

Януковича считают агентом Москвы, готовым, если не войти в состав России, чего, как обнаружилось, и Лукашенко не хочет, то всяко ее ублажать. Повод радоваться у Москвы есть. Но такие надежды не вполне надежны. Многие, вскормленные Москвой, оборачивались к ней спиной. Это и Мао Цзе-Дун, и Иосип Броз-Тито, опуская не коммунистов. Имперское сознание и дома, и за границей, ищет опору не в социальных интересах, а в ставленниках. Верит своей вертикали.

С Тимошенко не лучше. Ее клеймят за разное и она тоже слывет агентом, порой тоже Москвы, но и других. Даже «Эхо Москвы», силящееся выглядеть пристойно, позволяет себе напомнить, что ее девичья фамилия – Григян, то есть, отец – армянин. А мать, якобы, не то латышка, не то, страшно сказать, еврейка! Этим намекают, что зря на нее надеются украинские националисты. Но, как и для Януковича, есть обратное правило: нередко люди стороннего происхождения бывают особо яростными националистами и шовинистами.

Спорам, кто из двоих куда глядит, нет конца. А Украине нужна независимость. К кому она ни пойдет в поыхачи, добра не будет. Россия не очень и скрывает свои намерения. Запад лицемерит ловчей, и ради надежных газопроводов закрывает глаза на российские притязания. Но не в одной независимости счастье. Янукович и Тимошенко не тем опасны, что отдадут Украину нам, - от этого может удержат сознание личных интересов, - а тем, что вернут ее к обычаю российского государства, к повседневному насилию. Не так даже важно, кто из двоих победил, - разница не слишком велика. Важно, позволит ли расколота страна, чтобы кто-то из двух, далеких от совершенства лидеров, стал единым, авторитарным украинским Путиным. И поведение обоих огорчает, прежде всего, в этом отношении.

Виктор Ющенко, узнав о результатах второго тура, сказал, что считает Тимошенко самой большой своей ошибкой. Вроде верно, заняв пост премьера, Тимошенко со свойственной ей страстью добивалась не проведения в жизнь программы Майдана незалежности, а сосредоточения власти в своих руках. И добилась многого, даром что экономическое положение ухудшилось. При таком ухудшении жизни ее выход во второй тур и набранные там сорок пять с лишним процентов можно считать чудом. Соавторы ошибки Ющенко - нынешние избиратели, а еще раньше - избиратели Рады.

Ему не стоит слишком каяться, он ее не выбирал, лишь признал ее существование, как выразителя воли немалой части избирателей. Его «вина» лишь в том, что она прошла во второй тур и взяла свои сорок пять процентов. Точно так же, его «заслуга» - победа Януковича. Но не каяться же в том, что ты провел впрямь свободные выборы! Не отказываться же от демократии, чтобы остановить кандидата 45%! Или 48%! Историческая заслуга Ющенко в том, что он не пытался это сделать, а шел на выборы, понимая, что проиграл, что Украина выберет не самых достойных, но спасет законность, и государственная власть сохранит шансы не стать хунтой.

Стоит сопоставлять не только выборы Януковича и Медведева, но и Раду с Думой. Так или иначе, в Украине президент законный, хоть и едва избранный, и большинству, как мне, не симпатичный, а наш, хоть и сын профессора, сколько голосов ему ни напиши, все равно незаконный, поскольку не было выборов. И еще важнее, что Рада – не Дума, что она – реальный орган власти, президент вынужден с ней считаться, а наш с Думой может не считаться. Там нет вертикали с верховным правителем, власть там все же как-то разделена, и не в виде тандема. Преимущество Украины не только в честных выборах, но и в необходимости президенту и Раде вести полемику по конкретным вопросам и добиваться решений, приемлемых для избирателей обеих сторон.

Пойдут ли стороны таким путем? Не забудут ли президент Янукович и премьер Тимошенко, избавясь от Ющенко, о демократии? Ни тот, ни другая, глубоких выводов из выборов покамест не сделали. Правда, преимущества женского ума, при всех непримиримых заявлениях о том, что Янукович – не легитимный президент, и обращении в суд с требованием провести новое голосование, взятом потом назад, подсказали Тимошенко твердо заявить, что нового майдана не будет. Признать поражение она так и не смогла. Янукович, со своей стороны, первым делом потребовал, чтобы Тимошенко подала в отставку с поста премьера. А она проиграла лишь президентские выборы, украинский закон не требует отставки премьера при смене президента. И если Тимошенко была премьером при не очень того хотевшем Ющенко, то может им быть и при Януковиче, пока, разумеется, хоть завтра, парламент не откажет ей в доверии. Претендуя ее убрать до инаугурации, Янукович выдал свои авторитарные цели.

Можно спорить, Москва ли так подсказала или все-таки Москве авторитарный, то есть, по ее понятиям, сильный, президент в Украине ни к чему. Москва любит податливых. Не зря вместо обладающего чувством реальности Черномырдина, послом поставили Зурабова, показавшего способность неуклонно выполнять самые нелепые приказы начальства и требовать этого от других. Хоть в России думают иначе, отношения Януковича с Украиной даже для России важнее его отношений с Россией. И поскольку территориально большая половина Украины за Тимошенко, ее конем не объедешь.

По ходу выборов, да и после них, шли толки о том, кто объединит Украину, чаще других называли Тигипко, занявшего третье место в первом туре. На это претендует и Яценюк, а втайне и Ющенко. Но говорить можно лишь о том, кто из них – тут у Тигипко покамест выходит успешней – лучше сумеет себя таким подать. Единство Украины можно выжать лишь силой, гражданской войной, не обязательно вооруженной. Коллективизация – яркий пример того, как сперва одной стороне дали взять власть, даже помогли ее взять, а потом она ликвидировала главного своего помощника, крестьянство. И установилось полное единство, сперва блок коммунистов с беспартийными, а ныне «Единая Россия», в которой загадка чисто лингвистическая: почему она зовется партией, то есть, организацией представляющей интересы части населения (от латинского слова *pars* – часть), когда претендует выражать всеобщее единство. Впрочем, этот вопрос возник уже в связи с итальянской партией, называвшейся

фашистской, то есть, партией единения. Можно создать и «Единую Украину», пусть под иным названием. Но Украина на нашем примере видит в «единстве» - псевдоним диктатуры, непреложный запрет несогласным распускать языки. А надобно ей не «единство», а внутреннее сотрудничество.

Общая победа Януковича и Тимошенко, как ее ни трактуй, - испытание для Украины, ставшей было при Ющенко демократической и честно проведенной выборы, обнажившие внутренний раскол страны. Но и не в одной честности счастье. Демократия, как ее понимают в Европе со Средних веков, когда она стала пробиваться, - не просто право всех свободных мужчин, проживающих в данном месте, сообща принимать решения, касающиеся лишенных голоса женщин, давних переселенцев из окрестностей и рабов, то есть, большинства, как было в древних Афинах. Демократия Нового времени – социальный компромисс, состоящий в равноправном участии всех общественных слоев в решении государственных дел.

Английский Генрих III, ни с кем не считавшийся, наткнулся на парламент из баронов, епископов, рыцарей, горожан и свободных крестьян. Хоть он восстановил свою единоличную власть, уже при его сыне Эдуарде парламент собирался регулярно. Сословное представительство дало возможность социальным переменам и даже гражданским войнам быть там не столь все же кровавыми, как в других местах. Не то что британские короли или парламентарии такие уж симпатяги, но они сознавали нужду в повседневных компромиссах, и, отстаивая свои интересы, ради них уступали друг другу. Англия, вечно сама с собой спорящая, научилась считаться со всеми, кто в ней есть, и обращать к общей пользе все, что есть, позволила разным, даже враждебным друг другу силам, делать лучшее, что они могут, а не только услужать.

Ныне перед Украиной такая задача. Предпочтет ли она диктатуру или состязание, которое президент Янукович будет вести с Радой, где большинство у его противников (как сплошь и рядом бывает в Соединенных Штатах), сотрудничая с премьером Тимошенко, пока ее поддерживает это большинство? Нужда считаться с другой стороной приведет к взаимоприемлемым нормам успешней, чем диктатура, для которой половина населения (а в иных странах и почти все) это внутренние враги, которых надо давить. Повседневное соперничество плохих, по моему, президента и премьера способно привести к хорошим результатам, если уцелеет политическая жизнь, если ее не упразднят, лишая смысла формулу «Украина – не Россия», на что замахнулись обе стороны, жаждущие единоличного правления. Спасение не в их сговоре, тоже не исключенном, и не в подобных нашим имитациям, а в политическом взаимодействии, в котором избранные не предадут избирателей.

Конечно, некоторые из партий, поддерживающих Тимошенко, могут от нее отвернуться, может возникнуть другая коалиция, и она тоже может оказаться временной, и неизбежны будут новые выборы в Раду. При демократии и Партия регионов, разношерстная, как сами регионы, может расколоться, а Януковичу могут вынести импичмент, и назначить досрочные выборы президента. При нынешнем глубоком внутреннем

расколе необходимо сыскать точки компромисса, опирающегося на реальное соотношение социальных слоев. Важно, чтобы оно выплескивалось, чтобы шла политическая жизнь, допускающая демократические перемены. Главная угроза Украине – прекращение политической жизни.

Логика Новодворской 15.3.2010

Чтобы облокотиться на поэзию Бродского, которому, по ее словам, «ворюги милей, чем кровопийцы», Валерия Ильинична портит стихи. Там все-таки четко сказано, что в империи лучше жить в глухой провинции, где

И от Цезаря далеко, и от вьюги,

Лебезить не нужно, трусить, торопиться.

Говоришь, что все наместники – ворюги?

Но ворюга мне милей, чем кровопийца.

Кровопийца - в единственном числе, он - глава властной вертикали, Цезарь, а ворюги, наместники, норовящие оторвать куски в свою пользу, - так сказать, недобросовестные чиновники. У Валерии Ильиничны кровопийцы во множественном числе, и хуже ли они ворюг, сдвинутых ею в левую часть политического спектра, не ясно. Признав глобальное потепление гипотезой, она клянет глобальное полевение, как реальность, более опасную, чем тающие ледники. Многие помянутые ею персоны и движения впрямь слывут «левыми» и опасны. Но впрямь ли они левые? Цел ли в их левизне начальный смысл? И разве не из левых многие кровопийцы? Но для Новодворской левые - ворюги, и ей, в отличие от Бродского, не милы ничем.

Она, видимо, забыла, что в Национальном собрании Франции, после реставрации, те, кто «ничему не научились и ничего не забыли», садились справа, а слева – желавшие удержать хоть что-то, принесенное революцией. Таких потом называли «левыми» не в одной Франции. Название «левые» - случайность. Но не случайно экономический буржуазный строй развивали не одни консерваторы. Еще до того, как он взял верх, - на это ушло пятнадцать, а, строго говоря, тридцать с лишним лет, - как и до революции его двигали вперед поборники его совершенствования и демократии. Они стояли за полноту его норм, за свободу конкуренции, за либеральный порядок, адекватную оплату физического труда и многое другое. И с левой стороны общества выступали предприниматели, крупные и мелкие, крестьяне, люди наемного труда, рабочие, а ныне и профессора американских университетов. Левое движение – активная и плодотворная сила буржуазного общества.

Уже XX век знал, что главное сокровище земли – человек, его мозг и душа. Но люди не рождаются равными. Одни богаты, другие бедны, одни здоровы, другие больны, у одних возможность учиться с детства, у других

ее нет до старости, одни входят в правящий слой, других он попирает. А кто знает, кого господь сподобил стать Галилеем, Шекспиром, Веласкесом, Ньютоном, Моцартом, Гоголем, Лобачевским, Эйнштейном? Таланты и возможности не часто совпадают. Но по Новодворской, бедняки - это двоечники, дураки, лентяи, «лузеры», неудачники. Они-то, считает Валерия Ильинична, и выбивают под левым знаменем субсидии, чтобы жить за чужой счет. А им никто ничего не должен. Люди рождаются равными, и отдайте победителю все!

Но как узнать о таланте бедного, больного, не взятого в школу и далекого от власти, если не каждый может себя проявить? Небрежение другими, безразличие к тому, что им худо не потому, что ленивы, расточает сокровища людских даров, губит миропорядок, переросший подневольный труд. Новое время тем и ново, что живет наемным, тоже вынужденным, но нуждой прокормиться, а не насилием. Наемный труд - это иной, буржуазный, строй, иное общество.

В отличие от коммунистического, оно не претендует быть раем на земле, но, хоть далеко от совершенства, реже становится адом, сворачивает с ведущей туда дороги. Равноправие держится там правом каждого на участие в состязании. Но исходные возможности не равны, и условием успеха общества становится их расширение, начиная с возможности выжить. Не просто благотворительность, бытовавшая и в древности, и в средневековье. Именно левое движение встало за социальные гарантии при неудаче. Над ними-то Новодворская и глумится, объявляя их воровством.

Перенимая понятие о классовой борьбе у французских историков, Маркс отвлекся от Гегеля, и у него тоже взял из единства и борьбы противоположностей одну борьбу. В СССР единство достигалось монополией хозяйствования. Она же, упраздняя рыночные отношения, пресекла легальную классовую борьбу. Вот общий работодатель, государство, и поработил рабочего всецело, сделал своей собственностью. Таков оказался результат ликвидации частной собственности.

А в конкурентном буржуазном обществе наемный рабочий свою рабочую силу продает нанимателю по рыночной цене. Между ними рыночные отношения, это и есть главный рынок буржуазного общества. Там и ведут классовую борьбу за цену рабочей силы и условия труда. Левые традиционно хотят их улучшить, объективно укрепляя этим единство буржуазного общества. Левое рабочее движение, нормализующее рыночные отношения работодателя и наемников, начали еще чартисты в Англии. Нынешнее состояние Западной Европы и Соединенных Штатов, благоденствие большинства их жителей, многим обязано давлению слева, борьбе рабочего класса, его профсоюзов и партий. Без разбора атакуя все левое, Новодворская добивается, чтобы ничего такого не было, то есть, защищает порядок, бывший до 1917 года, но забывает, что его сгубило. Видимо, верит, что злоумышленники, как другие верят, что семьдесят четыре года спустя другие злоумышленники сгубили СССР.

Валерия Ильинична, странным образом упускает, что рядом с левым движением, старавшимся улучшить буржуазное общество, преодолеть его слабости, шло анти-буржуазное, тоже именовавшее себя «левым», но стремившееся это общество уничтожить. Альтернативой ему выступало либо прежнее феодальное, на словах отвернутое, либо некий неведомый коммунизм. Томас Мор создал свою «Утопию» до буржуазной революции, Маркс свою после нее, когда уже существовало рабочее движение, порождавшее совсем другие, вполне реалистические, идеи. Но Маркс старался «привнести» туда свои, надеясь, что рабочая революция их подхватит и осуществит.

Буржуазное общество тогда еще только утверждалось. Коммунистический манифест явился в 1848 году, в пору буржуазной революции, завершившей во Франции преобразования, тормозившиеся реставрацией, а в родной Марксу Германии потерпевшей поражение. Естественно, на заре буржуазного строя он не мог предвидеть какие придут возможности в конце XIX – начале XX века. Внимательный читатель Смита и Рикардо, Маркс вполне отличал буржуазный экономический строй от прежних внеэкономических, но веруя в прогресс, как было принято в XIX веке, он не оговаривал, что когда буржуазный строй себя исчерпает, замена его другим послужит развитию лишь если и другой будет экономическим, а замена его внеэкономическим, старым или новым, не станет ничем иным, кроме как торжеством крайней реакции во всех сферах жизни, начиная с производства. К тому же, сочтя экономические отношения базисом развития, он недооценивал экономический смысл идейных, религиозных и даже политических факторов, возникавших и действовавших не только по прямым запросам экономики.

Понимая буржуазные отношения, как ценностные, Маркс некоторые их стороны, тогда еще не главные, недооценил. Творцом ценности он считал лишь физический труд. А ценность природного сырья, имевшегося в избытке, свел к ценности труда по его добыче. А умственный труд, плоды которого, как колесо, служат веками, сводя многократность применения свою ценностную долю в продукте труда к малости, и вовсе отрицал. Но в XX веке оказалось, что запасы сырья не беспредельны, а техника стареет на глазах, и главный вызов эпохи - модернизация. Ценностный вклад сырья или научно-технической идеи в продукт производства ныне часто превосходит вклад физического труда. Это часто сводит на нет открытое Марксом присвоение предпринимателем прибавочной ценности, производимой рабочим сверх оплаты его рабочей силы. Оно имело место там, где низка оплата рабочей силы, в СССР и в Китае. Но в развитых странах за счет идей, внесенных умственным трудом, рабочему нередко платят даже больше, чем стоит его рабочая сила.

Ныне капиталистическое общество, в отличие от времен Маркса, недодает прибавочную ценность работникам не физического, а умственного труда, который надлежало бы компенсировать не только оплатой проектов и заработной платой, но авторским правом на каждый предмет, обязанный его открытию или изобретению. Это изменило бы структуру общественных доходов. Людям умственного труда не могли бы недоплачивать, а налоги на их доходы прямым образом попадали бы обществу. Наивно думать, что такая несправедливость не существует. Борьба за интеллектуальную

собственность, за авторское право, идет. То есть, традиционно левое внутри-буржуазное движение охватывает новые социальные сферы. Анти-буржуазное «левое» еще не полностью его оттеснило.

Да и сохранить утопически-идеализированную позицию оно в политической реальности не могло. Марксисты, веровавшие в новый внеэкономический общественный строй, отходили от первоучителя. К его иллюзиям, понятным в XIX веке, они добавили много натяжек, передержек, фальсификаций и прямых искажений его идей. Первыми были большевики во главе с Лениным, пока теоретизировали, считавшиеся крайне левыми, а на практике, при левых лозунгах, ведшие себя, как правые реакционеры, обнажая мнимость своей «левизны».

По Марксу революция и коммунизм придут, когда капитализм, который он считал прогрессивной силой, исчерпает свое развитие. Но Ленин и большевики сочли, что нечего ждать итогов капитализма, а можно в феодальной стране, где капитализм едва возник, взять власть, а потом овладевать его достижениями, не так социальными, как техническими. И марксистскую утопию из какой ни есть теории развития переделали в волюнтаристскую программу.

По Марксу коммунистическая революция может быть лишь мировой, охватывающей все развитые страны. Но Ленин и другие большевики сочли, что можно построить коммунизм, хотя бы его «первую фазу», и в одной, «отдельно взятой» стране. После смерти Ленина Зиновьев и Каменев уверяли, что он говорил лишь о возможности строить, а не построить, на что Сталин здраво отвечал, что строить без надежды построить, - явная глупость, и нечего ее приписывать Ленину. А сам пересматривал уже и Ленина, еще признававшего, что «когда будет социализм, не будет государства». Сталин объявил, что коммунизму в «отдельно взятой» стране, без государства не обойтись, значит оно и при нем будет. Это преображало марксистскую утопию из, какой ни есть, теории свободы человека от принуждения в кодекс принуждения общества к покорности государству, а человека к труду. Подхватив ошибки Маркса, Ленин и большевики, либо игнорировали, либо вульгаризовали материалистическое понимание истории, - цель его образа мысли. Но свою идеологию звали марксизмом-ленинизмом.

В начале XX века большевики-коммунисты еще не вполне порвали с внутри-буржуазной левой традицией. Но они видели будущее феодальной страны, сделавшей первые шаги к капитализму, пост-капиталистическим, что значило для них пост-экономическим, и все резче расходились с реализмом традиционно левых. Те хотели демократизации капитализма там, где он уже правил, и преодоления социальной отсталости остального мира, включая Россию, а ленинцы насаждали светлое будущее, никого и ничего не щадя ныне.

Разлом левизны на внутри-буржуазную и анти-буржуазную стал всемирно-исторически явлением XX и, видимо, XXI века. Жажда анти-буржуазной левизны сломать экономический строй, не заботясь, что его сменит, как раз и вела к по-разному именуемому внеэкономическому мобилизационно-тоталитарному порядку, превзошедшему бесчеловечностью крайне

правые диктатуры. Его отец, Ленин, этот разлом видел и твердил, что социал-демократы служат буржуазному строю, и, пока их тоже порой не клонит к тоталитаризму, это верно. Но демократия экономического строя так или иначе отвечает нуждам всех классов общества, а внеэкономический строй Ленина опять лишь нуждам правящего класса. Российский Октябрь 1917 впервые сделал разлом очевидным. И его сводят к якобы мистическому складу русского духа, упуская глобальные корни того, что охватывает уже почти весь мир.

В Англии до революции множество крестьян страдало от огораживаний, многих согнали с земли. Жить было невмоготу, но феодальные отношения иссякли, Во Франции было больше самостоятельных крестьянских хозяйств, но опутанных поборами. И тут, и там люди хотели более справедливых отношений, не силовых, а ценностных. Ради них они умирали за Кромвеля и за Наполеона. В Англии это происходило в середине XVII века, во Франции в конце XVIII – начале XIX. В России к аналогичному пришли в начале XX. Тормозом была феодальная реакция, в Англии и Франции оттесненная, но возобладавшая не в одной России, а, хоть в меньшей мере, и в Испании, Италии, Германии, Польше. У нас она установила крепостное право, исказившее органичное развитие.

Освобождение крестьян и у нас подтолкнуло развитие капитализма, но на его пути еще стояла община, лишь в конце 1909 – середине 1910, за четыре года до Мировой войны, упраздненная. В деревне за столь краткий срок лишь немного изменилось. А промышленный капитализм в России развивался активно, и толпы нищавших крестьян давали ему дешевую рабочую силу. Конец XIX – начало XX века был, к тому же, временем невиданного - в ответ на отмену крепостного права - взлета российской науки и культуры. Многие жили лучше, но большинство, не находя опоры, бедствовало, и протест не утих даже после Февраля. Консервативное Временное правительство, - лишь по положению революционное, - не спешило с переменами.

Большевики взяли власть. Сделать это было тогда легко. Важней видеть, почему они ее удержали, почему победили в тяжелой Гражданской войне, почему не свершилась русская буржуазная революция. Причина тому не так политический гений Ленина и организационный гений Троцкого, как то, что крестьянство, - главная опора буржуазной революции, - было в России, когда революция началась, совсем иным, чем в свое время английское или французское. Это еще до 1917 сбивало с толку русское левое движение. Социал-демократы (большевики и меньшевики) разъединялись и объединялись. Эсеры, продолжатели народников, требовали отдать землю крестьянам, но одни - отдать общине, другие - каждому крестьянину. Левые сознавали приоритет аграрной и национальной проблем. Но крестьянское движение, хоть эсеры и были самой массовой и популярной партией, что подтверждали и выборы, не было едино, а национально-колониальные мятежи не имели большой поддержки в русском народе. Начав революцию, как практически буржуазную, издав буржуазно-демократические декреты, большевики сразу пошли против буржуазии, и, тем самым, против крестьян.

Они начали с Декрета о земле, списанного с программы эсеров, и Декларации прав народов России, - традиционных для буржуазных левых. Казалось, шла буржуазная революция. Но Ленин уже видел цель в объединяющих крестьян коллективных хозяйствах, созданных потом Сталиным, и в удержании колоний в унитарном государстве, которое в виде СССР в декабре 1922 еще успел создать сам. Разгоняя Учредительное Собрание, большевики в самих себе преодолевали исходную левую тенденцию, стоявшую за буржуазное развитие крестьянства, а в перспективе и рабочего класса, который не случайно потом в «государстве трудящихся» пребывал в худшем положении, чем в капиталистических странах. К тому же, большевики, увидав, что Гражданская война идет не с Временным правительством и не с Учредительным собранием, а с царскими генералами, тоже не церемонились с демократией.

Уже в 1918 году всплывало сознание, что большевики - не вполне левые. Тогда это было внове. Они сами еще не очень знали, кем стали. Самосознание зрело медленно, частью уже при облачении империи в платье Союза ССР, еще ясней при коллективизации. А, между тем, восемь лет НЭПа как раз и дали русским крестьянам нехватавшее перед войной время для самосознания. Теперь они были готовы к не легкой, но уже не рабской жизни, к которой английские и французские крестьяне вышли раньше. Тут большевики их и уничтожили, как опору буржуазности. Как ни странно, это величайшее социальное злодеяние ни в России, ни в мире, не осознано, как разрыв с левой традицией. А отсюда Великий террор.

Его часто толкуют, как борьбу за власть. Даже такой тонкий писатель, как Михаил Пришвин, в 1937 в личном дневнике писал: «Те, кого сегодня будут судить, - скрытые претенденты на трон – их не жалко, им «поделом»: их казнят, но если бы им удалось, то они б еще больше казнили». Между тем, казни были итогом борьбы за власть, шедшей до того. Не идеализируя расстрелянных партийцев, тоже, вольно или невольно, сползавших порой к замене левых диспутов тоталитарными расстрелами, надо все же помнить, что прошло не два-три «открытых» процесса, но сотни и тысячи закрытых, и расстреляли, даже по признаниям оправдателей террора, около миллиона, не считая погибших в Гулаге. Для верхушечной борьбы за власть все же чересчур, и безумием Сталина циклопический масштаб зла не объяснить.

А безморальный, но рациональный, Сталин помнил, что в Октябре 1917 началась левая революция и чтобы закрепить следующий, правый, поворот, нужно стереть память о смысле революции, смыть ее следы, упредить сопротивление ново-феодальному порядку, введенному в ходе коллективизации, Люди, которых Сталин уничтожал, в большинстве уже не были левыми, но сами их мысли о реальных нуждах жителей и хозяйства, даже доли объективности, возвращали к левой революции Декрета о земле и Декларации прав народов России, растоптанной ленинско-сталинской партией. Отстаивая общие интересы сложившейся к той поре номенклатуры, поступаясь ее старой частью, с трудом отходившей от левых манер, Сталин обеспечил номенклатуре привилегированное место. Он и впрямь был ее эффективным менеджером, и ради нее не щадил ни страну, ни население.

1929 – 1939 годы, коллективизация и великий террор, обнажили главный происшедший в XX веке социальный процесс, в ходе которого в недрах левого движения других отсталых стран тоже утвердилось стремление к крайне правому ново-феодальному мобилизационно-тоталитарному порядку, в этом Сталин и явил себя кровопийцей. И показав, что это не русская случайность, а общий соблазн стран, по тем или иным причинам не справившихся с экономическим и социальным развитием, в Германии явился свой кровопийца – Гитлер. Зло не в их дурных личных качествах. А в том, что такие качества были нужны, как имперскому социализму, так и национал-социализму, шедшим вместо экономических отношений опять к внеэкономическим, ново-феодальным. Этот процесс не был прерван ни победой над Германией, ни распадом СССР. Меняя формы, он ширится, охватывая мир.

Но мир, как Новодворская, не хочет, как не хотел в XX веке, признать раздвоение левого движения. Советский порядок на Западе числили левым, дрогнув лишь при заключении дружеского союза Сталина с Гитлером. А чуть нежданные друзья схватились меж собой, - страх пропал. Немногие различали единую природу мобилизационно-тоталитарных порядков, возникших под разными флагами и в разных обличьях, но одинаково враждебных, даже под «левым» флагом, реальному левому движению. А оно еще активно боролось с тоталитаризмом. Даже коммунисты Европы, вскоре захваченной Гитлером, не одинаково приняли союз Сталина с ним, одни на время смирились, уклонясь от участия в борьбе своей страны против захватчика, но другие отвернулись от Сталина и Советского Союза, кто на время, а кто и навсегда.

После войны в разных концах мира параллельно действовали и впрямь левые, и лишь претендующие слыть «левыми», на деле тоталитарные, движения. В прежних колониях и социально отсталых странах, как некогда в России, одни хотят буржуазной революции и демократии, а другие, - уже ясней, чем большевики, сознают отличие желанных им тоталитарных режимов от демократических, и поднимают «левое» знамя, лицемеря. Это и Чавес и другие, кого Новодворская поминает. Не все они следуют ленинским традициям и формам. Кастро и Гевара, не говоря о Кадафи и прочих, завели свои мифологии. Часто, особенно там, где религия не была, как в Европе, секуляризована, ее берут опорой «левизне». Не везде мобилизационно-тоталитарные движения выступают в крайнем виде, но правят они не в одной стране. Это порой влияет на традиционно левые движения, порой их тянет от демократических норм к ложной «левизне». Но традиционные левые движения живы и часто более других чутки к ходу социальной жизни.

В СССР после процессов эсеров и меньшевиков в 1922 году их уничтожили полностью. В перестройку, как и после распада СССР, не возникли серьезные левые партии, за вычетом разве социал-либерального «Яблока», хоть и неудачно, но заявившего себя, как левая буржуазная партия, в противовес тоталитарной псевдо-«левой» коммунистической, все еще обожающей советское знамя и прежний порядок, - колхозное крепостничество, ГУЛАГ, государственное хозяйство, цензуру и гонения на всякое свободное слово, то есть, мобилизационно-тоталитарный, махрово правый. И, конечно, в противовес правящей

«Единой России», партии коммунистов, спрятавших портреты Маркса и Ленина, отсутствие которых лишь обнажает ее сходство с другими приверженцами тоталитарного единения, вроде итальянских фашистов.

А Новодворская обличает не фальшь «левого» флага мобилизационно-тоталитарного строя, снова становящегося глобальной угрозой, даже более страшной, чем прежде, не мнимость его «левизны», не расхождение левой формы, фраз о свободе, с правым содержанием и практической тиранией. Она, как Путин, за консерватизм и клеймит всех левых чохом, словно левое бывает лишь тоталитарным, зюгановским. Реальную опасность глобального тоталитаризма она выдает за глобальное полевение, не желая видеть различия левой традиции, враждебной тоталитаризму, и «левого» маскарада, его прикрывающего. Твердя, что меж ними нет разницы, диссидентка помогает рядящимся «левыми» это внушать. А одолеть ново-феодальный советский тоталитарный порядок, равно как продливший его ныне авторитарный, способно лишь традиционно левое движение к экономической свободе и необходимой ей политической. Это по силам лишь отложенной в России уже более чем на столетие буржуазной революции, опять упущенной, и опять не возмещенной подлинными реформами. Но это не все видят, поскольку нет открытой полемики разных социальных сил, а на реальную историю наложен запрет.

Клеймя не мобилизационно-тоталитарный режим, не коммунистов, нацистов, фашистов, исламских социалистов, создающих под «левым» флагом тоталитарные системы, а левых, «вообще», Новодворская обслуживает правый тоталитаризм. К тому же, понятие «левый», как и «правый» - условное. Милюков и Петрункевич - левей Шульгина и Пуришкевича, Плеханов - левей Милюкова, Ленин и Троцкий - сперва левей Плеханова, но, разогнав Учредительное Собрание, они, на деле уже не левей Шульгина с Пуришкевичем, а Сталин и тех обскакал.

Но отечество нуждается не в возрождении крайне правых идей Шульгина с Пуришкевичем, ныне господствующих под другими именами, а в движении от них влево, к Соловьеву, Короленко, Мартову, Федотову, к либералам и реальным социал-демократам. В России, вопреки лжи о том, как ей чужда Европа, было немало либералов и демократов, - но не у власти и не в почете. Ими пренебрегли, - и от одного правого режима, белого самодержавия, страна скакнула в другой, еще более правый, красное самодержавие, лишась обретенного в промежутке меж крепостничеством и коллективизацией. Но будущее России определится тем, хватит ли ей сил и умов остаться левей царей и генеральных секретарей, вернуть ценности промежутка, а не застрять в одном деспотизме, кляня другой. Новодворская левых клянет. Иные хвалят, подпевая коммунистам. Принципиальной разницы нет.

Отчего народ безмолвствует 31.3.2010

Когда, после смерти Сталина, в Берлине начались беспорядки, Вальтер Ульбрихт второпях выговорил, что немецкий народ не оправдал доверие партии. В написанных тогда стихах

(опубликованных посмертно) Бертольд Брехт заметил, что партии и впрямь стоило подыскать себе другой народ. У нас не одно начальство, но уже и «оппозиция» то и дело выговаривает, что народ России не вполне отвечает своим задачам. Подумать только, - не выходит на митинги протеста! Дескать, власть обратила граждан в холопов, готовых с восторгом перед ней гнуться и закрывать глаза на недопустимое. Да «с таким населением можно делать все что угодно»!

Но оппозиция не оговаривает, что с 1917 года страной правит террористическая власть, и поведение людей до наших дней предопределил советский небывалый террор, нередко массовый, а когда его высокие волны спадали, продолжавшийся в, так сказать, умеренном режиме. И то, что нынешняя власть продолжает, хоть еще не массовый террор, но инерцию страха, обнажает единство ее природы с советской. Браня народ, оппозиция это замалчивает.

Вытолкавшую в эмиграцию миллионы сограждан первую волну расправ с «помещиками и капиталистами», а на деле со всеми, не спешившими примкнуть к советской власти, да и знаменитый ленинский призыв: «чем больше мы по этому поводу убьем священников, тем лучше», можно, в конце концов, списать на революцию. И французская была кровавой.

Но в 1929, в мирное время, коммунисты подняли еще более крутую волну террора в деревне против крестьян, и в городе против ремесленников и торговцев, сгубившую миллионы людей, внуки, а то и дети которых живы и это помнят.

А за волной социального террора начался идейный. Требования, еще до революции предъявленные Лениным партийной пропагандистской литературе, коммунисты после революции распространили на всю вообще литературу, включая художественную. И соответственно, в тридцатые годы партия не только от своих членов, но от всех граждан потребовала идейной верности, и люди, в партии-то никогда не состоявшие, гибли по обвинению в троцкизме, «левом» или «правом» уклоне. Так расстреляли и отправили в лагеря еще миллионы душ. Их дети и внуки тоже это не забыли.

А после войны пошла волна национального террора. На территориях, захваченных гитлеровцами, как и среди четырех миллионов благодаря военному гению Сталина попавших в плен, отдельные люди разных национальностей переходили на сторону противника, и это дало повод обвинить в измене целые народы и расправляться с ними. Украинцы, вторые по численности среди народов СССР, в послевоенных лагерях по числу были первыми, поскольку перед русскими Сталин дрогнул, хоть освободительная армия Власова была самой большой из национальных армий Гитлера.

Еще ясней Ульбрихта, жившего в годы нацизма, с 1933 по 1945, в эмиграции в Москве, Сталин сознавал, что у него нет возможности, как скажет потом Брехт, «выбрать себе другой народ», и объявить русский, подобно чеченскому и прочим, народом-изменником. Масштаб власовской

армии даже поощрил его потакать великодержавному русскому шовинизму, который он смолоду осуждал.

Как ни старалась советская власть с хрущевских времен объяснить трагедии миллионов дурными свойствами личности Сталина, о терроре, как главном качестве советской системы, а не только ее главаря, знают все. Не одни пострадавшие, не одни родственники, но просто жившие тогда. Разве что самые молодые еще не усвоили, что наша власть всегда готова силой ставить несогласных на место. О ее способностях напоминают и Беслан, и московский театр, где террористов ликвидировали без оглядки даже на их заложников. Память пробуждают и простые удары дубинками по головам протестующих. Наша власть применяет силу, когда очень понадобится или очень захочется. Себя не ограничивает. А оппозиционеры, клеймящие народ сильнее, чем власть, твердя, что угрозы возврата к прежнему нет, все не трезвеют.

Но народ безмолвствует не только со страха. Он еще не вполне различил, в чем нынешний обман большевизма. Может, к восьмидесятым годам и не все жители СССР осознали прежний, но в подавляющем большинстве они уже хотели перемен, пусть разным народам и разным людям виделись разные. Наша великая держава, чуть ли не обошедшая Соединенные Штаты по мощи возможного военного удара, уже до всяких наступательных или оборонительных действий, в остальном была бессильна, и не сводила концы с концами. Не только покупала хлеб у предполагаемого противника. Ей нехватало на текущую хозяйственную жизнь, о чем начальство получало полную информацию. Но не сворачивало с избранного пути.

Великая надежда на Горбачева состояла в том, что он свернет. Не то что пришло всенародное понимание причин постоянных "временных трудностей" и сознание пагубности установленного Лениным мобилизационно-тоталитарного строя, который Сталин объявил социализмом, а Брежнев гениально - «реальным социализмом». То и впрямь был социализм «не из книжки», в книжках основоположники писали другое, не говорили, что при социализме все будет принадлежать государству, что оно будет распоряжаться всем и вести хозяйство, а единственная партия будет самодержавно править, как руководящая и направляющая сила. При всех заблуждениях Маркса, он ждал, что строй переменится, когда ненавистный ему капитализм достигнет предела своего развития, чем и в самых развитых странах, не только в России 1917 года, не пахло. И ждал, что государство довольно быстро отомрет, и рабочие каждого предприятия сами будут решать дела и сами согласовывать их с другими.

В СССР мысль о коренном различии марксистской утопии и «реального социализма» была крамольной. Но об усовершенствовании социализма, особенно после смерти Сталина, даже после отказа от хрущевских совнархозов, а потом от косыгинской реформы, говорили. Горбачев выглядел реформатором посмелее прежних. Не зря шел слух о его студенческом знакомстве с Млынаржем, соратником Дубчека.

Недавно Ю.Афанасьев, отвергая валящиеся на Горбачева обвинения в гибели СССР, КПСС и социализма, справедливо заметил, что тот, напротив, все делал, чтобы спасти СССР, КПСС и социализм. В развале СССР Горбачева винят за то, что он продлил ему жизнь отказом от кровавого подавления неизбежных мятежей в зависимых странах, то есть, не хотел переносить на восточную Европу афганскую войну, грозившую перерасти в мировую, и мирно их отпустил. Он «развалил» не СССР, а его внешнюю империю, Еще меньше оснований винить его в развале КПСС - на деле он тормозил ее раскол на две партии: одну - социалистического обновления, и другую – традиционно-большевистскую. В противовес Ельцину он подпирал даже компартию Полозкова, ныне зюгановскую. Не столь однако ясно его отношение к социализму, который он тоже спасал.

Не ясно, что он, собственно, спасал. Считает ли Афанасьев теперь и считал ли Горбачев тогда «реальный социализм» социализмом, пусть даже извращенным? Как известно, в эмиграции Троцкий называл сталинский Советский Союз государством рабочих, поскольку там не было частной собственности. А живя в СССР он говорил о «перерождении», и был, думается, ближе к истине. Утопический социализм «из книжки» Маркса при ленинском воплощении переродился в «реальный социализм» Брежнева, который танками давил безнадежную попытку Дубчека и других, хоть отчасти приблизиться к утопии Маркса. Того же, возможно, хотел и Горбачев. Но мог ли он не понимать, что речь идет не о «спасении», что чехи пытались создать, хоть не буржуазный, но иной строй, чем в СССР, почему Брежнев и бросил танки на мирную, не то что мятежный Будапешт, но «несогласную» Прагу? Мог ли Горбачев не предвидеть, что при малейшем подозрении сдвига к другому социализму его однопартийцы, стоящие на том, что никакого другого социализма, кроме «реального», нет и быть не может, бросят танки и на Москву, что и произошло 19 августа 1991 года?

А в массовом сознании надежда на другой социализм втайне жила, и опять не сбылась. Наши граждане, как давние герои Бабеля могут сказать: «мы падаем на лицо и кричим на голос: горе нам, где сладкая революция?..» Если Горбачев в этой связи в чем виноват, так разве в том, что за шесть лет верховной власти не признал, что нет сладких революций и сладкого социализма, что одна, отдельно взятая отсталая страна не в состоянии обогнать в развитии и благоденствии все другие страны, при всех своих успехах и всех эстетических и этических неприглядностях буржуазного строя. Никакой руководитель коммунистической партии это признать не может. Тем паче, что тут не помогут и ссылки на Маркса, наперед признавшего это сто лет назад, - его давно не читают и не связывают с российской реальностью. Разве что зарубежные советологи, которые эту реальность не знают.

Хоть Горбачев и не создал сладкого социализма, страх при нем утих. Одни его хвалили, другие хулили, но и те, и другие делали это вслух, гласно. Благодаря ему, впервые после 1917 проступили тенденции социальной жизни, прежде лишь угадываемые. Желавших удержать «реальный социализм» было немало. Не случайно военного лидера ГКЧП Варенникова, как-никак несшего ответственность за гибель трех молодых людей в Москве, официальный суд оправдал. Многие симпатизировали

Ельцину, к «реальному социализму» явно не склонному. А лицом «перестройки» социализма был Горбачев. Возникали партии, но и самая самостоятельная из них, социал-либеральное «Яблоко», по разным причинам осталась на политической периферии. ГКЧП и Ельцин с двух сторон пресекли «перестройку», и без них несбыточную, и политика свелась к обороне «реального социализма» от ликвидаторов его псевдо-марксистской оболочки.

В 1993 году, когда дошло до вооруженной борьбы меж ними, ничто не мешало выходить на улицу в поддержку той или другой стороны. Но почти миллионная московская толпа августа 1991, собравшаяся в защиту Горбачева, уже сильно поредела. Удерживал еще не страх, а утрата надежды, что вмешательство принесет плоды. В 1991 победа Ельцина многим казалась победой свободы и здравого смысла. Но за два года доверие к нему не выросло, а упало.

Прежде всего, из-за проведенных в 1992-93 реформ. Советская хозяйственная политика разорила государство, и Ельцин, как Сталин после военного разорения, фактической девальвацией в виде гайдаровской «либерализации цен» свалил последствия на граждан. Просчеты и промахи Гайдара усугубляли массовое обнищание, но привела к нему бездумная гонка вооружения. Еще большее массовое негодование вызвала ельцинская «приватизация» по Чубайсу, изображавшаяся переходом к капитализму. Но корни этого негодования поныне не осознаны.

Казалось бы, если «сладкий социализм» Маркса-Дубчека-даже Горбачева - утопия, а «реальный социализм» Ленина-Сталина-Брежнева – ведет в тупик отсталости, если не к войне, естественно возобновить упущенный в 1917 Временным правительством переход от феодального (и от советского - ново-феодального) строя к современному буржуазному с его демократическими нормами, независимым судом и социальными гарантиями. Ельцин с Чубайсом это и обещали. А сделали – противоположное. Но что на деле произошло в России в «лихие девяностые», поныне видеть не хотят.

Чтобы видеть, надо отказаться от советской мифологии, по которой государственное имущество - это общенародная собственность. Пока этому веришь, ее передача частным лицам впрямь кажется разграблением принадлежащего всем гражданам имущества. Но государственное имущество принадлежало гражданам лишь номинально, они были от него отчуждены, поскольку ни в малейшей степени не влияли на политику государства. Депутатов якобы представительных органов они ритуально «выбирали» из одного спущенного свыше кандидата. На деле государственным имуществом совокупно владел правящий класс, и в девяностые у него ничего не украли, но внутри него перераспределили. Изменилась внешняя форма строя, но не строй по существу.

Смысл маневра Ельцина и Чубайса замутнен невняtnостью в советском сознании понятия «собственность», там иного, чем в буржуазном, но близкого к феодальному. Буржуазная собственность означает персонализм владения (нередко группового) и неограниченное

право распоряжаться своим. А феодальная собственность не столь однозначна, в ней нет всецело «своего». Там одним и тем же имуществом в разных смыслах владеют разные лица. Крестьянин – своим клочком земли в одном, его сеньер – тем же клочком, в ином, и король – владениями сеньера, в третьем. У посягательств одного на права другого были пределы. Абсолютная монархия, где росли буржуазные отношения, тоже рвалась за эти пределы.

Советская государственная собственность изначально была неограниченной, но обезличенной, ее совокупный владелец, правящий класс, распоряжался ею именем государства. Правящий класс составляли не поголовно все члены коммунистической партии, имевшие часто не больше влияния и жившие не сильно лучше беспартийных, разве что активнее изъяслявшие верноподданность. Но и внутри составлявшей его номенклатуры, то есть, руководящих лиц всех уровней (непреренно членов партии), не было правового равенства, и положение каждого определялась его местом в вертикали власти, не только не закрепленным, но юридически не кодифицированным. Место определяло личные материальные возможности, и при аресте или просто увольнении надлежало освободить роскошные квартиры и дачи. Понятно, не только Брежнев жил не хуже Абрамовича или Прохорова, пусть не столь броско. И чубайсовское преобразование коллективной собственности ущемило коммунистическую номенклатуру.

А людей ущемило другое. То, что, провозгласив переход к рыночному хозяйству и прочим условиям развития, Ельцин с Чубайсом повели туда не Россию, не всех ее граждан, а лишь отчасти обновленную номенклатуру, создав капитализм для немногих, - то, что покойный Буртин великолепно назвал: номенклатурный капитализм. Назначенным номенклатурным олигархам выдали не конверты с деньгами, а некое достояние, способное дать доход, из которого позволили брать себе куда больше, чем давали прежде, в надежде, что доходы от этого вырастут. А с ними и поступления правящему олигархам государству, нередко велящему им оплачивать то или иное госмероприятие, и карающему возомнивших, что, раз они капиталисты, то могут распоряжаться по своему усмотрению, как Ходорковский. В этот высший слой номенклатуры входят и видные чиновники, тоже схватившие немало доходного добра. Но свобода обращения государства с имуществом отдельного лица не позволяет считать официально принадлежащее даже чиновникам и олигархам, и, тем более, рядовым гражданам, в полной мере частной собственностью.

Рядовые граждане, рабочие, крестьяне, служащие, врачи, учителя, научные работники, остались, в том же по существу положении, что в СССР. Их отношения с работодателем не стали капиталистическими. Власть этому препятствовала уже тем, что ее «строительство капитализма» не освобождало инициативы, а создало ограниченное число концернов, по преимуществу монопольных, под своим контролем. Десятки тысяч средних и миллионы мелких хозяйств потому и прижаты, что за миллионами не уследить. А капитализм везде и всюду, за редчайшими исключениями, начинался с мелких хозяйств и к концернам пришел лишь к концу XIX – началу XX века. У нас его строят с другого конца. Это не национальная особенность русского народа, и не странность российской

экономики. Просто номенклатура надеется, чубайсизировав хозяйство, удержать страну.

Люди наемного труда имеют у нас меньше возможностей, чем там, где капитализм создавали капиталисты, какие ни есть, связанные конкретностью фактов, а не номенклатура, привыкшая отдавать и передавать по инстанции директивы. Монопольность подрывает конкурентоспособность не только предпринимателей, но и работников, мешает повышению оплаты квалифицированной рабочей силы. Нет нормальных условий и для ее мобильности. В моногородах у людей не стало работы, а там, где работники нужны, предпочитают мигрантов, которых содержат хуже да еще занижают зарплаты. За двадцать лет не создали систему социальных гарантий. Твердят, что в России - рыночные отношения, но молчат, что на буржуазном рынке каждый не только может купить необходимое, но и продать не одни товары, но и свою рабочую силу и свои умения. В этом суть. А где этого нет, бедность, и даже нищета, становится не исключением, а правилом. Говорят, все наши беды оттого, что сделали, как на западе, а на деле-то сделали все наоборот.

Коммунисты и не сильно маскирующиеся национал-большевики хотят возврата советской системы, даже ее ожесточения, потому и молятся на Сталина, а не, скажем, на Бухарина. Иные к ним тяготеют потому, что за двадцать лет не обрели ничего лучше, чем обеспеченный казарменный паек, а террор, верят, их минует. Но не умерла и надежда на капитализм для всех, подменив который «номенклатурным», Чубайс потом поддержал Путина и восхвалял войну в Чечне. Вождь-харизматик из Чубайса не вышел, - административных талантов для этого мало. Но никто покамест внятно не обозначил конкретности, которые нужно требовать от власти, чтобы обеспечить полноправие граждан в политической и экономической сфере. А людям, у которых нет кандидатов с иными программами, чем у власти, ни к чему бороться за честные выборы и выходить для этого на улицы. День демонстрации или выборов они проводят дома.

Люди вышли в феврале 1917, когда в столице нечего было есть. А без такого толчка надо, как минимум, различать, чем грозит нынешний ход вещей. Тут мало спохватиться: «Выходит, получки хватало потому, что на мировых рынках росла цена на нефть, а я думал, Путин наладил хозяйство». С досады он Путина и обругает, но понять, чем тот виноват, массы людей не могут поодиночке. Это плод гласности, публичности, общественности. Или, опять же, расстрела на Дворцовой площади 9 января, сломившего веру в царя.

С советских времен у нас подразумевается, что пороки системы общеизвестны, и каждому понятно, что делать. Евтушенко в знаменитых стихах писал:

Ученый, сверстник Галилея,

Был Галилея не глупее,

Он знал, что вертится Земля,

Но у него была семья.

А представления Галилея не были общим местом, лишь неудобным церкви и государству. Поэт зря взвалил на семью вину за готовность держать в секрете, «что вертится Земля». Галилея мы чтим не за то, за что Яна Палаха, на ввод войск в Чехословакии ответившего самосожжением. Галилей не совершил самосожжения, но основал естествознание, к чему не причастен его неглупый сверстник, которого не так уж занимало вращение Земли. Вот и социальное движение у нас пренебрегает обществознанием и, сводя его к идеологии, не видит, что на деле происходило с Россией после 1917 и после 1991. Понятно, что власть, сладившая наряд, позволивший не очень изменясь, обольстить Буша, Обаму, Ширака, Саркози, Блэра и Брауна, не хочет гласно осмыслить этот опыт. Но и оппозиция, не анализирует, а зовет за собой.

Таким призывом явилось и недавнее обращение «Путин должен уйти!» Есть сотни доказательств, что руководящая роль Путина, какой бы пост он ни занимал, пагубна для страны. Неважно, что не такой у Путина характер, чтобы уйти, не то что по письму, а даже если на Красную площадь выйдет сто тысяч. Призыв к его уходу, разъяряющий сколь опасна реставрация для России, помог бы понять происходящее. Но письмо, увы, обличает не советскую реставрацию и ее вождя, а лично В.В.Путина, словно, замени его Медведев, Сечин, Зюганов, Лимонов или Чубайс, жить станет веселей. А.Скобов учит: «Демократическая оппозиция должна быть готова поддержать кого угодно, кто также готов добиваться его смещения». Выходит не единовластие, не самодержавие, пагубно, а просто с этим государем нам не повезло.

Но зло не в одном Путине и не в каком-то там «путинизме». «Путинизм», как некогда «сталинизм», а до него «военный коммунизм» и НЭП, а после «период развитого социализма», - лишь этапы мобилизационно-тоталитарного строя, введенного большевиками в Октябре 1917. Введенного, говорят, потому, что, как перво-христиане, они надеялись построить царство божие. Христиане тоже предполагали видеть его на земле, и лишь потом положились на царствие небесное. Большевикам на это не хватило духа, да и быстро обнаружилась выгода стоять на своем и убивать несогласных. Вот они в начале тридцатых и довели страну до голода, а в 1941 до поражения, которое обернулось победой лишь потому, что к великому мужеству наших солдат прибавилась продовольственная и, главное, техническая помощь Америки, против которой СССР после победы и ополчился, наращивая вооружение, отчего в конце семидесятых опять пришел к кризису. Уже роковому.

Горбачев, хоть и недостаточно, но либерализовал советский порядок. А вытеснивший его Ельцин, поняв, что удержать Советский Союз России не легче, чем Советскому Союзу "социалистические" страны, нашел способ удержать в России порядок советского типа. Он отбросил давно несообразный с коммунистическими реалиями маскарад марксизма, облачил страну в номенклатурный капитализм, и в 1994 войной против Чечни, удержал империю от полного распада, за три года перед тем, принятого, как неизбежность.

Навязав стране Путина, сделав его перед баллотировкой в президенты уже исполняющим обязанности президента, Ельцин совершил в

конституционных рамках государственный переворот, С 1996 Ельцин уже сам брал назад обещанные перемены и еще в 1993 сделал авторитарный порядок конституционным. Путин продолжил реставрацию, отсекая послабления и реабилитируя советскую практику. Этого хочет не он один. А что выходит, когда бранят одного Путина?

Хоть пока он у власти, для сведения зла к нему одному нужно больше мужества, чем требовалось для сведения его к мертвому Сталину, - этим невольно укрепляют режим в целом. Неужто сводящие все зло к Путину, верят, что без него режим развалится? А надев другой бантик, можно провозгласить порядок новым, как провозгласили ельцинско-гайдаровский, по типу прежний, хоть бантики, конечно, другие, и старая песня начнется с начала. А порядок надо изменить. От Петра прошло почти триста лет, и развитию уже мало заемной модернизации. Чтоб быть не отсталой региональной страной, а в первой десятке, нужен совсем иной уклад и уровень жизни, и прежде всего, свобода. Ей поперек весь нынешней уклад, не один Путин. Миллионы, которых скликают персонально против него, понимают, что смена его одного на «кого угодно», уклад не изменит, и пока надежды его изменить, обманувшие двадцать лет назад, не укрепятся, мало кто на призыв отзовется. Как говорится, дураков нет.

Рано или поздно Путина и его команду свалит упадок хозяйства, поглубже нынешнего, подобный наступившему в начале восьмидесятых. Тогда национальный лидер станет тяготить спасающихся коллег. Не исключено, что от них и нынешнее подталкивание, хотя полемика свит тандема больше походит на очередной перформанс. Так или иначе, Путин не уходит. Конечно, надо протестовать, обнажать его злые мстительные шаги, объяснять природу его власти, которая, без фантомов марксизма, ничем уже не отличается от других вариантов тоталитаризма, возникших после первой мировой. И требовать ухода. Но только без обольщений «кем угодно». А то, когда он и прочие отпадут от истощенной ими кормушки, люди опять ухватятся за очередного спасителя из рядов номенклатуры, как ухватились двадцать лет назад за уральского богатыря Ельцина. А надо отстоять общественные опоры демократического порядка, дающего каждому не только в революционные мгновения свободу думать и решать.

Убийство в метро 5.4.2010

Сознательно убивать случайных людей, как недавно в московском метро, - отвратительно. Отвратительно, конечно, всякое убийство и терроризм любого вида. Но не все они одинаковы. Терроризм бывает открытым – так убиты Александр II, Бухарин, моя бабушка в Бабьем яру и еще десятки миллионов, Убийцы знали, кого, почему и зачем убивают, и не таились. Порой терроризм таится, – так убивали Троцкого или Кеннеди, но тайна вылезала на свет. Бывает и демонстративный терроризм, как нынче в метро, - анонимно убивают, не зная кого, - среди убитых есть иностранцы и россияне десяти национальностей. Чем они мешали убийцам, непонятно.

Убили в назидание другим. Но чего хотят от других, внятно не говорят.

Чеченцы, захватившие московский театр, говорили, Желябов и Перовская, Баадер и Майнхоф, Фатх и Хамас, говорили и говорят, А тут лишь предположения о мести. Из мусульманской одежды на одной из покойниц и «кавказского лица» ее оторванной головы выводят, что она - чеченка, а значит, террористка. Но, возможно, это жертва. Сообщают о сопровождавших убийц двух женщинах славянского вида. Это повод искать «руку Украины». Патрушев по «кавказской внешности» нашел «руку Грузии». А Лавров и за кордон кивает.

Рассказы о взрывах полны несообразностей. То оба поезда ехали в одном направлении, то в разных, то обе смертницы сели на Юго-западе, то одна неизвестно где и почти час болталась. Ни с чем не сообразно, что второй взрыв на той же линии случился через сорок минут после первого, хотя движение в обоих направлениях надлежало немедленно остановить. А сверх информационных нелепостей, отсутствие декларации убийц. Будь в Чечне или Дагестане убиты «русскоязычные», объяснение лежало бы на поверхности, но в Москве, при догадках Патрушева и Лаврова, возможны варианты.

Мы не знаем, кто послал бомбистов, в ФСБ тоже не знают, но настаивают на предвзятой версии. Это еще не значит, что сами и взорвали, как неожиданно дал понять председатель кадыровского парламента Дукваха Абдуррахманов. То же сперва сказал Доку Умаров, но следом заявил, что смертниц послал он. Ни тому, ни другому заявлению Умарова верить невозможно. Мало ли что и почему заявит подпольщик. Реальных доказательств нет, расследование ведут плохо. Президент и премьер обещают уничтожить организаторов, но забыли, что большинство политических убийств у нас осталось нераскрытыми. Заметим, что заказчиков сулят уничтожить, а не подвергнуть заслуженному наказанию. Хоть смертной казни уже нет в законе, в головах президента и премьера она есть.

Говорят о необходимости предотвращать теракты и почти не говорят о качестве расследования. Первое объяснение – убийства в метро опасны ездящим в метро, а правящий класс заботят меньше. Второе - низкая квалификация следователей. Говорят, упала с советских времен, но тогда ценили навыки фабрикаций обвинений, а они не утрачены. Третье, - силовые органы, говорят, заинтересованы в преступлениях, чтобы не сокращали штаты. Но это не очень грозит. Главное, думается, в заинтересованности всего правящего класса, всей системы, в ощущении населением неопределенного страха, велящего мириться с любыми действиями власти, как бы отводящими угрозу.

Но не обсуждают, откуда угроза, как с ней совладать, и возможно ли это. Анализируя преступления террористов, гадают, зачем они совершены, но не задаются вопросом почему. Шестнадцать лет войны против Чечни и активной пропаганды ксенофобского псевдо-патриотизма дали плоды. Немалой части граждан внушили шаблоны. Если случайно взорвется склад привозных ядерных отходов, зачем их ввезли ответить легко - за

деньги! А сказать почему - страшно. Придется говорить о преступной безответственности власти. Но Лавров объявит взрыв заокеанской диверсией, Патрушев свалит на какую-то из бывших советских республик или стран Варшавского пакта, а Бортников на ингушей или чеченцев. Это выйдет тем убедительней, что всюду террор. Палестинцы под флагом ислама с нашей помощью давно терроризируют Израиль. Про 11 сентября знают все. Но в России у террора совсем иные, свои причины.

Его первым и самым известным крупным актом был захват Басаевым в заложники больницы с больными. Хоть Басаев служил в ГРУ, имел практику атак Абхазии на грузин, этого мало, чтобы неопровержимо свалить дело на Москву. В массовом терроре важно не упустить политические причины. Террористы не раз, хоть и не во всех приписанных им случаях, оказывались чеченцами, они отвечали на массовый террор в Чечне. Осуждающие этот наш террор не оправдывают и чеченских террористов. Но оправдывающие наш не вправе жаловаться на ответный. А Российское правительство свой террор в Чечне оправдывает поныне.

Чеченский сепаратизм, вызванный не одним двухсотлетним порабощением, но и сталинским геноцидом, и надеждами на демократизацию после поражения ГКЧП, успел предстать новой России в трех вариантах. Приди и другие народы, начиная с русского, к самоуправлению в реальной федерации, Дудаевскому хватило бы настоящей автономии в рамках обновленной России. Но с Дудаевым не желали даже вести переговоры. Масхадовскому, после бомбежек Грозного и яростных российских атак, которым оказали сопротивление, было уже не обойтись без независимости, по крайней мере, испытательной, и Ельцин встретился с Масхадовым, который, как умеренный светский деятель, на выборах президента имел вдвое больше голосов, чем грушный экстремист Басаев. Но Ельцин растоптал договоренности, не оставив чеченцам иной надежды, кроме как на экстремистов. Путин ужесточил террор, убил Масхадова, ослабил сопротивление, но задавить полностью не мог, лишь сдвинул дальше к экстремистскому краю. И пошел на Кадыровский вариант, на «чеченизацию» внутренней, в основном религиозной, жизни, но с подчинением в остальном. Убийства в метро, если, конечно, их совершили чеченки, показали, что эти надежды были самообманом.

Не то, что силы было мало или Путин чересчур верил Кадырову. Тот часто сетовал, что силовые органы Чечни ему не подчинены. Немало злодеяний, хоть и не все, учинили представители федеральных, экстерриториальных в Чечне, органов. И все же приходится признать, что сопротивление не сломлено. А войну-то развязали, чтобы его сломить не только в Чечне или в Дагестане, а по всему Кавказу, по всей России.

Для Путина и Медведева нет верных методов, кроме силовых. Они сознают, что нефть и газ не вечны, почему и откладывали страховой фонд. Они признают техническую недооруженность, даже недостаточную организованность, но избавиться от них не могут, поскольку строят борьбу за модернизацию на тех же началах, что борьбу с терроризмом. Расцвет Европы и Америки на правовой демократической почве им непонятен и неприятен, они верят в силу приказа, в волевое руководство. Их обоим этому учили в Ленинградском университете, а одного – еще и в школе КГБ,

и они хорошо учились. Но их не учили поитике, и напрасно от них требовать, чтобы они вели себя, как политики. У них на все один ответ: «Уничтожим!». Так они грозят террористам-смертникам, готовым себя уничтожить вместе, даже не с ними, а со случайными пассажирами метро. Грозя смертью людям, сознательно идущим на смерть, тандем разглашает свой интеллектуальный уровень.

Может ли тоталитарная система, пусть не всесторонне развивать науки и технологии, но хоть пресечь инициативный терроризм? Может. В СССР был государственный террор, и тоталитарная прополка не оставляла места инициативному. На станциях «Лубянка» и «Парк культуры» убито и ранено около 120 человек. А на XX съезде Хрущев рассказал, что при Сталине репрессировали 17 миллионов. То есть, от начала коллективизации до смерти вождя репрессировали в среднем около двух тысяч человек в день. Конечно, тогда было больше людей. Но если ныне власть ограничится тысячей или даже ста двадцатью репрессированными в день, их все равно будет больше, чем жертв инициативных взрывов в метро, бывающих не каждый день и не каждый месяц. Такой перевес, возможно, и пресечет инициативный террор неизвестно чьих чеченцев, патрушевских грузин и лавровских агентов иностранных держав. Как раз подобными успехами ныне оправдывают государственный террор сталинских НКВД и КГБ.

Политика начинается с выяснения цены достижения цели. Террор в метро можно пресечь превентивным террором. Да выйдет себе дороже. Израиль бы так совладал с арабским террором. Но во что он обратился бы сам? Путин покамест вторит Сталину выборочно, если он уподобится ему вполне, чеченцы взрываться в метро не будут, да и вообще не будет чеченцев. Но во что обратится Россия? Терракт в метро организовали те же люди, что и взрывы домов в Москве и несостоявшийся в Рязани одиннадцать лет назад. Хорошо бы знать, кто они - чеченцы или из ФСБ, но еще важнее понять, к чему ведет превентивный террор. А он ведет к выпадению России из числа активных участников мирового развития.

Надеюсь, Путин и прочие ведут к этому бессознательно. Возможно, этого не хотят. Но другого не умеют. Не усвоили в университете, что террор – проблема политическая, и Россия уцелеет лишь совладав с ним политическим путем. А чем дольше затягивать решение, тем дороже оно встанет.

Загадка Катыни 15.4.2010

Ужасы сталинской власти ее преемники признали еще на XX съезде КПСС, ужасы коллективизации, и массовых убийств, и выселений народов. Ни Горбачев, ни Ельцин, ни Путин, ни Медведев, эти признания не опровергали. Признав репрессии, пусть не шестидесяти, а «всего лишь», согласно докладу Хрущева, семнадцати миллионов, странно оспаривать убийство 22 тысяч казненных в Катыни польских офицеров, взятых в плен на несправедливой войне.

И вот глава российского правительства Путин встал на колени перед монументом в честь убиенных поляков, как некогда Вилли Брандт перед

монументом погибшим в варшавском гетто евреям. Но следственные дела все еще не открыты и Польше не переданы. А Европейскому суду правительство Путина недавно ответило: «Оказалось невозможным определить обстоятельства захвата польских граждан, их содержание под стражей и в лагерях НКВД СССР, характер предъявленных им обвинений и то, была ли доказана их вина. Оказалось невозможным получить информацию относительно выполнения решения по расстрелу конкретных лиц, так как все записи были уничтожены и восстановить их невозможно». Вот, оказывается, отчего польские офицеры все еще не реабилитированы, то есть, по российским законам все еще числятся уголовными преступниками. И поди пойми, чего ради наш премьер преклонял перед «преступниками» колени!

Зачем хранят эту тайну, когда множество подобных гласность раскрыла? Ответ ужасен, но прост. После договора Риббентропа – Молотова и четвертого раздела Польши, в которую Гитлер, нарушив пакт о ненападении, вторгся 1 сентября, а Сталин 17, 28 сентября стороны заключили договор о дружбе и границе, как будто никакой Польши и нет. А 1 марта в Варшавском генерал – губернаторстве, как именовали свой кусок Польши гитлеровцы, стали хватать виднейших военных, политиков, заметных граждан, и вскоре под Варшавой расстреляли более трех тысяч. Гитлер говорил: «Безусловно, следует помнить, что польское дворянство должно исчезнуть, как бы жестоко это ни звучало. Его необходимо уничтожить повсеместно. (...) Посему все представители польской интеллигенции подлежат уничтожению».. Уничтожать польское дворянство, «как класс», Гитлер начал 1 марта. 3 марта Берия внес в Политбюро, а 5 марта оно, во главе со Сталиным, приняло аналогичное решение, постановив, чтобы пленных польских офицеров срочно приговорили к высшей мере наказания.

Протоколы Политбюро еще непроницаемей, чем следственные дела, и невозможно сказать, ссылались ли там на ходатайство Гитлера или сами решили, что «все представители польской интеллигенции подлежат уничтожению». Не будем утверждать и что сроки не могли с такой точностью совпасть случайно, Но никуда не деться от того, что совпала сущность содеянного. В этом убийстве «всего лишь» двадцати двух тысяч человек, не первом и не самом массовом в нашем отечестве, едва ли не впервые наглядно обнаружилось единство двух режимов, разного, казалось бы, происхождения, с разными вроде бы идеологиями и совсем разными пророками. Договор коммунизма с нацизмом о ненападении можно было объяснять внешне-политическими соображениями, которые, при всей их пустоте, по сей день в ходу. Совместная ликвидация коммунистами и нацистами польской интеллигенции, как класса покоренного ими сообща народа, шла ли она по договоренности или просто в силу родственной параллельности мышления, - уже не внешняя политика, а социальная, которой подчиняют уже не собственные страны (Судьба интеллигенции в той и другой, известна.), но покоренную, а в перспективе – весь мир.

О польских могилах в Катыни первыми в апреле 1943 на весь мир сообщили гитлеровцы, якобы только в феврале узнавшие о них от местных жителей. Гитлеровская армия захватила смоленские земли в

июле 1941, и трудно поверить, что о советских расстрелах поляков нацисты полтора года не подозревали. Но 2 февраля 1943 года они капитулировали под Сталинградом, и сознание предстоящего отступления побуждало искать сочувствие у поляков, до того не менее жестоко уничтожавшихся нацистами. Война изменила мотивации, но до нее ликвидация польской интеллигенции была совместным делом обеих напавших держав. Катынские могилы потому и тревожат не одних поляков, что это - памятник сущностного единства коммунизма и нацизма. В утаенных протоколах и следственных делах не может не парить общий дух, даже если практика не была согласована. Вот его и хотят всеми силами утаить, скрыть, не выдать.

Потом два дракона сцепились друг с другом. Такое не редкость. И в древности и в Новое время страны однотипного строя не раз и не два воевали меж собой. Но им не к чему было скрывать свою однотипность. А Российская федерация потому и не признает единства коммунизма с нацизмом, что коммунизм не преодолела, осудив его лишь на словах, и болтая об его отличиях от нацизма, отнюдь не сущностных.

Путин объяснил Катынь личной мстительностью Сталина, политически руководившего в 1920 неудачным польским походом Красной Армии, оставившей там в плену чуть не тридцать тысяч бойцов, немалая часть которых умерла от недоедания и болезней. Иных в плену, возможно, и убили, но ничего похожего на продуманную катынскую ликвидацию там не было. Дело не в событии двадцатого года. Да и Сталин, при всей мстительности, не слепо ей отдавался, а был рационален. Его рациональность, конечно, часто выглядит глупостью оттого, что другими людьми и задачами, кроме сиюминутных собственных, он часто пренебрегал и замечал их, - порой весьма пронизательно, - лишь там, где мог извлечь пользу для себя. Тогда мстительность отходила на второй план. При всем своем злодействе и прочих качествах, Сталин был человеком более крупным, чем нынешние его подражатели. Но убивая польских офицеров, явно не думал, что через полгода по отношениям с Германией пойдут трещины и, еще до 22 июня 1941 придется собирать людей, способных создать будущую польскую армию, и о Катыни, как об ошибке, заговорит даже Берия, ее предложивший.

Единственным, что Путин на церемонии, устроенной, чтобы поляки не вспоминали, что с жертв не сняты уголовные обвинения, сказал справедливо, было то, что в катынском убийстве нельзя винить русский народ. Народ в нем не виновен, как не виновен, в коллективизации и прочих преступлениях режима. В нем виновно государство - советская (бывшая Российская) империя. И нераскаянная вина остается на ее правопреемнике, Российской федерации. Катынь - не бесцельное злодеяние, не трапеза людоеда, это один из первых после гражданской войны шагов к расширению империи, к обращению и других народов в рабочий скот. Оттого к ней и прибавилась вина в гибели польского президента Леха Качиньского и видных польских государственных деятелей, летевших на траурное поминание.

Не надо только, как нынче любят, искать вину в заведомом заговоре, в преступном умысле. Никто сознательно не портил самолет, не выпускал

по нему ракету, и пилот не был дагестанской шахидкой. Но трагический финал был предопределен поведением российского руководства по отношению к польскому президенту и его желанию присутствовать на торжественно-траурном поминании в Катыни. Имперская нелюбовь к нему понятна. Более других в Польше и Европе, Лех Качиньский противостоял возрождению империи. Оттого и активно поддерживал борьбу Украины и Грузии за независимость. Противники независимости не любили его повсеместно, не только в России, с которой он искал и порой достигал взаимовыгодных равноправных соглашений. Он противостоял Лиссабонскому договору, подорвавшему основу Евросоюза, еще его праотцем де Голлем провозглашенного «Европой государств», а ныне обращаемого в государство «Европа», потенциально в империю. Как ни оценивать те или другие аспекты его внутренней политики, он запомнится, как страж независимости Польши, сын своих родителей, участвовавших в Варшавском восстании, поднятом и против Третьей империи и против Советской. Путин не мог его любить.

Но любовь – не единственное, чем надлежит руководствоваться государственным деятелям. Им нельзя отдаваться лишь своим чувствам, даже лишь своим взглядам. Долг должностного лица, даже избранного самым демократическим способом, думать не только о своих сторонниках, но служить всему народу. И во внешнем мире оно не вправе, милуясь с милыми сердцу, хамить другим.

Наше начальство пригласило приехать с премьером Туском в Катынь ряд уважаемых государственных деятелей Польши, и Валенсу, и Мазовецкого. Но главу польского государства не звали. Когда он известил наших о намерении приехать, ему отвечали несуразно, сперва даже вроде, что не получали от него письма, видимо, затерялось. Дошло до того, что согласились впустить президента с частным визитом. И не оттого ли его самолет был переполнен виднейшими людьми, что они сочли поведение России недружественным, чтобы не говорить резче, и своим присутствием хотели отстоять достоинство своей страны. Заметим, что с ним летели отнюдь не только однопартийцы, достаточно вспомнить вице – спикера сейма Ежи Шмайдзинского, уже названного кандидата левых сил. в президенты на предстоявших осенью президентских выборах, открытого соперника и Качиньского и кандидата партии Туска спикера сейма Коморовского.

Можно спорить, привозили ли на старый военный аэродром тремя днями раньше, к прилетам Путина и Туска, современные навигационные приборы, оставили ли их к прилету Качиньского, и какова была диспетчерская служба, обычно не только дающая пилоту советы, но в любых случаях имеющая право запретить посадку. Можно гадать был туман густым или не очень, и почему предлагали сажать самолет в далекой от Катыни Москве, откуда быстро до Катыни не доберешься, и куда, к тому же, Качиньский с первого дня президентства лететь не хотел, повторяя: «Мы будем рады видеть Путина в Варшаве». На эти и другие вопросы ответит следствие, если его проведут вместе с польскими, а еще бы лучше, и международными экспертами. Не стоит до получения полной информации в эти споры входить. Но бесспорно, что полет президента Польши и виднейших ее политических деятелей по случаю едва ли не

самого трагического события польской истории XX века по воле российской власти был частным, что само по себе наперед снижало уровень его точности и безопасности. Ответственность за полет российская власть с себя сняла, что и без специального намерения убить привело к гибели президента и его спутников. Чтобы это видеть, не нужны черные ящики. Бог весть, что было у Путина и Медведева в головах, откажемся от страшных предположений. Но то, что они хотели сорвать визит, помешать поклониться дорогим покойникам, - на самолете были и родные убитых в Катыни – сомнений не вызывает.

Государственная деятельность, больше любой другой, издавна требовала способности хоть иногда уступать. Только коммунисты и передовой отряд их партии, чекисты, положили такой норме конец. Они отступали лишь под давлением превосходящей силы, либо в своих сугубых интересах. А где могли, как правило, уничтожали несогласных, внешних – колонизировали, внутренних – ликвидировали, как класс. Путин прекрасно это помнит, и отлично провел церемониал примирения, не сделав и шага для реального примирения, не реабилитировав убитых и не передав польским властям все до одного документы, - от протокола Политбюро от 5 марта до протоколов захоронения. Его беспокоило, что скажут Качиньский и другие, не перечеркнут ли их речи так красиво и трогательно разыгранное примирение. Вот и хотелось их задержать, сорвать церемонию, способную заслонить проведенную накануне. Но тут-то и следовало взять себя в руки и примириться, если хочешь примирения. А он предпочел большевистско-чекистскую непримиримость, всегда ведущую к несчастью, не обязательно наперед планируемому.

Стоит, впрочем, и польского премьера спросить, как он позволил себе официально ехать в Катынь, соглашаясь на частный визит президента. Конечно, они с Качинским непримиримые противники, и у премьера, который в Польше весомей президента, все права отстаивать свои позиции при покупке русского газа или отказа Америке в установке ПРО. Но Катынь - не партийная позиция, перед ней поляки равны, независимо от должностей, это символ независимости Польши, как для нас Куликово поле или Бородино, за которым, к тому же, последовали не краткие захваты столицы, как у нас, а долгое правление московских марионеток.

Признаться, наблюдая внутренние польские события, я чаще сочувствовал не партии Качиньского, а партии Туска, и в пунктах их разногласий мои мнения не дрогнули, кроме, может быть, главного. Плохо верится, что господину Туску и его партии, принявшим церемониал примирения в российской режиссуре, как обычно, искусной, но без открытия бумаг катынского дела и официальной реабилитации жертв, независимость Польши дороже линии партии и своего успеха.

Поляки и русские схожи меж собой больше, чем поляки с западными, а русские с восточными соседями. Их вековые распри кажутся порой семейными. Но семью сохраняют лишь там, где взаимозависимость ее членов не перерастает в привычку одного попирать других и семьдесят лет подряд стоять на своем. Вот Путин и на колени встал, а упустил случай назвать преступление преступлением и кончить дело миром со всеми поляками. Не колени надо бы преклонить, а правду признать и

выговорить, что не жертвы сами виноваты, а наше великое отечество. И не прятать протоколы его деяний.

В тоске по договору 30.4.2010

Договор о сокращении наступательного ядерного оружия подписан. Перед тем российский министр объявил, что если США станут создавать ПРО, хоть в тексте нет на них запрета, Россия из договора выйдет, что наперед делает его ничтожным. Но стороны довольны. Россия уже тем, что договор о сокращении дал ей право наращивать вооружение, а Америку ограничил. Но рада и Америка, поскольку, не имея военного значения, договор имеет политическое. Он дышит обессилевшей прописью, - для защиты от ядерного оружия велит полагаться на сговор двух великих держав. Прежде иначе впрямь было никак, да обстоятельства давно переменялись.

Прежде сговаривались о паритете безопасности. Его не обрели, сперва перевешивала Америка, потом СССР, Но жертва могла вдогонку многократно уничтожить агрессора, и холодная война, которую они на деле нередко разогревали, не вскипела до ядерной. Лишь раз кубинский соблазн подвиг Хрущева придвинуть ракеты к цели, провоцируя упреждающий ответ. Кеннеди, не сорвался, но прибавив к сдержанности твердость, спас планету, благо, и Хрущев оказался понятлив. Франция и Китай, не говоря об Англии, и заведя свои бомбы остались в прежних лагерях. Прочие тем паче доверились великим. А неприсоединившиеся страны о бомбах еще не мечтали.

Политические процессы шли под двумя зонтами. СССР прибирал неприсоединившихся руками не только агентуры, но и национальных движений. Во Вьетнаме и в холодной войне Америка отступала, но ради самозащиты пошла на технологический прорыв, и к равенству бомб и ракет прибавила, сверх прочего, персональный компьютер.

Когда Советский Союз, непомерной ценой держа уровень, надорвался, его прежние подопечные стали сами по себе. Авантюра уже не требовала согласия покровителя, и Саддам занял Кувейт на свой страх и риск. Америка его выгнала, но, если Россия геополитическую катастрофу, хоть и не осознав ее причин, ощутила, то Америка так и не поняла, почему ее воистину могучий голос лишь сотрясает воздух, и не оценила новизну ситуации, ныне доросшей до собственных бомб не у одних постоянных членов Совета безопасности.

Пражский договор продлил контрольный американо- советский тандем былых времен. Но ему уже не по силам удержать от большой войны. Новые бомбовладельцы им не связаны. «Нераспространение» кончилось, а с ним и двойное попечительство. К тому же, тогда предоставить клиента судьбе означало выказать слабость. А ныне Америка вольна вчера бросить Грузию, ныне – Израиль, завтра – Польшу. И Россия тоже не готова к мировой войне за Кубу или Косово.

Прибавив ядерных зарядов, мир воротился к доядерным нравам. Ситуация стала опасней, чем холодная война. Двум державам ни

поодиночке, ни по договору, ее не превозмочь. Обама взывает к «сухому закону», запрещающему ядерное оружие. Но пьянство - не от водки, не от крепких напитков, а от обстоятельств, толкающих выпить. «Сухие законы» в Америке и в СССР (при Горбачеве), абстрактно полезные, принесли реальный вред. Благодаря бомбе Америке и России всерьез угрожают лишь террористы-самоубийцы. Да и Англии, Франции и Китаю тоже. Такой же безопасности хотят и другие.

Ядерная бомба - ужасное оружие, но лишь оружие. Даже винтовка сама не стреляет, и укрощать надо не так бомбу, как войну, то есть, мирно снять ее причины. В умеренные рамки, как показала Вторая Мировая, война не войдет, настольным теннисом не станет, бомбы и ракеты не утопят, террористов не уволит. А пражский договор – о взаимной вежливости на войне, предполагавшейся прежде, как будто у сторон остался решающий голос. Но его подают и другие. А Россия и Америка потешились в Праге иллюзией былого всемогущества. Одна от договора мало что выиграла, а другая даже проиграла.

Пребывая во власти иллюзий, они и не хотят видеть мир, как есть. Торопят ратификацию, а не учитывают того, что меняется не только оружие, но и стимулы к войне, - и не от одной смены оружия. Америка, в самом начале и после холодной войны превосходившая других, не только не спешила воевать, но хотела укрепить мир. И вовсе не из благородства, а потому, что мирными экономическими средствами она верней достигает своих внешнеполитических целей. Причин тому много, но главная – доходивший порой до изоляционизма, перевес ее внутривнутриполитических интересов над внешнеполитическими.

В России такого не было никогда и сейчас меньше, чем когда либо. Не только оттого, что в 1917 году ее целью объявили мировую революцию. Построение коммунизма во всем мире, как и в своей стране, скоро стало не так реальной задачей, как лозунгом, прикрывавшим расширение империи. Но стоит видеть, зачем она была России, когда все другие могучие империи так или иначе распались? Иначе «умом не понять» не одну Россию, а и ход мысли совсем других стран.

Метрополии европейских империй – и Британия, и Франция, и Нидерланды и даже Португалия, - экономические государства, и по мере того, как нарастали убытки от удержания колоний, включавшего расходы на подавление освободительных движений, они предпочли колонии отпускать, - уровень жизни в метрополиях при этом не падал, а рос. А советская империя экономической метрополии не имела. Империя была русской, но ее центром - отнюдь не области бытования русского народа, и как при Иване Грозном, заведшем крепостное право, «номенклатура», даром что в большинстве сама тоже русская, попирала русский народ, номинально первый среди равных, не милосердней, чем прочих. Метрополией тут была разве Москва, вобравшая верхний слой номенклатуры и его обслугу.

Советская империя без метрополии и с внеэкономическим хозяйством, подобно феодальным империям, не скупилась на удержание колоний. Россия, после роспуска СССР, не только не отпустила национальные

автономии, нередко превосходившие отошедшие союзные республики числом местных жителей, но не обособила и русскую метрополию, да и хозяйство ее не стало по существу экономическим, - оттого она и клонится к практике СССР и его феодальным повадкам. А у расширяющейся империи, пресекающей национальную, региональную, областную и всякую другую относительную самостоятельность, потому и военное сознание, она всюду надеется на оружие, а не на социальные решения. А залог мира не только в качестве оружия и армии, а в стремлении каждого человека, каждого селения, каждой области, каждой страны, решить свои хозяйственные задачи собственными возможностями, хоть и с торговым обменом и даже взаимопомощью, но не имперским грабежом и эксплуатацией.

Глобализация экономики, преодоление хозяйствами политических границ, расширяют предпосылки к всеобщему миру. Но лишь при сугубой добровольности соучастия любого из взаимодействующих ненасильственных горизонтальных местных, областных и государственных демократических объединений и признании их сепаратных прав. Иначе глобализация, как сверхимперскость, станет формой внеэкономического самоуправления сильных, уже явленного империями новейшего времени, и ярче всех - Советской.

Парадоксально, но после роспуска СССР и освобождения угнетенных народов, которых Америка поддерживала, американские и еще больше европейские политики разом забыли о наследии Советского Союза, а часто и о народах, освободившихся в очень разной мере, и перестали различать социальные формы и уровни развития. Сыскать британские и другие имперские подобию российским примерам жестокости к колониальным народам не составит труда. Но это не резон забыть, что в европейских странах в XIX веке единоверцев и единоплеменников на торгах, как в России, не продавали.

Чтобы понимать в XXI веке мир и войну, надо помнить о различии меж наемным трудом, хоть и низко оплачиваемым, и принудительным, даровым. Успехи мастеров принуждения часто выдают за порядок и мир, дивясь потом нежданым беспорядкам и войнам. Переход от принудительного труда к наемному предвещал Возрождение, как иную жизнь, и успехи современной цивилизации. Переход длится более половины тысячелетия, но не окончен, и разные страны совершают его на разный лад, кто быстро, кто сбивчиво. Плутала не одна Россия, не в ней одной живы феодально-силовые склонности.

Развитие цивилизации, расширение свободы и демократии, благосостояния и образования, мыслились, особенно в XIX веке, как поступательный прогресс всеобщего Возрождения. В России, Италии, Германии, в конце XIX - начале XX века он шел быстро, но, еще уступая более успешным. Ощущалось отставание. После Первой Мировой, непосильной многим на обеих воевавших сторонах, в странах, не сумевших с ее тяжестью совладать, взорвались социальные ситуации, и после войны прогресс был подменен небывалым до того мобилизационно-тоталитарным движением. В России - коммунистическим, в Италии - фашистским, в Германии - национал-социалистическим, многим

противоречившими друг другу и казавшимися сперва несовместимыми. Но все они отвергали общественную экономическую свободу и личные свободы и права, все взывали к мощи государства и практике принудительного труда. Схожее, хоть не столь откровенное движение, больше державшееся за феодальные традиции, а не социалистические лозунги, охватило и Японию.

Во Второй Мировой мобилизационно-тоталитарные страны тоже оказались на разных сторонах, Италия, Япония и более других Германия потом преодолели приведшее их к разгрому движение. А СССР, шагая в первом ряду победителей, его укрепил. Свою победу над Германией он именовал победой над фашизмом, как в обиходе звали мобилизационно-тоталитарный порядок, пресекая информацию о немецком национал-социализме, разительно схожем с советским социализмом. Едва ли не единственный раз в СССР их сходство публично показал фильм «Обыкновенный фашизм» Михаила Ромма. А Запад утратил к этому сходству интерес с распадом СССР, сочтя что в Российской Федерации, его правопреемнице, и всех других его бывших республиках, прежний порядок сам собой рассеялся. Но его понимание и после 1991 не сильно продвинулось от XX съезда КПСС, он не был по существу осознан. Вместо «культ личности» говорят «сталинизм», словно преступления Сталина чисто личные, словно он не оперся на движение, до него ставившее на силу и разогнавшее Учредительное Собрание. Эта ориентация и питала не только внутреннее тиранство, но и открытую дружбу с национал-социализмом, не по вине коммунистов недолгую.

После войны коммунистический Китай, либеральная Индия, и другие страны зависели от ядерного тандема Америки и СССР, Но с концом холодной войны, выросла роль не только Китая и Индии, но и арабских стран, и Ирана, и Бразилии, и Южной Кореи, и обретших бомбу Пакистана и Северной Кореи. Их стремления не одинаковы, и начали они с разных уровней достигнутого, в разных условиях и при разных экономических и политических системах, и хотят разного.

Самая могучая из мобилизационно-тоталитарных стран, Китай, эффективно развивает лишь часть страны. Остальные массы населения - избыточный резерв, позволивший действовать чуть иными социальными методами, чем страны первой тоталитарной волны, но той же природы. Другие хотят другого, и для них привлекательный исторический образец развития, принадлежащий новому времени и более, чем Европа, свободный от феодального наследия, - Соединенные Штаты. Сопоставляя американский, демократический тип развития, с китайским (или русским) мобилизационно-тоталитарным, нельзя не увидеть в одном преобладание опоры на свои и наемные силы и мирное развитие, а в другом - надежды на экспансию и принуждение, так или иначе ведущие к войне, идет она уже или только готовится.

Ядерное оружие вроде бы наперед исключило выгоды, превышавшие расходы и утраты, какие прежде порой давала война, но к всеобщему миру не привело. Пока отставание надеются восполнить насильем, не сознают бессмысленности силовых действий. Эта надежда и влечет внеэкономическое хозяйствование в тупик. Пока она не иссякла,

сторонники силы не внемлют доводам рассудка. После 1917 года источником войны считали коммунизм, потом национал-социализм, потом снова коммунизм. Пророки силы преобразались. Идеология надевала разные социальные, национальные, религиозные наряды на единую плоть вековой привычки к внеэкономическим нравам и принудительному труду. Но проклятье служить силой или ей подчиняться ни на ком не лежит вечно. Не навеки проклята и Россия. Но надо глядеть, что там происходит, на что опирается власть, ею правящая.

Договорившиеся в Праге стороны в это не входили. Считая бомбы и ракеты, США трусливо отвлеклись от происходящего в России. А прежде не отвлекались, хоть в мире, разделенном на два лагеря, свободы в решениях было меньше. Отношения России и Америки к третьим странам тоже не стыкуются. С Ираном Америка после шаха враждует, а Россия крепит дружбу, не безразличную для его ядерного вооружения. Эту глухоту к реальности зовут реальной политикой, Realpolitik, беря за реальность сиюминутную данность, как некогда англо-французская дипломатия, уткнувшись в данность, упускала росшую готовность национал-социализма развязать войну.

Снижению ее угрозы служат не договоры стран с избытком бомб, ни даже подключение к ним стран с их достаточным запасом, вроде Китая, Англии и Франции. Нужно, прежде всего, видеть и обозначать активные внеэкономические позы, видеть их масштабы и цели, не всегда открыто объявляемые. И полагаться не только на вооруженную оборону, а на содействие социальным решениям, - но не насаждаемым силой, а поддерживающим мирные тенденции.

Увы, Соединенные Штаты размотали внешнеполитическое наследство президентов Джона Кеннеди и Рональда Рейгана, принадлежавших к разным партиям, но равно умевших быть твердыми в сопротивлении угрозе и чуткими к объективной реальности. Уже преемник Рейгана Буш-старший, освободив оккупированный Саддамом Кувейт, не покарал агрессора. Буш-младший, в ответ на новые отказы пощаженного отцом деспота следовать постановлениям ООН, был вынужден освободить от Саддама Ирак, Он провел там выборы, на которых большинство граждан, свободно избрало новую власть. Но он не оставил этой власти строить новую жизнь и самой ее защищать, пусть даже сперва с поддержкой извне, а продлил пребывание своих войск на неопределенный срок ради сохранения целостности Ирака, искусственного плода Первой Мировой войны. После вторых выборов Обама оттуда тоже не поспешил. А демократия предполагает принятие народных решений, дойди они даже до распада Ирака натрое.

Тем временем Россия, оставшаяся авторитарной, хоть и без марксизма, не только продолжает убийства в желавшей свободы Чечне, и открыто вторглась в Грузию, но и сполна обозначает свои ценности дома, возлагая, как некогда Сталин, задачи хозяйственного развития и модернизации на силовое государство и попирая права и свободы граждан.

Прежний статус сверхдержав Америка и СССР обрели вдвоем, ни одной не удержать его в одиночку, вот бывшие и цепляются друг за друга.

России от этого хоть материальная выгода, Для Соединенных Штатов это чистое искусство, возобновление старой пьесы, имевшей некогда успех и даже смысл, но давно его потерявшей. Ушла монополия былых сверхдержав, даже Америки. Чтобы спастись в более опасном мире, нужно понимать охватившие его перемены, которые запросто обратно не загонишь. А иначе они сулят войну.

Это не значит, что не желанны добрые взаимоотношения России и Америки. Конечно, желанны, но как сотрудничество, в котором по старому библейскому закону не положено делать другому то, что не хочешь, чтобы делали тебе. Россия объявила себя вправе убивать в любой стране, кого сочтет нужным, не дав другим права убивать в России. А США помалкивают, ни республиканцы, ни демократы, не то что адекватно, а никак не ответили на беспрецедентный закон. Что уж поминать запрет Америке усыновлять сирот из России за то, что одна американка повела себя безобразно. Сам наш президент высказался. Не вспомнил, небось, что за последние два года 30 тысяч российских усыновителей тоже возвратили усыновленных детей, не говоря о худшем. Но не запретил россиянам усыновлять сирот, которых у нас чуть не в пять раз больше, чем в Америке или Европе. Народу свыше внушают, что американцы, и как усыновители, не в пример хуже русских. Какое в таком случае сотрудничество? Осознание мощи другого доверия к нему не рождает. Может и полония подсыпать.

Пражскую сделку об ограничении оружия не выдать ни за сотрудничество, ни за шаг к миру. Сделка - сделка и есть. Она полезна демагогам обеих сторон, но отношения стран, а не только начальства, не изменит, Антиамериканская пропаганда в России не стихает. И не спадает угроза новой войны, неведомо чьей и с кем, и неведомо что несущей.

Кто победил? 9.5.2010

9 мая 1945 - самый счастливый день моей жизни. Ну, разве еще 5 марта 1953, когда объявили, что умер Сталин. Не считая, понятно, личных дат, рождения дочки, рождения сына. В общественных тоже, конечно, было и личное, - не уверенность, но надежда, что не убьют. Не конкретно меня, а, вообще, убьют меньше людей. Нацистское чудовище 9 мая сдохло. Большевистское и после 5 марта живо. Но вера в его тысячелетнее царство подорвана. 9 мая показало, что никакая людская сила не всесильна.

Тем горше, что 9 мая, в 1945 радостное, хоть и горькое от груза потерь и грядущей неизвестности, за протекшие годы переменялось. Годовщину столь же великой победы и взятия Парижа в 1814 году, те же шестьдесят пять лет спустя, то есть, в 1879, отмечали куда скромней. Больше думали о насущном. О русско-турецкой войне, освободившей Сербию, Черногорию и Болгарию, о выстреле Засулич в губернатора Трепова и ее оправдании, о покушениях на Александра II, что ни говори, отменившего крепостное право. Ни Баркляя, ни Кутузова, ни подвиг их офицеров и солдат, не забыли, но ими не прикрывали неспособность власти разрядить последствия трехсотлетнего крепостничества. Нескольких разумных шагов убитого вскоре царя было мало. Но ввали тогда куда меньше.

Великая победа 1945 отравлена безразмерным враньем. Оно путает ответы на простейшие вопросы: Когда началась война? С кем воевали? Не то, что от нас это утаили, но слишком многие не помнят. А война началась в сентябре 1939 вторжением в Польшу, первого числа – гитлеровских дивизий, а семнадцатого – сталинских. Это было согласовано и потом закреплено договором о советско-нацистской дружбе. Дружили не только против Польши, но и против Запада, пытавшегося, объявив Германии войну, Польшу защитить. Как верные друзья, мы помогали нацистам не только в Польше, и самолеты, бомбившие Лондон в 1940-41, были заправлены советским бензином. Господин Радзиховский, требуя, чтобы британский премьер к шестидесятипятилетию победы явился в Москву благодарить за спасение своей страны, единственной, между тем, стоявшей против Гитлера один на один больше года, великодушно его освободил от нужды особо нам кланяться за содействие в разрушении Лондона. Два года из шести военных мы были на стороне нацистов.

В нашей парадной истории этих двух годов нет. Там война началась 22 июня 1941, вероломным, как Сталин сразу сказал, нападением Германии на Советский Союз. Примечательно не одно выпадение двух лет, но и словечко «вероломное». То есть, наша власть и лично товарищ Сталин Гитлеру верили! Быть может, как твердит не только Суворов-Резун, сами и замышляли ударить ему в спину, но от него такой подлости не ждали. На него полагались. Почему и встретили войну к ней не готовыми. Дело не в количестве оружия, его как раз в СССР хватало, поскольку его, главным образом, и производили. Но способный самостоятельно мыслить командный состав армии Сталин перед войной прочистил до полков, ставя командовать людей, которым надлежало еще учиться. Некоторые за войну выучились, но многие не успели, и были разбиты.

Праздником великой победы 1945 года у нас заслоняют великое поражение 1941-42 годов, когда Советский Союз был разгромлен, и немцы дошли до Волги. Отчего так вышло, внятно не говорят. А миллионы красноармейцев сдавались в плен в ответ на сталинскую коллективизацию. А другие туда попали от никчемности сталинского командования. Кого за это винить? Казнили, к примеру, Дмитрия Павлова, удостоенного за Испанию звания Героя Советского Союза и сделанного чуть не из лейтенантов генералом армии и командующим Белорусским военным округом. Вину свалили на него и ему подобных, но виновен-то Сталин, пребывавший, к тому же, с момента нападения в прострации и до 3 июля не рискнувший даже сказать народу о «вероломстве». Пославший говорить Молотова. Не будь социализм тиранией, Сталина отстранили бы от власти, предали суду, и он, а не генерал Павлов и другие, понес бы наказание за измену Родине и доверчивость к ее национал-социалистическому противнику, с которым по взглядам, как показала история, расходился лишь в деталях.

Поздней, соратники объясняли, что народ бы не понял отстранения Сталина, и оно ослабило бы страну. Это говорили соучастники уже мертвого Сталина, боявшиеся наказания, А не дави власть, нашлись бы люди, способные остановить врага на Дону, даже на Днепре, если уж не на Днестре и Западной Двине. Вот детям и рассказывают об эффективном менеджере, без которого и войну бы не выиграть, словно не он ее сперва

проиграл. Потом Сталин, понятно, в дело встрял, то поддерживая командующих, то им мешая. Конечно, его дарования проявились в переговорах с Черчиллем и Рузвельтом, которых он успешно водил за нос, но чтобы победу приписывать ему, да еще ему одному, этого мало.

Ложью о высшем над высшими полководческом гении Сталина укрепляют ложь о единоличной победе Советского Союза над Германией, - прочие, мол, лишь срывали плоды. А нет не только причин считать, что Советский Союз победил в одиночку, но и думать, что в одиночку он бы остановил свое поражение, что без полуторагодичного потока союзной помощи он бы не капитулировал. Сталин этот вариант просчитывал. Но нынешние СМИ, особенно коммунистические, яростно противились участию союзных войск в параде победы. Власти им не вняли, боясь сорвать ратификацию недавнего договора с США, но ни министр обороны, ни премьер, ни Президент, не напомнили вслух, что победить национал-социалистическую Германию в одиночку не мог тогда никто, ни Англия, ни Америка, ни Советский Союз. Лишь антигитлеровская коалиция, двадцать шесть объединенных наций.

В Англии и Америке сознавали, что поражение национал-социалистической Германии укрепит родственной ей Союз Советских Социалистических республик, но Запад предпочел помогать нам. Не помогал нацистам, как мы. А нам союз с Гитлером был милей, чем с западными демократиями.

Единственное, в чем мы впрямь первенствовали, это в потерях. Мы потеряли больше людей, чем другие, даже, чем наступавшая немецкая армия. Все еще спорят, сколько десятков миллионов потеряли. А помимо убитых, больше потеряли и ранеными и пленными. И территорию отдали огромную. Но власть, доверявшая Гитлеру, не подготовившая армию к войне, хоть тратила на нее без счета, за это так и не ответила. Пока по ходу войны не выдвинулись сильные генералы, с которыми в военных вопросах Сталину пришлось считаться, отступление продолжалось. И вот 9 мая 2010 года предлагают величать и благодарить виновную в этом власть за убитых на войне и сожженных в печах близких.

Но самая наглая ложь, регулярно повторяемая после всякой выходки российских шовинистов, - формула "это бытовое хулиганство. Фашистских движений у нас нет и быть не может потому, что Советский Союз победил фашизм." Но Советский Союз победил Германию, а не национал-социализм, именуемый у нас фашизмом, как звалось схожее итальянское движение, чтобы не напоминать, что у нас тоже социализм, и тоже в отдельно взятой стране. Шовинизм нашего социализма вылез не сразу, в 1917 большевики, кроившие идеологию из теории Маркса, еще казались движением малочисленного в России рабочего класса. В тридцатые шовинизм уже брал верх, а по ходу войны, выселяя целые народы, окреп до того, что, не стыдясь прямого тождества с гитлеризмом, вел в 1949 антисемитскую борьбу с космополитами, а потом дело врачей.

В движении, именовавшемся в Италии фашизм, в Германии национал-социализм, а в СССР просто социализм, национальная проблема, всем им важная, была, видимо, все же второй. Ликвидация других народов по-

своему служила решению первой проблемы - подавить собственный народ, сидя на шее которого они правили, обречь его на круговую несвободу, по-иному наново закрепостить. За верой в прогресс общества опять пришла власть особого слоя, новых дворян, номенклатуры, да еще со спецорганами, и возродилось широкое применение принудительного труда. Советский строй дал первый пример такого мобилизационно-тоталитарного порядка. Его пророк и практик Ленин, возможно, даже верил, что насильственное его установление и отказ от привычных моральных понятий, приведут к обществу материального благополучия и возможностей развития для всех. Он увлек немало сторонников не в одной России, где заведенный им порядок после четырех с лишним лет его усилий и без благополучия не менял обличья еще семьдесят.

Ребенком я видел коллективизацию, подростком слушал по детекторному приемнику процессы над былыми вождями, объявленными врагами народа. В ленинско-сталинскую мифологию трудно было верить, и я не ждал ничего хорошего. А когда август 1939 сперва принес договор о ненападении, а вскоре о дружбе с гитлеровской Германией, меня охватило отчаянье, стало очевидно, что будущего нет не у меня одного, а у всей планеты. Но Гитлер проявил «вероломство» раньше, чем можно было ждать, и союз родственных режимов ради превращения планеты в концлагерь истек. Сталин понял, что дорогая ему надежда рухнула, И десять дней спустя, собравшись с духом, произнес в микрофон: «Наша борьба сольется с борьбой народов Европы за демократию». Так отчасти казалось до Прохоровки.

Она сняла угрозу гибели, и Сталин вернулся к прежнему. Но гитлеризм выпал в осадок, и продолжать Сталин мог лишь в одиночку. В этом и величие 9 мая. После него отчаянье еще могло стать и становилось уделом людей, и народов и стран, но не всей планеты. 9 мая – великий праздник сопротивления, которое бывает не напрасным даже против режимов, ничего кроме силы не знающих и не желающих знать никаких нравственных препятствий. Оказалось, и они смертны.

Наш режим, от победы над двойником стал, конечно, сильнее и страшней, но союз драконов не сработал. Сталин, хоть и отхватил пол-Европы, столкнулся с другой половиной и Америкой, технически более развитыми, и вынудил свою державу и покоренные страны догонять и перегонять по вооружению и боеспособности. Всем остальным жертвовали, - жизнью людей, искусством, наукой, - подчас даже наукой, надобной вооружению, как кибернетика. Но то не ошибки невежды. Одному человеку, одной партии, все не углядеть.

Мир после победы мог хоть отчасти вздохнуть. А нам оставалось гадать, вступится ли Запад, как некогда за Польшу, хоть за одну из захватываемых нами стран, и мы сгорим в ядерной войне, или Советский Союз под тяжестью подготовки к ней надорвется. Афганистан, за который Запад не вступился, но которому помог стингерами, нам не удалось совмещать с нараставшей гонкой вооружений. Удерживать дальше республики, не применяя оружия, стало невозможно. Российская федерация добровольно их отпустила, но слуги режима ощущали в этом катастрофу, как Сталин 22 июня.

Изменение процедур не изменило природу власти. Секретарь Днепропетровского обкома Брежнев, а потом секретарь Ставропольского крайкома Горбачев, были генсеками, а секретарь Свердловского обкома Ельцин стал президентом России. Ему пришлось произнести много слов, подобных сталинским «Наша борьба сольется с борьбой народов Европы за демократию», пришлось провести немало реформистских церемоний. Но натуральности в этом было не больше, чем у Сталина, ему надо было держаться. И при всех частных и формальных переменах он удержал порядок, спас всевластие государства и силовое господство над народом своей страны. Ныне государство празднует победу, которой не сумело воспользоваться, растратило на захваты, а не на самосовершенствование, и сидит у разбитого корыта.

Советский Союз вместе с союзниками победил Германию. Но в тяжком испытании она преодолела приведший к разгрому национал-социализм. На свободных выборах последыши фюрера ничтожны, в бундестаг они не проходят, хоть могут баллотироваться. Германия, отрекшаяся от тоталитаризма, - самая успешная и богатая страна Европы. А мы победили. Но от 9 мая прошло одиннадцать лет до XX съезда КПСС, признавшего, что не все у нас ладно, прошло сорок лет до позволения не только это слышать, но и самим вслух говорить, прошло сорок шесть лет до отказа от прежней государственной идеологии и заявлений первых лиц, что теперь у нас будет иной порядок. И все равно крах прежнего именуют величайшей геополитической катастрофой, а партия Сталина, собирая на выборах треть голосов, числится главной оппозиционной. Да и правящая, на две трети состоящая из недавних коммунистов, недалеко от нее ушла. Вот и задумаешься, кто победил?

Не впервые в истории нашей страны великая победа тормозит развитие. После победы над Наполеоном, Александр I, до того склонный к отмене крепостничества и общему смягчению режима, стал полагаться на Аракчеева, а его брата и преемника Николая I великий поэт прямо назвал «неудобозабываемый тормоз». Новому царю пришлось после Крыма, как нам после Афганистана, проводить реформы. Тоже хотели обойтись минимумом – не упразднили общину, не созвали думу, монархия не стала конституционной. И недовольство, не получившее возможности открыто себя изъяслять, обратилось не так против реакционеров, как против государственных реформаторов, Александра II убили, а самодовольство самодержавия лишь росло. И на выдохе, создав в 1905 парламент, оно себя не умерило, не отдало и малой толики реальной власти, что и привело к 1917 году. Еще до него другой великий поэт писал:

Сознание страшное обмана

Всех прежних малых дум и вер,

И первый взлет аэроплана

В пустыню неизвестных сфер.

.....

Сулит нам, раздувая вены,

Все разрушая рубежи,

Неслыханные перемены,

Невиданные мятежи...

Так оно и вышло. А нынешняя власть, празднуя день победы, вопреки происходившему в 1985-93, претендует быть такой, как в 1945. И малой толикой не поступает, все в одних руках. Никакими оранжевыми революциями еще не пахнет, на митингах несогласных народу немного. Поэтические пророчества начнут сбываться не завтра, не послезавтра. Но разве обмана было меньше, и неужто компьютер и другие новации, не вызовут, подобно аэроплану, перемен? Совсем не поэт, но крупнейший государственный деятель старой России, немало для нее потрудившийся, сказал: «в конце XIX и начале XX века нельзя вести политику средних веков. Политики и правители, которые этого не понимают, готовят революцию». Так оно и вышло. И вот в начале XXI века еще приходится это доказывать, хотя на руках оружие, покруче прежнего, и власти стоит быть осмотрительней, осторожней.

Говорят, 7 ноября 1917 в Петрограде было убито трое и четыре женщины изнасилованы. Едва ли ныне, когда дойдет, обойдется этим. Поняв, что при политике средних веков неизбежна революция, Ленин ее торопил, а Сергей Витте хотел ее избежать и предлагал царям коренные реформы. Но, ценя его как финансиста и дипломата, цари не слышали. Не хотели слышать и советские вожди, не хотят и нынешние. Казалось бы, победив, легче перейти к здоровой жизни, но начальники сочли, что победа - знак здоровья общественного строя, умалчивая, знак чего поражение первых двух лет.

Победитель часто действует по принципу хоть час, да мой. Но кто победитель? Правильно, советский народ, хоть и не в одиночку. А кому достались плоды победы? Не народу, а Сталину и коммунистической партии. Она и празднует победу. Пора вспомнить, что получил от победы советский народ, что российский, и сопоставить с ценой, которую они заплатили.

Не победа плоха. Благодаря ей, 9 мая 1945 Москва и Ленинград были в лучшем виде, чем Берлин или Дрезден. Плох мобилизационно-тоталитарный порядок, не только немецкий, но и наш, он и обратил у нас победителей в побежденных. Стоит поучиться у побежденных, перед схваткой схожих с нами. Стоит, подобно Германии, скинуть со своей страны проклятие рейха, империи, и тоже не просто отказаться от подавления других, а тоже держать в памяти свои силовые грехопадения. А наши на напоминания о них отвечают, - нечего нам каяться, каялся уже Горбачев, даже Ельцин, и дают в сеть из катынских бумаг выбранные места.

Все мы, пережившие победу в 1945, ее празднуем и будем праздновать, но не вместе. Одни говорят о ней, чтобы молчать о преступлениях, другие

помнят ее ради иной жизни. Но и при таком раздразе от праздника есть прок. Он дает повод подумать, как живем, чтобы людям в глаза глядеть.

Обитаемые острова 20.5.2010

Смысл выборов, как тайного индивидуального волеизъявления граждан, - опознание народной воли, вернее, народных волей. Это у нас в России навязывают единую, «единственно справедливую». В Британии мнение народное не бывает единым, Тут своя фантазия не у каждого барона, а вообще у каждого. Нынче не сразу открылось, кому править, но обнажилась тревога граждан и острота проблем. Главная в том, вчитается ли страна в результаты выборов, не сводящиеся к образованию правительства.

Первый результат – поражение лейбористов, «рабочей» партии, тем более парадоксальное, чтостряслось, когда министр финансов Гордон Браун занял, наконец, пост премьера, от которого его долго оттирали. Он цеплялся за власть ради партии, компрометируя себя, - сперва подал в отставку как ее лидер и лишь потом, как премьер. Выговаривая слова, он с трудом волочил ноги. Из дома, обустроенного в 1736 первым британским премьером и с тех пор жилища премьеров, вышел пожилой человек с женой и двумя маленькими сыновьями, держа младшего за руку, - и как было не сочувствовать человеку честному, не в пример многим однопартийцам. Но его провал закономерен, он не личный, хоть ему и не везло.

Британские рабочие чуть не с начала XIX века обороняли наемный труд, как сферу свободной экономики, боролись против внеэкономических деформаций рынка рабочей силы, против непомерного рабочего дня и скверных условий труда, за социальные гарантии. Отрицать справедливость этой борьбы невозможно. Лейбористы ее подхватили, но после войны сочли самым плодотворным передать государству, которым правили, предприятия независимых работодателей. Их конфисковали, как в России в 1917, только постепенно, без революции и с выплатой компенсаций. Национализация целых отраслей промышленности не только ослабила хозяйство, но преобразила лейбористскую партию. Пусть прежнее ее лицо бывало грубым, но бывало и здоровым, а обретя второе - лицо государственного работодателя, и живя с двумя лицами, она набралась двуличия. И на выборах ее победила прямолинейная Тэтчер, вернувшая экономике свободу, и, едва ли не единственная после войны, здоровье хозяйству, что на деле улучшило положение рабочего класса.

Немногие ныне вспоминают, что «Новые лейбористы» Блэра и Брауна втайне равнялись на Тэтчер. Экономику вели, как при ней, а себя проявляли в политике, - крепили централизацию и поощряли перевес управляющих над специалистами. Но политика сказывается на экономике, и в «новых лейбористах» опознали партию крупного капитала.

Лейбористы уже давно - не партия рабочего класса. Быть может, Браун последний, кто мыслил ее так. А Блэр, понимая, что это лишь вывеска, оттянул провал ценой перерождения. На нынешних выборах партия провалилась не оттого, что ушел ловкий Блэр, как можно счесть, когда

Браун берет вину на себя. Причина в несостоятельности государственного руководства хозяйством. Блэр стал премьером в 1997, после банкротства уже и советского государственного хозяйства. Но кроме государства, у лейбористов, как и у коммунистов, опоры нет, а возврат к положению правозащитников наемного труда их больше не влечет, да и рабочий класс явно сокращается. Браун проиграл не оттого, что они с Блэром пошли за Тэтчер, а оттого, что не пошли дальше нее, что как раз надобно современному хозяйству не в одной Британии. Это задача не одного класса, не одной партии. В России от имени рабочего класса, которого там, в отличие от Британии, до революции еще почти и не было, ее обещали осилить коммунисты. Но хоть лексика марксистов-идеалистов конца XIX века, сталинских палачей и брежневской номенклатуры часто совпадала – этого мало, чтобы счесть КПСС и КПРФ мыслящими благой утопией и откинувшими лишь старое наименование - РСДРП. Лейбористы тоже менялись, сами того не замечая.

Едва ли не громче всех нынешнее положение в стране по ходу выборов осуждал лидер либерал-демократов Ник Клегг. Осуждал, однако, не так лейбористов и итоги их политики, как двухпартийную систему, и звал голосовать за себя, как за свежего человека, несущего снадобье от двухпартийности. В первой из телевизионных встреч претендентов он очаровал публику, и опросы сулили, что если даже он не победит, то какую-то из главных партий оттеснит. На деле однако, - это второй важный результат, - и его партия выборы проиграла, не только не обрела дополнительных мест в парламенте, а лишилась пяти.

Партия либерал-демократов возникла в 1988, объединив остатки давно увядавшей, некогда великой, либеральной партии с социал-демократами, отошедшими от лейбористов. Объединение назвалось «Социалистическая и либеральная демократическая партия», и хоть слово «социалистическая» в обиходе выпало, партия стала социалистической. Остались выходцы из либералов, но партия вышла не либеральная, как лейбористы – не рабочая. Так или иначе, главный результат выборов в том, что обе социалистические партии проиграли.

Либдемы более теоретичны, чем лейбористы, больше ориентируются на интеллигенцию. Их социализм тоже теоретичней. Недаром требования Клегга, вопреки образу мыслей большинства британцев, их индивидуализму и заботе о месте жительства, носили общий характер. Он звал к сближению с Европой, реформе избирательной системы и амнистии нелегальным иммигрантам. А можно ли быть ближе, чем после Лиссабона? Разве что упразднив границы и национальные правительства, всецело отдавшись Брюсселю. Того ли хотят британцы, да и французы и другие? Будь так, власти не боялись бы референдумов о договоре, и не штамповали его в парламентах. Глубокий и прочный союз европейских государств – дело хорошее. Но именно союз, а не слияние в единое государство.

Оно – попытка отдать некоему центру решение конкретных проблем многих стран. В СССР решала Москва, в ней росло население, подымался уровень жизни, но прочим реального прока не было. А страна это и есть прочие. Экономическому взаимодействию стран разного уровня нужны

отдельные балансы и учет возможностей каждой. Иначе соседей не догоняешь, а вынуждаешь за тебя платить и втягиваешь в кризис, вроде кризиса евро. Нику Клеггу желанна Британия в зоне евро, то есть меж тех, кто нынче должен платить за долгую безответственность греческих потомственных социалистических правительств. А поддержка бездумно хозяйствующих совсем не то, что помощь пострадавшим от пожара, наводнения или землетрясения. Единая валюта для государств разного уровня как раз и поощряет бездумность. Крепость союза зависит от автономных действий союзников. Слияние пагубно подменой решений союза волей начальства, там ответственность несут перед ним, а не перед населением.

Так не только с союзом государств, но и с разными частями одного. Жители страны не парят в воздухе, они обитают на разных территориях, исторически сложившихся по-разному, не только Шотландия отличается от Уэльса и Северная Ирландия от Англии, но и Эдинбург от Глазго и Корнуэлл от Кента. Им всем необходима автономность представительства в общем парламенте, и стало быть, голосование в округах – более демократическое, чем общее пропорциональное. Важно, конечно, чтобы округа были примерно равны по числу избирателей, но отказ от них в принципе – это отказ от демократии. В России, голосуя за партии, в которых никого, кроме лидера не знают, люди не ведают, кто представляет их в Думе. Это раздел власти меж партиями, имеющими свои интересы, а не система представительства населения.

Можно, конечно, проводить в округах второй тур. При нынешнем раскладе голосов, если бы в округах, где лейборист и либерал-демократ вместе набрали больше, чем победивший консерватор, их избиратели во втором туре дружно голосовали за общего кандидата, лейбористы, с помощью либдемов, удержали бы власть, а либдемы прибавили бы себе мест двадцать, и остались третьей партией. Этого ли хотел Клегг? Напрасны и надежды на предложение избирателям не просто выбирать желаемого, а указывать в бюллетене меру желательности всех, и потом, если никто не соберет 50% присчитывать эту желательность остальным и числить победителями собравших больше таких вторичных и третичных голосов. Уточнения от такого сложного порядка будут невелики, а почва для злоупотреблений вырастет. На выборах расплывчатость результатов порождается инерцией и нерешительностью избирателей, ныне явными. Чтобы их преодолеть, кандидатам и партиям надо точней определять свои позиции, лучше их увязывать с интересами избирателей, не только текущими, но и дальними.

Амнистия нелегальным иммигрантам ими наглядно пренебрегает. Не рассматривается существо проблемы, не выясняется, почему в стране работает более миллиона нелегально живущих иностранцев, законами почти не защищенных. Многие из них достойны сострадания и нелегальный въезд в страну - часто их единственный грех. Но массовая амнистия не только не изменит положение, а станет поощрением нелегального въезда, пока есть на то причины. А тут много неясного. Непонятно, растет трудовая иммиграция из-за нехватки рабочих рук, что, при явном сокращении рабочего класса, странно, или она позволяет платить бесправным иммигрантам сильно меньше, чем британцам. Уже

этим она противоречит интересам британских трудящихся, не говоря о конкуренции, о бенефитах и т.п.

Обременяет проблему и то, что ни ООН, ни двадцатка, ни восьмерка, не спешат внятно определить, в какой мере иностранцы могут практиковать на территории других стран свои обычаи, несообразные внутренним. В одних странах религии и идеологии, отличающиеся от местных, запрещены, в других дозволены, и то и другое считается одинаково правомерным. И вот уже религии и идеологии, не дающие там, где господствуют, существовать другим, идут дальше и требуют повсеместного запрета им возражать или, упаси господь, над ними смеяться, как смеются над религиями и идеологиями своих стран. И вину в агрессивной нетерпимости к равноправию стран и религий, из которых пришли иммигранты, часто возлагают на них, хоть причастны лишь единицы, а большинство лишь не противится нетерпимости своих к чужим. Но молчание воспринимают как согласие.

В Британии и помимо британских граждан, ряд категорий практически полноправен, - это граждане Европейского союза. (Заметим, что другие страны Евросоюза, кроме Британии и Ирландии, не дают новым гражданам Евросоюза работать на их территории. Вот и видно, кто на деле больше европейцы!) Это и иностранцы с разрешением проживать неопределенно долго и получившие право убежища. Но есть немало людей с временными правами - на работу, учебу и другое пребывание, и они порой переходят на нелегальное положение, наряду с нарушителями границ. Борьба с такими нарушениями шла бы успешней, прояснись, сколько иммигрантов и каких стране на деле нужно, и кому выгоден искусственный рост их числа. А милосердие к нелегальным иммигрантам можно бы начать, дав им возможность в индивидуальном порядке просить о статусе проживания, и принимать решения, учитывая трудности положения каждого. Но Клегг и тут не конкретен.

На фоне поражения обеих социалистических партий консерваторы выглядят победителями. Они недобрали лишь двадцать мест. Главным образом, потому, что политика Блэра и Брауна радикализировала часть консервативных избирателей. Они ушли за партией британской независимости и национальной. Те живы настроением, не видят объективной реальности, а национальная партия пренебрегает и нормами общежития. Но вместе они собрали, то есть, отняли у консерваторов, почти полтора миллиона голосов, сами не получив и одного места. В моем избирательном округе лейбористка обошла консерватора на 42 голоса. А партия независимости взяла 408, способных изменить ситуацию, да еще национальная - 328. Необходимые двадцать, а возможно и больше мест, отнял у консерваторов именно правый радикализм, и нелепо объяснять их нехватку не столь уж якобы сильным недовольством лейбористами. Нет, именно рост недовольства толкнул умеренно-консервативных избирателей к радикалам. Лейбористы как бы ударили консерваторов с тыла. Бывает. Но и консерваторы не объяснили избирателям социальную ситуацию.

Выборы шли в атмосфере традиционного противостояния капитализма и социализма, хоть оба понятия давно отражают иную реальность, не

вполне осознанную. Избиратель отверг обе социалистические партии, но лишь за их неспособность на социалистический манер улучшить жизнь большинства. Не взято в толк, что не Браун виноват, а это им не сделать в принципе, и если порой они жизнь улучшают, то нарушая свои принципы. Социализм – это не царство божие на земле, а государственное руководство хозяйством. Его пророк и первый творец Ленин веру в него ставил выше нравственных понятий. Социализм возникал с разными знаменами, разными идеалами, разными авторитетами, но всюду пришел к схожей обыденности. Наивны рассуждения о его конце и чуть не конце истории со ссылками на распад СССР или рыночные отношения в Китае. Но не только потому наивны, что ни Китай, ни Россия, ни добрая половина советских республик, не одолели тоталитарное прошлое и, напротив, его укрепляют.

Социализм, как государственное руководство хозяйством, берет ныне верх во многих, освободившихся от колониальной зависимости странах тем, что укрепляет положение правящего слоя. Его идеологии уже не обязательны Ленин, путь указан! Он может не опираться на марксистскую мифологию, как было в России, или на искаженное ницшеанство, как было в Германии. Ему отлично служит религия, и фундаментализм, и революционные ее формы, и языческая мифология, и вольные наборы светских суждений. Суть не в оболочке, хоть и влияющей на содержимое, суть во внеэкономическом руководстве хозяйством и всей жизнью, и выгодах от него управляющим, затем и формирующим свои организации, партии, церкви, элиту, и не терпящим независимых. Начав с призывов к свободе, равноправию и благоденствию для всех, поговорив о реальных людских бедствиях и политических ущемлениях, создав левый, демократический фронт против частной собственности и предпринимательства, социализм, взяв власть, совершил полный поворот кругом.

Путая понятия социалистическое и социальное, твердят, что, как социалистическая, советская система, хоть и тоталитарная, сняла социальные проблемы. Дескать, в СССР не было безработицы и бесплатно лечили. Закрывают глаза не только на огромную скрытую безработицу или нищету медицинских учреждений, но на совсем разный уровень оплаты труда, не говоря о пособиях по безработице, часто превышающих советскую зарплату. Популярное суждение, будто русские жертвуют свободой ради материального благополучия, подброшено новой российской пропагандой. Большинство благополучия не знало, а от свободы не отказывались, ее отнял ГУЛАГ. В этом он преуспел. Очевиден факт, что левые социалисты, беря власть, перестают быть либералами и демократами, делают общество тоталитарным. Вполне это удастся лишь после захвата абсолютной власти, - в российском варианте, после разгона Учредительного Собрания, но тенденция проступает и в демократических странах, хоть социалисты еще не всевластны. Она проявилась и в принятии без санкции населения Лиссабонского договора, ограничивающего суверенитет, и в введении лейбористами платы за высшее образование. Органичность тоталитаризма социалистическим партиям все еще не осознана не только в России, но и в Британии, хоть и здесь он понес поражение. Браун ушел, но братья Милибанды отряхнулись и гнут свое.

Тяжелую ситуацию создают, однако, не просто козни левых, а то, что они неверно диагностируют реальные болезни общества и навязывают лечение, которое хуже болезни и опасно для жизни. Маргарет Тэтчер спасла Британию от зловредных лекарств, вернула ее к старым нормам и, тем самым, в ряд первых стран мира. Но уже она порой сама подрывала свои добрые намерения. Она ждала и от науки прямой прибыли, а то, что механизмы отдачи, как и вся экономика этой сферы, иные чем в производстве упускала. Маркс внушал, что лишь физический труд создает ценности, и советская идеология, вульгаризуясь, объявляла, что сознание чернорабочих глубже, чем у академиков, и чернорабочие их воспитывали. Запад смеялся, но безмерно возросшая роль умственного труда в создании ценностей и тут не осознана и в экономике не учтена. Даже экономическую роль природных ресурсов еще не вполне учли. Развитие техники незримо меняло отношения, а сознание не улавливало смысла перемен, все хотело прежнего, стабильности, консерватизма, ставшего главным противовесом социализму, не имея для этого сил. Это печально, если не трагично.

Реальности современного мира, незаметно для общества изменились. Не только архитектура городов или облик женщин, но и многие формы экономических отношений. А современное сознание либо держится старой догматики, либо впадает в полную десемантизацию, отказывается видеть в явлениях присущий им смысл. В России, так и не узнавшей реального либерализма, но лишь маскарадный костюм постсоветского "демократического" самодержавия, самое слово «либерал» обратилось в «либераст» и звучит, как «педераст», для толпы – символ извращенности, а фашиствующее кодро Жириновского, выбалтывающего угодные толпе политические конструкции авторитарной власти, именуют либерально-демократической партией. Но и Запад, не одна Британия, обратил либерализм лишь в форму поведения, а живет не поисками смысла перемен, а стычками устойчивых позиций, спорами социалистов и консерваторов, Обамы и Сары Пейлин, а либерал- республиканец Маккейн, – для обоих лишь переходная ступень.

Перемены остаются непонятыми. А рабочий класс сокращается. Сложился класс пролетариев умственного труда. Сырья недостает. Банковские мэнеджеры принимают, как должное, многомиллионные бонусы. В хозяйстве и публичной деятельности все больше управляющих, перенявших у владельцев практическое руководство. Рост их числа параллелен общей концентрации и монополизации. Социализм, существовавший в СССР, как абсолютистский, предоставил управляющим (номенклатуре) полную монополию на руководство и сделал общество закрытым. На Западе управляющие (мэнеджеры) до абсолютизма еще не дошли и общество открыто. Но мэнеджерское правление мощных промышленных и финансовых корпораций корежит там рыночное ценообразование, в СССР отброшенное, а в открытом мире прежде определявшее ценности близко к реальности. Класс управляющих, с их особыми интересами, снизил стихийность ценообразования, и движение рынка хуже и слабей подпирает производство, предложение и спрос. А Евросоюз, даже в нынешней, межгосударственной форме уже завел полчища менеджеров. Еще два шага и обратится в Советский Союз. Под другим псевдонимом.

Лишь свободные либеральные умы могут, вырвавшись из вчерашних догм, осознавать объективно идущие изменения социальной структуры, появление новых классов, сокращение рабочего класса и почти исчезновение в развитых странах крестьянства. Лишь наблюдая параллельные процессы в социальных структурах с их противоборствами и в экономике с ее кризисами, можно понять сдвиги в производстве и обмене, и выяснить, вызваны они бессилием экономики совладать с модернизацией, или, напротив, политики, рвущейся ее направлять, или органическим саморазвитием. А как-то это понимать нужно каждому избирателю, чтобы сообразить, в чем состоят его интересы и за кого голосовать, чтобы их представлял. Тем более надо сознавать это власти, желающей жить не только текущим днем.

Прежние власти не ощущали этой надобности и неизвестно, как новые. Камерон в своей речи перед входом на Даунинг стрит 10 говорил, словно к сдвигу склонен. Дань ли это риторике или уже немалая часть консерваторов ощущает надобность в либеральном сдвиге, хоть и традиция жива, и активизировались более правые партии? Менее ясны чувства Клегга, в ходе выборов клонившегося к главному, социал-демократическому крылу своей партии, но не полностью же в ней пропали либералы. Камерон и Клегг прагматически связаны. С такой же настоятельностью практика может вдруг потребовать от них разрыва. Но может и подсказать, что их либеральное единение более плодотворно для страны, нуждающейся, как и Европа, и США, в сильной либеральной партии. Британии привычно пролагать пути. Но судить рано, такая перемена заденет многих, еще не решившихся.

Либерализм привыкли сводить к терпимости, между тем именно он в XVIII и XIX веках менял лицо Западной Европы, развязывая свободу. Он требует мужества, в прошлом веке ушедшего на военные действия. Готовность на них отвечать нужна и либералу, но ему предпочтительней мир в условиях откровенности. Социалист или консерватор рады пресечь оппонента, осилить, облапошить, либерал - дает ему себя проявить, шутит над его наивностью, но обнажает его агрессию. Либерал - за конкуренцию, а не за соглашательство. Джон Кеннеди или Генри Джексон советской атаке противостояли, а Никсон или Форд уступали многое во имя обещаний очень немногих. Британия исчерпала предел неопределенной безопасности. Ей надо видеть, что имеет место в стране и за рубежом. Либерализм силен свободой не одних правителей, и независимостью, не ликвидирующей свободу. Он удобряет ими почву не для одних боеголовки. Традиционным консерваторам и, тем более, социалистам, это трудно понять, вот они и в Европе, и в Америке, перекидывают власть друг другу, не меняя ситуацию. У Камерона есть шанс.

Преращения абсолютности 5.6.2010

Когда чилийский диктатор генерал Пиночет оставил пост президента, испанский судья Балтасар Гарсон решил, что настала пора его наказать. Хотел глобального правосудия, хоть нет ни глобального закона, ни глобально признанного суда. Гарсон взял себе право по личным законам судить любого. Его логика проста: преступление – это преступление, преступник - это преступник. Где было дело – дело

второстепенное. И вот, живя в Испании он стал судить Пиночета, оказавшегося в Англии. Но британские судьи Пиночета не выдали. Как практики, они понимали конкретность всякого приговора, обусловленного многосторонне, а их испанский коллега, как идеолог, дорожил в приговоре поучительным обобщением.

Тот скандальный политический эпизод, как почти все в наши дни, выглядел схваткой двух лагерей, якобы прогрессивного и якобы профашистского. Живущим вне зоны тут любопытна, однако, не столько политика того или иного тоталитаризма, сколько сам способ понимания вещей. Совершить преступление - означает преступить закон. Оно не просто пакость, за которую на дуэль вызвать можно, а к суду не притянешь, не все пакости противозаконны, тем паче, что законы порой пакостны. Они, к тому же, меняются, и не только в 1917 или 1991. За обмен валюты, запрещенный в СССР, сажали на несколько лет. Но по ходу суда над Рокотовым и Файбышенко власть вдруг решила: «А мы тот закон переменим!» И переменила, - по закону, введенному после совершения преступления, их расстреляли. В обменниках этого не помнят, это еще не стало снова преступлением.

При всем том, законность лучше беззакония, как «свобода лучше несвободы». Тоталитарное государство, публично гримирующее несвободу под свободу и беззаконие под закон, уже тем лучше тоталитарного государства, вверившего беззаконие тройкам, что своей несвободы стыдится, а не возводит ее в принцип и бесстыже демонстрирует. Но ни эпохи, ни империи, ни оценки преступлений не единообразны. Для одних - преступление, для других – подвиг. И наоборот. Но с нормой, установленной любым государством, приходится считаться, как с законом, не только его гражданам, но и другим государствам, устанавливающим нормы совсем иначе, - это одна сторона проблемы.

Но есть другая, - а судьи кто? Я тоже считаю Пиночета преступником. Три тысячи человек, погибших при перевороте, хоть и сильно меньше, чем у нас в 1917, 1929 или 1937, но чилийским законом не предусмотрены. Трудно бы возражать, возмись чилийский суд судить Пиночета, пусть потом допустившего до выборов либерального кандидата, и, проиграв, передавшего ему власть. Судья Гарсон был прав, говоря, что Пиночета надо судить. Но неправ, сам взявшись выносить ему приговор. У всякого есть право на осуждающую оценку, но не на приговор, предполагающий наказание.

Претендуя на универсальность, Гарсон видит преступление, но незаконно вручает испанскому суду право судить чилийца, преступившего закон не в Испании. Почему Пиночета не судили в Чили ему не важно. Он не хочет допустить, что чилийцы, осуждая действия Пиночета, могли найти ему смягчающие обстоятельства, счесть, что он уберег их от гражданской войны, которая унесла бы больше трех тысяч, и возродил экономику, и могли его простить. Неотвратимо наказать преступника требует не только закон, но и логика террора. Убийцы Джона Кеннеди не обращались в суд, а сами присудили его к расстрелу и сами расстреляли. Судья Гарсон просто не имел средств привести свой приговор Пиночету в исполнение, вот и все

отличие. К тому же, закон допускает возможность оправдания, а террор – лишь расстрел. Судья Гарсон - преступил закон подсудности. И это преступление.

Обычно люди подсудны суду страны, гражданами которой являются, хоть и не все ее законы справедливы, и власти не всех преступников судят, да еще осуждают невиновных. За рубежом судят тамошние суды, хоть в их законах иная справедливость, чем на родине обвиняемого. Прийти к согласию позволяет лишь договоренность государств. В Европе создан Страсбургский суд. Но и его порой принимают в штыки. Отчасти потому, что он не судит по специальному общеевропейскому кодексу, а проверяет законность решений местных судов разных стран. Но не только поэтому.

Он, к примеру, одобрил осуждение латвийским судом партизана Кононова, который с товарищами во время войны, в 1944 году, убил девять мирных жителей, включая женщину на последнем месяце беременности и заодно ее нерожденного младенца. Российская Государственная Дума считает убитых не мирными жителями, а пособниками оккупантов, донесшими о местонахождении партизанского отряда, по их доносу уничтоженного. Отказ Страсбурга признать ненаказуемым убийство заподозренных в доносе Российская Дума сочла попыткой пересмотреть итоги Второй Мировой войны. И возражать было бы трудно, найдись даже доказательства, что донесли другие. Кононов мог тогда не иметь возможности расследовать дело достаточно тщательно, - война требует быстрых решений, увы, нередко ошибочных, артиллерия бьет по своим, партизаны нередко тоже. И я бы согласился, скажи Дума, что на войне невозможно безупречно просчитать конкретную обоснованность каждого боевого выстрела.

Но согласиться мешает женщина, убитая на девятом месяце беременности, чего Кононов и его товарищи, не могли не видеть, и что отлично известно Государственной Думе. Но она все равно протестует против решения Страсбурга, провозглашая этим, что убийство беременной и нерожденного младенца, да еще с особой жестокостью, - не только было на войне обыденным, но служило победе над гитлеровцами. Тут вспоминается, что как раз русский писатель, не немецкий, не латышский, за сто лет перед тем уверял, что нельзя замучить одного маленького ребеночка даже для счастья всего человечества. Возможно, Кононов этого писателя не читал и во время войны его соображение не учел. Но трудно предположить, что в мирное время о нем не слышали депутаты Государственной Думы, имеющие среднее, а то и высшее образование и даже ученые степени. Они его отвергли вполне сознательно. Своим решением Дума установила, что убивать ребеночков, даже нерожденных, и их беременных матерей ради благих идей и великой победы, очень даже можно. А даже советская власть, такое нередко проделывавшая, не утверждала такого открыто.

Президент Ельцин жалел, что отбросив марксизм-ленинизм, Российское государство не завело новую идеологию. Такие сетования звучали и при Путине и при нынешнем президенте. А уже при Ельцине и после него решения Государственной Думы, указы Президента, суждения премьер-министра, приговоры российских судов, формировали новую идеологию,

подсказавшую ныне ответ Страсбургу. Кононов наивно верил, что война все спишет. Дума возвела его веру в принцип. Она в мирное время учит, как поступать, если, не дай бог, война.

Эта резолюция – свидетельство не просто того, что наша Государственная Дума, принявшая ее единогласно, состоит из людей оправдывающих явную преступность, оговоренную даже советскими законами, не говоря о христианских моральных нормах. Ни Председатель Конституционного Суда Зорькин, ни премьер-министр, Думе не перечили, а президент ее даже поддержал. Но не возразил и судья Гарсон, и прежде не спешивший судить российских преступников, истребивших, руководя государством, не то что слабак Пиночет, побольше трех тысяч и даже трех миллионов сограждан. Судья Гарсон выбирает подсудимых по вкусу, и правосудие у него не универсальное, а избирательное, политическое. Провозглашая, при отсутствии глобальных кодексов и глобального уголовного суда, глобальную подсудность, настаивая на праве любого суда судить любого подозреваемого, независимо от гражданства и места преступления, судья Гарсон уподобляется не только Бен-Ладену, убивающему, тоже на такое не оглядываясь, но и Российской Государственной Думе. Он тоже не объявил свою систему взглядов идеологией. Но никуда не деться от того, что столь разные, казалось бы, фигуры держатся единых взглядов, убеждены, что сама по себе политическая выгода юридически и нравственно справедлива.

Природу этой идеологии проясняет то, что Дума не просто вступилась за старика Кононова, которому Страсбургский суд и не дал реального наказания, лишь моральное, которое его не колышет. Думу беспокоит, что решение суда влечет за собой пересмотр итогов Второй Мировой войны. Она прежде, оказывается, не заметила, что, кроме необратимых, главные итоги войны давно пересмотрены. Вернуть к жизни десятки миллионов ее жертв, увы, никому не под силу. Вернуть власть в Германии национал-социалистам невозможно, немецкий народ глубоко осознал национальную трагедию их двенадцатилетней власти, и на их возврат нет даже намека. Иная судьба у других итогов войны. Советский Союз избавил Восточную Европу от нацистского тоталитарного режима. Но этот итог сразу пересмотрел, установив там советский тоталитарный режим, сброшенный Восточной Европой не так давно, что депутаты, видимо, запомнили.

Особенно удивительно, что они забыли пересмотр главного для нашей страны итога. Советская империя в ходе войны обильно расширилась и вышла в сверхдержавы, какой прежде не была. Это укрепило уверенность властей, не одного Сталина, в незыблемости советского порядка и надежности коммунистической идеологии. Но не прошло и полувека, как победа, - побудившая еще уверенней следовать прежним курсом, внушившая многим у нас и за рубежом веру в его правильность, - именно этим привела к поражению. Не военному, - Афган его лишь ускорил. Не идейному, - наша власть поныне не отреклась от еще ленинской веры в силу, руководящую по вертикали всем обществом, и навязывания своего руководства. Поражение было экономическим.

Номенклатура не устояла в соревновании с капиталистами, хоть и у тех не все шло гладко, но наше отставание в сбалансированности доходов и

расходов, в развитии техники, в производительности труда, в уровне жизни, неуклонно нарастало. Возникла острая нужда в перестройке, которую коммунистическое руководство сумело даже провозгласить, но не свершить. Империя удержала лишь свою эРэСэФэСэРную часть. Коммунистическую идеологию пришлось отбросить и надеть неопределенно-авторитарный наряд. Даже хозяйству пришлось придать вид частного, вырядив министерства независимыми концернами. Многие у нас и, еще больше, за рубежом переодеванию доверились. О мере сохранности советских порядков в укороченной, но частично обновившейся империи спорят. Но беспокойство Государственной Думы по поводу возможного пересмотра итогов Второй Мировой войны подтверждает, что наш высший орган власти не считает изменения, происшедшие в стране за последние четверть века, коренными, и видит ее порядок по сути не пересмотренным, таким, какой отстояли в войне. В этом с Государственной Думой невозможно не согласиться. Коренных перемен общественного порядка не произошло.

Здесь и проверяются взаимоотношения универсальности и конкретности. Не то, что универсальности нет места, не то, что мировоззрение – нечто ненужное и ложное, как нынче верят многие. Такой взгляд идет отчасти от того, что в XX веке мировоззрения упрощались, перерастали в директивы и команды, то партии, то захваченного ею государства. Ясное, хоть и утопическое, мировоззрение Маркса в этих директивах преобразили в идеологию марксизма-ленинизма, путающуюся в противоречивых догмах, но внятную в реальных действиях советского государства. Точно так же Треблинка и прочие акции Третьей империи выразили нацистскую идеологию еще отчетливей, чем даже «Майн кампф». Большинство активных гитлеровцев предстало перед судом. Сталинцы, кроме убитых Сталиным, его избежали, поскольку правили после его смерти, да и поныне при власти. При этом конкретные действия Сталина шумно осуждались. В СССР и в России пострадавшие при нем могли индивидуально подать прошение о реабилитации, и прошения часто удовлетворяли. Но ни при Горбачеве, ни при Ельцине, ни при Путине с Медведевым, власть законодательно не признала, что многие статьи Уголовного Кодекса и законы противозаконны, и не реабилитировала осужденных по ним без их прошений.

Конкретное решение суда признать ошибочным у нас могут. Другое дело фундамент порядка, - он навеки неоспорим по содержанию, хоть и меняют формы. Наше государство исходит из того, что власть кругом права, просто потому, что она власть. Предшественников выгораживают преемники, даже с ними не соглашавшиеся. Сталин после победы над Японией сказал «Сорок лет мы люди старшего поколения ждали этого часа», хотя партия большевиков, одним из вождей которой он был, войну осуждала и победы над Японией не хотела, - победа усилила бы царскую власть. Нынешние правители легко осуждают Сталина за разные конкретные дела, Путин ездил в Бутово, а Медведев даже назвал катынские убийства преступлением. Но даже в не круглую дату, пышно празднуя победу, народу не говорят, что в том, что нацисты дошли до Волги, виновен Сталин, что на войне он миллионы советских людей погубил зря. Главному виновнику поражений, мимоходом ему попеняв,

приписали главную роль в победе потому, что победу объясняют его силовым режимом, и этим славят такой режим.

Суждение власти, идеологическое или практическое, у нас абсолютно. Потому наше государство и приняло закон, которым, как судья Гарсон разрешил себе судить, пренебрегая подсудностью, разрешило себе убивать, кого сочтет нужным, без суда и следствия, не только на своей территории, но в любой точке земного шара. В тот миг, когда президент Путин этот закон подписал, Советская власть в самом деле «встала с колен». Ничтожные западные лидеры, не чета ни Черчиллю, ни Рузвельту, ни де Голлю, ни Аденауэру, это проглотили, признали за Россией такое право, не заикнулись, что и себе возьмут право убивать, кого сочтут нужным, в России. Они показали неспособность обороняться на равных. Стало быть, есть лишь одна сверхдержава, и это не Соединенные Штаты, как они ни пыжаты, а Россия, ужавшийся Советский Союз.

Сверхдержавность не в богатстве страны, не в уровне жизни людей, не в мощи армии, - военное превосходство перестало быть решающим, как было еще при равновесии СССР и США. Покорить военными средствами страну, готовую сопротивляться, ныне невозможно, - можно лишь уничтожить, а для этого превосходство не обязательно, достаточно решимости. На нее надеялся уже Гитлер, да тогда еще не было ни ядерного, ни электронного оружия, и дело затянулось, на чем он и погорел. Но речи Ахмадинежада - не пустой звук, многие уже готовы отступить, а остальных он, не колеблясь, уничтожит. Он не шутит. И есть еще более решительные.

Из сознания абсолютной правоты исходил Ленин. Затем и увел из социал-демократического движения партию особого склада. Такая явилась впервые в истории, и, хоть не вдруг, но стала «партией всего народа». Итальянский социалист свою отколовшуюся партию сразу назвал партией единения, по итальянски – фашистской. В Германии единство поняли как национальное, и назвались национал-социалистами. Иные партии единения бывали не социалистическими, а чисто шовинистскими. Тотальный абсолютизм разноцветен.

Судья Гарсон перенес политику в право, стер различия личного суждения и суда, частного мнения и приговора. Но за ним уже не так вера в абсолютную правоту одного класса и одной партии, как бездумность общества, готовность не входить в суждения и мнения, лишь внимать приговорам, если не судов, то средств информации. В нынешних кривых партийных зеркалах едва проступают проблемы современной жизни. Они выпали из сознания, застрявшего в социальных схемах позапрошлого века, не заглядывающего за шаблоны. А кризисы, политические и экономические, как раз и вызваны нежеланием заглянуть, утратой умственной активности в открытых полемических формах, не заслоняющих политкорректностью точность в обращении с фактами.

У нас полемику заменяет человек с ружьем. Бог весть почему начальству на посту президента ФИДЕ угоден Кирсан Илюмжинов, нанесший шахматной игре явный ущерб. Бог весть, чем худо ему избрание экс-чемпиона мира Анатолия Карпова, принимавшего прежде добрые чувства

начальства и старания мешать его соперникам, хоть при своем огромном шахматном таланте, он и без попечителей взошел бы на высшую ступень. Видимо, как профессионал, он в отличие от Илюмжинова, острее ощущает нестыковку развития шахмат и претензий к ним нашей власти. И на поддержку Карпова коллегами-шахматистами, включая бывших соперников, Корчного и Каспарова, власть ответила вооруженным захватом дома шахматистов. Трудно наглядней выказать абсолютистскую природу нашего государства, чем этак опрокинуть шахматную доску, то есть, применить силу в игре, живущей ухищрениями ума. А нам все толкуют про движение к демократии. Ведь и судья Гарсон считает себя демократом.

По закону беззакония 20.6.2010

Путин начал государственную деятельность обещанием поддерживать и укреплять диктатуру закона. Не таил, чего ждать от его предстоящего нескончаемого правления. Людям нравилось слово «закон», но что такое «диктатура» они забыли, ожидали, что диктатура закона – это его строгое соблюдение, непререкаемое и нерушимое.

Едва ли, однако, Путин был столь наивен, как сограждане. Студент он был, видимо, не слабый, а профессора ЛГУ не сплошь малограмотны. Значит знал, что такое «диктатура». Ленин сказал прямо: «Диктатура означает неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон власть», Сталин еще прямей: «диктатура есть неограниченное законом насилие». Оба диктатора определяли диктатуру со знанием дела. На то и неограниченное насилие, что диктатура не закон, а воля власти. Беззаконие. Не усвой Путин эту основу советской государственности, не видать бы ему диплома юриста.

А разве не на силу опирается закон? Или государство не орган легального насилия? Разумеется, разумеется! Но ограниченного! На месте преступления или, имея ордер, вас можно арестовать, но коснуться пальцем, тем паче стукнуть, если не оказываете сопротивления, нельзя. Кто стукнул – сам преступник. Если государство ему это спустит, оно из органа легального ограниченного насилия разом станет диктатурой, ибо суть диктатуры, как верно учили Ленин и Сталин, в неограниченной власти, неограниченном применении силы.

«Диктатура закона» - сочетание противоположных по значению понятий, на деле несовместных. Такое филологи зовут «оксюморон», оно не редкость в художественной речи, и своей парадоксальностью обнажает глубину смысла, Толстой не по незнанию языка или жизни назвал пьесу «Живой труп», а Фет писал о радости страданья. Парадоксальная мысль Путина тоже ясна, он понимал зачем назначен.

Диктатура номенклатуры, именовавшаяся диктатурой пролетариата, хоть и внушала, что экономика - базис, а политика, власть и прочее – лишь надстройка, сама и знать того не хотела, и довела экономику до краха, который не мог остановить ни загадочный Андропов, ни убогий Черненко, ни замахнувшийся, но медливший Горбачев. Ельцин, Гайдар и Чубайс, взвалив кризис на граждан и сменив вывеску, спасли власть

номенклатуры. Но порядок закачался. Чтобы его удержать, Ельцин обернулся к конторе, и прежде профессионально наводившей порядок, и выбрал Путина.

Страну впервые возглавил профессиональный чекист. (Андропова бросили на КГБ с партийной работы, неудачного претендента Шелепина – с комсомольской.) А Путин с молодых ногтей уважал Чрезвычайную Комиссию и ее чрезвычайные, ничем не ограниченные меры, без которых советской диктатуре было не устоять. Он оперся на внутриноменклатурный компромисс, - не возрождая «марксистско-ленинскую» демагогию, поддерживал более гибкие, псевдо-частные формы государственного хозяйства. И при этом беззаветно защищал власть своего класса, номенклатуры, не давая всяким Ходорковским использовать обстоятельства, чтобы отсечь от государства личное хозяйство, стать впрямь «частниками». Но внутриклассовый компромисс не всегда ведет к компромиссу и с другими классами, каковым дорожат государства ограниченного применения силы, которые нашей номенклатуре не указ.

Путин, в отличие от Ельцина с Чубайсом, не лгал. Он честно выговорил «диктатура». Но в форме закона! Что сие значит? Закон - это норма, правило, вводимое государством с согласия общества. Из правила допускаются исключения, тоже наперед оговариваемые. Диктатура тоже вводит законы и правила, тоже оговаривает исключения. Но она допускает еще неоговоренные исключения, буде они понадобятся. Ради них ей не нужно всякий раз приводить закон в соответствие с реальными действиями. В законе может стоять: «каждому гарантируется свобода мысли и слова». Но это не значит, что газеты или телевидение обязаны печатать или показывать каждого. Они тоже свободны публиковать лишь удобное власти. А свобода мысли и слова - не безответственность. Если надумаете менять власть, служба безопасности вас остановит. Это ведь служба безопасности власти, а не страны. Иные говорят, что в России нет свободы мысли и слова. А многие слова и мысли разрешены. Свободен и личный обиход, за ошибочные суждения в беседе с женой теперь не сажают. И даже с приятелем говорить еще дозволено. Слово «диктатура» включает в себя все такие возможности.

Для диктатора закон – это его воля и воля подчиненных по вертикали, которым он доверяет. Путин не виноват, если вы поздно его поняли. Еще до него ввали, что в девяностые взяли верх диссиденты, и Гайдар с Чубайсом, да и сам Ельцин, - из них. Горбачев справедливо повторял, что перестройку начала партия, до части которой, - не той, что потом составила КПРФ, - дошло, что править по-прежнему невозможно. Но его не только не слышали, а объявляли предателем. Не запомнили и демонстрировавшееся по Первому каналу одиночество Сахарова среди новых народных депутатов, уже тогда явивших предел своего вольномыслия. Ковалева или Солженицына тоже не двигали в президенты, ни СССР, ни России. Номенклатура, - не упустившая власть, но боявшаяся упустить, - предпочитала Путина.

Никто не собирал подписи, требуя его ухода, не носил плакаты «Россия без Путина!» Десять лет назад многие восклицали «Путин – наше все!»

Конечно, в роли президента России, якобы освободившейся от власти КПСС и КГБ, Путин и тогда был смешон. Но он не захватывал власть, а получил от уцелевшей номенклатуры, и на новый пост баллотировался уже его фактически заняв и располагая несопоставимыми с другими претендентами возможностями. Так или иначе, он - видный сотрудник КГБ, и президент из конторы, более семьдесят лет насилувавшей страну, напомнил, что на деле советская власть жива. Это не изменить формальностями. Участник группового насилия над страной, даже обвенчавшись с жертвой, не внушает доверия, как ее государственный муж.

Но дело не так в нем лично, как в том, чего номенклатура от него ждет. Ленин еще перед Октябрем, в книге «Государство и революция», выдвинул проект директивно управляемого единого централизованного хозяйства, которое и затрещало в восьмидесятые. Навязывая на три четверти века диктатуру государства над хозяйством, великий политик ощущал, что, при всей красоте, диктатуре чего-то недостает, и уповал на соревнование. Но фанатизм помешал гениальному уму смекнуть, что под руководством партии, наперед знающей, кому лучше победить, у соревнования нет шансов быть реальным. А у презренного капитализма, все еще опутанного разными нерешенными проблемами, есть одно реальное преимущество перед нашей утопией. Там не системное, а лишь конкурентное общество. Потому и приходится полней реализовывать свои ресурсы, лучше считать, ставить во главу угла деловые, а не политические качества. У нас, конечно, есть преимущества при всеобщей мобилизации. Но невозможно вести ее беспрерывно. Самопожертвование имеет пределы. Люди хотят жить. Что Путину с этим делать?

Неограниченное применение силы, даже сперва продуктивное, неизбежно ведет к разорению, как у нас и вышло. Зло не только в отсутствии демократии, необходимой конкурентному хозяйству. Здравая и не слишком корыстная власть осознает пагубность непомерного насилия правящего класса. Александр II освободил крестьян и провел судебную реформу, наметившую предел беспределу. Через поколение - в конце века и начале нового - Россия преуспела в развитии. Путин мог пойти по такому пути. Но уже сын и внук убитого царя с него свернули, и противились дальнейшим реформам, чтобы еще больше не ущемить правящий класс. А Путину пришлось бы ущемлять вознесшую его номенклатуру.

После царей власть в итоге захватили большевики. Сперва они даже подхватили импульс развития, и к двадцать девятому году воскресили хозяйство, разрушенное войнами. Но отставание от Запада росло. Уже потому, что советское самодержавие, упразднило в своем едином хозяйстве, наряду с частной собственностью, и свободную конкуренцию. Коммунистическая партия по своей природе не могла ее допустить, от ее руководства ничему не полагалось ускользнуть. Это и смело Горбачева. А шедшие за Ельциным сочли, что достанет и видимости свободы и конкуренции, они спрятали партбилеты, переоделись, переименовались, для вида сладили даже системную оппозицию, вобравшую упрямых коммунистов, но с ней и, тем более, с реальной оппозицией, спорили не на равных, а как руководящая сила.

Так или иначе, видимость они сладили. У всех на устах Куршавель Прохорова и яхта Абрамовича. Но у отдельных хозяйств нет независимости, и нет конкуренции меж ними. Путин не раз бранил коррупцию, но ни разу не признал, что у нас она – не столько способ частных лиц незаконно урвать у государства помощь, как в Америке, сколько общая форма покорности неправительственных предприятий, учреждений и граждан государству и не умершему в нем государственному концерну. Он живет по негласным указаниям при помощи законов беззакония, отчего меж практикой и Конституцией зияет щель. Путин успешно заполнял эту щель плодами нефтяного бума. Но бум не вечен.

Конечно, сама нынешняя Конституция, как в свое время сталинская, – часть видимости, и в этом качестве ее первые две главы даже недурны. Я, правда, предпочел бы выходить на площадь не по 31, а по 18 числам, и не только потому, что они есть в каждом месяце, а потому, что статья 18 излагает главное: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». А не наоборот! Таким образом, согласно статье 18, статья 31 – «непосредственно действующая», то есть, чтобы собраться мирно, без оружия, никакое еще разрешение не требуется.

Эта тема всплыла в ходе встречи Путина с участниками благотворительного концерта в Питере. Сперва вполне в себе уверенный и точно выговаривавший сложные отчества присутствовавших актрис, он вдруг растерялся, когда к нему обратился бывший там, как участник концерта, Юрий Шевчук. Путин попросил его представиться, хотя, занимая второй пост в администрации, не мог его не знать. По известности и влиятельности в Ленинграде с Шевчуком мог соперничать разве что Гребенщиков, более знаменитых людей просто не было. А дальше Путин стал рассуждать о том, что митинги не должны нарушать покой детей в соседней больнице и мешать едущим на выходные за город, хоть ни у Дворцовой, ни у Гостиного, ни у Триумфальной, ни больниц, ни вокзалов, нет. Еще он заверял в своей верности Конституции и в том, что ценит гласное выражение мнения народного. Но, видимо, ощутил, что отвечал Шевчуку расплывчато, и на завтра велел пресс-секретарю разъяснить, что выходить на митинг он не разрешил, и нужно разрешение местной власти.

Прямота Шевчука вызвала споры, прилично ли интеллигенту общаться с начальством. Споры не о том, как себя при этом вести и как говорить, а «вообще», не отличая нелицеприятной правды от угодничества. Но, в любом случае, Шевчук уточнил личную вину Путина в Триумфальной. Прояснилось также, что Лужков или Матвиенко, обязанные всячески способствовать гражданам в использовании прав, поступают наоборот не потому, что не читали Конституцию, а потому, что у них есть и другое чтение – инструкции начальников, требующих делать то, что они делают. То есть, Путин, практически главный начальник, у всех на глазах попустительствуя таким инструкциям, перечашим однозначной статье 18, нарушил Конституцию, и виновен в побоях, переломах рук и прочем. Это очевидно.

Но не столь очевидно, зачем он это делает. Говорят, боится, что слово «площадь» (по-украински – майдан), как в Киеве, обозначит мятеж. Но он достаточно грамотен, чтобы понимать, что на майдан люди шли, чтобы их страна была независима, самостоятельна. Потому-то, вопреки традиции русского языка, от нас и требовали говорить не «на Украине», а «в Украине», дескать, она не край вашей империи, а сама по себе. Путин знает, что в России такой угрозы нет, что русское демократическое национальное движение все еще не сформировалось, нет и кучки людей, требующих отделения России от Северного Кавказа, где русская кровь льется ежедневно. А шовинистическое, имперское движение – союзник власти, хоть и пеняющий ей за редкие здравые шаги. Что же до социальных стимулов, то в Москве и даже Питере уровень жизни выше, чем в остальной России.

Другие, понимая, что мятежом не пахнет, называют разгон ошибкой. Дескать, кроме как о праве собираться, Ковалеву с Лимоновым говорить не о чем, да и то, лишь пока большевик Лимонов не сменит Путина и сам, как Ленин, это право не отменит. Но власть не клюет. Правящие большевики, хоть и прячущие свой большевизм под маской, хотят от других большевиков, чтобы поддакивали. Публично выяснять отношения не любят. А Триумфальная площадь слишком велика, названа слишком победно, да еще посреди агитатор, горлан, главарь, покончивший с собой как раз, когда советская власть тоже отбрасывала временные самоограничения. Не ясно, усечет ли публика близость лимоновского большевизма КПСС, КПРФ, да и самой власти. Но статья 31 не одному Лимонову нужна, и в борьбе за нее его поддерживают и те, кто решительно отвергают его большевизм. Власть не знает, что Лимонов, известный покамест лишь как оппозиционер, не хуже и не лучше Путина, и не рискует выпускать его на площадь.

Власть хочет другого: «Пусть с Триумфальной уйдут все!» То есть, и пришедшие сами, и привезенные властями. Такой предложен компромисс! По старому советскому обычаю позицию власти выдают за компромиссную. Подразумевают, что ОМОН мог бы стрелять, а не стреляет, мирно работает дубинками. А Венедиктов с Радзиховским дудят: «Нечего стоять на своем!». Но удача Лимонова, как политика, в том и состоит, что защищать Конституцию – не значит стоять на своем. Тут он еще не за свой большевизм, а за общий закон, который власть ежедневно топчет.

Спрашивают, подобает ли Ковалеву защищать общий закон вместе с Лимоновым, если свобода собраний нужна им для совсем разных надобностей, и программы у них совсем разные. Но у людей, чтобы осуществить предпочтительную программу, нет способа, кроме свободы – собраний, печати, слова, прояснить предлагаемые программы и выбрать нужную. На первом же свободном собрании на Триумфальной или где еще, или на разных собраниях в разных местах, Ковалев и Лимонов будут не стоять заодно, а спорить, и в свободно избранную Думу попадут выбранные людьми, а не спущенные сверху, депутаты, которых нынче там нет.

При свободных выборах никому не известно, чья возьмет. Но Радзиховский на радио Венедиктова уверяет, что ему это известно, что, наряду с партией власти и большевиками советской поры победят национал-большевики Лимонова, а сторонникам либерального Ковалева достанется процентов пять. Словно кругом единомыслие, «народ и партия едины» и социальных разногласий в стране нет. Словно не отсутствие свобод и бесчестность выборов определяют у нас число приходящих голосовать и результаты голосования. Насмешливо поругивая власть, он внушает, что, при всех своих недостатках, Путин спасает от Лимонова, сулящего новый тоталитаризм, называй его фашизмом, нацизмом или советской властью. Но, не замыкаясь на лозунгах оппозиции, всегда более крутых, чем у власти, а оборотясь на практику, трудно счесть, что Путин, от лица государства командующий хозяйством и тем самым толкающий страну к тоталитарному порядку, лучше Лимонова.

Нет никакой разницы меж компромиссом по одному пункту с Лимоновым, и по другому с Путиным, оба допустимы, не надо лишь, как ведется, путать компромисс и капитуляцию. Как компромисс, власть могла бы предложить равноценную площадь, - Театральную, Лубянскую, а еще лучше Красную, закрытую для транспорта, но не предлагает, а на Болотной митинг заметят лишь МВД да ФСБ, а не жители. Конечно, права и свободы одних не должны нарушать права и свободы других, Но статья 31 не оговаривает, что демонстрации возможны лишь по тротуарам. А выход на проезжую часть заведомо нарушает права владельцев транспорта. Затем и надо уведомить местные власти наперед, чтобы нашли и указали объезд. Для этого им и надо признать 31 статью, признать, что выход на улицу тысяч, не только сотен тысяч, как 19 августа 1991, - знак важных процессов, знать о которых надо и людям и власти. Диктатура хочет скрыть эти процессы в умах. Надеясь на неограниченную силу, не отступает даже в малости. А без отступления какой же компромисс?

Путина удерживает от компромисса, уверенность, что никакие массовые акции в ответ на разгоны и избиения не захлестнут разом и Манежную, и Триумфальную, и Садовое кольцо, и Ленинградское шоссе, что ОМОНа пока хватит. Едва ли он наперед гадает, стрелять ли в многотысячную толпу, на что и Крючков с Варенниковым не решились. Быть может, он верит, что такой толпы на нашем веку уже не будет, слишком еще велико разочарование тогдашней победой Ельцина? На это возразить трудно. И все же не стоит слишком полагаться на общее разочарование. От катаклизмов, способных мигом вытравить его из памяти, гарантий нет. А тогда и массовые акции вероятны. Как быть тогда?

Критический развал экономики, так и не перестроенной и не освобожденной, чреват катаклизмами. Путин нервничает не попусту, в нашей экономике нет самодвижения, и, держась лишь государственной волей, она ползет по пути, на котором советская рухнула. Производство советской монополии тоже было товарным, она платила зарплату, товары продавала, их покупали предприятия, покупали трудившиеся. Но хозяйство и его рынок были экономически искусственными, мнимыми. Экономика становилась реальной при продаже сырья за границу и покупке там хлеба, лекарств и высокой техники. Да на черном рынке. Ныне формы иные, но суть экономики та же.

Становясь концерном, государство себя подрубают. Наше не перестало им быть потому, что его преобразовывали, - включая роспуск Советского Союза, который Путин объявил величайшей геополитической трагедией и стремится пересилить, - номенклатурные товарищи, подпиравшие советский режим. Оно не вняло диссидентам, ни мудрости Сахарова, ни "Архипелагу" Солженицына, ни героизму Анатолия Марченко, ни зоркости Андрея Амальрика, ни мужеству и чести многих других, погибших и уцелевших. В СССР концерн был стройней нынешнего, и прежние командиры хозяйства, Красин, Куйбышев, Орджоникидзе, Пятаков, Устинов, Косыгин, Ванников и другие были не дураки и не взяточники. Но пагубна сама власть государства над хозяйством, и хоть нынче командирам легче поворачиваться, ими вертит все такой же приводной ремень. А его движет все то же неограниченное применение силы. Это силовое давление Путин не только не старается заменить частными инициативами, как без разговоров о демократии Александр II, а еще наращивает. Вот ему и мешает свобода собраний и независимость неправительственных организаций. А слишком далеко заходящие мысли людей уже побудили поручить ФСБ их предупреждать об опасных последствиях раздумий.

Жажда применить силу – не просто свойство Владимира Владимировича, а прямая воля номенклатуры, сознающей, что единый монополярный концерн, ее кормящий, иначе не удержать. У него нет гибкости, необходимой повседневной конкуренции, зато его планы и указания начальства могут не соотноситься с законом, этим подрываемым. Отсюда и напряжение. Пока монополия цела, любой начальник ратует за силу, - иной опоры у него нет. Путин – не источник зла, а его орудие, источник зла - единый монополярный концерн, задуманный в шалаше у Разлива и все еще поддерживаемый силой государства, заставившего всю страну ему служить. Но кормит он не страну, а, главным образом, номенклатуру. Вот она и противится свободному соревновательному горизонтальному обществу.

При Горбачеве еще казалось, что номенклатура сможет оценить реальность, умерить претензии, пойти на компромисс, сделав первый шаг к демократии. Минувшие двадцать пять лет показали, что без диктаторской власти ей никак. Значит, кроме подачек, ждать нам нечего, а страну можно спасти лишь лишив власти нынешнюю и вчерашнюю, коммунистическую, номенклатуру, не обольщаясь уходом одного Путина.

Трудно сказать, какая возникнет политическая жизнь, если он откажется от диктатуры, или она падет иначе. Очень уж много неосознанного набралось за семьдесят с лишним советских и двадцать, так сказать, постсоветских лет. Но любопытно, задумывается ли Путин, как ему быть, когда снова настигнет крах, - не общий кризис, который и в Америке, а тот, что настиг в конце семидесятых и не отпустил. Брежнев, Андропов и Черненко не очень об этом думали. Путин вроде тоже. А зря.

Не переходя на личности 7.7.2010

Российская пропаганда уверяет, что Гитлер пришел к власти демократическим путем. Дескать, демократия – дорога к

тоталитаризму. Воскрешают и русофобскую ложь о рабской природе русских, об их любви к сильной руке, крепостному праву и империи. Наладь им, дескать, демократию, - выберут своего Гитлера! Но Гитлер пришел к власти не демократическим путем. За него на последних свободных выборах голосовало 37%, - большинство, но относительное. 30 января 1933 президент Гинденбург, на дух его не вынося, назначил Гитлера канцлером, а через полтора года умер, и тот провозгласил президентом себя, произвел государственный переворот. Свободных выборов больше не было.

Германская коммунистическая партия на тех выборах набрала 30%. Большинство немецкого народа хотело тогда тоталитарной власти, и 67% за нее голосовало, но установить ее демократическим путем было невозможно. Нацисты и коммунисты выступали как антиподы, и сами не углядели, что, при разных объявленных целях, они - движения единого типа. Союз Советских Социалистических Республик и национал-социалистическая Германия подписали Договор о дружбе, - не только о ненападении, - лишь спустя шесть лет.

Программы нацистов и коммунистов и их идейные опоры изначально были разными. Но и те и другие стремились к социализму. Нацисты в Германии - к национал-социализму. В многонациональной России коммунисты-большевики сперва выступали как антиимперская партия и к народам колоний шли, как интернационалисты. Национал-социализм они отвергали, и к открытому шовинизму пришли уже после победы над Германией. Но он различим и раньше. Уже сталинская Конституция сменила начальные, пусть формальные, самостоятельность и равноправие союзных республик на подчинение Союзному (имперскому) центру. Абсолютного большинства не имели ни немецкие нацисты, ни русские коммунисты, ни итальянские фашисты. Получить власть демократически они не могли, но их влияние росло.

А различия стирались. Совпали не только социализм, как цель, не только казни и лагеря, как средства. Схожи были и государственное руководство хозяйством, пусть разным и по-разному, и стремление диктовать мысли, направлять искусство. Даже шовинизм, сперва взывавший в Германии, расцвел в СССР. Дружба коммунизма и национал-социализма открыто длилась менее двух лет. Но Сталин не лгал, называя прервавшее ее нападение на СССР, вероломным. Он впрямь верил, что дружба могла еще длиться. Уже потому, что вместе у тоталитарных государств было больше шансов на победу над западными демократиями, а Сталина такая общая победа устраивала. Тем более, что она не мешала при случае ударить другу в спину. Он был не глупей Гитлера.

Вина Сталина и партии большевиков в грандиозном поражении нашей страны в первые годы войны, как и во многом другом, неоспорима. Но стоит конкретизировать обвинения. Сталин пренебрегал национальными интересами России, он «как класс» уничтожил русское крестьянство, он не защитил рубежи страны и жизни людей, подрывал добрые взаимоотношения народов СССР. Но счесть эти преступления его ошибками можно лишь, воображая, что интересы выдвинувшей Сталина номенклатуры, ради которых он шел на преступления, тождественны

интересам населения страны. А они им противоположны. Растерявшийся было после 22 июня, Сталин пришел в себя, увидав, что верхушка номенклатуры не только не пользуется случаем его спихнуть, но, в поисках спасения, ввергает ему себя и страну. С чего бы ему, твердокаменному большевику, считать коллективизацию и большой террор ошибками, если они не поколебали его личное господство и власть номенклатуры? Сталина можно и должно считать преступником, циником, но нелепо считать идиотом. Личные интересы и интересы номенклатуры он видел четко и понимал, что для них лучше.

Поэтому он раньше многих ощутил сущностную близость СССР и нацистской Германии. Нарастание сходства после войны сводят порой к формуле Сенеки: «Побежденные диктуют победителям свои законы». Но Сталину такие законы были по душе и до войны, и до установления дружбы. Глубину веры в ее прочность подтверждает его нападение на Финляндию в 1940. Считай он союз с нацизмом лишь тактическим, временным, он бы учел, что, не задевай он Финляндию, она, при конфликте с Германией, останется нейтральна, а задень, - чем оно ни кончится, она пристанет к Германии наперед. Сталин надеялся, что и Гитлер сознает социальную близость и взаимную выгоду дружбы. Гитлер их сознавал, но будучи прямолинейней, не только лично, но и в силу того, что нацизм был примитивней, чем сперва коммунизм, усомнился в более гибком Сталине. К тому же, Ламанш, подкрепленный радарными, тормозил продвижение на западе. Это кажется странным, но война могла тогда не вспыхнуть. Доказали, что Сталин сам готовил первый удар, но ломать дружбу с Гитлером ему было бы не просто, и я не уверен, что он бы рискнул. А веди они войну плечом к плечу, для нашей страны она обернулась бы еще трагичней. А об общей с Западом победе, объявленной лишь нашей, и выходе в сверх-державы не было бы и речи.

Войной и победой ныне пользуются, чтобы доказать чуть не противоположность нацизма и коммунизма. Диссидент советских лет Скобов учит, что «коммунистическая идеология, вопреки практике так называемых коммунистических режимов, обещает преодоление угнетения и вражды, свободное развитие каждой личности в обществе без неравенства и принуждения». Коммунистическую практику, не отрицая ее сходства с нацистской, Скобов оправдывает тем, что Германия освободилась от нацизма лишь проиграв войну, а советский режим «возложил на свой народ основную тяжесть» победы, словно его к тому не вынудила вероломная атака нацизма, а до нее он не снабжал Гитлера и нефтью, и хлебом. Не один Скобов числит идеологией слова и фразы теорий и листовок, не входя в смысл и логику практики, исходящей из реальной идеологии, которую власть не всегда выбалтывает.

Коммунистический режим лицемерней и лживей грубого и прямолинейного нацизма, а Скобов, беря лицемерие и ложь за чистую монету, не признает его порочность. Он признал лишь, что «в числе тех, кто называет себя коммунистами, есть сторонники системы, при которой государство (или «руководящая и направляющая» партия) решает, каким гражданам жить, а каких истребить...» Но молчит, куда делись другие коммунисты, думавшие иначе. И не объясняет, что помешает нынешним коммунистам, взявшимся решать, кому жить, а кого истреблять, точно так же обойтись со своими

менее кровожадными товарищами, не говоря о широких массах населения. Коммунисты, если и осудили былые гекатомбы, то как личные ошибки, даже не всегда Сталина, а Берию, Ежова и даже Ягоды, и отнюдь не пересмотрели свою программу и устав. Конечно, и при демократии случаются преступления, но преступления коммунизма и нацизма многократно превзошли все другие. А Скобову это не важно.

Он поддерживает запрет проповедовать нацизм, но не коммунизм, отнюдь не хуже продемонстрировавший свою бесчеловечность. Многие считают, что у обоих нет права на свободу слова и печати. По-моему, свободы должны быть равны для всех, включая в себя, однако, не только право возразить, но и юридическую ответственность говорящих и пишущих за призывы к насилию, бездоказательное отрицание установленных фактов и клевету. А Скобов, требуя свободы для коммунистической идеологии, рассуждает по-советски, - наш шпион – это разведчик, а их разведчик – это шпион. К тому же, в России коммунисты не нуждаются в защите, там недостает свободы не так им, как, напротив, либералам и демократам. Да и, вообще, еще не доказано что нынешняя власть КГБ под одеждой не коммунистическая.

«Либералам не надо бояться красных», - внушает Скобов, отвлекшись от их большего, чем у коричневых, таланта преобразовать видимость. Пока они в оппозиции, ни те, ни другие, не страшны, но пытаясь взять власть и, особенно, как показал опыт, ее взяв, страшноваты. По Скобову нынешнюю власть могут свалить лишь левые. Это тоже не доказано, но можно ли счесть левой партию душителей свобод и творцов Гулага? Коммунист или нацист страшны не на митинге против то ли красноватой, то ли коричневатой власти, а претендуя на власть, которую, как бывало, сделают своей монополией, точь в точь, как их вчерашние товарищи, держащие власть ныне. Отвлекаясь от всего этого, Скобов уже не просто проявляет забывчивость, а открыто пропагандирует тоталитаризм.

Но коммунизм не единственное платье тоталитаризма. К нему нередко тянутся и с другими иллюзиями, как Гитлер с иллюзией благоденствия немецкого народа. Наше время не склонно к социальному анализу. Откровенней других это выдал Председатель российского исламского комитета Гейдар Джемаль: «Я не верю в стихийность и спонтанность никаких крупных исторических событий. Они не происходят снизу и не происходят по воле масс». Причины исторических событий Джемаль видит «в конкретных операторах, которые исполняют волю крупных центров и великих держав и так далее». Это не сугубо исламская точка зрения, так нередко мыслят в России и православные, и евреи, и атеисты, не хотящие знать, что происходит «внизу», с чем готовы, а с чем не готовы, мириться массы, что могут, а что не могут навязать «верхи». В СССР акцентирование благих целей советского тоталитаризма до поры заменяло анализ общества. Да и в мире, как особый феномен, тоталитаризм стал сознаться лишь после появления книги Ханны Арендт "Происхождение тоталитаризма".

Вопреки иллюзии непрерывного прогресса, питавшей XIX век, ожидаемая после Первой Мировой смена феодальных порядков на демократические обернулась рождением тоталитаризма. Сперва в Германии возникла

Веймарская республика, в России в ходе Февральской революции - свергли самодержавие, и в ходе Октябрьской - провели, предваренные Декретом о земле и Декларацией прав народов России, выборы в Учредительное Собрание. Казалось бы, тут и ждуть свободы. Но Веймарская республика продержалась лишь пятнадцать лет, а русская революция – одиннадцать месяцев. В 1918 году в России, разогнав Учредительное Собрание, декретами установили «военный коммунизм», названный потом «временной мерой».

«Военный коммунизм» упразднил буржуазные отношения, национализировал промышленные предприятия с более чем десятью рабочими, даже «без мотора», ввел всеобщую трудовую повинность и уравнительную оплату труда, ввел в деревне продразверстку, запретил торговлю, заведя распределение «по классовому принципу», и максимально централизовал управление. Ленин хотел, чтобы хозяйство страны стало единым государственным концерном. «Военный коммунизм» - первообраз партийного тоталитаризма, его практика. В печати тех лет, в речах вождей, начиная с Ленина, он не выглядит «временной мерой». Будь оно так, вряд ли его отмена в 1921 вызвала бы множество самоубийств идейных коммунистов. И очень уж долго после Гражданской войны обсуждалось, вводить ли НЭП, хотя «военный коммунизм» довел хозяйство до края утраты большевиками власти, почему и был отменен. Но «военный коммунизм» - не глупость, а принципиальность. Он открыл назначение мобилизационного духа, присущего потом и остальным формам тоталитаризма. Ленин и первые большевики фанатически верили, что человечество будет счастливо в их всемирном Гулаге.

Назвав НЭП «передышкой», они выдали, что, вводят его не «всерьез и надолго», а как временную меру, спасая свой «военный коммунизм» от гибели. Ленин уже в 1922 говорил «Мы год отступали, - достаточно!» Хотя к дореволюционному уровню хозяйства возвращались еще семь лет, уже в 1926 году программа индустриализации ориентировала на возврат к «коммунистическому» хозяйствованию. Индустриализация СССР – стала делом исключительно государственным, полярным НЭПу уже экономической несбалансированностью.

В борьбе, сперва в 1927 с «левыми», потом в 1929 с «правым», не Сталин в одиночку, а большинство коммунистов переступило экономические соображения, свернуло НЭП, и вернулось к принципам, поименованным уже не «военным коммунизмом», а «строительством социализма». Задачей стала не социальная демократия, а индустриализация, строительство фабрик и заводов, создание с помощью иностранных, прежде всего, американских фирм, новых, небывалых производств. Индустриализация мыслилась как модернизация. Она и была целью тоталитаризма. Ради нее коммунисты не только отступились от демократических свобод, которые до прихода к власти не порочили, как чуждые России, а напротив, сами обещали ввести, но покончили даже с еще трепетавшими при НЭПе их жалкими остатками в науке и искусствах. Модернизацией оправдывали тоталитаризм.

Ее отдельные достижения в СССР несомненны. Но их односторонняя абсурдность упразднила общество, загнала его в подполье, где его

давили, как могли. Производство мыслили, как сугубо государственное, и отвечающее нуждам государства. Раздували военные отрасли, добывали для них сырье и энергию, производили трактора и комбайны, как опору насильственной коллективизации. А капиталисты проводили индустриализацию не ради государственных задач, а ради получения прибыли, зависящей от платежеспособного спроса. Они конкурировали, чтобы его перехватить, и для этого модернизировали производство. Такого внутреннего стимула у государственной промышленности не было и ее развитие определяли директивы создать особые условия для немногих работ, обычно, военных. В СССР появилось много крупных ученых и квалифицированных рабочих, но различия условий труда и отсутствие конкурентного общества обрекли хозяйство тоталитарного государства на отставание от демократических.

По мере того, как иссякали ресурсы возмещения производству его экономической несбалансированности, а колхозам и совхозам не удавалось справиться со столь же директивно спущенными задачами, а на мировых рынках падали цены на сырье, которое СССР продавал, верность волевому ленинско-сталинскому внеэкономическому принципу вела хозяйство к упадку, явному уже при Сталине. Не то, что вожди КПСС этого наклонного движения не видели, они даже, напротив, думали реформировать хозяйство. Но ни совнархозы, ни так называемая «косыгинская реформа», не помогли, поскольку хозяйство оставалось тоталитарным, им руководило государство, и без общего слома тоталитарного строя отдельным производствам было не обрести автономию.

Горбачев, видимо, счел, что уже частичное ослабление тоталитаризма отчасти изменит хозяйство, но, немало сделав для этого политически, он, к сожалению, не сумел распустить ленинский концерн, - то ли не рискнул, то ли мешали товарищи по руководству. Преобразование советского хозяйства, его так называемую «приватизацию», произвели Ельцин с Чубайсом. Они создали нескольких десятков огромных, часто монопольных, фирм, которым за бесценок передали многие государственные предприятия как бы в собственность, но этими фирмами руководили. Объявили самостоятельными и десятки тысяч средних и мелких предприятий, оказавшихся в еще более удушающей зависимости от государства. Оно, хоть и по новому, все еще правит фирмами так называемых «олигархов», помнящих, что своими доходами они обязаны соблюдению предложенной им вместе с богатством конвенции послушания.

Защитники Ходорковского, бесчестно осужденного на восемь лет лагеря, а ныне вторично обвиняемого по вовсе фантастическому делу, справедливо клеймят несправедливый российский суд и личную мстительность Путина. Но упускают, что кроме личных чувств Путин движим стремлением держать хозяйство государственным. А Ходорковский вообразил, что он и впрямь капиталист и может, не спросясь, сам, словно конвенции послушания нет, решать, кому какую нефть продать и куда тянуть нефтепровод. Прояви Путин слабинку, выпусти его, да признай суды над ним несправедливыми, все Дерibasки, Потанины, Абрамовичи и Прохоровы тоже возомнят и захотят решать сами. А дай им «самовольничать», жизнь изменится радикально.

Не потому, что «олигархи» забудут о наживе. Но они будут стремиться к ней уже не единым строем под водительством Путина, затаптывая ослушника, а конкурируя друг с другом. Тогда и обнаружится, что суд – орган не карательный, а выясняющий, кто из конкурентов соблюдал, а кто нарушил закон. И государство (а суд – орган государственный) станет служить обществу, а не командовать.

На каком-то заседании, то ли Съезда народных депутатов, то ли Верховного Совета, скончавшийся на днях Альгирдас Бразаускас, тогда Первый секретарь Компартии Литвы, сказал: «Михаилу Сергеевичу кажется, что Советский Союз – это нечто, стоящее над нами всеми». Удивленный Горбачев переспросил: «А что же, по-вашему, Советский Союз?» «Советский Союз, - ответил Бразаускас, - это все мы вместе». Никто из предшественников Горбачева, даже Ленин, читавший Гегеля, не хотел такое признать, не хотел согласиться, что отдельное не исчезает в общем, и общее сплачивает, а не заглатывает отдельности, и где ущемлена отдельность, рушится общность. Ее сменяет единообразие. Его и плодит тоталитаризм. Потому и невозможны при нем обильное развитие науки и не заемная модернизация. Потому у нас и однопартийную систему не смутить созданными для приличия партиями, - власть закреплена за одной. Потому и культ личности не слабел, когда «национальный лидер» - был лишь членом Президиума Верховного Совета, а председателем - рабоче-крестьянский Калинин. Потому и ленинский концерт, не перестает быть тоталитарно-государственным от показа яхты Абрамовича или веселых девушек, по сердечной склонности сопровождавших Прохорова в Куршавель.

А развитие капитализма не сводилось к выяснению отношений с наемными рабочими, которые с начала XIX века законно отстаивали свои права, как участники производства, своим физическим трудом вносящие в него вклад, требующий справедливой оплаты и гарантий. За сотню лет, благодаря умственному труду ученых и изобретателей, своим вкладом, повышавших производительность труда рабочих, рабочее движение одолело прежнее бесправие, хоть профсоюзы, как и предприниматели, порой перегибали, подрывая производство. Тоталитаризм рос не из классовой борьбы. В работе «Что делать?» Ленин признал, что в рабочем движении нет идеи слома общественного порядка и построения социализма.

Во второй главе этой своей, едва ли не главной, работы он пишет о привнесении в рабочее движение социализма, которое осуществляют коммунисты. Свою партию большевики построили не как другие, она не выросла стихийно из общественного движения, а переустроена по самобытному учению Ленина, как двухэтажная. Верхний этаж составили «профессиональные революционеры», руководители, поскольку по Ленину «революционное движение не может быть прочно без устойчивой и хранящей преемственность организации руководителей». Нижний этаж – рядовые, верующие в руководителей и выполняющие их решения. Партия большевиков была двухэтажной не только в подполье, но и взяв власть, и осталась навсегда. Уже в ее структуре заложены предпосылки тоталитаризма.

Но предпосылки к нему несло и развитие капитализма. Плодотворная конкуренция переходила в поглощение конкурентов и монополизацию производства. А у монополий стимул к конкуренции слабеет, поскольку падает нужда привлекать платежеспособный спрос. Имеющемуся спросу приходится удовлетворяться товарами монопольного производства, часто повышающего доходы повышением цен, вынужденно снижавшихся конкурентным производством. Ленин раньше и зорче многих углядел в монополиях угрозу промышленному развитию и писал о ней во время Мировой войны в не менее важной работе «Империализм, как высшая стадия капитализма». Но еще до взятия власти, обдумывая в шалаше у Разлива будущее хозяйство России, он планировал единый сверхмонопольный государственный концерн. Делал это, вполне сознавая пагубность монопольного хозяйства.

Это не просто, присущая Ленину и другим волюнтаристам надежда, захватив власть, наполнить заемные буржуазные формы иным содержанием. Советской сверхмонополии присущи все описанные Лениным пороки. Но его к ней влек не так пример капиталистических монополий, как традиция феодального правления сельским хозяйством, а, начиная с Петра, и промышленностью. Феодальная традиция, капиталистическая монополия и двухэтажная партия с привнесенной идеологией для рабочего класса, стали в России тремя источниками тоталитаризма, который его первосоздатель Ленин мнил залогом модернизации и развития. Однако, «организация руководителей», партия, уводившая от людского многообразия, от понимания общего, как сопряжения отдельных, претендующая на монополию власти, и упразднявшая общество, как самоорганизацию людей, вела к обратным результатам, чего уцелевшие руководители по сей день не хотят признавать.

Президент Медведев уже предлагает модернизацию огороженного Сколково, где будет свобода для немногих, и сулит результаты. А в СССР уже были закрытые институты и шарашки. Россия может опять непомерной ценой сравняться в военной мощи с Америкой, и детям останется лишь гадать, как мы когда-то, сгорит ли она вместе с Америкой в огне неведомого оружия, или тоже успеет перед тем развалиться. Модернизация Сколково выдает в президенте стойкого приверженца петровско-ленинской традиции, не большего демократа, чем противопоставляемый ему Путин. Зло не в личных качествах, а в нужде тоталитарной власти в таких безоглядных личностях. Личные краски могут быть разными, но тоталитаризм теперь возникает не только в странах европейской культуры, как Россия и Германия, но и в Азии, и в Латинской Америке, и в Африке, и можно углядеть, что к нему тяготеют страны, трудно одолевшие феодальное (часто колониальное) наследство, познавшие успешные, но неглубокие рывки к капитализму, и создавшие партии, увидавшие в нем, а не в его неразвитости, корень зла и перекрывающие ему пути тоталитарными плотинами.

А к реальной модернизации ведет лишь внимание к своей стране, к интересам ее граждан и их сообществ. Власть на них не глядит, она считает общее своим, которому отдельности служат, а не образуют его в свободном сотрудничестве. Свобода Ходорковского стала бы

выразительным жестом. Но жестами не обойтись. Россия не может разом нести ярмо самодержавия и развиваться всесторонне. Годы советской власти это дополнительно подтвердили. Пора решать, чего мы хотим. Предпочтения имеют свои последствия, и предпочитая, надо иметь их в виду.

На главный российский вопрос «Что делать?» нет ответа в идеальных представлениях царя Николая, или Витте, или Столыпина, или Ленина, или Сталина, или Ельцина, или Путина. Готовый идеал взятый у любого из них, - смертелен. России надо слышать себя, свои голоса. Она не может больше быть унитарной, не различающей метрополию и колонии, какой ее опять сделал Путин, упразднив выборы губернаторов и даже президентов автономий. Но ей не выжить и формальной федерацией по Ельцину, и, чтобы избежать новой Чечни, лучше быть конфедерацией, основой которой стала бы русская федерация, объединяющая русские края и области, возможно укрупненные, но способные, в отличие от многих нынешних, себя прокормить. Стране необходимо отказаться от генсековского (именуемого президентским) государства, спасенного Ельциным, и стать парламентской республикой, в которой на всех ступенях будут представители ее отдельных частей. Людям надо выбирать людей, а не ничем не известные псевдо-партии. Партии могут поддерживать кандидатов, выставляя своих, но всегда конкретного человека от конкретного округа. Да и партии должны возникать не по воле власти, а внизу, и признавать их, как таковые, надо при самом скромном минимуме членов и избирателей. В свое время большевиков, ничтожных по численности, сперва поддержала четверть населения, что было важным, хоть и не единственным, фактором их победы в Гражданской войне. Кто забыл, что им верили, не поймет, что жизнь изменилась оттого, что веривших большевики предали.

Чтобы стране развиваться и на деле модернизоваться, надобно множество гражданских институтов и законов. Абсурдны утверждения Чубайса и других, что развитие может происходить в обратном порядке. Без хотя бы параллельного движения экономической, социальной и политической сторон жизни ничего не выйдет. Иначе бы вышло уже при советской власти. Не по глупости же профукали! Но и сегодня даже немногие названные выше насущно необходимые перемены немыслимы. Стоящая у власти номенклатура вполне сознает, что серьезные изменения строя отлучат ее от кормушки ленинского концерна. И уже двенадцать лет обходится дарами нефти, беззаботно топя реформы в пустых словах.

Но наш великий и могучий язык обладает чудесным даром менять смыслы слов и переменами обнажать смыслы событий. Первоначально слово «самодержавие» означало «самостоятельность», означало, что русский Великий князь, а потом царь, «держит» свою землю не от хана, что он уже не феодальный вассал. Независимого правителя именовали самодержцем. Мечтали о самодержавии, об освобождении от монгольского ига. Но заглянув в толковый словарь, мы видим, что самодержавие – это неограниченная монархия, а самодержец - абсолютный монарх. Начальный смысл слова вспоминают не всегда. Эта двусмысленность объяснима. Власть веками внушала, что самодержавие в старом смысле, независимость от иных держав, которой все мы

дорожим, невозможна без самодержавия в новом смысле, без обращения страны в неограниченную монархию, а народа в крепостных мужиков и баб. Нам поныне твердят, что такова традиция, что русские не хотят демократии. А при Иване Третьем, отвергшем монгольское иго и ставшем первым реальным самодержцем, крепостного права на Руси не было, оно началось при его внуке, покорявшем иные народы и строившем империю. Это не традиция, а старая претензия власти, губившая страну и народ. И с развитием науки, техники и производства она все более губительна, поскольку растет разрыв мысли и труда многих с претензией власти командовать всем и всеми. Пока эта претензия не пройдет, главным остается призыв: Долой самодержавие!

Мюнхен в Вашингтоне 5.8.2010

Шпионское дело затихло, вызвав не тревогу, но лишь умиротворение. В России оно понятно, - победа не только политическая, но и житейская. Английский партнер Анюты Кущенко (Чапмэн) рассказал, как, после одного лишь танца, она при разезде остановила его машину, а у него дома сразу стала раздеваться. Можно ли не радоваться, что она будет предаваться этому прекрасному занятию не только с тюремщиками. Трудней понять что умиляет Америку.

Чужого разведчика Абеля отдали за своего разведчика Пауэрса. Борца за тоталитаризм Корвалана за борца против тоталитаризма Буковского. Что меняли нынче? За двенадцать преемников Абеля, россиян из спецорганов, - взятых в Штатах девятерых (десятая - крайне левая перуанка), упущенного при темных обстоятельствах на Кипре одиннадцатого и высланного без хлопот двенадцатого, - США получили трех сотрудников российских спецорганов да Игоря Сутягина. Скрипаль из ГРУ и Запорожский из КГБ, возможно, впрямь работали на Америку, но обмен засланных в США российских агентов на подкупленных Штатами в Москве, обмен одних российских граждан на других российских граждан, донныне вроде, не практиковался. Или это намек подкупаемым россиянам, что их при провале выручат? Странно, что наши власти такое поощряют. Но Василенко из КГБ Москва в шпионаже не обвинила, и ему дали три года по недоверию, не по делу, он отсидел, но, как в лучшие времена, не выпустили. Пресечь столь явное беззаконие должна бы Прокуратура России, на худой конец Страсбургский суд. Но зачем Америка выменивает человека, отбывшего незаконное наказание, на реальных агентов, оставляя их безнаказанными?

Еще трудней понять ее согласие на российское условие освобождения Игоря Сутягина, - признание им вины, на которое он одиннадцать лет не шел, хоть оно позволило бы точно так же получить помилование, освободясь много раньше. Да и, коль скоро Сутягин вину признал и помилован, почему его высылают за рубеж в обмен на Анюту Кущенко, а не просто отпускают домой? Чекисты и не такое придумают, с них спросу нет, но почему в их ряды вступил президент США? От Буковского и других при обмене не требовали признаний. Американский дядюшка не так помог Сутягину освободиться, как Медведеву с Путиным получить необходимое им признание. Ведись обмен на равных, отпуская двенадцать

разоблаченных агентов, можно бы выторговать у Медведева, с которым обмен при встрече явно обсуждали, отказ от нового, не практиковавшегося даже в СССР, условия обмена. Но Обама предпочел пособить чекистам.

Любопытно, что Сутягина тут же стала попрекать признанием Новодворская. Но его признание ни на кого не навлекло гонений, что, конечно, противоречило бы этике борьбы с террористическим режимом. Андрей Желябов, арестованный по делу, казнью не грозившему, сам попросил присоединить его к первоартовцам, убившим царя, то есть, признался в соучастии. Признание под пыткой, какой были для Сутягина одиннадцать лет заточения, своего безвинного деяния преступным, никому, кроме него самого, ущерба не наносит, и попрекать его вправе лишь устоявшие под равноценной пыткой.

Осуждение Сутягина выявило не только незаконный характер нашего государственного устройства, но его принципиальную противозаконность, ориентацию не на закон, а на державную волю, исходящую из «понятий» и соображений. Пресса, прямо или косвенно выгораживающая Путина, словно не видит, что Сутягин признался в деянии, не составляющем преступления.

Его посадили за сбор в открытой печати информации для некоей фирмы, согласно обвинению, работавшей на ЦРУ. Вполне возможно, что он впрямь передал подставной фирме, а через нее ЦРУ, государственные, и военные тайны России. Но чтобы его обвинить и приговорить, надо установить, во-первых, откуда он эти тайны узнал. А не доказано, что у него были источники, помимо общедоступных. Не менее важно, во-вторых, имел ли Сутягин, как говорят, «допуск», обещал ли доверенные тайны хранить. Конечно, будь у него «допуск», ФСБ не только имело бы право, но было бы обязано привлечь его к ответственности, и суд имел бы основания для сурового приговора. Но у Сутягина «допуска» не было, обещаний он не давал, а выяснять, что из публикуемого в открытой печати является государственной тайной, гражданин России не обязан.

«Мог бы сам понимать. Он ведь заведовал военным отделом института США и Канады» - гневается Радзиховский и другие защитники свободы ФСБ от требований закона. К тому же, добавляют они, открытая печать – заведомый источник наших тайн, американцы многое из нее черпают! Радзиховский уверяет, что закон о шпионаже запретил разглашение не только секретных, но и иных сведений. «Иных», - если не указано каких, означает всяких. Выходит, что закон о шпионаже отменил свободу слова, и, чтобы не посадили, надо помалкивать.

В СССР любое сотрудничество с зарубежными странами, объявленными потенциальными противниками, заведомо осуждалось. Упустили только, что и обучение непроверенных иностранцев русскому языку - своего рода предательство, пособничество потенциальным противникам в понимании наших внутренних дел, в которые им нечего совать свои носы. Всякий волен осуждать Сутягина и еще миллионы наших сограждан, работающих ныне за рубежом и отдающих свой ум, свой талант, свои умения потенциальному противнику. Но нынешний российский закон этим не нарушается.

Не то, что «нет в мире виноватых» и за попадание в открытую печать государственных тайн никто не отвечает. Должны отвечать те, кто не только имел к ним «допуск», а взял на себя обязательство их охранять. Но проявили беспечность.

Конечно, нынче тайны часто многосложны, и, если все составляющие доступны, их можно реконструировать. А превращение всех их частей в недоступные остановит текущую жизнь, невозможную без знания разных разностей. Охрана государственных и военных тайн отличается от охраны складов. Бдеть, тащить и не пущать тут недостаточно. Надо сознавать, какие именно части – ключевые для восстановления контекста и разгадки, и понимать, в какой мере эти именно части можно утаить безвредно для остальной жизни. На деле безмерное у нас число тайн надо сокращать, но точнее их определять и строже охранять. Лишь люди высокого интеллектуального уровня, вроде того же Сутягина, способны понимать, что тут к чему, что открыть, а что хранить строже. Возможно, их в ФСБ нынче не хватает. Вот Служба и казнит тех, кто законно пользуется ее бездарностью. Потому ей и было необходимо получить признание Сутягина, что она не хочет на себя оборотиться, и став ныне руководящей и направляющей силой государства, может не оборачиваться. Кто бишь руководил ФСБ, когда Сутягина посадили? Не Путин ли?

Вина в упущении или, не дай бог, выдаче государственных и военных тайн у нас усугублена особым их ореолом. В странах не тоталитарных сила и слабость власти наглядны. А у нас вера в тайное оружие, в потаенные средства, способные в роковую минуту спасти, крепит почтение к власти, ими владеющей. Веру в поддержку международного пролетариата, который обернет оружие против своей власти, напавшей на нас, усердно внушали до войны. Коммунистическое движение слыло международным, «пролетарии всех стран» - уже «соединившимися». Наличие отечества, Родины, большевики официально признали лишь в середине тридцатых и то лишь у нас, живших в стране социализма, а у пролетариев других стран по-прежнему как бы «не было отечества», и их пролетарский долг состоял в том, чтобы служить нашему отечеству. Зарубежные коммунисты были поэтому невольными агентами нашей страны.

Понятно, сперва не шла речь об оплате конкретных действий конкретных людей. Материальную помощь из СССР получали компартии в целом, а их члены помогали нам бескорыстно, из идейных побуждений, думать не думая, что помогают создавать Гулаг и убивать миллионы людей. Но так или иначе Европа и Америка заполнялись нашей агентурой, отнюдь не только шпионившей. Сперва она была добровольной, потом платной. Сперва коммунистической, левой, потом вбирала людей разных убеждений. Сперва состояла лишь из местных жителей, потом пополнялась засланными советскими людьми. Число советских и российских агентов в разы, если не в десятки раз, превзошло число зарубежных агентов у нас. Тем охотней зарубежными агентами у нас объявляют любого критика власти, вплоть до ставших негодными главному высших государственных лиц.

Те, кто сводят работу агентуры к шпионажу любят говорить, что на Западе уже нет нужды шпионить, и Россия не шпионит. Сверху видно все, а что не

видно, выбалтывают министры открытых обществ. Между тем, военный и промышленный шпионаж все еще обилен, и нередко в традиционных формах. Но задачи агентуры им далеко не ограничены. Не зря нашей Анечке и другим обвинения в шпионаже не предъявляли, и бог весть, шпионили ли они. Правда, Путин объявил, что они – разведчики, но он мог это сказать об освобожденных коллегам для маскировки. А что они наши агенты – очевидно и без Путина, и не только из их признаний. И не мелкие, видимо, не стало бы ФБР несколько лет тратить деньги на слежку попусту. Какого рода они агенты, выяснить мог только суд, обменом как раз и предотвращенный, - в чем и суть происшедшего.

Традиция широкого проникновения советских агентов в западные страны – неоспоримый факт. Нет причин думать, что Ельцин-Путин-Медведев отвергли эту традицию, служившую после 1917 опорой российской внешней политики, особо ее отличавшей от других агентурным размахом. Ныне западные компартии ослабели, у многих коммунистов пропала охота служить России, отрекшейся, пусть на словах, от «коммунизма», На Запад хлынули миллионы русских, движимых в большинстве неприятием живучих советских установок и желанием жить в открытом обществе. Они – не замена коммунистической массовой агентуре. Потому и выросла важность вербовки агентов из местного населения, облегченная тесными экономическими контактами, и особенно засылка русских агентов под иностранными именами, еще более облегченная новыми западными порядками, отказом от проверки, даже при назначении на важнейшие должности, прежних связей со специальными российскими органами.

Там, где уверовали, что Россия не имеет больше ничего общего с СССР, а роль чекистов - та же, что у западных спецслужб, наша агентура может работать легально. Покупают газеты, стараются подчинить организации русских жителей, - свирепую борьбу вели в Англии за подчинение главного православного храма и всей здешней православной церкви. В США это сложнее, и агентура чаще нелегальная. Но цель ее не только шпионаж. И в первую голову, часто не он. И нужна она не только на случай войны, когда легальные агенты посольств и консульств уедут. Посольствам, которые на виду, и в мирное время не все контакты удобны, и часто надобны посредники.

Но работа не ограничивается аналогами того, что делают за рубежом не столь сильные организации. Занимаются не одним промышленным шпионажем, но активным внедрением в западное хозяйство, приобретением предприятий, созданием «западных» организаций, глубоко прорастающих в местную жизнь, и на нее влияющих. Нельзя не заметить, что и в щедрые нефтяные годы российские деньги не столько инвестировались в собственное хозяйство России, сколько в успешные западные компании и обслуживающие их конторы.

Не будет преувеличением сказать, что агентура составляет некую подпольную партию, призванную заменить коммунистов. Конечно, нигде эта партия не достигает такого могущества, как в собственной стране, всегда пребывающей под неусыпным чекистским контролем. Но и запад поддается ее упреждающей нейтрализации любой попытки разобраться в целях нынешнего правящего класса России, отнюдь не отказавшегося от

прежних традиционных целей. Служит агентура и пропаганде далекого от российской реальности образа России, который власть хочет навязать открытому обществу. Самыми разными способами она внедряет в западное сознание мифологическую Россию, тем паче, что после холодной войны там свернули источники знания о подлинном состоянии нашей страны.

После распада СССР Москве не по силам была стратегия. Поддерживая угрозу взаимного уничтожения, она тогда отрывала от мира плохо лежавшие куски, бессильные перед могучим помощником в борьбе с колонизаторами. Ныне мир уже не делят на два лагеря, и другому лагерю для самозащиты не так остро нужна сильная Америка, от этого как раз и ставшая, хоть и нарастила силу, менее влиятельной. Едва ли не важнейшее после краха СССР геополитическое явление - новая волна тоталитаризма. Она поднимается уже не в отставших странах Европы, как бывало в России, Германии или Италии, а в Азии, Африке и Латинской Америке. И, даже не говоря о Китае, уже Иран, который Москва безрассудно вооружала и выгораживала, не хочет плясать под ее дудку. Даже Чавесы ждут от нее большего, чем готовы ей уступить. Одна из самых каверзных геополитических проблем в том, на чьей стороне окажется Россия, когда нарастающая новая тоталитарная волна обрушится на либеральный запад.

Путин знает предвоенную игру, но повторит ее в иной позиции. Чемберлены в страхе перед коммунизмом, готовы были уступать Гитлеру, закрыв глаза на его явные преступления. Сегодня, в страхе перед новой волной тоталитаризма, Буш и Обама закрыли глаза на происходящее в России. И Путин сулит быть на их стороне, если не станут встречать в наши «внутренние дела», признают нас либеральными европейцами. А чью сторону взять, решит он, покамест и сам еще не знает..

Он поддерживает игру с Западом и потому, что советская политика в Азии, Африке, Латинской Америке, где СССР вооружал и готовил себе соперников, бесплодна. Вот и не вовсе отворачивается от Европы и США. И водородной бомбой не размахивает, прячет ее за пазухой, а вперед высылает Анну Кущенко, и десятки, сотни, тысячи подобных ей пленительных и менее пленительных женщин и мужчин, наплывом которых президент Обама и государственный секретарь Клинтон пренебрегают ради иллюзии «перезагрузки». Глубина проникновения в Европу и США будет важна при определении того, чью сторону в будущей стычке взять. Чем полней очаруют Запад российские традиции, тем вероятнее, что Путин возьмет его сторону. Обама это сознает, и чтобы выжить, готов называть капитуляцию «перезагрузкой». Что же, не надо с Россией договариваться? Обязательно надо, если она соблюдает договоренности, не злоупотребляя ими. При Брежневеве договаривались. Но тогда ей не предоставляли особых прав.

Веселясь с освобожденными агентами Путин обещал светлое будущее им, и, тем самым, всем другим чекистам. И с полным основанием. Победить Америку в войне нам еще слабо. Но обамовскую можно без войны взять голыми руками. Дух ее руководства сломлен. Сломлен и кризисом, и затянувшимися войнами, но отчасти, видимо, и нашими агентами, не зря

она робко отступает именно перед ними, так и не выясняя, чем они занимались, и дает Путину повод праздновать победу. На моем веку Америка впервые капитулирует так полно.

Еще, конечно, не конец. Капитулянтство президента может и не понравиться избирателям. Да и его собственная партия может опомниться. Ее видные деятели – и президент Джон Кеннеди, и сенатор Генри Джексон, и другие, были к российской угрозе даже чувствительней республиканцев. Но если американцы готовы миловать прелестную Анюту до суда, вместо суда, а не после суда, - значит началась новая эпоха.

Да здравствует добровольная Россия! 29.8.2010

За выставку в музее Сахарова, устроенную Ерофеевым с согласия директора Самодурова, обоих обвинили в разжигании национальной и религиозной розни. С национальной рознью вышло не кругло. Предупредить ее разжигание у нас всегда полезно, очень уж ее пылко разжигают, но Ерофеев и Самодуров тут не при чем. Обвинение их в русофобстве нелепо не так даже тем, что они сами русские, как тем, что отношение к православию, какое им ни приписывай, не предопределяет отношения к русским. Мало того, что не все православные – русские, еще и не все русские - православные. Православие – вера вселенская, а не национальная. Это вера христианская, для которой «нет ни эллина, ни иудея, но все и во всем Христос», а не национал-христианская, в которую у нас ее давно норовят обратить. Тут суд и пособлявшие ему православные активисты попросту заврались.

Иное дело – рознь религиозная. Рознь, по-русски, - это различие, неприязнь, нередко – вражда. Религиозная вражда, даже только неприязнь на религиозной почве, особенно учитывая, что религия – дело не одного разума, но и чувства, отравляет общество. Последователи всякой религии искони считают верной свою и ложными другие. Мировые религии с миллиардами приверженцев, как христианство или ислам, расколоты и полны внутренней вражды меж католиками, православными и протестантами или суннитами и шиитами. Неверующие считают неверной всякую веру, а верующие - всякое неверие. Национальные распри все же возникают на почве каких-то реальных, часто социальных противоречий, а само утверждение «бога нет» уже оскорбляет чувства молящихся. Если Рим утверждает, что святой дух исходит и от бога-отца и от бога-сына, а Византия и Москва, что лишь от отца (а за этим земные смыслы), - рознь тоже неизбежна. Меж атеистами ее не меньше. Светские идеологии, сочтя себя единственно верными, тоже насаждают единомыслие. «Единственно-правильным» слыл так называемый «марксизм-ленинизм», тоже враждебный свободомыслию, как материалистическая религия, в которой бога заменили вожди.

Но в Европе согласились, что различие, вообще, присуще живому, и разные представления о мире и боге, о том, как следует жить и как умирать, - естественны. И единственная возможность достичь мирного сосуществования, - не только между странами, но внутри одной деревни, -

признать за каждым право жить, верить и думать по-своему, и на общей улице строить отдельные храмы и молиться разным богам.

Так постепенно и устанавливалось. Даже в Российской империи, где церковь не была отделена от государства и неправославных часто дискриминировали, в столице, наряду с православными храмами, был и католический, и монофизитский, и мечеть, и синагога, и буддийский дацан. При советской власти, всем им, включая православные, пришлось несладко, многие, хоть и не все, закрыли. Еще злее преследовала советская власть отличные от своего светские мировоззрения. Кроме марксизма-ленинизма, то и дело уточнявшегося Центральным Комитетом коммунистической партии, все было запрещено. Равноправных дискуссий с другими мировоззрениями не вели. Не могло быть и речи о каких-то кружках почитателей Декарта, Канта или Макса Вебера. В тоталитарном государстве ждать иного нельзя. Никаких самовольных выставок быть не могло.

И вот, вроде, стало иначе, есть право устроить выставку. Но нет права иметь для нее отдельный храм, верить не так, как в других или вовсе не верить. Даже не вполне дозволено считать величайшими художниками не Тициана или Пикассо, а кого-то подобной славы не обретшего, и, может, не заслуживающего. Ерофеев и Самодуров, выставившие картины, не пришедшиеся кому-то по вкусу, приговорены. Суд не учел, что выставка была в «отдельном храме», куда люди иной веры обычно не ходят. Не учел, что картины были прикрыты, смотреть можно было лишь индивидуально, в глазок, и желавших смотреть предупреждали, что их религиозные чувства могут быть задеты.

Новым стало разве то, что неприкосновенным выступило не многократно правленное учение марксизма-ленинизма, а старое православие. Да еще то, что в советские времена нарушениями идейного порядка ведали так называемые правоохранительные органы, сметавшие бульдозерами выставки живописи под открытым небом. А ныне православные активисты, чтобы не сказать боевики, свободно вламываются в музей, светский храм, срывают и топчут картины, но, в отличие от устроителей выставки, не несут никакого наказания. Устроив суд и наложив штраф, государство вывело на чистую воду не подсудимых, а себя. Суть уже не в том, удачна ли выставка и хороший ли у Ерофеева вкус, что было любопытно сперва, а являются ли штрафы, не говоря о трех годах заключения, испрашивавшихся государственным прокурором, методом художественной жизни.

Разные направления и стили искусства, разные политические взгляды, на земле сосуществуют. Не наказуемы даже призывы силой переустроить мир и социальные отношения, за вычетом разве призывов к конкретным убийствам. Деятельный век посеял иллюзию, что цивилизация всюду приведет к терпимости. В двадцатом тоталитарные режимы России, Германии и других стран отвергли пришедшие с Реформацией, Просвещением и капитализмом иллюзии девятнадцатого. А на политическую арену вскоре вышли еще и страны, сбросившие колониальную зависимость, тоже нередко тяготеющие к тоталитаризму. От терпимости мало что оставалось. Но после войны она в Европе

возродилась. Там все можно говорить и рисовать, там публикуют карикатуры на богов и правителей, а убивают лишь в ответ на карикатуры на пророка Магомета.

Если за карикатуры на Иисуса из Назарета в Европе не казнят, хоть христиане в большинстве, значит убийцы, выступающие от имени мусульман, хотят для своей веры исключительного положения. Хотят, конечно, не все мусульмане Европы, многим тамошнее равноправие, которого в большинстве мусульманских стран нет, как раз по душе. Но есть, как видим, и те, кому оно не по вкусу. Вот и у нас такие, - однако не мусульмане, а выступающие от имени православия, но тоже не опросив всех православных, - хотели суда над Ерофеевым и Самодуровым и их наказания.

Различие лишь в том, что в Европе эти экстремисты действуют на свой страх и риск, а у нас с поддержкой государства. Самодурова и Ерофеева не убили из-за угла, не избили, - их обвинял прокурор, судил суд. Этот суд, - если высшая судебная власть не отменит приговор и не оправдает осужденных, - станет вехой в истории России после 1991 года. Введенная тогда власть едва ли не впервые столь прямо ныне явила свой экстремистский стиль в нематериальной сфере, претендуя идейно контролировать духовную жизнь, включая искусство, и сделала государство опять идеологическим.

Формы воздействия идеологии на жизнь, конечно, обновились. Используя, как идеологию, православие, власть не печется о соблюдении его возобладавшей в России никонианской формы и даже сергианского советского варианта. Но у нас и марксизм-леннизм ушел от Маркса далеко. Коммунисты пренебрегли его надеждой, что при социализме и коммунизме рабочие будут сами управлять своей фабрикой или заводом, а не слепо выполнять указания свыше. Но теоретическое оформление тоталитарной идеологии не так важно, как ее ритуальное соблюдение, при сохранении властью права теорию поправлять.

Там, где у власти сменяют одна другую партии разных мировоззрений и политик, единая идеология невозможна, да в ней и нет нужды. Но тоталитарной власти без идеологии никак. Фальсифицированным выбором, которыми она мотивирует свое правление, никто не верит, да и условия для кандидатов в них не равные. А идеология дает тоталитарной власти легитимность, даром что правящий класс установил и держит эту власть отнюдь не по народному волеизъявлению, а силовым захватом и ложью. Так правила советская власть, так правит нынешняя, отвечающая насилием даже на робкие попытки безоружного протеста. Царская власть тоже опиралась на силу и ложь, но традиционность позволяла ей лавировать, и лишь полная неспособность считаться с объективной реальностью, какую она проявила в конце XIX и XX веке, привела к крушению.

В отличие от самодержавия оплотом советской тоталитарной власти стала не традиция, а цель, которую она провозгласила и достигала сугубо волюнтаристским путем. Беда не в том, что объявленная, хоть в целом и утопическая, цель была дурна. Провозглашенные Лениным, сразу после

захвата власти, Декрет о земле и Декларация прав народов России, были самыми насущными задачами и остаются такими по сей день. Бедой было то, что эти и другие, насущные для народов России задачи Ленин решал без людей, составлявших эти народы, обращая их в слепых исполнителей. Ленин и другие большевики понимали социальную жизнь технологически. Он потому, в отличие от Маркса, и считал, что для социалистической революции не важна мера развития капитализма, мыслившегося им как наращивание технологии, а не изменение отношений меж людьми. Вот и думал, что, взяв власть, наверстает отставание в технологии и войдет в коммунизм обходным путем.

А развитие общества возможно лишь путем общественного развития, повышения значимости каждого в общем. Маркс видел в свободном развитии каждого обязательное условие свободного развития всех. Его упущения в трактовке капитализма дали его российским последователям возможность пренебречь этим его главным постулатом. Но благие пожелания Ленина не просто не сбылись, а повели в ад, в силу его собственного волюнтаризма и социального технологизма, обращавших каждого в инструмент, и уже не очень говорящий, даже в винтик. Потому коммунисты и не избавили Россию от имперского гнета, а его ожесточили. Особенно после 1929 года. Иначе не выходило идти ленинским курсом. Ленинцы действовали административно, не нуждаясь в общественной жизни, подменив ее руководящей ролью партии.

В восьмидесятые банкротство этой роли потребовало решительных шагов. Власть могла дозволить хозяйствование на экономических началах, индивидуальное или с наемным трудом, законодательно оговорив условия и гарантии. Осознав, что одних административных усилий недостаточно, власть могла пойти и дальше. Было ясно наперед, что глубокие реформы скажутся на каждом, требуя серьезной ломки сознания. Но затеявая реформы Ельцин и его команда не объяснили людям внятно, ни что произошло с советским хозяйством и почему оно рухнуло, ни как, на их взгляд, лучше хозяйство налаживать. Не было и мысли спросить, что думают граждане.

А в ходе реформ люди несли огромные потери не только при аннулировании денежных накоплений, облигаций и прочего. Люди, - не одни пожилые, но и среднего возраста, - часто теряли место в жизни и не получали поддержки в обретении иного. Ельцин и его соратники оставили у большинства недобрую память. А поскольку они выступали под знаменами либерализма и демократии, хоть общего с тем, и с другим имели немногим больше либерал-демократа Жириновского, а главным образом щеголяли терминами, население, принимая названия мероприятий за чистую монету, разочаровалось в либерализме и демократии, на которые еще при Горбачеве надеялось. А это разочарование изменило и отношение к Западу, до того числившему удачным образцом. Упадок уровня жизни большинства, не только реабилитировал в глазах населения советский порядок, но возрождал все еще живший в умах советский образ мыслей. И ныне преобразование социально-экономических отношений стало даже более сложной задачей, чем в начале девяностых.

Роспуск СССР ослабил советскую империю, но не настолько, чтобы она перестала тормозить развитие народов живущих в его уцелевшей части, в Российской Федерации. Даниил Коцюбинский на "Эхе Москвы" указал на парадоксальность того, что Путина, всеми силами удерживающего целостность этого малого СССР и, где удастся, примысливающего отпавшие куски, оппозиция винит вовсе не в том, что он так укрепляет имперский произвол, а в том, что своей политикой сам подрывает целостность. Отвлекаясь от российской связи укрепления империи и угнетения населения, оппозиция, конечно, ничего не добилась, и Коцюбинский клеймит ее никчемность и борющимся за свободу России предлагает лозунг: «Свободу Чечне!».

Лозунг честный, особенно, если вспомнить, что авторитарный порядок как раз и укрепили войны против Чечни. Но, увы, ни в ельцинскую, ни в путинскую войну Россия на этот лозунг не откликнулась. На войне гибли русские солдаты, а русское население ей не противилось, и не одни Шаманов и Буданов, а числимый либералом помощник Ельцина, Чубайс, громче всех возглашал: «В Чечне возрождается наша армия». Коцюбинский прав, полагая, что Путин кажется народу спасителем великой державы от распада. Но нет объяснения, почему народное сознание это в нем ценит, упуская взаимосвязь державной тоталитарной системы и своей массовой нищеты и бесправия.

Под империей у нас разумеют покоренные земли. Англичане покорили Индию и Северную Америку, русские - Сибирь, Кавказ и Среднюю Азию. Если надо покорять, мы не хуже англичан. Да только их империя росла при освобождении от феодальных зависимостей, а наша - с их нарастанием до закрепощения. Можно сказать, что Российская империя покорила не только Сибирь, но и русский народ, а о британской такого не скажешь. Запоздалое освобождение крестьян без земли не дало их большинству выхода из бедности, и они ухватились за декрет Ленина, установившего власть, вскоре раздавившую крестьянство коллективизацией и колхозным крепостничеством. И, как прадеды не связывали геройство в царских колониальных войнах с рабским унижением дома, так и советские люди не связали собственное бесправие с Афганистаном, и свое нынешнее положение с Чечней. Некоторые и до 17 года эту связь признавали, но и тогда, и теперь, не народные массы. Мой лозунг: «Да здравствует добровольная Россия!» вроде помягче, чем у Коцюбинского. Но и он в массовое сознание не вхож.

Нынешняя тяга к целостности, стремление удержать колонии, растет из положения русских во внутренней «империи», какую составляют, хоть и не обозначенные границами, земли их жительства, где у тех самых русских, чьим именем, жизнями и руками держат внешнюю империю, не больше перспектив, чем у колониальных народов «автономий». Прежде такое положение официально закреплялось крепостным состоянием более чем половины русских. Но 1917 вроде смел даже его пережитки, а большинству русских при новой власти лучше не стало.

Покоренные народы толковали свое тяжелое положение как следствие власти русских, отчего и росла русофобия. Украинцы, - при том, что голодомор прошел не по одним украинским, но и по русским землям, -

считают, что, отделись Украина в 1917 году от России, на Украине его бы не было. А у русских нет осмысленного объяснения ужаса жизни подавляющего большинства под властью коммунистов, которые его усугубили. Сталинские преступления, осужденные уже Хрущевым, официально еще осуждаются, но ни при Ельцине, ни потом, общество не вникло в национальную катастрофу, к которой привели коммунисты, не вдумалось в ее корни, не осознало на каких путях есть надежда преодолеть ее последствия. Даже суд над КПСС был жалким, ее преступный характер не разоблачен, и она продолжает свою деятельность под своим именем. Главное преступление коммунистов – отчуждение хозяйственной деятельности от подавляющего большинства населения и полное ее подчинение интересам государства и правящего класса, взявшего несменяемую власть, даже не обсуждалось.

А корень беды в нем. Это и завело в тупик русский народ, потому и продолжающий цепляться за целостность империи, обрекающей его на всё новые беды, подобные которым иные отделившиеся республики уже залечивают, а надеющиеся отделиться имеют шанс залечить. Распад империи всюду болезнен, но не всегда столь тяжок для бывшего имперского народа. Британия после 1945 года утратила большинство колоний, но сохранила уровень жизни и положение среди ведущих держав, даже связи с былыми колониями. Это удалось потому, что ее хозяйство и в колониальную пору развивалось, и потом стояло на собственных ногах и себя кормило. А русским коммунистическая империя так не дала устоять уже тем, что не было в ней национального русского государства, объединявшего земли, где они жили. Вот Ельцин и схватился за идеи Гайдара и Чубайса, позволившие без политических перемен удержать малый СССР, свалив оплату его целостности на население.

Появление в магазинах товаров не слишком изменило самоощущение людей, поскольку несообразность цен и зарплат даже по сравнению с советскими годами выросла. Лишь рост на мировом рынке цен на нефть и газ, сказавшись на ценах и зарплатах в России, многих примирил со своей страной. Это вышло уже при Путине и его укрепило, хоть цены мирового рынка не от него зависели. Но укрепилось и желание населения сберечь целостность страны и вернуть бывшие республики, что толкнуло еще и в Грузию. Нефть, газ и другое сырье, которым Россия стала жить, добывают не в Москве, не на землях жительства русских, и ни власть, ни оппозиция, ни население, не хотят отпускать богатые сырьем земли, предпочитая войну.

А России надобно хозяйственное репрофилирование, новая инфраструктура, конкурентоспособные производства, надо менять сугубо военную ориентацию промышленности на гражданскую, да и сельское хозяйство репрофилировать. За двадцать без малого лет в этих направлениях ничего не сделано, а только это освободило бы массы русских от ощущения круговой зависимости от патерналистского попечения империи. Но то-то и оно, что такое освобождение немислимо без освобождения от насильственно правящего класса, - не просто от Путина, как и не просто от Ельцина. Правящий класс, собственно, и сам бы не прочь обновить производство, но сохраняя над ним полный контроль. Он рад построить Сколково, чтобы самому определять, что

современно, - как Сталин прозорливо решил, что ядерная энергия нужна, а кибернетика - лженаука. Наш правящий класс не может доверить все тому же каждому самому определять, где труд плодотворней и отчего жизнь лучше. Он тормозит развитие, чтобы удержать власть. Объективно это антирусская политика, и, ощущая это, многие выступают против Путина и нынешнего правящего класса, в большинстве этнически русского, с позиций крайнего русского шовинизма. Но это в такой же мере и антитатарская, антибашкирская, антикавказская, антиякутская политика, там тоже растет шовинизм. В итоге и правящим классом, ставящим целостность империи выше развития России, движет русский шовинизм, лишь по форме не крайний, зато демагогически подаваемый предпочтительным перед крайним.

Русские шовинисты часто кличут нынешний режим оккупационным. Но будь оно так, оккупирующая держава взяла бы на себя, во-первых, хоть часть забот о местном населении, как американцы еще в 1945 в Германии, а ныне в Ираке и Афганистане. А во-вторых, на родине оккупантов, как ныне в США, требовали бы вернуть войска домой. То-то и оно, что страну захватили свои, строящие себе будущее, попирая братьев и соседей. Не просто пьяница Ельцин с шестерками, а мощный правящий класс, продолживший былую номенклатуру, и не видящий себе перспектив благоприятнее. Он легко сбросил советские значки, нацепил новые, но мало переменился, разве что стал чуть откровенней. Смешны рассуждения о сулящем перемены различии, даже конкуренции, Медведева и Путина. Советские вожди менялись, а режим не слишком. Горбачева научила хозяйственная катастрофа. А нынешний кризис еще не роковой, и судьбу страны решают в номенклатурных небесах.

При власти сидящей на штыках протесты значимы откликом государства. Ловкий политический ход Лимонова, - выходы на Триумфальную по 31 числам в знак защиты 31 статьи Конституции (права собраний), которые, - как к Лимонову ни относишь, - вызывают сочувствие, обнажил неумение власти политически отвечать на политические вызовы. Мало того, что она, вообще, не хочет политики, она показала, что к ней не способна, и не понимает, что своим упрямством, демонстрирует именно эту неспособность. Ничего не может выдумать, кроме ремонта площади или избиений. Ими и сильна.

Как народ понимает эту силу, видно по восприятию покушения на Чубайса. Прокуратура дважды обвиняла полковника Квачкова и других, а присяжные дважды оправдывали. Последний раз, признали факты покушения и изготовления бомб имевшими место, но отказались признать их делом рук обвиняемых. Явный мотив оправдания, желанного демонстрантам у здания суда и авторам писем в интернете, - причастность Чубайса к ельцинским мероприятиям, которые могли бы стать предметом рассмотрения прокуратуры и суда. Судившие Квачкова присяжные охотно бы Чубайса посадили, но не хотят посадить в соседнюю камеру Квачкова, хотя, виновен Чубайс или нет, расправа без суда, даже с преступником, по закону преступна. Но по мнению многих – это убийство по совести, то самое, которое у Достоевского совершил Раскольников, и к которому призывали миллионы в ходе процессов 1937-38 годов, страстно

вопя: «расстрелять, как бешенных собак!» Выходит, сознание у многих граждан все еще революционное, советское.

И tandem дипломированных юристов не рискует им напомнить, что государство уже отказалось от смертной казни, и не может допустить произвольных убийств ни частных лиц, ни чиновников. Медведев и Путин в юности, возможно, читали фантастический рассказ осужденного писателя Ю.Даниэля «Говорит Москва», повествующий об установлении в советской стране «Дня открытых убийств». Могли бы сказать согражданам, что нынешняя власть не считает себя советской и против такого «Дня». А не говорят, понимают, что нынешнее государство столь же мало легитимно, как советское, и тоже держится произвольными убийствами в той же Чечне, насилием, побоями. Пока оно пихает старуху Алексееву в автозак, у него нет доводов против убийства Чубайса, и даже против введения дня открытых убийств. Поклонники Квачкова признают: по закону убивать нельзя, но по справедливости Чубайса убить можно! По той же логике власть и заменяет законность идеологией, которой, как уверяет, у нее нет.

Идеологии тоталитарных режимов растут из мировоззрений их создателей. После Октября обильно издавали Ленина и Троцкого, затеяли полное собрание сочинений Маркса и Энгельса, издали собрание Плеханова, печатали «рenegата» Каутского и других столпов марксизма. За двадцать лет все изменилось. Не все известные работы Маркса коммунисты рискнули печатать. Ленина издали тоже не целиком. Перед войной знания, неперенные для коммуниста, ужались в лживый Краткий Курс Истории ВКП(б). Еще доходчивей идеология была в лозунгах: «Партия – наш рулевой», «Народ и партия – едины» и все в таком роде. Но суть идеологии была не так в лозунгах, как в запретах. До последних дней нельзя было сказать вслух всем известное и понятное и обсуждать уязвимые стороны державы. Это считалось диссидентством, причастность к которому карали, хотя вооруженному до зубов режиму с двадцатимиллионной правящей партией, миллионами чекистов, солдат внутренних войск, ментов и сексотов, оно ничем практически не грозило. А грозило волюнтаристское хозяйство, державу и погубившее.

Советская идеология вышла из обихода, когда пришла свобода открыто разговаривать, а вскоре и печатать совсем другие тексты в советских газетах и журналах. При Ельцине после 1993 эту свободу свертывали, но еще без прямого участия силовых и судебных органов. При Путине ее ужали еще больше и быстрее, но в основном тоже закрывая издания или заменяя редакторов. И вот куратору выставки и директору музея вынесли приговор. День его вступления в силу можно считать датой преобразования нашего режима из авторитарного опять в тоталитарный.

Говорят, что на самых свободных и честных выборах теперь победит русский нацизм, не то самостоятельно, не то в блоке с национал-коммунистами Зюганова. Но так выйдет, лишь если средства массовой информации будут по-прежнему в руках государства. И лишь если к той поре правящий класс сам впадет в крайний нацизм, которому свой, как ему кажется, умеренный, покамест противопоставляет. Иначе он не допустит даже такую «демократию», и на очередных фальшивых выборах наладит схожий с нынешним расклад. Возможно, поддержав нацистов, прикрывших

свою антиконституционную по сути программу, лицемерными словами, или похожую партию «Родина», он потеснит коммунистов и «Справедливую Россию». А большинства голосов у нацистов нет, как и в Германии не было больше 37%. Там они обязаны победой Сталину, сменившему лидеров немецкой компартии, чтобы не объединилась с социал-демократами в борьбе против нацизма. Президент Гинденбург Гитлера не выносил, а назначил потому, что его противники были врозь. А у нас угроза нацизма - от уже стоящих у власти. Они уже поручили чекистам предостерегать граждан от неподсудного, но «нежелательного» поведения. Они уже пошли на прямые идеологические запреты. Последние десять лет нынешняя власть надеялась, что усидит без натуги. Но приговор Ерофееву и Самодурову – это переход в атаку. Так и надо понимать.

Оппозиция в России 26.9.2010

Касьянов был премьером, Немцов - замом премьера, Милов - замом министра. Немцов и Рыжков проявили себя в политике. Сверх того Касьянов - красивый, представительный мужчина, а Немцов – самый обаятельный из российских деятелей. И все же трудно предположить, что, даже объединясь, они, в итоге ли выборов или иначе, вернутся во власть без соизволения нынешнего начальства, пока оно правит. Они сами это сознают и, просят власть о разрешении создать партию.

При коммунистах было понятней. В округе, где кандидатом в депутаты выставили выдающуюся балерину, с триумфом выступавшую всюду в мире и в Верховный Совет выдвинутую для красоты, какая-то группа предложила второго кандидата, слывшего тогда диссидентом, чем вызвала замешательство. Выбирать полагалось из одного. Декларируя конституционные свободы, коммунисты с ними не стеснялись.

Нынешняя власть такой прямоты себе не позволяет. Оппозиция дозволена, но, не говоря о властных органах, даже в представительные пускают лишь ту ее часть, что согласна признавать нынешнюю власть законной. Подставную оппозицию стали создавать еще при Горбачеве. Сын юриста в роли русского шовиниста блистал уже на выборах Президента РСФСР. «Справедливую Россию» создали как дублера компартии, а на последних президентских выборах фигурировал никому не ведомый Богданов. Подлинную оппозицию среди подставной не вдруг опознаешь. Недостает свободы слова, печати, собраний, мешает заслон у выхода на телеэкран. Но главное, не вся оппозиция впрямь оппонирует.

Не то, что ее нет. В сравнении с СССР кажется, что полно оппозиционеров, не только подставных, особенно в интернете. Но оппозиция - не просто недовольство, его и в СССР хватало, что ясно уже по обилию заключенных даже в годы, когда большинство помалкивало. Оппозиция – это голос недовольства, его понимание вещей. Ей нужны условия политической деятельности, рождавшиеся при Горбачеве, ужимавшиеся с 1993 года и лет десять как исчезающие. Оппозиция в России есть, но себя определить и объявить она может лишь с согласия

монополю правящей силы. Говорят, свобода у нас не живет потому, что не завоевана, а дана свыше. А на деле именно, что не дана.

К тому же, оппозиция – понятие собирательное. Его бы употреблять во множественном числе. В многослойном и разнообразном обществе, как нынешнее российское, нет, не должно и не может быть единой оппозиции. Демократия в том и состоит, чтобы представлялись интересы и стремления самых разных слоев и людей. Все граждане бывают заодно разве что при нападении агрессора. Но нередко у разных оппозиций возникают совпадающие требования, вроде свободы слова или собраний, и с ними они могут выступать вместе. Это полезно. Но это не делает оппозицию единой противоположностью власти. Есть разные оппозиции.

В нашем случае, одни обличают власть за отход от прежних порядков и перемены, которые она производит, Таких обычно считают консерваторами. Другие против власти потому, что порядок не слишком меняется, они требуют более глубоких перемен и большей свободы. Их зовут либералами. Практика эти общие определения уточняет. Консерваторы иногда бранят власть за то, что в консерватизме она заходит дальше их, и он порой дорастает до реакционного безумия. Бывают порой и либералы, лишь на словах либеральные, а по существу подпирающие консервативную власть. Таким, как и близким власти по духу консерваторам, дозволено, если не претендуют сменить власть, выступать в качестве оппозиции. Другое дело, реальные либералы.

По отношению к скинувшей прежнее идеологическое платье правящей силе, оппозиционной, естественно, стала коммунистическая партия, правившая прежде и ратующая за былой тоталитаризм. Но тоталитарный склад нынешней правящей силы, при всех ее новациях, коммунистам близок. Не зря, когда отказ поддержать бюджет мог стать роковым, коммунисты его поддерживали. Эту оппозицию у нас, как в 1917 году, кличут левой, словно коммунисты по ходу развития их власти не менялись и не стали крайними консерваторами. А запал былых коммунистов раздувают национал-большевики, точнее видящие уязвимые места власти и смелей ее атакующие. Но их ориентиры ясны уже по эпатажному образованию своего имени разом из имен немецкой национал-социалистической партии и российской партии большевиков, как звали себя коммунисты в России.

На либеральной стороне единства тоже нет и быть не может. Самая влиятельная партия выступала под множеством названий, но всегда с Чубайсом посередине. Нынешняя власть – вышла из монополюной коммунистической, а Чубайс сшил ей новый «капиталистический» наряд, в который облачен национальный лидер самодержавного капитализма. Такого нет в природе, но такой капитализм возник у нас в тот миг, когда государство, - не только на деле, но и номинально, единственный в стране собственник, - либерализовало цены, то есть, вздувало их не общим, как прежде, указом, а в каждой лавке отдельно. Тут и родился нынешний порядок - общее дитя секретаря обкома КПСС Ельцина и энтузиаста укрепления советской экономики Чубайса. Оставалось порядок упорядочить, возродить хоть частично прежние нормы, в чем преуспел

Путин. И партия Чубайса, как и коммунисты, оказалась оппозицией лишь отчасти.

Как реально оппозиционная выступала партия «Яблоко». Ее лидеру Явлинскому в первом российском правительстве поручили проводить реформы, но почти сразу, увидев, что намерения проводить социальные реформы, разрывающие с тоталитаризмом, у Ельцина нет, он подал в отставку. Пропаганда изображала партии Явлинского и Чубайса близкими, ссылаясь на то, что обе они критиковали прежний режим. Но замалчивалось их коренное расхождение в том, чем тот режим заменять, - подобием ли нынешнего, с более гармоничными, может быть, декорациями и костюмами, или впрямь либеральным порядком с социальными гарантиями.

К сожалению, Явлинский, превосходя соперников в понимании предмета, оказался не силен как политик и не успел, пока было возможно, донести свое понимание вещей до широкого круга граждан, не только научно-технической интеллигенции, что и подорвало его позиции, против которых дружно выступали все другие. Ныне «Яблоко», хоть держится прежнего, как и прочие, бессильно. Нефть, газ и дубина по башке сделали власть на неопределенный срок стойкой.

Зюганов и Чубайс, каждый со своей стороны, открыто или «по умолчанию» подпирают правящую силу. Явлинский вытеснен. Всякая хоть сколько-нибудь массовая легальная работа реальной оппозиции безапелляционно пресекается. Остались ли хоть какие-то возможности? Или единственную – продемонстрировать несогласие, регулярно собираясь в назначенном месте, уже используют национал-большевики и остается лишь примкнуть к ним, дав повод быть сочтенным их единомышленником?

Повод, конечно, ложный. Защиту гражданских прав и свобод никакое соседство скомпрометировать не может, - даже Лимонов и Березовский. Они тоже хотят свободы слова и собраний, и оттого, что и они их получают, свобода не станет хуже. Если у вас есть, что им возразить, нечего бояться, надо возражать, даже стоя рядом в защиту такой свободы. Это, однако, лишь первый шаг. А задача оппозиции – изменить пагубный для страны и жителей образ правления.

Касьянов, Немцов, Милов и Рыжков, уверяют, что приведут его в соответствие с конституционными нормами, и сомнений в их благих намерениях нет. Сомнение вызывает, однако, то, что за позволением претендовать на иное правление они обращаются к власти, недвусмысленно дающей понять, что ни при каких обстоятельствах не уйдет. Если даже новую партию зарегистрируют, позволят получить более семи процентов и пройти в Думу, участием в заведомо фальсифицированных выборах она лишь придаст этим выборам легитимность.

Надо не просить у власти допуск, а требовать реорганизации системы выборов, начиная с установления внятных правил подконтрольного подсчета голосов. К тому же, даже честные выборы в один тур относительным большинством трудно у нас счесть достоверными. Даже в

Англии, где такая система традиционна, и лишь три крупных партии, все громче говорят о неучтенных голосах. Тем важнее их учет в России, с более застарелыми проблемами и большим числом партий, а второй тур позволил бы избирателю точнее опознать предпочтительного кандидата. Безликость нынешних партий, смутность их социальных позиций, тоже не позволяет избирателю определиться при голосовании за партийные списки из неизвестных лиц. Выбирать надо по округам конкретных людей, оставляя, конечно, партиям право помочь своим, но не лишая возможностей независимых кандидатов.

В нашем государственном устройстве нет преград произволу. Вот власть и расширила себе свободу произвола, нарушив Конституцию, отменила выборы губернаторов и продлила президентские и думские сроки. Но и в самой Конституции немало пунктов облегчивших эти нарушения и позволяющих нарушать другие статьи. У нас нет не только реальных гарантий независимости суда, но и внятного деления власти на законодательную и исполнительную ветви, отчего возможности последней непомерно растут. Над обеими высится фигура президента, «гаранта Конституции», а на деле, разом и законодателя, и исполнителя собственных распоряжений, некоронованного самодержца.

Обсуждать, быть России парламентской или президентской, надо не абсолютизируя ту или иную версию, а давая той или другой лишь некоторый перевес, не допуская бесконтрольной неограниченности исполнительной власти. В США ее осуществляет в масштабе страны президент, ограниченный двухпалатным парламентом, и в каждом штате избираемый губернатор, ограниченный законодательным собранием штата. В Германии она принадлежит канцлеру (премьеру) и правительству, назначаемому парламентом. В Британии, при огромной власти премьера, большинство из его парламентских однопартийцев сохраняет возможность его устранить. Тэтчер не проигрывала выборы, ее убрали парламентские однопартийцы. А власть нашего президента такова, что пора звать к свержению самодержавия! Зло не в личных особенностях, а в безмерности прав и полномочий.

Когда президент Медведев заявляет, что парламентская демократия для России пагубна, он выдает свой страх перед многоголосием всамделишного парламента, который, и получив дубиной по башке, не свернет дискуссию. Отвергая права парламента, Медведев отрицает многообразие голосов населения, с которым власть, не спущенная с небес, должна считаться. В таких проговорах и вылазит непомерность претензий монопольной власти, ее неспособность к какому бы то ни было компромиссу с населением. Она равняется на царя Ивана, настаивавшего на своем праве поступать с холопами, каковыми он считал всех жителей России, как вздумает. Ему вторили и Петр, и Николай I и Николай II, и Ленин, и Сталин, и Ельцин, и Путин, и Медведев.

Но царя Ивана технический разрыв с миром, где жили иначе, мог не волновать. Петр его преодолевал, перенимая отдельные европейские достижения. Уже Николай I уткнулся в тупик превосходства западного оружия. Николай II не мог совладать со страной, сохранявшей и после крестьянской реформы прежнее политическое устройство, но пытавшейся

развивать промышленность и науку. Ленин и Сталин, начав как бы новый отсчет прежней веры в неограниченность власти, тоже быстро привели страну к военному поражению, обернувшись победой лишь благодаря помощи капиталистических союзников, в ней заинтересованных. Наследники Сталина пришли к экономической катастрофе. И для Ельцина, Путина и Медведева плоды разрыва технической и социально-политической модернизации – не секрет. Но вполне сознавая нужду России в технической модернизации, они препятствуют социально-политической.

А нужда в ней обострена и неравномерностью развития, и социальной и культурной пестротой, и необходимостью соразмерить реальные интересы и стремления разных ее краев, которыми пренебрегает монополярная вертикаль власти. Успех российской оппозиции кругом зависит от понимания большинством граждан корневой связи промышленно-технического развития и социально-политических установок. Без такого понимания никто оппозицию не поддержит.

В СССР насаждался культ революции, вера в ее магическую силу, хотя на деле коммунисты отреклись от едва ли не всех программных положений своей революции, кроме захвата власти. Но даже волюнтарист Ленин, не считавшийся с экономическим состоянием и политическими перспективами страны, которую повел к социализму, предварительно еще признавал, что революция возможна лишь в революционной ситуации. Национал-большевик Лимонов идет дальше и уже заявил, что «революционную ситуацию можно создать», то есть готов к открытой аванюре. А при нынешнем режиме, как при всяком тоталитарном, сделать ситуацию революционной может лишь поражение власти, прежде всего, экономическое, как оно и было в восьмидесятые-девяностые.

Но хоть революции необходима революционная ситуация, ее недостаточно, ею довольствуются лишь волюнтаристы, не заглядывающие дальше захвата власти. В августе 1991 явно была революционная ситуация, а революция так и не произошла, перемены остались на поверхности. На улицы столицы вышли тогда сотни тысяч людей, но они вверили судьбу страны номенклатурной фигуре, плохо себе представлявшей, каких перемен ждут. При советской власти казалось, все понимают, что плохо и как поправить. Умами владела идея Евтушенко: «Ученый, сверстник Галилея, был Галилея не глупее», то есть, ему недоставало лишь самоотверженности. и советским людям, чтобы изменить жизнь, - лишь смелости. Это неправда. Не хватает понимания.

Сегодня, когда ситуация далека от революционной, когда люди не зря опасаются все более суровых действий власти, а она ожесточается с каждым днем, первое дело оппозиции - социальное просвещение. Оно стало куда сложнее, чем в советские годы, когда запад ему способствовал, и работали радиостанции, информировавшие наших граждан о событиях в нашей стране, не освещавшихся советскими средствами информации. Нас познакомили с зарубежными и с нелегально проведенными в СССР исследованиями советской жизни, помогавшими понимать пороисходящее. Этого больше нет. Западный мир во главе с Соединенными Штатами полюбил новую российскую тоталитарную власть,

надеясь обрести в ней союзника против других тоталитарных режимов, сочтенных более опасными, поскольку они еще менее Западу понятны, чем Россия.

Западные политики и советский режим понимали слабо, видели в нем лишь базу коммунистического движения, грозившего уничтожить на Западе эффективные экономические отношения. Когда Ельцин отрекся от коммунизма, Запад счел, что противоречий не стало, и Россия ничем не отличается от других европейских стран. Планетарное благодущие не охватило разве что соседние с Российской империей и СССР страны и народы, испытавшие агрессию и депортации.

Но зло российского порядка не только в том, что он слыл коммунистическим. Коммунизм - лишь утопический псевдоним российской версии тоталитаризма, тоже пекшегося отнюдь не о рабочем классе, уровень жизни которого у нас был куда ниже, чем в капиталистических странах Запада. Но там о природе тоталитарного режима задумались лишь после войны, после разгрома национал-социализма, и это сознание не распространилось достаточно широко, хотя тоталитаризм все явственней в разных концах земли становился главной угрозой миру и развитию.

Чтобы решить накопившиеся проблемы, России мало было победить немецкий тоталитаризм, надо преодолеть собственный, вдуматься в причины преобразования партии, до революции говорившей о свободе и демократии, в партию всеобщего закрепощения, нового крепостного права для крестьян, поныне фактически не ушедшего, в партию КГБ, Гулага, цензуры, принудительного единомыслия и всех других тягот в результате которых Россия все еще нуждается в модернизации, хотя давно уже могла ни от кого не отставать. Но то-то и оно, что для этого требовались коренные социальные перемены, противоположные тем, которые после ликвидации НЭПа неотступно насаждала советская власть. Оппозиция прежде всего должна это прямо и открыто объяснить согражданам. Надо очертить требования к избирательному процессу и политическому устройству, уродство которых губительно и делает бесплодной любую попытку отстоять какие-то человеческие нормы, поскольку власть тотчас их топчет, едва завидит выгоду для себя.

Покамест не всплыл более прямой способа выразить требования к власти, чем примененный в защиту 31 статьи Конституции. Но подобным образом можно требовать и новую избирательную систему и перемены в государственном устройстве. Лишь опираясь на честные выборы и здоровую организацию власти, свободно избранной, а не вышедшей из коммунистической утопии как с небес, удастся справиться с социальными проблемами, невозможность решить которые большевистскими самодержавными методами обрекает отечество и наших людей на тяжкие страдания. В большой мере в них виновна и нынешняя власть, их усугубляющая упорным нежеланием признать, что спасло от них Европу.

Еще Некрасов сказал: «Нынче – царство подставных, Настоящие-то редки, Да и спроса нет на них». Советская власть старалась и настоящее сделать подставным. Жизнь была страшна тем, что кроме партийных органов и

ОРГАНОВ, как звали в быту КГБ, все было подставным. Слово, мотив, краска, допускались лишь в подставных местах. Настоящее силилось там уцелеть, остаться собой. Порой его уродовали, порой проскакивало, порой стоило жизни. Но людям, искавшим настоящие слова, мотивы, краски, и вдруг их находившим, это и помогло не одичать.

Это главное и в нынешнем царстве подставных. На то и оппозиция, чтобы и в политике отстоять настоящее, не дать сделать себя подставным. Это главная задача оппозиции, иначе она напрасна. Уверять, что, придя к власти, не будешь воровать и фальсифицировать очередные выборы, недостаточно. Претендуя на политическое влияние, надо видеть не только лежащее на поверхности, не только бранить Путина, Медведева и компанию. Надо объяснить, почему их кооператив правит Россией. Не то сменившие их будут, как они. Понимая это, народ и не бунтует.

Цыганская жизнь 18.10.2010

Президента Франции равняют с Гитлером и Ле Пенем. Обвиняют в депортации цыган. Национал-социалисты объявляли их, подобно евреям, подлежащими поголовному уничтожению. И вот депортация из Франции! Но не местных цыган, а приезжих, румынских и болгарских. Румынию и Болгарию взяли в Евросоюз, и их граждане, вправе въезжать в прекрасную Францию. Не одни цыгане въезжают и живут.

По закону можно въехать на три месяца, а чтобы жить дальше, надо найти работу. А старые страны Евросоюза, за вычетом Англии и Ирландии, гражданам новых работать не очень-то разрешают, - лишь по особому списку профессий. Не все работу находят и не все ищут, но живут, не работая, тем паче, что социальные гарантии на территории Евросоюза распространяются на всех его граждан. Румыны, португальцы, поляки, порой живут так же незаконно, но оседло. Местные жители бывают недовольны, не хотят тратить социальные фонды на работоспособных, но не работающих. Но и работая, румыны, португальцы, поляки, многих раздражают, поскольку сбивают зарплаты. Силясь снять раздражение, Саркози начал с цыган и даже дает им деньги на отъезд. Отчего же законная, вроде, мера воняет, и Саркози именуют фашистом?

Возможно, президент и министр внутренних дел забыли, как до своей карьеры въезжали в другие страны Евросоюза. Единый паспорт предъявил и прошел. У приезжих из России или Бразилии проверяют визу, ставят штамп, могут не пустить. А тут даже без штампов. И у приезжего не остается данных о дне въезда. Три месяца прожил, или пять, или всего полтора, - не доказать. И если полицейский, имеющий приказ выселять зажившихся нарушителей порядка, к цыганам относится предвзято, он и прожившего неделю выселит. Едва ли большинство полицейских предвзято. Но если дискриминации подвергся один из ста, из тысячи цыган, это все равно отвратительно, и виноват Саркози и его чиновники. Важно лишь понимать, в чем виноват. Где поощрил шовинизм, его едва ли желая, как можно видеть по нормальному положению французских цыган, тоже не сидящих на одном месте.

Чтобы понимать, стоит оглянуться, - хотя бы на блаженной памяти Советский Союз. Беря власть большевики были интернационалистами. Во многом еще оставались ими в 1922 году, строя Советский Союз. Президиум ЦИК, коллективный президент СССР, имел не одного председателя, а четыре равноправных, - от Российской и Закавказской Федераций и от Украины и Белоруссии. С 1936 был уже один, остальные стали заместителями. Потом ввели Первого заместителя. Пришли и сущностные перемены. Целые народы депортировали из мест традиционного обитания, многих дискриминировали. В то же время сдерживали самовольное передвижение людей. Ввели внутренние паспорта и прописку, а крестьянам не дали паспортов, и они уйти, кроме как после армии, вовсе не могли. Прописку ныне зовут регистрацией, но смысл ее прежний.

С середины тридцатых большевики из интернационалистов становились шовинистами, и шовинизм все густел. Не от личного шовинизма Сталина, Хрущева или других, а от веры в возможность административно руководить происходящим, не считаясь с руководимыми, от веры в вертикальную власть. Вероятно, как и Саркози, Путин лично не шовинист, но никогда, пожалуй, шовинизм не был в России столь бесстыж, как нынче. Не по указу Путина, а от заведенного им порядка

В Европейском Союзе свободно передвигаются товары, идеи и люди. Но с людьми сложнее, чем с товарами и идеями, уже потому, что они передвигаются не только ради работы или учения, где нужда взаимна, но и в поисках лучшей жизни, а ее уровень в странах Евросоюза разный, и уравнивать его до наращивания отстающими вклада в общее богатство жители более богатых стран, возможно, не хотят. При приеме менее развитых стран в Союз была надежда, что выравнивание пойдет, конечно, с помощью более развитых, но не простым сливанием в общий котел добытого всеми. И постепенно вклады, видимо, бы выровнялись, и люди работали на себя.

Но руководители Евросоюза не хотят ждать. Они мечтают слить свои государства в такие Соединенные Штаты Европы. Соединенные Штаты Америки – уже давно не союз, а единое государство. И в Евросоюзе хотят того же. Потому и не хотят разделительных вех, и свободно пускают союзников к себе на время, не отмечают в их паспортах дату въезда. И совсем не хотят спросить собственных граждан, готовы ли те бросать все заработанное в общий котел или предпочитают помогать союзным странам в их самостоятельной работе.

В Евросоюз народы европейских стран вступали охотно и об этом не жалели. Уровень жизни в Ирландии до вступления и ныне несопоставим. Но к взаимному растворению никто не стремился. Евросоюз защитил от угроз – и экономических, и политических и военных. И лучше себя оглядев, люди наново оценили и союзничество, и свои возможности, оттого и возник некоторый сепаратизм. Общность и отдельность не полностью противостоят друг другу, и там, где думают об их гармонии, и считаются друг с другом, крепнет и Союз, и его участники по отдельности. Не оттого ли в Шотландии активизировались сепаратисты, что надеются выжить в Евросоюзе без поддержки Англии, пусть это наивно. Еще заметней

сепаратизм в Бельгии, в самом центре Союза. Мы знаем, что власти России ждут не так взаимности, как покорности, но и власти Европы, возжелав единого государства, мыслят схоже.

А взаимность несовместима с верой в централизованное сверхмощное вертикальное государство, не нуждающееся в согласованиях. На референдумах народы Евросоюза его отвергали, отвергая общую для Союза Конституцию. Франция тоже отвергла, хоть ее автор - бывший президент Франции Жиска д'Эстен. Тогда Конституцию обратили в Лиссабонский договор и протащили через парламенты, не спросив мнения народов. И внутренние связи Европы начали уподобляться внутрисоветским, где существенны не договоренности, а приказы Москвы – и Литве, и Грузии, и Таджикистану, не говоря о Чечне или Бурятии, отчего СССР и распался.

Саркози захмелел от величия такого единства, и уже на переговорах с Медведевым о нашем вторжении в Грузию, за бумагу, названную соглашением, так и не выполненным, но пригодным, чтобы им помахивать, сразу сдал то, что ехал отстаивать. А де Голль, при всем своем аристократизме и антиамериканизме, сознавал нужду считаться с волей французов. Выработав новую политику он предложил ее одобрить или отвергнуть, и когда народ отверг, тотчас ушел.

Саркози предпочел не спрашивать народ. Но даже если высылка цыган в тот момент отвечала воле французов, эта воля стала такой от того, что людей в Евросоюзе сблизил тесней, чем позволяет материальная основа. А нельзя проводить «уплотнение», не выяснив, насколько к нему готовы. Торопыги забыли, что придется брать на себя лишние обязанности. Не захотели их брать. Но одно дело союз государств с разным уровнем жизни, другое – единое государство. В союзе, и помогая другому, табачок держат врозь. А в общей квартире так не пойдет. Или придется сортировать людей, внедрять внутренние паспорта с пропиской и прочие советские достижения. Депортация цыган – первый шаг к советизации Евросоюза, а совершает его Саркози, вроде выступающий как противник социалистов.

Такие частные случаи проясняют реальное содержание политических идей. О них нынче судят по лозунгам идеологий, но не по их содержанию. Первым лозунгом советской была дружба народов, а на деле народы СССР страдали от депортаций и дискриминаций. Так выходило потому, что политическую практику определяют не добрые пожелания, а понятия и интересы правителей, выражающих волю государства. Не секрет, что в Германии, не говоря об Англии, конкретное положение людей больше зависит от местных властей, чем в централизованной Франции. Такова воля французского народа. Но когда подобную централизацию хотят распространить на все союзные страны, не спрашивая хотят ли этого их народы, какие лозунги ни провозглашай, практика ведет к тоталитарным акциям, примененным Саркози к цыганам. Бог знает, сознавал ли Саркози наперед, протаскивая Лиссабонский договор, что ему придется выселять цыган или стал действовать рефлекторно. Но первое дело серьезного политика - предвидеть плоды своих поступков.

По-русски «цыганская жизнь» это не только жизнь цыган, но всякое бродяжничество. В Европе его прибавилось не от цыган. Но оседлое большинство еще не хочет жить в таборе. Да и нет мест, где табор раскинуть, нет заработка. Это проблема десятков тысяч людей. Решать ее, прежде всего, конечно, надо там, где они живут. Надо помочь модернизации новых стран Евросоюза. Но создатели сверхгосударства переступают через союзничество.

Авось с течением лет уровень жизни Европы выровняется и нужда в ограничениях на проживание отпадет, хоть нужда в местном самоуправлении сообразном желанием и привычкам жителей не пройдет и тогда. Но если, не дожидаясь выравнивания, вы соорудили сверхгосударство обманом, вы не вправе, когда атмосферу отравили плоды этой вашей деятельности, заявлять: «Это не наше дело!»

Легко назвать Саркози расистом и бог знает кем. Он пожмет плечами, да и впрямь никакой он еще не расист. Но важно видеть опасность антидемократических усилий не одного Саркози по строительству, вопреки воле народов, европейского сверхгосударства, беременного тоталитарной империей, в которой вызреют такие ягодки, что переселение цыган с материальной помощью и отнюдь не в лагеря уничтожения, покажется невинным цветком. Но в нем яд.

Украденная революция 7.11.2010

7 ноября (25 октября) 1917 года в Петрограде случилось событие, сочтенное потом началом новой эры. Случилась Октябрьская революция. Ныне ее не всегда называют «революцией», часто говорят «переворот». Переворотов у нас было много. Убрали Ивана Антоновича и короновали Елизавету Петровну. Убрали Хрущева и настал Брежнев. Все в своем кругу. Но в октябре 1917 власть взяли люди к ней прежде не причастные. Известный литератор, сверстник моего отца, мне говорил: студентом я жил в Питере, радовался свержению царя, знал и о Милюкове и Керенском, и о Плеханове и об Александре Ульянове, но про Ленина и Троцкого узнал, когда они захватили власть.

Началась новая эра. Временное правительство восемь месяцев сулило перемены, но основные откладывало до Учредительного Собрания, и выборы в него оттягивало. А захватчики-большевики сразу провозгласили Декрет о земле и Декларацию прав народов России. И многое другое. А главное, провели выборы, и 18 января Учредительное Собрание собралось в Таврическом дворце. Большинство России с надеждой ждало этого дня три без малого месяца.

На рассвете 19 января надежда лопнула. Большевики, называвшие свое правление тоже временным, совершили переворот и разогнали, Учредительное Собрание, законную законодательную власть. Этим началась постоянная власть партии большевиков. И три четверти века она, хоть ощутимо менялась, диктовала поставленным ею как бы судебным и как бы законодательным органам приговоры и законы. Октябрьский день в Петрограде был почти бескровен, убили, говорят, трех

мужчин и четырех женщин изнасиловали. Зато потом почти четыре года шла гражданская война.

Первые месяцы советской власти извращены в сознании больше любой поры нашей истории. Еще не так нарочитым враньем, как нежеланием понять почему большевики принимали декреты, которые не сами придумали. А они сперва были одним из ручейков массового стремления освободиться от феодальной реакции, царившей в России после Ивана Грозного, переступившего освобождение Руси его дедом от монгольского ига. Новым стало лишь то, что хан, именуясь царем-самодержцем, сидел уже не в монгольском Каракоруме, а в русской Москве и потом в Петербурге.

Большевики, однако, хотели сменить уже свергнутое в феврале самодержавие не на буржуазно-демократический порядок, предполагавшийся февральской революцией, а на коммунизм по Марксу. У него они переняли цель, но не путь к цели. Маркс надеялся придти к коммунизму через предельное развитие капитализма, а в России капитализм, хоть после 1861 года и рванул вперед, не очень-то еще развился. Большевики хотели, взяв власть, перепрыгнуть через эпоху, в течение которой по Марксу капиталистическое хозяйство должно было привести почти к коммунизму. Они понимали, что в одиночку российскому рабочему классу, составлявшему меньшинство трудящихся (Маркс-то рассчитывал, что рабочий класс составит большинство.), этот прыжок не под силу, и искали поддержку крестьянства, стремившегося порвать с феодальным наследством и получить землю. И хоть Ленин сам говорил: «частная собственность на землю ежесекундно порождает капитализм», а его целью было убить капитализм в зародыше, он первым делом издал Декрет о земле, списанный с эсеровской программы.

Так была провозглашена великая крестьянская революция и временно осуществилась вековая мечта крестьянства о земле. Провозгласили и другие свободы, начиная с права наций на самоопределение, то есть, виртуально совершили буржуазную революцию. Большевики сочли, что после их Декретов в России восторжествовал капитализм, и теперь они по теории Маркса могут его ликвидировать и безостановочно переходить к коммунизму, каковой установили в январе 1918, назвав его военным коммунизмом. Ввели продразверстку 11 января, а Учредительное Собрание разогнали 19 января. То был единый процесс. Поздней военный коммунизм называли временной мерой, вызванной трудными обстоятельствами, но документы той поры и выступления вождей говорят, что его вводили «всерьез и надолго». Иначе при введении НЭПа не было бы среди коммунистов такого числа самоубийств. Военный коммунизм и был для них порядком, за который они боролись, как за всеобщее счастье.

Сегодня трудно верить, что коммунисты даже тогда все это делали, искренне желая народу блага. Но они верили. А не вышло не только от общей утопичности теории Маркса, и, тем более, не оттого, что с ее положениями и оговорками Ленин расплевался уже берясь, вопреки Марксу, строить коммунизм не на пике капитализма во всех развитых странах, а в «отдельно взятой», отсталой стране. Большевики верили в силу воли. Не случайно в советские годы говорили: «Нет таких крепостей,

которых большевики не могли бы взять!» Не зря объясняли: «Не умеешь – научим, не хочешь – заставим!» И пели: «Кто хочет, тот добьется, Кто ищет, - то всегда найдет!» Мысль, что есть объективная реальность, мешающая взять крепость, и ни умением, ни принуждением, ни желанием, ни усердием в поисках, ее не пересилить, большевики отвергли наперед.

Вера в волю, как добрую, так и злую, божью и свою, владела умами при феодализме. Российское феодальное царство, не потакавшее охватывавшему Европу капитализму, слава богу, и без него одолело и смуту, и шведов, и крымских ханов, и немецких генералов, и самого Наполеона. А провал Крымской, а потом японской войны, и не очень успешный ход Мировой, побудивший царя задуматься о выходе из нее, были неожиданностями и для властей и для подданных. Казалось, беда просто в том, что власть слаба, что ей не хватает воли. И подымавшиеся против нее противопоставляли ей, прежде всего, свою нерушимую волю, - и народовольцы, и эсеры, и большевики. Они верили, что строят лучший мир, что капитализм, еще делавший в России первые шаги, отжил свой век, и все дозволено, чтобы его остановить, а заодно и покончить с царской властью. Они верили, что революционная бесчеловечность – дело временное, все образуется, и в общегосударственном концерне, который они строят, все будут равноправны, и даже государство вскоре отомрет.

Концерн построили, но управлявшее им государство раздумало отмирать. Партия большевиков после октября обильно пополнялась, новые люди вскоре составляли в ней подавляющее большинство. Вместе с вступившими в партию до Октября они создавали строй, который звали советским, хотя на деле он был комитетским, реальная власть принадлежала не советам, избравшимся населением, а комитетам единственной в стране партии, пуще глаза дорожившей своим единством. Другие партии тоталитарного единства, итальянские фашисты и немецкие национал-социалисты, на свой счет изначально не обманывались. А нашим пришлось разбираться между нормами строящегося ими концерна и старой партии. Многие менялось неизбежно. В практических делах молодые члены партии часто опережали старых большевиков, читавших зато Маркса и даже Каутского. Партия, дирижировавшая государственным администрированием и монопольной хозяйственной деятельностью, из относительно вольного собрания инакомыслящих обращалась во властную вертикаль. В ней уцелевали те, кто знал свое место, и гарантии, что люди, шедшие в революцию, а еще не в правящую партию, не взбрыкнут, быть не могло. В тридцатые годы Сталин стал заблаговременно стрелять таких пачками. Но абсолютной унификации партии, из союза единомышленников ставшей спецотрядом, предшествовал десятилетний процесс унификации хозяйства и государства.

Поныне не прояснено, почему Декрет о земле уже в 1929 обернулся отъемом у крестьян земли и передачей ее колхозам, да еще новым их закрепощением, почему Декларация прав народов России в ходе войны с национал-социалистической Германией обернулась уже не только дискриминацией, но и насильственным выселением целых народов. Нет ответа почему радикальное октябрьское решение самых актуальных для

России аграрного и национального вопросов не только взяли вскоре назад, но на попятном пути погубили и более умеренные решения февраля. От революционных перемен вроде бы свершенных двумя революциями, после 1929 года осталась одна пустая форма, а провозглашенная цель стала лишь ритуальной. И понесший ради нее обильные жертвы народ был обращен в полное бесправие. Впервые в истории, возник тоталитарный режим. Но вместо того, чтобы выяснить, чем вызвано такое преобразование, ссылаются на личные ошибки и пороки вождей, на отход Ленина от Маркса и личные качества Сталина, сыгравшие, конечно, свою роль в общем процессе, но не вызвавшие его. А нас все еще призывают преодолеть сталинизм, а не коммунизм, ведущий к тоталитаризму.

Советская идеология сеяла представление о революции, как об организованном мероприятии, выражаясь по-нынешнему, как о деле политтехнологов, пренебрегая ее стихией, толкавшей массы людей к восстанию, как в феврале, или к участию в гражданской войне, как после октября. А революция – это социальная катастрофа, плод неспособности существующего порядка сладить с актуальными проблемами. Недостаточно знать, что происходило и кто виноват, – с октябрём это еще достаточно ясно. Не менее важно понять, к чему ведет ломка прежних общественных институтов и стихийное или сознательное установление радикально новых. Порой революции, даже обильные жертвами, устраняя былые преграды, создают неведомые возможности, как Нидерландская, Английская или Французская. Октябрь всецело связал возможности с монопольной властью партии над государством и хозяйством. Но и провозгласив новый строй, революция в России не кончилась. Отбросив ценностные экономические отношения и дав правящему классу внеэкономические привилегии, она продолжалась, опять и опять переформатируя тоталитарный строй.

Гораздо больше, чем из марксистских утопий, большевики исходили из реальной ситуации, в которую, разогнав Учредительное собрание, загнали страну, отказав ей в праве самой решать на практике свою судьбу. Запрет товарных отношений лишал крестьян стимула к труду сверх самообеспечения, и правители перешли к насилию над крестьянством, сперва в виде продразверстки, потом крепостных хозяйств, колхозов. Насилие и стало мостом от первых Декретов к великому перелому. Оно шло еще не от самой несопрягаемости вольного крестьянства, буржуазного сословия, опоры всех буржуазных революций, с марксистско-ленинским убеждением в противоположности пролетариата и буржуазии, как единственном содержании их отношений, будто они при этом не были единством противоположностей.

Большевики исходили из практики, из нужды «взять хлеб» и его распределять, и эта руководящая распределительная роль, восполняя запрещенные товарные отношения, обратила их в класс внеэкономических правителей, со своими общими интересами, чуждыми рабочему классу и крестьянству. Новые большевики тут во многом противостали старым, хоть тоже игнорировавшим реальные проблемы русской революции, то есть, корни происшедшей катастрофы, но еще пребывавшим в угаре партийно-освободительного романтизма, которому новые большевики не поддавались. Нелепо утверждать, что их создал Сталин, напротив, они

создали Сталина, поддержав его интриги против товарищей по Политбюро, и предпочтя его краснобаю Троцкому, не оценившему формировавшуюся номенклатуру и ее потребности. Новые большевики крепили советский строй со Сталиным и «реальный социализм» с Брежневым, более гибкие из них и в кризис не растерялись, сбросили с Ельциным марксистско-ленинский наряд и завели с Путиным «Единую Россию». Это все и есть плоды октября, вместо затоптанных в январе 18го года. Демократические плоды в недемократическом климате не вызревают.

Наивно, однако, надеяться на новую революцию, воскрешающую октябрьские ростки и несущую демократию. Не потому, что в России ее не может быть, как лгут ныне многие, не один Михалков. Очень даже может. Но демократия предполагает компромисс разных наличествующих в стране сил, а в имперской Россия даже преобладающий народ не мог открыть лицо и жил в дурмане единства, оборачивавшегося покорностью сидящим наверху. А необходим компромисс не только имперского и колониальных народов, но еще больше социальный компромисс, позволяющий разным классам и сословиям в каждом народе искать взаимоприемлемые пути, а не слепо следовать воле номенклатуры или вести с ней непрерывную гражданскую войну, открытую или тайную.

В январе Ленин растоптал начатое им в октябре, решив, что можно уже ни с кем и ни с чем не считаться, а в итоге казавшиеся ему временными шагами стали вечными свойствами созданного им государства. Синдром единства отягощал Россию со времен монгольского ига, но возникали порой и другие тенденции, а в советские годы он возобладал над всем, и освободительная революция обернулась тоталитарной властью. Помня не только октябрьский день и не только три последующих месяца, можно бы уже признать, что революция не всегда ведет вперед, бывает, что и назад, а под руководством коммунистической партии на много шагов назад. Признать это – значило бы сделать первый шаг к пониманию реальной задачи, увы, не занимающей нынешнюю оппозицию, поделенную на охочих в том или ином виде реставрировать советский порядок, и охочих врати в чуть преобразованный, нынешний, но «без Путина», позаботившегося, чтобы преобразования не были очень велики. А не прозябать Россия сможет лишь при совсем другом, европейском порядке.

По каким понятиям? 27.11.2010

Россия, как известно, живет не по закону, а по понятиям, то есть, по обычаям преступного мира. Это не значит, что ее граждане - уголовники. Они, напротив, в большинстве хотят быть законопослушными, жить честно. Но потому не выходит, что страной правит сила, которой закон не писан, обратившая его в ширму для своих лазеек. И обыденные понятия в российских умах становятся беззаконными «понятиями».

Прежде всего, понятие «власть». Человек в России живет, все сильнее ощущая нависающего над ним неограниченного хозяина. То ли управдома, то ли главу государства. Понятно, страна без власти - бардак. Но почему власть безгранична? Царь правил, как помазанник божий. Ленин и Сталин, как поводыри неразумного пролетариата и всех трудящихся в лучшее

будущее. Самодержавие сложилось исторически, коммунизм внушила революция. Все вроде складно, но за неверие в благословение этому, а не другому царю, как и за неверие в благодать революции, нещадно карали. Ныне уверяют, что власть свободно избрана. А после разгона Учредительного собрания в 1918, свободных выборов в России не было. Даже итоги показательных считали не честно.

После 1917 году стоявшие у власти не раз меняли название правящей партии, равно как цели и образы будущего. Но ни разу новая власть не появлялась со стороны, ее всегда удерживали выходцы из прежней, после Ленина не «второй человек» Троцкий, но Сталин, все же входивший в десятку, после Сталина не Молотов, не Маленков, но Хрущев, все же Секретарь Московского Горкома, После Горбачева – Ельцин, Секретарь Свердловского обкома и Московского горкома, после Ельцина – Путин, в ту пору директор федеральной Службы безопасности. Власть переходила хоть и не к заведомо вторыми лицам, - проблему наследования, в отличие от Северной Кореи, не утрясли, - но оставалась в руках своих, у власти оставался и остается все тот же слой.

Долгие годы не только фактически, но и формально, власть была монопольна, а сугубо личное инакомыслие - преступно. В оппозиционерах видели врагов страны, а не противников данного правительства. Кризис восьмидесятых толкал к переменам, но обстоятельства позволили ограничиться частичными. Если прежде управляемое государством хозяйство, делясь по отраслям, управляемым министрами, держалось на всеобщей барщине, то в девяностые годы отрасли и крупные предприятия перешли в управление квази-капиталистам, состоявшим у государства как бы на оброке.

Стали проводить выборы, как минимум из двух кандидатов, по разному руженных, но всегда угодных власти. Независимых кандидатов порой допускали лишь в конце восьмидесятых - начале девяностых. Представительные органы избирают по партийным спискам, но партию не создать без разрешения Минюста, именуемого «регистрацией». То есть, понятие «оппозиция», как противостоящее власти, наперед лишено смысла. И за себя, и за «оппозицию», решает власть. Ее реальных противников к реальной деятельности не допускают, числа внесистемными.

В Конституции, хоть и полной тоталитарных тенденций, начиная с непомерных прав президента, многие статьи формально все же противостоят произволу. Но и в ней плохо прояснены основополагающие понятия. В статье 15.1 верно сказано, что Конституция РФ имеет прямое действие, а в статье 18, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Но нигде не оговорено, что слова «прямое действие» и «непосредственно действующие», сообразно нормам русского языка, означают, что для действий, разрешенных Конституцией, не нужны дополнительные разрешения, и те, кто ограничивают их прямое действие, - преступники. А почти все статьи первых двух глав Конституции власть перетолковала в добавочных законах и инструкциях, сведя Конституцию на нет.

Приказ Путина бить дубинами по головам собравшихся без разрешения властей - выступление против Конституции, но на его стороне сила. Конечно, уведомить власть о планах собраться на улице, хоть Конституция того и не требует, бесполезно. При большом числе собравшихся это помогает поддерживать порядок. Но «уведомить» не значит «получить разрешение». Граждане и так вправе собраться в любом месте в любом количестве, и даже, когда их много, перекрыть уличное движение. Размеры толпы обнажат остроту нужды, вынудившей собраться. Но наша власть хочет регулировать и число собравшихся на митинг. Известный конфликт между Алексеевой и Лимоновым по поводу собраний в защиту 31 статьи вызван не тем, что Алексеева вела переговоры с властью, - это ее обязанность, как заявителя, и Лимонов зря пренебрег этой обязанностью. Но на переговорах Алексеева пошла на нарушение Конституции, согласясь с претензией власти ограничивать право граждан присоединяться к митингу.

В статье 13 Конституция признает политическое многообразие и многопартийность, а 30.1 предоставляет право на объединение и гарантирует свободу деятельности общественных объединений. Из последней никак не следует, что для создания объединений нужно отдельное разрешение властей, даже извещать их об этом Конституция не требует. Поэтому административный запрет деятельности незарегистрированных партий – тоже прямое нарушение Конституции. От злоупотребления свободой объединений и создания таких, «цели и действия которых направлены на насильственное изменение конституционного строя», наперед гарантирует статья 13.5, такое запрещающая. Опираясь на ее прямое действие власть имеет возможность привлечь к суду объединение, этот запрет нарушившее, но предпочитает наперед запрещать ничего не нарушающие, усекая этим политическое многообразие и обедняя выборы.

Размывание таких понятий, как «власть», «оппозиция», «прямое действие закона», «свобода объединений», по разному трактуемых Конституцией и силовыми органами, подрывает возможность внутриполитической борьбы в стране за соблюдение властью правопорядка. В современной России, как и в советской, и в царской, политической деятельности не дают выйти за рамки протестов, тоже часто наказуемых. Власть не связана ни Конституцией, ни даже ею самой изданными законами. Смешно вообразить, что нынешняя власть, не вынуди ее катаклизм, допустит свободные выборы, то есть, не помешает действовать нежеланным ей партиям, хоть и соблюдающим Конституцию, дозволит равный доступ к средствам массовой информации и честно проведет подсчет голосов.

В 1917 году большевики такого еще о себе не знали и выборы в Учредительное собрание проводили в надежде, что принятые после захвата власти декреты, прежде всего, Декрет о земле и Декларация прав народов России, принесут им голоса. Но хоть Декрет о земле был списан с эсеровской программы, крестьянское большинство избирателей, голосовало за эсеров, а большевики получили менее четверти мест, что и побудило их разогнать Собрание не назначив новых выборов. Тот миг обнажил природу нового строя и предрек историю России уже на без малого сто лет.

Народ все еще во власти коммунистического объяснения коммунистических злодеяний, сведения их к дурным личным качествам Сталина и его подручных. А не только Сталин, но любой большевик-ленинец, начиная с первого Ильича, - хоть многие из них искренне хотели улучшить порядки и жизнь людей, - были, при всей личной честности, не меньшими сталинистами, чем Иосиф Виссарионович, поскольку все крепили монополию своей партии в стране и нерушимое единство внутри партии. Разница лишь в том, что у Сталина достало духа убить и сгноить в лагерях десятки миллионов, а у Бухарина или Каменева, даже у Троцкого, не доставало.

Считается, что в 1929 Сталин совершил переворот, приведший к его позднейшим преступлениям. Переворот он и впрямь совершил, но внутрипартийный, подкрепленный потом громкими процессами и обративший его генерально-секретарскую власть в абсолютную. Но роковым для страны этот переворот стал лишь потому, что к тому времени партия в целом, не один Сталин, уже была бессрочным и полным хозяином государства, не считавшимся с волей населения. Существовал свободно избранный парламент, состоящий в большинстве из представителей крестьянства, как большинства населения, едва ли партии, Сталину и даже Ленину, удалось бы провести свою коллективизацию, бывшую не только «ликвидацией кулачества», но и ликвидацией крестьянства, как класса, превращением его в класс сельскохозяйственных рабочих. Но такой парламент единодушной волей партии, а никак не одного Сталина, был ликвидирован еще в январе 1918, новый не избран, и помешать преступной партии никто не мог. Валить вину на одного Сталина стал уже XX съезд КПСС, и все еще талдычат, что главное – одолеть сталинизм, а одолеть надо коммунистический тоталитаризм, выступавший с 1929 по 1953 в форме сталинизма, а потом, до 1985, - «реального социализма». Эти формы различаются, но обе - формы тоталитарного порядка. А даже сегодня сталинизм в любой миг готов воскреснуть в полную силу, хотя хозяйство он погубит еще быстрее.

Отсутствие политического опыта мешает понять смысл либерализма и демократии, которым страны Запада обязаны мощным развитием и лучшей жизнью. Демократия – это не просто смягчение власти, присущее уже либерализму, но нечто большее. Общество состоит из разных классов и слоев, противоборства и противодействия которых нередко ведут к гражданским войнам и государственному террору, ломающим общество и тормозящим развитие. А демократия – открывает выход из тупиковой ситуации вечной гражданской войны и путь к повседневному мирному сосуществованию.

Демократия родилась еще до капитализма, в феодальную пору. Самым ярким ее образец - английский парламент. Разные слои общества еще не были представлены там пропорционально, голоса баронов звучали громче голосов рыцарей, а те громче голосов свободных крестьян. Но впервые все голоса, кроме зависимых крестьян, звучали легально, и явилась возможность их учитывать. Не зря этот парламент сыграл важнейшую роль в переходе от феодализма к капитализму, не зря при нем началась модернизация, родилось машинное производство, и не самая богатая в Европе, Англия обошла других, завоевала четверть планеты, и

распространила свой язык по всему свету. А когда она потеряла империю, ее не случайно заместила страна с английской правовой культурой.

Россия слишком долго отторгала демократию. Ее цари, и генеральные секретари верили, что обойдется, надеялись на мощь империи. Трагедия девяностых в том, что тогда, хоть Советский Союз и распустили, имперскую иллюзию не одолели. Вчерашний Секретарь Обкома Ельцин, начав войну в Чечне, усек демократию в России, правящая номенклатура, объявив себя элитой, по-прежнему держится за власть. И хотя ради этого пришлось изменить многие хозяйственные нормативы, суть советской власти и, прежде всего, ее полная безответственность перед людьми, жива.

Немалая часть граждан не веривших и боявшихся советской власти, не верит и боится нынешней. Но «пока гром не грянет», «народ безмолвствует», тем более, что существенные политические инициативы не допускаются. На примере Чечни России демонстрируют образец замены демократического правления военным администрированием. На поверхности квази-политической жизни колышутся две оппозиционные волны, спорящие с властью не так о сути, как о персоналиях...

«Левую» волну поднимают сторонники возрождения режима советского типа. Они разнообразны, и меж собой часто не в ладу, Это и коммунисты во главе с Зюгановым, не готовые поступиться почти ничем из прежних позиций, разве что их шовинизм стал откровеннее. Это и обновленцы, вроде Удальцова или Лимонова, создавшего национал-большевистскую партию. Лимонов, одаренный писатель, чуткий к языку, построил формулу «национал-большевики» по примеру формулы «национал-социалисты», и наверняка ощущает, что само слово «национал» в этом сочетании напоминает о нацизме, и название партии воспринимается, как «нацистско-большевистская». Он артистично сплавил два тоталитарных течения, не сразу ощутившие свою близость и не удержавшиеся от соперничества, приведшего их к трагической войне, поощрившей победителей перенимать законы побежденных. Этот калейдоскоп – от Зюганова до Лимонова – оппонирует власти не по существу. Единственно, что откровенна тяга к сталинскому советскому размаху.

Другая волна, тоже оппозиционная не по-существу, смущена, напротив, излишне откровенной симпатией былому и прямым верховенством КГБ. Она хотела бы обойтись без Путина, не скрывшего склонности к коммунистическим нравам. Ее кумир Ельцин, как раз и создавший «путинизм», был картиннее, выступал с демократическим флажком, что не помешало ему, ни затеять войну в Чечне, ни уклониться от реальных экономических реформ, способных передать собственность не сотне «олигархов», а миллионам крестьян. Показные «олигархи» на то и нужны, чтобы государству, выводя хозяйство из монополистического тупика, им ловчей манипулировать, хоть в иной форме, но в прежнем духе, а появление миллионов собственников-производителей ограничило бы манипулирование. Эта, «правая», оппозиция тоже подпирает государственное руководство хозяйством.

Многие большевики в 1917 году верили, что служат благу России, верили и многие «демократы» в 1991. Леонид Радзиховский внятно выразил веру этих псеудо-демократов: «Достаточно дать свободные цены, «разрешить» частную собственность, открыть границы, перестать вооружаться на весь мир неведомо от кого, - и можно жить, а не мучиться». Такие перемены для демократии и впрямь необходимы, но, их, увы, недостаточно, что сразу и выявилось, когда Ельцин с Гайдаром ввел свободные цены на государственные товары, а с Чубайсом завел условную частную собственность олигархов, которую, как Путин публично показал на примере Ходорковского, государство вольно при непослушании отнять.

Отвергая марксистский экономический детерминизм, якобы предопределяющий движение человечества к коммунизму, Ельцин с Гайдаром и Чубайсом, хоть и не сформулировали, но внушили России идеологию независимости экономики от социальных и политических условий, в которых она работает. Думая, что, создав «олигархов», они построили капитализм, они вторили прежней идеологии, по которой в СССР усердно строили заводы, воображая, что тем самым строят социализм. Рядясь «западниками» они в упор не видели, что экономика там успешна благодаря политическим и социальным формам, принесенным буржуазными революциями и последующими реформами. Мало сказать, что свобода лучше несвободы, хоть это правда. Но свобода подразумевает, что наемный труд лучше принудительного, конкуренция лучше монополии, независимый суд лучше доброго начальника, горизонтальная самостоятельность лучше властной вертикали, и много еще преимуществ у другого общественного строя, отнюдь не сулящего царства божия на земле, лишь возможность жить, а не мучиться, которой у большинства наших граждан нет.

Оппонировать власти надо ради изменения этой ситуации. Но наша власть самодостаточна, и замечает людей лишь когда пренебрежение их нуждами подрывает уже и ее благоденствие, до чего и дошло в восьмидесятые. А до того оппозиция может лишь постоянно протестовать против самого существования незаконной власти.

Это не значит, что исключено любое взаимодействие с ней. Всюду, где власть на деле, а не только для видимости, готова отступить от монополии и оставить самостоятельными людей, организации или общероссийские институты, взаимодействие с ней может быть плодотворно тем, что прорывает монополию чекистского сознания, воплощенного в команде при проезде первых лиц «Всем стоять!» Сама возможность не всем стоять, а все же двигаться и что-то делать, вопреки запретам омовцев, пресекающих отнюдь не абстрактные порывы к неограниченной свободе, но возможности предоставленные Конституцией, дает надежду и опору переменам, необходимым, чтобы спасти страну и людей. Первые поля этой борьбы – свобода собраний и свобода слова, та самая горбачевская гласность, которая четверть века назад рождала надежды, но была многократно пристрелена, что и двинуло Россию опять к тоталитаризму.

По его природе оппозиция ему не дозволена. Две помянутые волны, - не оппозиция, а внутренняя свара тоталитаризма. Но пора вбрасывать понятные призывы к наемному, а не принудительному, труду и его

сообразной оплате, к земле желающим на ней работать крестьянам, к конкуренции, а не монополии производства, к независимости суда, к свободе некоммерческих организаций, негосударственных институтов, местных и областных органов управления, к пресечению претензий исполнительной власти быть выше других.

Не общие слова об общем благе, а конкретные требования жизни на разный, предпочтительный каждому лад, вместо мучительства, сформируют реальную оппозицию. Конечно, они смогут осуществиться, лишь когда у власти начнет уходить почва из под ног. В девяностые, когда это случилось, демократия проиграла, доверившись псевдо-реформатскому крылу номенклатуры, приспособившемуся к неожиданным обстоятельствам. Вот и надо беречь это в памяти на будущее.

Не воробей 19.12.2010

Главное, что в России знали о слове, это что оно – не воробей. Вылетит – не поймает. Эта мудрость, пусть не лингвистическая, но историческая, дана опытом. Поэт, сказал: «Нигде не чтят стихи выше, чем у нас, – у нас за стихи расстреливают». Мы могли это говорить и вообще о слове. Отсюда и привычка держать язык за зубами. Но интернет дал по зубам и развязал языки.

В непривычные для России девяностые смешались привычные понятия, – и навязанные, и полузапретные, и крамольные, – и смыслы слов расплылись. Расплылось и значение свободы слова и свободы печати. По Конституции не стало цензуры, в сознании она скомпрометирована. Каждый убежден в праве говорить и печатать, что хочет. И если есть где, – хоть в интернете, – это прекрасно. Но пропала охота думать, а стоит ли говорить все, что можно сказать.

Беды нашей печати, да и устной речи, начинаются со смуты представлений говорящих и пишущих о предметах суждения. Интернетные отклики часто и не касаются проблем, поднятых авторами. Чаще говорят не о них, а о своем. Модераторы убирают матерные слова, но они полней выражают чувства пишущих, чем обличения текстов в том, чего и в помине нет.

Немало полемистов знает о предмете что-то, но не суть дела. К столетию смерти Толстого РПЦ уведомила, что за сто лет не нашлось оснований пересмотреть его отлучение. И дополнительно его осудила за ущерб отечеству. Одни в ответ бранят церковь, другие защищают, но не обсуждают, с чего она давний грех вспомнила и размазывает. Реабилитировать Толстого смешно. Коммунистическая партия казненных ею вождей реабилитировала, но не воскресила. Реабилитация не вернет Толстого в лоно церкви. Он от нее отошел, его раздумья о боге вели к тому, чтобы стал российским Лютером, и биографам стоит уточнить, почему не стал, не прилепил тезисы к вратам Успенского собора. Но не менее важно понять, почему православная церковь тогда спешила с отлучением и держится за него поныне.

А для этого надо войти в положение церкви, что мирянам трудно, а не порвавшим с ней духовным лицам, еще трудней. Петр сделал церковь идеологическим отделом государственного аппарата, и она официально копировала глухоту аппарата и царей к нараставшему протесту населения. Толстой, и как публицист, и как автор «Воскресенья», после которого и был в 1901 году отлучен, выступал против дурного социального порядка. Но и в церкви были недовольные ее ролью и желавшие созвать Поместный Собор, первый с XVII века, в чем царь даже в 1906 отказал.

Собор собрался лишь в конце августа 1917, за два с небольшим месяца до захвата власти большевиками, что радикально изменило его возможности, значение и следствия его конкретных шагов. Возрождение патриаршества, внушенное тягой к независимости церкви от государства и царя, при советской власти послужило сергианству, закрепило покорность церкви советскому государству с его ленинской верой в диктатуру партии, то есть, светской церкви.

У церкви, уже и формально изменившей порядку принятые в 1917-18 годах, и занявшей положение, немногим, кроме наличия покладистого Патриарха, отличное от 1901 года, нет причин мириться с Толстым. Там ведь отлично понимают, что Лев Николаевич, говоря о «непротавлении злу насиллем», имел в виду отнюдь не отказ от сопротивления злу, как учила в школах советская власть, а как раз наоборот, неуклонное сопротивление злу всеми средствами. Кроме насилия. Не может церковь, обслуживающая власть, с этим примириться. Усмешку вызывает разве что болтовня, будто разойдясь с церковью он перестал быть христианином, а РПЦ вроде, тем временем, признала, что на свете есть и другие христианские церкви. И нынешний патриарх, долго ведавший внешними сношениями, в этом не последний человек. Но внутри России РПЦ не сдает монополию на христианство, а не один Толстой понимал его по-иному, есть и другие течения, высокомерно именуемые сектами, словно христианская церковь сама родилась не как секта иудейской, почему и чтит Ветхий Завет.

Так или иначе, на родине все еще клеймят самого, пожалуй, крупного русского человека всех времен, повлиявшего на человечество не только великим художественным гением, но и практикой своих учеников, боровшихся против зла всеми средствами, кроме насилия, как Мохандас Ганди в одном полушарии и Мартин Лютер Кинг в другом. И свободу слова, клеймящего писателя, нет нужды ограничивать, - жизнь покойника вне опасности. Беда не в том, что нельзя заткнуть злобные рты, - а в том, что другим не раскрыть рта, что общество, лишенное общественной жизни, не в состоянии публично оценить это глумление церкви над великим человеком и великими ценностями, им открытыми.

Но не в церкви тут главное зло. Она лишь символизировала религию при большевистской власти, и без колебаний делает это на службе новой, продлившей нравы старой. Ее силы и время уходят на повседневные сергианские и традиционные никонианские заботы, где тут озираться на Иисуса из Назарета. Где тут отлучить тех, кто убивал в Дубровке и Беслане невинных, чтобы не упустить виновных. Своим молчанием церковь утверждает, что это, в отличие от Толстого, не противоречит

Христу, хоть на самом деле противоречит прямым образом. Но чего ждать от официальной церкви, когда уже и миряне не ощущают, что Толстым нельзя поступиться. А его защитить проще, чем убрать Путина с его Медведевым.

Обретая свободу, наше общество, увы, деформируется не меньше, чем ее теряя. Тычась в государственное беззаконие ждут не законности, а другого беззакония, на другой лад. Хотят отмены статьи 282 УК, которая карает

Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды

1. Действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, унижение национального достоинства, а равно пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, если эти деяния совершены публично или с использованием средств массовой информации.....

2. Те же деяния, совершенные:

а) с применением насилия или с угрозой его применения;

б) лицом с использованием своего служебного положения;

в) организованной группой.....

Этой статьей суды и правящая ими исполнительная власть, если надо кого-то упечь, обильно злоупотребляют, числя все, что хотят, возбуждением расовой, национальной или религиозной вражды. Злоупотребления опираются на безразмерные формулировки. Если во второй части 282 оговорены хотя бы отягощающие условия, то в первой, предусматривающей не намного меньшее наказание, даже непонятно, что именно законодатель понимает под возбуждением вражды. А в нашем ксенофобском обществе сама по себе шовинистическая лексика столь же распространена, как матерная речь. И то и другое, понятно, отвратительно, и может и должно быть предметом общественного порицания, в особо тяжких случаях даже штрафа. Но абсурдно держать за брань, матерную и даже шовинистическую, от двух до четырех лет в заключении, как велит первая часть. Напиши законодатель, не «действия направленные...», а «призывы к убийству, насилию и дискриминации», возможность обернуть статью против неповинных в таких призывах как-то бы уменьшилась. Хотя наши суды и по точно сформулированным статьям судят невиновных, и не так страшны формулировки, как качество суда. Исправить 282 или 282 прим, карающую за экстремизм, вообще, никак не определенный, конечно, необходимо, но одновременно исправляя суд и судопроизводство.

А борцов за свободу пропаганды нетерпимости отсутствие независимого суда беспокоит куда меньше, чем статья 282. И браня ее, они хотят ее не исправить, а отменить. В Живом журнале я прочел: «Эта норма права мешает свободному выражению и развитию народной культуры, народного менталитета» и подчеркнуто, сколь важна культуре

возможность звать других «хохлами», «мойшами» и прочими кличками такого рода. Вот оно, оказывается, как! Защищать свободу ксенофобии часто побуждают не так злоупотребления власти и пороки УК, как нехватка достаточного простора религиозной нетерпимости и шовинизму.

Но и борьба за свободу «культурного» погрома еще не крайняя позиция. Уже открыто говорят, что и призывы убивать не должны быть наказуемы, что виновен только убийца, но ни в чем не виновен подстрекатель. И невиновен, конечно, заказчик. Эти свобододолюбцы как бы не замечают, что их позиция в точности повторяет позицию российских силовых органов. Наказать конкретных убийц те иногда согласны, но прямых подстрекателей и заказчиков, организаторов убийств, - ни в коем случае. И все чаще приходится обнаруживать в такой свобододолюбии новое беззаконие, трактующее свободу, как большевики в России, национал-социалисты в Германии, фашисты в Италии, - как неограниченную свободу для себя, своей партии, своего фюрера. А может, подсадные утки нарочно марают свободу, чтобы власть, ее попирающая, смотрелась защитницей от шовинизма и, вообще, от худшего.

Общество не заглядывает за слова, не различает их социальное содержание. Говорят, свобода предполагает свободу действий, что правильно, но не любые действия общество может терпеть. Доверять власти ограничивать людей, конечно, опасно, у нее возникает рефлекс своей всегдашней правоты, претензия выдавать разрешения лишь на безусловно, - на ее взгляд, - правильное. Это глушит открытые силы общества, но не мешает злодействам и подлостям совершаться под спудом, как в советское время. При тоталитарной власти, чтобы жить, приходится то и дело просить разрешения и учитывать предупреждения.

Но нормальному обществу не нужен спрос у власти на каждый шаг. Человек свободен, лишь несет ответственность за нарушения своих обязательств и правонарушения. Признать имевшими место те или другие должна не исполнительная власть, верховодящая у нас, а независимый суд. Он может судить за разглашение государственной тайны, но лишь тех, кто дал обязательство ее хранить. Суд над Игорем Сутягиным был преступным уже потому, что Сутягин не имел допуска, то есть, таких обязательств не давал.

Многие правонарушения, посягательства на жизнь, свободу, собственность и т.п. оговорены законами, и при всех расхождениях и спорах по конкретным поводам о несправедливости тех или иных законов и приговоров, нужду в поддержании правового порядка и ответственности, куда речь о действиях, признают почти все, кроме анархистов. Сложнее со словом. Его нередко неправоммерно уподобляют действию и пытаются схожим образом регулировать. Но слово гораздо реже наносит реальный ущерб другим, и ответственность здесь возникает реже, но не то что никогда.

К тому же, в сфере словесной, умственной, художественной, духовной, однозначные оценки не всегда возможны. Люди не столь целостны, как ярлыки на них наклепанные, и не сводятся к отдельным своим проявлениям. Потому и надлежит спокойно воспринимать инакомыслие,

даже ужасномыслие. Не все люди, увы, доброжелательны, честны, терпимы, чужды предвзятостей и предрассудков, особенно на религиозной, национальной и социальной почве. Советский Союз изобиловал антисемитами и русофобами, немало их и сегодня, ксенофобия даже возросла, уже ненавидят тех, кого в СССР еще терпели. Разумеется этой нетерпимости необходимо противостоять, но не впадая в азарт всеобщей зачистки, как в советские годы. России нужно по возможности спокойно оглядеться, и людям в ходе споров, а не допросов, разобраться с вздором, который набился в головы за советские годы да уже и после них.

Но одно проявление свободы слова и печати в нашей стране не должно совершаться безответственно. Это призывы к убийству, к насилию. Их безнаказанность обозначает границу нравственного и безнравственного, хоть нам упорно внушают, что граница размыта. У нас она особенно отчетлива уже потому, что сама наша власть установлена насильственно, и одни насильники выступают преемниками других, бьют дубинами по головам, и открыто призывают к этому. А призывы к насилию, выступает с ними власть или частные лица, одинаково преступны. Законность бывает всеобщей лишь касаясь всех в отношениях других и каждого к другому.

Власть нельзя считать заведомо правой оттого, что она власть, как ведется у нас. Она тоже должна свою правоту доказать. Точно так же и ее противники. Но доказывать некому. В России нет независимого суда, суд подчинен исполнительной власти. Это предопределило отношения меж властью и ее противниками, даже только ее критиками. Но и ни у кого из нас монополии на истину нет, и никто не свободен от ответственности за призывы к непоправимым преступным действиям, и, прежде всего, к убийствам. Недаром защитники оскорбительных кличек, то есть права на открытый шовинизм, и свободы подстрекательства к убийствам. требуют не исправления, а отмены 282 статьи, вполне отвечающей статьям 19.2 и 29.2 Конституции, но недостаточно конкретной для Уголовного Кодекса. А сторонников ее исправления, а не отмены, открывающей простор агрессивному шовинизму, именуют пособниками власти, придавая этим власти вид противницы шовинизма.

На политическом поле люди различают своих и чужих, и отвлекаются от различия меж правдой и пренебрежением ею. А эти различия не всегда совпадают. Многие цели и средства радикалов отвращают либералов. А есть и близкие цели, порой для одних конечные, для других лишь временные, переходящие потом даже в противоположные. Но смешно отказываться от борьбы за желанную цель оттого, что у кого-то, тоже к ней стремящегося, есть свой дальний расчет. А многие искренние либералы уклоняются, скажем, от борьбы за свободу собраний, остроумную форму которой нашел радикал Лимонов, в другом вызывающий справедливую критику. Но общая защита свободы собраний не мешает открыто обозначать расхождения. Высокоцитируемая Людмила Алексеева признала за властью противоречащее Конституции право ограничивать число присутствующих на собрании. А никак не демократ, да еще и сквернослов, Лимонов в этом пункте от Конституции не отступил, и при всей симпатии Алексеевой, правда на его стороне, и поддержать Алексееву, значит отдать эту правду Лимонову в монопольное владение.

Схожая коллизия и с неограниченной свободой действий. Ее сторонники кличут тех, кто не приветствует переоборудование запаркованных милицейских машин, коллаборационистами, как именовали во время войны сотрудничавших с оккупантами. А в этом легче заподозрить активистов неспровоцированного насилия, - таким насилием они внушают, что против власти выступают насильники, и этим обеляют насилие власти над ее мирными противниками.

Ненасильственная критика власти нередко обличает ее, глубже, чем насильственная, и когда такую критику бранят, вспоминаешь кампании, которые коммунисты на местах, и особенно советская печать вели против Ганди и Мартина Лютера Кинга, именуя их соответственно прислужниками империалистов, врагами Индии, тогда британской колонии, и чернокожих жителей США, еще ограниченных тогда в правах. Ныне очевидно, что именно эти люди сыграли важнейшие роли в изменении положения. Но сторонники насилия не только сами применяют насилие, но хотят исключить иные возможности.

Призрак революции, засеченный в Европе в середине XIX века, а в начале XX перебравшийся в Россию, у нас еще гальванизируют. Но даже Ленин, создавший для возбуждения революции инициативную партию особого склада, на словах признавал, что революции совершаются, когда «верхи не могут, а низы не хотят». Наши верхи еще могут, и пока нефть и газ в цене, а техника устаревших заводов не разом трещит, еще смогут. «Низы» это сознают, память у них крепкая, и они умеряют хотения, терпят, до неизбежного при такой системе мгновения, когда верхи не смогут, как не могли в последние годы Сталина, потому и готовившего новый «Большой террор», и в поздние годы Брежнева. Хрущев и Горбачев избавляли систему от балласта, и спихнувшие их Брежнев и Ельцин продлили ей жизнь. Но она нежизнеспособна и все равно недомогает. Потому и сеет слухи, что свобода лучше несвободы, а в тандеме трения, и есть надежда....

Инициативное насилие, когда «верхи еще могут», даже при удаче послужит лишь перехвату власти и, что ни держи перехватчики в головах, создаст лишь новый режим того же типа. А нужна смена режима, насильственного на мирный. Первый выбор за властью – готова она на всамделишные реформы или применит против недовольных насилие, вызывая ответное насилие, революцию. И Ганди, и Кинг были убиты реакционерами, но власти не пошли у террористов на поводу. На последнее в России надеяться трудно, и выбирать придется каждому из нас, определяя свои предпочтения в свободном слове и свободной печати, когда они есть.

Потому и важно, чтобы за нас не выбирали другие, и каждый мог говорить и публиковать, что хочет. Закрытым порядком не определить, где правда. Свободное слово – не декламация, оно предполагает ответ, поддержку, возражение, спор, оговорки. Но призывы к убийству и дискриминации преступны, и за них надо отвечать. Не истреблять воробьев, как в Китае при культурной революции, пусть все птицы летят, где хотят, и звучит любой свист. Но замена коршуна ястребом ни соловья, ни канарейку, ни лебедя, не спасает.

Не обязательно быть абсолютным толстовцем, при прямом насилии оборона - не грех. Иное дело инициативное насилие. Порой, опершись на массовое недовольство оно, как 25 Октября 1917, побеждает, но лишь заменяет прежнее самодержавие новым. Порой, как 1 марта 1881, действует, не учитывая массового настроения, и тормозит, хоть не быстрые, но плодотворные преобразования, на которые самодержавию пришлось идти, а этим невольно возвращает его к прежним нравам. Такую поддержку и ныне, возможно, тоже того не желая, оказывают власти иные ее декларативные противники, и в частности, борцы за свободную проповедь насилия. Но покамест нынешняя власть не откажется от абсолютизма и не пойдет на реальные, а не Триумфальные, компромиссы с обществом, против нее, как против очевидного зла, надлежит бороться всеми средствами. Кроме инициативного насилия.